

С.М.КИРОВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И РЕЧИ

(1912-1934)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 5 7

ПРОСТОТА ПРАВОВ

Статья в газете «Терек»

Удивительная простота нравов наблюдается в нашей политической жизни! Разительные примеры этому дает на днях организовавшаяся новая Государственная дума. Выяснилось окончательно, что в четвертой Думе неизбежно господство черных, и притом черных весьма определенного тона, тона Пуришкевичей и Замысловских. Создается положение трагикомическое вполне. В самом деле, мы так привыкли думать, что Россия в потенции хранит неисчерпаемый источник культурных сил и богатств, и вдруг на спине ее взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеет «резиной». А ведь принято предполагать, что в парламенте собирается цвет всей страны, гордость ее.

Глядя на наш четвертый парламент, очень легко уподобиться тому оттоману, который, посетив французскую палату депутатов, воскликнул:

— Благодарю Аллаха, избавившего мою родину от столь губительного испытания!..

Трагизм России заключается в том, что она в политическом отношении переросла анекдотического турка. Ей уже не к лицу славословить страны, в которых «слава богу, нет парламента».

И тем не менее ей приходится «гордиться» народным представительством, в котором паяцы вроде Пуришкевича играют роль посланников народа. Страна должна принимать законы из рук людей, достойных, быть может, какого

угодно звания, но только не звания народных представителей.

Усиленные старания добиться во что бы то ни стало парламента совершенно послушного привели к тому, что и сами любители послушания, глядя на «молодых» депутатов, конфузятся.

Невольно возникает вопрос: что же делать с таким административным «отбором» граждан российских? Как работать с такой палатой депутатов, в которой большинство исповедует только одно ретроградство? Казалось бы, что на все эти вопросы тщетно искать ответа, вопросы неразрешимы. Оказывается, нет! Можно и такой парламент приспособить, и он прекрасно будет работать. Ведь можно же было вовремя остановить хлынувших в Думу пастырей.

В первую очередь решено обратить серьезное внимание на депутатов-чиновников. Предлагается депутатам, бывшим чиновникам и исповедующим «правую» религию, переменить политическое исповедание и перейти к националистам. Ввиду того что карьера бывшего депутата третьей Думы Гололобова, уехавшего из Таврического дворца на пост полтавского вице-губернатора, у всех еще в памяти, можно надеяться, что «чиновников» в четвертой Думе окажется гораздо больше, чем ожидают. Памятуя о своей дальнейшей карьере, многие депутаты охотно примут предложение пересест к Балашову и Крупенскому¹ в надежде, что такое их послушание занесется в депутатский формуляр как знак отличия по службе.

Кроме внушения депутатам-чиновникам, проскируется, как сообщают газеты, сделать соответствующее предложение правым вообще. Предполагается выделить ретроградов и умерить реакционный пыл остальных. В результате всех этих мероприятий и предложений надеются из октябристов, националистов и правых создать нечто среднее, на которое и будет опираться совет министров.

Невероятного в этих случаях нет ничего. Всем давно известно, что наши политические деятели, сидящие на право, отличаются удивительной способностью прекра-

¹ Балашов и Крупенский — одни из наиболее реакционных депутатов III и IV Государственных дум. *Ред.*

шивать себя в случае надобности. И делают они это чрезвычайно просто. Весь этот процесс занимает ровно столько времени, сколько его потребно для того, чтобы пересест с одного кресла на другое.

Такая простота политических прав господствовала и в третьей Думе. «В зависимости от обстоятельств» там происходили очень существенные перегруппировки.

Это депутатское хамелеонство объясняется тем, что огромное большинство наших депутатов, в силу многих условий, имеют весьма отдаленное отношение к населению. Депутаты часто совершенно не связаны с пославшими их, и поэтому на всякое свое поведение они смотрят с точки зрения «как прикажете». Куда подует политический восток, в ту сторону и поворачивается большинство думских законодателей. Отсюда и делают свое заключение официальные газеты, что в четвертой Думе нет черной опасности.

С. Киров

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 3—5.*

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

*Доклад во Владикавказском Совете
рабочих и солдатских депутатов
17(4) ноября 1917 г.*

Товарищи! На меня выпала честь присутствовать от Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов на Втором Всероссийском съезде Советов — этом парламенте рабочих и крестьян. Исключительные обстоятельства, сопровождавшие созыв съезда, привлекли к нему внимание всей России. Но я категорически утверждаю, что все те сведения, все телеграммы, которыми питали нас в дни переворота, ничего общего с действительным ходом Великой революции не имеют.

Так называемое Временное правительство в тяжелые дни, переживаемые Россией, решило покинуть сердце русской революции — Петроград, изменить ему. Буржуазия всех мастей с Родзянко во главе возрадовалась этому решению, видя в гибели Галтийского флота и революционного Петрограда спасение цепной России и похороны революции. Но подлинная революционная демократия своевременно по достоинству оценила этот дьявольский замысел и решительно воспротивилась ему.

В ответ на подготовлявшуюся правительством эвакуацию Петрограда пролетариат и гарнизон столицы создали Военно-революционный комитет для обороны революционного Петрограда от внешнего врага и внутренней контрреволюции.

Военно-революционный комитет в первое время не ставил перед собой никакой иной задачи, кроме защиты Петрограда. Военно-революционный комитет был встречен ненавистью Временного правительства, конечно, не поже-

лавшего признать этот революционный орган действительной обороны столицы и страны.

Временное правительство стало травить Комитет как затею большевиков, начало всячески дискредитировать его и повело на него своими действиями форменную атаку.

Вначале Комитет не вмешивался ни в распоряжения правительства, ни в действия военного штаба.

Но когда правительство, повторяя гнусность корниловских дней, издало приказ о выводе из столицы революционного гарнизона, чтобы тем обескровить сердце революции, Комитет должен был ответить на этот вызов контрприказом, чтобы без согласия Военно-революционного комитета никакие приказы гарнизон не выполнял.

Гарнизон единодушно признал авторитет Военно-революционного комитета.

Казалось бы, правительство должно было убедиться, что на его стороне нет ни армии, ни народных масс. Но в ослеплении оно продолжало свои контрреволюционные вылазки и нападения на Военно-революционный комитет и на революцию, прибегая к физическому насилию, издав приказ о закрытии газеты «Рабочий Путь».

Военно-революционный комитет обратился к известному по февральской революции Волынскому полку с просьбой защитить гонимую печать: и весь полк как один человек вышел к типографии, вывел из нее комиссаров Временного правительства и обеспечил выход газеты.

Правительство попыталось предпринять поход вообще против партии большевиков, ввиду чего министру Кишкину были даны широкие, неограниченные полномочия.

Одновременно правительство Керенского пошло искать поддержки в «Совете Республики», но и там оно не нашло желанной помощи для своих черных замыслов, хотя даже левые группы этого парламента успокаивали Керенского заверениями о поддержке против большевиков. Таким образом, и они оказались по ту сторону революционной баррикады — заодно с Родзянками и им подобными. Сомнения быть не могло — правительство жаждало потопить в крови партию революционного пролетариата, солдат и крестьян.

Правительству подвывали не только черносотенные, но и все правосоциалистические газеты, разрисовывая

грядущие ужасы выступления большевиков, приближающейся якобы анархии и тому подобное, лицемерно забывая, кто является нападающей стороной. Распуская вздорные слухи о готовящейся Варфоломеевской ночи, эти господа изображали обороняющуюся сторону кучкой безумцев, авантюристов, жаждущих лить кровь.

Дня за два-три до открытия Съезда Советов на фабриках и заводах Петрограда стали распространяться безграмотные по содержанию прокламации, с рассказами о немецких деньгах и ужасающих качествах большевиков.

Между тем не только весь пролетариат, но и весь гарнизон был на стороне Военно-революционного комитета, в среде которого, кроме большевиков, энергично работали левые социалисты-революционеры.

Никакие провокации не могли внести замешательства в организованные ряды петроградского пролетариата, и было ясно, что если Временное правительство продолжит свой натиск, то оно встретит отпор.

Временное правительство не скрывало своих агрессивных намерений в отношении Съезда. В ночь с 23-го на 24-е, когда в Смольном институте кипела подготовительная работа к Съезду Советов, стали разводить мосты на Неве, чтобы отрезать друг от друга революционные районы, рабочих и солдат. Меч был обнажен правительством. Революционный парламент рабочих, солдат и крестьян должен был решительным ударом отвести этот меч, занесенный над головой революции, тем более что одновременно правительство издало приказ об аресте Военно-революционного комитета.

Вслед за этим роли переменялись. От обороны Совет рабочих и солдатских депутатов перешел к наступлению.

Все почувствовали, что вновь вздымаются волны революции.

Все полки столицы, весь пролетариат как один человек встали под знамя предаваемой, обреченной на заклятие правительством Керенского революции.

Все меры были приняты для того, чтобы не было лишних жертв, не было лишней крови, чтобы ни одно учреждение, жизненно необходимое для страны, не прекращало своей работы.

И все было выполнено быстро и организованно.

Какие бы части правительство не высылало против революции, все они переходили на ее сторону. Революционный гарнизон длинными вереницами шел к Смольному для защиты своих организаций. Запоздавший приказ правительства об аресте Военно-революционного комитета волею судеб стал для Петроградского гарнизона и пролетариата сигналом к восстанию.

Революционная армия решила повести дело так же, как и в февральские дни: прежде всего были захвачены почта и телеграф, телефон, Государственный банк и Экспедиция заготовления государственных бумаг. Все эти учреждения были взяты без единого выстрела. Три донских казачьих полка отказались подчиняться приказам Временного правительства, не желая положить начало гражданской войне. В трагикомическое положение попало Временное правительство: ни один воин не захотел защищать его. С очевидностью обнаружилось, что «верховный главнокомандующий» не имеет в своем распоряжении ни одного солдата. Лишь 500 юнкеров и женский батальон остались «верны» ему. Они засели в Зимнем дворце и несколько часов сопротивлялись. Они были вскоре обезоружены, и Зимний дворец взят.

Правительство арестовано и препровождено в Петропавловскую крепость, за исключением Керенского, которому удалось бежать.

Перед нами не авантюра, а огромное народное революционное движение.

Но скоро обнаружилось, что задача перекинуть революцию в глухую провинцию нелегка. Только фронт широко принял ее, и Керенский, шедший на Петроград с войсками, сопровождался частями, шедшими на защиту нового, революционного правительства. Северный фронт образовал Временный революционный комитет и предпринял шаги к демократизации армии.

С открытием Съезда прежний Центральный исполнительный комитет Советов не нашел в себе мужества выразить хотя бы приветствие революционному парламенту. Ограничившись похоронной песней, правые эсеры и меньшевики-оборонцы потянулись к выходу. Они заявили, что «в вашем натиске на буржуазные слои вы можете перешагнуть только через наши трупы».

Когда их спросили, за кого они — за Родзянко, Рябушинского и им подобных или за Революцию, — они покинули Съезд в эту историческую ночь и направились в городскую думу, где с Шингаревым, Милюковым и компанией создали новый орган, имя которому «Комитет спасения революции». И дальше мы видим вполне определенный и продуманный план создания таких органов, которые, не имея вооруженной силы, смогли бы действовать так, чтобы революция оказалась парализованной. В «Комитет спасения революции» вошли не только Родзянко, Милюков, Шингарев и прочие, но и представители железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и часть армейских комитетов фронта.

Во всех рассылавшихся на места телеграммах не было ни единого правдивого слова об Октябрьских событиях. Это дело правых эсеров и меньшевиков. Я припимаю на себя всю ответственность за это заявление.

«Комитет спасения революции» под водительством Гучковых стал плести петлю, которую хотел накинуть на шею революции. Им заявляли, что есть два пути — за нами или за Корниловым, но они определенно стали по ту сторону баррикады.

В Петрограде организованный пролетариат сумел почти избежать кровопролития и ненужной гражданской войны. В Москве случилось как раз наоборот. Все эти Родзянки и прочие успели организовать «белую» гвардию, и сейчас московские студенты и юнкера из окон богатых домов и из-за углов стреляют в спины тем, кого определенная часть населения называла дезертирами с поля брани и кто кладет теперь свою жизнь за идеалы третьей Великой русской революции. Вот тут возникает вопрос о виновниках гражданской войны.

В заключение скажу, что Съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов постарался о том, чтобы дать новому революционному правительству определенную политическую программу.

В ночь на 27 октября на заседании Съезда устами Ленина, — до того жившего в лачугах питерских рабочих, а не в Германии или Швейцарии, как «достоверно» сообщала буржуазная пресса, — была объявлена программа новой власти. На днях мы узнаем о новых декретах, выра-

жающих чаяния народных масс. Это определенная и твердая программа действия, а не пустые декларации, она является основой революционного порядка и революционной дисциплины.

Это — программа большинства Съезда, которую должен осуществить Совет Народных Комиссаров во главе с председателем товарищем Лениным. (А п л о д и с м е н т ы.)

Сегодня уже телеграмма Центрального комитета почтово-телеграфного союза не скрывает, что вся власть перешла в руки Советов. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи, вы напрасно аплодируете; выходит, что вы аплодируете слепоте этих господ: если бы победила противоположная сторона, они присоединились бы к ней. Теперь телеграммы, сообщающие о народном восстании, уже не содержат указаний на авантюру. Легкость, с которой пало Временное правительство, доказывает, что оно сидело на песке. Многие отколовшиеся от нас начинают сейчас как мухи лезть на завоевания петроградских солдат и рабочих. Они вынуждены заявить, что победили большевики, и готовы признать их правительство.

Скажу еще, что третья Великая русская революция имеет своим основным отрядом те элементы, которые задачи социализма ставят в порядок сегодняшнего дня.

Величайшая стойкость солдат и рабочих потопила не только Керенского, но и Данов с Гоцами. Вот первый вывод из уроков новой революции.

Нам нужно учесть этот опыт в отношении наших «товарищей» справа. Нам нужно запомнить, что, как бы ни развивалась революция, ее становой хребет — в революционных рабочих и крестьянских массах. Русской революции и всей русской земле предстоят новые испытания. Если русской революции суждено ограничиться пределами России, то и в этом случае ее судьбы зависят от поведения Запада. По убеждению большинства Съезда начавшаяся третья революция открывает новые перспективы в истории. Социалистический переворот теперь становится в порядок дня России и Западной Европы. Новая русская революция расшатывает устой капиталистического строя. Лозунг Второго съезда Советов о рабочем контроле есть первая брешь в этом строе.

И этим объясняются ожесточенные нападки на нас со стороны помещиков, капиталистов и «революционной демократии» в кавычках. В их устах революционные солдаты — банда промил, петроградский пролетариат — сплошь дезертиры, большевики — не только наемники германского золота, но сущие анархисты. Кстати сказать, тем, кто так говорит, не мешало бы пройти по улицам Москвы и посмотреть на горы трупов этих «дезертиров», сложивших свои головы во имя народа.

Ставится вопрос о перушимом союзе революционных рабочих и крестьян. Вы должны помнить, что все те шавки, которые будут приветствовать победителей, не постесняются ставить препятствия каждому шагу нового правительства.

Только союз пролетариата и деревенской бедноты может сокрушить не только трон Николая, но и основы буржуазного строя. Только этому союзу не страшны Родзянки, Милюковы, Дацы, Гоцы и Авксентьевы.

Итак, да здравствует Второй Всероссийский съезд Советов! Да здравствует третья Великая русская революция! (Продолжительные, шумные аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищ Рискин говорит, что он выступает от имени меньшевиков-интернационалистов. Но спрашивается: от каких таких интернационалистов говорит Рискин? Все меньшевики-интернационалисты считают восстание авантюрой. На Съезде Советов, когда Астрову, меньшевику-интернационалисту, не давали говорить, он совершенно серьезно заявил: «Разрешите сказать слово хотя одному благоразумному человеку».

Восстание поддерживают только большевики и левые эсеры. Рискин говорит о расширении базы. Большевики говорят, что революционной базой являются только пролетариат и беднейшее крестьянство. Всякий, кто зовет к дальнейшему расширению базы, — зовет в объятия буржуазии.

Настоящая революция перешагнула границы буржуазного строя. И все те, кто вне пролетариата и беднейшего

крестьянства, ясное дело, не могут быть заинтересованы в развитии революции.

Рискин говорит, что помимо крестьянства есть еще другие группы революционной демократии. Он видит их в крепких крестьянах. Так говорить — значит стремиться опереться сразу на два стула и сесть между стульями на пол.

Теперь идет борьба за власть между собственниками и несобственниками. В настоящее время власть должна перейти или к действительной революционной демократии, или к буржуазии целиком. Буржуазия откровенно требует уничтожения Советов, комитетов, союзов и тому подобных «самочинных» организаций. Мы можем опереться лишь на революционное крестьянство и пролетариат. Больше нет других сил, которые могли бы идти вместе с революцией. В революции классовая борьба достигает наивысшего напряжения. В Москве стреляют в рабочих и солдат из-за углов и из окон буржуазия и студенты вместе с юнкерами. Для буржуазии дальнейшее развитие революции неприемлемо, ибо революцией выдвигаются такие вопросы, которые подтачивают капитализм.

И в настоящее время стоят друг против друга буржуазия во всех ее видах, с одной стороны, и революционное крестьянство и пролетариат — с другой.

Тот, кто думает, что этих последних двух сил недостаточно для успеха революции, тот должен уйти от революции.

Меньшевики и правые эсеры определенно хотят распылить крестьянство и пролетариат. Даны, Либеры и Гоцы на Съезде Советов возглашали: «Да будет проклят пролетариат, который поднял восстание!»

Меньшевистская «Рабочая Газета» и эсеровские газеты писали крупными буквами: «Революция идет в пропасть!», «Предатели революции!», «Граждане, объединитесь против бонапартистов!». Призывали в газетах открыто к вооруженному выступлению против революции. И нужно себе представить состояние тех, кто был в революционном лагере, против которого объединились все — от Милюкова и Родзянки до Дана и Гоца.

Первые выстрелы были не со стороны большевиков. С места спрашивают о князе Туманове. Совершенно верно.

При аресте Туманов был отправлен под караулом в Петропавловскую крепость и оказался убитым. Но ни одна революция не обойдется без таких случаев. Без этого трудно себе представить народное движение. Большевики не будут защищать таких поступков. Но меньшевики и эсеры собирают грязную пену на гребне волны революции и из-за нее не замечают настоящей глубины революционной бури.

Повторяю, нужно крепко помнить, что мы вступили в жестокую классовую борьбу, что революция шагнула за пределы капиталистического строя и что в этой борьбе есть только две силы — буржуазия и пролетариат и революционное крестьянство. Съезд Советов определенно высказался за борьбу, за то, чтобы в классовой борьбе вырвать власть из рук буржуазии.

*Печатается по тексту книги
С. М. Кирова. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 9—16.*

ОБЪЕДИНИТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Доклад на Народном съезде Терской области
в Моздоке*

11 февраля (29 января) 1918 г.

Товарищи и граждане! Съезду угодно было по вопросу, поднятому 132 делегатами, выслушать мнение социалистического блока. Последний возложил эти обязанности на меня. Я вполне учитываю всю трудность своей задачи.

Прежде чем изложить нашу точку зрения на поднятый здесь вопрос, я должен напомнить, что мы, социалисты *разных течений*, пришли сюда на съезд вовсе не за тем, чтобы демонстрировать перед съездом свои партийные различия. Напротив, наша задача показать съезду те точки соприкосновения, которые нас объединяют, ибо мы знаем, что грозный момент, переживаемый нами, требует напряжения и объединения всех наших сил как авангарда демократии. Нам здесь нужно объединиться и создать прочный кулак, чтобы избежать нависшей опасности. Я думаю, что для нас сейчас важнее всего указать те пропасти, которые стоят на пути перед демократией нашей области и всей страны.

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения на вопрос, поднятый здесь, необходимо остановиться на другом — на характеристике текущего момента, которым живет сейчас Россия.

Несмотря на то, что мы лишены газет, мы чувствуем, что Россия переживает тяжелый момент, и нами должно руководить одно желание: спасти во что бы то ни стало завоевания революции. И если мы посмотрим на то, что делается на Руси, то для каждого из нас станет ясной

необходимость того твердого общедемократического фронта, который может спасти завоевания свободы.

Если мы в этом отношении сговоримся, то тогда легко ответим на вопрос — как мы должны относиться к тем или иным органам, выдвинутым революцией.

Как живет теперь Россия?

Революционная Россия в настоящий момент разделилась на много отдельных оазисов, почти ничем между собою не связанных. В то время как в центральной России твердо установилась Советская власть, на окраинах творится совершенно иное. В Финляндии бьют на то, чтобы оторвать ее от революционной России; на юге вся Россия разбилась на многие районы, политически ничем не связанные, ведущие между собой жестокую борьбу. Каждая область хочет жить самостоятельно: одни стремятся водворить Советскую власть, как в Петрограде, другие борются за свержение Советской власти. В последнем отношении особенно жестоко выступает тихий Дон, который теперь превратился в широкий поток человеческой крови. На Дону засели большие силы контрреволюции, которые стараются воспользоваться былой дисциплиной казачества, сию же минуту раздавить демократическое движение на Дону, а затем направить свои силы против центральной России. Страна, свыше трех лет изнемогавшая от страшной европейской войны, стоит теперь в тисках войны гражданской.

Россия разбилась на два враждебных лагеря. Одни борются за утверждение в России пародовластия, другие не останавливаются ни перед чем, чтобы набросить на свободный народ мертвую петлю. Эта контрреволюционная волна началась с первых же дней революции.

Для народа важно было удержать власть в лице Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Другая часть, буржуазия и крупные землевладельцы, если и не особенно скучают без царя, то без жандармского отделения жить не могут, и они начали борьбу с нами с первых дней революции и определенно усилили ее после того, когда буржуазии промышленной и земельной стало ясно, что трудовой народ преследует в революции цели широких экономических завоеваний. Демократия России

стремилась создать такой порядок, чтобы вся тяжесть наследия войны пала на плечи богатых. Демократия борется за мир, за землю, за рабочий контроль на производстве. Демократия считает, что земля должна безвозмездно перейти в руки народа. Однако, как бы законны ни были эти стремления демократии, они встречают ожесточенное сопротивление со стороны владельцев земли.

И буржуазия энергично занялась мобилизацией своих сил, в центре которых стал генерал Каледин.

И если вокруг Каледина группируются все враги народа, от Пуришкевича до Милюкова, то мы, чтобы должным образом встретить грозную опасность, должны выровнять революционный фронт, мобилизовав все активно-революционные социалистические силы. Мы знаем, что если победит контрреволюция, то погибнут не только большевики, но и все социалисты.

Положение в Терской области то же, что и в России. Местами господствует, худо или хорошо, Советская власть, местами царит военная диктатура, берущая за горло социалистов. И у нас, как и в России, положение крайне запуталось. Терская область разбита на несколько частей, ведущих между собой кровавые бои. И если в России широкой волной разливается гражданская война, то у нас она представляет особенно грозную опасность. Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено.

И во Владикавказе уже, где недавно боялись на общественном собрании назвать себя «ка-дэ», теперь смело называют себя сторонниками старого строя. И вот эти люди с нетерпением ждут момента, когда *разные* народности кинутся друг на друга.

Нам необходимо сказать на всю область, чтобы демократия объединилась, перестала заниматься перемыванием косточек друг другу.

Если мы этого не сделаем, то будем разбиты по частям. Если перед победным шествием народа ничто в мире не может устоять, то это при условии, что оно идет стройными рядами. Если оно идет отдельными ротами, то будет разбито.

Невольно приходится ответить на запрос социалистическому блоку 132 депутатов о нашем отношении к Совету

Народных Комиссаров. Здесь говорят, что если мы признаем власть Совета Народных Комиссаров, то все большие вопросы, в том числе и вопрос о земле, будут разрешены сами собой. Прежде чем выяснить, что такое власть Совета Народных Комиссаров, надо ответить, как создать такой порядок, при котором интересы демократии будут удовлетворяться в первую очередь. Путь к этому один — это утверждение истинного народовластия. Здесь хотят признать власть Совета Народных Комиссаров, но те товарищи, которые думают, что Совет Народных Комиссаров одним махом одним разом может водворить порядок, ошибаются. Только сама демократия Терской области может успокоить наш край, и никто другой. Не Советы, которые от нас сейчас далеко, а сама демократия, только сам народ может вывести нас из полосы анархии. Если трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то и Совет Народных Комиссаров нам не поможет. Здесь говорили, что декрет Совета Народных Комиссаров разрешил земельный вопрос. Вы ошибаетесь. Я сам принимал участие в создании земельного декрета. Там сказано, что вся земля с переходом власти к Советам переходит к народу. Но как получают землю Петр и Иван, там не сказано. Там важнейшая часть — инструкция, как делить землю — написана со слов крестьян. Сам народ должен писать себе законы, и вы сами должны работать и думать, как лучше разделить земли помещиков и свободные земли. Если сам народ не организуется, не будет сам творить законы, то декрет вам не поможет, и земли вы не разделите и вообще не получите.

До сих пор мы не жили своей жизнью. Мы жили только по милости терского, горского, войскового и других правительств. Сам народ не выделил еще народной власти. Пока этого нет — в опасности и земля и все завоевания революции. Поэтому мы думаем, что, прежде чем создавать власть, надо выковать демократии свои силы и слить их в одно.

Учитывая, что каждый день организуются черные силы, думающие в братоубийственной войне задушить все завоевания революции, мы говорим, чтобы прежде всего в каждой деревне, станице, ауле народ нашел в себе силы утвердить народоправство, создав органы народной власти.

Между Терской областью и Советом Народных Комиссаров стоит с полчищами генерал Каледин, и пока там не будут разбиты контрреволюционные полчища, с севера ждать помощи нельзя. Нам надо рассчитывать только на свои силы и задушить свою контрреволюцию. Поэтому, когда мы пришли на съезд, мы в нашем приветствии к вам призывали вас создать единый фронт. Мы хотели быть образцом для вас. Мы недавно сидели в Советах врозь, теперь стоим в одном ряду. И если в Терской области можно спасти положение, то только единым фронтом. Знайте, мы, революционная демократия, на это пошли во имя того, чтобы спасти область от кошмарного шествия гражданской войны.

Мы говорили, что пойдем на все, но не пойдем на то, чтобы вырыть между нами черную пропасть. Помните, что если легко признать и провозгласить Советскую власть, то так же легко провозгласить и другую власть, от которой будет больно всем. Если вы не пойдете единым фронтом, то мы все погибли. Нам нужно расчистить кровавую атмосферу, дать населению свободно дышать, чтобы делегаты, сидя здесь, не боялись, что в станицах их дома разрушаются. У нас условия страшнее, чем на Дону. Мы все более и более погружаемся в пасть анархии. Если мы не создадим единого фронта, то на следующем съезде создастся такое положение, что демократ не будет понимать демократа. На нас наступают. Нам «не до жиру — быть бы живу».

В блоке смотрят на власть Совета Народных Комиссаров по-разному. Но у нас есть демократическая платформа, на которую мы призываем встать весь съезд; мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян. Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих мозолистых рук, скажут: «Да здравствует Республика солдат, крестьян и рабочих!» (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Некоторые ораторы, ссылаясь на станичные наказания, призывали признать Совет Народных Комиссаров. Я не отрицал этого, я говорил, что нужна народная власть, но

заявлял, что для авторитета этой власти нужно объединение всех народов нашей области.

Здесь говорили: чтобы разбить ингушей и чеченцев, надо признать власть Совета Народных Комиссаров. Но ведь тогда завтра и ингуши соберут съезд и признают власть Совета Народных Комиссаров, чтобы разбить казаков. Вся беда в том, что казаками и горцами правили люди, чуждые интересам народа. Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти. Во имя народоправства надо отказаться от гражданской войны.

Отвечая далее на возражения ораторов, С. М. Киров подчеркивает, что демократия неизбежно приходит к признанию Советской власти.

Настал радостный момент, когда все искусственные препятствия, строившиеся врагами народа, рухнули, и народ сам говорит о своих болях и запросах души.

Делегаты разъедутся по домам и там расскажут о голосе народа. Все, что боится народоправства, уже трепещет. Если они очищают дорогу, когда мы не успели еще собраться, то это первая победа Моздокского съезда. Будут другие великие победы. Мы начинаем понимать друг друга. Мы продолжим наши работы, и я надеюсь, что тогда с нами будут истинные представители других народностей, которых кое-кто считает за извергов. Тогда в более покойной обстановке мы не предадим своих политических убеждений под угрозой оружия и признаем власть Советов. Я слышу недовольные возгласы. Но кто говорит против этого, тому остается лишь чистить винтовку, точить пашку.

Наши задачи — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти. Объединение даст нам спокойную жизнь, и мы услышим свободную песнь радостной, мирной жизни. Создайте демократический фронт, и вы победите все, что стоит перед вами! (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

С. М. Киров предлагает принять резолюцию следующего содержания:

«Обсудив вопрос в заседании 29 января о текущем политическом моменте, Терский областной съезд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контрреволюционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны и сделают все к тому, чтобы углубить ее и расширить.

Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности, и главным образом организации сельского населения без различия национальностей.

Вместе с тем безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революцией момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, объединения всех элементов страны, борющихся за Республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту Республику можно успешно побеждать контрреволюцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых интересами революционной демократии, необходимо прежде всего создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в глазах масс населения без различия сословий и национальностей.

Такая власть может быть создана только на общеобластном демократическом съезде рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский край.

Новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией, как-то: земельный вопрос, правовой, рабочий, продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и пр., проявить самую широкую инициативу в деле организации всей области».

На уменко задает вопрос: Кому будет эта власть подчиняться?

Люди так привыкли кому-либо подчиняться, что, не успев создать власть, спрашивают, кому ее подчинить.

Сейчас фактически вашу власть вы никому подчинить не можете, пока там, на Дону, царит Каледин. Часть Кавказской армии признала власть Совета Народных Комиссаров. Ей были посланы деньги, но их перехватил Каледин. Вы создайте революционную демократическую власть, и она, конечно, будет подчиняться только общенародной власти.

Резолюция ставится на голосование и принимается съездом в составе свыше 400 делегатов единогласно под гром аплодисментов на всех скамьях и многочисленной публики у входов.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 19—25.*

ЗА РЕСПУБЛИКУ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ!

*Доклад на Народном съезде Терской области
в Пятигорске 5 марта (20 февраля) 1918 г.*

Товарищи и граждане! Если на первой сессии Народного съезда в Моздоке мы говорили о том, что общероссийские условия жизни и условия жизни Терской области проходят под знаком борьбы трудового народа, то вторая сессия съезда проходит под знаком таких событий, которые должны возбудить в нас последнюю силу и волю к борьбе за осуществление наших надежд. На нашем внешнем фронте произошли события, перед лицом которых мы должны признать, что все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится Республика трудовых масс.

На нашем западном фронте началось наступление германских полчищ. Этому наступлению предшествовал длительный период мирных переговоров, на которых я не хочу останавливаться, но которые закончились тем, что германский империализм наотрез отказался признать формулу революционного мира без аннексий, т. е. без захватов и контрибуций и на основе самоопределения народов.

Германский империализм, долго наблюдавший внутреннюю жизнь России, убедился, что в самой России нет элементов, которые могли бы вернуть ее в лоно буржуазного строя. И в то время как Россия окончательно утверждала Республику рабочих, солдат и крестьян, германские полчища двинулись в глубь России и имеют намерение проникнуть к самому революционному сердцу ее — Петрограду. Я не знаю, насколько правдивы сведения, но есть

основание считать, что германские войска действительно идут на Республику Советов, и есть основание опасаться, что они не остановятся перед тем, чтобы набросить мертвую петлю на Великую российскую революцию. Германский империализм, который потерял надежду внутри России получить необходимые ему контрреволюционные силы, решил собрать свои собственные силы и выпустить кровь из российского пролетариата и идущего с ним об руку революционного крестьянства.

При таких условиях все удары контрреволюции, возможные в центральной России, сугубо угрожают и Терской области.

Поэтому, если на Моздокском съезде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты Республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить наши силы для еще большего торжества этого лозунга.

Говорят, что нам необходимо расширить базу нашей опоры. Но это, верное на первый взгляд, утверждение может быть опасным для дела революции в Терской области. Будем говорить откровенно — революционный год прошел, в сущности, для Терской области мимо. Если Терская область и улавливала до последнего времени что-либо из Великой российской революции, то больше грязную пену революционных волн, чем ее здоровое содержание. Достаточно сказать, что после каждого переворота к нам сюда попадали все те элементы, какие выбрасывались из центральной России. Достаточно примера того генерала, который слишком увлекся удушением революции и после июльских дней очутился здесь, и не рядовым лицом, а желанным гостем — ему было поручено формирование национальных полков.

Г о л о с. Половцев.

В то время, как в центральной России господствовала власть Советов, здесь царила крупная земельная буржуазия. Так, например, у нас еще существует терско-дагестанское правительство, которое считает себя живым. У нас только теперь начинают сплываться силы революционной демократии. Только 25 января, почти год после начала революции, демократия Терской области могла встретиться без посредников и заявить твердо, смело и

определенно, что она собралась не для слов, а для революционного творчества. И если это так, то лозунг защиты Республики крестьян, рабочих, казаков и горцев должен приобрести для нас еще большее значение. Надо понять, что внешнее наступление таит в себе грозную опасность потому, что оно будет встречено не без ответа внутри России. Ибо если у настоящих революционеров сейчас болеет душа и они собирают все силы для борьбы с внешним наступлением, то есть элементы, которые постараются внутри России создать условия, благоприятные для взрыва. И если мы теперь же не отметем в сторону контрреволюционные силы именно этим лозунгом, то они постараются разложить и погубить нас. Огромнейшее значение приобретает задача разделить население области на две части — имущих и неимущих — и тем дать возможность демократии осознать себя.

Вы все помните, что первым словом, какое нам пришлось услышать на Моздокском съезде, было слово война. Нам указывали на необходимость начать борьбу с теми племенами, которые создали себе такую дурную славу. Нам говорили о необходимости ударить по этим племенам так, чтобы покончить не только с абречеством, но, как говорили некоторые горячие головы, и с обоими племенами. Я хочу верить, что это говорилось только в пылу страстей.

Вокруг нас горели костры гражданской войны. Но, так или иначе, нам удалось тогда погасить эти шовинистические порывы и предотвратить пожар войны. К сожалению, полученные вчера известия говорят о новых продолжающихся вспышках гражданской войны, и опасность организованных выступлений с той и другой стороны налицо. И я не ручаюсь, что в настоящий момент, когда я говорю это, на Сунже такое организованное наступление не ведется.

Если вы признаете, что это так, что опасность в Терской области есть, то это еще более должно убедить вас в необходимости сплотиться вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев». Надо сказать откровенно, что за 12 месяцев революции были испробованы все способы устройства жизни в Терской области. И ни один из этих способов не дал положительных результатов.

Мы достигли только того, что одной ногой стоим над пропастью.

Не надо думать, что мы могли бы своими силами потушить пожар и справиться с Терской областью. Все те, которые выступали вчера с весьма решительными заявлениями, — я думаю, что в них говорит не разум, а голос политических страстей, — если бы они выслушали внимательно нашу мирную делегацию, которая вела переговоры с ингушами, они бы поняли, что между нами и ингушской демократией уже есть связующие нити. Надо только продолжить их, и мы без оружия дошли бы до разрешения всех вопросов.

Я может быть слишком подозрителен, но обратите внимание на следующее. После 25 января в области наступило успокоение. И вдруг 15-го числа, в день открытия съезда, именно 15—16 февраля, на Сунже начались бои.

После Моздокского съезда во Владикавказе бывали ингуши, и с ними ничего не случилось. Но стоило только открыться второй сессии Народного съезда, как во Владикавказе убито три ингуша. Это были не делегаты, а только сопровождавшие их. Тот, кто знает бытовые и нравственные устои туземных народностей, тот понимает, на что было рассчитано это грубое убийство. И что было бы, если бы убитыми оказались делегаты?

Черная рука работает, чтобы сорвать Народный съезд, сорвать дело единения трудящихся.

Так же работает она и в Чечне.

И не только шовинисты стоят поперек дороги революции, но стоят и те, кто еще недавно считали себя поборниками революции.

Только вчера вы слышали телеграмму из Нальчика о том, что окружной комитет не признает народной власти и заявляет о поддержке терско-дагестанского правительства в созыве им Учредительного собрания.

Все это зовет нас, товарищи, к объединению, ибо, я утверждаю, если мы не сумеем укрепиться на фундаменте единения сил трудовых народов, то наша революция в Терской области будет сорвана, будет сорван наш путь ликвидации мирным путем всех недоразумений и столкновений.

Вам будут говорить, что вот это можно делать только во всероссийском масштабе, а это — только тогда, когда во всей России будет установлено единообразие. А в это время черная рука контрреволюции будет натравливать один народ на другой, и от демократии Терской области, как организованной силы, не останется и следа.

События, которые сейчас происходят на нашем западном фронте, стоят в тесной связи с тем, что произошло на Дону.

Вы знаете, что там шла титаническая борьба революции с контрреволюцией, которая завершилась победой пролетариата. И когда пал Дон, оплот реакции, началось немецкое наступление.

Вам известно, что реакционные силы, собравшиеся на Дону, находились в какой-то связи с капиталистами наших «союзных» стран. И немедленно после падения Дона империалисты решили наступать извне на Республику рабочих, солдат и крестьян.

И вы должны понять, что с падением Дона реакционные банды передвинулись на Кубань, а оттуда перейдут на Терек.

И это должно заставить нас твердо придерживаться принятого курса. Ибо никто не сумеет доказать, — я это утверждаю, — что мы вступили на неправильный путь.

За очень короткий срок сделано уже много, когда работа шла в условиях крайне неблагоприятных. В Моздоке было сказано, что в борьбе с экономической разрухой, в борьбе с анархией Терский народный Совет должен уйти с головою в гущу сельской жизни.

И пока в каждом ауле, в каждой станице и селении не будет утверждено народовластие, — никто не имеет права сказать, что мы взяли неправильный курс. Дайте нам утвердить народоправство всюду и везде, без всякой примеси элементов, чуждых интересам народа, и тогда говорить, насколько правилен наш путь.

Те же депутаты, которые с Моздокского съезда вернулись сюда, говорят, что народная власть уже дает положительные результаты. (А п л о д и с м е н т ы.)

Характерно, что главные враги революции в Терской области, землевладельцы и князья, затрепетали после 25 января.

Кумыкские князья, которые спокойно жили вблизи Грозного даже в период власти там грозненского пролетариата, теперь совершенно растерялись.

Характерно, что все они бегут из столицы области на места, чтобы там спасти хоть что-нибудь.

Кумыкские помещики торопятся присоединить Кумыкскую плоскость к Дагестану, чтобы таким путем спасти свои земли, свое княжеское господство.

И вот, не в обиду и укор будет сказано «туземцам», их трудовые элементы при встречах с нами всегда говорят, что мы-де идем с социалистами, разделяем их взгляды и будем идти с ними рука об руку. (А плоды мы.)

Но, к сожалению, так сложна и запутана их жизнь, что на деле они этого почти не проявляют.

Когда, например, князь Капланов, потерявший доверие у всех, должен был бежать из Владикавказа, то уже через несколько недель он председательствует на окружном съезде трудовых кумыков.

И я повторяю, что если мы все не сплотимся деятельно вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», мы не только здесь все потеряем, но не окажем поддержки и тем, кто борется сейчас с опасностью извне. (А плоды мы.)

Надо сказать, что при всем росте сознания нашей демократии мы все-таки не имеем здесь настоящего революционного сознания. Ибо и сейчас еще на съезде раздаются речи, которым здесь по-настоящему не место.

Моя речь была бы неполной, если бы я не указал конкретно на схему основ организации власти. Я не хочу быть слишком смелым, но скажу, что кто непосредственным образом не обжигался о пламя гражданской войны и не задыхался в парах человеческой крови, тот невольно призывает к творчеству власти по четырехчленным и иным системам. Когда мы возвращались с Моздокского съезда, нас многие спрашивали, как мы относимся к созову местного Учредительного собрания. Нам говорили: пока вы не выясните своего отношения к этому вопросу, дело устройства области останется сомнительным.

Я скажу то, что говорил в Моздоке. Там мы признали одну простую истину, что для того, чтобы устроить жизнь в области, надо отбросить всех богов. Надо внимательно

взглянуть на почву и посмотреть, что на ней произрастает и много ли там плевел. Мы говорили, что нам надо собрать свои силы, объединить их и выявить под углом защиты интересов трудовых масс. Что же касается местного Учредительного собрания, то оно нас принципиально мало интересовало. Практически же мы знаем, что если оно будет создано, то в нем первую скрипку будут играть те, которых мы еще не успели сбросить в исторический тартар. (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Мы говорим, что готовы явиться в какое угодно Учредительное собрание, являться хоть каждый месяц, но только при одном условии: с надеждой на успех утверждать в нем народовластие. И пока наши ряды не упрочены, пока мы знаем, что этой надежды нет, — ибо как раз сторонниками скорейшего созыва Учредительного собрания являются наши враги, — пока казак не может говорить с чеченцем, а ингуш с казаком, Учредительное собрание будет для нас только ловушкой.

Я знаю, что нам будут много возражать сторонники быстрейшего созыва Учредительного собрания, но я прошу их ответить на одно обстоятельство: как прошли выборы во Всероссийское учредительное собрание? Результаты неизвестны до сих пор, и во многих местах области они не производились вовсе. Нам возражат: а как же съезд собирается аккуратно? Но разница между Народным съездом и Учредительным собранием огромна. Мы зовем сюда, на съезд, все живое, все энергичное, что таится в недрах демократии, наиболее активные элементы ее, которые явятся к нам во что бы то ни стало. Нас не пугает то, что при выборах того или иного депутата будет нарушена какая-нибудь формальность, — это пустяк. Но мы знаем, что при выборах в Учредительное собрание как раз это обилие формальностей будет играть на руку нашим врагам и погубит нас.

И я кончу так, как начал: мы готовы выполнить все формальности, мы готовы явиться куда угодно, одеться в какой угодно костюмчик, но мы сделаем это тогда, когда не будем бояться встречи с нашими врагами не только на улице, но и в парламенте.

Мы готовы расширить нашу базу, наше основание — ведь это является такой понятной истиной. Но мы

говорим, что лучше опираться на три кулака, чем на четыре, если один из них будет стараться сбросить народную власть. А такие примеры в истории всех революций бывали сколько угодно.

Если сейчас непрерывно, и день и ночь, из самого живого тела Терской области льется кровь, если расхищаются скудные богатства края, если самые цветущие места области превращаются в пустыню, то это потому, что положение мало изменилось. Хотя мы и имеем радостное явление, свидетелями которого являемся сейчас, но условия кругом нас страшно тяжелы. Я не знаю, как мы справимся с задачами, какие стоят перед нами, если соотношение сил на этом съезде не изменится. Я говорю с глубоким сожалением, что среди туземных депутатов здесь нет представителей тех народов, которых здесь называли огульно врагами порядка и мира. Я не смотрю на них так безнадежно и считаю, что революционности у них имеется достаточно. И если завтра они были бы среди нас, на девяносто процентов дело революции было бы у нас спасено.

Но даже теперь я утверждаю, что, если на Сунже и Тереке льются струи человеческой крови и ведется организованная или неорганизованная война, — там победителей не будет, там будут только побежденные. Когда я говорил, что на Дону льются потоки крови и что там победит революционная демократия, вы аплодировали этому, но войне на Тереке и Сунже аплодировать не придется. Поймите, наконец, что единственный путь и для вас, казаки, и для вас, горцы, — это во что бы то ни стало, ценою каких угодно жертв протянуть друг другу братскую руку. Ибо какие бы вы жертвы при этом не приносили, они будут несравненно меньше тех жертв, какие дает война. Вот война длилась только один день — 15-го — 16-го, и уже погибло с обеих сторон сто человек. Сколько их погибнет еще? Я спрашиваю воинственных — сколько они еще потеряют?

Представители горной Чечни говорят, что там народ уже задыхается: там платят 150 рублей за 5 пудов кукурузы, там голодают, там пухнут от голода. Вот к чему привел этот способ ликвидации всех больных вопросов.

Представители казачьей фракции говорили здесь, чтобы поставить первым их вопрос о войне и мире. Товарищи казаки! Вы пропустили способ решения вашего вопроса. Для этого надо было решать все вопросы, стоящие в программе работ съезда, — вот путь, на который мы вас звали все время. И, как и в Моздоке, мы призываем вас к этому, говорим, что единственное, что нам остается, это чтобы каждому рабочему, солдату, крестьянину, трудовому казаку и трудовому горцу шире развернуть наше революционное знамя и идти с ним к братству народов.

(Оратор покидает трибуну под гром аплодисментов, переходящих в овацию.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи и граждане! Мне чрезвычайно прискорбно, что при краткости времени приходится возобновлять перед вами те основные положения, какие я выдвинул в своем докладе. Но, к глубокому моему сожалению, все выступавшие по моему докладу — или, вернее, по части моего доклада — не усвоили основную линию доклада. Все положения возражающих сводятся к двум: одни говорили, что центр тяжести всего Киров направил в сторону казаков, другие утверждали, будто я не дал прямого ответа на вопрос о войне и мире. Мне особенно прискорбно слышать это от тех депутатов, которые были на Моздокском съезде. Я все время подчеркивал, что с нашей точки зрения мы не видим никакой разницы между демократией русской, казачьей и горской, и мы закрепили это даже в своем воззвании ко всем народам Терской области на Моздокском съезде. Я думаю, что здесь простое недоразумение. Было бы по меньшей степени странно, чтобы на демократическом съезде, в докладе представителя социалистического блока, проглядывала та пламенная вражда, которую мы призваны ликвидировать. Мы зовем всех трудящихся к объединению, и я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорят, что в этом повинны ингушский и чеченский народы, — те творят политическое преступление. (Г о л о с а: «Правильно». А п л о д и с м е н т ы.)

Но я говорил, что так же преступно считать и все казачье население враждебным по отношению к туземным народам. Я говорил о горячих головах казаков и горцев, и говорил не без основания. Тот, кто знает события в Грозном, кто читал об этом в газетах, тот помнит, вероятно, как около Назрани ингушская молодежь бросилась с винтовками на пассажиров поезда и как старики-ингуши удерживали их и спасали русских и казаков, закрывая их полами своих черкесок, своим телом. Вот горячие молодые головы ингушей. Но и среди казаков есть такие головы. В моем распоряжении имеется документ, источник которого я не хочу назвать, но который отлично известен многим казакам. В нем один казачий «военно-революционный комитет» в очень резкой, грубой и недопустимой форме от имени казаков, которые истощились и исстрадались, требует прямо покончить дело с чеченцами войною. Я этот документ привожу не потому, что хочу кого-либо скомпрометировать, но я хочу сказать казакам, что раз и навсегда надо покончить с точкой зрения огульных обвинений целого народа. И если полного осуждения достойна та фанатичная часть туземного населения, которая подбрасывает письма с требованиями принять мусульманство, если такую агитацию мы называем преступной, то как назвать те формы выражения мыслей, какие допущены в вышеуказанном документе?

И совершенно прав тот оратор, который говорил, что мы, демократия Терской области, собрались вместе почти впервые и что нам надо договориться до конца. Ибо если мы часто будем обвинять друг друга в том, в чем мы совершенно неповинны, то из этого ничего хорошего для нашего общего дела не будет. И, конечно, не нам, социалистам, вы можете говорить, что мы обвиняем какой-нибудь народ. Зачем пришли сюда представители социалистических партий? Вы можете нас обвинять в чем угодно, в каких угодно преступлениях, но в одном преступлении вы нас упрекнуть не имеете права: будто мы возлагаем всю ответственность за происходящие сейчас в области события на один народ. Это обвинение достойно тех господ, которые сидят сейчас во Владикавказе и распускают провокационные слухи о первом почине народного твор-

чества. Здесь мы имеем дело со всею объединенной демократией Терской области, и только с нею. (Аплодисменты.)

Этого заявления, я думаю, совершенно достаточно, чтобы рассеять всяческие недоразумения.

Один из ораторов говорил, что мы пришли сюда за правдой и ждем ее от новых людей — социалистов. Я готов приветствовать это искреннее желание найти правду. И тот же оратор сказал, что если эту правду мы не найдем, то мы погубим и революцию и Россию. И мы, социалисты, говорим, что необходимую для народа правду мы пришли сказать до конца. Вот для этой правды и составлена программа наших работ. И я имею смелость утверждать, что если мы не решим всех этих вопросов, то мы не доведем нашего правого народного дела до конца. Я говорю это потому, что один из ораторов сказал мне в ответ: достаточно признать власть народных комиссаров, и все будет сделано, все вопросы будут решены. Но кто решит их и кто сделает за нас? Ибо от принятия одной резолюции жизнь не устраивается, и демократия не будет чувствовать себя в лучших условиях.

Горская демократия знает, что горцы собирались не раз на всякие съезды и совещания и выносили не раз всякие прекрасные резолюции. Но что осталось от всех этих резолюций? — спрашиваю я горцев. Надо понять, наконец, что если мы сами не решим всех этих вопросов, то за нас никто их не решит. В вашей программе имеются все большие вопросы, которые мучают демократию: и вопрос о земле, и национальный вопрос, и рабочий вопрос, и т. д. И если мы теперь же не найдем общего языка вокруг этих вопросов, если мы теперь же не сумеем договориться до конца, то дело революции от этого не выиграет никак, и нам останется действительно решать все войною.

Когда я говорил об этих вопросах и о горячих головах, то это не значит, что я предлагал не обращать внимания на то, что делается на Сунже и Тереке. Это не значит, что я предлагал не предпринимать никаких мер и спокойно смотреть на то, как льется кровь наших братьев. Именно Киров говорил о необходимости принять немедленно такие меры, какие ясно бы указывали всем и каждому, что народная власть не может спокойно смотреть на то, как

ляется кровь наших братьев, поддерживающих эту власть, — будут ли то казаки или чеченцы — все равно.

Других возражений против положений, выдвинутых в моем докладе, не было. Были некоторые замечания по поводу схемы основ организации власти, но они вызваны сплошными недоразумениями, какие я постараюсь разъяснить.

Если мы на Моздокском съезде провозгласили лозунг: «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», то за это время ничего нового не произошло, что бы могло поколебать этот лозунг. Наоборот, мрачные тучи, какие сгустились над всей Россией и Терской областью, должны только упрочить этот лозунг. И пусть все те, которые не хотят признать этот лозунг, знают, что никакими учредительными сеймами, никакими иными богами они нас не соблазнят, ибо у нас есть один бог, которого мы признали на Моздокском съезде. (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

И этому богу мы верим. И уже никакими фетишами с этого пути нас сбить нельзя.

Когда я говорил о четырех кулаках, то один из казаков почему-то решил, что четвертым, нежелательным и опасным, кулаком являются казаки. Надо помнить мои слова, а я говорил, что если в нашем объединении не будет хоть одного народа, то оно никогда не будет прочным. И вот теперь, когда опасности надвигаются со всех сторон, если бы мы приняли в нашу семью тех, кто уже просится к нам, этот новый кулак был бы тою силою, которая помогла бы нам окончательно упрочить дело революции. Надо отбросить все племенные различия, надо собрать ягнят всей демократии в одну семью и ни одного волка буржуазии в эту семью не пускать, ибо в момент острой опасности этот волк может всех нас посорить. И я утверждаю, что среди чеченцев и ингушей есть непобедимое стремление быть с нами, в нашей семье. Но у них много волков, и они ходят в причудливых шкурах. И вот эти-то волки мешают чеченской и ингушской демократии слиться с нами.

Я вернусь к вопросам порядка дня съезда. Я вернусь к тому товарищу, который говорил, что достаточно признать власть народных комиссаров, а вопросов никаких решать не надо. Этот товарищ рассуждает наподобие того,

как говорит буржуазия: мы готовы отдать демократию кому угодно во власть, лишь бы она не касалась этих острых вопросов¹. И когда демократия Терской области придвинула эти вопросы вплотную к помещикам, то кумыкские князья, например, стараются присоединить Хасав-Юртовский округ к Дагестану, чтобы сохранить за собою земли и положение. И я скажу больше: враги народа готовы присоединить ту или иную область не только к Дагестану, а к какой угодно отдаленной губернии или даже государству, чтобы спасти свои земли и свое богатство. И всякий говорящий, что эти вопросы не надо решать, играет на руку тем господам, которые не хотят расставаться со своими землями и экономиями при помощи каких угодно средств.

Было бы глупо, товарищи, непроходимо глупо, если бы на рабочем съезде не говорили об устройении условий труда и рабочего быта. И вот здесь съехались люди от сохи, сельчане, и вы хотите, чтобы они не решали вопроса о земле, те вопросы, без решения которых они не могут вернуться обратно; и я знаю, что когда мы разовьем наши работы, то может быть совершенно неожиданно для многих обнаружится связь земельного вопроса с теми событиями, какие имеют место в Терской области.

И, возвращаясь опять к мрачным обстоятельствам текущего момента, я хочу напомнить заявление казаков о том, что они являются давно уже социалистами и революционерами. И если, говорил этот казак, мы раньше не умели формулировать наши убеждения, то теперь наши слова тверды и определены. И я готов приветствовать казаков за то, что их дорога и дорога честных социалистов и революционеров одинакова. Но я также приветствую слова горцев, которые они произносили на своих съездах, что пусть знают там, в России, что горцы будут не последними, с кем придется воевать всем тем, кто покушается на свободу. (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

И если мы собрались сюда не для кошунства, то наше слово должно претвориться в дело. И если мы безжалостно хотим отбросить все контрреволюционные силы, то мы должны вновь подтвердить наше единение, нашу братскую

¹ — вопросы о земле, о рабочем контроле и т. д. *Ред.*

общность, революционный, я бы сказал — священный, союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии.

(Оратор покидает трибуну под громовые аплодисменты всего съезда, которые превращаются в овацию.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 28—29.*

НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА

(К СОБЫТИЯМ НА КАВКАЗЕ)

*Статья в «Правде»
2 июля 1918 г.*

За последнее время буржуазная и лубочная печать проявляет исключительное внимание к тому, что делается на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в особенности. Из дня в день в газетах мы находим заметки, телеграммы «собственных корреспондентов» и интервью со «сведущими лицами» о событиях на северокавказском оазисе Советской власти.

Этот особенный интерес к Северному Кавказу вполне понятен. Буржуазные публицисты отлично понимают, что значит для Советской России такая житница, как Северный Кавказ, на гранях которого стоят германские полчища, вдохновляющие Краснова и Быча, и турецкие войска, так окрылившие «пламенного» «патриота» Чхенкели и компанию.

До последних дней Северный Кавказ твердо отстаивает Советскую власть и революцию, и, конечно, это причиняет писателям из буржуазных газет очень много огорчений, тем более что со стороны Быча и компании сделано все для того, чтобы набросить мертвую петлю на шею Северного Кавказа. На днях мифическое войсковое правительство Кубани, члены которого долго бродили за бандами корниловцев, заключило весьма «решительный» союзный договор с Красновым в целях борьбы с большевиками и Советской властью на Северном Кавказе. Но, увы, договор подписан, а Северный Кавказ для договорившихся недосягаем.

И вот здесь выступает обычный прием буржуазных газет — клевета. В центре России почти нет сведений о положении на Северном Кавказе, и на сцену выступают «собственные корреспонденты», клеветнические сообщения которых немало буржуазных дам повергли в ужас.

«Собственные корреспонденты» сообщают:

— В Терской области снова началась война между казачками и туземцами.

— На Тереке вновь восстали горцы, которые режут и изгоняют всех «гяуров».

В помощь «собственным корреспондентам» буржуазных газет выступают «сведущие лица», которые в интервью с писателями (например, из газеты «Наше Слово»), рассказывая о бывшем начальнике северокавказских революционных войск Автономове, с апломбом заявляют:

«Автономов высказал поддержанную всей краевой Советской властью, с Терским народным Советом во главе, мысль о необходимости прекращения гражданской войны на Донском и Кубанском фронтах.

Решено было, — продолжает измышлять «авторитетное» лицо, — обратиться к правительству Краснова, к генералу Деникину и к корниловским отрядам, оперирующим под Таганрогом, с призывом окончить распри и объединить все силы для отпора германо-турецкому нашествию на Кавказ».

Можно подумать, какие чудачки эти представители Советской власти на Тереке — они мечтают объединить свой фронт с бандами Краснова! А здесь думают, что Краснов — враг народа, и не знают, что советские власти на Северном Кавказе думают установить с красновцами альянс. По смыслу приведенного сообщения «Нашего Слова» большевики Северного Кавказа ничего не имеют против того, что Краснов расстреливает без суда и следствия не только всех большевиков, но даже лиц, в квартирах коих окажется укрывающийся большевик.

Планы авторов этих сообщений совершенно очевидны. Они хотят показать, что на Северном Кавказе растет анархия, что власть Советов там не видит иного исхода, как подать соглашательскую руку Краснову, Бычу и компании.

Лучшим разоблачением всей этой гнусной лжи и клеветы явилась бы исповедь правых эсеров и меньшевиков, работающих на Северном Кавказе. Они очень хорошо знают, что там представляет из себя Советская власть. На днях в Терской области состоялся Народный съезд, посвященный главным образом текущему политическому моменту. Съезд с негодованием заклеил всю гнусность политики закавказских «социалистов» и решил твердо защищать революцию на Тереке, призывая всех объединиться вокруг областного советского органа. Тогда правые эсеры и меньшевики, с болью в сердце переносившие Советскую власть, решили не входить ни в какие ответственные органы, а те из меньшевиков, которые не исполнили этого постановления, были исключены из партии.

Таким образом, на Тереке Советская власть не только не претерпевает колебаний, а, наоборот, она находит с каждым днем все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края.

Правда, на Терскую область, как и вообще на Северный Кавказ, производится совершенно определенный натиск и с востока и с юга, но до сего времени это вызывало только новый приток революционных сил и полное дискредитирование всех партий, зовущих через Учредительное собрание к режиму Краснова, Скоропадского и Чхенкели. И если украинское крестьянство ведет вооруженную борьбу с насильниками, если на Дону растет оппозиция против Краснова и в Грузии поднялось против Чхенкели все крестьянство, то и трудовое население Терской области, несмотря на свою отсталость в культурном и политическом отношении, все яснее и определеннее сознает, где его друзья и где враги.

В этом отношении особенного внимания заслуживает туземное население, о котором уличная печать знает ровно столько, сколько в памяти ее писателей осталось от колыбельного возраста, когда простодушные няни напевали им: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Поэтому им совершенно неизвестно и непонятно, что в Терской области и даже в Дагестане — центре горского населения — идет усиленная работа по организации народных масс и утверждению на горской территории советских органов власти. И нужно сказать, что работа эта

идет весьма успешно, несмотря на то, что отовсюду эта работа встречает много противодействий, вплоть до турецких агентов, рассеянных по Северному Кавказу.

Туземное население в большинстве своем прекрасно поняло, что только объединение трудовых масс может утвердить завоевания революции, и поэтому князья, шейхи (святые) и беки находят себе все меньше и меньше работы. Часть из них бежит в Турцию, часть просто скрывается.

Необходимо отметить также, что лозунги социализма встречаются в некоторых горских племенах весьма благоприятную почву. Дело в том, что, например, чеченцы и ингуши во всей своей истории совершенно не знали, что такое сословия, и только в самые последние десятилетия они познакомились со своей буржуазией. Поэтому идея равенства среди них прививается очень легко.

С другой стороны, и там, где современность успела провести глубокие социальные борозды, идея рабоче-крестьянской революции пускает все более и более глубокие корни. В этом отношении особенно характерно положение в Осетии.

Осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами жилали в Америке, Канаде и там подлинно испытывали капиталистическую эксплуатацию. Глубокая дифференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции. Оба эти главных условия привели к тому, что почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно выступила на борьбу с помещиками и кулаками, которые прогонялись керменистами со своих земель вооруженной силой.

Интересно отметить уровень дисциплины этой партии. В конце апреля сего года между осетинами и казаками, руководимыми контрреволюционными элементами, и ин-

гушами разыгралось вооруженное столкновение, грозившее вылиться в форму настоящей войны. Партия «Кермен» повела усиленную агитацию против этого, и Центральный комитет ее издал приказ, в силу которого никто из членов партии не должен был принимать участия в этом столкновении; и приказ был выполнен.

Само собой понятно, что дело организации населения вокруг революционных органов местами претерпевает заметные шероховатости, но в общем с момента утверждения Советской власти на Тереке почти прекратились анархические выступления темных туземных масс, которые еще так недавно, во время правительства помещиков, князей и офицерства, творили страшный террор.

Значительную эволюцию пережило и терское казачество. Всем известны отношения, существовавшие между казаками и горцами. Февральская революция только на очень короткое время сгладила традиционную вражду, воспитанную агентами самодержавия, а затем антагонизм стал быстро развиваться, и дело дошло до того, что в феврале сего года Терский край оказался накануне страшной войны между казаками и горцами. Но как раз именно в этот момент родилась новая власть в крае, провозгласившая лозунги Октябрьской революции. Это сразу вырвало почву из-под ног контрреволюционных элементов, и трудовое казачество живо откликнулось на призыв к объединению вокруг Советов.

В настоящее время в богатых станицах еще заметна оппозиция Советской власти, но малоимущее казачество идет за пей и не может, конечно, не идти.

К сожалению, место не позволяет остановиться подробнее на ходе революции на Тереке, но и приведенных фактов достаточно, чтобы развеять ту ложь и клевету, которыми враги революции стараются окружить Советский Кавказ и Терскую область особенно.

В настоящее время на Тереке идет усиленная мобилизация сил для отпора планам закавказских контрреволюционеров, возглавляемых прославленными грузинскими меньшевиками. Они думают, очевидно, повести кампанию не только против Баку, но и непосредственно против Северного Кавказа, по Военно-Грузинской дороге, в надежде на то, что путем вмешательства турецких войск им

удастся привлечь на свою сторону мусульманские массы Северного Кавказа и Дагестана. Но они, видимо, не знают, что в горских аулах уже посеяна мысль о том, что угнетение одинаково тягостно для населения, откуда бы это угнетение ни исходило: от русской власти, германской или турецкой. И на последнем Народном съезде Терской области представитель чеченцев и ингушей прекрасно выразил эту мысль. Он сказал:

— Что такое русское самодержавие, мы знаем. Знаем и «просвещенную» германскую власть на Украине. А о гнете турецкого режима мы немало слышали от наших многочисленных эмигрантов в Турции. Только рабоче-крестьянская власть, — говорит представитель горцев, — может найти поддержку в горах, которые в скором времени все придут к этому сознанию.

Кавказ дал много неожиданного. Кавказ страдает в тисках измены революции. Но Кавказ еще не сказал своего последнего слова, хотя оно на устах у всей демократии. И близок тот час, когда грузин Чхенкели в Берлине и чеченец-нефтепромышленник Чермоев в Константинополе будут говорить только от своего имени. Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода, равенство и братство, порядок Кавказа, а в его собственных руках, поднимающих знамя Советской России.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 49—54.*

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ!

*Речь на митинге, посвященном провозглашению
Венгерской Социалистической Советской Республики,
26 марта 1919 года, Астрахань*

Товарищи! Когда вы слушали краткие телеграммы о тех событиях, которые развиваются в Венгрии, когда вы слушали приветственные речи наших новых товарищей и братьев по оружию, мне хотелось крикнуть вам: «Слышите ли вы треск разрушающегося буржуазного мира?» Мне хотелось спросить: «Видите ли вы ту необъятную пропасть, над которой стоят буржуазные государства?» Товарищи, многим из вас может показаться, что все то, что совершилось в Венгрии, упало на нас как снег на голову, многим из вас события в Венгрии могут показаться неожиданными, как они кажутся присутствующим здесь гражданам Венгрии и гражданам других стран буржуазного мира. Товарищи, думающие так, глубоко заблуждаются.

Для нас, коммунистов, то, что совершилось сейчас в Венгрии, было только вопросом времени, и мне хотелось подчеркнуть это в глазах наших братьев, бывших военнопленных. Вы помните, товарищи, что еще сравнительно недавно, когда вас, закованных в оковы империализма, гнали на братоубийственную бойню, мы еще в то время говорили, насколько имели к тому возможность, что буржуазный мир, затягивая кровопролитную войну, захлебнется в крови этой бойни. Вы, сбросившие сейчас оковы империализма, идущие под знаменем революционного социализма, на основе всего своего опыта, всех своих переживаний последних лет должны были если не вполне

осознать, то во всяком случае почувствовать, что все те горести и несчастья, все опромные разрушения, которые буржуазный мир произвел на протяжении длинных четырех лет, что все это ни в коем случае не может пройти без наказания для буржуазного строя.

Вы видели, товарищи, как прогнивший до основания буржуазный мир наполнял кровью трудящихся полную чашу и подносил ее к своим жадным устам. Еще четыре года тому назад партия коммунистов говорила о том, что буржуазный мир совершенно неизбежно захлебнется в море человеческой крови, которая по его вине проливается. Мы тогда еще говорили, что это страшное состязание двух буржуазных коалиций ни в каком случае не может привести к окончательной победе той или другой стороны. Перед нами вырисовывалась только одна грядущая победа тех, кто, ослепленный буржуазией, шел на страшное кровопролитие, в которое ввергнул капитализм все страны мира.

Мы тогда говорили, что иного выхода из тех страданий, которые выпали на долю всех непосредственно захваченных войной, нет. Был только единственный выход — это революция трудящихся. Для нас, коммунистов, не подлежало ни малейшему сомнению, что вся эта страшная братоубийственная война является не чем иным, как предсмертными судорогами буржуазного строя. И весь вопрос заключался для нас в том, успеем ли мы до окончания войны сбросить буржуазные оковы и зажечь огонь пролетарской борьбы.

Весь вопрос сводился к тому, чтобы наша пропаганда идей коммунизма шла быстрее, чем развивались предсмертные судороги буржуазного мира. И вот то, что совершается сейчас, с неизбежной неуклонностью подтверждает, что оптимисты среди нас были, конечно, правы. Мы не скрываем, что еще много препятствий предстоит нам преодолеть. Мы не скрываем, что мы еще сравнительно далеки от нашей цели, что царство социализма, как бы ярко ни обрисовалось оно теперь на фоне борьбы русского и западноевропейского пролетариата, как бы ясны ни были те идеалы, в которые мы верим и во имя которых мы увлажняли кровью наши знамена, — мы знаем, что это царство еще не так близко.

Мы знаем, что впереди нас еще предстоит тяжелая и суровая борьба. Мы знаем, что в процессе этой борьбы нас ждут не одни блестящие победы, но и временные поражения. Но так или иначе, мы все же знаем, что курс на социалистическую революцию, взятый нами, — единственный и правильный, единственно возможный курс. Шестнадцать месяцев тому назад мы, которых в лучшем случае прославляли за наше безумство храбрости, и не больше, мы вышли в безбрежное море разбушевавшегося империализма почти совершенно одни. За эти шестнадцать месяцев в обстановке невероятных лишений и борьбы с буржуазным миром нас жестоко бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда наша небольшая ладья почти опрокидывалась. Мы были почти накануне гибели, но несмотря на это выдержали все испытания, и теперь мы пересели с нашей ладьи на крепкий пролетарский корабль. Мы видим теперь, что на нашем корабле находятся не только русские коммунисты, имеющие опору среди русского рабочего класса. Вы видите, что Ленин является рулевым этого корабля, и мало-помалу спереди и сзади подплывают все новые и новые смельчаки и садятся на наш пролетарский победоносный корабль. И теперь для нас несомненно, что этот корабль взял шестнадцать месяцев тому назад единственно возможный и единственно победоносный курс. Однако я еще раз повторяю, товарищи, что, как бы ни было прекрасно настоящее торжество, как бы ни был важен момент, когда к нам присоединились новые наши товарищи — венгерцы, не надо забывать, что перед нами стоят огромные задачи. Об этих задачах говорили и предыдущие товарищи. И, какие бы формы ни приняла борьба, для нас не подлежит сомнению, что не сегодня так завтра ближайшие соседи Венгрии, которые сейчас пахотятся еще под буржуазным гнетом и как будто готовы набросить петлю на молодую социалистическую республику, эти ближайшие соседи Венгрии прозреют, и наша социалистическая семья будет множиться не только с каждым днем и часом, но буквально с каждой минутой. Тем не менее мы должны твердо помнить, что наша напряженная борьба, наша энергичная пропаганда, которым так много препятствий оказывает умирающий буржуазный мир, что эта борьба и эта

пропаганда должны не только не ослабляться, а должны усиливаться с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой нашего существования. Вы должны знать, товарищи, что как бы ни прогнил этот буржуазный строй, как бы ни было безотраднo его положение, но мы сейчас находимся перед самым трудным моментом. Мы отлично понимаем, что буржуазный мир смотрит в могилу, которую он сам для себя приготовил, мы ни на минуту не сомневаемся в том, что пролетарская мощь, которую мы создали, в один прекрасный день раздавит буржуазный мир навсегда, но этот момент будет самым бурным и трудным. Этот момент будет моментом удачи и торжества при том условии, что удар будет нанесен в самое сердце буржуазного мира и если он будет нанесен усилиями пролетариата всего мира. Надо помнить, товарищи, что, как бы много ни было нас и как бы ни было мало наших непосредственных противников, за их спиной стоят культура и средства борьбы, накопленные целыми столетиями. И если в течение этих столетий миллионы и сотни миллионов людей держались в невероятном рабстве, то теперь, какие бы усовершенствования и ухищрения ни придумывались для подрыва все растущего могущества пролетариата, нужно помнить, что пролетариат всего мира уже объединяется в одну тесную семью и сможет стройными рядами войти в социалистическое отечество.

Мы должны так же неустанно, как и прежде, так же настойчиво и неусыпно продолжать вести свою пропаганду идеалов коммунизма. Вы видите, что наша пропаганда, которой буржуазный мир ставит всяческие препятствия, чтобы только заглушить наш мощный призыв, вы видите — эта пропаганда дает блестящие результаты. В настоящее время буквально нельзя указать ни одной стороны в нашей современной жизни, которую русская социалистическая революция в конечном счете не повернула бы в свою пользу. И вам, товарищи военнопленные, о жизни которых, быть может, не подозревают ваши родные, которых, быть может, уже оплакали матери и жены, вам я скажу, товарищи, что вы здесь не чужие. Перенеся невероятные лишения, испытав невероятное горе и несчастья, вы в конце концов получили непосредственную возможность приобщиться к тем светлым идейным лозун-

гам, которые написаны на этих красных знаменах, Вы видите также, что там, где буржуазное влияние особенно сильно прососалось в пролетарскую среду, там, где буржуазный мир захватывает не только силу, но и душу пролетариата, — даже и там наша социалистическая пропаганда, наше дело завоевания социализма находит свой отклик, свою собственную опору. Если вы помните, товарищи военнопленные, ваш вождь, комиссар по иностранным делам товарищ Бела Кун, научился революционной борьбе и воспринял идеи коммунизма, живя в нашем российском социалистическом отечестве.

Какое бы горе мы ни испытали, товарищи, какие бы лишения и несчастья мы ни пережили, в конечном счете мы нашли свое счастье. Еще раз повторяю вам, что, как бы ни старался издыхающий буржуазный мир воспрепятствовать нам в наших завоеваниях, какие бы преграды ни ставил, какие бы обвинения ни высказывал по нашему адресу, какие бы ужасные бури ни ожидали нас на нашем океане, — наш корабль достаточно прочно забронирован и пройдет через все препятствия.

К нам будут примыкать все новые и новые силы, и близок час, когда мы пойдем вперед, имея в своих рядах представителей уже нескольких народов. Не пройдет много времени, как в этом же зале соберутся представители всех мест, где только живет человеческая душа. Для того чтобы этот счастливый момент настал возможно скорее, нам необходимо объединиться с нашими новыми союзниками, которые не за страх, а за совесть пойдут с нами рука об руку. Пусть и они чувствуют, что нам нужно не только пополнять свои ряды, но нужно слить воедино наши сердца и души, и пусть отныне, с момента возникновения Советской власти в Венгрии, Советская Венгрия и Советская Россия будут представлять собою единое тело трудящихся, в котором будет биться единое пролетарское сердце. Только при этом условии мы действительно сможем осуществить тот союз, который нам предлагают наши новые братья, только при этом условии мы можем с новой силой поднять всеокрушающее оружие и натиском новых сил присоединить к своим рядам также тех, кто, к великому несчастью, еще придерживается союза с буржуазией и думает до сих пор, что социализм — это фантазия и что

социалистическая революция в данный момент есть не что иное, как каприз, а не неизбежный закон истории, ведущий к неизбежному крушению государства эксплуататоров и созданию нового отечества трудящихся. Итак, товарищи, да здравствует единение русских коммунистов с коммунистами венгерскими, и пусть этот новый союз явится новым залогом к тому, чтобы он на деле осуществил величайший лозунг, провозглашенный нами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». (Продолжительные рукоплескания.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 57—61.*

ПЕРВОЕ МАЯ И КОЛЧАК

*Статья в газете «Красный Воин»
1 мая 1919 года, Астрахань*

Под нависшей серьезной угрозой, направленной против России, празднуем мы ныне Первое Мая, по тем торжественнее должен быть этот день.

И это не только потому, что чувство скорби не свойственно нам, давно привыкшим смотреть в бездну суровых испытаний, — день Первого Мая для нас был и есть день итогов побед рабочего класса.

Сегодня мы — ратники великой схватки труда и капитала — ясно чувствуем, что на земле нет места, где не было бы слышно призывных песен рабочего класса. Сегодня весь обездоленный мир смотрит к солнцу, сегодня рабы капитала становятся королями вселенной и делают новый верный переход к победе.

Призывные звуки — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — несутся сегодня по всему земному шару и как торжественный благовест возвещают близость этой победы. Тот, кто сомневался в этом вчера, сегодня видит, что он был слеп. Многие, многие миллионы людей, на спинах которых держится земля, решительно и твердо заявляют свои права на собственность всего, что под луной.

И это слышат не только торжествующие близость своей победы, но и те, чей удел быть сброшенными в пропасть истории человечества.

В этом смысл и значение всемирного праздника труда; отсюда траур капитала. Рабочих России день Первого Мая застал в момент жестокой схватки с наймитом мирового

капитала — Колчаком, взявшим на себя тяжелую повинность быть последним среди побежденных.

Правда, в его руках меч, изготовленный в лучших мастерских империализма, червонцы в его «полевом казначействе» неисчислимы, но сегодня Колчак должен будет заметить, что красные знамена реют не только над рядами противника его полчищ, но и в тылу у него. И в тот момент, когда наймиты бывшего царского адмирала будут снова и снова командовать своими купленными полками, — впереди, позади их, в суровой Сибири, над теньями лучших борцов за рабочее дело, и там, в Японии, червонцы которой звенят в карманах адмиральского мундира Колчака, раздастся все тот же призывный клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Это будет последним предостережением зарвавшемуся адмиралу.

А мы здесь, перед лицом последнего испытания, соберем наши свежие полки, вдохновленные солидарностью рабочих всего мира, и в празднике труда они почерпнут новые силы и бодрость и пойдут к победе, которая не только неизбежна, но и близка.

С. Киров

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 62—63.*

В ЦАРСТВЕ ДЕНИКИНА И КОЛЧАКА

*Доклад на пленуме Астраханского Горсовета
31 мая 1919 г.*

Опыт полуторагодовой борьбы должен уже научить нас, что мы ведем борьбу действительно не на живот, а на смерть. Не забывайте, однако, что буржуазия не так уже безнадежно смотрит на свое положение, как это многие из нас думают. В Китайском море наш флот захватил пароход «Лейла», на котором ехали белогвардейские агенты.

Они старались удрать от нас и спастись, спастись не только потому, что им была дорога жизнь, но и для того, чтобы выполнить ту задачу, которая на них была возложена. У меня на руках имеется захваченный у них материал. Он воочию показывает, что если мы многому научились в практике борьбы, научились организоваться, то научились этому и наши противники.

В дневниках захваченных белогвардейцев не содержится ни единой капли веры в правоту своего дела. И, однако, если мы, уверенные в своем правом деле, не можем прийти и сдаться на милость Колчака, то белогвардейцы все же не могут сдаться нам, и борьба все разгорается. «Неуспехи наши, — пишет Деникин Колчаку, — объясняются тем, что союзники не дают нам помощи».

Командование белой армией до сих пор не удосужилось еще сказать, за какие цели оно борется. Деникин обещал в занятых областях Северного Кавказа опубликовать какую-то «декларацию», но не сделал еще ничего. Мысль об Учредительном собрании отвергнута сейчас всеми партиями.

Большевики начали на деле осуществлять идеи социализма, а не издавать мертвые бумажные «декларации». Значит, нужно дать населению что-то другое взамен коммунизма, — заявляют белогвардейцы. Но это «что-то» должно быть жизненным. И вот этого сделать они не могут... Вести борьбу добровольческой армии трудно еще потому, что у них в армии нет уверенности, что нежная дружба между Колчаком и Деникиным не кончится, как только они соединятся вместе.

Гучков дает Деникину рецепт, как спасти Россию от советского засилья. Он, рассматривая общее положение, говорит: «В одном их, большевиков, можно похвалить: они способны организовать народную оборону. Несмотря на то, что ни одно государство не признало Советской республики, она лавирует между Вильсонами, Ллойд-Джорджами и Клемансо с поразительной ловкостью». Дальше Гучков говорит, что большевики отличаются тем, что в простонародье называется «не зевай». «Пока мы раздумывали, как да что, они пользуются моментом и накладывают нам по шее». Для того чтобы спасти Россию, Гучков предлагает «обработать» наших военнопленных, находящихся еще за границей, вооружить их, и тогда они смело возьмут Петроград, затем Москву, а там уж Советская власть, прижатая к стенке, само собой разумеется, неизбежно рухнет.

В письме Деникин пишет Колчаку: «Даст бог, встретимся в Саратове и там решим вопрос о власти».

«Нам нужно надеяться только на русские силы. Англичане помогают нам снабжением, но французы противодействуют».

Как видите, если нам трудно, то не нужно забывать, что и там, в царстве Колчака и Деникина, тоже не сладко.

Если мы думаем, что в Версале союзники заключили договор дружбы, то мы в этом ошибаемся. Они не даром душат. Те местности, в которых они устраивают свой «порядок», они все прибирают к своим рукам. По сути дела они идут грабить Россию и попутно с этим душить большевиков.

Мы должны помнить, что буржуазный строй добровольно не умрет.

Отдельные трусы могут бежать с фронта, но рабочие и крестьянские массы знают свою силу, им хочется жить, и они никогда не сдадутся.

Смерть или победа! — вот наш лозунг. (Гром рукоплесканий покрывает речь С. М. Кирова.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
Документы, том I, 1936,
стр. 64—65.*

ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ЗАЩИЩАТЬ АСТРАХАНСКИЙ КРАЙ!

*Доклад на пленуме Астраханского Горсовета
17 июня 1919 г.*

Если мы взглянем на положение Астраханского края, то мы увидим, что у нас многие обременены своими чисто личными, домашними делами.

Недавно нам всем казалось, что Колчак задушит нас, и мы уже подумывали о том, как бы спасти свои советские головы. Но мы видим, что страшен черт, но милостив к нам наш советский бог. И Колчака мы погнали обратно. Колчаковцы поняли, что бороться с Советской Россией значит бороться с самими собой. В некоторых частях Красной Армии произошло недавно разложение, и Деникин, воспользовавшись этим, ударил на нас и очутился под стенами Царицына. Красный Царицын уже четвертый раз оказывается под ударом белогвардейцев.

Сейчас прекратилось движение судов по Волге. Быть может, в близком будущем Астрахани придется испытать серьезные продовольственные затруднения. Это нам будет сильно мешать в работе.

Серьезных сил у нашего противника нет. Самый сильный участок противника — это Черный Яр и Царицын. Со стороны же Лагани и низовьев Волги нам опасности никакой не предвидится. Вот в общих чертах положение нашего края.

Положение такое, что сейчас нельзя сидеть сложа руки. Мы знаем, что наша Астрахань имеет значение для всей Республики, и мы должны всеми силами и средствами защищать край.

Вы знаете, что в Советской России должна питаться не одна только Красная Армия. Мы находимся в обескровленном состоянии. Если мы проживем еще месяцы в состоянии этой экономической блокады, которая проводится сейчас, то мы очутимся в критическом положении. Мы сейчас дожигаем последние пуды угля и нефти, и отдать подступы к этим источникам жизни нам нельзя. При поддержке центральной Советской власти мы защитим наш край. Но самостоятельность должна быть и у нас самих. Все наши учреждения и организации должны видеть только одну главную цель: защиту Астраханского края. Чем меньше мы будем обращать внимания на страшные слухи и на неприятельские аэропланы, тем будет лучше для нас. Англичане способны втереть очки многим. Они говорят, что большевики хотели дать вам мир, а дали голод, а сами они разве не воюют с нами, разве они бросают нам пряники с аэропланов, а не бомбы? Англичане хотят серьезно воевать с нами. Если они не могут дать Деникину людей, то они дают ему техническое снаряжение.

В этот критический момент нам нужно собрать все свои силы и энергию. Я думаю, что мы сумеем собрать новые и новые тысячи бойцов. И если наш фронт под Царицыном поколеблется, если противнику удастся перервать Волгу, если перережут еще железную дорогу, то мы должны сказать, что положение наше будет более критическим, чем сейчас. Мы очутимся в железном кольце. Было время, когда мы сентиментальничали с генералами. Но теперь это время уже прошло. Есть приказ адмирала Колчака, который запрещает брать пленных красноармейцев.

Помните, что наша Астрахань является воротами к богатым нефтью и хлебом местам. И пусть нас пугают мощью империалисты, пусть белогвардейцы отсюда, из самой Астрахани, бегут к англичанам, — назло и наперекор всему мы не отдадим никому Астраханского края. Каждый должен проникнуться твердой революционной дисциплиной, должен иметь одну мысль: спасти Астраханский край. Нужно добиться, чтобы колеблющиеся не болтались у нас в ногах. Единственное решение, которое мы здесь сейчас вынесем, должно гласить, что мы признаем

тяжелое положение царицынских товарищей и должны помочь им. Мы должны сказать им:

— Дорогие братья! Если погибнете вы, то погибнем и мы.

Еще раз мы должны клятвенно обещать, что, прежде чем здесь мы не сложим наши головы, никакие силы — ни Деникин, ни Колчак — не возьмут Астрахани. (Гром рукоплесканий покрыл последние слова С. М. Кирова.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 66—67.*

КАЖДЫЙ ДЕНЬ И КАЖДЫЙ ЧАС НАШЕЙ БОРЬБЫ ПРИБЛИЖАЕТ МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

*Доклад на Астраханской общегородской
конференции РКП(б) о текущем моменте
28 июня 1919 г.*

Товарищи! Все, что совершается у нас в России, непосредственно связано с теми событиями, которые происходят во всем мире. Мы находимся сейчас в цепких когтях мирового империализма. Каждый партийный товарищ должен понимать и учитывать все то, что совершается сейчас в международной обстановке. Мы должны помнить, что наши бело- и желтогвардейцы, наши внутренние и внешние враги— это одно целое, общее для всей картины нашей борьбы. Если мы посмотрим на то оружие, которое имеется у белогвардейцев, то мы увидим, что у них оружие не нашего тульского или сестрорецкого производства, а с клеймами французских, английских и американских империалистов.

В то же время мы должны помнить, что каждый день и час нашей борьбы зависит от разрастающейся борьбы в мировом масштабе.

Если бы мы сейчас думали, что борьба окончится для нас неуспешно, что мы должны сдаться и сложить оружие, то это наше поражение, если бы оно на самом деле было, было бы тяжелым поражением мировой революции. Где только имеется горячий материал, мы должны раздувать искры мирового пожара для того, чтобы сделать его неугасаемым. Нам нужно создать во всех странах мира то революционное беспокойство, усмиряя которое буржуазия неизбежно погибнет сама. Вы помните, товарищи, когда мы поднимали знамя социалистической революции, мы

отнюдь не надеялись только на свои собственные силы. Мы выступили тогда только в роли застрельщиков, надеясь на то, что искры социалистической революции зажгут мир. Мы брали на себя только задачу проявления наибольшей активности. Мы готовы признать много наших ошибок в прошлом, но никто не сможет сказать, что основной курс борьбы был нами взят неправильно. Шейдеман, который считал большевиков не анархистами даже, а чуть не зверями, которым нет названия, горьким опытом убедился в том, что такое собой являет международный империализм, и недавно командировал к нам в Советскую Россию своего доверенного представителя для того, чтобы посоветоваться с «российскими головотяпами» о том, как выйти ему из того положения, в которое он попал. Раньше нас упрекали в том, что мы продаем Россию за германские сребреники. Но теперь империалистской Германии нет. Теперь есть только два борющихся лагеря: красный и желтый Интернационалы.

Если мы, молодые строители, не так хорошо владеем рулем государственного корабля, то нам это простительно. Однако из газет Колчака мы знаем, что положение у них не лучше нашего, несмотря на то, что у них в руках находятся все естественные богатства и многовековой опыт.

Экономическое положение Англии тоже нельзя назвать блестящим. Она не может сейчас, как думала раньше, произвести безболезненно демобилизацию промышленности. Ей некому сейчас сбывать продукты своего производства, и она теперь, как торгош-барышник, жалеет о том, что порвала свои сношения с Советской Россией. Все же многомиллиардные контрибуции с Германии она не получит, как не получила контрибуции и Германия с нас. Теперь нет уже ни одной страны в мире, куда бы не проникли еще бациллы большевизма. Сейчас мы уже ясно видим, что мы имеем дело не с отечественной только, а одновременно и с западноевропейской контрреволюцией. Мы знаем, что наша отечественная контрреволюция пользуется оружием союзных империалистов. Сперва союзники немного стеснялись нас. Они громогласно заявляли о том, что они не намерены вмешиваться в нашу внутреннюю жизнь. Но теперь мы видим, что союзники уже окончательно распоясались и больше с нами не намерены сте-

сняться. Япония признала Колчака для того, чтобы узаконить свой захват Дальнего Востока.

Союзники последовали примеру Японии, и Англия объявила под своим протекторатом все Закавказье, французы полезли на нас с юга, а американцы — с севера, со стороны Архангельска. Но мы знаем, что бацилла революции продолжает делать свое дело.

В Версале постановили отдать Закавказье Италии, а Англии дать взамен его какой-либо другой кусок. В Петровске теперь уже есть привезенные англичанами против нас цветные войска, и нам рано или поздно придется столкнуться с ними. Встретившись с ними, мы заставим их задуматься над тем, против кого они идут. И будем думать, что, вернувшись домой, они разнесут слово «большевик» и оно у них на родине будет самым популярным. Они знают сейчас, что их гонят воевать не против России, а против большевиков.

Мы заставим их вдуматься в это слово.

Положение наше в высшей степени серьезное. Но если нам туго сейчас, то мы должны думать о том, у кого скорей сдадут нервы. Какие бы удары буржуазия нам ни наносила, она не сможет окончательно задушить нас. Буржуазный мир слишком рано почувствовал свою близкую смерть, и он еще сильнее захотел жить. Сейчас, погибая, он борется за свое право на жизнь. А мы должны приложить все меры и направить все усилия к тому, чтобы весь мир озарило красное знамя социализма.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Кирова. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 68—70.*

МОБИЛИЗОВАТЬ ВСЮ СВОЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВОЛЮ И ЭНЕРГИЮ

*Сообщение о военном положении
Астраханского края
28 июня 1919 г.*

Я не имею возможности и права обрисовать вам до мельчайших подробностей военное положение нашего края.

Несколько недель тому назад на Южном фронте произошло то, что называется разложением. Наши войска вступили уже в пределы Северного Кавказа. Но в последнее время положение Южного фронта резко изменилось. Противник занял весь Донецкий бассейн и угрожает Харьков. На северном участке он угрожает Царицыну, соприкасаясь с правым берегом Волги. Белогвардейцы находятся на той стороне — между Царицыном и Камышином.

Мы боролись с хорошо организованным противником на востоке. Мы слишком отвлекли свое внимание от Южного фронта, и Деникин воспользовался этим. Но не пужно думать, что Астрахани грозит какая-либо непосредственная опасность.

Деникин ведет свое наступление на нас со стороны степи. Но не пужно забывать, что пройти 400 верст по сыпучим пескам степью от Кизляра не так-то легко, как бы белогвардейцы ни были хорошо вооружены и снабжены. И противник, зная это, посылает сюда просто партизанские отряды для того, чтобы отвлекать наше внимание от других важных участков фронта. Серьезного же военного значения этот поход не имеет. Из этого похода может выйти то же, что вышло из похода нашей XI армии. Белогвардейцам, однако, улыбается возможность пограбить в степи кочевое население. Мобилизуя же в свои ряды

калмыков-кочевников и других степных «инородцев», они серьезной военной силы из них не создадут.

В лучшем случае это грозное «войско» при первом же пушечном выстреле с нашей стороны разбежится по своим улусам.

Противник занимал недавно Михайловку, подходил к Васам. Там был двухдневный бой, и в результате его — у нас двое убитых и четверо раненых. Вести войну в этом районе крайне трудно. Белогвардейцы распустили слухи, что со стороны Яшкюля на нас идут тысячные полки. Но мы пустили им навстречу одну кавалерийскую часть, и по дороге до самого Яшкюля эта часть не встретила ни одного противника. Мы не владеем сейчас Каспийским морем, но дельта Волги должна быть в наших руках. Со стороны же Гурьевского фронта нам не угрожает особой опасности. Там наблюдается полное затишье. Противник провалился на севере от Царицына к Камышину, надеясь перервать Волгу с севера и юга. Сейчас положение под Царицыном нужно считать особенно серьезным. Царицын нужен Деникину не потому, что он очень интересуется городом: он старается взять Царицын, перерезать Волгу и соединиться с Колчаком. Если Деникин перережет Волгу, переправится на другой берег и перережет нам железную дорогу с Саратовом, то мы окажемся в самом безвыходном положении. Весь хлеб мы получаем сверху, оружие и снаряжение тоже оттуда, и мы можем очутиться в таком положении, что Деникин придет и заберет нас голыми руками. Но мы приняли и приписываем к избежанию этого все меры. Положение наше не настолько блестяще, чтобы можно было сесть и спокойно ковырять в носу. Когда у нас близко находится фронт, то мы забываем о нашем ближайшем тыле, и это вредно отражается на боевых операциях фронта. Имея близкий фронт, мы должны иметь твердый революционный тыл.

В заключение, товарищи, прошу вас вникнуть в серьезность положения и мобилизовать всю свою революционную волю и энергию. И мы тогда не только отгоним Деникина от Астрахани, но отодвинем весь бандитский Южный фронт далеко назад.

ЦАРИЦЫН ВЗЯТ БЕЛЫМИ, НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОПЯТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

*Доклад на пленуме Астраханского Горсовета
6 июля 1919 г.*

Товарищи! Наше сегодняшнее объединенное заседание открывается в тяжелой обстановке. Наша Астрахань объявлена на военно-осадном положении. По городу гуляет провокация обнаглевшей в своей бессильной ярости белой своры. Но вы знаете, товарищи, что Советская власть ничего не скрывает и не намерена скрывать от вас самой горькой правды.

У нас в руках есть анонимное письмо какого-то белогвардейца. В этом письме белогвардеец выражает уверенность, что в скором времени в Астрахань ворвутся белогвардейские отряды генерала Деникина, и тогда вы, мол, господа комиссары, все будете болтаться на столбах. И этот обнаглевший подлец смакует это удовольствие — видеть нас с вами повешенными.

Дни чрезвычайно тяжелых испытаний настали для всех нас. Еще не так давно здесь предупреждали вас о том, что над честной советской рекой Волгой нависли черные белогвардейские тучи. Наши опасения о том, что мы не сумеем противостоять надвигающимся бандам белогвардейцев, отчасти сбылись. Вы знаете, что пал Царицын, тот самый революционный Царицын, подступы к которому залиты кровью рабочих — верных стражей и защитников его. Пал тот красный Царицын, который четыре раза отражал бешеный натиск белогвардейцев, но на пятый раз пал...

Наступление Деникина на этот раз носило такой организованный характер, что трудно было устоять. Нужно сознаться, что противник обладал такими техническими средствами, которых у нас не было, к великому нашему сожалению, и в этом отношении перевес был на его стороне. На другом фронте пал Харьков. Вы знаете дальше, что белогвардейские банды захватили город Балашов по дороге от Камышина к центру. Белогвардейцы не останавливаются на занятых пунктах, но продвигаются дальше. И это движение имеет пока определенный успех.

Вы знаете, однако, что вслед за тем, как белогвардейцы занимали Харьков и Екатеринослав, наша Красная Армия заняла Пермь и Кунгур, а сегодня пришло уже известие о взятии Красноуфимска. И недалек уж тот час, когда нога красноармейца вступит на Урал. Приуралье богато хлебом, железом и лесами. Там мы найдем хлеб для голодающих и сырье для наших фабрик и заводов. Еще недавно союзники торжественно заявили, что единственным законным правительством России, которое они признают, является правительство «повелителя всей Сибири» Колчака. Союзники надеялись на то, что Колчак дойдет до Волги, возьмет Пензу и пойдет прямо на Москву. И союзники двинули Колчаку на помощь северными морями массу снаряжения и технической помощи. Союзники уже делили между собой карту России, но мы ударили на Колчака и этим ударом разбили не только Колчака, но и союзный империализм.

У многих из нас, однако, сейчас уже появляется сомнение в прочности Советской власти. Положение деникинского фронта для нас неблагоприятно. Очень возможно, что Деникин не остановится на своих головокружительных победах и займет, может быть, еще несколько городов. Но не нужно слишком отчаиваться и совсем уж падать духом. Вспомним недавние успехи Колчака. Колчак зарвался и на основе своих временных успехов думал уже о полном удушении Советской власти. Но мы в момент собрались с духом и дали Колчаку такой могучий удар вооруженным кулаком в грудь, что Колчак теперь кубарем катится обратно в Сибирь.

Деникин быстро сейчас продвигается вперед, но он не может прочно закрепить у себя в тылу ни экономической,

пи политической жизни. Даже на самом Северном Кавказе, который уже более полугода находится в его руках, Деникин не смог еще до сих пор организовать и наладить сколько-нибудь сносной буржуазной власти. Там еще до сих пор царствуют отдельные генералы.

Советская власть находится в тяжелом положении, но не нужно чересчур безнадежно смотреть на деникинское движение: ВЦИК обратил внимание на «казачью опасность» с юга и решил мобилизовать для борьбы с нею все силы страны.

Будем надеяться, что на Южном фронте в скором будущем будет перелом в нашу пользу.

Если Астрахань объявлена крепостным районом, то не нужно смотреть на это тревожно, считая положение наше опасным. Наше положение, наоборот, можно даже считать безопасным. Нам грозит опасность не со стороны Царицына, а со стороны Лагани. Но мы знаем уже, что на этом участке фронта наши части перешли в наступление и разбили белогвардейцев.

Запятие белыми Царицына — для нас это значит прекращение всякого сообщения по Волге. И в нашем распоряжении для сообщения с внешним миром и с центром остается одна только железная дорога. Но она по своей провозоспособности гораздо слабее Волги и поэтому сидеть сложа руки нам сейчас преступно.

Несомненно, если мы будем сидеть, невинно сложа ручки, белогвардейцы переправятся через Волгу, подойдут к Владимировке и перережут нам ту ниточку, на которой мы сейчас держимся, — железную дорогу.

Возможно, что дальше этого пункта — Владимировки — противник не пойдет, но наше положение уже будет критическим. У нас в Астрахани много разных богатств, но нет главного, без чего нет жизни, — хлеба. Запасов у нас никаких нет. Какой же выход из нашего положения? Само собой разумеется, что все меры к ликвидации дальнейшего продвижения Деникина приняты. Прилегающие к району Царицына армии делают свое дело.

Советская власть все равно опять восторжествует и не даст белобандитам возможности терзать пролетарское тело. Сейчас мы должны строго и внимательно смотреть на то, что делается у нас в тылу. Сегодня на базаре был

пущен слух, что взят не только Царицын, но и Саратов. Вы должны взять такого гражданина, сеющего подобную провокацию, и направить его по адресу — в Особый отдел. И если вам говорят успокоительно, что Царицын взят обратно, то и такого гражданина вы должны взять за шиворот и тащить по тому же адресу, ибо он такой же провокатор, как и первый. Если первый пугает нас, стараясь посеять среди нас панику и тревогу, то и второй делает свое черное дело, закрывая нам глаза на опасность и уверяя нас, что «на Шипке все спокойно». И я не знаю еще, который из этих двух провокаторов опаснее. Как у Колчака и Деникина кипит наша работа, так и наш тыл наполнен их агентами.

Белогвардейцы прислали мне анонимное письмо, что если бы Кирова и еще нескольких советских работников «убрать бы» с их дороги, то участь Астрахани была бы решена. Несомненно, они отчасти правы. Если в Астрахани устранить несколько активных советских работников, может быть торжество подлых негодяев было бы обеспечено. Крепкая работа в тылу — вот лозунг, который должен быть в сознании каждого рабочего.

Нам нужно иметь не только прочный фронт, но и в придачу ему еще и красный тыл. Тыл Деникина за нас, а здесь осадное положение дает нам все революционные права. И центральная Советская власть дает нам понять, что, заботясь о фронте, не нужно забывать и тыла. Шкурникам, сознательным и несознательным, не должно быть места в наших рядах. Занятие Астрахани будет сигналом белогвардейской расправы не с одним Кировым и коммунистами, это будет поголовная расправа со всеми рабочими, со всеми, имеющими мозолистые руки. Деникин, занимая города, дает полную волю своим разнузданным частям. У него в частях находятся всяческие отбросы из чеченцев и других отсталых горских народов Северного Кавказа.

Но пусть не радуются белогвардейские агенты, предвкушая удовольствие видеть всех нас болтающимися на столбах. Мы сами знаем, что целоваться с белогвардейцами нам не придется. Для Деникина нет других классов и сословий кроме буржуазии и пролетариата, и он не пощадит последний класс, так же как и никого, стоящего в

промежутке между этими силами. Если мы сейчас ведем разговоры, сватаемся с дезертирами из Красной Армии, то, поверьте, Деникин и Колчак этого не любят и много свататься ни с кем не будут.

Если сейчас в Астрахани наблюдается сравнительная тишина, то это нужно объяснить тем, что все малодушные и окрашенные в белый цвет попрятались по углам и отсюда начинают свою грязную провокационную работу.

Все революционное в нашем городе должно быть мобилизовано для борьбы с белыми.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 73—76.*

УНИЧТОЖИТЬ КОЛЧАКА, СДЕЛАТЬ СИБИРЬ ЧЕСТНОЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНОЙ

*Доклад на пленуме Астраханского Горсовета
20 июля 1919 г.*

Две недели уже прошло со времени нашей последней с вами беседы, товарищи.

Сегодня исполняется 21 месяц существования Советской власти. И за все это время Советская власть слышала только злобное шипение своих врагов. В каждом тяжелом для нас периоде борьбы они радовались — вот, мол, когда уже Советская власть не удержится и полетит прахом. И если обыватель с малодушной и трусливой душонкой, злобно шипящий сейчас на нас, рожден ползать и летать не может, — мы можем предоставить ему это удовольствие, с одним только условием: не мешать нам в нашей работе.

С того момента как над нами, на нашем небосклоне, грянул гром, мы крепко уже подтянулись. Мы уже намного сумели укрепить наш тыл. И этим мы можем объяснить то, что мы сейчас удерживаем Деникина и не даем ему возможности перерезывать нам железную дорогу. В нашем районе положение к лучшему не изменилось. На левом берегу Волги противнику удалось занять несколько новых пунктов. И если противнику не удалось за эти две недели далеко продвинуться вперед, то значит он не обладает несметными силами, и мы его сможем удержать и дальше. Наше положение зависит всецело от общего положения Южного фронта, и мы ясно теперь уже видим, что на Южном фронте намечается перелом и наши успехи там

удовлетворительны. На Восточном фронте наши успехи блестящи.

Наступление Колчака было стремительным когда-то, а теперь наши доблестные красные войска перешли через Урал и теснят противника в Сибирь. Мною получена телеграмма, что Красная Армия находится уже в 40 верстах от Челябинска. (А п л о д и с м е н т ы.) Даже среди уральского казачества наблюдается сейчас разложение.

За эту великую гражданскую войну сыны рабоче-крестьянской армии доказали, каким революционным огнем пылают их сердца. Перед нами есть геройский пример 2½-месячной осады города Уральска, который блестяще выдержал эту осаду.

История на протяжении всех своих веков мало знала таких страниц истинного героизма, какой проявил прославивший себя уральский гарнизон, окруженный со всех сторон хищниками капитализма. Голодный, изнемогающий, почти обреченный на смерть, потерявший связь с внешним миром, но не поддающийся ложным слухам, распускаемым белыми — будто Советская власть уже погибла всюду, — он смело прорвал железное кольцо и вышел победителем из небывалой схватки. Вот как борются те войска, которых буржуазия с презрением называет бандитами.

Мы поставили в данное время перед собою определенную задачу — уничтожить Колчака. *Не отогнать, как это было раньше, а вовсе уничтожить! Мы хотим сделать Сибирь честной Советской страной, и, чего бы нам ни стоило, мы добьемся своего.*

Время метаний с одного фронта на другой уже прошло. Мы поставили себе целью, чтобы — по крайней мере хоть в пределах Европейской России — к осени кончить гражданскую войну. Стоит нам только захотеть, и мы этого достигнем! (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Мы объявили сейчас неделю добровольного возвращения дезертиров, и к тем, которые не вернутся после того, как им объявлена милость и прощение, мы будем беспощадны.

В наших рядах нет места тунеядцам. Дезертирами следует считать не только тех, кто покинул Красную Ар-

мию, но и всех саботажников, паразитов, спекулянтов. Все это беглецы из трудовых рядов нашей Советской России. Наша республика — это укрепленный лагерь, в котором все должны трудиться на пользу общего дела. Советская власть до сих пор говорила милостивым языком со всеми дезертирами всех видов и оттенков. Но час их пробил! Наступает последняя неделя, в течение которой паразиты могут заглазить свою вину перед революцией. Дальше пощады не будет никому.

Советская власть, власть трудящихся, сумеет раз навсегда покончить с паразитами. Пролетариат заставит всех без исключения делать свое дело. Тот, кто не хочет трудиться, — вон из наших рядов! Мы будем напрягать все силы, всю нашу энергию, но мы должны шире и глубже открыть кровеносные вены буржуазии, для того чтобы скорее покончить с этим гниющим классом. Бесконечно лить кровь рабочих и крестьян мы не будем. Лучше один раз напрячь до последней возможности наши силы и раз навсегда уничтожить контрреволюцию.

Наша отечественная контрреволюция держится, как это уже давно всем известно, только на поддержке союзных империалистов. Для окончания гражданской войны мы шли перед «союзниками» на большие уступки. Но контрреволюции всего этого мало. Она хочет задушить нас совсем. И мы теперь уже не будем больше миндальничать с контрреволюцией, мы уничтожим ее. На помощь нам спешит мировой пролетариат. И дни 20 и 21 июля — это дни поддержки нас мировым пролетариатом¹. И только слепцы могут утверждать теперь, что социальной революции в Европе нет.

Продовольственное положение у нас не особенно хорошее. Но у нас есть под рукой урожай Енотаевского уезда, и мы должны использовать его. Мы не паразиты, все мы трудимся и помогаем друг другу в нашей общей работе. Если теперь крестьянину в деревне понадобится помощь, если ему будет нужно починить свои орудия, то мы немедленно пошлем туда рабочих, которые окажут

¹ 21 июля 1919 года состоялась первая после Октябрьской революции международная политическая стачка рабочих Англии, Италии, Австрии, Норвегии и отчасти Германии в защиту советских республик России и Венгрии.

поддержку своим трудовым братьям, чем они могут. Может быть, нам придется послать людей в Енотаевский уезд, где имеется много неубранного хлеба. Мы сделаем все возможное, чтобы помочь крестьянину. Если мы сами не справимся с уборкой урожая, мы сумеем мобилизовать буржуазию и заставить ее работать.

Белогвардейщина настолько живуча, что если у нее останется хоть маленький хвостик, то она вновь оживет. Белогвардейская организация живет пока как в стенах самой Астрахани, так и вне ее. Буржуазия окончательно разочаровалась в низах, т. е. в рабочих и крестьянах, и вербует себе слуг среди черных ряс и представителей золотопогонников. Нам нужно опасаться своего рода «Красной Горки»¹ и быть постоянно начеку.

В этой непреклонной стойкости в нашей борьбе мы не должны останавливаться ни перед чем. Пусть не смущают вас, товарищи рабочие, залпы, которые вы слышите за последнее время по ночам в различных частях города. Это Советская власть расправляется с участниками белогвардейского заговора, который был недавно раскрыт. Это расстреливаются те, которые уже заготовили массу яда для того, чтобы отравить ответственных советских работников и части Красной Армии. Между ними нет ни одного рабочего и крестьянина — все это представители буржуазии, которым ненавистен наш трудовой советский мир.

Но мы покажем этим предателям, как карает их рука пролетария-труженика. Мы выкинем из своих рядов сорную траву, мешающую нам заниматься мирным трудом.

Этими залпами уничтожаются только наши враги, и каждый такой выстрел приближает нас к победе.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 80—83.*

¹ Имеется в виду восстание в гарнизоне форта «Красная Горка», возникшее 13 июня 1919 г. в результате заговора контрреволюционной организации кадетов, меньшевиков и эсеров под руководством так называемого «национального центра», действовавшего по указке иностранных разведок. 16 июня восстание было подавлено советскими солдатами и моряками Балтийского флота. *Ред.*

ДЕНИКИН НА КАВКАЗЕ

*Статья в «Правде»
9 сентября 1919 г.*

Всем достаточно хорошо известны приемы генерала Деникина, коими он и его агенты восстанавливают «единую Россию». Харьков, Екатеринослав, Царицын и многие другие пункты, где деникинцы успели показать себя, — все это яркие иллюстрации борьбы за уничтожение рабочих. О жестокостях, творимых деникинскими бандами над рабочими, писалось так много, что едва ли есть необходимость что-либо добавлять. Каждый рабочий, крестьянин и красноармеец, соприкасающийся с деникинскими полчищами, хорошо знает приемы этих варваров. Но то, что творит Деникин в занятых им областях Кавказа, едва ли знают широкие слои населения. А там творится действительно нечто неопишное, и можно без всякого преувеличения сказать, что по всем областям Кавказа, «покоренным» Деникиным, непрерывно разносятся стон и плач десятков и сотен тысяч людей, лишенных в буквальном смысле слова всего, загнанных в глубокие горные ущелья, умирающих там от жестокой голодной смерти.

Как только советские войска оставили пределы Северного Кавказа, деникинские полчища обрушились на горские племена, часть которых оказала открытое гостеприимство нескольким тысячам красноармейцев, отступившим в горы.

Жестокая борьба началась между горцами и добровольческими бандами. Вначале эта борьба велась с

переменным успехом, но мало-помалу горцы истощили совершенно свои скудные боевые запасы, а добровольцы фактически имели перед собой уже почти небооруженного врага. Здесь-то и началась вакханалия. Горские аулы, особенно ингушские и чеченские, сносились добровольцами с лица земли; скот и все добро грабилось, сакли разрушались и сжигались; население, не успевшее бежать, вырезалось. Эта расправа продолжается и по сей день, и уже не только в Терской области, но и в Дагестане.

Казачьи погромы ведутся под предлогом поисков большевиков.

Вот один из многочисленных примеров расправы над горцами. Деникинские отряды были направлены в Осетию в поисках «корменистов» (партия большевиков в Осетии). Наибольшим влиянием корменисты пользовались в селении Христиановском (Терской области). Естественно, что гнев деникинских бандитов обрушился главным образом на это селение. Деникинцы окружили селение Христиановское и предъявили требование в трехчасовой срок выдать 1 миллион пудов хлеба, 500 лошадей с седлами, 500 бурок, 5 тысяч винтовок и 2 миллиона патронов. Кроме того, жители от 20 до 30 лет должны немедленно мобилизоваться, а главное — выдать 400 корменистов.

Генерал Вадбольский, руководивший бандитами, заявил, что если указанные требования не будут выполнены, то он имеет приказ от генерала Деникина «снести село Христиановское и не оставить камня на камне».

В это время оставшиеся в селе корменисты в количестве до 200 человек прорвали цепь в конном строю и ускакали кто в горы, кто в соседний Ардонский лес. В ответ селение было обстреляно с двух сторон из орудий; было выпущено до 50 снарядов.

Потом добровольцы дали приказ: «Все, кто не против нас, — выходи из селения».

Жители были выведены все до единого, от стариков до грудных детей, в количестве около 12 тысяч. Их всех расставили по шеренгам в поле между Ардоном и Христиановским, и вот тут-то началась грабительская вакханалия деникинцев. Они обирали всех; под видом обыска залезали в карманы и за пазухи, брали деньги, ценности, золото,

кинжалы, пояса в серебряной оправе — весь тот незначительный багаж, который несчастные матери, сестры и отцы захватили с собой второпях; брали шапки, шубы, куски материи, скот. Казаки сажались на глаза у владельца единственной лошади на эту лошадь и уезжали.

Несчастных жертв продержали ровно двое суток в открытом поле под дождем, больных, голодных и раздетых. Кругом плач, стон, смерть...

Наконец стоны через два дня «тронули» генерала Вадбольского, и он разрешил христиановцам ехать или идти в Ардон и другие селения.

Христиановское же было разделено по речке, протекающей по середине, на восточную и западную части. Восточную часть Вадбольский отдал на разграбление казачье-осетинским бандам, а западную — кабардинцам.

Христиановское — самое крупное селение в Осетии и даже по всей области. Энергичные и трудолюбивые христиановцы благодаря своему неустанному труду сделали его самым богатым и промышленным селением в Осетии.

Не имея земли, арендуя ее ежегодно у казаков, христиановцы имели всегда большие запасы хлеба.

Все это имущество подверглось теперь разграблению и разгрому. Тысячи голов домашнего скота, лошадей, тысячи арб и бричек, сельскохозяйственный инвентарь, мебель, постели, белье, кухонные принадлежности — все расхищено, все увезено. Тысячи арб и бричек, мобилизованных из окрестных сел и станиц, обязаны были вывозить в течение двадцати дней хлеб и имущество из двух тысяч дворов-усадеб.

Пшеницы и кукурузы было вывезено миллионы пудов.

Черные стаи добровольческой армии Деникина выворачивали дома наизнанку, выколачивали стены, снимали полы и т. д.

Были пойманы шесть керменистов, которых повесили «в наизидание живым». Нашли председателя ЦК партии «Кермен» Георгия Цагалова, который был весь исколот штыками: у него было 18 штыковых ран. Помимо этого он был так разбит, что с трудом можно было в трупе узнать человека. Так трагически погиб молодой борец за идеалы горской бедноты от руки черных убийц.

Одного кермениста — Борова — вешали в Ардоне пять раз в течение двух часов, потом был приказ не снимать трупа, а на спине его был большой аншлак с надписью: «Я — керменист».

Но всего этого им было мало.

В Ардоне был созван полковниками сход села Христиановского. И вот тут началась пытка. Всех поодиночке вызывали в особый кабинет и тут выпытывали:

— Скажи, кто в селе у вас керменист...

Если отпирается, ему грозят виселицей, которая, кстати, видна из окна...

Так добивались признания под страхом расстрела, разгрома и сожжения остатков домов; были выданы имена и фамилии 300 керменистов, членов партии и лучших работников.

Дома и уцелевшее имущество керменистов были конфискованы. На домах и на воротах, не подвергшихся еще сожжению и разгрому, были начертаны черные кресты и буква «К» (керменист). С каждого «некерменистского» дома один человек должен был по приказу идти на разбор этих 300 домов. Частью дома были разобраны, частью сожжены. Наконец, выдумали другой способ, более выгодный для карманов. Было объявлено приказом, что дома керменистов будут продаваться с торгов, причем преимущественное право купить дом имеет семья самого кермениста, т. е. заставляли выкупать свои дома, чтобы тем самым выудить последние гроши от несчастных жертв; далее право имеют родственники, затем односельчане и, наконец, посторонние.

Кроме этого, было объявлено по всем селениям всей Осетии, что, если будет где-либо обнаружен керменист, дом, в котором его найдут, будет разрушен, имущество конфисковано, а селение должно будет уплатить по 10 тысяч рублей. Вот «законы», которые пишут лакеи Ляхова, разные Хабаевы, Гутиевы и Икаевы.

Разгромив Христиановское, добровольцы главное внимание сосредоточили на горной Дигории, куда ушли керменисты и прочие не подчинившиеся добровольцам элементы. Горнодигорцы мобилизовались и решили вместе с керменистами защищать ущелье до последней возможности.

Они минировали вход в ущелье, отрядили специальные камнеметные команды, которые, за отсутствием вооружения и патронов, оказывали громадную услугу в борьбе.

Вместе с двумя ротами солдат, которые сдались им с четырьмя пулеметами, керменисты надеялись продержаться до прихода подкрепления. Но единственный тыл, который они имели, — Грузия, конечно, должна была от оказания помощи этим героям, которые жизнь, имущество, родных принесли в жертву интересам бедноты, отказаться.

Между тем, добровольческие палачи готовились к последнему штурму красной Дигории. Был задуман план окружения и наступления по всем перевалам в Дигорском ущелье.

План этот деникинцам удалось скоро привести в исполнение. Отчаянно сопротивлялись дигорцы, но, наконец, иссякли их последние силы, и озверелые деникинцы, к которым примкнули горские кулаки, офицерство и пр., продолжали то, что было ими начато в селе Христиановском.

Хватали каждого, на кого падало хотя бы какое-нибудь подозрение в сочувствии керменистам, и ставили в очередь к виселицам, которые воздвигали по всем селениям и аулам.

Так пал последний оплот Советской власти в Осетии. Дигория разорена, разбита, унижена, стерта почти с лица земли. Бедноту, которая еле-еле сводила концы с концами, в тяжелом и непосильном труде добывая кусок кукурузного чурека, раздели, разбили разбойничьи шайки золотопогонных хулиганов.

Забудет ли горская беднота все это?

Нет, никогда! Горцы глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной Армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...

С. Киров

*Печатается по тексту книги
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 94—98.*

ДВА ГОДА БОРЬБЫ И ПОБЕД

*Речь в день второй годовщины
Октябрьской революции,
7 ноября 1919 года, Астрахань*

Товарищи! Не мы одни празднуем сегодня этот праздник своей свободы. Празднует его с нами весь рабочий мир!

В Петрограде большевики смело развернули свое красное знамя борьбы против капитализма во всем мире. С этого момента великая освободительная борьба началась.

Мы получили от буржуазии Россию бедной и расхлябанной. Мы сейчас причесали ее, принарядили и сделали организованной и крепкой.

Пробовали наши враги лавировать и уходить от нас, но убеждались, что уйти от нас им никуда не удастся. Мы были большевиками и остались. Наша власть чувствует себя настолько твердой и прочной, что она уже не считается со своими врагами, если они единичны. Это она доказала тем, что выпустила сегодня из тюрем всех заключенных. Но тот, кто вышел из них, не должен попадать туда вторично. Кто зайдет туда вторично, за ним дверь будет плотнее закрыта, чем она была закрыта до сих пор. (А п л о д и с м е н т ы.)

Миндальничать нам пельзя. «Союзники» вопят о нашей жестокости, но сами же вместе с тем идут на нас войной. Они вопят, что мы расстреливаем старика Щепкина ¹

¹ Щепкин Н. — кадет, руководитель контрреволюционной организации в 1918—1919 гг. В 1919 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность. Ред.

и женщин, замешанных в контрреволюционном заговоре, но сами же устраивают против нас блокаду и морят голодом наших женщин и детей. Мы не скрываем перед рабочей массой правды. Мы говорим: дело плохо, продовольствия мы дать не можем; и рабочая масса не волнуется, как при царе и Керенском, понимая, что если Советская власть не может этого ей дать, то уж не даст больше никакая другая власть.

Мы сейчас празднуем свой праздник труда.

Один французский путешественник нашел в Лондоне в Королевской библиотеке две наших русских большевистских газеты и с ужасом вопит об этом во французских газетах: «Нахальный большевизм, мол, забрался в самый королевский дворец!». Почетное слово в мире «большевик». Я уверен, что если бы я с красной звездой в петлице, с лентой, на которой было бы написано «русский большевик», прошелся в Лондоне по улицам, я был бы самым популярным человеком в Лондоне, и даже сам Ллойд-Джордж позавидовал бы мне. (Громкие аплодисменты.)

Мы наблюдаем в Европе растерянность и ужас. Лучшие представители буржуазии теряют рассудок.

Противник наш знает и чувствует, что он должен погибнуть. Но ему умирать не хочется, и он собирает силы для последней борьбы на краю своей могилы.

Буржуазный мир слишком одряхлел и состарился. Он нас подавить не может. На это у него нет силы.

Нам впереди еще предстоят лишения, но мы их победим.

Последняя ставка международной буржуазии на Юденича и Деникина проиграна.

Деникин так же торжественно покатиł от нас обратно, как торжественно недавно еще наступал.

Посмотрите, товарищи, на эти наши два года борьбы, и вы увидите, как весь трудящийся мир ищет спасения и видит в нас освободителей, могущих привести его к этому спасению!

МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД, МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В СВОИХ РУКАХ

*Доклад на IV съезде Советов
Астраханской губернии
22 ноября 1919 г.*

Товарищи! Когда мы начинаем вспоминать о сказочном превращении нашего отечества, о котором только что говорилось, в нашей памяти воскресают картины прошедшего за эти два года. Рисуется мрачная ночь, окружавшая тогда не только Россию, но и весь земной шар, когда в воздухе, насыщенном ядовитыми парами империалистической войны, в нашем красном Петрограде взорвалась первая бомба коммунистической революции.

Дальше рисуется картина того, как сильные мира сего, представители империалистических стран, реагировали на наше выступление. Сначала они не посчитали начинающуюся революцию делом серьезным. Они рассудили так: Россия нарушила империалистический концерт, она перестала подчиняться капиталистическим законам и подняла бунт против всех царей и самого бога. Учитывая это, прежде всего они отозвали своих послов, оставив вместо них консулов. Они думали, что этого будет достаточно, чтобы напугать молодую Россию, — она опомнится и призовет к порядку разбушевавшиеся силы революции. Но когда рабоче-крестьянская Россия ударила во все свои колокола и пламя коммунистической пролетарской революции стало распространяться по всему лицу нашего отечества, они решили перестать разговаривать с Россией. И скоро консулы, остававшиеся вместо послов, выехали из Петрограда и Москвы в те места, где устраивали свои заговоры белогвардейцы.

Но это еще в большей степени ожесточило революционное сердце России. Этими действиями империалисты лишний раз подчеркнули трудящимся России и тем, которые находились у руля государственного корабля, что между нами и буржуазией нет ничего общего: именно в тот момент, когда все честное — все, у кого руки были в мозолях и душа изнывала от векового рабства, — становилось под знамя революции, — в этот момент правительства так называемых союзных стран холодно и жестоко отвернулись от нас. Это был для нас лучший агитационный козырь. Мы сумели внедрить основы советской политики и наших стремлений в умы и сердца самых отсталых слоев населения. Но так или иначе, все эти приемы империалистов не привели ни к чему: бушующие волны вздымались все выше и выше, и, наконец, мало осталось даже деревень, где бы не было отблеска начавшейся рабоче-крестьянской революции.

После того как «благородные», в буржуазном смысле этого слова, приемы удушения революции оказались безнадежными, империалистические страны решили применить исправительные приемы. Они решили поставить Россию вне своих буржуазных законов, вне человеческого общежития. Это, по их идеологии, вполне допустимо. Против нас началась не дипломатическая, а самая настоящая вооруженная империалистическая война. Я не имею возможности и времени возобновить в вашей памяти все этапы борьбы, которые прошли перед вами. Но я думаю, что у каждого из вас имеется достаточно материалов, чтобы сказать, что вся Европа хорошо продумала те планы, которые она хотела применить по отношению к России. Все необходимое для борьбы с революцией предоставлялось нашим белогвардейцам. Началась борьба не на живот, а на смерть. Первое время казалось, что борьба идет с переменным счастьем. Были минуты, когда многим казалось, что наше дело безнадежно, так как против нас восстал весь буржуазный империалистический мир. Против России объединились два смертельно враждующих лагеря, которые до этого вели между собой грабительскую войну.

Простой расчет как будто показывал, что если те страны, которые разрушили Германию и стерли с лица земли целый ряд второстепенных государств, объеди-

няются на одной мысли победить Россию во что бы то ни стало, то это дело обеспечено. Всякому человеку, который не выстрадал революцию в прошлом, казалось, что положение безнадежно.

Но, поднявши знамя борьбы, рабоче-крестьянская власть продолжала смело, неуклонно и твердо шествовать вперед. В процессе этой героической борьбы мы наблюдаем поразительные картины. Мы устанавливаем, прежде всего, на первый взгляд парадоксальные обстоятельства. Оказалось, что перед современными капиталистическими странами не может устоять ни одно буржуазное государство, которое так или иначе нарушает законы буржуазного общежития. Даже сама Германия, которая мобилизовала все свои огромные средства, все свои силы и волю на то, чтобы выйти из войны победительницей, — эта самая Германия оказалась побежденной. Но вот явилось государство почти беспомощное, которое едва сделало несколько первых шагов на своем новом пути, но оно пропитано коммунистическими идеями, — и это вооружение, этот коммунистический панцырь оказался столь надежной защитой, что вот уже в течение долгих двух лет мы успешно ведем войну на всех фронтах. И в настоящий момент не найдется здорового человека, который мог бы сказать, что наша рабоче-крестьянская власть безнадежна. Я думаю, такого человека нет не только у нас в России, но и за пределами нашего молодого коммунистического отечества. Мы все чаще и определеннее слышим о том, что Россия действительно крепнет и становится подлинно рабоче-крестьянским государством, с которым не только шутить, но и воевать невозможно.

Мы видим, далее, удивительные картины. Мы видим, что все государства Европы заключили «священный союз», чтобы из общей чаши хлебнуть крови рабочих и крестьян России. Мы видим, что этот союз заключен с тем, чтобы применить к Советской России последнее средство — международную блокаду. Они думали, что мы изнемогаем под натиском голода и нужды, они рассчитывали ударить по самым больным местам неокрепшего государственного организма и тем его задушить.

Но оказывается, что нужно было всего несколько недель после объявления этой блокады, чтобы стало понятно,

что это последнее средство было лишь последней вспышкой отчаяния мирового империализма. Об этом свидетельствуют все последние события. Оказывается, что торжественно объявленная блокада в настоящую минуту, когда мы беседуем, уже не имеет никакого веса ни в наших глазах, ни в глазах тех же европейских империалистов.

Вы читаете уже сообщение, что самый ловкий и опытный по удушению революции человек — Ллойд-Джордж — думает о том, чтобы прекратить блокаду и начать новые разговоры с Россией. «Зараза» наша настолько заполняет умы трудящихся Европы, что Ллойд-Джордж понимает — лучше создать какую-нибудь отдушину, чем последовать по пути Советской России. Не лучше ли, — говорит он, — «придумать какие-нибудь новые острова, не такие далекие, как острова Принцевы, выбрать более просвещенное место и там попробовать поговорить с Советской властью?»

Мы и прежде — совершенно искренне заявляем — хотели говорить с ними, и теперь мы не потеряем ни одной минуты, чтобы пожаловать в этот «народный» парламент. Мы поищем в забытых буржуазных сундуках фракки, сюртуки и белые перчатки, которые так необходимы для них, для этих просвещенных людей, оденем в них несколько человек, которые владеют языками «культурных» народов и которые сумеют высказать те мысли, которыми мы горим вот уже несколько лет. Вместе с ними мы можем также одеть и пару хороших рабочих и крестьян и послать их в этот самый «просвещенный» дипломатический парламент. Там мы сумеем поддержать свое достоинство, быть может, не столько в глазах Клемансо и Ллойд-Джорджа, как в глазах тех рабочих, которые достаточно осознают сейчас создавшееся положение. Я даже думаю, что, прежде чем мы сумеем встретиться с «лучшими» представителями западноевропейского общества, именно западноевропейскому пролетариату мы расскажем, зачем мы приехали в просвещенную Европу и почему мы приняли предложение приехать.

Если бы это действительно вышло так, это было бы таким же новым нашим успехом, как и то, что было в первые дни революции. Если тогда буржуазная Европа

сделала огромную ошибку, то сейчас она сделает следующую и последнюю ошибку: мы только и ждем того случая, когда нам дадут возможность изложить все наши программы, надежды и чаяния. Мы сумеем это сделать так отчетливо, ярко и определенно, что западноевропейский пролетариат после нашего, хотя и кратковременного, пребывания в этой самой Европе кое-что поймет. Такие опыты уже были. Однажды мы получили возможность провезти т. Радека в Германию, и, вероятно, вы не забыли, что получилось в результате его кратковременного пребывания там. Но откуда же такая растерянность международной буржуазии? Ответ простой: все дело в том, что в течение двух лет гражданской войны Западная Европа испробовала всю мощь империалистов для того, чтобы подавить рабоче-крестьянскую революцию. Они сделали все, чтобы задавить все живое, все жизнеспособное, что еще у нас сохранилось. Но как много они ни хлопотали, рабоче-крестьянская Россия не только теперь не умирает, но и крепнет с каждым днем.

Буржуазия проявляет огромную поспешность и торопливость. Дело доходит до того, что в Кисловодске, например, по газетным сведениям, праздновалось взятие Москвы. Со смехотворными подробностями описывалось это событие (существовавшее только в воображении журналистов), вплоть до описания выражения лица Деникина. Подобные же сведения распространяются и в Царицыне и в других городах белогвардейскими газетами.

Но наряду с этими шутками там же, в лагере белогвардейцев, совершаются вещи, которых не могут не чувствовать осязательно представители западноевропейской буржуазии. То, что происходит сейчас на Южном фронте, имеет решающее значение. Я думаю, что особенное значение этих событий заключается в том, что они как раз совпадают с тем, что совершается сейчас в Западной Европе. Рассыпаются все планы, разрушаются все надежды, которыми живут западноевропейские империалисты. Еще так недавно мы изъявили желание начать мирные переговоры с прибалтийскими государствами (когда наши дела на Южном фронте и под Петербургом еще не были достаточно надежными). Но вот атмосфера сгустилась, и эти соседние государства не пожелали с нами разговаривать;

переговоры не состоялись. Однако как только мы отбросили белогвардейцев от Петербурга, как только мы двинулись вперед по всему Южному фронту, настроения переменились. Теперь сильные мира сего рекомендуют нашим соседям вступить с нами в переговоры. Именно теперь, когда увидели, что вторая карта бита и что заменить адмирала Колчака генералом Деникиным нет никакого резона, они увидели, что с нами нужно разговаривать.

Время не ждет, и не только у нас, но и там, у них дома. Не только мы стремимся к тому, чтобы возможно скорее хотя бы несколько отдохнуть и взяться за настоящее государственное дело — дать образцы государственного строительства на новых началах, — нет, нетерпением горит и буржуазная Западная Европа.

Так каждый день, час и минута дороги им потому, что в этот самый момент у них на родине начинаются те же процессы, которые происходят у нас уже давно. Оказалось, что народ там настолько заразился нашими идеями, что когда им указывают на необходимость чинить дыры империалистических одежд, то голодные рабочие, вернувшиеся с фронта, и рабочие, остававшиеся у себя на родине, знать ничего не хотят. Оказывается, что даже те рабочие, которые еще так недавно были изрядными патриотами, переменились: вместо того чтобы наслаждаться благами своего отечества, они обращают лицо в нашу сторону и начинают выбрасывать из своей головы всю ту буржуазную политическую ерунду, которую им так долго вбивали в головы. Рабочие и даже крестьяне этих государств начинают усваивать рабоче-крестьянскую политику. И даже в Америке, несмотря на то, что Америка является образцом сильнейшего капиталистического государства, — и там рабочие выходят из повиновения. Просвещенные министры Европы напрасно старались отвлечь внимание от России. Рабочие достаточно зрячи, чтобы убедиться, что страны капитализма стоят на почве безнадежно прогнившей. И, чтобы ослабить революционные настроения своих рабочих, руководители капиталистических стран решили созвать международный съезд рабочих, на котором-де будут решаться основные вопросы, стоящие перед рабочим классом. Достаточно сказать, что одним из главных пунктов этого международного съезда рабочих является защита

беременных женщин, работающих на фабриках. Но получилась злая ирония: оказалось, что когда открылся этот «рабочий парламент» в Вашингтоне, на нем не оказалось представителей рабочих Соединенных Штатов Америки, тогда как есть представители целых 36 держав. Рабочие Америки не могут даже выбрать время явиться на съезд, они не находят времени явиться и на фабрику, которую раньше посещали так аккуратно. Оказалось, что они ведут жесточайшую забастовку и ничего не хотят слышать, кроме лозунгов, выкованных в России: «Никаких международных рабочих конгрессов, созданных по инициативе грабителей. Мы хотим настоящего, полного, «русского» вмешательства в производство. Мы желаем держать в своих руках все производство». Теперь американские рабочие говорят, что желают быть хозяевами тех недр и предприятий, которые питают все современное человечество. Вот какими настроениями живет рабочий Соединенных Штатов. Можно легко себе представить настроение буржуазии Соединенных Штатов. Положение затруднительно. И если в первое время революции мы чувствовали себя одинокими и думали, пожалуй, что нужно отодвинуть дело осуществления Советской власти за нашими рубежами еще на несколько лет вперед, то не в лучшем положении находится сейчас западноевропейская буржуазия. Она должна большую часть внимания уделить своим домашним делам, а то, может быть, случится и так, что, гоняясь за Советской Россией, не заметишь, как у тебя на родине случилось что-нибудь худое. Находящейся в затруднительном положении европейской буржуазии не остается ничего другого, как попробовать применить к нам иную политику.

Но это еще не все. Не только рабочие бунтуют. Самая «надежная» часть населения Западной Европы тоже перестает быть надежной. Крестьянство во Франции (столь мелкобуржуазное, что нам его всегда ставят в пример), которое было настолько благонадежно, что почтенные буржуа им смело могли гордиться, — среди этого крестьянства дело дошло до того, что самому Клемансо приходится очень и очень плохо. В парламенте он заявил, что больше «не желает» быть депутатом, демонстративно заявил, что «желает отдохнуть». Оказалось, что не только

рабочие не запуганы, но что и крестьяне восстановлены против него. Оказалось, что и французское крестьянство прониклось той же самой идеологией, что и наши «лапотники», и устами своих делегатов говорит примерно те же фразы, что говорили мы в Октябрьские дни. У них появились те же лозунги, что и у наших крестьян.

Точно такое же положение наблюдается и в Англии. Едва ли кому-нибудь десять лет тому назад могло прийти в голову, что та самая Англия, народ которой дисциплинирован так, как не были дисциплинированы солдаты в царской армии, впадает в то состояние, которое иначе как «анархическим», с точки зрения буржуазной, назвать нельзя.

Вот, товарищи, приблизительно, какие моменты характеризуют сейчас состояние дел в Западной Европе. Я повторяю, что если вы все сказанное мной продумаете, то по чистой совести должны сказать, что положение Клемансо и Ллойд-Джорджа тяжелое и может показаться даже безвыходным.

Если мы в минуты наших поражений все-таки гордо и высоко держим голову, если мы сохраняем свое революционное спокойствие в тяжелое время, то ведь там, товарищи, дело иное. *Мы идем вперед, мы несем священный огонь пролетарской борьбы в своих руках. Наши силы все прибавляются...* Но тот лагерь — лагерь капитализма... В нем положение такое, что все настоящее покрыто мраком. Впереди же огонь революции, кровь гражданской войны и жалкие трупы «благородных» буржуазных порядков. Все, что у них есть, — все в прошлом. Каждое движение вперед подрывает у них новые и новые опоры. Каждая неудача омрачает ум и обливает кровью буржуазное сердце. *Их мир погибает. И на смену идет новая жизнь, идут новые люди.*

То, что мы собрались на наш торжественный съезд и завтра будем творить наше трудовое рабоче-крестьянское дело, доказывает еще раз, что наше дело правое. Среди нас нет тех, кто может допустить такое сомнение хоть на минуту. Что мы взяли верный курс и стоим на правильном пути, в этом нет ни малейшего сомнения. Правильно созданная организация дает нам новые революционные силы, и творчество все больше и больше поднимает нас.

На той стороне этого нет. Там растерянность. Жалкие враги находятся в тяжелой обстановке, и мы можем, товарищи, смело, положив руку на сердце, сказать, что, быть может, рабоче-крестьянская Россия никогда еще не переживала такого счастливого и многообещающего момента, какой мы переживаем сейчас. У нас новые силы, новые горизонты и новые надежды.

Всего несколько недель тому назад противник готовился уложить в могилу нашу Красную Армию, но последние дни доставляют нам все новые и новые радости. Не успели мы взять Омск, этот центр Западной Сибири, как полчища Колчака отскочили на восток еще на 75 верст. Я думаю, что не сегодня-завтра наши части окажутся в городе Томске — в другом крупном центре Сибири. Несмотря на все старания и хлопоты международного капитала, от Колчака не остается ничего. То, что происходит на петербургском фронте, еще радостнее. Жалею, что сюда не может явиться представитель армии Юденича, чтобы рассказать, что там творится. Там было сконцентрировано все, что только могли собрать белогвардейцы. Теперь же там идут переговоры о том, чтобы как-нибудь безболезненно белая армия могла интернироваться в одном из прибалтийских государств. А если это им не удастся, то несомненно мы им «поможем» найти такое место, которое повергнет их в полный покой. Не буду об этом много говорить. Достаточно только вам знать, что для того, чтобы следить за положением дел на Южном фронте, нужно делать, по крайней мере, два доклада в день: один утром, а другой вечером. Так быстро меняется там обстановка.

Во всяком случае можно не только с полным спокойствием, но и с сознанием своей рабоче-крестьянской гордости сказать, что главная опасность нами несомненно преодолена. Если несколько дней тому назад мы говорили, что там был перелом, то теперь мы можем утверждать, что, взяв Курск, мы идем вперед твердо и неуклонно и повсюду уничтожаем белогвардейскую силу. Не пройдет много времени, и нам поможет не только наша сила, но и сама природа своими морозами, и мы прижмем Деникина к тем самым житницам Юга, без которых мы жить не можем.

Я желал бы, чтобы мобилизация наших рядов не тратила ни на одну минуту своей силы и напряжения. Деникин не разбит окончательно. *А разбить его нужно скоро, беспощадно и без остатка.* А это можно сделать только тогда, когда власть ни на минуту не будет колебаться, когда нас не будет покидать ни на мгновение наше желание победить. Пусть завтра будет взят Харьков, но пусть ни у кого не закружится от этого голова; пусть он помнит те огромные задачи, которые стоят перед ним, и не теряет своего коммунистического рабоче-крестьянского достоинства.

Мне хотелось бы отметить перед вами, представителями деревни, что гражданская война особенно тяжело отражается на ваших спинах. Это знают те, в чьих уездах побывали белые; но и те, у кого они еще не побывали, могут из разговоров с другими убедиться в том, что несет нам промедление и затяжка гражданской войны.

Напрасно думают, что наша задача — возможно больше уничтожить врагов. На нас, коммунистов, часто клеветают, что мы не ценим человеческой крови. Это неправда. Это гнусная клевета. Мы свято чтим человеческую кровь. Я хотел бы, чтобы вы указали мне таких представителей политических партий или групп в России, которые решились бы утверждать, что они ценят и любят рабочих и крестьян больше, чем партия коммунистов. По этому поводу говорит один видный белогвардейский деятель: «Громадную ошибку сделали мы, когда сказали, что коммунисты не патриоты»; и дальше: «никто не страдает так за русский народ, как партия коммунистов». Я чувствовал, читая эти строки, всю злобу этого буржуазного писаки, который пересчитывал все партии и не мог остановиться ни на одной из них. «Только большевики могут близко, непосредственно воспринять интересы рабочих, крестьян и всех трудящихся».

Если многим из вас до сих пор еще не совсем точно и ясно вырисовывается программа партии коммунистов, если вам слово «коммуния» кажется ужасным, то это происходит больше потому, что вы, подобно человеку, вышедшему из темноты на яркий свет, кажетесь слепцами.

Никто не должен и не может бояться слова «коммуна». Боязнь эта происходит только потому, что еще недостаточно понято это слово.

Итак, если еще вчера мы могли ругать и громить Советы, то теперь только в Советах рабочих, крестьян и солдат мы видим свою надежду и только теперь мы можем творить свою жизнь.

Я думаю, что второй год нашей нечеловеческой борьбы достаточно ясно, яснее всяких слов говорит, что мы действительно сильны и непобедимы и что если вам пришлось устать от гражданской войны и вы ждете ее окончания, то вы должны сделать еще один шаг: вы должны закрепить непосредственной тяжелой борьбой твердое существование Советской власти.

В заключение мне хотелось бы вам напомнить один обычай кавказских мусульман. Когда они обещают выполнять данное слово не на жизнь, а на смерть, они вскрывают на руках кровеносные сосуды и выпивают из них по несколько капель крови. Этот союз считается кровным, и заключивших его считают братьями больше, чем родившихся от одной и той же матери. Мне хотелось бы, чтобы рабочие и крестьяне заключили в это время такой священный союз. Но помните, товарищи, что если у кого-нибудь из вас содрогнется сердце от тех жертв, которые мы приносим, то я могу сказать: «Чтобы избежать в будущем подобных жертв, крепите ваш священный рабоче-крестьянский союз так, чтобы он был действительно неразрывен». Если вы сумели начать молиться новому богу, слова которого написаны на нашем красном знамени, то безропотно и смело идите под это красное знамя. И если оно позовет вас сегодня пролить еще новые потоки крови врагов рабочего класса, то сделайте это, ибо в противном случае вам тоже придется проливать кровь, но уже братскую кровь рабочих, под угрозой казацких шашек, которые до сих пор еще висят у нас над головой.

МЫ ЗОВЕМ ВАС, ТОВАРИЩИ ЖЕНЩИНЫ, НА БОРЬБУ ЗА СВЕТЛУЮ БУДУЩНОСТЬ

*Доклад на I общегородском
делегатском собрании женщин-работниц
4 декабря 1919 года, Астрахань*

Товарищи женщины! Не кажется ли вам, что наше первое делегатское многолюдное женское собрание происходит не совсем твердо и уверенно? Я слушал доклад т. Непряхина и удивляюсь, что вы не задали вопросов докладчику. Это я объясняю тем, что мы только в первый раз собрались организованно.

Я не сомневаюсь в том, что в этом зале не найдется товарища, который посягнул бы на революцию, но на базарах и в очередях вы услышите по адресу Советской власти другие речи, где нашего брата по головке не гладят. В этих очередях обвинения часто бросают не туда, куда нужно.

Если бы вы чаще приходили сюда и рассказывали свои печали и горести, которыми полны ваши женские терпеливые сердца, то мы лучше могли бы устранить все эти печали и горести.

Женщина попрызла в счетах, во всех хозяйственных расчетах: почем капуста, картошка и т. д. Вести счета — это все, что у нее осталось от школы.

Женщине редко приходила мысль о такой несправедливости, что, рядом с капиталистом Беззубиковым в роскошных палатах, живут тысячи рабочих толодных и холодных.

Мужчины, сбросив гнет, под красным знаменем пошли на защиту своих прав рассчитывать с паразитами. Отбросив [эксплуататоров], мы вышли на широкую дорогу — защиты интересов трудящихся. Советская власть широко раскрыла двери перед трудящимися, и, если мы будем чаще и организованнее собираться здесь, мы будем знать все.

Весь тот ужас, который происходит теперь на фронте, женщина понимает и переживает гораздо глубже, чем мы, и она должна скорее откликнуться на зов борцов и дружными рядами стать на защиту своих прав и своего будущего.

Женщине в удел достались слезы, но мы, мужчины, затаив все в душе, с вилкой в руке шли защищать фронт. Слезами человека не спасешь и бодрости в сердце не вольешь.

Я вижу, товарищи женщины, что некоторые из вас и теперь глотают свои слезы, но (нынешние страдания не напрасны) они обещают настоящую радость и счастье в будущем.

То дело, которое мы ведем, тот момент, который мы переживаем, велик и торжественен как никогда, и мы гораздо ближе к победе, чем это вам кажется.

Несколько недель тому назад [в нашем красном Питере] был тяжелый момент, когда потребовалось собрать последнюю силу и энергию, чтобы отразить врагов; были мобилизованы женщины Петрограда, и [мы победили:] Петроградский фронт перестал существовать.

Наши успехи колоссальны, армия идет 20—30 верст в сутки, и мы переживаем последние месяцы гражданской войны.

Мы решили опрабить капиталистов и пауков, высасывающих кровь рабочего, и в этом мы гораздо беспощаднее, чем кто-либо это думает.

Если мы зовем вас в наши ряды, то не за тем, чтобы смягчить гнев наших борцов, но для того, чтобы влить в них новую бодрость и веру в победу.

Не безнадежную скорбь и слезы матери, но призыв на борьбу мы ждем от вас.

Нам нужна, — заканчивает свою речь тов. Киров, — честная душа и честное сердце пролетарки-работницы. Мы зовем вас, товарищи женщины, на помощь, на борьбу за светлую будущность. (Речь тов. Кирова покрывается громкими аплодисментами.)

НА БОРЬБУ С РАЗРУХОЙ

*Речь на объединенном собрании
военных и гражданских организаций
22 февраля 1920 года, Астрахань*

Товарищи! На фоне наших блестящих побед с каждым днем все более и более отчетливо и ясно вырисовывается то, о чем говорили вам предыдущие товарищи, — *разруха*.

Между фронтом Деникина и нашей хозяйственной разрухой существует тесная связь и зависимость. Если бы вы побывали на наших фронтах, вы бы до ужаса почувствовали, каких колоссальных размеров достигла наша разруха. Нас, большевиков, часто обвиняют в том, что мы обобрали Россию, обобрали все для фронта. Мы дошли даже до такого «нахальства», что стали раздевать не только наших деревенских кулачков, но и покушаться на скромное довольство крестьянина-труженика. Нужно всеми силами помочь Красной Армии шокончить с контрреволюцией. Победить контрреволюцию на фронте не так уж трудно. Но, благодаря нашему тяжелому экономическому положению, мы, тыл, попросту не успеваем за идущей вперед Красной Армией. Наша армия оказалась оторванной от самых прочных недр нашего государства. Фронт как будто повис в воздухе.

Все необходимое для питания фронта оказывается настолько удаленным от него, что фронт начинает испытывать колебания. Отсюда и непосредственная зависимость настроения деникинских генералов от нашей хозяйственной разрухи. Дальнейшие успехи нашей армии будут зависеть от нашего хозяйственного состояния.

Теперь наша задача, задача каждого сознательного пролетария, заметившего случаи лени и небрежности, — принять все зависящие от него меры к прекращению подобного явления. Сейчас идет регистрация рабочих, способных руководить нашей промышленной жизнью. Дальше нельзя терпеть хозяйственную разруху. Вспомним «Великий почин» товарища Ленина, вспомним, как радостно мы шли на первые субботники. Нужно встряхнуться в последний раз, собрать остатки наших рабоче-крестьянских сил и победить разруху.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 169—170.*

ЗНАМЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — ЗНАМЯ БРАТСТВА ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ

*Доклад по текущему моменту
на I Общебакинской партконференции
Азербайджанской Коммунистической партии
5 мая 1920 г.*

Товарищи! Ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего Солнца, совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключалось в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией. Правда, через несколько дней мы, вероятно, услышим, как буржуазная Европа будет по нашему адресу метать громы, будет называть это новое бракосочетание незаконным, будет указывать на то, что мы не спросили разрешения у пап Западной Европы — Ллойд-Джорджа, Клемансо, Мильерана и др. Но мы знаем, что тот союз, который был заключен на днях, является единственно верным союзом, который рабоче-крестьянский Азербайджан заключал когда бы то ни было и с кем бы то ни было. Правда, надо сознаться, что злые языки, особенно из бывших социалистических партий, до некоторой степени будут правы, когда будут изображать перед трудящимися массами Азербайджана, что та невеста, которую приобрел революционный Азербайджан, не совсем пригожа. Она действительно не особенно румяна, не особенно дебела, особенным приданым не обладает. Наша страна — Советская Россия — представляет в смысле экономическом почти в полном смысле слова сироту. Но азербайджанские массы должны в то же время знать, что их нареченная

одна только остается честной, непоруганной и целомудренной, какой не имеет сейчас буржуазный мир в своих границах. От этого союза, будем надеяться, произойдет такое потомство, которого ханам и бекам производить не удавалось. От этого союза явятся такие ростки, которые сумеют оплодотворить и другие капиталистические страны. Здесь мы положим начало великому объединению народов цивилизованной Европы и так называемого отсталого, некультурного Востока.

Для того чтобы оценить положение молодой рабоче-крестьянской Азербайджанской республики, необходимо, прежде всего, посмотреть на вторую половину этого союза — молодого революционного жениха. Нужно, товарищи, сказать определенно, что революция в Азербайджане вспыхнула не сама по себе, не благодаря тому, что скопившиеся здесь революционные силы не находили больше выхода и взорвались независимо от какого-либо внешнего революционного влияния. Революция в Азербайджане глубоко связана с тем, что происходило у нас в Советской России. Для того чтобы уверенно строить молодую рабоче-крестьянскую власть в Азербайджане, необходимо и теперь очень внимательно, очень серьезно следить за всем тем, что происходит в России, нужно раз навсегда сказать, в тысячный раз подтвердить, что чем больше будет укрепляться рабоче-крестьянская Россия, тем крепче будут устои Советской рабоче-крестьянской власти в Азербайджане. Я думаю, что рабочие Баку в достаточной степени хорошо и полно были ознакомлены с тем, что происходило в России; здесь, пожалуй, не во всем Азербайджане, а именно в самом Баку, каждое наше слово, каждая наша мысль улавливается с первого же мгновения, именно здесь рабочие без различия национальностей воспринимают особенно полно те задачи, которые ставит перед собой Советская Россия. Я думаю, едва ли в этом зале найдется человек, который на одну минуту усомнился бы в прочности и незыблемости рабоче-крестьянской власти в России.

Не подлежит теперь, товарищи, не только для нас, но и для наших заклятых врагов, почти никакому сомнению, что не существует больше смертельной опасности, которая могла бы встать на пути российских рабочих и кре-

стьян, строящих новую жизнь. Я не думаю, чтобы сейчас можно было бы найти здорового человека, который еще мечтал бы о воцарении в России новой соглашательской или какой-нибудь иной власти — такой, которая могла бы повернуть большевистско-коммунистический руль, твердо направляющий сейчас Россию. Даже заклятые враги говорят, что на этой территории есть только одна сила: они ее называют большевизмом, а по-нашему она называется коммунизмом. И действительно, Россия теперь приобрела такой крепкий стеновой хребет, так укрепила, что мы сможем, вероятно, в ближайшие месяцы покончить с теми теневыми сторонами, которые еще сейчас в достаточной степени режут наши глаза. Опыт показал, что все попытки задушить революционную непокорную страну, откуда бы эти попытки ни исходили, извне или изнутри, оказались совершенно безуспешными. Правда, нужно сказать, что именно потому рабоче-крестьянская Россия стала до такой степени изможденной, как это мы видим сейчас, что ей пришлось пройти через невероятно тяжелые испытания, отражая не только врагов внутри, но, главное, натиск международного капитализма. Тут мы встретили такие преграды, что даже некоторым из нас, идущим в первых рядах социалистического движения, порою казалось наше дело если не безнадежным, то во всяком случае начатым преждевременно. Были, действительно, такие моменты, о которых можно вспомнить без содрогания только потому, что они уже прошли, потому, что они от нас очень далеко, и мы глубоко уверены, что они вновь не повторятся. Но если бы те неслыханные трудности, перед которыми временами оказывалась рабоче-крестьянская Россия, изобразить перед вами, то вся та огромная борьба, которую наша Советская республика выдержала, должна будет вырисовываться перед вами как невероятный подвиг, не записанный еще в истории ни одного народа. Эти два с лишком года рабоче-крестьянской революции в России представились бы каким-то сплошным кошмарным восхождением на Голгофу через море человеческой крови. И тем не менее мы можем уверенно сказать, что основной курс, основная линия нашей политики была взята вполне правильно и целесообразно. Если недавно еще мы видели, как разгружались в окраинных

портах России танки, пулеметы и прочее смертоносное оружие для белых армий, то теперь в тех же самых портах начинают появляться орудия восстановления советской хозяйственной жизни. В балтийских портах выгружают американские паровозы, сельскохозяйственные орудия. Если еще несколько месяцев тому назад кое-кому казалось, что мы должны, пожалуй, отдать нашу большевистскую душу богу, то теперь положение изменилось. Очевидно, в Европе почувствовали, наконец, что на краю пропасти стоит не большевистская Россия, а капиталистическая Европа. Если европейская буржуазия прежде со злорадством смотрела на пожарище гражданской войны, которой была охвачена вся Россия, то теперь буржуазии капиталистических стран приходится любоваться на эти схватки не издалека, а видеть их в своей собственной стране. 1 мая буржуазии пришлось быть свидетельницей того, как восемь миллионов английских рабочих бросили заводы и фабрики и демонстративно вышли на улицу. Западная Европа понимает, что пролетариат даром с фабрик не уходит, что восьмимиллионные колонны рабочих для шуточных дел не создаются, что если идет такая рать пролетариев Европы, то, очевидно, недалек тот день, когда рабочие от пассивного протеста в форме забастовок перейдут к нашим решительным «азиатским» способам борьбы с капиталом. Если на шикарных улицах Парижа рабочие, прошедшие жесткую капиталистическую выучку, к тому же поголовно грамотные, являющиеся на фабрики не иначе как в воротничках и мапешках, громят уже булочные, то недалек тот момент, когда они воспримут наш «азиатский» способ ведения гражданской войны. Западная Европа с каждым днем все более и более начинает понимать, что неизбежностью в современном мире является не только война империалистическая, но что такое же неизбежное явление — война пражданская. Убедившись в том, что оружием большевистской силы в России сломить нельзя, что все резервы контрреволюции, которые можно было бы двинуть, чтобы залить революционный пожар в России, уже иссякли, буржуазия Европы думает уже сейчас под тем или иным видом войти в добрососедские отношения с Советской Россией. В Западной Европе теперь уже думают, что чем больше

они отгораживаются от России, тем более Россия приобретает соблазна в глазах западноевропейских рабочих.

Западная Европа помаленьку начинает снимать блокаду, которой была окружена Россия. Буржуазная Европа знает, что, помимо всего прочего, ей жить без России очень мудрено, так как Россия располагает богатством всякого сырья, которого хватит не только ей самой, но в котором нуждается также изнуренная войной Западная Европа. Вот для того, чтобы выкачать пужное им сырье, с одной стороны, и для того, чтобы попробовать разжечь старую капиталистическую страсть купли и продажи в пражданах Советской страны, буржуазные хозяева Западной Европы стараются сейчас вступить с нами в деловые, торговые сношения. Правда, с нами, как Советской страной, Западная Европа открыто до сих пор пока не разговаривает. Она говорит с нами через посредников языком в достаточной степени эзоповским, заботясь, чтобы так или иначе не нарушить свою капиталистическую целомудренность. Там не хотят, чтобы мы командировали таких представителей, как товарищи Радек, Бухарин. Западная Европа хочет говорить пока что только с нашими советскими кооператорами.

Мы командидуем за границу таких людей, как Красин, который прошел большую школу в области коммерции, и думаем, что западные империалисты не сумеют обойти нас так, чтобы мы остались в дураках. Мы понимаем, что вслед за паровозами из-за границы могут попасть к нам и другие, более или менее неприятные вещи, но мы во все не думаем, что если на паровозах будут английские и французские марки, то какой-нибудь рабочий или крестьянин будет особенно на это негодовать.

Я вспомниаю историю, когда во время войны на далеком Севере мы вступили в переговоры с командующим английскими войсками с таким же предложением об установлении торговых сношений и дали гарантию, что ни одна рабоче-крестьянская прокламация ни в одной спичечной коробке не попадет к ним. Этот командир сказал: «Это все правильно, но вот вы все-таки так или иначе сумеете на тех самых предметах, которые двинете в Англию, поставить этот большевистский герб. Если бы вы знали, каким магическим действием обладает эта

небольшая, в достаточной степени плохо нарисованная фигурка: каждый рабочий, каждый житель Лондона постарается узнать, что это символизирует, и само собой понятно, что нам придется объяснить, в чем у вас тут дело, и в конечном счете это поведет к тому, что население проникнется желанием узнать все, что делается в Советской России».

Тут дело очень просто: капиталистическая Европа — и в первую очередь миллионы ее подданных-рабочих — еще не уяснили себе, что такое Советская власть, что такое социальная революция, и, конечно, помимо всего прочего, у них возникнет естественная жажда поинтересоваться, что представляет собой эта новая рабоче-крестьянская Россия.

Но мы в Советской России гарантированы от такого соблазна.

Мы не имеем сейчас ни малейшего желания интересоваться тем, что такое западноевропейская культура, потому что достаточно каждому из нас пощупать свою спину, чтобы снова почувствовать все прелести этой культуры. Правда, русский мужик еще далек от восприятия полностью коммунистических идей, у него еще от коммунистической пропаганды поднимается в голове путаный вихрь, и нужно сказать правду, что коммунистические идеи будут проникать в эту среду болезненно, это будет сопровождаться жестокой ломкой. Но мы все-таки имеем основание быть уверенными, что этот новый период мы пройдем успешно и что та борьба новыми методами, которую сейчас начинает с нами Западная Европа, окажется так же тщетной, как было и до сих пор.

При новом способе единоборства, которое сейчас принимает все новые и новые формы, мы все-таки выйдем победителями, как выходили до сих пор в вооруженной борьбе. Правда, еще и на фронте вооруженной борьбы есть отдельные вспышки, оружие еще сверкает до сих пор на границах нашего рабоче-крестьянского отечества. Выступила на арену еще новая сила, в достаточной степени внушительная — панская Польша. Дела на этом участке борьбы в последние дни приняли весьма серьезный оборот. Польские паны сумели в достаточной степени одурачить польское население, сумели в достаточной мере

распропагандировать своих людей. Белополяки бросили свои силы в одно из самых слабых мест на нашем фронте. Нашествие идет довольно стремительно, но мы полагаем, что, как бы ни были страшны эти новые враги — польская шляхта, — наш большевистский бог будет достаточно милостив к нам. Не нужно быть, товарищи, особенным пророком, чтобы предсказать, что не только польские войска, которые сейчас так быстро двинулись от Варшавы сюда, внутрь России, будут отброшены назад, но и многие исторические города за нашей теперешней границей, которые не имели еще возможности за все время великой революции испытать на практике, что такое режим Советской России, получат удовольствие наблюдать его непосредственно. В этом, товарищи, может быть порукой то, что освободившиеся огромные силы с Кавказского фронта будут двинуты туда, на Запад, и они сумеют быть защитниками не только молодого рабоче-крестьянского Азербайджана, но сумеют также усмирить и ту блудницу — панскую Польшу, которая пытается стать на пути рабоче-крестьянской России.

Есть у нас еще одно бедствие — хозяйственная разруха.

Вы знаете, что Россия никогда не располагала особенно сильным и гибким хозяйственным аппаратом. Но я думаю, что и здесь те начинания, которые проводятся рабоче-крестьянской властью, увенчаются успехом. Особенно теперь, когда Азербайджан идет рука об руку в дружеском объятии с Советской Россией и бакинская нефть — эта черная, грязная жижа, которая отравляет здесь атмосферу, — потечет быстрым потоком в Россию, — рабоче-крестьянская Россия получит возможность вздохнуть если не полной грудью, то в достаточной степени свободно. Если теперь по всем артериям побежит живительная черная влага, то в ближайшие же месяцы хозяйственная работа пойдет гораздо быстрее, гораздо энергичнее.

В этом залог восстановления хозяйственной жизни России.

Нужно сказать, что в России имеется одна сила, которая, мобилизуя все для борьбы с хозяйственной разрухой, выйдет несомненно победительницей и здесь, как она

выходила до сих пор победительницей на всех фронтах. Этой силой является наша партия. Товарищ С. Каменев, главнокомандующий вооруженными силами России, не являющийся коммунистом, но безусловно преданный рабоче-крестьянской власти, когда нужно было дать заключение, чем объяснить наши победы на Восточном и Южном фронтах, ответил коротко и ясно: «Основной причиной, давшей ныне такое торжество, является Коммунистическая партия. Все, что достигнуто Красной Армией, все то, что вызывает сейчас удивление даже у старых генералов, — всем этим, — говорит он, — мы обязаны партии коммунистов».

И действительно, это верно. Если вспомним историю борьбы с Колчаком, то увидим, что перелом наступил только тогда, когда партия выбросила все силы, которые имела, на Восточный фронт. Именно тогда в течение нескольких дней наступил перелом. Так же было и на нашем фронте. Там, где Коммунистическая партия бралась за дело всеми силами, заставляя каждого коммуниста думать день и ночь об одной задаче, об одной опасности, — там мы всегда выходили победителями. Точно так же победителями выйдем мы и в борьбе с хозяйственной разрухой.

Здесь хотелось бы сказать о политической линии нашей Коммунистической партии, которая в конечном счете определяет всю политику Советского государства. По мере того как мы пробивались в глубины Кавказа, нам все чаще, даже из собственной нашей среды говорили, что мы стали победителями потому, что наша физиономия изменилась, что мы-де не стали уже теми красными, от которых все шарахаются в сторону, что мы-де даже не выносим вида человеческой крови, а когда выходим на фронт — начинаем митинговать и пропагандировать, вместо того чтобы рубить и стрелять. Говорят, что в нашей коммунистической политике в период последней тяжелой борьбы все острые углы стерлись, что говорить теперь о смертных казнях в России — дело совершенно невероятное, что у нас нет теперь даже и «чрезвычайек». Вот эти самые небылицы, которые распространяли о Советской России, оказались для нас в иных случаях весьма полезными. Мне самому приходилось видеть целые диви-

зии, которые сдавались без единого выстрела, и когда начинали со сдавшимися разговаривать, то оказывалось, что они имели о нас именно такое представление. Но вот для коммунистов, находящихся во вновь занятых местностях, эти рассказы принесли и весьма много вреда. Оказалось, что эта болтовня в сильной степени подпортила наши коммунистические мозги: представители нашей партии в этих местах (не в упрек будь это им сказано) из революционных коммунистов чуть-что не превратились в каких-то христианских коммунистов, и первый манифест, который ими был выпущен, до последней степени не соответствовал нашей коммунистической политике.

Во всяком случае надо здесь сказать, что все то, что было начертано с первых дней Октябрьской революции, — все это остается на знаменах Коммунистической партии совершенно неизблемым. Если мы перестали казаться какими-то вельзевулами, то это только потому, что препятствия, которые мы встречаем теперь, — не больше как карточные домики. Если раньше, например под Царицыном, приходилось биться четыре месяца, то когда мы подходим теперь — нас встречают с хлебом и солью. При таких условиях особенно часто обращаться к нашему советскому трибунальскому лексикону не приходится и, действительно, в повседневном обиходе чрезвычайные комиссии показывают свое лицо гораздо меньше, чем раньше.

Во всяком случае, говоря о Советской России, мы должны сказать, что ни от чего, что мы там сделали, мы не отрекаемся и что весь опыт, проделанный многомиллионным народом со всеми положительными и теневыми его сторонами, целиком лежит на ответственности нашей Коммунистической партии. Мы с гордостью и с большевистским мужеством в свое время, в великие Октябрьские дни, отбросили всю социал-предательскую сволочь, и на протяжении двух с лишним лет мы ни разу об этом шаге не пожалели. И теперь с той же гордостью, с тем же сознанием коммунистической правоты мы повторяем, что какие бы тяготы мы ни переносили, какие бы отдельные ошибки мы ни делали, мы все же на протяжении двух с половиной лет ни разу не вступали на одну дорогу с людьми, которые заигрывают с капиталистами и строят глазки буржуазии. Мы с этими людьми ничего общего

не имеем, мы их отбросили раз и навсегда. Об этом мы заявляли всему миру и прежде всего всем рабочим Западной Европы. И вы должны помнить: как бы мало вас ни было, какую бы численно ограниченную группу людей вы собой ни представляли, гоните от себя всех молодцов, которые умеют писать длинные революционные программы, но которые на деле всегда оказываются предателями. В этом, товарищи, главный залог успеха Коммунистической партии. Мы сумели на протяжении двух с половиной лет, благодаря такой непримиримой и последовательной политике, показать всему миру на деле, какую силу мы, коммунисты, собой представляем.

Мы должны перейти в общих чертах к нашим задачам здесь, в пределах Азербайджана.

Медовым дням, которые мы переживаем сейчас, надо положить конец. Надо перестать бить в торжественные литавры, а попристальнее посмотреть на азербайджанскую действительность глазами марксистов, большевиков-коммунистов.

Первое, что бросится нам в глаза, — это то, что в сущности настоящая, потрясающая самые основы буржуазного строя, революция в Азербайджане еще не произошла, что массы азербайджанского населения просто оглушены тем, что случилось, но не больше. Нужно напрячь все усилия, чтобы вызвать к активности силы трудящихся в пределах Советского Азербайджана. Нам нужно, с одной стороны, помочь всем тем, кто имеет стремление присоединиться к нам, помочь им освоить те пути, которые развертываются перед нами. С другой стороны, нам нужно добиться, чтобы огромные массы средних слоев населения поняли требования революционного порядка. Среди них есть много людей, которым место в наших рядах, но есть среди них и такие люди, которые не пойдут под нашими знаменами, — нам надо определить этих людей и отмежеваться от них.

Лучшее средство достичь этого разделения всего азербайджанского населения — это произвести первый решительный удар по беко-ханскому строю. Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю. Именно в этом направлении нам, коммунистам, нужно приложить

как можно больше сил, развернуть борьбу с беками и ханами шире, полнее.

Следующий удар должен быть по крупному капиталу. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран, прежде всего наши нефтяные промыслы, — над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак.

Полный переворот в жизни фабрик, заводов, промыслов нужно провести решительно, безапелляционно, без всякого колебания, без какого-либо соглашательства.

Вот эти два мероприятия, как огромные камни, брошенные в беко-ханское азербайджанское болото, поднимут такое волнение, которое пробудит всех мещан, спящих безнадежным сном. Когда революция подойдет к основам жизни азербайджанского жителя, когда коснется земельки, на которой он сидит, то тут пробудится от сна и сожмет кулаки каждый. Тот крестьянин, который ходит по горам и полям Азербайджана и пасет баранов, как только почувствует, что пастбище можно расширить, что баранту можно умножить, не боясь бека или хана, — он станет весьма и весьма активным участником устройства Советского Азербайджана.

Не надо забывать, что революционный декрет не может быть написан иначе как человеческой кровью! Нужно это запомнить раз и навсегда, запомнить окончательно, и, чтобы не проливать человеческой крови напрасно, надо действовать решительно и твердо.

Надо нам знамя III Интернационала, знамя братства всех трудящихся развернуть здесь так, как подобает развернуть его истинным революционерам. Тому, что делается в Карабахе и в других местах Азербайджана, тому, что называется племенной враждой, должен быть положен конец окончательно, раз и навсегда, под знаменем Советов. Это может быть сделано при одном условии — если будет действовать советская организация, которая не знает компромиссов и соглашений, знает лишь прямоту и последовательность.

Если эти три основные задачи мы сумеем разрешить в ближайшее время, то, поверьте мне, все остальное пойдет просто и плавно.

Сейчас очень часто нам приходится выслушивать целые делегации, являющиеся от так называемых социалистических партий. Здесь есть местные, чисто азербайджанские разновидности их, которые мелкая буржуазия подносит нам под малопонятными для нас названиями, но мелкобуржуазная соглашательская сущность их всех чувствуется определенно.

Ни малейшей тени взаимного содружества, никаких коалиций, или, как любят говорить старые меньшевики, «контактной работы», которая была до прихода англичан и Бичерахова¹, с ними теперь не должно быть.

Чтобы провести твердую революционную линию, от этих молодцов нам, коммунистам, нужно раз и навсегда отмежеваться.

Другое дело — советский государственный аппарат: он требует огромного количества людей, здесь приходится использовать и не вполне советские элементы.

В Советской России также работает большое количество буржуазной интеллигенции, которая, с одной стороны, за Советскую власть, а с другой... если придет Деникин — наполнит, конечно, его департаменты.

Выхода другого для нас нет. И здесь бывшие специалисты находят себе изрядное поле деятельности. При последних выборах в Московский Совет депутатов произошла недопустимая вещь: в него было выбрано 40 или 50 эсеров и меньшевиков. Они прошли в Совет на плечах буржуазной интеллигенции. Эти люди способны разжигать мозги; они местами начинают так действовать и на рабочих. Это заметно в Екатеринославском районе и в Донецком бассейне. Они заявляют, что стоят на платформе Советской власти обеими ногами, они говорят, что только Коммунистическая партия высоко несет знамя свободы, а они-де сами за нами робко шествуют, «помогая» нам не споткнуться по дороге. Но они имеют особую способность замечать только отрицательное в действиях Советской власти. Их бичераховская психология заключается в том, чтобы, выставляя отрицательное, умалчи-

¹ Бичерахов Л. — полковник царской армии; участвовал в оккупации Баку англичанами в июле 1918 г. *Ред.*

вать о положительном в работе Коммунистической партии.

Мы должны строить жизнь под нашим коммунистическим знаменем, и никаких других знамен нам не надо.

Это явится, товарищи, лучшей гарантией того, что наше дело пойдет быстро и успешно и мы скоро придем к нашей желанной цели, к тому, чтобы заложить основы социализма. Нам могут сказать, что мы мало знаем, что мы мало опытни и так далее, но нам нужно пользоваться опытом, который дан Советской Россией.

Мы смело подходили к каждому новому вопросу, мы с каждым днем все решительнее перестраивали жизнь по-своему, мы уже создали в России начерно Советское государство. Оно, правда, не ласкает рабочего и крестьянского взора особым блеском и внешним лоском, но его фундамент, его стены выстроены так твердо, что нет крестьянина и рабочего в России, который сомневался бы в прочности своего дела.

Я знаю, что здесь, в Азербайджане, есть другие трудности, тут есть резкие различия — религиозные, племенные. Это будет служить дополнительным препятствием нашей работе, но если мы сумеем сохранить чистоту партии и с первого дня легального существования создадим стройную партийную организацию, если будем помнить, что каждый должен отвечать за всех и все за одного, если будем уверены, что в нашей среде нет таких, которые пришли разлагать наши коммунистические ряды, — мы сумеем двинуться стройной колонной вперед, и, поверьте, наши заветы, написанные на знамени коммунистов Азербайджана, будут служить той правдой, которая примирит племенную рознь и религиозные противоречия.

Чем более мы будем жестки к своим врагам, тем более жестки мы должны быть в своей коммунистической среде к тем, кто пытается подорвать наше единство. И верьте, товарищи, что рабоче-крестьянская Россия стала великой Советской страной именно потому, что руководящая всей работой Коммунистическая партия не представляет собой собрания Петровых и Сидоровых, как отдельных личностей, а составляет единое целое, коммунистическую скалу, которой распоряжается Центральный

Комитет партии так твердо и уверенно, как не распоряжался еще ни один военачальник своими армиями.

Пусть не пугают нас те, которые говорят, что мы задохнемся в атмосфере национальной вражды. Мы знаем, что мы располагаем ленинской программой, перед которой не посмеет обнажить меч ни один проклятый дашнак, ни один бесчестный мусаватист, и пройдет немного времени, как эти люди забудут собственные свои имена. (Громкие аплодисменты и крики «браво!».)

Если кто-нибудь из них, из дашнаков или мусаватистов, из той или другой партии, попробует набраться смелости и начнет ипать на темных религиозных или племенных чувствах, то мы сумеем обойтись с ними так, что не только голоса, а и запаха этих насильников, власть которых проклятием тяготела так долго над Азербайджаном, не будет слышно. (Громкие аплодисменты, крики «браво!».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 171—182.*

**МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ,
ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ
ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ,
ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА**

*Доклад на Учредительном съезде Советов
Горской Советской Социалистической Республики
18 апреля 1921 г.,*

Товарищи! Для того чтобы подойти к осуществлению той задачи, которая стоит перед вами, — к созданию новой формы управления, для того чтобы дать основные директивы, основные указания той новой власти, которую вам предстоит избрать на этом съезде, для этого необходимо прежде всего дать себе более или менее точный и ясный отчет во всем том, что происходит сейчас по всей Российской республике. Тут нужно подходить к делу без всякого лишнего теоретизирования, а просто, прямо, непосредственно.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ УСТАНОВЛЕНА ТВЕРДО

Скрывать не буду: всякий приехавший сюда из своей станицы, аула знает, что среди населения много идет разговоров на тему о том, что Советская власть — такая власть, которая за собой особой прочности не чувствует, что очень легко может случиться так, что Советская власть будет сброшена, — в этом направлении ведется агитация среди чеченцев, путают казаков, работают злые языки среди всех народностей Горской республики. Вокруг всякого вопроса, который имеет то или иное политическое значение, создаются сплетни на тему о прочности Советской власти.

Я не буду говорить о том, что происходит в вопросе о так называемом «переселении казаков». Присутствующие здесь казаки об этом знают. Казакам говорят, что центральная Советская власть не только приостанавливает дальнейшее выселение, но будто бы намерена обратно вселить казаков, которые выселены из Сунженской линии. С другой стороны, говорят чеченцам, что всякий из вас, который рискнет переселиться в станицу, который по своей воле это сделает, — этот человек рискует своей головой, что не сегодня-завтра власть перевернется и придется жестоко поплатиться за самовольный захват казачьей земли. Об этом говорить будет специально. Я сейчас напомнил об этом, чтобышний раз показать, какая масса разных слухов распространяется в целях подрыва Советской власти.

Здесь, на этом ответственном Учредительном съезде, надо поставить вопрос прямо. Если действительно с прочностью Советской власти дело обстоит не совсем благополучно, нужно призвать все честное, всех, кто идет не за страх, а за совесть за Советскую Россию, чтобы организованно, единодушно выступить на укрепление и защиту рабоче-крестьянского государства. А если дело этого не требует, то можно сказать, что мы можем спокойно приступить к нашей созидательной работе.

Естественно, что, живя в аулах, в далеких ущельях, куда не заглядывает никто из центра, куда не попадают газеты, — а если попадают, то часто некому их прочесть, — население питается рассказами шептунов, которым нет другого дела, которые тем только и занимаются, что распространяют всякий вздор.

Для всяких слухов почва у нас в горах чрезвычайно богатая, и мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом приходилось сталкиваться с такими последствиями нашептываний и слухов, из-за которых лилась человеческая кровь, так как люди были одурачены всяким вздором.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда можно говорить о совершающемся в стране совершенно открыто, не надо быть особо сдержанным, как это было года полтора тому назад, когда приходилось не всегда все гово-

рить, чтобы население не особенно пугать, чтобы оно не теряло веры в правоту и надежды на успех нашего дела.

Теперь ничего этого нет.

Вы знаете, что несколько месяцев тому назад мы закончили последний этап пражданской войны, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Побили Врангеля и всех тех, которые претендовали на власть в России, далеко выбросили их за пределы государства. И сейчас у нас, если не считать мелких, едва заметных на территории громаднейшего государства вспышек, можно сказать, что у нас руки совершенно, в полном смысле слова, развязаны. Мы чувствуем себя как власть особенно прочно, настолько прочно, что можем совершенно спокойно кому угодно рассказать, вывернуть на какую хотите изнанку все, что имеем сейчас, и все то, что делается сейчас в рабоче-крестьянском государстве. Мы знаем, что население настолько сроднилось с Советской властью, а мы настолько научились управлять государством, что полная откровенность для нас решительно нестрашна. Мы теперь и на местах и в центре всему населению, в том числе и вам, определенно заявляем, что рабоче-крестьянская власть в России — это не случайность, она не явилась в результате случайно выигранной войны или в результате неоконченной борьбы, которая еще может завтра повернуться иначе. Нет, — *это настоящая твердо установившаяся государственная власть.*

Если мы полтора-два года тому назад взывали к нашим окраинам, к тем или иным областям, объясняя, что мы-де в таком-то тяжелом положении, звали прийти на помощь и так далее, то теперь мы этот язык оставили и со всеми этими уговорами покончили; теперь мы определенно и твердо говорим, что власть рабочих и крестьян в России это есть *подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, это — власть, которая имеет в своем распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную Армию.*

И со всяким, который независимо от племени, национальности, языка и состояния встанет хотя бы в малейшее

противоречие с интересами рабочих и крестьян России, государственная власть поступит как с врагом рабочих и крестьян.

И разговариваем мы таким тоном и языком не только потому, что мы чувствуем себя прочно, а еще и потому, что у нас слишком много государственных задач и вопросов, которые стоят перед нами. Сейчас всякий день, всякая минута нам дороже, чем все то золото, которым располагает наша Республика, и нам, выражаясь грубо, церемониться не приходится. Мы слишком бедны и слишком заняты; поэтому там, где рабоче-крестьянская власть встречает сопротивление, мы действуем решительным ударом и это сопротивление устраняем и впредь будем устранять точно такими же приемами, ибо иначе действовать у нас нет ни времени, ни возможности.

Как бы ни считали вас отсталыми, вы должны знать и понимать, в каком положении может оказаться государство, которое ведет в течение почти семи-восьми лет войну.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ ПРИВЕЛИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НЕУРЯДИЦЕ И ТЯЖЕЛОЙ НУЖДЕ

Вы знаете и помните, что международная война много миллионов людей поставила под ружье, отобрала все, что было в государстве, все живое и мертвое — все было движено на фронт. И в конечном итоге все, что было создано трудами поколений, было погублено самым безжалостным образом. Миллионы человеческих жизней загублены, загублено несметное количество всяких материальных богатств.

Это было в стране, которая и до того времени далеко не отличалась особым избытком продуктов промышленности, сельского хозяйства и прочего.

Дальше наша страна вступает в период революционной борьбы; снова начинается уничтожение.

Каждый из вас видел, в какие беспощадные формы выливается гражданская война, сопровождающаяся уничтожением всяких материальных благ и средств.

Вы знаете, сколько аулов сравнены с землей. Вы знаете, какое количество станиц приведено в печальное, расшатанное состояние. Вы знаете, что на железных дорогах нет ни одного нетронутого места, где бы все не расхищалось или не уничтожалось. В период гражданской войны всякий хозяин не следил уже, чтобы все в хозяйстве было в порядке, чтобы умножалось, а не расхищалось его добро, — об этом не думали, а всякий думал о том, как бы сохранить свою голову и как бы поудачнее побить своего противника. Вот какой философией руководствовался каждый гражданин в период гражданской войны.

Естественно, когда ставится вопрос о жизни или смерти, — человек не щадит ничего, он ставит на карту все, вплоть до своей жизни, чтобы выйти из борьбы победителем.

И вот три с лишним года мы вели такую борьбу. Естественно, наше государство за это время понесло очень тяжелые потери.

Не нужно скрывать, — нужно сказать прямо, что мы сейчас находимся в состоянии ужаснейшего обнищания, ужаснейшей нужды во всех отношениях. У нас нет самого необходимого, самого насущного, что в мирной обстановке может понадобиться на каждом шагу. Сейчас вы многих необходимых вещей не найдете не только в селах, аулах, но даже и в городах. Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь ту картину, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно выйти за водой, то объявляется, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу.

Вот до каких пределов дошла наша рабоче-крестьянская Россия, нуждаясь в самом насущном, необходимом.

Это положение сейчас, по окончании гражданской войны, раскрылось перед нами во всей своей наготы.

Таким образом выходит, что на внешнем фронте мы чувствуем себя совершенно обеспеченными людьми. Нас теперь никто не беспокоит, и будем надеяться, что никто и не осмелится беспокоить.

Но создается другой фронт, — фронт экономической неурядицы и хозяйственной нужды.

Если дагестанская женщина должна искать случая для того, чтобы, пойдя за водой, не быть под угрозой пытливого и не совсем целомудренного взгляда какого-нибудь молодца, то наши рабочие в России чувствуют себя плохо в другом отношении: временами бывает решительно нечего есть.

Здесь помимо общих причин, следствия жестокой войны, сказывается и то, что население опрощной России, многие миллионы людей далеко еще не целиком втянуты в интересы рабоче-крестьянского государства. Некоторые смотрят еще так: лишь бы у меня в Ардоне было хорошо, а что будет в Иваново-Вознесенске, то это меня не касается. Бывает также вот что: когда нам нужно что-нибудь просить у государства, то оказывается нас полмиллиона, а когда заходит речь о том, чтобы помочь государству, предупредить от голодной смерти московских рабочих, оказывается у нас населения не полмиллиона, а только двести тысяч. Это говорится не в виде упрека. Нужду государства надо почувствовать. И если посмотреть ту Красную Армию, которая вчера проходила перед вами такими стройными рядами, когда вы вскрыете душу этой армии, то увидите, чем болеет рабоче-крестьянская армия. И если посмотрите в сердце красноармейца, вы в нем прочтете, что вместе с мужественной стойкостью, которая поражает каждого из людей, это сердце наполнено огромнейшими страданиями. Подчас буквально гибнут колени под тяжестью той ноши, которую несут на своих плечах наши красные бойцы. Наша эмблема — красное знамя, которое видим всюду — не только кусок ткани красного цвета, нет, это знамя буквально насыщено кровью, и нужно быть слепым, чтобы не видеть, как с него широкими ручьями льется настоящая человеческая кровь.

Таково наше положение. В то же время мы не только хотели бы, чтобы интересы угнетенных горских рабочих и крестьян были обеспечены; задача, которая стоит перед нами в дальнейшем, это — задача освобождения трудящихся всего мира. Об этом нужно говорить совершенно прямо, откровенным языком.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ПУТЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТ РАЗРУХУ

Прежде всего нам нужно сделать так, чтобы все наши съезды представляли собою коллективную общую работу и чтобы они, таким образом, приняли несколько иной характер и давали другие результаты, чем те, которые были до сих пор. Мало того, чтобы собраться, принять резолюции и расходиться. Нужно почувствовать себя хозяином всей нашей государственной семьи, нужно, чтобы все, что будет сделано и записано на этом съезде, действительно являлось обязательным, как коран для правоверного магометанина. И нужно с оружием в руках карать как врага Советской власти человека, не желающего выполнять те обязанности, которые написаны на знамени нашей революции. Мы теперь всегда и всюду стараемся дать населению совершенно неприкрашенную, яркую характеристику всего того, что происходит в нашей Республике. Мы говорим, что власть нужна такая, которая справится с самым опасным фронтом в Республике — фронтом нужды: нам нужна власть рабочих и крестьян. Несмотря на всю нашу отсталость, некультурность, неумение работать, слабую практику в области государственного управления, несмотря на это мы несомненно, если захотим, сумеем расшевелить многомиллионные массы рабочих и крестьян, сумеем заинтересовать каждого в судьбе своего государства. И мы несомненно выйдем из этого трудного положения.

Всякий из вас на примере своего хозяйства знает, что тут не хватает этого, там недочет в том, каждый из вас кое-что собирал, кое-что ремонтировал, но каждый чувствует, что всем этим старым остаткам скоро будет конец, что нужны новые источники, нужны новые ресурсы, которые бы дали широкий государственный размах работе, чтобы все машины завертелись, чтобы все то, что сейчас мертво, заснуло — фабрики и заводы, — чтобы они зашевелились. И центральная Советская власть в данный момент, когда от войны мы переходим к другой работе, к осуществлению других задач, вовсе не желает изображать из себя сатрапа, который сидит наверху и ничего

знать не хочет; она, наоборот, протягивает руки к населению и старается вызвать в нем желание работать и инициативу. Мы, учтя момент и взвесив прошлое, решили установить отныне такие приемы управления, чтобы дать возможность подняться более широким пластам народа к участию в государственной работе. И здесь, когда вам будут докладывать о нашей продовольственной работе и земельном вопросе, вам скажут, что налог, заменивший разверстку, дает не только новую форму продовольственной политики, но открывает совершенно новую хозяйственную полосу вообще.

Мы хотим сделать так, чтобы население, сознающее нужду государства, понимающее задачи государства, имело развязанные руки и получило возможность вкладывать в свое хозяйство все то, чем оно располагает.

Мы все, конечно, за Советскую власть и уважаем Коммунистическую партию и во всех наших резолюциях все клятвенно заверяем в своей готовности содействовать проведению тех огромных задач, которые стоят перед нами; но когда тот или иной гражданин приходит домой, для него его хозяйство становится выше всяких хозяйственных интересов Республики. Так будет еще до тех пор, пока мы не научимся жить по-коммунистически.

Государственная Советская власть понимает, что тут насилием взять нельзя, что нужно действовать так, чтобы найти другой выход, найти точки соприкосновения между интересами рабочих и крестьян.

С этой стороны и нужно рассматривать новую продовольственную политику. И мы полагаем, — по крайней мере в России мы уже это чувствуем, — результат этой политики будет хороший. Крестьянские массы это учли, и их не особенно доброжелательные отношения теперь резко изменились, они снова идут плотными, твердыми рядами с рабоче-крестьянским правительством.

Мы полагаем, что на окраинах эта политика также даст свои благоприятные результаты.

Во всяком случае то, что намечается в этой области, и то, что отчасти уже сообщалось, это должно быть принято отнюдь не как какая-нибудь уступка или как результат неуверенности Советской власти в том, что она прочна; отнюдь не означает, что мы — новые соглаша-

тели и соблазняем кого-то своими уступками, чтобы добиться большей устойчивости. Это вздор. Новая экономическая политика диктуется вовсе не этим, а тем, чтобы создать больший интерес у большего количества населения к государственной работе, к укреплению нашей страны, к умножению материальных и экономических богатств рабоче-крестьянского государства.

Так обстоит дело у нас внутри страны. И мы думаем, что эта новая политика даст много новых возможностей дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского государства.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СУМЕЕТ СУРОВО РАСПРАВИТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПОЙТИ ПРОТИВ НЕЕ

Все то, что здесь рассказывают о кронштадтских событиях, о широких волнениях, которые происходят в России, — это вздор.

Мы знаем, как во многих аулах изображались кронштадтские события, где будто бы дело доходило до того, что пора складывать рабочим и крестьянским представителям свои пожитки и бежать в дикие ущелья. Нет. То, что было, то ушло безвозвратно. То, что произошло в Кронштадте, было действительно самым настоящим, вооруженным бунтом: кронштадтское «правительство» возглавлялось бывшими царскими генералами, руководилось нашими политическими противниками — меньшевиками и эсерами, все это было и была самая настоящая драка, отчасти вызванная тем, о чем я говорил, — слишком тяжело и голодно в центре. Люди под влиянием ежедневной нужды очень легко поддаются на всякие авантюры.

Но кончилась эта авантюра печально не для нас, а для тех, кто хотел пошатнуть рабоче-крестьянское государство.

И если Советская власть очень часто прибегает к широким уступкам трудовым слоям населения, то она в то же время жестоко наказывает за измену, где бы она ни происходила, хотя бы и в Кронштадте. Горцы должны почувствовать и понять, что всякие новые попытки в этом

направлении будут оканчиваться тем же, чем окончились они в Кронштадте. Горский народ был отрезан от нас еще совсем недавно белогвардейским фронтом, на котором стояли враги, вооруженные с ног до головы и снабженные лучшей современной военной техникой, всеми теми чудовищами, вроде танков, которые вам вчера показывали. Это ведь их техника! Если и в то время горцы смотрели с огромной надеждой на ту власть, которая сидела чуть ли не в одной Московской губернии, то теперь не имеется основания сомневаться, что мы можем хотя бы на одну йоту почувствовать себя непрочно. Всякий, кто встретит в ауле у себя какого-нибудь агента, шептуна, вроде Ахмета Цаликова, который попыбует нарисовать ему картину возможного возврата к прошлому, пусть плюнет этому шептуну в глаза и предложит оставить все несбыточные надежды.

Прошлое ушло в историческую даль. И каждый, к какой бы партии и группировке он ни принадлежал, должен твердо и определенно сказать себе: *Советская власть есть и будет, в этом нечего сомневаться.*

Нет такой силы внутри рабоче-крестьянской России, которая могла бы не только сбросить, а хотя бы только поколебать власть в этом огромном государстве. Поэтому все те, у кого есть истинное и искреннее желание укреплять рабоче-крестьянскую власть, те должны на это принести все свои силы, а тот, кому эта власть наступает на мозоль, — должен смириться. Если же она кого-нибудь задевает слишком, тот должен как-нибудь сжаться. Другого выхода нет. Если барашек нужен Советской власти, то, как ни перекрашивайте его в черный цвет, она его возьмет, если только барашек не пойдет сам и на своем бараньем языке не заявит, что принадлежит Советской власти.

Наша задача и задача населения всех республик, входящих в опромную Советскую федерацию, сводится именно к тому, чтобы везде и всюду, приехав в аулы, собравши стариков и молодых, прямо сказать: «Хорошо ли, плохо ли, полагается по шарияту или не полагается, — Советская власть нидуа не уйдет. Единственный выход избавиться от Советской власти — это пооследовать примеру Чермоева, Джабагиева, Цаликова: забрать все, что

есть, и направиться в отдел пропусков. Взять пропуск, сначала поехать в Грузию, потом дальше куда-нибудь, за пределы нашей опрормной РСФСР. Если душа не терпит, то надо постараться переломить себя — будет легче, так как рано или поздно мы приведем все в советский порядок».

Теперь, по окончании гражданской войны, мы чувствуем себя твердым государством, которое может и имеет право разговаривать с каждым как с сыном одной огромной семьи, где никаких раздоров и междоусобиц поднимать нельзя. И что это действительно так, об этом свидетельствует не только то, что мы вам заявляем здесь и имели честь докладывать, — об этом также думают и наши противники, наши враги.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПРОЧИЛОСЬ

Прочность всякого государства зависит не только от того, как внутри дело обстоит, но зависит и от того, как смотрят на него соседи.

Вы хорошо знаете, что было время, когда у нас здесь было несколько государств, от Базоркино нельзя было проехать в Ольгинское, потому что там уже было другое государство. Так было недавно.

То же самое представляла и наша Республика. Она была окружена со всех сторон бандитами, которые имели огромное желание каждый день и каждую минуту наброситься на рабочих и крестьян России. Если это перевести на время, то выйдет, что полгода мы воевали с отечественными врагами и три года воевали с иностранной контрреволюцией, ибо белогвардейцы все для войны получали от Антанты. Оттуда все шло.

Теперь мы посмотрим, как сейчас о нас думают в Западной Европе. Вы знаете, Европа нас за государство не считала и делала все, чтобы завоевать Советскую Россию, бросала на это большие деньги и т. д. А теперь, когда пришлось барону Врангелю, не как библейскому, а как повоявленному маленькому Ною, сесть в ковчег и выехать за наши пределы, наше положение стало совсем приличным, так что мы ходим сейчас по Европе, как и всякий там живущий. Раньше мы, чтобы провезти туда хотя бы

одного человечка посмотреть, как живут в буржуазном мире, брали массу пропусков и документов, и нельзя было все-таки проехать, чтобы не быть где-нибудь арестованным.

Сейчас ничего подобного нет. Сейчас представители рабоче-крестьянского государства в Европе во многих местах если не первые люди, то приняты в «самом хорошем обществе». Если вчера они считались опасными «бандитами», которых нельзя допускать в буржуазные страны, то теперь ничего подобного нет. Сейчас с ними заговаривают таким языком, на котором принято говорить с представителями организованных твердых государств. И там, где нам не открывали двери вчера, сегодня — «почет и уважение», не боятся, что ты коммунист, что ты большевик, который устроил беспорядок в России. С нами разговаривают как с представителями огромной организованной страны. Даже когда мы делаем какую-нибудь неосторожность и даем повод вмешаться в наши дела, этого вмешательства не происходит. Антантовские пароходики, скользя мимо Черноморского побережья во время недавних событий в Грузии, только для приличия дают несколько залпов по железной дороге, проложенной по берегу, — и этим дело ограничивается. А раньше, если грузинское правительство сказало бы: «Пойдемте бить большевиков», если бы меньшевики закричали о помощи, то вся Европа стала бы им помогать, очередь устроила бы, чтобы помогать побить русскую большевистскую Красную Армию. Теперь эта мода прошла. Теперь Европа все чаще и чаще посылает таких людей, которые разговаривают не винтовками, а дипломатически ведут переговоры во фраке и белых перчатках, как полагается в буржуазных государствах.

**НЕТ СЕЙЧАС ТАКОГО БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА,
КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ХОДИТЬ СПОКОЙНО,
ПО БЕЗОПАСНОЙ ДОРОЖКЕ**

Это происходит вовсе не потому, что мы выпвели, побледили, легче стали брать на поворотах, чтобы не свалиться под откос автомобилю, на котором едет русский пролетариат. Нет, мы какими были, такими и остались.

Так же будем заниматься тем делом, которым занимались: вести борьбу за интересы трудящихся и будем помогать освобождению всех угнетенных и обиженных на всем свете. Изменились не мы, изменилось положение нашего противника, самой Антанты. Если вчера Антанта представляла из себя нечто могущественное и грозное на целом земном шаре, то теперь от такой Антанты не осталось и следа. И теперь об этом антантовские бабушки рассказывают как о прошлом. Прежде по малейшему мановению английского адмиралтейства английский флот запирал все выходы и входы великой Советской страны.

Теперь ничего не выходит. Всякий приказ наталкивается на то, во что сейчас уперлись главные бандиты на международном поприще — руководители буржуазной Англии. Эта страна исстари славилась тем, что прекрасно была всех на морях и называлась «владычицей морей». Последняя война показала, что она не менее могущественна и на суше. Теперь эта могущественная страна, которая дирижировала всем миром и задавала тон, от которого до сих пор очень солоно, — она сейчас стоит перед вопросом своего собственного существования. Те миллионы английских рабочих, которые забастовали самым настоящим, самым безжалостным в отношении буржуазии образом, — эта штука может легко привести к тому, что в Англии произойдет революция. И скрывать не станем: несмотря на то, что мы как бы узаконили главу английского правительства — Ллойд-Джорджа (он для нас в высокой степени заманчивая персона), недавно заключили с ним договор, — но все-таки «торговать» с рабочими нам приятнее, чем якшаться с антантовской буржуазией. Пророчествовать не стану, но возможность такого поворота не исключена. Об этом знает само английское правительство, которое и день и ночь занято тем, чтобы собрать надежные воинские части английской армии, поставить их во все уголки государства, чтобы в каждую минуту быть готовым верным ударом расправиться с бастующими рабочими. Удастся это или нет, — я не знаю. Но, во всяком случае, государство, которому приходится ставить одну часть населения против другой, это государство переживает очень невеселое время.

У нас таких вещей не бывает. А там, где рабочие напирают на буржуазию, мы там приложим свои руки самым настоящим образом. (А п л о д с м е н т ы.)

Мы бастующим английским рабочим скажем: поможем всем, чем можем. Люди мы не богатые. Все, что от нас зависит, сделаем, но главное — посоветуем вам: поставьте дело так, чтобы ваша Коммунистическая партия, которая у вас есть, повела бы вас вперед, ибо только она может вывести вас из тяжелого положения. Если, бросив работу на заводах и фабриках, станете ходить, заложив руки в английские штаны, и ждать, то так у вас ничего не выйдет. Дождетесь того, что было с ленскими рабочими в 1912 году, о чем мы вспоминали вчера. Это дело не подходит. Если остановите английские фабрики и заводы и шахты будут заливаться водой, конечно, буржуазия не будет на вас смотреть и, конечно, будет бить. Чтобы не дожидаться этого момента, есть один исход: как в Октябрьскую революцию, взять инициативу в свои руки, подойти, развернуться и хлопнуть самому, действовать так, как это у нас было в Октябрьскую революцию. Такой-то полк — за нас, такой-то — против. Мы видим, что с той стороны, у Керенского, не твердо. Одни говорят: соглашательством действуйте, другие — уступками. Нет, таким моментом надо пользоваться. И мы начали наступать. Из Питера тогда вся буржуазия стала катиться на юг и на север. Такое положение сейчас по всей Европе. Нет такого правительства, которое могло бы ходить совершенно спокойно, по безопасной дорожке. Всякое правительство в Европе сейчас ходит по канату, балансируя, как бы не сломать себе голову. Это не слова, а действительность. Об этом свидетельствует то, что происходит в Англии, что наблюдается в Германии. То, что было у нас во время керенщины, примерно то же сейчас в Германии. Если слышим: «могущественная культура, огромное государство», — это вздор. Теперь этого нет. Это было в старой Германии, а сейчас в Германии что ни область, то и свое особое положение, все держится на вооруженной белогвардейской солдатчине и больше ни на чем. Даже и в Англии все старые пружины теперь лопаются и трещат. Таким образом, то изменение отношений к нам, которое произо-

шло в Европе, совсем не объясняется тем, что мы стали более причесанными и выпцвели за эту гражданскую войну. Если понадобится, покраснеем еще больше, но не побледнеем ни на йоту. Это мы заявляли всегда. (А п л о д и с м е н т ы.)

С Англией произошло плохо. Дома у английской буржуазии неблагополучно. Пока они занимались Российской республикой и смотрели за рабоче-крестьянской Россией, вместо того чтобы посмотреть у себя дома, они свои дела просмотрели, так как дом-то оказался разоренным. И теперь что ни день все начинает разваливаться по всем швам. От прежнего авторитета не остается и следа. Дело дошло до того, что на предложение персидского правительства вывести войска Англия отвечает: «С полным нашим удовольствием». (А п л о д и с м е н т ы.)

Если недавно те же английские генералы успешно заправляли войной против Мустафы Кемала на Турецком фронте, то теперь настолько изменилось положение, что турецкая делегация принята в Лондоне и начинаются delicate переговоры. Дело дошло до того, что кемалисты бьют по носу Антанту, а несчастным грекам настолько плохо, что они растрепаны совершенно. (А п л о д и с м е н т ы.)

При таких условиях ничего другого не остается, как стать на путь переговоров, которые уже начались с турецким правительством. Политика хождения по канату сейчас заставляет Антанту искать дружественных отношений и устанавливать торговую связь с нами, с кем они вчера воевали, кого хотели уничтожить. Хорошо, отвечаем мы, если придет к нам паровоз из буржуазной Америки, мы купим и скажем: «С полным удовольствием». (А п л о д и с м е н т ы.) Наши советские рельсы его выдержат. Подписывая с нами договоры, страны Антанты знают, что одновременно мы устанавливаем дружественные отношения с врагами Антанты — с правительством Ангоры, которая, конечно, ближе нашему советскому сердцу, ибо борется с нашими врагами за свое освобождение. (А п л о д и с м е н т ы.) И Антанте приходится мириться с этим, так как выхода у нее нет. Это лишь доказательство того, до какого состояния европейские государства доведены:

им приходится молиться и корану, и евангелию, и чему угодно. Главная наша задача была в том, чтобы о мертвой точки сдвинуть европейский порядок, и мы его нарушили несомненно. Весь европейский лоск покрыли самым настоящим нашим «азиатским» налетом, и не сегодня-завтра трещины, которые продолжают углубляться нашими договорами и нашими братскими отношениями с западноевропейскими коммунистами, еще больше увеличатся. Таким образом, все приводит к тому, что Антанта разваливается. Нет уже больше былой стройности, нет того величия. Напрасно страны Антанты поклялись защищать друг друга до последней капли крови. Клятву пришлось нарушить. Каждый сам себя защищай. Поучителен пример маленькой Грузии, которая попала в самое трудное положение, и Антанта должна была бы встать по всем правилам на защиту ее от грузинских рабочих и крестьян, так как Грузия является членом Лиги наций. Если теперь английским рабочим придется взять за горло Ллойд-Джорджа, Париж не ответит, а скажет: «Как-нибудь сами справьтесь, так как у нас здесь тоже плохой ветер дует и с каждым днем и часом у нас, в нашей мировой столице, все больше популярным становится коммунист». Вот какое положение сейчас в Европе. Таким образом, если мы говорим, что внутри у нас вопиющая нужда в самом необходимом и жизненном, то в смысле политическом рабоче-крестьянское государство прочнее, чем любое государство Европы, и можно сказать, что мы живем в самом счастливом, обеспеченном государстве.

Кто-то из буржуазных представителей Европы сказал, что в Советской России можно наблюдать смену одного наркома другим и третьим и все-таки в России проводится одна политическая линия. Ничего подобного нет ни в одном европейском государстве. Там идет правительственная чехарда, вызываемая обостряющейся борьбой между капиталом и трудом. Эта борьба принимает такой характер, что хотя нет открытых, вооруженных столкновений, но те, которые находятся во главе государств, сидят некрепко. Со времени, когда стал признанным факт существования рабоче-крестьянской страны, ломаются все министерские кресла Западной Европы.

НЕ УПУСКАЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ, ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сейчас наша задача внутри страны — добиться того, чтобы всякий честный и порядочный человек, который понимает хотя немного больше того, что есть у него под носом, сознательно относился к строительству рабоче-крестьянской власти. Все должны понять, что сейчас нужно не упускать ни одной минуты, возможно дружнее и храбрее подойти к нашему фронту нужды, потому что от этого будет зависеть не только удовлетворение собственных экономических интересов каждого трудящегося, но это и перед лицом европейских государств поможет нашим интересам. А мы знаем, что существование Советской власти на одном оазисе — России — полностью и окончательно обеспечено не будет, а в то же время каждый лишний день нашего прочного существования расшатывает Европу.

Советская Россия самым фактом существования ведет агитацию среди всех народов, и всякий, кто в Европе упомянет о нас, о том, что Россия первая подняла знамя мировой революции, тем самым покоряет сердца рабочих и, несмотря на старания бандитов в Кронштадте, агитирует за нас, указывая, что все же в Кремле сидит Совнарком.

Народ в Европе видит и знает, что рабочие и крестьяне России крепко держат власть в своих руках. В России, самой некультурной стране, рабочие и крестьяне не только взяли власть, но и правят государством свыше трех лет. Враги говорили, что правят особыми приемами: прабят, режут, насилуют, глотают живых кроликов и умирают голодными. Но оказывается, что и в нужде и радости поют «Интернационал» и верят в правоту своего дела. Очевидно, на русских рабочих клеветуют, так как они вовсе не звери. Этого достаточно, чтобы Европа революционизировалась.

Теперь нам нужно не только подписывать торговые договоры, но и делать все, чтобы содействовать укреплению рабоче-крестьянской власти, и, как прежде мы все несли на фронт войны, теперь нужно нести на фронт хозяйственной нужды.

По мере того как мы будем побеждать на этом последнем фронте, перед нами все шире и шире будут открываться двери к нашей конечной цели. Для всемерного содействия борьбе на фронте хозяйственной нужды мы решили использовать все возможности не только внутри нашей страны, но и вне ее.

Мы не задумаемся заняться торговлей, «спекуляцией» в международном масштабе. Мы посылаем для этой цели всюду нашу советскую агентуру. Мы объявили свободными для входа иностранных судов все наши советские порты, куда могут иноземные торговцы привозить любые товары, за которые мы будем платить золотом, сырьем, которым располагаем в изрядных размерах.

Идем мы и дальше: можем дать под разработку иностранным капиталистам огромные нетронутые лесные пространства, залежи угля и прочее. Мы идем и на это. Если угодно — пожалуйста в Донецкий бассейн, добывайте уголь, часть берите себе, другую часть оставляйте для нас, для рабоче-крестьянской страны. И есть надежда, что капиталисты это дело поднимут.

Для нас все равно, куда отправлять это сырье. Куда угодно, в любую страну! Только бы не попасть нам в новое рабство, только бы скорее видеть и там, в Европе, красное знамя, раздвинуть фронт борьбы, которая закончится победой труда над капиталом.

Капитал Европы, конечно, против нас, но тем не менее и капиталистам не так весело и богато, как это принято думать: им также приходится изощряться, искать выхода, благодаря последствиям продолжительной войны и хозяйственному истощению в результате ее.

Мы сейчас находимся в такой стадии существования, когда вскрываем все возможности к укреплению рабоче-крестьянского Советского государства: мы заключаем торговые соглашения с капиталистическими странами, мы даем возможность проявить инициативу всей огромной массе крестьянства, которая еще не может воспринять коммунистические идеалы, которая укрепляет свое собственническое мелкобуржуазное хозяйство. Как бы ни

был ответственен и труден тот момент, который переживает Советское государство, мы все же имеем и много возможностей для того, чтобы начать со всех сторон обогащать и укреплять Советскую Россию. Возможность развернуть широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную. (А п л о д и с м е н т ы.)

Каждый наш успех будет немедленно отзываться в Европе и на Востоке. На нас смотрели с полной безнадежностью и думали, что как только в России окончится гражданская война и рабочие и крестьяне примутся за восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства, тогда мир будто бы увидит, какие большевики безнадежные хозяева.

Нам нужно сейчас как можно скорее показать, что мы способны не только разрушать, но умеем и созидать, а это явится огромным плюсом в деле освобождения трудящихся. (А п л о д и с м е н т ы.)

НА ПУТИ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Задача нами поставлена. Наш последний партийный съезд совершенно откровенно вскрыл и перетряхнул все, что мы имеем. Оказалось, что мы приехали к мирной гавани очень усталыми. Но мы установили, что в огромной, многомиллионной России, для того чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и те идеалы, которые написаны лучшими умами человечества и подлинными защитниками угнетенных, — для этого в России еще найдутся силы.

Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, создается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надежный путь, и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и несомненно победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и радоваться, он идет к счастью, и ничто не свергнет его в анархию.

Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придет в царство социализма.

(Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Печатается по тексту книги:
С. М. Киров, Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 269—285.

О ШАРИАТЕ

*Речь на Учредительном съезде Советов
Горской Советской Социалистической Республики
21 апреля 1921 г.*

Товарищи! Я немного времени отниму у вас только для того, чтобы дать некоторый отвод не совсем точному толкованию отношения Советской власти к вопросу, который долго и слишком горячо дебатировался здесь сегодня.

Дело в том, что горячность эта совершенно понятна потому, что между нами, носителями рабоче-крестьянского красного знамени, и многомиллионным Востоком наши противники стараются вбить клин, часто спекулируя именно на этом вопросе, — на вопросе о шариате.

Как мыслим мы это дело?

С первого дня мы заявили, как мы относимся к религии. Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь; это первое положение установлено нами давно.

Что такое шариат — все вы знаете. Если бы весь вопрос сводился только к религиозной стороне дела, все было бы просто. Но тут затрагивается другая область — область общего управления.

И вот маленькие справки из той области, как Советская власть смотрит на этот вопрос.

Что такое Советская власть? Это такая власть, которая должна быть в полном смысле слова властью рабочих и крестьян. Управлять может крестьянин и рабочий и каждый выбранный ими, лишь бы эта власть была такой властью, которая народу, рабочим и крестьянам, была бы понятна и близка от начала до конца, и все то, что

выполняет Советская власть, было бы целиком и полностью восприимчиво и было бы годным для широких трудящихся масс.

Отсюда вывод. Раз это так, — а это несомненно так, — то нельзя придумать власти рабочих и крестьян, которая была бы по методам своей работы одинаковой для всех народов.

Если мы будем по одному шаблону строить наши суды, — о чем говорилось здесь, — естественно, из этого решительно ничего не выйдет. Это совершенно определено и понятно. Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти вам не раз говорили: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату; это дело ваше» — в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей, живущих здесь, Советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята.

Вот как просто стоит для нас этот вопрос. И только то, что в старое время сплошь и рядом этот вопрос ставился здесь в совершенно неправильной, уродливой форме, привело к тому, что здесь товарищи из отдельных национальностей подходили к нему несколько сгоряча.

Никоим образом наша Коммунистическая партия никогда не собиралась устанавливать какого-либо контроля над вашим шариатом. Это дело ваше. Коммунистическая партия не касается этого вопроса ни с какой стороны.

Те новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым и должна отвечать Советская власть, где бы она ни была — в Москве, в Назрани или Константинополе. Только при этих условиях мы сумеем осуществить те общие идеалы, которые нами здесь развивались так долго в течение всего съезда.

Мы вовсе не стараемся вести какой-то экзамен религии. Это ваш мир. Мы знаем одно — религиозные вопросы нас не занимают. Еще повторяю, это дело не касается нас. В этом смысле я мог бы привести целый ряд фактов из советской практики, и все их так или иначе знают.

Здесь один из делегатов заявил, что тут как будто все предлагается, что нужно нам, но чувствуется определенное недоверие к нам и какая-то, как он сказал, дипломатия. Это буквально его выражение.

Этот человек не может понять самого простого. Я скажу, что никакой дипломатии нет. Пусть он присмотрится, что делается среди его единоверцев в Турции. Мы видим, что турецкий народ раскололся пополам. Получилось константинопольское правительство, которое продано Антанте, там существует свой шариат, и знаем другое правительство — анатолийское, где во главе стоит Мустафа Кемаль, — там тоже шариат. Очевидно, шариат служит народам или группам людей, но не наоборот.

Основное требование к форме судопроизводства, которая интересует вас и которая здесь устанавливается, мною уже изложено.

Мы заявляем: устраивайте это дело как угодно, ибо это дело ваше, только не должно быть отступлений от работы на пользу укрепления рабоче-крестьянского государства.

Больше решительно ничего не нужно, и вся наша «дипломатия», о которой говорил здесь т. Измайлов, сводится именно к этому.

Он говорил: «Если дадите шариат, то дайте целиком и полностью».

Но что такое «целиком и полностью»? Вот здесь-то мы и видим самую форменную, настоящую дипломатию. У нас в смысле устройства рабоче-крестьянской власти на местах нет ни малейшей дипломатии. Вся дипломатия сводится к тому, что независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Там, где не могут создать нужных государственных аппаратов и где под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно, с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять.

Это наша задача. Я не знаю; может быть многие, принадлежащие к разным верованиям, нас не понимают, но мы такими уже родились и не умрем, а будем жить и развиваться в дальнейшем. Берите нас, какие мы есть. Я думаю, что всякий, на какой бы точке зрения он ни стоял, нас поймет в конце концов.

Те революции, которые завтра предложат здесь в окончательной форме, должны быть поняты так, что единственная дипломатия, которую мы преследуем, это — освобождение всех угнетенных национально и экономически в пределах Горской республики. Если эту заповедь принимаете, то мы говорим дальше: в области религиозной делайте что хотите. Это не касается нас.

И дальше мы говорим: создавайте свои школы на нашем родном языке, на каком языке хотите — это ваше дело. Если хотите устраивать суды на своих основаниях, — делайте это, как вам угодно. Никакого контроля Коммунистическая партия не может и не должна наводить в этом отношении. Но помните, что все эти формы жизни, и школы, и все организуемые нами институты, должны стремиться к одному — чтобы укрепить здесь власть рабочих и крестьян.

Приведу такой пример: предположим, завтра волею Христа или Магомета поднимется генерал Деникин и пойдет в суд шариата и отдаст себя на волю революционного правосудия. И если этот шариатский суд, вместо того чтобы сделать усекновение генеральской головы Деникина, окружит его ореолом мученика, — такого суда ни один рабочий и крестьянин, преданный настоящей власти, не допустит.

Однажды ингуши, обсуждая вопрос о прабегжах и разбоях, в своем постановлении сказали так: судите грабителей судом шариата, но по закону Военно-революционного трибунала. Это то самое, что действительно нужно для укрепления рабоче-крестьянской власти.

Напрасно упрекали нас, что здесь какая-нибудь дипломатия. Единственная дипломатия наша заключается в том, чтобы возможно больше дать средств для укрепления власти вашей, трудящейся бедноты. Но переворачивать советский аппарат для того, чтобы он служил прикрытием черных воронов, врагов наших, этого мы не по-

терпим. В Москве была такая обстановка, когда в Кремле часы на башне играли «Коль славен наш господь», а теперь часы играют наш коммунистический «Интернационал». Мы не знаем и не хотим знать, как мыслят сидящие под куполами этих башен, но «Коль славен» играть им не позволим. А религия — их дело, к этому у нас совершенно спокойное, безразличное отношение. Это — собственное их дело, и только.

Пусть в душе какой-нибудь архиепископ и не стоит за Советскую власть и пусть мысленно поет контрреволюционные мотивы, но когда это выльется наружу, когда получится угроза государству, тогда мы будем никуда не годными людьми, если не предупредим это зло.

Если, благодаря автономии, шариатскому суду и прочему попытается развязать руки контрреволюция, мы тогда скажем: этот шариат не годится. Если шариат потребует, чтобы сегодня взяли меня за плотку, меня как представителя рабоче-крестьянской власти, — я умирать не хочу, как и Советская власть умирать не хочет, я буду защищаться, и уже тогда разрешите взять за горло того, кто собирается душить Советскую власть. Как видите, философия очень простая.

Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Может быть пройдет время — и человечество будет одинаково во всем. Будет подлинный коммунистический рай. Но все же это не значит, что все во всех отношениях на земном шаре будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень скоро заговорит на одном общем для всех языке.

Если такая точка зрения кое-кем считается неудобной и кое-кто думает, будто бы мы вам не доверяем, а разрываем дипломатию, то это говорит о том, что есть среди вас такие элементы, которые хотят воспользоваться вопросом о шариате, чтобы поссорить собравшихся здесь. Могут сказать: «Мы просили шариат, но с нами разыграли дипломатию», — это говорит о том, что есть элементы, которые недовольны Советской властью вообще.

Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на

какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине.

Совершенно неправильно говорили, что Советская власть пошла на уступки и пр. Здесь никаких уступок нет. Здесь просто союз отдельных национальностей. И мы вовсе не такие дураки, извините за грубость, что, придя в совершенно новый для нас мир, стали бы навязывать вам то-то и то-то. Скажем, если бы мы приехали в Чечню и сказали бы: «Разговаривай только по-русски», это покажется смешным. Так же смешно показалось бы, если бы мы пришли и сказали: «У вас есть шариат, а у нас в Москве никакого шариата нет. Бросьте ваш шариат и берите нашу московскую форму суда, а свою бросьте».

Чеченский язык плох или не плох, я не знаю: язык как язык, каких много; и если вам угодно устраивать ваши судебные учреждения, — устраивайте как хотите, но помните одно: не пойте на чеченском языке «Боже, царя храни», хотя бы на чеченском или другом языке — мы этого не допустим. (А п л о д и с м е н т ы.)

То же самое надо сказать и о шариатском судопроизводстве. Если будут восстановлены в ваших судебных руководствах старые законы и старые положения и если вместо товарища Ленина в помещении суда будет висеть портрет Николая Второго, извините, такое помещение должно быть запечатано, при всем нашем уважении к шариату. (А п л о д и с м е н т ы.)

Вопрос о шариате — тот же самый, как и вопрос об языке. Но нам все же было бы приятно, если бы, проходя в школах все науки на чеченском языке, для укрепления власти рабочих и крестьян ученики интересовались бы тем, что написано в нашей рабоче-крестьянской азбуке рабочей и крестьянской мудростью и — в лучшем случае — мудростью коммунистической.

Когда ингуши в Назрани задали мне вопрос, как мы смотрим на религию, я им сказал: «Эти мечети кто разрушил? Найдите хоть одну мечеть, которая разрушена была бы представителями рабоче-крестьянской власти или нашей Красной Армией. Этого вы не увидите».

И после этого здесь говорят о каком-то недоверии, о каком-то политическом подвохе. Это вздор, это форменная ерунда. Рабочие и крестьяне, будь то татарин или русский, кто угодно, они не могут подходить дипломатически к рабочим и крестьянам других народов.

Мы идем в этом вопросе совершенно открыто. Никакого тайного замысла здесь нет. Если кто путает и нас и вас, это безусловно наши общие враги, которым выгодно воспользоваться религиозным моментом и начать сеять рознь, затормозив съезд, чтобы он разделился, и тем попытаться сорвать рабоче-крестьянскую власть.

Это вздор. Между рабочими и крестьянами всех национальностей и всех горских народностей никакой дипломатии не существует. Если мы ловкие дипломаты в отношении контрреволюции, то обманывать бедноту — чеченцев, ингушей, осетин, рабочих и крестьян, — это значит обманывать самих себя.

В тех резолюциях, которые здесь будут предложены шариятистами и коммунистами, особой разницы не будет — мы договоримся; а всех остальных, которые хотят нас запугать, без всяких сомнений выгоняйте и продолжайте дело укрепления власти рабочих и крестьян.

Давайте создавать более близкие вам формы рабоче-крестьянского общежития, и, надеюсь, вы сделаете это здесь подавляющим большинством съезда.

Мы умышленно просили открыть по этому вопросу прения, чтобы сказать не только о нашем понимании шарията, а сказать также: «Когда приедете на места, то скажите, что все было сделано соответственно вашим чаяниям и нуждам трудящихся».

Приступайте к окончательной постройке такой рабоче-крестьянской власти, в прочности которой не сомневался бы ни один из делегатов, хотя бы он был сторонником шарията.

МОЛОДАЯ ГОРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЫХОДИТ НА ШИРОКУЮ ТВОРЧЕСКУЮ ДОРОГУ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

*Заключительная речь на Учредительном съезде
Советов Горской Советской Социалистической Республики
22 апреля 1921 г.*

Товарищи! Работа Учредительного съезда Горской Советской Социалистической Республики закончена.

Я не знаю, кто как будет расценивать эту работу, но я думаю, что мы все сойдемся на мысли о том, что первая, вступительная задача нами разрешена несомненно успешно.

На протяжении нашей шестидневной работы были, конечно, некоторые замешательства, маленькие трения, но в общем и целом мы первоначальную работу сумели проделать безусловно дружно, несомненно единодушно, и это говорит о том, что, когда при открытии съезда пожелали горскому народу счастливого пути, этот путь оказывается, по крайней мере по своему началу, действительно счастливым.

Правда, та работа, которую мы с вами сделали, эта работа черновая, здесь заложены только общие вехи тех огромных задач, которые стоят перед горскими народами.

Если, собравшись на Учредительный съезд, который должен был определить основные законы грядущей жизни трудящихся горских народов, мы здесь сумели оказаться единодушными, твердыми, я бы сказал — смелыми, в проложении первоначальных путей, — то это нельзя не считать несомненным залогом того, что и в будущем молодая Горская республика сумеет найти в себе силы, сумеет найти твердость для того, чтобы осуществить

и воплотить в жизнь все то, что было написано и принято вами здесь.

Нужно, товарищи, помнить, в какой ответственный момент мы с вами здесь работали. В своем докладе о положении Российской Советской Республики я вам достаточно много и подробно об этом говорил, но еще и еще раз приходится напомнить о том ответственном моменте, который мы переживаем.

Нужно сказать прямо: праздник — праздником, но надо быть внимательным, дисциплинированным, готовым в каждый момент должным образом встретить всякое темное облачко, которое может еще показаться на советской небесной синеве.

Правда, сейчас дышится свободно. Настолько свободно, что там, откуда нам могут грозить опасности — со стороны империалистической Европы, — все шире и шире начинают раздвигаться двери к нам, и все больше мы получаем свободу общения и признания нас как государства. Так, например, Антанта старается установить с нами настоящие добрососедские отношения. Пока мы с вами сидели здесь, в ближайший из наших портов, в Новороссийск, прибыли два гигантских парохода: один с английским, другой с американским флагом. (А п л о д с м е н т ы.)

Товарищи, вы видите, что дело мировых сношений с рабоче-крестьянской Россией налаживается не на шутку. С тем большим упорством, и я бы сказал — ожесточением, нужно наброситься нам на нашу внутреннюю работу, надо взять твердый и решительный курс на укрепление рабоче-крестьянской власти.

На нашем Учредительном съезде мы должны в последний раз сказать тем, которые колеблются, боятся, щетинятся против Советской власти: мы еще даем им время одуматься, прийти сюда и принести покорность к подножию Горской республики.

Но всем тем, которые и на этот всенародный призыв не захотят откликнуться, к ним тем решительнее должно быть народное слово, и нужно сказать им в последний раз: вам здесь не место. Всех тех, кто спрятался в наших темных ущельях и скалах, которые не могут свободно дышать советским воздухом и таят желание свергнуть

Советскую власть, именем ли шариата или чего хотите, — нужно возможно скорее выбросить вон из пределов Горской республики, как негодный элемент.

Нужно сделать так, чтобы молодая Горская республика представляла действительно семью трудовых народов, чтобы на следующем съезде, который соберется, — я не знаю там когда, — были представлены подлинные, скованные единым желанием, верные сыны трудового народа и чтобы на будущем съезде не было никаких фракций, кроме разве национальных, которые были на этом съезде.

Чем скорее, товарищи, мы изживем эту разногласицу, эти колебания, тем полезнее будет для нашей огромной, сложной работы.

Я думаю, что каждый, кто оглянется назад и поглядит на все то, что сделано Советской властью, и кто сумеет подняться немного выше и посмотреть, что делается кругом, — увидит, что все зовет к этой беззаветной опромной работе на благо освобождения трудящихся и угнетенных.

Рабочие и крестьяне, поднявшие знамя революции, почти изнемогают, почти падают, обливаясь кровавым потом, и ищут помощи везде и всюду. И первая помощь, которую получают они в своей работе, должна быть отсюда, с этого пламенного юга.

Вас почти последних Советская власть взяла под свое спасительное крыло. Вы еще мало трудились для этой новой идеи. Вы меньше трудились, чем другие. У вас должно быть больше сил.

Наконец, сказочная обстановка дивной природы, которая окружает вас, дает вам больше пламенности и энтузиазма. Изнемая под невероятной тяжестью, русские рабочий и крестьянин с великой надеждой смотрят сюда и ждут вашей поддержки.

Заканчивая, мы должны сказать своим братьям, болеющим и умирающим там, на далеких отсюда полях, что мы на этом Учредительном съезде слились в одно великое огромное целое трудового народа рабочих и крестьян всей огромной Федеративной Советской России со всеми республиками. И не сегодня-завтра мы, скованные этим братским союзом, разбивая последние оковы

капиталистической Европы, сумеем поднять усталые руки и взять в братские объятия весь мир трудящихся, лица которых истерзаны и искажены от невыносимой муки, причиняемой им хищниками империализма всего мира.

Да здравствует великая Советская Россия!

Да здравствует молодая Республика горских народов, сегодня выходящая на широкую творческую дорогу укрепления рабоче-крестьянской трудовой власти, укрепления социализма и братства народов!

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 294—296.*

О X СЪЕЗДЕ РКП(б) И КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЯХ

*Доклад на собрании
партийных работников и членов профсоюзов
6 апреля 1921 года, Тбилиси*

Товарищи! Для того чтобы подробно осветить работы съезда нашей партии, потребовался бы не один, а несколько вечеров. Кроме того, одному человеку эта работа не по силам. Поэтому я ограничусь самым важным — основными вехами в работах съезда.

Насколько важен X съезд РКП, лучше всего доказывается тем исключительным интересом, который проявляла к съезду вся европейская печать. Вокруг съезда плелись целые гирлянды различных легенд.

СЪЕЗД ЕЩЕ РАЗ ПОКАЗАЛ СПЛОЧЕННОСТЬ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Задолго до съезда стали распространяться слухи, жадно подхватываемые врагами Советской власти, что в нашей партии неблагополучно, что там наметились трещины, которых скрыть уже нельзя и которые будто бы грозят партии развалом. Все наши противники, как отечественного, так и заграничного происхождения, возлагали на это громадные надежды.

Но X съезд показал с очевидностью всем и каждому, что наша партия — огромный цельный монолит.

Мы представляем настолько сплоченные ряды, такую мощную силу, что нас педаром называют первой и единственной партией в мире по ее единодушию, дисциплинированности, настойчивости и самопожертвованию. Эти

качества нашей партии являются одной из главных причин силы рабоче-крестьянской власти и роста успехов пролетарской революции. И понятна радость наших врагов, что 700-тысячная армия членов нашей партии будто бы начинает расплзаться по швам.

Я категорически заверяю, что если действительно в нашей партии были некоторые неправильные течения, то всякие разговоры о трещинах — это вздор, это ложь всех тех, у кого ничего больше, кроме этих вздорных надежд, не осталось. Враги наши, бессильные и жалкие, могут теперь мечтать только об одном: о нашем внутреннем разложении.

Нам, государственной партии, влияние которой распространяется далеко за пределами РСФСР, споры на съезде не страшны.

Вам, переживающим медовый месяц Советской власти, это может быть непонятно. У нас, четыре года ведущих напряженную борьбу с целым миром, сгибающихся под тяжестью этой борьбы, — у нас не было ни одной свободной минуты, чтобы критически оглядеться на пройденный путь. Только в последнее время, когда последний барон уплыл на чужом судне в Константинополь, мы могли внимательно посмотреть на нашу внутреннюю партийную жизнь.

Наивно было бы думать, товарищи, что в нашей великой партии все идет так, по ровненькой линии: вот шествует впереди товарищ Ленин, а за ним тянемся гуськом все мы. Таких партий не бывает, а в нашей 700-тысячной партии этого подавно не могло быть.

Но X съезд еще раз показал, что мы спаяны единой волей, что мы могучи и непобедимы, что мы сумеем помочь не только нашим ближним соседям, только что освободившимся от угнетателя, но и нашим далеким братьям, там, за советскими границами, изнывающим под тяжестью мировой реакции. (Аплодисменты.)

Наша партия сумеет дать тот отточенный четырехлетним опытом лозунг, который всюду и везде, на Западе и на Востоке, указывает единственный способ покончить с разрухой, победить капитал и поставить у власти трудящиеся массы. Это — короткий, отчетливый лозунг:

гражданская война... (Шумные, продолжительные аплодисменты.)

Что касается нашего внутреннего положения, то вы понимаете, конечно, товарищи, что в атмосфере гражданской войны нам негде было развернуться, невозможно было дать надлежащий размах нашим творческим силам. Одна задача непрестанно стояла перед нами: усилить нашу военную мощь, бить в одну точку, опрокинуть наших врагов, собрав для этого все наши силы.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОЗДАЕТ КРОВНУЮ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПОДЪЕМЕ ХОЗЯЙСТВА

Но гражданская война окончилась. Как же теперь направить партийную работу, чтобы рабоче-крестьянская Россия укреплялась? Ясно, что от многого из того, что проводили мы в обстановке гражданской войны, теперь надо отказаться, надо наметить новые пути строительства и воспитания миллионов трудящихся.

Этим и занимался X съезд Коммунистической партии.

Мы не скрываем своих недостатков и ошибок, ибо от правильного учета их зависит наш успех в будущем. Но здесь есть такие, которые могут быть полагают, что и на коммунистическом солнце есть пятна, и которые поэтому возлагают надежды на коммунистическое затмение. Пусть они лелеют свои надежды: их ложные расчеты принесут им только вред, а нам сознание наших ошибок только поможет исправить их скорее.

Что собой представляет рабоче-крестьянское государство? Оно не только большое. Наша территория действительно велика, наш революционный «плацдарм» обширен, и мы, базируясь на нем, поворачиваем плечом то на Запад — не трещит ли там? — то на Восток — в сторону еще спящих, но живо интересующихся коммунизмом восточных народов.

Но мы не богаты. Наш напор, наша «пружинная» сила громадны, настолько громадны, что от нашего нажима противники наши перепрыгивают прямо через Черное море. (Аплодисменты.)

А вот в смысле хлеба насущного — мы бедны, мы крайне бедны. И это неудивительно. Страна после восьми лет войны, обладая до этого не хозяйством, а хаосом, не имея крупных промышленных центров, с крестьянином, который еще работает владимирской сохой вместо усовершенствованного плуга, — такая страна не может быть богатой.

Но на Западе тоже не весело. Там разруха дошла до последнего предела.

Нам надо умножить наши реальные блага во что бы то ни стало. Нам надо так построить нашу экономическую систему, чтобы население было кровно заинтересовано в росте материальных благ.

Возьмем область продовольствия. С самого начала мы объявили монополию на хлеб, т. е. признали собственностью государства весь хлеб, находящийся в стране, занесли его в нашу коммунистическую бухгалтерию. Система простая, но дело в том, что крестьянин-труженик — в то же время и собственник, и, как его ни пропагандируй, у него остается в том или другом уголке эта собственническая психология. С точки зрения собственнической психологии то, что мы делаем, — грабеж, и нас так и называют везде и всюду — грабителями. *Да, мы грабители: мы грабим грабителей угнетенных; мы отбираем у тех, у кого есть избытки, чтобы накормить тех, кто ничего не имеет.* (А п л о д и с м е н т ы.)

Что произошло в России?

Крестьянин, отобрав у помещика землю, в течение одного севооборота сжился с нею. И когда ему говорили, что идет помещик, — он брал винтовку, шел в ряды Красной Армии, отдавал ей и населению свои хлебные излишки. Ибо он знал, что вернувшийся помещик пропишет ему такой закон, который будет жесточе, чем хлебная монополия коммунистов.

В военной обстановке проводить хлебную монополию было легко. В мирной обстановке, теперь — это не так. Очевидно, нам надо изменить наши экономические отношения в стране.

Конечно, если бы наши фабрики заработали вовсю; если бы мы могли выбросить деревне в изобилии фабрикаты, то крестьянин добровольно отдавал бы свой хлеб и

привык бы постепенно к государственному внутреннему товарообмену.

Говорят, что мы неспособны создавать, что мы головапы, что мы умеем только разрушать. Но ясно, что для хозяйственного возрождения опромяной и бесконечно разоренной страны необходимо много лет, на протяжении которых не раз придется набивать себе шишки на лбу. Мы, государственная партия, должны проводить четкую классовую политику. В то же время мы должны очень внимательно и чутко следить за соотношением классов в стране.

Съезд признал, что в условиях данного момента спасение страны заключается в быстром развитии мелкого сельскохозяйственного и промышленно-кустарного производства. Европа и наши отечественные враги делают вывод, что мы открываем двери капиталу и старым буржуазным экономическим отношениям. Это, конечно, может случиться, если мы будем стоять с открытым ртом и зевать. Но я уже сказал, что, поступая так, мы осуществляем продуманную государственную политику, которая твердо блюдет интересы пролетарской революции.

Съезд постановил отменить хлебную монополию и заменить разверстку натуральным налогом, чтобы часть хозяйственных излишков попадала в руки государства, а часть оставалась у крестьянина. Тут дело не в том, что и как собрать у крестьян. Дело в том, что мы не можем снабдить сейчас крестьян всем необходимым, и создаем условия, при которых они сами, на своих кустарных заводах, могут изготовить необходимые предметы из собственного сырья. Таким образом, оставляя у крестьян излишки, мы в данных условиях повышаем уровень реальных благ в стране.

Съезд много уделил внимания и кооперации и решил также и ее поставить в некоторые «свободные» условия. Правда, вокруг кооперации группируются враждебные нам элементы. Но мы должны суметь их обезвредить, должны заставить кооперацию служить нам так, как мы этого хотим.

Съезд не скрывает известной опасности всех указанных мероприятий; ведь этим легко увлечься и скатиться вниз. Но мы знаем, что в результате четырехлетней работы нашей партии во всех шагах наших врагов мы на-

учились отыскивать противоядие против их же козней, направленных на уничтожение власти пролетариата. Главное: наш крестьянин к помещику не вернется никогда.

Таковы основные мероприятия съезда в области внутренней экономической политики. Съезд так же определенно высказался и относительно нашей внешней экономической политики.

МЫ СТРЕМИМСЯ УСТАНОВИТЬ ШИРОКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ С БУРЖУАЗНЫМИ СТРАНАМИ

Отношение к нам Западной Европы и Америки за последние два года изменилось до неузнаваемости.

Мы — коммунисты — стали чуть ли не первыми людьми в мире. Раскройте сейчас любую европейскую или американскую газету, и вы увидите, какое огромное внимание уделено в ней Советской России. Еще два года или даже год тому назад обычное отношение иностранной прессы к нам было злостно-ироническое. В газетах писались о нас ужасы, наши вожди изображались на портретах в виде страшных бандитов, путающих женщин и детей. Теперь ничего этого нет. Страницы газет заполнены серьезными статьями, в которых мы расцениваемся уже как могучее и организованное государство, способное в каждый данный момент силу и авторитет своих слов подкрепить силою рабоче-крестьянского оружия.

Что же собственно произошло? Отношение к нам изменилось вовсе не потому, что мы изменились. Мы как были «бандитами», так ими и остались: наше твердое решение — прабить всех эксплуататоров трудящихся — мы выполним до конца. (Аплодисменты.) И у империалистов сердца ничуть не стали мягче. В чем же дело?

Дело в том, что в Западной Европе стало далеко не весело жить. Там явственно слышен шум и треск разрушения, там миллионы безработных пролетариев наполняют промышленные центры и требуют работы и хлеба, там всюду застой, острая разруха, сырьевой голод, кризис промышленности.

Теперь вокруг нас происходит опять чехарда всех четырнадцати мировых держав, как происходила она в последние годы, но уже иного порядка. Каждое из них стремится уверить нас, что к контрреволюции, борющейся с нами, они не имели никакого отношения: не посылали ни пулеметов, ни танков, ни орудий, так разве — медикаментов немного «бедным, страдающим русским людям» из белогвардейцев...

Вся Европа и Америка стремятся теперь завязать с нами торговые отношения. Вот мы, по нашей «бандитской коммерции», все это и рассчитываем. Вспомнили, например, что есть где-то Камчатка — наша земля, записанная в опись государственную. За эти годы напряженной борьбы мы, признаться, об этой Камчатке немного и забыли. А американцы, оказывается, всю ее измерили, вынюхали досконально и предлагают нам сдать ее в аренду. Что же нам остается делать? Ясно, что пока наш Совнархоз доберется до этой самой Камчатки — в правительстве Соединенных Штатов Америки будут уже сидеть коммунисты. (А плоды менты.) С одной стороны, как будто и неудобно сдавать Камчатку в аренду, а с другой стороны, не сдав ее, мы все равно ничего не приобретем. Мы и порешили сдать ее американцам на 66 лет. Выгоды от этой сделки для нас солидны.

То же самое и с лесами в Сибири. Много их у нас там, и нескоро Совнархоз наш доберется до них вплотную. Мы и решили сдать в концессию часть лесов англичанам. Пусть работают, пусть пересаживают свои капиталы на нашу советскую ниву, а мы уже постараемся извлечь из этого максимум выгод для нашей рабоче-крестьянской Советской Республики. Это будет освежать нашу промышленность и укреплять наше хозяйство.

Вот Ллойд-Джордж больше года капризничал и не хотел подписывать с нами торговые договоры, а теперь вдруг подписал. Почему?

А потому, что к этому понуждают его события в Западной Европе. В Соединенных Штатах — самых грабительских из империалистов — произошли перемены: Вильсон сменился Гардингом, одна группа капиталистов сменила другую у власти. Перед своим уходом Вильсон прогнал нашего представителя из Америки, а Гардинг

пригласил его обратно, и сейчас дело там наклевывается. Англичане испугались, что Америка обгонит их, и Ллойд-Джордж решительно подмахнул под торговым договором с нами: «Быть по сему. Ллойд-Джордж».

И смотрите, что происходит далее. За Америкой и Англией тянутся и остальные. Уже Венгрия телеграфирует, что ее представитель для переговоров выехал в Ревель, и просит послать туда же и нашего представителя. Даже Китай и тот изливается в дружеских чувствах и говорит, что у нас есть чай, а у вас хотя осталась одна водичка, но мы не прочь поторговать с вами.

Мы знаем свою силу и сознаем отлично свои выгоды. Будем пока что договариваться со всеми буржуазными странами, постараемся быть «принятыми у всех дворов», заведем, если это требуется для буржуазного международного ритуала, школу буржуазных манер.

Но за всем этим «иностранным вмешательством в русские дела» установим самый бдительный надзор наших Чека и Особых отделов. Меньшевики недаром теперь проповедуют, что вооруженной рукой рабоче-крестьянскую власть не задушить, что надо для этого действовать иными приемами: надо в истощенный хозяйственный организм Советской России впускать по капле буржуазного бальзама, — но только по капле, дабы это только раздражало весь организм, разлагало его.

Эти штуки мы отлично понимаем, и у нас есть сильное противоядие против буржуазного бальзама — наша 700-тысячная Коммунистическая партия. Она должна следить за всем этим. Из буржуазных даров мы будем оставлять себе только то, что нам полезно и необходимо, а остальное отсылать обратно.

Таким образом X съезд РКП решил открыть двери европейскому капиталу — не чистому, а со всеми нашими коммунистическими добавлениями. Но, чтобы Европа начала с нами торговать, нам надо быть вполне организованным, могучим государством, мы должны располагать такой вооруженной силой, чтобы в любой момент подтвердить договор оружием.

Вот в кратком изложении вехи внутренней и международной нашей экономической политики, установленные съездом.

Наши враги ехидно говорят: какое же это коммунистическое государство, ежели оно торгует внутри и вне? Но пока наша Советская Республика представляет из себя лишь оазис в капиталистической пустыне, — и наша задача сводится ко всемерному укреплению Советской власти. Ибо настал страшный, критический момент. Не только потому, что мы устали, что мы стигаемся под огромной тяжестью, что от нечеловеческого напряжения дрожат наши мускулы. Западная Европа также переживает страшную минуту, оттуда мы слышим стоны наших братьев трудящихся. И вот эту минуту надо использовать, надо не подорвать своих сил перед нашим последним и решительным боем, надо всемерно укреплять рабоче-крестьянскую Россию, надо, чтобы все, у кого есть еще какие-либо сомнения, увидели, как наша рабоче-крестьянская страна озаряется все более и более ярким светом.

И во имя этой цели мы готовы торговать и договариваться с каким угодно буржуазным государством, *ибо мы знаем, что каждый день жизни Советской Республики неизбежно приближает час смерти капитализма...* (Общие аплодисменты.)

НОВЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КУРС ЛИКВИДИРУЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВТОРЕНИЯ КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЙ

Когда происходил X съезд Российской Коммунистической Партии, в Западной Европе нашими врагами — отечественными, переселившимися туда, и иностранными — велась усиленная кампания, направленная к тому, чтобы сорвать намечающееся соглашение с западноевропейскими державами. Это как раз совпало с моментом общего признания того факта, что вооруженной борьбе с Советской властью, как доказавшей на опыте всю свою безнадежность, надо положить конец.

Начиная со 2 марта каждый день в иностранной прессе появлялись сенсационные сообщения о восстаниях в России, о том, что Ленин бежал в Крым, что половина Петрограда занята повстанцами и т. д. и т. д. Эта кампа-

ния лжи завершилась неслыханной провокацией — официальным сообщением английского адмиралтейства. Как вы знаете, в «Правде Грузии» был опубликован протест т. Чичерина.

В этой обстановке вспыхивает восстание в Кронштадте. Как происходят подобные восстания, вам, вероятно, известно. Я позволю себе выяснить только политический смысл кронштадтских событий.

Основная часть населения нашего государства — многомиллионное крестьянство. Когда мы были заняты войной и все внимание наше было направлено на войну — общая разруха не чувствовалась остро. Теперь же, в мирной обстановке, дело другое. В середняцко-крестьянской среде создаются настроения в том смысле, что все недостатки и нехватки, что считалось обыденным прежде, теперь уже кажется недопустимым. Как правильно заметил товарищ Ленин, говоря о событиях в Кронштадте, трудно сказать, что происходит там: левее нас или правее, то и другое вместе, но одно ясно, что в Кронштадте фокус, сумма всех настроений, существующих в России.

Конечно, вся Россия — не Кронштадт. Но, конечно, не во всех местах России дуют коммунистические ветры.

Раньше дело было проще и потому легче: какой-нибудь генерал — Колчак или Деникин — садился на коня и направлялся прямо на Москву. Всем было понятно, что это значит, и генералов били. Теперь положение изменилось: черное, желтое, розовое — все смешалось в один грязный цвет, и вот эта неопределенная, мутная накипь теперь и бурлит.

В этом смысле кронштадтская история весьма поучительна.

Раньше прямо начиналось с генералов. Теперь все движения против Советской власти начинаются... с признания Советской власти, но только с «поправками». А когда все эти поправки сложить, то от Советской власти ничего и не останется. Начинается история якобы с желания расширить базу Советской власти, и «база» эта расширяется настолько, что на ней, оказывается, помещается и учредилка, а затем и генералы.

И не будет ничего удивительного, если кронштадтская история повторится в каком-либо ином месте. Ибо охотников спекулировать на указанных настроениях очень много.

Но мы полагаем и уверены в этом, что вся эта мутная атмосфера враждебных нам настроений будет расчищаться тем новым хозяйственным курсом, который установлен на X съезде нашей партии.

НАША ПАРТИЯ НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА

Мы, может быть, совершили много ошибок, но даже враги наши признают теперь, что все основные моменты, основные трудности, начиная с Бреста, мы расценили и разрешили правильно.

Заканчивая свой доклад, я скажу: на своем X съезде героическая Российская Коммунистическая Партия оказалась еще более дисциплинированной и стойкой, чем раньше. Мы должны всегда помнить простую истину товарища Ленина:

Секрет нашей силы и слабости наших врагов заключается в том, что наши ряды объединяет труд, а ряды наших врагов — взаимное воровство; такая скрепа долго держаться не может.

Антанты нет. Уже Япония и Америка вцепились в горло друг другу. Грозные признаки новой мировой бойни явственно проглядывают, и перед этой бойней побледнеют все ужасы последней войны.

От имени X съезда нашей партии мы приняли обращение к Исполкому III Интернационала с предложением выпустить манифест к пролетариям всего мира с предупреждением о подготовляемой империалистами новой мировой бойне.

Устами лучших представителей трудящихся всего мира мы повторили это решительное предупреждение.

И если наша партия, несмотря на все тягчайшие испытания, несмотря на невероятные трудности, не согнулась, не пала духом, а наоборот — обновленная, бодрая, дышащая живыми силами, стоит на страже интере-

сов трудящихся всего мира, — мы все уверены, что очень скоро раздастся гул призывных колоколов, такой могучий и сокрушительный, что задрожат, зашатаются все старые устои буржуазного мира и рухнет он безвозвратно.

(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том I, 1936,
стр. 297—306.*

**РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

30 декабря 1922 г.

Товарищи! Тов. Сталин в своем докладе сегодня сказал, что настоящий день является днем торжества новой, рабоче-крестьянской России. Товарищи, я не знаю, как относятся к этому те, которые живут близко к главному источнику Советской власти и коммунизма — в Москве, но я ручаюсь, что все те рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдаленных окраин, они как пельзя больше торжествуют в сегодняшний день. У нас у всех в памяти старая Россия. Мы знаем основную заповедь царского режима: гнет, унижение, национальная травля. Мы помним, как нам еще в детстве пели песни о том, что там, на далеких и диких окраинах, живут какие-то безумцы, которые занимаются, как, например, чеченцы, только тем, что неустанно ползут на берег и точат свой кинжал. Вы помните, как все делалось для того, чтобы отдельные народности стонали под сапогом, торжествовавшим тогда в России. И только теперь, только спустя пять лет, мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью. Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!».

Я думаю, что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося сейчас. Я думаю, что не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале.

Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время запяться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт. Я думаю, что вместе с тем это здание должно являться эмблемой прядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Товарищи! Может быть, этот момент послужит лишним толчком к тому, чтобы европейский пролетариат, все еще спящий в большинстве своем, все еще не уверенный в торжестве революции, все еще сомневающийся в правильности тактики Коммунистической партии, чтобы он при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю.

Может быть, тогда они поймут, что настал, наконец, такой момент, когда надо тряхнуть проклятую

капиталистическую землю так, чтобы все, что гнуло нас в течение веков, было сброшено в бездну истории. И на этом новом, румянном, красном, революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными, стройными рядами пойдем из этих жалких хижин в волшебные дворцы с великим гимном Интернационала.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные
статьи и речи, 1939,
стр. 177—178.*

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС

*Речь на открытии партийного клуба
Бакинской организации
22 апреля 1924 г.*

Товарищи! Вы знаете, что говорить о жизни незабвенного Ильича — это то же, что говорить о жизни и движении русского пролетариата. Так тесно переплелась вся личная жизнь Владимира Ильича с судьбами русского рабочего движения.

Ровно 54 года тому назад на берегах великой русской реки родился человек, которому суждено было потрясти весь мир. В это время рождался также застрельщик мировой революции — русский рабочий класс.

Ленин рано обнаружил данные вождя мирового пролетариата. Уже с ранней юности он проникается теми идеями, которым отдал всю свою жизнь.

Есть интересные воспоминания Марии Ильиничны о том, что, когда был казнен старший брат Ленина, эта роковая весть потрясла его. И не потому, что это был его старший брат. Он видел ошибки в деятельности народо-вольцев — партии, к которой принадлежал казненный. Но эта казнь не могла не повлиять на выработку мировоззрения Ильича. Получив эту весть, он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Уже в то время он намечал новые методы революционной борьбы пролетариата. К 25 годам Ильич так знал Маркса, как мы еще не знаем его и до сих пор.

ПРОВИДЕЦ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже тогда путь и исход борьбы были для него ясны — этот путь говорил, что только захватом власти революционным пролетариатом начнется перестройка человеческого общества на новых, коммунистических началах. Но 30 лет тому назад еще никто так не думал и когда появились первые книги Ильича, многим стало ясно, что в будущем он развернет все силы своего обширного ума.

Уже с тех пор Ильич начал завоевывать прочное руководящее положение в революционной среде. Он был гений прежде всего. Он был гений в отношении силы воли. Трудно найти равного ему по характеру.

И своей дорогой он шел уж не так «просто». В оценке же окружающих его людей он был беспощаден.

Постепенно он вырастает в вождя мирового пролетариата. Если проследить историю партии, то видно, как давно уже он приобрел авторитет.

МАРКС И ЛЕНИН

Маркса он знал от корки до корки. Он всегда и неизменно возвращался к великому учению и в нем он черпал свои силы и свои откровения. Он был великим последователем Маркса.

Целая эпоха отделяет друг от друга этих людей. При Марксе только зарождалась борьба с капиталом. Ленин же жил в эпоху, когда революционный пролетариат уже сложился в класс. Ленин развил учение Маркса. В применении марксизма он сочетал широту русской натуры с американским практицизмом.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Когда Ленин руководил 150-миллионным народом, в особенности крестьянством, ему помогал его практицизм.

Сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого еще не видел мир.

Ленин прекрасно знал этапы развития капитализма в России. Он видел небольшую кучку пролетариата и

огромную массу крестьянства. Уже в 1905 году, когда многие из нас теряли голову при разворачивавшейся буржуазной революции, Ильич ясно поставил вопрос о крестьянстве. И мы поняли, что у нас должно быть государство рабоче-крестьянское. Необходимость рабоче-крестьянского союза глубоко врезалась в наше сознание. Ильич не сомневался ни на одну минуту, что подлинными носителями социализма могут быть только рабочие, вместе с тем он пришел к выводам, что пролетариат не может один совершить революцию, что он может ее осуществить в союзе с крестьянами.

ЛЕНИН И ВОСТОК

В деятельности Владимира Ильича следует отметить его интерес к угнетенным национальностям Востока. И в вопросе об угнетенных национальностях Ильич нам дал не меньше откровений, чем в других областях.

Если русский мужик называет Ленина отцом, то люди желтой, черной и всех рас с неменьшим правом также называют его отцом. В масштабе мировой борьбы за социализм он учел огромную армию Востока.

Мы видим громадное движение в странах Востока, где капитализм только развивается. Только гениальный Ильич мог предвидеть, что Восток может стать революционным. В этом его огромная заслуга.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто знал Ильича, могут констатировать факт, что империалистическая война сильно повлияла на развитие его мировоззрения. В то время социал-соглашатели Гильфердинг, Каутский и другие утверждали, что война оправдается, что она создаст какую-то новую эпоху для демократии. И только Ильич отнесся глубоко отрицательно к этой мерзкой бойне. Он определенно заявил, что капитализм хочет утопить в крови революционное движение европейских рабочих. Тогда его голос был одинок. Но уже в Циммервальде он находит сторонников. Никто, как Ильич, не разоблачал эту войну. Он делал все возможное, чтобы она была последней. Он говорил: *мир*

погибнет, если не повернет своих штыков против своих угнетателей.

От этого у меньшевиков волосы становились дыбом. Но воля Ильича не знала препятствий. Теперь мы видим, что его гениальная тактика была плодотворна. Уже тогда, уходя с меньшевистских дискуссий, Ильич говорил, что в момент захвата власти пролетариатом меньшевики будут по ту сторону баррикад. Он не ошибся. Тогда же создавались гнусные легенды о германском золоте, запломбированном вагоне и т. д. Но Ильич твердо ковал свои заповеди против войны и выковал то, что называется III Интернационалом.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ

История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича. В деле создания Российской Коммунистической партии (большевиков) он показал себя как великий организатор. Наши враги, соглашаясь, что у Ленина светлый ум, отнимали у него организаторские способности.

Его умение предвидеть, огромная энергия и настойчивость, его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию. Наши враги за границей отлично учитывают, что самый злейший враг их — это наша организация.

В нашей партии много твердых людей, но таких, как Ленин, не было. Вступавшим в Коминтерн он диктовал жесткие условия. Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии.

Настанет пора, когда извлекут из архивов документы, где зафиксирована гигантская работа Ильича. Но есть и другие документы, говорящие об Ильиче, как о великом провидце. Он предсказал империалистическую войну и Февральскую революцию. Когда же настал февраль, Ильич писал, что назревает другая революция, которая поведет рабочих и крестьян против английского и французского капитала. Он не ошибся.

Можно сказать, что изучение международного революционного движения — это есть изучение самого Ленина.

ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ

Скажу несколько слов о Ленине как о человеке. Более сердечного человека никто из нас не встречал. Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас. Был ли такой член партии, который не знал бы его сердечности!

В кругу товарищей он видел всех насквозь, но этого не показывал. Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах. Даже наши враги были очарованы Ильичем.

Никто не знал так человечество, как он, и только этим можно объяснить его революционную смелость.

СОХРАНИМ В ПАРТИИ ДУШУ ИЛЬИЧА

Ленин умер. Но уйдя от нас в могилу, он только вчерне успел закончить гигантскую работу.

Он заложил фундамент будущего социалистического строя. Каждый из нас, выросший в Коммунистической партии, чувствует руководящую руку Ильича.

И если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведем его постройку до конца. Нам все же теперь уже легче. У нас надежный, проверенный партийный компас, и мы дорогу найдем.

Ильич говорил нам: идите вперед и вперед, чтобы зверский капитализм больше не бросал на поля сражений рабочих и крестьян.

Из его наследства мы создадим ленинизм. Только один путь к будущему — изучение ленинизма.

Проникнемся же вдохновением нашего вождя, возненавидим всеми фибрами нашей души все, что поработщает и оскорбляет человека.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные
статьи и речи, 1939,
стр. 179—183.*

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НАДО ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ОППОЗИЦИОННОГО УГОЛКА

*Речь на XIV съезде ВКП(б)
22 декабря 1925 г.*

Товарищи! Здесь вчера т. Бадаев сравнил большинство нашего съезда с той категорией людей, у которых совершенно безнаказанно можно тесать кол на голове. Я думаю, однако, что здесь не найдется ни одного делегата, который не отдавал бы себе совершенно ясного отчета в той обстановке, в которой мы находимся, который не отдавал бы себе отчета в том, какие большие и серьезные вопросы мы здесь решаем. Я думаю, что мы с неменьшим трепетом, чем т. Бадаев, ждали выступления т. Лапшевича, но он с присущей ему по должности энергией навалился на большинство съезда, громовым голосом заявил, правда, только на словах, что он вместе с товарищами из Ленинграда пришел сюда с одним-единственным желанием сказать чистую, настоящую, коммунистическую правду нашему съезду. Мы очень внимательно следили за тем, в чем же заключается эта «правда». Мы знали еще и до съезда сущность этой «правды». На всех элементах этой новой, оппозиционной «правды» остановиться, конечно, не удастся, и я ограничу свою задачу тем, что скажу несколько слов, в первую очередь, о той «правде», которую преподносит нам наш кавказский земляк т. Саркис. Сидя в Ленинграде, приглядываясь к окружающей обстановке, т. Саркис при своем восточном темпераменте, конечно, остался. Он построил нам двенадцатипятиэтажную пирамиду уклонов в нашей партии. Я не знаю, северянин ли т. Шелавин, который возглавил эту пира-

миду и продолжил ее дальше, прибавив «бездну уклонов», якобы существующих в нашей партии. Когда т. Саркис забрался на эту пирамиду, у него, естественно, закружилась голова, и вот тут начинается «спасение» партии. (Саркис: «Но я еще не упал».) Если еще не упал, я надеюсь, что ты все же сломишь себе шею, так как неизбежно упадешь с этой пирамиды! (Смех.) Итак, т. Саркис начинает спасать партию. Первое, что он предлагает, это — возможно больше вовлечь рабочих в дело спасения партии. Я не буду останавливаться на тех арифметических затруднениях, в которые впал т. Саркис. Тут не надо впадать в крайности. Дело объясняется очень просто. У нас на Кавказе народ настолько темпераментный, что он очень часто оказывается в самом безнадежном противоречии с арифметикой. Что сказал здесь сегодня т. Саркис? Он говорил, что если в 1922 году пролетариат у нас был «слишком деклассирован», то теперь он «слишком классирован». Подумайте, товарищи! У нас развивается промышленность; необходимую рабочую силу мы черпаем, скажем, из деревень Погорелово, Неелово и пр., и оттуда идет якобы «слишком классированный» пролетариат, который надо немедленно включить в состав нашей партии... (Голос с места: «А состав безработных?».) Я думаю, что и о составе безработных мы могли бы поговорить. Я мог бы сказать и о том, к чему привела безработица на протяжении ряда лет, хотя бы даже среди прежде достаточно квалифицированных рабочих.

Дальше мы, товарищи, слышали очень пространную повесть на тему о том, что большинство съезда, большинство ЦК не видит, как расслаивается деревня, не замечает того, как говорила здесь уважаемая всеми нами Надежда Константиновна, как трудно живет бедняку. Мы этого до сих пор якобы не знали. Тут нам читали лекцию о том, что, когда развивается нэп, усиливается кулак, плохо становится бедноте и т. д. Тов. Каменев, произведший, на мой взгляд, самое большое впечатление на съезд из всех выступавших здесь от оппозиции, нарисовал схему, которую иначе как платформой назвать нельзя. Он употребил здесь, по моему мнению, одно очень выитрышное слово — «уступка». Он спросил: когда мы

вводили аренду и наемный труд в деревне, это была уступка кулаку или не уступка? Но, товарищи, если так рассуждать и задать себе вопрос: кому выгоднее нэп — кулаку или бедняку, кому выгоднее развитие товарообмена — кулаку или бедняку, — мне кажется, станет ясно, что вопрос в такую плоскость никоим образом ставить нельзя.

Товарищи, когда мы наблюдаем деревню, нам надо следить за всеми сторонами ее развития. А здесь — да простит мне т. Каменев — мне кажется, что он деревни дальше, чем цифры ЦСУ, которые оказались совершенно ошибочными, не видит. В деревне, действительно, сейчас происходит сложнейший процесс. Те программы, которые мы наметили здесь в области работы в деревне, то, что мы называли «лицом к деревне», — это говорит за то, что партия всерьез и по-настоящему стала лицом к деревне. Но когда мы по-серьезному приглядываемся к деревне, скажем, у нас, на Кавказе, то мы здесь видим такие процессы, которые требуют тщательного изучения, прежде чем делать скоропалительные выводы на основании ошибочных цифр ЦСУ, которые старался нам здесь навязать т. Каменев.

Я приведу всего только две цифры для того, чтобы стало ясно, как иногда эти процессы принимают такое направление, о котором меньше всего здесь говорилось. У нас в хлопководческом районе (а это есть одна шестая-седьмая часть всего Азербайджана) в 1922 году беспосевных крестьян было 21% среди хлопководов, а в настоящее время беспосевных крестьян среди хлопководов насчитывается всего 10%. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас в руках, в руках государства, сейчас имеются такие рычаги, с помощью которых мы можем чрезвычайно основательно и очень серьезно влиять на те самые экономические отношения, которые складываются в деревне. Что нам говорит т. Каменев? Он говорит так: «Все наши планы были переделаны деревней в определенном направлении, были переделаны мужиком в настоящем году. В следующем году, возможно, предстоит то же самое, а мы не даем ему отпора». Подтверждение этого мы слышали и из уст Сокольников. Мы просим товарищей из оппозиции, выступающих здесь, ответить

нам на вопрос: что же вы нам предлагаете? Кулак прастет — это мы знаем; что спина у бедняка трещит — это тоже всем известно; что идет известный процесс среди середняков — это тоже нам известно. Но если верно то, что кулак определенным образом вносит самые серьезные, самые коренные поправки в нашу государственную программу, если т. Каменеву точно известно, что и в будущем году «будет то же самое», то будьте же любезны сказать, каким образом нам дальше двигаться. Если нэп создал этот процесс, перед которым мы стоим, то будьте любезны выручить нас из того положения, в котором мы находимся, и сказать нам ясно и определенно, что делать. Душить кулака? Или сжимать нэп? Или позволить бедняку раскулачивать этого кулака? Тов. Сокольников говорит, что вовсе не задача съезда наметить «советскую программу», а задача съезда отметить те уклоны, которые существуют у нас в лице Богушевского и т. д. Я думаю, никто не будет протестовать, если мы удовлетворим просьбу т. Сокольникова и если придушим т. Богушевского и всех ему подобных. Но разве это спасет положение в деревне? Разве это остановит те «бешеные» процессы в деревне, которые вы перед нами здесь изобразили? О том, что бедняку плохо, мы знаем. Что такое нэп и какие силы он развивает в деревне — все это мы наблюдаем в течение уже четырех лет. Все эти вопросы нам хорошо известны, и соответственные партийные решения у нас есть. Нам известно также и то, о чем говорил Владимир Ильич, когда разворачивалась новая перспектива в нашей работе, когда мы вступали в полосу нэпа. Сейчас происходит огромный рост нашего хозяйства, пробуждаются все спящие силы нашей великой страны. Несомненно, на этом пути мы встретим еще миллион затруднений, которые потребуют от нашей партии огромного напряжения, не меньшего, чем во время военного коммунизма. В такую полосу мы сейчас, примерно, вступаем. Мы знаем великолепно, в каких условиях приходится нам разворачивать всю нашу работу. И вот теперь, когда мы столкнулись с очень серьезной заминкой, когда у нас в стране произошли чрезвычайно серьезные просчеты, в это время мы слышим: кулак, кулака, о кулаке и так дальше. Если вы, товарищи, пришли сказать правду, — где эта

правда? Скажите твердо и определенно. Но мы вот «преем» здесь в течение уже четырех дней, и я думаю, что тут произошло то, что чрезвычайно прискорбно излагать. Здесь нам вчера т. Бадаев подробно рассказывал о заслугах ленинградского пролетариата и Ленинградской организации. Кто же в этом, товарищи, сомневается? Неужели здесь есть хоть один член партии, который бы не знал того места, которое занимают в революции и которое занимали до революции Ленинград и Ленинградская организация?

Дело не в этом, товарищи, а дело в том, что на вас оправдалась поговорка, что «на всякого мудреца довольно простоты». Вы попали в такой переплет, из которого вам сейчас выбраться будет чрезвычайно затруднительно. При всем своем огромном авторитете, при всех ваших огромных заслугах, вы забрались в угол, в котором вам чрезвычайно тесно. Вот почему и получилась та осложненная обстановка, которая у нас есть. Вы почему-то думаете, что эта самая ленинская правда, этот ключ ленинизма находятся в одном этом уголке, а не во всем этом зале. В этом основная ваша ошибка. И если вы, вместо того чтобы зазывать в партию всех и всякого, как это делает т. Саркис, пока ограничились бы всем нынешним коммунистическим миром, который имеется у нас, и среди этого коммунистического мира начали бы развивать настоящую ленинскую правду, мы бы нашли эту правду вместе с вами. Но, к сожалению, вы пошли, товарищи, по иному пути, договорились до того, что все, что здесь говорится, все это против вас. Это произошло в результате той работы, начало которой нам известно. Мы пока еще не сумели по-настоящему расставить по местам кулака, середняка и бедняка. Здесь даже в кулуарах говорят о том, что вот четыре дня идут прения. Три дня говорили о кулаке, только раскрыли рот насчет середняка, а дойдет ли дело до бедняка, еще неизвестно. Но дело не в этом, а дело в том, что налицо результаты вот этой кулацкой, середняцкой и бедняцкой географии, в которой часть нашего съезда, к счастью небольшая часть, запуталась. Вот уже начинают поступать газетки из-за рубежа. И вы можете видеть статейки под заголовком «Петербург против Москвы». Это пока что в газетке

«Дни»¹. Потом пойдет и в других, пойдет немножко дальше. Я не знаю, в какой степени подобного рода писания могут укрепить авторитет Коминтерна. Я не знаю, в какой степени подымавшая там агитация может упрочить наше Советское правительство. Я не знаю, каким еще большим авторитетом будет пользоваться наша Коммунистическая партия среди иностранных коммунистических партий — та партия, которая по заслугам считается самой настоящей, самой непоколебимой твердыней ленинизма...

Вот для того, чтобы нам возможно скорее опространчить все последствия, которые совершенно неизбежны, чтобы нам возможно скорее прекратить ту небывалую до сих пор в партии лихорадку, которая, несомненно, треплет сейчас всю нашу партию, — а когда все это разольется по ручейкам ячеек нашей огромной, миллионной партии, все это, несомненно, будет звучать еще громче, — вот чтобы этого не было, надо сказать товарищам, забравшимся в уголок: выходите, товарищи, из этого уголка. Не здесь вы найдете ленинскую правду и те ключи, которые мы должны найти для того, чтобы открыть новые замки для нашей дальнейшей работы. (А п л о д и с м е н т ы.) Выйдите вот сюда, товарищи. Здесь, в этом зале, где заседают представители всей нашей Коммунистической партии, мы действительно единодушно разрешим все те вопросы, которые стоят перед нами, и прекратим то, что делается в первой советской столице, на родине Коммунистической партии, в Ленинграде.

Вы видите, какая агитация, какая опромная борьба происходит сейчас там, в Ленинграде, в тот момент, когда, — как вы сами говорите, — перед нашей партией стоят жизненные задачи, которые надо решать возможно яснее и отчетливее. На другой день после открытия нашего съезда в «Ленинградской Правде» была помещена передовица «Борьба за нефть». Благодарим вас. Верпо товарищ Сталин сказал, что у кого нефть, тот и господствует. Но если дело на то пошло, мы бы у себя в Баку с большим правом могли написать такую статью «Борьба за нефть», но вам, претендующим на первенство в партии,

¹ «Дни» — ежедневная газета эсеров-белоэмигрантов; издавалась в Берлине с октября 1922 года. *Ред.*

нужно открывать номер, посвященный съезду, первой страницей действительной борьбы за наши основные идеи, за единство нашей партии. (Аплодисменты. Возглас с места: «Зарвавшиеся оппозиционеры». Возглас со стороны ленинградской делегации: «Открытию съезда была посвящена передовица».)

На второй день открытия съезда, не знаю, какие еще были статьи в вашей газете, но во всяком случае я рекомендую вам очень внимательно посмотреть за тем, что делается в Ленинграде. Кроме «Борьбы за нефть», что мы читаем в вашей газете? (Возглас со стороны ленинградской делегации: «Это неверно».) Что у вас не были известны статьи Вардина? Это тоже неверно? Нет, товарищи, это верно. Единственный выход из создавшегося действительно трудного положения, — если вы действительно собираетесь и впредь играть ту роль, которую вы играли в жизни партии и в жизни нашей страны, — один: надо помочь товарищам ленинградцам выбраться из этого тесного уголка, в который они забрались. И, т. Бадаев, не только вы скажете спасибо, но скажет спасибо весь тот пролетариат, который вас послал на съезд, и вместе с ним вся наша партия. (Продолжительные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 13—18.*

ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ, СПЛОТИВ СВОИ РЯДЫ ВОКРУГ ЛЕНИНСКОГО ЦК, ЗАЙМУТ СНОВА ПОЧЕТНОЕ МЕСТО В ПЕРВЫХ РЯДАХ ВЕЛИКОЙ ВКП

*Доклад и заключительное слово
на объединенном собрании партколлективов
заводов «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат»
12 января 1926 г.*

Товарищи! Вы все знаете, в какой обстановке протекал наш съезд. Вы все знаете, что XIV съезд нашей партии занял в истории нашей работы совершенно исключительное место.

РАЗНОГЛАСИЯ ВОЗНИКЛИ ЕЩЕ ДО СЪЕЗДА

Естественно, товарищи, что в столь трудной, в столь сложной работе, которую совершала партия, внутри ЦК и в руководящих кругах нашей партии возникали разного рода расхождения по отдельным вопросам и подчас по очень серьезным. В жизни огромной партии, которая сейчас насчитывает больше миллиона человек, в жизни той партии, которая управляет государством, занимающим одну шестую часть земного шара, в жизни той партии, которая является единственной в многомиллионной стране, возможны разногочия по разного рода вопросам. В порядке текущей работы в период между XIII и XIV съездами нашей партии мы часто сталкивались с такими разногочиями, но так или иначе их удавалось разрешать более или менее благополучно. Я не скрою, что разногласия, особенно за несколько месяцев до нашего партийного съезда, в среде ЦК доходили до довольно острых моментов, но несмотря на это мы все-таки старались сделать все к изжитию этих разногласий внутри.

Вы все помните, какая лихорадка трепала нашу партию, когда у нас развернулась так называемая троцкистская дискуссия. Вы помните, что мы дружными рядами падалились на троцкистов, и мы их, как принято говорить, в короткий период положили на обе лопатки. Хотя мы имели от дискуссии некоторые положительные результаты, но несомненно нам слишком дорого обошлась эта лихорадка, которая сильно тормозила работу. Мы прекрасно понимали, что развертывание дискуссий среди всей партии — это очень обременительное дело, это — как принято теперь говорить — очень дорогой накладной расход в жизни нашей Коммунистической партии.

Так или иначе, но разногласия и на этот раз непрерывно возрастали и все более вели к тому, что у нас в партии постепенно начинали складываться определенные течения, которые по ряду вопросов расходились с общей линией большинства ЦК нашей партии.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОППОЗИЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВОПРОСАМ

Взять хотя бы самый близкий для нашей партийной работы вопрос — это вопрос о пополнении состава партии. Наша партия обсуждение этого вопроса развернула широко на съезде; по этому вопросу была кратковременная дискуссия и до съезда. Вы помните, что в известных кругах нашей партии был выдвинут вопрос о максимальном вовлечении рабочих от станка в ряды нашей партии. Вы знаете, что одно время шел разговор о том, чтобы в состав нашей партии входило 90 % рабочих от станка. Вы знаете также, как понемногу, постепенно эти 90 % начинали сбавляться, и к концу нашей полемики, наших споров по этому поводу мы слышали уже разговоры о необходимости ограничиться 50—60 процентами. Большинство ЦК, как и большинство съезда, — о чем вы уже вероятно знаете, — подтвердило решение XIII съезда нашей партии и всех вообще партийных съездов и стояло на той точке зрения, что надо давать всяческие преимущества, надо всемерно стремиться к тому, чтобы вовлекать рабочих от станка, так как это имеет колоссальное, почти решающее значение в жизни партии. Мы прекрасно пони-

маем, что основу нашей партии должны составлять рабочие, но дело в том, можно ли в этом отношении так увлекаться, как увлекались некоторые товарищи, требуя, чтобы у нас к XV съезду число членов партии от станка достигало 80—85%. Если вы прикинете в уме эти цифры, если вы примете во внимание, что между XIV и XV съездами должно пройти полтора-два года, то окажется, что мы должны будем вовлечь в партию новый миллион людей. Но тут дело не в миллионах, а в невозможности физически осуществить в действительности эти с внешней стороны заманчивые перспективы.

Второй вопрос, который занял определенное место на съезде, — это вопрос о нашем комсомоле.

Самой лучшей, самой надежной, самой революционной школой для нашего подрастающего поколения является комсомол. В этом нет никакого сомнения.

И вот, в связи с работой в деревне, в связи с вопросом о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, у нас возник вопрос и о воспитании подрастающего поколения в деревне.

Появились товарищи, которые внесли предложение организовать вокруг комсомола делегатские собрания из крестьянской молодежи, напоминающие те, которые организованы среди женщин. Почему ЦК нашей партии протестовал самым решительным образом против этого? Мы знаем, товарищи, что было бы, конечно, полезно овладеть настроениями молодежи в деревне, но тут надо соблюдать чрезвычайную аккуратность и действовать чрезвычайно осмотрительно — в этом нет никакого сомнения. Представьте себе, что мы встали бы на точку зрения организации делегатских собраний, — что бы это значило? Это, прежде всего, значило бы то, что мы даем из своих рук тем элементам, которые не могут быть вовлечены в комсомольские ряды, легальную форму для их организации. И в первый же момент, как только мы не сумели бы обслужить их, они несомненно в организованном виде вырвались бы из-под нашего влияния, и мы бы помогли в деревне оформлению тех нежелательных процессов, которые там уже имеются. Поэтому-то ЦК поступал совершенно правильно, когда говорил, что такого рода организации допускать нельзя.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Следующий вопрос, занявший очень большое место у нас на съезде и о котором мы много говорили и до съезда, — это чрезвычайно острый вопрос не только теоретического характера, но вопрос, имеющий промадное практическое значение: *это вопрос о возможности строительства социализма в одной стране*, причем в такой стране, как наша, стране по преимуществу крестьянской, стране во всех отношениях отсталой, стране, которая далеко еще не изжила наследия всякого варварства, оставшегося от старого режима. Давайте, товарищи, разберемся в этом вопросе. Худо-плохо ли, но как будто бы и не плохо, мы существуем восемь лет. Нам удалось укрепить свое внутреннее и внешнее положение, и сейчас наше государство не только не уступает, но даже превосходит старое буржуазно-помещичье государство, и можно смело сказать, что если есть сейчас самое устойчивое и самое несменяемое правительство в мире, то это, конечно, Советское правительство. Об этом говорят и наши враги.

Восемь лет мы работаем, восемь лет так или иначе строим государство — и вдруг возникает только теперь и так остро вопрос о возможности строительства социализма в одной стране. Казалось бы, что этому вопросу было место восемь лет тому назад, т. е. в то время, когда мы только начали осуществлять вооруженной рукой социалистическую революцию. Казалось бы, что тогда, когда мы разбивали оковы капиталистического строя и нужно было завоевать победу, именно тогда перед нами стоял вопрос — что делать дальше, вставал вопрос о том, как после победы над врагом мы будем строить социалистическое государство. Но ведь теперь ничего случайного и неожиданного нет... Был период времени, когда мы были заняты работой почти чисто военного порядка, когда нам приходилось отстаивать диктатуру с оружием в руках, и тогда, конечно, нам некогда было думать о том, из каких кирпичиков мы будем складывать наше государство, тогда наша задача была отчетлива и проста — отстоять физическое существование нашего государства. Но теперь, когда мы получили возможность по-настоящему в мирной обстановке создавать наше социалистическое оте-

чество, когда мы налицо имеем определенные реальные итоги нашей работы, о которой я говорил вначале, естественно, что стал возникать вопрос: можем ли мы построить социализм в нашей стране при тех условиях, которые создались?

Вам, конечно, всем известно, что у нас произошла историческая неприятность, которая заключается в том, что многие из нас в первоначальный период нашей революции были убеждены в том, что западноевропейский пролетариат вовремя сумеет сделать то, что у нас уже сделано, и что наша революция получит поддержку со стороны пролетариата Западной Европы. Но этого не случилось, и как будто нет такого человека, который мог бы утверждать, что это случится скоро; к сожалению, никто из нас этого сказать не может, и мы живем по-прежнему в капиталистическом окружении, создавая государство на новых началах. Естественно, что на рубеже 1926 года вопрос о возможности строительства социализма встал перед нами реально и из области теоретической перешел в практическую, и здесь-то вот оказались в партии, в некоторых кругах ее, мнения далеко не твердые. Есть товарищи, которые весьма основательно сомневаются в возможности успешной работы в этом отношении.

Речь идет о том, можем ли мы, несмотря на всяческое недоброжелательство по отношению к нам окружающих нас стран, несмотря на все внутренние затруднения, несмотря на наши определенные взаимоотношения с капиталистическими странами, можем ли мы все-таки строить социалистическое государство, или мы мало-помалу, помаленьку-потихоньку с этих социалистических рельсов скатимся? Сегодня уступим здесь, завтра там и т. д. и так незаметно перейдем на рельсы буржуазного государства. Все наши враги, и особенно наиболее сильные, шедущая нам навстречу, что если нам империалисты не свернут шею непосредственно, то мы помаленьку переродимся, что наше современное общество отравляется теми капиталистическими элементами, благодаря которым мы незаметно станем такой страной, которая ничем не будет отличаться от буржуазных стран, нас окружающих. Но мы думаем, — как прежде это доказывали, так и теперь, — что несмотря на паническое карканье, несмотря

на целый ряд сомнений, которые существуют и в наших рядах, мы это социалистическое строительство вели и будем вести совершенно успешно, если только не потеряем компаса, а я думаю, что мы не должны терять тот компас, который оставил нам товарищ Ленин. Мы будем разрешать эти задачи успешно и в дальнейшем.

Товарищи, отсюда вытекает и другой вопрос, который тесно с этим связан. Вот сейчас, в теперешних условиях строительства, когда мы так успешно строим социализм, где та основа, которая заложена в нашей работе? Мы, прежде всего, останавливаем свое внимание на нашей государственной промышленности. Вот наша основа в социальном смысле, в классовом смысле. Здесь мы имеем опору нашей диктатуры, основу всего нашего рабочего государства. Промышленность является главным основанием, на котором мы строим наше социалистическое хозяйство, и именно поэтому все предприятия, которые находятся в руках рабочего класса: наши фабрики, заводы, железные дороги и прочее и прочее — это такого рода предприятия, которые являются последовательно социалистическими. Что это значит? Это значит, что если посмотреть на фабрики, заводы и железные дороги, то здесь мы, правда, увидим и сдельщину и спецов, но всякий рабочий понимает, что мы имеем такие предприятия, такие организации, которые и по внешности обращаются все больше и больше в социалистические, — в этом, товарищи, нет никакого сомнения.

Дело не в оплате, а во взаимоотношениях директора фабрики и рабочих. Дело заключается в том, кто является хозяином этих предприятий. Если хоть на минуту представить, что хозяином, предположим, нашего Гвоздильного завода является капиталист, то разве с таким успехом проводились бы у нас кампании по повышению производительности труда? Если мы поставим так вопрос и посмотрим, как в действительности дело обстоит, то всякий увидит, что у нас хозяином фабрик и заводов является сам рабочий. Правда, большинство рабочих живут еще плохо, недостаточно обеспечены в смысле заработка и всего прочего. Но это происходит не оттого, что наши фабрики или заводы не социалистического типа, а оттого, что мы вообще бедны.

Ведь никто, товарищи, никогда не писал, что как только революция совершилась, как только рабочий класс захватил власть в свои руки, — беднякам станет в сто раз лучше. Если почитать, товарищи, как в средние века зарождался капитализм, как насаждались капиталистические предприятия, то мы увидим, что родоначальники Ротшильдов, Нобелей и пр. вначале были бедноваты, но потом богатства их накапливались, т. е., как говорит буржуазия, росло национальное богатство в рамках капиталистического общества. То же самое происходит и в нашем государстве, но может быть даже при худших условиях, потому что, прежде чем захватить все в свои руки, нам пришлось разрушить половину того, что досталось нам от капиталистов. Нам пришлось разрушить целый ряд предприятий, железных дорог. И что же получилось? Вчера я работал у капиталиста, но железные дороги были исправны, и капиталист мне платил 80 целковых, сегодня же захватили дороги, но вышло так, что мы половину разрушили, подвижной состав истребался, и в результате получилось так, что вчера я получал 80 целковых, сегодня я могу с трудом выработать только четвертной билет. Но это не потому, что наше государство не социалистического типа, а потому, что мы находимся в полосе громадной нужды, громадной бедности. Мы сейчас считаем большим достижением в области нашей промышленности то, что производство крупной промышленности равняется 95% довоенного уровня. Значит, нет еще того, что мы имели при капитализме. При таких условиях ставить вопрос, чтобы обездоленным людям сразу же стало лучше во много раз, чем раньше, не приходится. Но по существу наши фабрики, заводы и железные дороги, конечно, являются предприятиями, находящимися в руках рабочего класса, и, следовательно, все, что мы отсюда получаем, за вычетом зарплаты, все это идет на улучшение нашего положения, и хозяевами, конечно, являемся мы.

Если бы мы на минутку усомнились в том, что фабрики наши, да разве стали бы мы разными производственными заниматься? Да ни один из вас не стал бы этого делать и не понял бы необходимости этой работы. Но наша повседневная работа в этом отношении является показателем того, что мы действительно работаем на

социализм, и только поэтому нам удастся заставить просыпаться энергию, которая немыслима ни при каком ином строе.

ОШИБКИ ОППОЗИЦИИ В ОЦЕНКЕ НЭПА, ПАНИЧЕСКАЯ БОЯЗНЬ КУЛАКА

Следующий вопрос, который занял очень большое место, это вопрос о новой экономической политике. Вы все знаете, что этот вопрос не новый: мы уже несколько лет проводим нэп и как будто бы небезуспешно. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что, вводя нэп, мы рассчитывали укрепить смычку между городом и деревней и оживить товарооборот и пр., но мы знали также, что на почве этого будут происходить и отрицательные явления. Каждый отлично понимает, что если допускается свободный товарооборот между городом и деревней, то ясно, что на этой почве будут вырастать так называемые нэпманы. И чем больше развивается наша хозяйственная жизнь, тем больше это бьет нам в глаза. Здесь нашей партии пришлось вернуться к вопросу о том, что такое нэп. Мы стали читать в нашей литературе и слышать от отдельных товарищей возгласы, что нэп представляет собой отступление от тех основ, которые мы в свое время заложили. Вы помните, что ускорило введение нэпа при Владимире Ильиче, вы помните, что изнутри страны в двери нашего государства постучались очень тревожные события, и это значительно ускорило введение нэпа. Товарищ Ленин указывал на то, что придется отступить от методов военного коммунизма и перейти к новым приемам управления, причем товарищ Ленин говорил, что сейчас надо отступить, а потом разбежаться и шагнуть намного дальше. Теперь, когда особенно отчетливо стали выявляться отрицательные стороны нэпа, товарищи перестали усматривать всю его сложность. Если товарищ Ленин вначале иногда говорил, что нэп есть отступление, то во всяком случае отступлением понятие нэпа не исчерпывается, и убедиться в этом очень легко. Не нужно вдаваться в длинные теоретические рассуждения, но надо просто посмотреть, что мы представляли собой четыре года тому назад и что мы представляем сейчас. Если нэп —

только отступление, то тогда за эти четыре года мы должны были бы удалиться от наших социалистических стремлений, так как мы, следовательно, подряд четыре года непрерывно отступаем. Но это неверно. Сейчас, когда мы взвешиваем всю сумму наших хозяйственных успехов, мы должны сказать, что социалистические элементы в нашей стране растут значительно быстрее, чем элементы капиталистические. Если будут возражать нам, то с цифрами в руках мы это докажем. Если посмотреть, что из себя представляли элементы социализма четыре года тому назад и что они представляют теперь, всякий скажет, что теперь их гораздо больше, растут они быстрее, чем элементы госкапиталистические и вообще капиталистические.

Посмотрим, чем была четыре года тому назад наша промышленность, эта основа нашего социалистического строительства. Она хромала на все ноги.

Весь наш транспорт был сплошной трясушкой. Сейчас же мы имеем настоящие фабрики, настоящие заводы, на коих постепенно все налаживается. Если мы возьмем торговлю, посмотрим как идет торговля государственная, кооперативная и частная, то мы увидим, что, правда, нам еще и сейчас приходится учиться торговать, но несмотря на внешнюю видимость роста частного капитала в области государственной и кооперативной торговли у нас имеются большие достижения и успехи. О чем это говорит? Это говорит о том, что хотя, посмотрев на рожу нэпмана, плюнуть хочется, но все-таки мы его горла из рук не выпускаем, мы не даем капитализму распухнуть. Некоторые говорят, что, сидя в тени, он постепенно разбухнет. Это неверно, а вместе с этим неверно и то мнение, что нэп есть только отступление. Нэп есть перестройка наших рядов, перестройка нашей артиллерии — как легкой, так и тяжелой.

К сожалению, не все товарищи представляют себе это так, как я говорю: они относятся к этому вопросу с некоторым скептицизмом, поэтому они, например, выдвигали лозунг об участии рабочих в прибылях. Этот лозунг стоит в самой непосредственной связи со всем тем, что я говорил. Если у нас по части социалистического строительства не совсем гладко, если у нас что-нибудь не клеится,

то встает вопрос, как нам рабочий класс привязать к нашему хозяйству, к нашим фабрикам и заводам. Отсюда, естественно, некоторые выдвигают предложение привлечь рабочих участием в прибылях. Среди известных групп рабочих этот лозунг может стать популярным, но практическое значение лозунга обратное. Всякий понимает, что если завтра осуществить этот лозунг, то ни о каком социализме мечтать не придется. Это значит, что весь доход мы будем разбирать по карманам, так как чем больше зарабатывал бы завод, тем больше и раздавалось бы рабочим. Эта политика привела бы к тому, что рабочие, изготавливающие конфетки и разную «хурду-мурду», получали бы больше, чем, скажем, рабочие-металлисты, потому что первые изготовляют самый ходкий товар, а машины пока сделают, пока заплатят, да еще не деньгами, а какими-нибудь облигациями, рабочие с голоду умрут. Мы вовремя остановили эту затею, так как если бы мы ввели участие в прибылях, мы этим самым показали бы рабочим, что они работают на какого-то хозяина, а не сами на себя, поэтому-то, мол, мы их и заинтересовываем.

Отсюда вытекает и дальнейший лозунг, что якобы этим самым моментом участия рабочих в прибылях мы их поставим ближе к государству. Лозунг этот — тоже совершенно неправильный, так как он наводит на сомнения, на размышления о том, что якобы до сих пор рабочие далеко стояли от государства, от власти. Я докладывал, что у нас диктатура рабочего класса и ничья больше, и ни с кем этой диктатуры рабочий класс не разделяет. Если же лозунг о приближении рабочих к государству признать правильным, то мы должны будем признать, что у нас диктатура и авторитет принадлежат не рабочим, а, скажем, крестьянству.

Теперь последний вопрос — о крестьянстве. Вопрос чрезвычайно большой и сложный, и вот почему. Вы помните слова нашего незабываемого Владимира Ильича, который указывал, что десять-двадцать лет правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством и победа наша обеспечена в мировом масштабе¹. И это, товарищи, верно. Не кто как товарищ Ленин изу-

¹ См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 32, стр. 302. *Ред.*

чил и указал нам, каким образом можно построить социалистическое государство в одной стране, да еще в стране по преимуществу крестьянской. Я не буду рассказывать историю этого вопроса, хотя она очень интересна. Этот вопрос обсуждался еще задолго до съезда, об этом вы много слышали и читали, и вам об этом говорили. Вы знаете, что с развитием нэпа в деревенской жизни должны были расти известного рода новые процессы. Производительные силы в деревне стали развиваться и развиваться таким образом, что известные слои крестьянства на этом деле выигрывают, а другие проигрывают. Мы допустили в деревне наемный труд, чего раньше не было. Всякий понимает, что если разрешают наемный труд, то в деревне усиливается расслоение.

Вы знаете основные силы, которые имеются в деревне, вы знаете, что наш ближайший друг в деревне — это бедняк, следующий — середняк, а дальше идет элемент, который не сродни нам, не двоюродный, не троюродный — это кулак. К великому сожалению, надо сказать, что вокруг этого вопроса произошла громадная путаница. У нас на XIV конференции и пленуме нашлись товарищи, которые, правда, не бог весть какую роль в партии играют, и товарищи из молодых (не буду говорить, что ранние), готовящие себя на какую-то ученую степень, которые изобразили такую картину, будто есть группа кулаков, которые успешно вырастают в социализм. Если бы это было так просто, что сегодня он кулак, а завтра через кооперацию он в социализм прыгнул и что вдруг пролетарий с кулаком под ручку отправляются в царство небесное! Но стоит только себе представить эту картину, чтобы понять, что по дороге, конечно, они друг другу морду набьют. (Смех.) О чем это говорит, товарищи? О том, что действительно в партии были такие уклоны (их принято называть уклонами), но им не дали возможности произрастать благополучно, и, конечно, таких товарищей надо было заставить и их заставили замолчать. Совершенно ясно, что чем больше будет увеличиваться деревенское богатство, тем больше будет расти кулак, но можно ли сказать, что у нас кулак всюду, куда ни плюнь, что он и Совет захватил и на партию сел. А надо сказать, что такие настроения были, может быть, есть и теперь, особенно

в связи с отдельными нашими неудачами в деревне, например с хлебозаготовками. И вот говорят, что бедняк при нашем бюрократизме забыт. Все это создало настроение, что кулак вырос необычайно: вокруг кулака поднялась паника, и появился другой уклон, не менее опасный, чем первый. Если плохо и вредно изображение кулака христосиком, то плохо и то, когда начинают рассматривать деревню таким образом: здесь кулак, здесь бедняк, а посередине какое-то эфемерное создание. Получилось, что середняк потерялся. Появилось рассуждение, что бедняк — это совершенно резко отдельная категория, кулак тоже, а посередине какой-то кисель. И чем дальше это мнение углубляется, то выходит так, что жизнь деревни идет не по трем руслам — бедняк, середняк и кулак, а только по двум — бедняк и кулак. Этот уклон чрезвычайно опасный. Мы прекрасно понимаем, что наш ближайший друг и сосед в деревне — это бедняк, которого мы должны всячески в настоящей стадии нашего социалистического строительства взять под свою опеку (так нас учил Ленин), но надо учесть и то, что середняки являются в деревне подавляющим большинством, это основная группа деревни в количественном отношении.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ЦК И ПРОТИВ ВСЕЙ ПАРТИИ

Вот, товарищи, те вопросы, которые стояли перед нашим съездом, и вот те споры, которые проходили на нашем съезде. Теперь в заключение несколько слов о том, как все это решалось у нас. Все эти вопросы были освещены в отчетном докладе ЦК. Перед самым съездом мы почувствовали, что эти вопросы до крайней степени обострились. Я не буду подробно останавливаться на том, какую позицию защищало большинство ЦК, тем более что с его стороны было сделано все, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем, но, как вы знаете, из этого ничего не вышло. По отчету ЦК мы получили от группы товарищей из ленинградской делегации заявление о том, что Зиновьев выступит по данным вопросам, т. е. по некоторым организационным вопросам, которые я освещу в заключительном слове. По отчету ЦК мы получили содо-

клад, который вы все теперь читали, и вы знаете о тех прениях, которые по этому поводу развернулись. «Прели» мы пять или шесть дней. Не скрою, когда мы узнали, что нам противопоставляют содоклад, нам это очень не понравилось. Здесь нам, между прочим, говорили: «Подумайте, что же страшного в том, что выступят с содокладом, — ведь выступали же с содокладами по вопросам о профсоюзах, по военному вопросу выступали в свое время и пр. и пр.». Это все верно, по любому отдельному вопросу нашей политики, на любом съезде можно собрать 43 голоса и получить определенное время для развития своей точки зрения. Это по любому вопросу, но ведь речь идет об отчете ЦК. В этом отчете изложено все направление нашей работы, ведь это был отчет не о деталях нашей жизни, не об отдельных вопросах нашей политики, но вопрос стоял о всей политике в целом, о нашей социалистической политике. За отчетный период до съезда у нас были споры на собраниях по частным вопросам, но здесь мы видим другое дело. Здесь речь идет о том, что полтора года прожили, теперь отчитываемся. И вот теперь некоторыми товарищами ставится под сомнение все, что мы сделали. Содоклад свидетельствует о том, что мы подошли к такой полосе, к такой трещине, которую ничем не прикроешь. Члены ЦК понимали, что такой содоклад сразу породит резкий водораздел между оппозицией и подавляющим большинством нашего съезда.

Вы знаете, какой характер носили прения. По отчету ЦК партии мы принимаем резолюцию, вы также знаете, чем закончилось принятие этой резолюции. Тут будут объяснять, что «нас-де, мол, заставляли голосовать в целом». Но как об этом можно говорить, когда каждого участника съезда персонально опрашивали, принимает он резолюцию или нет; тут было время и возможность высказаться, против ты или нет. Вся партия, вся страна, все те, кто интересуется судьбами нашей партии, судьбами нашего государства, понимают, что это значит. Западно-европейские недруги толкуют, что у нас произошла трещина, и тут скрывать, товарищи, нечего, незачем замалчивать правду, надо ей прямо смотреть в глаза.

Товарищи, вы читали резолюцию, вы помните, что там есть пункты, против которых возможно спорить, но там

есть такие первые четыре строчки: XIV партийный съезд, заслушав отчетный доклад о политической и организационной деятельности ЦК нашей партии, целиком и полностью одобряет эту работу¹. Это все решает. Там есть пункты о борьбе с неверием в социалистическое строительство, о борьбе с уклонами кулацко-дурацкими и другими. (С м е х.) Об этом обо всем можно спорить в деталях или даже голосовать против, но там есть основной пункт в четыре строчки, голосовать против которого я считаю недопустимым. Большинство съезда считало, что у нас произошло что-то не совсем понятное, и это наложило отпечаток на остальную работу съезда, которая шла шотом «через шень колоду».

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ С ПОМОЩЬЮ ЦК
СУМЕЕТ ЛИКВИДИРОВАТЬ ОШИБКИ И СНОВА ЗАЙМЕТ
ПОЧЕТНОЕ МЕСТО В ПЕРВЫХ РЯДАХ ВЕЛИКОЙ ВКП**

И вот теперь ЦК послал в Ленинград дюжину испытанных товарищей. Центром нашего внимания является задача весьма серьезная — разъяснить массам истинное положение вещей. Представители из оппозиции нам говорят: «Чего вы хотите, съезд закончился, есть решение съезда, есть резолюция, давайте вместе проводить в жизнь». Товарищи, все это так, но все-таки разрешите нам разъяснить всем членам партии, как все это произошло.

Давайте, товарищи, вспомним, чем кончались прошлые дискуссии. В большинстве случаев выносили соответствующие решения, потом эти решения, прежде чем проводиться в жизнь или одновременно, подробнейшим образом разъясняли меньшинству, указывая его ошибки и пр. Ведь политическая ошибка — это не прыщик, который раздавил, смазал иодом — и прошло; тут нужно все изучить, чтобы впредь эта ошибка не повторялась. Многие товарищи упрекают нас в том, что мы хотим кого-то поставить на колени; нет, товарищи, здесь дело совсем не в коленях, здесь дело в том, что политические ошибки

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., 1954, ч. II, стр. 193. *Ред.*

надо исправлять. Товарищ Ленин нам говорил, что маленькая ошибка, вовремя не исправленная, может стать большой, если же не исправить серьезную ошибку, то она может стать гигантской.

Вот здесь на всех собраниях мы слышим о том, что, мол, «мы исполняли волю Ленинградской организации, волю XXII конференции» и т. д. Это, товарищи, разговор не того порядка. Мы знаем резолюцию Ленинградской конференции и настроение Ленинградской организации, и дело абсолютно не в этом. Здесь распускают слухи о том, что-де хотят Ленинградскую организацию свести до положения какой-то царевкокшайской организации. Дальше приходится слышать патетические речи о том, что в Ленинградской организации нарушается единство. Это очень опасный момент. Единство всякой организации дорого для всякого члена партии, но есть такое единство, которое выше всякого единства отдельной организации, это — единство нашей партии. Об этом единстве заботился съезд, когда обращался с воззванием к Ленинградской организации, об этом заботится и ЦК нашей партии. Если у нас будет единство ВКП(б), если мы, несмотря на эту размолвку и временную лихорадку, которая потрепала и треплет нашу партию, встанем в старые стройные ленинские ряды, то будет единство и в Ленинградской, и в Московской, и во всякой другой организации. Если мы не сумеем сделать все к тому, чтобы создать единство вокруг нашего ЦК, вокруг нашей партии, то тем самым будет катиться под гору и единство в отдельных организациях. Так стоит вопрос. Вопрос этот чрезвычайной важности и огромной серьезности, вопрос, за решением которого следит не только всякий член партии, но, может быть, с особым интересом следят наши враги, которые, несомненно, сейчас денно и нощно прислушиваются к тому, что делается у нас. Несмотря на тяжесть положения и серьезность наших споров, мы все же можем с полной уверенностью сказать, что если мы сейчас, к нашему величайшему прискорбию, имеем замешательство в рядах нашей лучшей организации, то не подлежит никакому сомнению — и в этом ЦК уверен целиком и полностью, — что сколько бы ни прошло дней и недель, но та организация, в руках которой были самые надежные, самые

верные знамена революции, — эта организация сумеет ликвидировать все то, что случилось, и занять снова почетное место в первых рядах великой миллионной ВКП. (Бурные аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

На всех собраниях, на которых нам приходится присутствовать в Ленинграде, мы слышим одно и то же, только с небольшими отклонениями. Когда мы только сюда приехали, при первых наших докладах представители оппозиции заявили: «Съезд закончился, и решения съезда мы будем проводить в жизнь безоговорочно». Прошла неделька — и что же изменилось? Теперь они приходят и говорят нам: «Съезд закончился, решение съезда мы признаем правильным и будем проводить в жизнь и от дальнейшей дискуссии отказываемся». Видите, прибавилось уже несколько слов, они вставили их по очень простой причине. Десять дней тому назад ленинградская делегация действительно чувствовала, что за ее спиной как будто стоит вся Ленинградская организация в целом. Но теперь полегоньку, понемногу оказывается, что некоторые товарищи думают уже иначе, чем они говорили и думали на съезде. Тут т. Неклюдов, старый член партии, говорил нам, как надо читать отчеты: «сначала надо его сделать на активе, а потом пойти в пассив». (Смех.) Я спрашиваю: на каком основании вы считаете, что члены ЦК партии должны были обратиться сперва к активу, а потом к коллективу? Где это сказано, что я должен вначале побеседовать с Неклюдовым, а потом со всем коллективом? Напрасно нас обвиняют в разного рода несправедливостях, особенно последний товарищ жарко обвинял. Он член губкома. Тов. Жуков говорил, что когда нас ЦК партии посылал сюда (надо заметить, что среди нас было четыре члена Политбюро), генеральный секретарь написал в Ленинград: «Прошу вас отложить пленум губкома на один день, так как выехали члены Политбюро — Молотов, Калинин и т. д.». Товарищи, что это — слишком большая, слишком тяжелая просьба? Я думаю, что ее можно и должно было бы выполнить. А ее выполнили? Нет, это не было сделано!

После этого нам здесь говорят, что мы всей душой за съезд, за ЦК и пр. Разве это логика? Разве это серьезный разговор? И тут же после начинают рассказывать, что, мол, мы выполняли волю Ленинградской организации, когда были на съезде. Если говорить всерьез, то надо это оставить. Как происходит решение на съезде? Мы все являлись делегатами из разных мест, и если бы каждый из нас сел и держал в руках свой наказ: москвичи — свой, украинцы — свой, сибиряки — свой, кавказцы — свой и т. д., то что же получилось бы? Это сплошной вздор... Никогда партия так не решала вопросы, и никогда она не будет так их решать. На то мы и собирались на XIV съезде, чтобы обсуждать вопросы на самом съезде детально. Тут говорят: «Мы поставили вопрос, который обсуждался на Ленинградской конференции»... Да кто вам препятствует? Тут речь идет не о том, что Ленинградской организации было дано такое поручение, тут речь идет совершенно о другом. В первом пункте резолюции, вынесенной Ленинградской конференцией по отчету ЦК, выражается полное доверие ЦК, а на съезде получается обратное — получается содоклад, значение которого вы все прекрасно понимаете. Далее происходит голосование. Последний оратор спрашивает, почему на съезде перед голосованием не было перерыва.

Теперь дальше говорят еще так: «Съездом решение принято, дело кончено, и мы отказались от дискуссии». Покорнейше благодарю! Дискуссии прекращены, но исправлять ошибки оппозиции долг всякого члена съезда, члена ЦК и всякого члена партии. Действительно, как тут получается? Получается, что не за страх, а за совесть разделяют решения съезда, а наряду с этим заявляют, что ленинградская делегация поступила правильно. Как же это связать? Решение съезда правильно, и мы подчиняемся и будем проводить его в жизнь, но и ленинградская делегация права. Как же так? В решениях съезда основным является резолюция по отчету ЦК партии. Ленинградская делегация голосовала против, поименное голосование — доказательство этого. Как же выходит? Ведь получается настоящая двойная бухгалтерия: и съезд прав, и ленинградская делегация права. Если мы действительно большевики и поступаем по-ленински, то мы

должны сказать прямо, кто прав — съезд или ленинградская делегация. Но вместо того, чтобы сказать прямо, как действительно обстоит дело, вдруг нам заявляют, что мы их поставили в такие условия, создали такую техническую обстановку, что они должны были голосовать против. Тут техника совершенно иного порядка, абсолютно иного порядка. Ведь речь идет не об отчете Московской или Ленинградской организации, а речь идет об отчете ЦК партии в целом. И тут товарищи, которые выступали вначале, в недоумении разводили руками: «У нас два ленинизма, — говорят они, — у нас две ленинские правды». У нас есть товарищи, которые ходят с двумя ленинскими правдами и, сообразуясь с требованиями момента, вынимают ее из того или другого кармана. Вынимая такую «правду» из одного кармана, они говорят, что съезд прав, затем вынимают «правду» из другого кармана и говорят: «Да, ленинградская делегация была права, что выставила своего содокладчика». Товарищи, с такими двумя правдами нельзя жить; надо смело и открыто сказать, идешь ли ты за или против.

Тут было указано: «С каких это пор Ленинградская организация не стала в почете, с каких это пор мы, ленинградцы, не стали верить в социализм?». Товарищи, надо иметь в виду, что мы не делаем разницы между вашей организацией и Московской, потому что мы не обожествляем организации. Ведь надо принять во внимание, что в оппозицию входила не только одна ленинградская делегация, но и еще «бог весть откуда». Так, например, Сокольников совершенно определенно высказал свое неверие в осуществление социализма в одной стране. Вы знаете, что у нас страна сельскохозяйственная, и поэтому мы делали все к тому, чтобы хлебные продукты отправлять за границу, с тем чтобы вырученные деньги у нас шли на восстановление крупной промышленности. Сокольников говорит: «Надо вывозить хлеб и на вырученные деньги покупать оборудование». (Голос: «Правильно».) А съезд решил, что это *не правильно*. По его мнению, на эти деньги можно покупать что угодно, но параллельно с этим мы должны совершенствовать наши заводы. Мы должны добиваться, чтобы у нас это оборудование строилось, мы должны добиваться, чтобы на наших заводах

строились тракторы. Ведь мы с вами условились, что мы будем строить социализм в одной стране и очень успешно, но социализм можно построить успешно только тогда, когда мы построим крупную индустрию, а мы построим ее только тогда, когда возможно меньше будем зависеть от заграницы. Как это можно сделать? Это можно сделать в том случае, если мы то, что нам нужно, максимально научимся делать сами. Ведь громадная разница в том — усовершенствованные станки мы будем ввозить из-за границы или будем их у себя строить. Вы меня простите, но мне вспоминается печальный анекдот. Дело было в Одессе. Когда только появился первый автомобиль на улицах Одессы, лошади шарахнулись в стороны, и вот ретивый полицеймейстер запретил ездить на шем до тех пор, пока к автомобилю не привыкнут лошади. Если мы будем действовать по рецепту Сокольников, который стоит на стороне оппозиции, мы никогда не научимся делать этих станков, тем более что нам за границей их будут делать «охотно и сходно». Товарищи, вы знаете, что у нас сейчас имеется масса станков, привезенных из-за границы, и если лопнет на одном из них какая-нибудь чертовщина, он уже окажется негодным, так как за границей вы такие детали не достанете. Возьмите пашу текстильную промышленность. Ведь если в машине там не хватит какого-нибудь пустяка — уже ничего нельзя поделывать. Вот при таких условиях и попробуйте создать государство совершенно независимое. Вот, товарищи, о чем идет речь, а вовсе не о Ленинградской организации.

Если бы действительно — не к ночи будь это сказано (с м е х) — за оппозицией стояла вся стотысячная Ленинградская организация, если бы она действительно заразилась всей этой чертовщиной, то, конечно, нам оставалось бы только закрыть лавочку. Но этого нет, и напрасно нам стараются припаять — когда мы критикуем Сокольникова или ленинградскую делегацию — всю организацию. Нам говорят: «Укажите город, где нет ленинградца», но разве из этого следует, что Сокольников прав, что делегация права?

Далее, т. Неклюдов говорит: «члены ЦК думают нас запугать». Это детские разговоры! Если мы в большинстве — подавляющем большинстве, больше чем в десять раз — не могли запугать вас на съезде, то здесь было бы

это мудрено. Да кроме того, товарищи, мы отлично знаем, что на испуг ни одного порядочного большевика не возьмешь, но здесь-то надо говорить не об испуге, а о том, что если ты говоришь, что принимаешь постановление съезда и думаешь проводить его в жизнь по-большевистски, по-ленински, то брось двойную бухгалтерию, которая применима на фабрике, на заводе при финансовых подсчетах, но не в партийных делах, да еще такой огромной важности, как съезд партии. Здесь двойная бухгалтерия не годится; здесь надо говорить не кривя душой, и надо помнить, что всякая двойная бухгалтерия в этом вопросе, всякая неискренность, всякая недоговоренность принесет вред прежде всего нам самим и ни к чему путному не приведет. Все вы убедились в том, что у нас впереди дорога как будто бы широкая; все вы, конечно, знаете, что много еще предстоит испытаний, но в общем и целом работа у нас налажена. При этом нельзя забывать самую страшную, самую большую опасность — это опасность поколебать единство партии. Это самый опасный удар, который может упасть на голову партии.

Мы сейчас проделали промадную, самую основную работу, мы совершили очень многое. Мы много перенесли испытаний и принесли жертв, но мы научились управлять государством, и мы сможем отстоять свободу и независимость нашего советского пролетарского государства. Но, товарищи, нам грозит опасность, которую мы сами можем создать (и я это говорю вовсе не для испуга) *внутри* нашей партии. Успешно дело пойдет только тогда, когда мы действительно непоколебимо исполним клятву, данную у гроба Ильича, в том, что, храня его заветы, будем держаться друг за друга и сумеем сохранить заветы гениального учителя. Если это были не слова, то надо перестать заниматься двойной бухгалтерией, надо помнить о том, что две правды быть не могут, и открыто, по-честному, не взывая к ленинградскому патриотизму, к патриотизму той или другой организации, обратиться к единственному патриотизму, на который имеет право ссылаться член партии, — это на всю нашу партию. Вот что должно быть дорого и священо для коммуниста, и все, что будет колебать нашу партию, — со всем этим нужно бороться самым беспощадным образом.

Заканчивая, я хочу еще раз сказать, что Ленинградской организации нужно единство, и всякой организации оно нужно, но первое, основное и решающее единство, если мы действительно хотим продолжать нашу работу так же, как вели ее до сих пор, — это единство всей ВКП.

Этого единства можно добиться только на основе решения XIV съезда, не так, как некоторые говорят здесь, а как сказал съезд партии и как говорит ЦК партии: объединяясь вокруг съезда, вокруг ЦК. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 21—40.*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМСОМОЛ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ БУДЕТ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ОТСТАИВАТЬ ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА

*Доклад и заключительное слово на собрании
комсомольского актива Выборгского района
15 января 1926 г.*

Товарищи! Мне поручено сделать вам доклад о работах XIV съезда нашей партии. Я должен заранее оговориться, что я остановлю ваше внимание только на самом главном и самом основном, что было на последнем нашем партийном съезде.

Вы не сомневаетесь, конечно, в том, что наш съезд имел исключительное значение. Вы знаете, что мы впервые получили возможность заняться строительством нашего государства без прямых, непосредственных помех со стороны наших врагов, и поэтому эти последние полтора года, прошедшие со времени XIII съезда, во многих отношениях являются для нашей партии экзаменационным периодом. И когда мы подводим, — что и было сделано на съезде, — общие итоги нашей работы за эти полтора года, мы должны с полной уверенностью сказать, что даже при самой строгой оценке всего того, что сделано нашей партией, — пусть эту оценку производят не только наши друзья, но даже наши враги, — и те должны будут признать, что у нас позади остался кусок времени, заполненный очень большим содержанием.

Я думаю, что едва ли есть необходимость подробно характеризовать состояние страны и прежде всего нашего хозяйства. Ведь основной работой, основным углом зрения нашей партии за последние полтора года было именно восстановление экономического состояния нашей страны. И я думаю, что каждый член партии, каждый комсомолец,

по-моему, каждый здоровый человек, у которого голова на плечах и который способен разбираться в том, что он видит, всякий такой человек должен сказать, что мы действительно за последнее время сделали совершенно определенное движение вперед. У нас принято сейчас, подводя итоги нашему промышленному хозяйству, говорить, что мы подошли почти что к довоенному уровню. Цифра — 95 процентов довоенного уровня — сейчас как будто никем не оспаривается, можно сказать, что как раз к XIV съезду нашей партии мы закончили восстановительный период нашей работы в области нашего промышленного хозяйства. Все то, что мы получили в наследство, все то разорение, всю ту разруху, вокруг которой мы ходили, временами чуть ли не предаваясь отчаянию, — все это мы сумели залечить, восстановить, и сейчас, вступая в новый год, мы должны уже себе ставить задачу иного порядка — задачу не равнения по довоенному уровню, а задачу реорганизации нашей промышленности и дальнейшего развертывания ее, с тем чтобы более или менее быстро превзойти все то, что было сделано до сих пор.

Если мы посмотрим на наше сельское хозяйство, то и здесь мы тоже уже сошли с мертвой точки, на которой стояли. Правда, у нас имеется еще много препятствий, начиная с того, что наша многомиллионная крестьянская масса, еще отсталая, находится на довольно низкой ступени культуры, что мы еще подвергаемся различным стихийным невзгодам, что мы в отношении усовершенствования нашей сельскохозяйственной техники отстаем. Но, несмотря на все это, нельзя отрицать того, что и в этой области наша партия, наша власть сделала, как я говорил, очень заметные, совершенно реальные успехи. Я думаю, что каждый из вас — не нужно для этого обращаться к каким-нибудь статистическим и прочим скучным исследованиям, — что каждый из вас, просто наблюдая окружающую жизнь, видит, что имеется определенная разница между тем, что у нас было два года тому назад, и тем, что мы имеем сейчас.

Даже самые заскорузлые люди, которые думают — правда, не совсем серьезно — прийти в ближайшие годы на наши похороны, — и эти люди, несмотря на большую ненависть к нам, несмотря на то, что они нас обвиняют

в тысяче смертных грехов, все же признают, что большевистская, Коммунистическая партия показала себя не только в области разрушения, но и в области созидания, что большевики умеют не только сокрушать то, против чего они борются, но они умеют и созидать, возглавлять государственную власть в многомиллионной стране, окруженной со всех сторон врагами, готовыми каждую минуту воспрепятствовать мирному существованию этого многомиллионного народа.

Вот с каким примерно, говоря в общих чертах, балансом мы подошли к отчетному периоду нашей работы, т. е. к XIV съезду нашей партии. И вот с первых же дней работы съезда, как вы теперь все знаете, у нас в жизни партии обнаружился такие явления, которые заставили наш съезд, всю партию в целом чрезвычайно серьезно задуматься над тем, что мы имеем. Всем товарищам, которые стояли близко к нашей партийной жизни, было известно, что еще задолго до съезда у нас в партии намечались отдельные течения, которые в общем и целом отходили от основного русла движения нашей партии; но так как мы давно условились, чтобы нам не особенно роскошествовать по части разворачивания разногласий, по части того, чтобы без особой нужды не выносить отдельных вопросов, имеющих спорный характер, на широкую дискуссию, то ЦК поступил совершенно правильно, когда всячески старался эти отдельные разногласия, отдельные недомолвки в нашей партии изживать, ликвидировать внутри Центрального Комитета партии.

Вы помните, что Владимир Ильич неоднократно предупреждал нас о том, что увлекаться дискуссиями наша партия сейчас не может. Мы понимаем, что каждая дискуссия имеет свои положительные стороны. Каждый член партии откроет лишнюю книжку, внимательнее следит за газетами, внимательнее слушает, что говорится на собраниях. Словом, всякая дискуссия помогает каждому члену партии лучше усваивать основы марксистско-ленинского учения. Но наряду с этим дискуссия имеет и много отрицательного. И вот, исходя из этого, Центральный Комитет партии — я думаю, вы согласитесь со мной — поступил правильно, когда старался изживать появившиеся разногласия внутри ЦК — верховного органа партии.

Вы знаете, что разногласия были по вопросу, который вам очень близок. Разногласия были по вопросам комсомола и особенно по вопросу о комсомоле в деревне. Я не думаю, что вам надо разъяснять, какое значение имеет комсомол для партии, для государства и т. д. Мы уже давно условились, что комсомол есть в известном смысле «приготовительный класс» нашей партии. Если в этом «приготовительном классе» дело обстоит благополучно, то и в партии не только сегодня, но и завтра дело будет обстоять так же благополучно. Но если в комсомоле дело будет обстоять так, как оно обстоит, так, как оно обстоит здесь, в Ленинграде, на некоторых фабриках и заводах (например, вчера на фабрике «Скороход» я наблюдал это), то тогда и в партии дело будет неважно. Если мы в этом «приготовительном классе» не произведем соответствующей работы: во-первых, если мы не подтянем самих учащихся; во-вторых, если мы не обеспечим их добропорядочным педагогическим персоналом, если мы не примем всех мер для того, чтобы поставить это дело как следует, — то ясно, что последствия для партии получатся нежелательные.

Что же касается деревни, то вы, конечно, знаете, что там дело обстоит еще более сложно. Ведь в городе у нас есть фабрики, заводы, партия, профсоюзы, вообще всякие такие атрибуты нашего с вами существования, благодаря которым мы на это самое подрастающее поколение влияем с самых разнообразных сторон и подчас незаметно можем очень быстро охладить горячие головы молодого поколения и повернуть их в определенное русло. В деревне не то. В деревне все это разбросано на десятки тысяч верст, раскидано бог знает как: пространства колоссальные, темнота местами невероятная. Там даже в «старших классах» нашего государства и то дело, можно сказать, на все ноги хромает, а что же сказать о «приготовительном классе»? И тут мы были свидетелями таких явлений, — об этом вы тоже слышали, — когда у нас стихийно создавались разного рода организации молодого поколения в деревне, когда это подрастающее поколение, вырвавшись из-под влияния всяких наших органов, государственных, партийных и прочих, создавало свои самочинные организации, ничего общего ни по духу, ни по задачам с нашей партией

не имеющие. И если бы они получили достаточное развитие, то это были бы как раз противодействующие нам организации, которые противоборствовали бы нашим государственным властям на местах. Все это свидетельствует о чем? Прежде всего о той сложности обстановки, которая у нас в деревне имеется.

Вы помните, что у нас очень пространно одно время дебатировался вопрос о том, как же нам быть с деревенским комсомолом, как нам сделать, чтобы не вышло так, что у нас зажиточные слои — вернее, дети зажиточных слоев — не захватили бы все влияние в деревне и не повели бы за собой эту громадную молодую деревенскую массу. Стоял вопрос о приеме в комсомол в деревне. Это вы все хорошо знаете. Особенно много у нас возникало разговоров по вопросу о том, не создать ли, дескать (было такое предложение со стороны некоторых товарищей), такие организации в деревне, на манер, скажем, женских делегатских собраний, которые впитывали бы в себя, организовали бы эту самую молодую, подрастающую массу, стоящую вне комсомола. Вопрос с внешней стороны как будто бы не бог весть какой, — на самом деле, при тех условиях, о которых я вам говорил, именно в деревне он имеет, конечно, громадное значение. Само собой понятно, что мы относительно незначительную часть деревенской молодежи объединяем в нашем комсомоле, громадные же массы идут мимо него. Они ко всему приглядываются, кое-что видят, кое-что понимают или стараются понять, словом, так или иначе, у них возникают соответствующие запросы. И тут, конечно, нужно очень крепко подумать, прежде чем решиться на то или другое мероприятие. Поэтому большинство Центрального Комитета нашей партии решительно восстало против создания всякого рода дополнительных организаций молодежи помимо тех, которые существуют у нас в деревне. Если бы мы встали на путь создания такой дополнительной организации (каково будет ее название, дело, конечно, не в этом), находящейся вокруг комсомола, получившей известные легальные формы своего существования, тем самым мы дали бы своими собственными руками кулацкой молодежи легальный выход, легальный способ борьбы с нашим комсомолом в деревне. Вопрос этот у нас стоял, и было решено

так, как настаивало большинство нашего Центрального Комитета¹.

Перед съездом партии мы получили дискуссию по вопросу о том, каким образом пополнять нашу партию. Этот вопрос был поднят, как вы вероятно слышали, некоторыми из членов Центрального Комитета как раз здесь у вас, в Ленинграде. Был выдвинут проект развернуть партийные ряды так, чтобы вовлечь в партию к следующему — XV — съезду нашей партии примерно 90 процентов рабочих от станка. Но пока считали, основываясь на жизни ленинградских фабрик и заводов, получался более или менее подходящий вывод — действительно здесь есть фабрики, где в коллективах промадный процент рабочих от станка, но, когда прикинули эти 90 процентов в союзном масштабе, то получилась такая арифметика, что по ней нам нужно было бы иметь в партии вместо нынешнего миллиона — миллионов пять человек. Само собою разумеется, что так поставить дело ни ЦК, ни партия, ни съезд не могли. Съезд поступил совершенно разумно, когда указал, что в этом отношении нам пересматривать нашу политику нет никакого основания. На XIII съезде мы так и записали, что нужно вовлекать как можно меньше интеллигентского, чиновничьего, буржуазного и другого элемента, других групп и брать как можно больше рабочих, главным образом рабочих квалифицированных. Мы прекрасно это понимали, и едва ли курс нашей партии мог заслужить какой-нибудь упрек. Никогда нельзя было указать на злоупотребления с нашей стороны в смысле привлечения нерабочих элементов в наши организации. При известной строгости можно сказать, что кое-какие плевелы нужно выбрать из нашей партии; мы выбирали-выбирали, просеивали-просеивали, но плевелы, конечно, еще имеются. Сказать, что их большой процент, который может повлиять на нашу партию, внести мелкобуржуазный, эппманский дух и другие вредоносные течения, — для этого нет никаких оснований, так как все-таки основной стержень, основной кадр, основной актив нашей партии, конечно, преимущественно рабочие.

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., 1954, ч. II, стр. 237. *Ред.*

Вот со всеми этими вопросами и с рядом других, о которых буду говорить дальше, мы подошли к съезду нашей партии.

На съезде прения вокруг этих вопросов развернулись так, как они, пожалуй, не развертывались никогда. Достаточно указать, что прения по отчету о работе ЦК нашей партии заняли круглым счетом неделку. Обычно было так, что весь съезд заканчивался в течение недели, а тут семь дней и семь ночей, говоря по-библейски, ходили около основного вопроса — отчета нашего ЦК партии. И это одно уже свидетельствует, что мы подошли, видимо, к такой полосе, когда у нас в партии накопилось кое-что нездоровое. И это, товарищи, не случайно.

Я уже вам указывал, что за последние полтора года наша работа стала очень богата содержанием. Сейчас обстановка как будто бы мирная, но хозяйственный и другие переплеты такие сложные, что здесь враг может подстеречь нас гораздо успешнее, чем в военное время. Мы сейчас вступаем в полосу великого строительства, полосу, которая наряду с успехами создает и очень большие затруднения, выдвигает большие вопросы.

Громадное место занимал до съезда и занимает сейчас вопрос о возможности строительства социализма в одной стране. Этот вопрос принял такую жгучую форму не случайно. Со стороны может показаться, что этот вопрос больше теоретический, чем практический. Но это неверно. То, что он принял такой жгучий характер, объясняется тем, что строительство социализма в одной стране принимает реальную форму. Это не просто спор, как мы спорили в старое время — можно или нельзя принимать участие в министерствах, а мы тогда еще и в министерских передних не бывали, нас туда еще не приглашали, обычно посылали куда-нибудь подальше. Тогда это был на 70 процентов теоретический спор, а вот сейчас вопрос о строительстве социализма в одной стране приобретает пасущий интерес для сегодняшней нашей работы. Если не ответить на этот вопрос с полной определенностью, то вся наша работа в значительной степени затруднится. И вот, к великому сожалению, в рядах нашей партии оказались товарищи, которые выразили на этот счет совершенно определенные сомнения.

Вы, конечно, понимаете, что просто выйти на кафедру и сказать, что «я не верю в строительство социализма в одной стране», — так просто не скажешь, таких чудачков нет. Но вот, например, мы в Центральном Комитете нашей партии решаем вопрос о монополии нашей внешней торговли. Обсуждаем этот вопрос всесторонне, и вот предположим, что я вношу предложение о том, что монополию внешней торговли надо отменить и дать возможность вести за границей частные обороты, как у нас здесь, ввести своего рода нэп во внешней торговле. Всякий из вас догадается, что это вопрос не только внешней торговли, а это вопрос в конечном счете как раз тот, о котором я вам только что говорил, — это вопрос о возможности строительства социализма в одной стране, потому что прежде всего надо, подводя итоги, ответить на следующий вопрос: надо подытожить, что мы имеем в нашем с вами Советском отечестве? Ведь социализм можно строить только тогда, когда действительно у нас что-то такое социалистическое есть, а если за восемь с лишком лет с Октябрьской революции, подытожив всю нашу работу, мы скажем, что у нас социализмом даже не пахнет, тогда, конечно, вопрос о строительстве социализма в одной стране отпадает.

И вот отсюда вытекает другой вопрос — вопрос о том, что такое представляют собой наши государственные предприятия. Большинство Центрального Комитета, а теперь и весь съезд и вся партия, как вы знаете, стоят на той точке зрения, что наши государственные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа. Но, к великому сожалению, опять же были у нас товарищи, и кажется даже до сих пор остаются, такие, которые думают, что, пожалуй, скорее наши предприятия — госкапиталистические, чем предприятия последовательно социалистического типа. Вот теперь представьте себе на минутку, что наши государственные предприятия действительно являются предприятиями госкапиталистическими, следовательно капиталистическими в конечном счете. И если мы посмотрим под этим углом на все остальное, что мы имеем в нашей стране, то получится: мы имеем частного собственника-крестьянина в деревне, в руках государства у нас предприятия госкапита-

листического характера, следовательно, где же говорить о возможности строительства социализма в одной стране. Оказывается, социализм у нас только на наших коллективах, в наших ячейках, и дальше никакого социализма реального у нас нет, потому что, за что ни возьмись, в лучшем случае имеется госкапитализм. Если это так, — а некоторые товарищи утверждали, повторяю, что наши промышленные предприятия, железные дороги, банки и прочее, что это предприятия государственно-капиталистического типа, — если так, тогда, конечно, всякий вопрос о строительстве социализма в одной стране отпадает. А если он, товарищи, отпадает или если он даже не отпадает, а у нас только зарождаются сомнения в том, что наши государственные предприятия являются предприятиями социалистического типа, тогда, предположим, вам, ставшим на такую точку зрения, завтра предлагают отправиться на фабрики и заводы и вести, скажем, агитацию за поднятие производительности труда. Приходите вы, предположим, на «Красный выборжец», собираете там беспартийное собрание и с присущей вам, комсомолу, горячностью и настойчивостью начинаете «разоряться» среди рабочих на тему о том, что вот, мол, ребята, надо поднять, нажать, навалиться и прочее, и прочее, и в то же время рассказываете им, что «вы работаете на госкапиталистическом предприятии». И сами рабочие — допустим — так понимают. Что бы из этой работы у вас вышло? Если грубо говорить, послали бы вас ко всем чертям с этой фабрики, ибо ни один рабочий, ни один понимающий человек никак не мог бы воспринять вашей агитации. Если я работаю на предприятии госкапиталистическом, то, следовательно, есть какой-то капиталист, который является хозяином этой фабрики. С какой же стати я, рабочий, буду принимать ваши советы на тему о поднятии производительности труда? Конечно, в программу рабочего это не входит. Это было бы то же самое, что было у нас в старое время, когда мы приходили к рабочим, работающим на капиталистических фабриках. Никогда тогда никому не могло прийти в голову говорить о поднятии производительности труда; наоборот, мы говорили тогда, что нужно волынить, бастовать, итальянчить — слово «бузить» тогда не было известно, а то ска-

зали бы, что нужно бузить вокруг и около каждого мастера, инженера и прочее, и прочее, т. е. мы делали как раз обратное тому, что делаем сейчас.

Однако никто из наших беспартийных рабочих, даже отсталых рабочих, которые иногда по адресу нашей власти и нашей партии отпускают, под тем или другим влиянием, слова не совсем приемлемые, все-таки никогда не скажет, что он работает на фабрике, которая ничем не отличается от фабрики, находящейся в руках капиталистов, — он все-таки это понимает. Правда, он жалуется на то, что ему плохо платят, что расценки низки, что вообще то или другое нехорошо, что есть та или другая прореха, но основной вопрос он понимает: как бы он ни жаловался и ни грустил, какие бы крепкие слова он по нашему адресу ни отпускал, он знает, что он работает не на капиталиста, и мы все это знаем. Таким образом, в этом вопросе как будто бы у подавляющего большинства не может быть никаких разноречий.

Однако перед съездом партии, так же как и после съезда, обсуждение этого вопроса у нас развернулось очень широко. В частности тут, в Ленинграде, мне приходилось слышать от очень ответственных товарищей: «Конечно, нельзя назвать наши предприятия капиталистическими, но они и не совсем социалистические». — Почему? — «Потому, что есть разница в оплате труда, есть директор фабрики, есть рабочие, есть сдельщина и прочее, и прочее». Все это, товарищи, есть, есть то, что заработная плата сплошь и рядом ниже, чем она была до войны, есть ряд и других недочетов в этом смысле, но разве этим определяется сущность социалистического или капиталистического предприятия? Нужно понять одно, понять, что мы начали управлять предприятиями, сделали их последовательно социалистическими в течение нескольких лет, предварительно разрушив старое, а нужно сказать, что разрушение было колоссальное. Когда мы пришли и создали новое наше государство, то мы за восемь лет не смогли его изменить настолько, чтобы всякому рабочему, всякому трудящемуся человеку жилось бы много лучше, чем при капитализме. Мы изменили условия, но количество наших материальных благ далеко не то,

которое было в старое время. Но сейчас вопрос измеряется не этим, а тем, на кого сейчас работает рабочий класс — работает ли он на себя, на государство, которым управляет рабочий класс, работает ли он на все миллионы народа, находящиеся под руководством рабочего класса, или он работает на другой класс, который пользуется плодами труда рабочего класса. Двух ответов на этот вопрос быть не может.

Следующий вопрос, который вызвал большие разговоры, — вопрос о нэпе. Этот вопрос точно так же имеет самое непосредственное отношение ко всему тому, что у нас происходит.

Вы понимаете, что наряду с положительными успехами в области нашего хозяйства на почве нэпа растут и отрицательные моменты. Все это мы прекрасно понимали, но мы также хорошо знали, что на основе нэпа, несмотря на его отрицательные стороны, нашему хозяйству будет дана возможность развить производительные силы нашей страны гораздо полнее, чем это было в период военного коммунизма. И вот здесь возникает уже новый спор о том, что представляет собою наша новая экономическая политика. Были товарищи, которые определяли новую экономическую политику одним словом — «отступление». Что в самом деле выходит с нэпом, что лучше развивается — элементы ли социализма или элементы капитализма? Тут надо взять большой промежуток времени для того, чтобы проследить систему нэпа, проследить, что она нам дает. Ведь мы имеем четырехлетнюю практику. Если нэп является отступлением, то надо проследить за эти четыре года практики нэпа, что случилось с хозяйством в нашей стране.

Есть очень интересные цифры, — вы, вероятно, их видели, — цифры нашего Госплана, которые впервые подводят итоги тому, что мы сейчас имеем в нашем хозяйстве. Правда, наши статистики еще не совсем хорошо научились считать, так что ошибки у нас иногда бывают, иногда и очень серьезные, но все-таки эти цифры кое-что говорят, и, как строго ни подходи к этим цифрам, как их ни проверяй, прямо или косвенно, все-таки выходит, что элементы социализма за эти годы растут быстрее, чем элементы капитализма.

О чем это говорит? Прежде всего это говорит о том, что на основе новой экономической политики, несмотря на те отрицательные стороны, которые она несет с собой, мы все-таки сможем защищать совершенно точно и определенно наше социалистическое преуспевание. Успех, значит, на нашей стороне. Таким образом, та формула, которую нам дал в свое время товарищ Ленин, провозглашая новую экономическую политику: «кто — кого» — мы капитализм или капитализм — нас, «чья возьмет», — сейчас разрешается совершенно точно и определенно: взяла наша. Несмотря на то, что развиваются разные отрицательные стороны, все-таки мы имеем рост социалистических элементов гораздо больший, чем рост элементов капиталистических. О чем это говорит? Это говорит, что определять нэп только как отступление ни в коем случае нельзя. Новая экономическая политика — очень сложная система, которую Владимир Ильич в первый период ее введения определял так: сейчас, говорил он, мы подошли к такому рубежу, что нам надо немножко отойти, передохнуть и снова пойти вперед. Тут сидят товарищи военные, которые знают, что когда борешься с кем-нибудь, как мы боремся с капитализмом, то не всегда надо бить в лоб; иногда надо брать обходом, обойти, а бить прямо в лоб иногда бывает очень опасно. Несмотря на очень почтенные и серьезные силы, если не сделаешь это обходное движение, можно растерять все на свете.

Вот такой план — план не только движения в лоб, а более сложных обходов, которые дали бы отдельным частям передохнуть, избрать новый путь, новую дорожку — определяет сущность новой экономической политики. Между тем, у многих из наших товарищей это преломляется совершенно иначе. Новая экономическая политика изображается ими так, как будто бы растут только отрицательные элементы нэпа: частная торговля, нэпман бухнет так, что не сегодня-завтра все задавит; одним словом, все то, что есть отрицательного, заслоняет в глазах этих товарищей те общие достижения, которые мы на почве этой системы нэпа имеем.

Наконец, товарищи, последний существенный вопрос, который занимает нашу партию, — пожалуй, не менее серьезный, чем все остальные вопросы, — это вопрос

о нашей деревне. Вы, конечно, достаточно знаете о том, что есть у нас бедняк, середняк и кулак. Это теперь как будто и есть те три сосны, в которых некоторые из наших товарищей, по-моему, заблудились. Новая экономическая политика — это же ведь основа смычки рабочего класса с крестьянством. Конечно, она сыграла свою роль и в нашей деревне. Деревня оживилась, появились те успехи, о которых я вам говорил, деревня подняла свое хозяйство. Конечно, на этой почве усилились те самые социальные брожения, которые у нас в деревне имеются. И вот наша оппозиция обвиняла большинство Центрального Комитета в том, будто наш Центральный Комитет маленько кулацкий уклон взял. Так оно выходило. Правда, вслух этого твердо не говорили. Говорили только о том, что появился в природе такой популярный человек — теперь это уже европейская знаменитость — «профессор» Богусhevский, который написал какую-то очень страшную статью, — это вы все наверное слышали, — и что, дескать, Центральный Комитет партии допустил это, что это написано в Центральном Органе и что Богусhevский-де дал новую директиву партии. Помаленьку некоторые стали рассказывать разные вещи на тему о том, что действительно мы, большинство Центрального Комитета, начинаем уклоняться, и не только относительно Богусhevского, а что по целому ряду мероприятий Центральный Комитет как будто недостаточно отчетливо ведет ленинскую линию, недостаточно мы защищаем бедноту, недостаточно внимательно относимся к интересам бедных слоев и слишком уж широко распахиваем двери для развития этого самого кулака. А тут еще на грех в этом году у нас произошел весьма серьезный просчет в деле хлебозаготовок. Это тоже поставили в вину нам, большинству ЦК, и сказали: видите, вы не замечаете, что в деревне кулак расцвел таким пышным, махровым цветом, что он забрал все на свете, что у него 60 с лишком процентов хлебных излишков и что благодаря вашему попустительству кулак не хочет этот хлеб продавать. Одним словом, все стало складываться в такую сторону, что у нас среди большинства членов Центрального Комитета якобы получился крен в кулацкую сторону, и пошли маленькие — правда, шепотком вначале, недостаточно отчетливо слыш-

ные — предупреждения о том, что у нас вообще начинается какое-то перерождение Центрального Комитета партии. Словом, обвинения были совсем нехорошие, и все это главным образом на почве будто бы нашей неправильной политики в деревне.

Наша политика в деревне, как вам известно, определена особенно отчетливо XIV нашей партийной конференцией. Мы там этот вопрос обсуждали самым подробнейшим образом. На этой самой конференции были впервые разобраны очень отчетливо те процессы, которые происходят в деревне за последнее время, было указано, что беднота попадает в сугубо тяжелое положение благодаря развитию определенных течений в деревне, что кулачок воспользуется всеми благами свободного товарооборота, было указано, что в партии может создаться таким образом два уклона: одна сторона будет как будто бы забывать рост кулака и его влияние в деревне, а другая может забыть основное звено, на которое мы опираемся в деревне, — того середняка, о котором так много спорили. На октябрьском пленуме мы еще отчетливее отчеканили наше отношение к бедняку и пути помощи ему со стороны государства, — и вдруг после этого нам преподнесли такую вещь, что наш ЦК приобрел кулацкий уклон.

Еще задолго до съезда мы у некоторых наших ответственных товарищей видели некоторую забывчивость по части основного звена, которое мы имеем в деревне, — середняка. Многие из очень ответственных товарищей, уделяя много внимания кулаку, его росту, опасности этого роста, стали совершенно забывать об основном звене, на котором сейчас строится наша деревенская политика. Смешно, конечно, говорить, что вдруг наша Коммунистическая партия забыла бедняка, — это сплошной вздор, но нужно помнить еще другое: мы вступаем в полосу, когда приходится сказать, что если на нашей стороне не будет подавляющего большинства крестьянства, то погибнет революция.

Приведу очень простой, на мой взгляд, очень показательный пример. Возьмите сейчас состав наших вооруженных сил. В подавляющем своем большинстве это — крестьянство и в очень большой части — середняцкое

крестьянство. Возьмите экономическую сторону: подавляющее большинство деревенской продукции находится в руках середняка. Таким образом, с какой бы стороны мы ни подошли — с количественной ли стороны или с качественной, — вы видите огромное значение группы середняцкой. Когда часть товарищей стала об этом забывать, то вокруг этого вопроса поднялись очень большие разговоры. Мы вынесли эти вопросы на съезд, и на съезде развернулись дебаты по этому поводу. Вы знаете, до каких размеров они дошли. Оппозиция приписывает нам целый ряд смертных грехов, но от этих обвинений, в конечном счете, она должна была сама отказаться.

Вот примерно в кратких чертах те разногласия, которые были у нас до съезда и которые в основном развернулись у нас на съезде.

Приехали мы на съезд. В первый же день съезда уже обнаружилось нечто такое, что говорит не о кулацком или бедняцком уклоне, а о том, что у нас в отдельных звеньях партии определенный крен.

После отчета ЦК мы заслушали, как вы знаете, доклад Зиновьева, которого «уполномочила» на это ленинградская делегация, и еще двух-трех делегатов из других мест. Вот тут два слова в разъяснение оппонентам. Нас все время спрашивают: «С каких пор в партии, на партийном съезде, нельзя говорить откровенно, что думаешь?». Мы отвечаем: «Можешь говорить все, что тебе угодно, никто тебе не помешает; можешь говорить с утра до ночи, и если красноречиво говоришь, съезд и это вынесет, а вот содоклада мы никак не можем принять». По какому вопросу мы выслушали содоклад? По отчету Центрального Комитета партии за полтора года совместной работы. Одно требование этого содоклада показывает, что имеется оппозиция, имеется совершенно другая линия, чем та, которую выдвигает генеральный секретарь Центрального Комитета партии. И это тогда, когда мы на всех конференциях, по всему лицу нашей советской земли принимали резолюции, что мы приветствуем генеральный штаб, что мы за единство и прочее. Ведь всякий понимает, в чем тут дело. И мы, конечно, были тысячу раз правы. Теперь на всех империалистических колокольных звонят во все колокола, что у большевиков трещина, и т. д.

Кончился содоклад, и дальше — знаменитое голосование против резолюции по отчету Центрального Комитета партии. Теперь все это уже начинает покрываться временем, хотя бы двух-трехнедельной давностью. Теперь уже начинают объяснять это другим. Один из делегатов съезда, товарищ с Гвоздильного завода, говорил мне, что они голосовали против потому, что так вышло технически. «Мы, — говорил он, — были поставлены в такие условия, что должны были голосовать против». Но это не объяснение: вышло «против». Технически ли, механически или еще как-нибудь, но получилось «против». (Г о л о с: «Химически».) Вот тут подсказывают: химически. Может быть и так, но как ни поверни — выходит «против», «за» никак не получается. Как было дело, товарищи? Имейте в виду: вначале мы руки подняли кто «за», кто «против», но так как это вопрос колоссальной важности, это не то, что бюро коллектива переизбрать, так мы решили поименно каждого переспросить: «Иванов, ты «за» или «против»?» Терпеливо сидели несколько часов, нас 665 делегатов было, и мы каждого по фамилии выкликали и спрашивали, и он говорил — «за» или «против». И здесь ленинградские делегаты говорили «против». Руки, значит, поднимали «технически», сказали «против» потом тоже как-то случайно, и теперь приехали сюда, в Ленинград, и говорят: «У нас времени не было, не успели, не обсудили, перерыва не сделали, по частям не голосовали, за основу не голосовали, а в целом сразу приняли». Одним словом, как-то не выходит никак «за», а все-таки выходит «против». (С м е х.) Ну, товарищи, хотя я и назвал вас «приготовительным классом», но все-таки вы люди взрослые. Как можно навязать голосование, да еще на съезде партии, по столь серьезному вопросу, кого можно заставить крикнуть «да» или «нет» механически или технически? Никак это не выйдет.

Таким образом, имея налицо все эти разногласия, оппозиция, видимо, имела в виду дать свою платформу. Мы, грешные люди, глубочайше убеждены в том, что они хотели в этом содокладе развернуть свою платформу. Когда мы предложили резолюцию, они внесли некоторые «поправки» такого характера, что они ставят на дыбы всю нашу резолюцию. Мы тогда сказали: вы эти поправки

положите в карман, вот вам резолюция, желаете — голосуйте «за», не желаете — голосуйте «против», как хотите. Ну, это у них не вышло. Просчет получился.

Теперь съезд кончился — как же быть? Оппозиционеры остались в меньшинстве. Кроме той делегации, которая явилась уже с готовым мнением по всем вопросам, никто к ним не присоединился, ничего у них не вышло. И вот дальше мы видим, уже после подведения итогов работы съезда, заявление о том, что, дескать, съезд партии кончился, решения съезда для нас обязательны, мы их проводить будем и прочее. Казалось бы, не о чем и разговаривать. Но я думаю, что вы согласитесь со мной, что разговаривать все-таки есть о чем. Разговариваем мы тут до двух часов ночи иногда, а иногда и маленько позже, и никак не можем договориться. Дело изображают так, что как будто за спиной ленинградских делегатов стоит Ленинградская организация. Так дело изображали — что, дескать, «нас послали», «мы уполномочены заявить», «мы имеем право предложить», и т. д. и т. п. Когда мы на съезде произвели это голосование, тогда половина ленинградской делегации вернулась сюда обратно и здесь заручилась свежими мандатами на крупных предприятиях. Им удалось изобразить дело так, — как нам теперь на заводах рассказывали, — что «Ленинград бьют», «надо нам подтянуться, плечом к плечу, надо гамузом нажать» и прочее и прочее. А вы знаете, что у нас в партии — народ артельный: «Если наших обижают, то давайте подмахнем». Вынесли резолюцию на Обуховском заводе и других, хотя в это время решение съезда по отчету ЦК уже было принято. Вынесли такие резолюции: «Мы целиком и полностью поддерживаем нашу делегацию, которая отражает наше, мол, мнение», и так далее и тому подобное. Оппозиционеры опять в Москву приехали и привезли делегатов от заводов «с приветствиями» — вы это читали в газетах, — где говорится, что «мы, ленинградцы, за них». Что же вышло? А вышло, что решить-то на съезде решили, оппозиция осталась в меньшинстве, а формально — за меньшинством стоит стотысячная организация. Если действительно так останется, то, понимаете ли вы, что из этого получится? Может ли партия спокойно работать? Может ли ЦК партии чувствовать себя так,

как он должен себя чувствовать, что кругом него все благополучно? Нет, тогда вышло бы, что с тыла или с фланга стоит стотысячная организация, которая не разделяет решений съезда, которая целиком и полностью поддерживает те ошибки оппозиции, которые съезд разъяснил, по поводу которых съезд обратился к Ленинградской организации со специальным воззванием, решительно разоблачив эти ошибки. И все-таки Ленинградская организация стоит будто бы за ленинградскую делегацию.

Когда мы приехали сюда, то застали здесь двойную бухгалтерию. Может быть, вам тут тоже откроют страничку из этих бухгалтерских книг, скажут: «Мы стоим за резолюцию, но мы стоим и за ленинградскую делегацию; съезд поступил правильно, но и ленинградская делегация поступила правильно, защищая...» и пр. Товарищи, согласитесь, что если дело пойдет так, что в одном месте одно будет правильно, в другом — совсем другое, а завтра — что-нибудь третье, то получится, что у нас будет не партия, а какой-то базар. Нужно все-таки помнить, что, несмотря на все эпитеты, которыми нас награждают, называя нас чуть ли не полуварварами, нет ни одного серьезного человека, который бы пытался опровергнуть, что более сильной, сплоченной, могущественной партии, чем ВКП, во всем мире не найдешь. Это знают все. (Бурные аплодисменты.)

Если, товарищи, мы действительно с завтрашнего дня хотим наметить новые вехи нашей дальнейшей работы, новые вехи нашего движения вперед по пути к социализму, хотим действительно идти по этому пути успешно, то ведь главное и основное условие заключается в том, чтобы ряды нашей партии не были расстроены ни в одном месте, так как малейшая заминка, сбивчивость, сдвинутость наших стройных рядов повлечет за собой глубокие отрицательные моменты в нашей работе и в нашей жизни. Вот почему ЦК партии так внимательно и настойчиво добивается того, чтобы выслушать подлинный голос Ленинградской организации. Мы на съезде, до съезда и после съезда, мы, большинство ЦК, ни на одну минуту не сомневались в том, что подавляющее большинство испытаннейших революционеров Ленинграда, лучших членов нашей партии, несомненно, находится в заблуждении,

а не разделяет тех ошибочных взглядов, которые развернула оппозиция на съезде. (Аплодисменты.)

Теперь, товарищи, несколько слов о нашем комсомоле. Тут греха таить нечего и скрывать ничего нельзя. Мы знаем, что то, что происходило в рядах нашей партии, перекочевало явным образом и в наш комсомол. Если мы со стороны ряда взрослых товарищей, членов нашей партии, встречаем такое поведение, то в рядах комсомола мы сплошь и рядом видим прямо бесшабашные настроения. За последние десять дней мы наблюдали колоссальнейший переворот в стотысячной организации Ленинграда. Не подлежит никакому сомнению, что как бы ни были разгорячены головы в известной части ленинградского комсомола, но все-таки он найдет в себе мужество и спокойствие для того, чтобы действительно от доски до доски разобраться во всем том, что происходит, и он не замедлит последовать за лучшими испытанными отрядами нашей партии. (Аплодисменты.)

Еще два слова, товарищи, на тему о том, что нам всюду и везде говорят: «Вот вы, ответственные товарищи, приехали сюда и разрушаете Ленинградскую организацию». Товарищи, поймите, съезд кончился, 665 делегатов сейчас находятся в разных уголках нашего Советского отечества, и все с трепетом ждут толоса Ленинградской организации, с трепетом ждут ответа на вопрос — действительно ли все 100 тысяч ленинградских коммунаров идут целиком и полностью за теми 65 делегатами, которые представляли собою на XIV съезде партии оппозицию. Поэтому мы говорим: «Правда, здесь происходит много болезненных явлений, но всякий честный коммунар, всякий, кто искренно стремится объединиться вокруг Центрального Комитета и съезда нашей партии, тот должен прежде всего стараться стать в одни ряды со всей ВКП». (Аплодисменты.) Если мы, товарищи, этого достигнем, если каждый из ленинградских коммунаров действительно проникнется сознанием этой необходимости, не страшны никакие надрывы в отдельных частях нашей великой миллионной семьи коммунаров. (Аплодисменты.) Мы видим, что ленинградский пролетариат и ленинградские коммунары пошли уже по этому пути, и немного дней пройдет, товарищи, до того, когда

вся стотысячная Ленинградская организация в унисон со всем миллионом членов партии, объединенная вокруг Центрального Комитета нашей партии, с решениями XIV съезда в руках, пойдет смело вперед и будет действительно по-настоящему, по-большевистски, по-революционному отстаивать заветы товарища Ленина, а за нею пойдет и комсомол. (Бурные аплодисменты. Собрание стоя приветствует товарища Кирова.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! Я думаю, все достаточно устали, и поэтому я ограничусь только несколькими замечаниями. Первое, на чем я хотел бы остановиться, — это на самом крепком замечании, видимо, одного из оппозиционеров, который пишет в записке, поданной даже не мне, докладчику, а прямо в президиум. Он говорит: «Зачем врет докладчик? Кто из оппозиции утверждал, что наша госпромышленность не является социалистической промышленностью? Кто из оппозиции отрицал это?» (Голоса: «Чья подпись?».) Трудно разобрать, чья подпись. Да не в подписи дело, а дело в том, что был сделан целый ряд замечаний о том, каким образом произошло, что сомнения в социалистическом характере нашей промышленности исходят из такого промышленного центра, как Ленинград. Но тут мы не виноваты. Дело в том, что часть оппозиции составляли не только ленинградцы. Например, Сокольников, который утверждал на съезде то, что вы все читали, и который спрашивал, характеризуя железные дороги: «Что такое наши железные дороги, разве это социалистические железные дороги?». Я мог бы привести вам целый ряд других примеров. Но вот прочтите брошюру Залуцкого, в которой он пишет: «Как же при нашей отсталости и технике мы можем строить социализм?». Об этом же говорил также Каменев в свое время, что при нашей отсталости и прочем социализм построить трудно. Поэтому в нашей резолюции имеется особый пункт о том, что партийный съезд предлагает открыть самую решительную борьбу против неверия в возможность строительства социализма.

Теперь несколько замечаний по поводу выступавших здесь ораторов. В особенности сердито выступил Царьков. Он обвинял меня в том, что я бью на чувства, и начал говорить насчет того, что незачем дискредитировать Зиновьева, Каменева и т. д. Это верно, дискредитировать без нужды людей незачем. А я спрашиваю Царькова: «А зачем вы дискредитируете решения партийного съезда?» А ведь этим делом они занимаются до сих пор. Если кто-нибудь возьмется отрицать это, то у него должны волосы покраснеть от стыда. То, что прочитали Комаров и Алексеев, это ведь живые человеческие документы, на которых еще чернила не высохли! Говорит ли это о признании съезда, о дисциплине? Меньше всего здесь может быть речь об этом. Люди собираются и рассуждают о том, как они на XV съезде бой дадут, как они все распределятся по местам и будут выжидать. Что это — политика объединения партии? Мы думаем, что это здорово похоже на раскольниковство. Если приглядеться к этому как следует, если подойти к этому попросту, без дипломатии, то ведь это оказывается самой настоящей раскольнической политикой. (Аплодисменты, шум, крики.)

Я, товарищи, хочу коснуться еще одного последнего замечания, на мой взгляд самого демагогического из всего, именно заявления Фаддеева. Он говорил о том, что в подполье назревали всякие истории. И кто же оказался виноват? Нам заявляют: вы, товарищи, виноваты в том, что происходит сейчас в Ленинградской организации. Нам говорят: «Что же вы хотите от нашей делегации — распотрошить ее?». Нет, товарищи, для чего нам потроха, хотя бы и делегатские? Ни к чему они нам не нужны. Дело сейчас в тех ошибках, которые оппозиция совершила на съезде. И вот мы по старому большевистскому приему думаем, что надо этих оппозиционеров, чем бы они ни прикрывались и что бы они ни чувствовали, — а надо сказать, что сейчас их положение незavidно (с м е х), — взять за ушко и перед нашей коммунистической аудиторией расспросить их, как они дошли до жизни такой. (С м е х.) Понять надо это дело, товарищи, — ведь назвался груздем, так и полезай в кузов. Иначе мы не можем действовать, потому что надо досконально понять,

в чем же тут дело. Тут, товарищи, никакой жестокости нет — это самые элементарные большевистские приемы. Нас спрашивают: почему не выступает противная сторона? По очень простой причине — есть постановление о том, что дискуссия прекращена, но это, конечно, не значит, что ни один из оппозиционеров не может выступить, и они, как вы видите, выступают; и делегация может выступить, и член ЦК может выступить, но он только должен выступать и защищать здесь решение съезда. (Аплодисменты.) Если он выступит и начнет здесь защищать свою позицию — это значит «начинай сначала». Съезд с этим делом покончил, решение принял, а если начнется дискуссия по всему лицу Советской страны — это будет значить, что мы вместо дела будем тратить время черт знает на что. Поэтому я считаю, что партия решила совершенно правильно — дискуссия закончена, но это не значит, что Центральный Комитет партии не может разбираться в ошибках оппозиции. Тут говорят, что не совсем детально и подробно освещается вопрос. По-моему, это не так. Здесь нужно только принять во внимание, что оппозиционерам очень трудно сознаваться; когда накуролесишь — это очень тяжело. Только вчера это было, вчера запутались, а сегодня сказать, что запутались, — это считается не по-большевистски. Мы говорим, и вполне убеждены в этом, что это неправильно и что по-большевистски как раз делается наоборот. Имей мужество прийти и сказать партии, что сделана ошибка; надо исправить эту ошибку и загладить все то, что было. Только тогда мы сможем изжить то, что у нас произошло. Я думаю, что здесь, в Ленинграде, мы с полным правом можем сказать, что большинство членов партии Ленинградской организации вышло на правильную дорогу. То же самое надо сделать и комсомолу. Нужно сказать, товарищи, что тут еще есть много задора: «Ну, запутались и запутались, а тебе какое дело?» — молодой народ еще, гонору много. Мы тоже не совсем старики и не так давно еще были молодыми. Задор в таких случаях — штука вредная, товарищи, и хвастаться этим никоим образом нельзя. Вы все прекрасно понимаете, как трудно бывает партии, когда она немножко зашатается; а каково же ей будет, если у нас вся огромнейшая организация комсомола, нашего

молодняка, начнет колебаться слева направо, не умея найти дорогу к партии.

Если мы действительно верим в возможность строительства социализма в одной стране, если мы знаем, что нам кулак не страшен, если мы действительно убеждены в том, что наша политика и внутри страны и вне ее, в общем и целом, совершенно правильна, если мы действительно все эти вопросы, которые зафиксированы в резолюциях XIV съезда, принимаем так, как подобает коммунисту-ленинцу, то первое и основное для того, чтобы провести их действительно на все сто процентов, — это единство партии. (А п л о д и с м е н т ы.)

И поэтому пусть не бросают нам здесь «холодные» представители оппозиции упрек, что мы бьем на чувство. Нет, товарищи, дело не в чувстве, а в том, что трещинка показалась как раз в том городе, который носит имя Ленина. И не понять этого — значит ничего не понять в жизни нашей партии. Поэтому Центральный Комитет твердо надеется, что тот город, который носит имя великого учителя и основоположника нашей партии, снова займет то почетное место в наших рядах, которое он занимал, а с ним вместе и ленинградский комсомол. (А п л о д и с м е н т ы. С о б р а н и е с т о я п р и в е т с т в у е т т о в а р и щ а К и р о в а.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 41—63.*

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ— КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

*Доклад на заседании
комфракции съезда председателей
уездных, волостных и городских исполкомов
19 января 1926 года, Ленинград*

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

Товарищи! Мне поручено сделать вам отчетное сообщение о работе XIV съезда нашей партии, но я думаю, что было бы более целесообразно, если бы мы прежде, чем перейти к общему обзору нашего съезда, остановили свое внимание, хотя бы на короткое время, на общей обстановке, в которой находится СССР, ибо эти оба вопроса, на мой взгляд, связаны между собою самым непосредственным, самым тесным образом, так как, если не дать себе точного отчета о том положении, которое занимает сейчас наш Союз, будет до некоторой степени трудно разобраться в тех основных вопросах, которые стояли в порядке недавно закончившегося XIV партийного съезда.

Несколько недель тому назад наше правительство в лице такого органа, как Госплан, сумело подытожить в цифрах то хозяйственное положение, которое сейчас занимает наш Союз. Эти знаменитые цифры Госплана обошли сейчас всю нашу печать, они еще до сих пор дебатруются во всей европейской печати как на страницах газет наших друзей, так и наших врагов. Я думаю, что для многих, даже живущих в Советском Союзе, эти цифры являются в достаточной степени неожиданными. Ведь надо сознаться, что до самого последнего времени у нас в некоторых слоях населения имеется еще некоторого рода скептицизм, неверие в те действительные успехи, которых мы достигаем. У нас еще в оценке нашего внутреннего и особенно хозяйственного положения часто

исходят из того, что мы имели примерно два-три года тому назад, когда мы еще не могли достаточным образом связать концы с концами, привести нашу хозяйственную систему в более или менее единое, связанное, стройное целое. Вот эти самые последние цифры Госплана как раз и делают первые попытки к тому, чтобы представить все наше хозяйственное положение в такой стройной, выдержанной системе. Я не берусь утверждать, что эти цифры совершенно точны. У нас на этот счет очень много еще прорек: вы все знаете, что мы даже в жизни отдельных ячеек нашего хозяйства сплошь и рядом не можем подсчитать точно, что мы имеем; мы сплошь и рядом не можем свести концы с концами, порой не можем этого сделать с достаточной точностью в каком-нибудь небольшом сельском кооперативе. Этот же недостаток имеется у нас и в общегосударственной и хозяйственной системе, но все-таки, несмотря на отдельные возможные неточности, «в общем и целом» нужно признать, что эти цифры с достаточной отчетливостью, с достаточной полнотой дают характеристику того, что мы имеем. О чем говорят эти цифры, товарищи? Я не буду приводить вам этих цифр подробно, я укажу только на самые главные. Все эти цифры сводятся в конечном счете к одному — рассматриваем ли мы состояние нашего сельского хозяйства, исследуем ли мы на основании этих цифр нашу промышленность, мы приходим к одному и тому же выводу: и в сельском хозяйстве и в нашей городской промышленности мы к концу прошлого и началу текущего года уперлись в так называемый довоенный уровень. Вы помните, что годика два тому назад мы выдвинули лозунг: восстановить наше хозяйство во что бы то ни стало до довоенного уровня, — и вот как раз в канун 1926 года мы можем уже смело утверждать, что и в области нашего сельского хозяйства и в области нашей промышленности мы к этому уровню подошли. Не хватает у нас очень немного процентов для того, чтобы та или иная отрасль поравнялась полностью с довоенным уровнем. Конечно, с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, с точки зрения того, что мы еще восемь с лишком лет назад поставили себе задачу строить социалистическое общество, — эти достижения не могут считаться головокружительными, ибо каж-

дый из нас помнит и должен помнить в данном случае, что довоенный уровень, уровень сельского хозяйства и нашей промышленности, который мы имели накануне свержения царского самодержавия, — этот уровень в общей системе мирового хозяйства считался и не мог не считаться в полном смысле слова нищенским.

Можно утверждать, что если царское самодержавие, а затем и буржуазно-помещичий строй пали, то одной из основных причин их падения явилась наша нищета, огромная отсталость как нашей деревни, так и нашего города. Так что с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, эти достижения не бог весть какие. От этих достижений голова кружиться не может ни у какого здорового человека. Но если мы сравним эти достижения с тем, что нам досталось в наследство после того, как мы сумели с оружием в руках отстоять свое Советское отечество, — тогда каждый сознается, что эти достижения имеют огромное, колоссальное значение. Ведь у всех в памяти тот период времени, когда мы находились буквально в какой-то хозяйственной трясине. Ведь если взять период нашего существования, скажем, три-три с половиной года тому назад, то, я думаю, каждый из вас, если покопается в памяти, должен будет вспомнить, что едва ли нам верилось в возможность того, что через три года мы будем говорить о довоенном уровне нашего хозяйства. Я полагаю, что три года тому назад мы думали совершенно иначе. Мы думали о том, как бы нам расползшееся по всем концам наше хозяйство хоть как-нибудь немножко связать, чтобы выбиться из периода систематической голодухи, систематических недостатков во всех областях нашего хозяйства. И вот, несмотря на это, подходя к 1926 году, мы видим, что наше положение в этом смысле меняется очень резко, и особенно в этом отношении характерны последние полтора года. Тут мы можем с полным правом утверждать, что мы переживаем буквально бурный период расцвета нашего сельского и городского промышленного хозяйства. Я не буду брать отдельных отраслей нашего хозяйства, но скажу, что мы сейчас имеем такие отрасли хозяйства в нашей промышленности, которые уже перешагивают довоенный уровень. Я думаю, что для вас не подлежит никакому сомнению,

что мы вступили сейчас в полосу интенсивного восстановления нашего хозяйства.

Что касается нашего деревенского хозяйства, то я думаю, что вы могли бы поделиться гораздо более подробными данными, чем те, которыми я располагаю. Я хотел бы вам только указать на одно, что если мы возьмем развитие сельского хозяйства по нашему Союзу, то мы здесь наблюдаем чрезвычайно интересное, чрезвычайно ценное явление для нашего хозяйства — явление, заключающееся в том, что наше сельское хозяйство восстанавливается не только в количественном отношении, не только в том отношении, что увеличиваются запашки, увеличивается количество собираемого хлеба, но у нас, особенно в тех местах, где земля представляется очень ценной, наше крестьянство постепенно под влиянием той огромной культурной работы, которую ведет наше Советское государство, постепенно переходит от отсталой к более ценной культуре. Такие культуры, как хлопок, которые представляют собою огромнейшую ценность, такие ценные культуры начинают в жизни нашего сельского хозяйства занимать все больше и больше места. Нельзя также не заметить, — каждому из вас это видно, а в нашей черноземной полосе этого абсолютно нельзя не заметить, — как быстро крестьяне начинают переходить к более совершенным, к более современным способам обработки земли.

Ведь надо, товарищи, сознаться, что несмотря на высокую задачу, которую мы ставим перед собой, несмотря на колоссальнейшую революцию, которую мы с вами проделали, все-таки еще и до сих пор подавляющее большинство сельских хозяйств у нас работает таким орудием, как соха времен святого Владимира. Каждый из вас понимает, что на этих орудиях производства свершить промышленную революцию в нашем хозяйстве — задача абсолютно невозможная. Если несколько лет тому назад товарищ Ленин бросил громадного значения лозунг о необходимости электрифицировать нашу страну, то это, товарищи, надо понимать в самом широком смысле слова. Электрификация заключается не только в том, что мы построим такое-то количество Волховстроев или еще какие-нибудь такого же рода гиганты. Электрификация нашего хозяйства должна заключаться в техническом пе-

реоборудовании как нашей промышленности, так и нашего сельского хозяйства в самом широком, в самом обширном смысле этого слова. Электрификацию отнюдь нельзя понимать в том смысле, что у нас в один прекрасный момент даже в наших захудалых деревушках в хатах крестьян вместо лучины будет гореть электрический свет. Дело не только в этом и даже, пожалуй, не столько в этом, а главным образом в том, чтобы путем вот этих новых технических основ нам перевернуть всю нашу технику не только в области промышленности, но и в области нашего сельского хозяйства.

И вот сейчас, несмотря на все еще промадную отсталость нашей деревни, мы все-таки мало-помалу начинаем переходить к новым, более усовершенствованным способам обработки. Тут надо сказать, что те достижения, которые мы имеем, являются, конечно, очень заметными в жизни нашей страны, но ни в коем случае нельзя себя обольщать мыслью, что мы здесь находимся накануне такого преуспевания, что можно спать спокойно. Это, конечно, неверно. Впереди у нас в этой области еще колоссально много работы. Нам нужно дойти до довоенного уровня в общей системе нашего хозяйства, нам нужно дальше совершенствовать ту работу, которая в сельском хозяйстве в ближайшие пять лет должна привести нас в область «Обновленной земли»¹, очень красноречиво описанную в одной книжке, которую неоднократно хвалил наш великий учитель товарищ Ленин. Это, конечно, не та обетованная земля, о которой пишется в библейских книжках, а это та обновленная земля, которая имеет место здесь, на грешной земле, и находится в Соединенных Штатах Америки. Владимир Ильич всегда настойчиво рекомендовал эту книжку, в которой описана вся современная сельскохозяйственная американская техника, а когда мы сравним то, что имеем сейчас, с тем, что имеет сейчас американское сельское хозяйство, то между нами и ими получится, конечно, громаднейшая пропасть. И вот нам эту пропасть нужно заполнить во что бы то ни стало. Но если мы условимся о том, что мы сейчас не только сдвинулись с той мертвой точки, на

¹ Имеется в виду книжка Гарвуда «Обновленная земля». *Ред.*

которой стояли три года тому назад, если мы действительно согласимся с положением, что наше хозяйство, в том числе и сельское, совершает, как это всем заметно, бурный период своего развития, то, я думаю, что при прочих необходимых для созидательной работы условиях мы, крепко напрягая наши силы, несомненно сумеем перешагнуть и через эту полосу и пойдем еще дальше.

Я думаю, что наше государство и наша партия сумеют повести работу в области революционизирования нашего хозяйства. Все это, конечно, будет возможно, при непременном условии, если нам, паче чаяния, не учинят помехи какие-нибудь из многочисленных наших недругов, это — с одной стороны; с другой стороны — если наша партия сумеет и впредь вести достаточно определенную и достаточно понятную для каждого рабочего и для каждого крестьянина работу и политику, около которой мы могли бы и впредь так же успешно объединять миллионы населения нашей огромной страны.

Вот если эти два условия будут соблюдены, то, очевидно, не будет никаких оснований сомневаться в том, что, несмотря на предстоящие впереди серьезные трудности, мы сумеем перейти в дальнейшем в полосу уже подлинного, настоящего, великого строительства нашего социалистического государства.

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Трудно, конечно, строить это государство, находясь восемь с лишком лет в полосе железного окружения со стороны империалистических держав. Делали мы разного рода попытки, чтобы как можно полнее, как можно ближе связаться с западноевропейскими странами. Вы помните, что мы переживали полосу усиленных попыток привлечения иностранного капитала, в форме ли концессий или другого рода форм, чтобы восполнить те недостатки, которые имеются сейчас в нашем хозяйстве, но в общем вся наша политика, вся наша работа в этом направлении до самого последнего времени принесла очень ограниченные результаты: мы все еще находимся с этой стороны в достаточной степени изолированными.

И вот, несмотря на то, что мы не имеем никакой материальной, осязаемой помощи извне, несмотря на то, что империалисты по-прежнему продолжают окружать нас китайской стеной, мы все-таки имеем возможность восстанавливать с достаточным успехом наше хозяйство. Это говорит, конечно, не только о нашем умении, не только о нашей большевистской дерзости, — это говорит также о богатых объективных возможностях нашего дальнейшего развития.

Я думаю, что каждый из вас понимает, что страна протяжением от Ленинграда до Владивостока, от Архангельска до Эривани, страна с колоссальными, далеко еще не использованными природными богатствами, страна, имеющая громадный внутренний рынок, дает возможность нашему правительству и нашей партии без внешней помощи, без внешнего рынка поднимать и развивать наше хозяйство. Поэтому, несмотря на отсутствие какой-нибудь заметной поддержки, несмотря на то, что нам строятся всякого рода препятствия в деле нашего преуспевания, наш Союз окреп настолько, что он занял совершенно определенное, по праву ему принадлежащее место в семье всех народов.

Если мы три-четыре года тому назад занимали на земном шаре совершенно нелегальное положение, если мы еще четыре года тому назад жили в своего рода подполье, если человек, выкинутый с советским паспортом, скажем, в Европу, должен был претерпевать самые невероятные затруднения, то сейчас, в тот период, который мы с вами переживаем, уже нет ни одной страны, ни одного государства, где бы на наш 150-миллионный Союз смотрели как на какую-нибудь нелегальную организацию, — теперь, я говорю, таких государств и таких народов в природе уже не существует; мы благодаря тем успехам, о которых я говорил вкратце в начале доклада, заняли совершенно законное, совершенно определенное место в семье всех народов. Теперь самым высоким представителям современного империализма приходится скрепя сердце входить во взаимоотношения с нашим Союзом. О чем это говорит? Прежде всего не о том, что сердца империалистов и наших врагов под влиянием восьмилетнего нашего существования стали мягче. Нет, их сердца

какими были зверскими в отношении к нам, такими и остались. Но правильным является то, что наш Союз, которым можно было несколько лет назад пренебрегать совершенно безнаказанно, теперь в силу всех обстоятельств, на которые я указывал, является такой единицей на мировых весах, которую просто так не скроешь, мимо которой не пройдешь, не заметив ее, а, наоборот, проходя мимо которой, приходится очень внимательно, очень тщательно задуматься над всем тем, что создавалось на этой самой шестой части земного шара. На этой частичке всего мира постепенно, понемногу за восемь лет создано такое государство, которое приобрело совершенно твердый, совершенно определенный вес во всей системе мирового хозяйства.

УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ

Вы знаете, что за последний год мы с вами наблюдали громаднейшее паломничество со стороны европейских рабочих в Советский Союз. Мы несколько десятков западноевропейских делегаций пропустили по нашим городам и деревням, — делегаций, пожелавших воочию убедиться в том, что собою представляет Советский Союз. В составе этих делегаций мы видели не только членов коммунистических партий, не только представителей желтого Интернационала, — мы видели там и просто беспартийных рабочих. За самым ничтожным исключением, за исключением только тех, которых может, очевидно, как горбатого, только могила исправить, подавляющее большинство из них, посмотрев на все, что они видели в Советской стране, возвращались к себе на родину полнейшими нашими друзьями. Всякому рабочему, который честно, попросту смотрел на работу трудящихся нашего Союза, становилось совершенно очевидным, что действительно рабочие и трудящиеся Советского Союза не на словах, а по-настоящему, на деле, строят социалистическое государство, что те трудящиеся, которые восемь лет назад разрушали дворцы и поместья феодалов, оказываются способными не только разрушать, не только сокрушать, но умеют и строить. За короткий промежуток времени европейские

рабочие увидели, что у нас проделана колоссальнейшая, совершенно невиданная работа. Европейские рабочие увидели, какие огромные творческие возможности открывает в себе рабочий класс, когда он становится господином положения, диктатором в государстве. Эти рабочие увидели, что свершается то, о чем они читали лишь в полуполигальных книжках, именно — что настанет когда-нибудь счастливый период, когда власть в государстве будет в руках рабочих, когда каждый из угнетенных будет принимать непосредственное участие в государственном строительстве, когда в эту работу будут вовлечены огромные миллионы людей и будет положено основание тому великому будущему, которое называется социализмом. Об этом европейские рабочие только мечтали, читали в книжках, а здесь они, приехав, увидели это на деле, увидели реально, что действительно изо дня в день, понемногу, кропотливейшим образом это совершается. Действительно, это может произвести переворот в голове не только беспартийных, но даже и представителей желтого Интернационала. То, что он видит, — от этого не уйдешь, не отмахнешься. Это движение, это паломничество в Советский Союз сыграло и играет колоссальную роль в деле укрепления наших взаимоотношений с трудящимися Западной Европы. В самом деле, представьте себе, что ваш покорнейший слуга рассказывал где-нибудь, — если бы представился случай, на широком собрании, например, в берлинских кварталах, — какие мы с вами хорошие люди. Конечно, я был бы последним дураком, если бы не похвалил всех нас. Я глубочайше, как и вы, убежден, что самая лучшая порода людей на свете — это, конечно, большевики. В этом нет никакого сомнения, хотя бы судя по пословице, что «всякий кулик свое болото хвалит». Но представьте себе положение европейского рабочего, который вас слушает. Когда я ему разведу все эти Волховстрой и всякие такие вещи, он скажет: «Хорошо поешь, но неизвестно где сидешь, ничего этого я не видел и не знаю, как это есть на самом деле». Совершенно другое дело, когда рядом со мной выступит воспитанник «почтенного» предателя социализма Карла Каутского и начнет рассказывать то же, что мы с вами рассказываем. Как вы думаете, какое это впечатление произведет

на европейского рабочего? Я думаю, что если он нам с вами не совсем поверит, то, когда он послушает этого «желтого» человека, он сделает выводы гораздо большие и скажет: «Если этот «желтый» человек, который вчера воевал с большевиками и вешал всех собак на Советский Союз, теперь, побывав там, рассказывает, что там дело делается не плохо, а даже совсем подходяще, то, наверное, мерзавец, еще не все рассказывает. Наверное, на самом деле там еще лучше, чем он говорит, потому что вчера только этот человек говорил, что там, кроме крови, кроме того, что живых людей глотают, ничего больше нет, а теперь говорит, что там есть социалистическая промышленность, что там — полнейшая свобода рабочего класса, что там — промаднейшая восстановительная работа, что там — теснейший союз между рабочими и крестьянами» и пр. и пр. Рабочий слушатель сочтет необходимым сделать из этого естественный и логический вывод: «Не все он говорил, что-нибудь да скрывает; было бы хорошо, если бы я сам съездил туда и посмотрел бы, что там делается». Отсюда мы видим следующее: не успеет вернуться домой одна делегация, как к нам стучат: «Не можете ли принять еще человек пятьдесят, которые едут из разных весей и градов?» Как в Мекку — священный город мусульман — круглый год шагают длинными вереницами верующие мусульмане, так теперь идут к нам; мы сами обратились как бы в эту самую Мекку, куда идут с горячей надеждой посмотреть и научиться, как надо создавать социалистический строй, как надо создавать социалистическое государство.

Если взвешивать общее соотношение сил, которое имеется, то как будто бы мы и впредь можем с достаточной уверенностью, с достаточной надеждой продолжать строить наше социалистическое государство, но только при одном, товарищи, условии, о котором я хочу сказать в заключение. Трудности, как я говорил вначале, огромны. Ведь шутка сказать, товарищи, — пусть каждый всерьез задумается над задачей, которую мы сейчас поставили, — уже одно то, что мы сокрушили, разбили старую царскую и буржуазную Россию, является невиданным в истории человечества. Это такой след, о котором тысячелетиями будет помнить человечество, оно будет помнить, что в ве-

ликую Октябрьскую годину победа угнетенных рабочих и крестьян в одном из уголков земного шара перевернула вверх дном все их государство. Это является величайшим, небывалым в истории человечества актом. А какую задачу, товарищи, мы должны разрешить в конечном счете? Ту задачу, которую конкретно, ярко, наглядно трудно еще себе представить. И понятно, что трудности впереди колоссальные. Нам, которые являются воспитанниками старого строя, нам, которые сплошь и рядом проникнуты многочисленнейшими предрассудками, нам — людям, которые еще далеко не со всей кожей и костями проникнуты тем, что называется настоящим социализмом, нам, которые будут иметь в дальнейшем еще тысячи всевозможных препятствий, — оболящаться тем, что мы вышли на дорогу, на которой не будет ни одного ухаба, нельзя. Но можно сказать одно: черновую работу мы, несомненно, закончили, основные вехи, основные столбы установлены, стены здания, которое мы строим, поставлены, и как будто бы общая объективная обстановка складывается таким образом, что и впредь мы можем камень за камнем воздвигать это здание, но, как я сказал, при одном очень серьезном условии — при благополучии нашего с вами внутреннего коммунистического положения.

ПО КАКИМ ВОПРОСАМ СПОРИЛА ОППОЗИЦИЯ С ПАРТИЕЙ

Мы только что подытожили несколько дней назад, на XIV партсъезде, всю ту огромную работу, которую мы проделали, и мы постарались проанализировать, проверить наше внутрипартийное положение. На вопросах, которые стояли перед съездом партии, я подробно останавливаться не буду. Остановлюсь только на самом основном и главном. Вы знаете, что у нас на съезде развернулись довольно широкие разногласия по разного рода вопросам. К числу этих вопросов относится прежде всего вопрос о возможности строительства социализма в одной стране.

Второй вопрос — о том, как нам дальше относиться и как расценивать новую экономическую политику.

Следующий вопрос, вызвавший разногласия (я останавливаюсь только на самых главных вопросах), — это вопрос о нашей деревне.

Все эти три вопроса имеют очень существенное, очень крупное значение для всей нашей дальнейшей работы. Взять хотя бы вопрос о возможности строительства социализма в одной стране. Может показаться, что этот вопрос имеет только теоретическое значение. На самом деле это, конечно, не так, и далеко не случайно, что именно через восемь лет после Октябрьской революции перед нами этот вопрос встал на нашем партсъезде и принял такую острую форму. Восемь лет мы строим наше социалистическое государство. Восемь лет мы работаем в деле воссоздания и дальше будем говорить уже о пересоздании нашей хозяйственной системы, и все-таки не случайно, что именно сейчас у нас встал вопрос о том, возможно или невозможно построить социализм в одной стране. Когда мы совершали с вами Октябрьскую революцию, казалось бы, тогда и нужно было поставить этот вопрос. Когда после свержения капиталистической системы мы провозгласили социалистическую революцию, тогда, казалось, и надо было спросить себя: а что же дальше, сможем ли мы дальше построить социалистическое хозяйство? Тогда этот вопрос в такой степени, как сейчас, не стоял. Тогда вообще обстановка была совершенно иная. Едва ли не каждый из нас верил в возможность пааватра революции на Западе. А вот теперь пришла полоса, когда западноевропейская революция, как вы знаете, запоздала и неизвестно, в какую годовщину нашей революции на Западе нас поддержит. Тем не менее мы все-таки существуем. Тем не менее мы как будто бы что-то строим, и вполне естественно задать себе вопрос: что же мы строим? Строим ли мы действительно социалистическое государство или, быть может, какое-нибудь другое государство, ничего общего с социализмом не имеющее? Таким образом вопрос о строительстве социализма в одной стране сейчас для нас имеет самое непосредственное, прямое, практическое значение.

Каждый из трудящихся должен сейчас действительно ответить себе на вопрос: а что же дальше? В первые годы нашей революции мы были заняты обороной государства,

защищали каждую пядь земли, отстаивали независимость нашей страны. Теперь эта полоса прошла. Теперь мы занимаемся, в полном смысле слова, строительством. Мы сейчас вступаем в полосу великого строительства. Позволительно задать себе вопрос: во что же выльется это самое строительство? Возможно ли строительство социализма в одной стране? Здесь надо, впрочем, оговориться во избежание путаницы. Если спросить так: можно ли окончательно завершить строительство социализма в одной стране? — на этот вопрос, конечно, надо ответить отрицательно. Нет никакого спора о том, что окончательное торжество коммунистического строя возможно только в мировом масштабе. Спор идет не об этом, а о том, возможно ли вести успешное социалистическое строительство в одной стране, притом такой стране, как наша, стране отсталой и на девяносто процентов сельскохозяйственной, можно ли строить и построить социалистическое государство в капиталистическом окружении? Подавляющее большинство на съезде отвечает на этот вопрос положительно. Прошедший период нашей работы и те грядущие перспективы, которые мы намечаем на ближайшие годы, говорят о том, что это строительство возможно. Когда мы анализируем проблему создания нашего государства сейчас, то видим, что, несомненно, элементы социализма в нашем государстве крепнут гораздо быстрее, чем элементы капитализма. Вы понимаете, что охарактеризовать наш строй одним словом нельзя; нельзя сказать, что мы живем в социалистическом государстве, но нельзя сказать и того, что мы живем в государстве капиталистическом, а можно сказать, что наше государство находится в переходном периоде: от капитализма мы отплыли, а к социализму мы еще не приплыли; мы находимся где-то на перепутье, и чем дальше по времени мы будем уходить от великих Октябрьских дней, при условии если у нас будут крепнуть элементы социализма, — тем самым мы все дальше будем отходить от капитализма и приближаться к социализму. Вот какой период мы сейчас переживаем.

Поэтому необходимо проверить, что растет быстрее — элементы социализма или элементы капитализма. Это решает дело. Если элементы социализма растут медленнее, а элементы капитализма быстрее, то настанет такая

минута, когда у нас элементы социализма замрут и будет процветать без помех капитализм. Отсюда идет спор о том, что представляет собою наша государственная промышленность. Мы считаем, — и съезд тоже так считает, — что наша государственная промышленность, фабрики, заводы, железные дороги, находящиеся в руках государства, представляют собою предприятия последовательно социалистического типа, что эти предприятия находятся в руках самого рабочего класса, что хозяином этих фабрик, заводов, железных дорог является рабочий класс, — следовательно, здесь налицо элемент социализма. В основе именно эти предприятия являются социалистическими, а все окружающее: наше сельское хозяйство, как частное хозяйство, имеющаяся у нас частная промышленность, частная торговля и прочее, и прочее... представляют собою уже капиталистические элементы или среду, питающую эти капиталистические элементы. Теперь нужно взвесить, какой из этих элементов растет быстрее.

Когда я в начале своего доклада говорил вам о знаменитых цифрах Госплана (очень рекомендую их просмотреть), то нужно сказать, что они говорят о том, что те элементы, та часть хозяйства, которая целиком находится в руках рабочего класса, растет быстрее, чем растет частное капиталистическое хозяйство. Да, растет нэпман в городе и кулачок в деревне, увеличивается частный оборот — это верно, но если взять в общем и подсчитать, то окажется, что частное капиталистическое хозяйство растет медленнее, чем растет хозяйство социалистическое, а это решает дело, решает дело в том отношении, что нам нужно и впредь навалиться так, чтобы еще быстрее развивались наши социалистические элементы, чтобы они не могли увядать под влиянием развивающихся капиталистических элементов. Если мы на этом условимся, то увидим, что строительство социализма в одной стране возможно, и это мы доказываем на практике, а также путем подсчета, который мы производим.

Но была часть товарищей, которые в этом отношении выражали сомнение по многим основаниям. Эти основания заключались в том, что страна наша слишком бедна, у нас отсталое сельское хозяйство, нет большой промыш-

ленности, нет десятка миллионов рабочих. Эта техническая отсталость и прочие элементы становятся поперек дороги возможности строить социализм в одной стране. Но после тщательного обсуждения всех этих вопросов на съезде подавляющее большинство съезда пришло к заключению, что строительство социализма в одной стране, несомненно, возможно. Отсюда вытекает и наше отношение к новой экономической политике.

Вы все, конечно, знаете сущность нашей новой экономической политики. Часть наших товарищей, наблюдая за тем, как проводится нэп в городе и деревне, пришла к выводам такого порядка, что, дескать, новая экономическая политика — это есть отступление, как в свое время говорил Владимир Ильич, и здесь поставили точку. Мы, большинство съезда, считаем, что это, безусловно, заблуждение. Ленин действительно говорил о первом этапе новой экономической политики, что это отступление. Вы, может быть, помните его слова о том, что сейчас наступил такой период, когда нам надо несколько отступить, а потом, разбежавшись, снова шагнуть вперед. Ленин это говорил в момент, когда мы с вами, увлекшись военным коммунизмом, с трудом поворачивали на всякого рода новую экономическую политику. Вспомните, с каким сопротивлением на местах встречали этот самый нэп. Многим казалось, что это сдача всех позиций, что мы идем назад, что ни о каком социализме не может быть и речи. Но вот теперь, товарищи, прошло четыре года проведения новой экономической политики, и мы можем проверить, что мы отступаем за эти четыре года или нет. Если бы новая экономическая политика была только отступлением — очевидно, мы бы в лучшем случае топтались на месте, но не было бы тех плюсов, которые мы, несомненно, сейчас имеем. Значит нэп не есть только отступление, как думают некоторые из наших товарищей. Это есть очень сложный стратегический маневр, при котором временами мы отступаем, временами перестраиваем наши ряды и снова наступаем. Словом, это целая система, при помощи которой мы развиваем наши производительные силы в таком направлении, что, давая выход частному капиталу, мы в то же время должны в гораздо большей степени развивать наши социалистические

элементы, и я уже сказал, что наша практика говорит о том, что социалистические элементы у нас растут быстрее, чем элементы капиталистические.

Наконец, последний вопрос, имеющий связь со всеми остальными, — это вопрос о крестьянстве.

У нас на съезде и до съезда развернулась дискуссия на тему о том, как же на основе нэпа, на основе целого ряда мероприятий, которые мы провели за последние годы, как-то: допущение аренды земли и наемного труда в деревне, — как на этой основе изменяются классовые отношения в деревне.

Часть товарищей считает, что на основе всех наших мероприятий в деревне замечается слишком быстрый, слишком заметный рост кулака, что кулак, пользуясь своими экономическими преимуществами, помаленьку начинает захватывать под свое влияние все отрасли деревенской жизни, что дело дошло до того, что кулак начинает вносить поправки не только в работу председателей волисполкомов, но что он начинает вносить поправки во всю нашу государственную работу. В качестве иллюстрации у нас указывали на то, что кулак «регулирует» заготовки (которые у нас потерпели очень заметный изъём в этом году). Вы знаете, что в области хлебозаготовок мы не выполнили плана, который наметили, — мы не смогли вывезти того количества хлеба, которое предполагалось. Действительно, товарищи, был такой просчет, огромный и болезненно сказывающийся до сих пор на нашем государственном организме, но часть товарищей объяснила этот просчет тем, что громадное количество излишков находится у кулака, что кулак встал в оппозицию к государству и что тем самым создались эти недочеты. Мы полагали, что то обстоятельство, что растет кулак, это ни для кого, так сказать, не должно являться новостью. Нэп совершенно неизбежно должен был к этому привести. Усиление товарооборота между городом и деревней, оживление частных хозяйственных отношений — все это, в конечном счете, должно было вызвать соответствующие социальные изменения в деревне. Когда мы вводили нэп, то знали, что в городе должен возникнуть нэпман. Никто не должен удивляться тому, что прошел, предположим, год нэпа, и в городе вырос нэпман, — это было неизбежно.

Но, если поставить вопрос: в угоду ли нэпману был введен нэп? — я думаю, что ни один из вас не ответит положительно на этот вопрос. Что нэпман извлекает выгоду из той хозяйственной обстановки, которая есть, в этом нет сомнения, но что мы будто бы провозгласили нэп в угоду нэпману — это вздор. Мы провозгласили нэп ради развития производительных сил страны, а что на этой почве могут произрастать известного рода отрицательные явления — в этом нет сомнения.

На съезде задавали такой вопрос: а аренда земли в деревне и наемный труд — это уступка кулаку или нет? Мы отвечаем, что нет. Как нэп не есть уступка нэпману, так и аренда земли и наемный труд в деревне не есть уступка кулаку, а это — мероприятие, направленное к развитию производительных сил в деревне. Что на этой почве может подработать кулак — это другой вопрос, но все эти мероприятия в деревне исчерпывать тем, что сказать, что это делается в угоду кулаку, — это полнейший вздор. Это значит сказать, что наша партия и ЦК в области нашего сельского хозяйства становятся на точку зрения интересов кулака. Этого ни один здоровый человек в мире не может сказать. Если мы действительно завтра в городе возьмем курс на нэпмана, а в деревне — на кулака, то о каком социализме можно разговаривать, а тем более о строительстве социализма в одной стране. Это — сплошной вздор. Ни один здоровый человек этого утверждать не может.

Вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос об отношении к нэпу, кулаку — все это явления одного и того же порядка, проистекающие из того, о чем предупреждал Владимир Ильич, когда он говорил, что перед нашей партией в период восстановления нашего хозяйства после военного коммунизма могут встать такие задачи, которые партии придется решать с гораздо большим трудом, чем все задачи, стоявшие в период военного коммунизма. И это, товарищи, как нельзя больше правильно. То, что было в период военного коммунизма, — в этом разбирается каждый из рядовых членов партии. Враги у нас были перед лицом. Каждый из нас видел — где мы и где враги. Каждый в то время отстаивал судьбы диктатуры рабочего класса. Не то сейчас. Сейчас борьба

далеко не прекратилась. Мы переживаем полосу так называемого «мирного строительства». Но это именно так называемое «мирное» строительство в кавычках. На самом деле борьба продолжается — как было и прежде — денно и нощно, но только ведется в других формах, в формах более сложных и более скрытых. Взять хотя бы тот же самый нэп. Это, товарищи, не есть только накопление нашего национального богатства, это — новая форма борьбы, о чем нам говорил в свое время товарищ Ленин.

Товарищ Ленин ставил вопрос так: «кто — кого?» — чья возьмет: мы ли возьмем капитализм или капитализм возьмет нас? Каждый день нашей работы в кооперации, в Совете, в каком угодно нашем учреждении — все это есть не простая организационная работа, а все это борьба, отстаивание наших социалистических позиций. Вот как стоит вопрос.

И в тот период, когда мы перешагиваем сейчас за довоенный уровень, эта борьба все более и более усложняется, и поэтому естественно, что в такой сложной обстановке вырастает очень много и отрицательных явлений, которые подействовали определенным образом на известную часть нашей партии. Это мы видели на нашем съезде. Отсюда все те разногласия, которые перед нами развернулись. Нам говорили об опасностях растущего кулака, нам намекали на то, что мероприятия наши в деревне на руку кулаку, являются уступкой кулаку. Нам выражали сомнения о возможности строительства социализма в одной стране. Нам указывали на то, что трудно утверждать, будто наши государственные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа. О чем это говорит? В конечном итоге о том, что затруднения, которые мы перед собой имеем, у известной части товарищей создают ложную перспективу, закрывают перед их глазами дороги действительного нашего движения вперед по социалистическим и ленинским рельсам. Отсюда та дискуссия, которая с таким ожесточением и оживлением развернулась на нашем партсъезде. Вопросы, как вы видите, не только чистой теории, но и живой практики. Вопросы такие, от правильного разрешения которых зависит вся наша дальнейшая работа.

Особенно подробно на съезде дебатировался вопрос о деревне.

Мы указывали представителям оппозиции, видевшим огромную опасность в растущем кулаке, что ни один из нас роста кулацкого элемента в деревне не отрицает, но мы говорим: кулак не настолько в настоящее время разбух, что есть основание кричать «караул». Мы говорим, что по-прежнему нужно продолжать в деревне ту политику, которую мы практиковали до сих пор. Вы помните, Владимир Ильич говорил, что 10—20 лет правильных отношений с крестьянством — и победа революции обеспечена даже в мировом масштабе. О чем это говорит? О том, что Владимир Ильич придавал вопросу о крестьянстве колоссальное, решающее значение при наших условиях. И это несомненно так. Вокруг этого вопроса главным образом сосредоточивались все наши разговоры и до съезда и в особенности во время его. Подавляющее большинство съезда пришло к выводу, что как прежде мы держали курс на союз с бедняком и середняком, опираясь на бедняка, так этот курс должен продолжаться и сейчас.

Мы этот курс полностью несомненно не осуществили. Бедняк с нами, но середняк сплошь и рядом идет за кулаком. Средняк сплошь и рядом вне нашего влияния. Средняк очень часто вне нашей советской орбиты. Это надо нам исправить во что бы то ни стало. Тут, товарищи, разговор идет не о симпатиях к бедняку или середняку или к кулаку, а о реальных взаимоотношениях. Об этом надо говорить, пока это не навязнет в зубах у каждого члена партии. Если мы не сумеем действительно по-настоящему закрепить союз этих трех групп — рабочего класса, деревенской бедноты и середняка, то дело должно повернуться в другую сторону: рабочий класс и беднота останутся на одной стороне, а вся остальная деревенская масса — на другой. Столкновение этих двух групп, если бы они образовались, станет неизбежным, ибо, не говоря о большинстве населения, большинство всей деревенской мощи будет находиться по ту сторону, и нам придется всем петь отходную самым безнадежным образом. Для того чтобы этого не случилось, съезд сказал, что политика в области деревни должна остаться прежняя, та, которая была до сих пор, т. е. опора рабочего класса на

бедноту и союз с средним крестьянством. Нужно сделать этот союз отчеканенным, таким, чтобы он был выдержан от начала до конца. Тогда неизбежный рост кулака на основе свободных товарных отношений в деревне нам не будет страшен. Мы тогда, при помощи этого союза и имея целый ряд рычагов в руках государства (налоговая система и ряд других мероприятий), можем обуздывать кулака, обуздывать его мероприятиями легально-государственно-советского порядка, не прибегая к насильственным мерам, к раскулачиванию и пр. Большинство съезда нашей партии оставалось на этой точке зрения.

НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ ВЫПОЛНЯТЬ РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА

Я не скрою от вас, товарищи, что на этот раз дискуссия на съезде прошла в чрезвычайно острой форме. Подробности всего этого вам известны. Укажу вам только на то, что мы уже давно не наблюдали в жизни нашей партии того, чтобы по отчету ЦК нашей партии, по решающему вопросу на всяком съезде, мы получили 65 голосов против одобрения линии ЦК нашей партии.

Оппозиция исходила главным образом отсюда, из Ленинграда. Она объясняла это голосование случайными причинами, тем, что голосование резолюции было поставлено не в том порядке, как следовало бы поставить, что резолюцию не голосовали сначала за основу, а сразу в целом, не голосовали по отдельным параграфам и пр. Если вы пожелаете послушать, как это произошло, то зайдите на любое собрание, и вы услышите от них различное объяснение того, как это вышло, но мы, грешные люди, думаем, что как бы это ни объясняли, — техническими причинами или иначе, — все-таки никак нельзя найти достаточных оснований для того, чтобы оправдать поведение этого меньшинства в 65 человек, у которых поднялась рука против, когда мы одобряли линию поведения ЦК нашей партии. Этот факт непонятен ни большинству на съезде, ни подавляющему большинству партии в целом. На протяжении полутора лет — между XIII и XIV съездами — проводили в Ленинграде конференции, обсуждали на них общую линию партии, но нигде, никогда, ни одним словом не заикались о том, будто

руководящая часть ЦК партии к 1926 году скатывается с ленинских рельсов, катится куда-то под откос, проводит явно угрожающую линию, против которой надо поднимать руки. А именно такие утверждения слышали мы на съезде нашей партии.

Решения съезда вам известны, и теперь нам остается только одно — признать правильность этих решений. Я думаю, что подавляющее большинство партии убеждено в том, что все эти спорные вопросы мы несомненно разрешили правильно. Никакого другого ленинского, большевистского решения этих вопросов на данной стадии нашей революции быть не должно и очевидно не могло быть. Решения эти приняты, и перед нами сейчас стоит задача, принимая во внимание важность тех вопросов, которые дискуссировались, разъяснить всем молодым членам партии те ошибки, которые допустила на нашем съезде оппозиция. Надо каждому члену партии сделать понятными те решения, которые наш съезд вынес, а они будут понятны только в том случае, если мы совершенно открыто, совершенно прямо изложим и точку зрения меньшинства нашей оппозиции, разберем ее самым детальным образом, чтобы для каждого члена партии стало ясным, почему решение большинства правильно и почему позиция меньшинства неправильна. Здесь мы очень часто со стороны некоторых, на мой взгляд слаонервных, товарищей слышим: «Чего же вы хотите? Съезд кончился, разве вы четвертовать оппозицию хотите?» Это неверно: такими заявлениями хотят разговор пустить по совершенно другим рельсам. Речь идет вовсе не о крови и не о четвертовании, а о разоблачении. Тут ничего не сделаешь; если ты ошибку совершил, ее надо вывести на свет если не божий, то наш, коммунистический, посмотреть ее со всех сторон, разобрать на составные части и помочь товарищам разобраться в том, как они пришли к таким ошибочным выводам. Нужно помочь такому товарищу исправить свою ошибку, если он может исправить, и затем предупредить остальных товарищей, всю партию в целом. Если у тебя случится так, что ты в одно несчастное для тебя утро будешь хромать на левую ногу, то ты постепенно можешь так передвигаться налево, что станешь левее самой левой стороны. (Смех.) Будет

очень звонко и красиво, что ты, дескать, против нэпмана, против кулака, против наемного труда, против всяких уклонов и соглашательских вещей, что ты совершенно левый человек, но что ты можешь при этом слишком далеко зайти, дорогой товарищ, в этом нет сомнения, как нет сомнения в том, что одинаково опасно для тебя и для партии — заберешься ли ты слишком вправо или слишком влево.

Всякий уклон, всякий отход от партийной позиции для нас сейчас, в такое время, которое мы с вами переживаем, чрезвычайно опасен. Я уже указывал в связи с теми вопросами, которые вообще стоят перед нами, что обольщать себя тем, что у нас «тишь, гладь и божья благодать», — неправильно.

Трудности у нас впереди еще колоссальные, и поэтому всякая расхлябанность в партии, всякие отклонения в разные стороны — вправо или влево — несомненно принесут нам громадный вред в нашей работе. Разногласия были. Разногласия мы эти разрешили. Решения съезда имеются, и мы теперь предлагаем эти решения считать единственными, которые сейчас только могут иметься в нашем распоряжении. Эти решения надо проводить не за страх, а за совесть, не путем простого формального подчинения, а проводить по-настоящему. Нам сплошь и рядом представители оппозиции говорят: «Мы, конечно, решения съезда признаем. Съезд кончился. Резолюцию будем осуществлять и решения съезда проводить». Но когда мы ведем разговоры о том, что произошло на съезде, когда мы объясняем в Ленинградской организации те ошибки, которые допустила оппозиция, то выходят те товарищи, которые эти ошибки совершили, или сторонники их, и здесь же начинают доказывать, что они все-таки были правы, и, несмотря на то, что есть решения съезда и что они признали эти решения, они говорят: «А наши ребята тоже поступали правильно, мы их уполномочили, в обиду не дадим, выгонять их нельзя».

Мы считаем такую постановку вопроса вредной не только для Ленинградской организации, но и для всей партии. Если в известной части партии создается такое мнение: «Съезд решить — решил, решениям съезда подчиняюсь, но и ленинградская делегация тоже права»,

тогда выходит, что у нас две правды: одна — в одном кармане, другая — в другом, одна — правда большинства, а другая — правда меньшинства. Мы, как революционные практики, принимали решения на съезде вовсе не для того, чтобы сдать их в Истпарт или Академию наук, а для того, чтобы завтра реально осуществлять по-революционному все то, что приняли. Но как мы будем это осуществлять с двумя правдами? Никакого осуществления не выйдет. Каждый рабочий, каждый крестьянин, который нас поддерживает, будет думать так: мы строим социализм, а есть люди, которые говорят, что его не построишь; если так строить, то ничего не построишь. Если будешь строить избу, поставишь сруб, а мимо пройдет Мария Петровна и скажет: «Сидор, а ведь тебе избы не построить», то Сидор почешет за ухом и скажет: «Да ведь и вправду не построить». И, действительно, мы ничего не сможем построить, если будем думать так и этак; нужно что-нибудь одно. Это возможно при одном условии, когда в партии не будет ни двойной, ни тройной, никакой другой бухгалтерии, а будет одна-единственная, большевистская правда, написанная на съезде нашей партии. Вот при таких условиях, товарищи, возможна та великая работа, которая возложена самой историей на нас с вами. Вот почему с такой страстностью и горячностью развертывается эта дискуссия.

Я думаю, что вы наблюдали и наслушались много разговорок, которые идут по Ленинграду. Тут дело не в том, что ущемлено самолюбие тех или иных товарищей, — дело не в этом, а в том, как, в каком порядке, какими рядами пойти партии завтра. Поэтому я думаю, что вы согласитесь со мной, что это — не только вопрос Ленинградской организации, но и всей партии, и можно без всякого преувеличения сказать, что все наши делегаты — 665 человек, которые были на XIV съезде, которые сейчас разъехались по всему необъятному СССР, — несомненно с напряженным вниманием ждут вместе со своими организациями, как преломятся решения съезда в одной из лучших организаций — в передовой нашей Ленинградской организации.

Партия в целом с напряженным вниманием ждет, что скажут по поводу всего, что произошло на XIV съезде,

сто тысяч членов и кандидатов Ленинградской организации. Именно поэтому-то ЦК послал сюда несколько членов ЦК и Политбюро, чтобы помочь сторонникам съезда, большинства съезда, имеющимся здесь, в Ленинграде, помочь всем этим ста тысячам имеющихся здесь членов и кандидатов партии детальнейшим образом разобраться, в чем дело, что именно имело место на XIV съезде. Поэтому, товарищи, по поводу тех, которые с очень большим рвением и горячностью обвиняют в частности нас, приехавших сюда, что мы якобы посеяли какую-то рознь, что мы разрушили устои, годами создававшиеся в Ленинградской организации, — мы должны сказать, что это неверно. Нельзя скрывать, что в организации сейчас обстановка нездоровая, временами здесь бывает чрезвычайно тяжело. Ленинградская организация переживает очень болезненный, лихорадочный период, в этом нет сомнения. Но это, товарищи, логически совершенно неизбежное явление после всего, что произошло на съезде. Я думаю, вы признаете правильным, когда мы на всех собраниях говорим: «Товарищи ленинградцы, если вам действительно дорого единство и прочность Ленинградской организации, вы должны вопрос поставить иначе, а не так, чтобы сохранить единство Ленинградской организации за счет единства партии». Вы подходите к решению вопроса, говорим мы, не с того конца. Вам надо сказать всем ста тысячам членов партии в Ленинграде: «Объединитесь вокруг решений XIV съезда нашей партии и Центрального Комитета, избранного этим съездом. Если вы вокруг этого Центрального Комитета сумеете объединиться, тем самым вы сумеете создать и единство в Ленинградской организации. Без единства в партии не может быть единства в Ленинградской организации», — говорим мы.

Вот, товарищи, какие трудности стоят перед нами и какие последствия проистекают от того или иного разрешения этого, безусловно, очень серьезного и очень большого вопроса.

В заключение скажу только одно. Мне сдается, что самая тяжелая опасность, которая может выпасть на голову нашего государства и нашей партии, заключается в том, если мы спутаем наши собственные партийные ряды. Это самая преступная, самая недопустимая вещь. Нет бо-

лее серьезной опасности для революции, для диктатуры пролетариата, чем нетвердость наших собственных рядов.

Мы сумели отбить тысячу опасностей. Мы сумели в полном одиночестве, в самых тяжелых условиях защищать нашу рабоче-крестьянскую родину. Я думаю, что впредь от всякой внешней помехи мы отбиться, безусловно, сумеем. Но горе нашей революции, горе диктатуре пролетариата, если мы запутаем наши собственные коммунистические ряды. Мы уже два года живем без Ленина, без великого вождя и основоположника нашей партии и государства. Мы Ленина заменяем миллионом членов партии, тем опромным коллективом, который мы сейчас имеем. Единство этого коллектива нам нужно сохранить во что бы то ни стало. Если мы это единство сохраним, мы добьемся того, что наша действительно историческая Ленинградская организация снова займет то почетное место, которое принадлежит ей по праву. Я думаю, что, невзирая на ту лихорадку, которую мы переживаем, на ту огромную встряску, которая выпала на долю нашей партии, пройдет немного недель, как мы снова действительно под знаменем, оставленным нам Лениным, с ключами строительства социализма в руках, с теми ключами, которые он нам завещал, весь миллион членов партии, мы все вместе — и Ленинградская организация в первых рядах — пойдем теми путями, которые нам указаны, и будем изо дня в день с большевистской выдержкой, с ленинской решимостью проводить в жизнь те действительно важные решения, которые принял XIV съезд нашей партии. (Продолжительные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 64—87.*

ЕДИНСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ — ВАЖНЕЙШИЙ ЗАЛОГ УСПЕХА В ДЕЛЕ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

*Доклад и заключительное слово
на IX чрезвычайной партконференции
Петроградского района
6 февраля 1926 года, Ленинград*

КАК ОППОЗИЦИЯ ПОДГОТОВЛЯЛА НАПАДЕНИЕ НА ЦК

Товарищи! Позвольте прежде всего по поручению Центрального Комитета передать вам товарищеский привет. (Аплодисменты.) Затем, прежде чем приступить к докладу, я должен сделать несколько оговорок. Я заранее должен извиниться перед товарищами, что мне придется в известной части снова и снова повторять то, что у вас, я думаю, в достаточной степени, как и у всех нас, уже навязло в зубах. Но дело в том, товарищи, что все-таки те вопросы, которые стояли и в известном смысле стоят до сих пор перед нами, все эти вопросы, конечно, не перестают занимать того особого положения, которое им присуще.

Вам здесь уже товарищ председатель указал, какое исключительное значение имел наш последний партийный съезд. Я думаю, что пройдет еще порядочно времени, в течение которого мы очень часто будем вспоминать итоги работ этого последнего, XIV съезда. Многим товарищам кажется, что все то, что произошло на нашем XIV съезде, явилось в значительной мере неожиданностью, чтобы не сказать случайностью. Это, конечно, не так. Я думаю, что если многие из товарищей, в частности здесь, в Ленинграде, стояли именно на этой точке зрения, то теперь, — по мере того как мы все больше и больше освещаем те вопросы, которые дебатировались на съезде, — эти товарищи должны прийти к заключению, что это неверно. Ни в коем случае нельзя считать разногласия, возникшие

на нашем съезде, разногласиями неожиданными, случайными.

К октябрю прошлого года у вас здесь, в Ленинграде, созрел ряд обстоятельств, о которых довольно откровенно поведал нам в свое время Залуцкий. Поведал он это как будто в частной, дружеской беседе, но факт остается фактом, что член ЦК, секретарь Ленинградской организации, крупнейшей в нашей партии, завел философию на тему о том, что, дескать, у нас среди Центрального Комитета получаются такого рода явления, что как будто Центральный Комитет в своем большинстве начинает перерождаться, что мы, дескать, слишком успокоились на тех достижениях, которые мы имеем, что мы слишком спокойно спим не только ночью, но иногда и днем, и поэтому для этого большинства делаются незаметными все предостерегающие явления в нашей жизни. Залуцкий пустил такое словцо, что, дескать, мы вроде того что накануне «термидорианства», т. е. возможно завтрашней буржуазной реставрации. Эти разговоры носили характер как будто частный, но когда эта история развернулась на последнем октябрьском пленуме¹, то стало ясным, что данные разговоры не случайны, что тут, в Ленинграде, нарастают такие настроения, когда некоторые видят в политике нашей партии глубокие принципиальные ошибки, большие заблуждения, развитие которых (по мнению этих товарищей) неизбежно приведет нас к глубочайшему партийному, а затем и к государственному кризису. Так или иначе, все эти разговоры нам удалось преодолеть, и большинство членов Центрального Комитета (правда, не совсем спокойно) разъехалось для того, чтобы готовиться к XIV съезду нашей партии.

И вот в канун этого съезда, а не на съезде, обнаружили уже достаточно отчетливо все те разногласия, раздоры, которые так широко развернулись на нашем партийном съезде.

Тут я должен вам порекомендовать (извиняюсь за назойливость) еще и еще раз прочитать отчеты вашей XXII губернской конференции, а также и отчеты районных конференций. Дело в том, что представители

¹ Имеется в виду Пленум ЦК РКП(б) 3—10 октября 1925 г. *Ред.*

оппозиции нас убеждали в том, что ваша XXII губернская конференция проходила будто бы под знаком полнейшего единства, под знаком доверия Центральному Комитету на сто процентов и т. д.

Мы же, грешные люди, читавшие со стороны те речи, которые произносились здесь, были немного иного мнения. В этом мы убедились еще больше, когда ближайшим образом ознакомились со всем тем, что здесь происходило. Мы убедились в том, что на XXII губернской конференции очень хорошо — я бы сказал, даже талантливо — была произведена чрезвычайно основательная подготовка ко всему тому, что разыгралось на XIV съезде партии. Там с первой строки до последней, в той толстой тетрадке, которая образовалась в итоге XXII губернской конференции, пелись дифирамбы, хвалебные гимны нашему Центральному Комитету. Там говорилось, что мы стоим на рельсах ленинизма, что Центральный Комитет руководит очень хорошо и т. д. и что дела наши обстоят так, что бить тревогу нет оснований. Об этом говорили все ответственные товарищи на XXII губернской конференции. Но если внимательно вчитаться в их речи, то большинство из них, оказывается, начинают «за здравие», а кончают «за упокой». Вспомним то, что, например, здесь говорил один довольно популярный в Ленинграде товарищ. Он все время стоял «на точке зрения ЦК», «защищал» его «как умел», а затем стал рассказывать о том, что вот, дескать, вся беда в том, что у нас в партии и там и здесь имеются Богушевские, Стецкие, Марецкие и прочие представители молодой красной профессуры, которые, дескать, исповедуют одни — один уклон, другие — другой уклон. По словам этого товарища выходило так, что, несмотря на все добрые качества ЦК, вокруг него сплетается столько разного рода оппортунистических течений, настроений, идеологий, что Центральный Комитет может легко задохнуться в этих течениях. Есть у вас еще один товарищ, который в силу присущего ему положения, — если не ошибусь, т. Шелавин — человек военный, который в партийной драке чрезвычайно храбр, не знаю, как в делах военных — (с м е х), но насчет партийных вещей он несомненно мужик очень опытный, — тот прямо заявил на конференции: «У нас в партии сейчас имеется

бездна всяческих уклонов». А Залуцкий просто ляпнул, — это мужик попроще, попрямее, — он взял прямо и отмо-чил, что Центральный Комитет перерождается. (С м е х.) Ну, если это все говорится всерьез и если это все воспри-нимать всерьез, то что же, товарищи, получается? Если у нас в партии бездна всяческих уклонов, а Центральный Комитет сидит спокойно и покручивает свои цекистские усы и ни на что не обращает внимания, — куда же мы идем? Тогда у нас, значит, действительно нет партийного руководства, нет твердого ленинского руководства, кото-рое полагается иметь в большевистской ленинской пар-тии. Если действительно такое положение — бездна все-возможных уклонов и в Центральном Органе нашей пар-тии, и в составе нашего Центрального Комитета, и во всей официальной партийной литературе, и никто против этого не борется, а Центральный Комитет ходит вокруг этого спокойно, — тогда действительно мы отклонимся туда, куда, по мнению Залуцкого, мы уже идем.

Таким образом, я говорю, товарищи, то, что произошло на нашем партийном съезде, не упало как снег на голову, как принято говорить. Это все падало потихоньку, пома-леньку, но так ловко было направлено на партийную го-лову, что не сразу это было заметно. И в частности здесь, в Ленинградской организации, я глубоко убежден в том, что когда здесь принимались такие декларации, товарищи несомненно находились в заблуждении. Если бы им про-сто, начистоту пришли и сказали: вот примите так, как Залуцкий рассуждает, — я думаю, что они подумали бы, прежде чем давать всякого рода наказания, прежде чем одоб-рять то, что было в последующее время. Каждый член партии несомненно задумался бы. В самом деле, прежде чем поднять некоторое движение против Центрального Комитета партии, конечно, всякий понимает, что надо тысячу раз отмерить, прежде чем отрезать. Надо все-таки дать себе полный отчет не только в том шаге, который делаешь сейчас, но и во всем том, что будет проистекать в последующие периоды.

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что у нас развернулось на нашем партийном съезде.

И не буду подробно, детально останавливать ваше внимание на всех тех шерипетях, которые у нас

разыгрались, — я думаю, что вы все достаточным образом во всем этом разобрались. Я только хочу, прежде чем напомнить вам об этих разногласиях, сказать еще несколько слов о той обстановке, в результате которой эти разногласия, на мой взгляд, возникли. Среди некоторых товарищей есть такое мнение, что как будто бы у нас в партии в последний период ничего такого действительно принципиального, действительно настоящих разногласий, мол, не существует, а выходит как будто бы так, что кто-то кому-то наступил на ногу, наступил на генеральскую мозоль — да простят мне наши «вожди» — и что потом начали под это подводить теоретический фундамент. Это, товарищи, неправильно. Если говорить начистоту, — а помоему в партии надо говорить только начистоту, — то нельзя не заметить за всем наносным, за всем преходящим, которое несомненно имеется, как во всякой партийной драке, — за всем этим, безусловно, имеются глубокие принципиальные разногласия. И они возникли, насколько я себе дело представляю, именно потому, что мы сейчас вступаем с вами в такую полосу нашей работы, где нам нужно очень и очень за всем следить, так как возникают разного рода явления, чрезвычайно сложные и мы можем соскочить на неправильные рельсы. В этом нет никакого сомнения.

ОСОБЕННОСТИ НЫНЕШНЕГО ПЕРИОДА НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА

С внешней, формальной стороны мы находимся как будто бы в такой полосе нашего государственного существования, которая не должна вселять никакой тревоги и даже, пожалуй, лишних забот нашей партии. Как будто у нас дело идет более или менее подходяще: промышленность мы восстанавливаем, крестьянин потихоньку кое-что накапливает, дело как будто клеится. Что касается наших взаимоотношений с иностранными державами, то и тут дело как будто идет, даже французы хотят с нами разговаривать, а немцы из последних денег хотят давать займы; словом, куда ни посмотришь, как будто дело у нас на колесах, как будто особо сложных переплетов не имеется. На самом деле, товарищи, это, конечно,

далеко не так. Какую бы область работы мы ни взяли, какую бы сторону государственной жизни мы ни попробовали сейчас осветить, если посмотреть настоящим, критическим, большевистским взглядом на это дело, несомненно мы вступаем сейчас в полосу очень тяжелую. Недаром Владимир Ильич еще в первый период нашей революции говорил, что тяжело совершить революцию непосредственно, когда враг перед тобою, отбиваться вооруженной рукою от всяких недругов, которых неисчислимое количество, но не менее тяжело будет партии, когда она вступит в период творческой, восстановительной работы.

Взять хотя бы промышленность. Всякий понимает, что ее нельзя сравнить с тем, что было два с половиной — три года тому назад. У нас уже все стало приводиться в настоящую систему, мы уже сейчас планируем не на гуще, а по-настоящему, и не только в отношении одной фабрики или одного треста, но дерзаем уже привести в общую складную систему все промышленное хозяйство. Все это есть, товарищи, но одновременно с этим нарождаются опромные трудности. Ведь каждый из вас понимает, что чем точнее станет на место вся эта промышленная система, тем, конечно, труднее будет руководить, ибо если при известной централизации всего хозяйства, когда все будет связано невидимыми нитями плотным образом, случись, где-нибудь в одном месте ошибся, эта ошибка ударит по всей системе. Я уже не говорю о том, что мы вступаем в полосу, в эпоху великого строительства. Если все это расшифровать, то, значит, мы должны переходить на какие-то новые, технические, более совершенные рельсы в нашей работе. Поэтому я и говорю, что в такой обстановке, несомненно, может возникнуть и возникает ряд вопросов, которые неизбежно порождают в известном смысле разноречия в рядах нашей партии.

Взять хотя бы наши отношения с иностранными государствами. Особо тесной дружбы у нас, конечно, с ними нет, как будто отношения еще не бог весть как плотно завязались, но не подлежит никакому сомнению, что они далеко не те, какими были три-четыре года тому назад. Мы теперь незаметно, шаг за шагом, устанавливаем всякие торговые соглашения, ввязываемся в систему мирового хозяйства, что тоже нас кое к чему обязывает.

Например, в таких повседневных вещах: на наших фабриках и заводах, где мы вчера, положим, ткали ситец, нам было в высшей степени, пожалуй, наплевать на то, сколько стоит ситец немецкий, английский и какой угодно. Но когда теперь мы вступаем в определенные торговые отношения с этими странами, этот вопрос приобретает уже совершенно реальное значение. Нам уже далеко не безразлично, во что обходится, скажем, каменный уголь у нас в Донбассе и во что обходится у англичан, если мы купим его, предположим, для нашей ленинградской промышленности. Все это не может не порождать тысячи вопросов, которые раньше перед нами не стояли. И вот поэтому на этом гребне, на котором мы сейчас находимся, когда как будто бы этими командными высотами мы достаточно овладели и как будто дело у нас стоит достаточно твердо, возникают такие вопросы, которые сильнеешим образом волнуют, до лихорадки доводят отдельные звенья нашей партии.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ

На мой взгляд, во всех тех разногласиях, которые у нас на партийном съезде обнаружились, несомненно имеются основные вопросы, которые решают существо дела и которые, по-моему, должны быть проработаны самым тщательным образом. По моему глубочайшему убеждению, основной вопрос, который послужил предметом разногласий между большинством и меньшинством нашей партии, нашего съезда, это вопрос о строительстве социализма в одной стране. По-моему, мы сейчас как раз именно подходим к такой стороне нашей работы, когда вопрос о том, куда мы идем, приобретает решающее значение. Прочтите заключительное слово Зиновьева по отчету Центрального Комитета партии. Зиновьев так и ставит вопрос: куда мы сейчас идем? — вот, говорит он, вопрос, на который нам надо дать исчерпывающий ответ на нашем партийном съезде.

Основная и главная задача после восьмилетней нашей работы заключается в том, чтобы подвести итог, подсчитать, собрать все, что мы сделали за эти годы, и отсюда сам собой будет напрашиваться вопрос о том, что же

дальше, куда мы идем дальше и как нам идти дальше, идем ли мы действительно к социализму. В этом, несомненно, ось всех вопросов, которые стоят сейчас перед партией. Если мы на этот вопрос ответим положительно, тогда и все остальные вопросы наших разногласий укладываются в определенную систему. Если мы на этот вопрос ответим отрицательно или если у нас в мозгу — или в душе, или не знаю где еще — имеются на этот счет какие-нибудь сомнения, тогда и по всем остальным вопросам, которые стояли у нас на съезде и которые стоят каждый день в практике работы нашей партии, будет получаться определенный, прямо противоположный ответ. В этом нет никакого сомнения. Конечно, очень трудно найти человека — большевика, члена ВКП, который пришел бы, скажем, на эту трибуну и сказал: никакого социализма у нас не будет, мы, дескать, идем черт знает куда. Это можно, пожалуй, только спьяну сказать такую штуку, и то не у всякого смелости хватит. Я говорю, что так вопрос не ставят (в этом сложность усвоения наших разногласий), а вопрос ставят издалека, начинают с кулака. Конечно, на кулаке можно запутать любого человека. Для этого достаточно памекнуть на какого-нибудь Богушевского (а такой чудак у нас в партии есть) и сказать, что Богушевский утверждает, будто кулак вовсе не такая зловредная порода, будто он не безнадёжен, наоборот-де, у нас в советской системе такое благоухание идет, что не сегодня-завтра превратят кулака в социалиста. И когда на этом начнут играть, намекая, что Богушевского кто-то там поддерживает, можно запутаться так, что выйдет как будто кулак нам двоюродный брат, и можно потихоньку подточить наше настроение — сегодня кулак, завтра нэпман, послезавтра в партии зажим. И если поддаться на эту удочку, вы придете к выводу, что у нас черт знает что происходит. К чему это приведет? Мы говорим, что мы идем к социализму и строим социалистическое государство. Оппозиционер скажет: правильно, что государство мы строим социалистическое, но... кулак в деревне захватил власть, нэпман захватил торговлю, а госпромышленность стала на капиталистическую ногу, во всяком случае не на социалистическую. И тогда оппозиционеры

вас спрашивают: «куда идешь? к социализму? А ты посмотри, что выходит: выходит все наоборот!»

Для того чтобы понять существо наших разногласий, надо поставить вопрос ребром и поставить вопрос основной, а он заключается в том, что восемь лет тому назад, теперь уже маленько с лишним, мы с вами поплыли с одной пристани, которая называлась Смольным; отчалили мы от этой пристани, ударили мы, можно сказать, большевистским кулаком по всему прошлому, расшибли ко всем чертям не только все царское, но и все помещичье и капиталистическое, послав его туда, откуда оно не должно возвратиться, и поплыли к берегам социализма.

Оппозиция нам говорит: «по-вашему — теперь стопроцентный социализм, куда ни плюнь, в социализм попадешь». Если бы, товарищи, кругом был социализм, мы бы не плевали. Вся беда в том, что стопроцентного социализма нет, и ни один человек, если он не сумасшедший, этого утверждать не может. Мы говорим внятным языком: от капиталистического берега мы отплыли, а к социалистическому еще не приплыли, находимся на перепутье, на дороге. Но с каждым днем, когда мы утром встаем и оглядываемся назад, мы видим, что капиталистический берег отходит от нас все дальше и дальше, социалистический подходит все ближе. Тогда они нас берут за грудки и говорят: «Если так, то будьте любезны нам объяснить: а какой у нас строй — социалистический или какой?». Мы и говорим, что капиталистический берег мы бросили, в царство социализма еще не приплыли, находимся на переходной ступени. У нас 150-миллионная страна, которая занимает громадную часть земной суши. В ней величайшее разнообразие всяческих экономических форм. Сказать, что наша страна, скажем, госкапиталистическая, и поставить точку — нет, этого нельзя утверждать. У нас все есть. У нас есть крупные фабрики социалистического типа, но зато у нас есть и всякие другие вещи, которые напоминают нам времена феодального быта. Конечно, сидя в Ленинграде, в Москве, этого не увидишь, но если в один прекрасный момент вы очутитесь на окраинах наших, то там вы увидите такие вещи, которые вам и не снились: остатки самого заскоруждого, первобытного времени. Есть такие места у нас, например на Кавказе,

где люди до сих пор еще ходят в кольчугах, носят кресты на груди (это остатки знаменитых крестопосцев). Есть у нас люди, которые называются идолопоклонниками. Вообще на наших окраинах наблюдается местами уклад совсем первобытный. Все это говорит только о том, что никаких решающих выводов, пока что, только на этом основании делать еще нельзя. Поэтому, когда нам приписывают заявления о том, что у нас стопроцентный социализм, это, конечно, полнейшая чепуха, никто этого не утверждает, и долгое время, к величайшему сожалению, утверждать нам этого еще не придется. Но все-таки, когда мы рассматриваем всю систему нашего хозяйства, мы должны смотреть на вещи объективно, смотреть, как хозяйственная машина у нас развивается на протяжении восьми лет, при условии того разнообразия, о котором я вам говорил. Чтобы понять, с какой быстротой мы движемся от одного берега к другому, нужно посмотреть, как и что развивается в нашей хозяйственной системе. Несмотря на целый ряд труднейших условий, социалистические элементы в нашем хозяйстве развиваются быстрее, чем всякие другие. На это мы и обращаем благосклонное внимание нашей оппозиции и говорим: «Вместо того чтобы бузить и говорить о всяких уклонах, лучше подсчитайте, как это дело у нас развивается». Наши достижения мы теперь уже можем перевести на цифры и простой арифметикой доказать, что, несмотря на все тяжести работы, социалистические элементы у нас растут все-таки быстрее, чем капиталистические, хотя и те тоже растут в свою очередь.

Все это, казалось бы, истина, против которой спорить не приходится. И ни один из товарищей на съезде этого вслух не оспаривал. Наоборот, они заявляли: «конечно, фабрики наши государственные; конечно, они — «последовательно-социалистического» типа. Конечно, Залужский ошибался и сам признался, что ошибался, когда писал, что будто бы наши фабрики имеют госкапиталистический, а не социалистический характер и т. д. От всего этого мы, мол, отказываемся». Это все произносилось в парадной форме, а когда эти же товарищи выступали в простой обстановке, где можно попрямее разговаривать, там начинался совсем другой разговор. И вот этот разговор мы

слышали до самых последних дней из уст нашей оппозиции. По вопросу о возможности строительства социализма в одной стране мы слышали их здесь, в Ленинграде. В частности я чрезвычайно благодарен руководителю здешнего профдвижения Глебову-Авилову, который, по моему, свою точку зрения о возможности строительства социализма в одной стране очень хорошо развил на Путиловском заводе. Глебов выступил с пространной речью и, между прочим, заявил: «Вот когда нас спрашивают, в какую сторону мы идем, мы отвечаем: идем к социализму, мы идем решительно на подъем, строим социализм...»

Выходит — все в порядке: и идем, и строим, и на подъем идем и т. д. Ну, а дальше что? А дальше: «А вот насчет того, что мы построим, давайте сегодня об этом помолчим, может быть построим». Вот если это взять всерьез, — а ведь человек этот говорил всерьез, — то спрашиваю вас: если действительно у человека такое настроение, такое убеждение, что мы строим, но неизвестно, построим ли социализм в нашей отсталой стране, — то что же это получается? Когда мы припирали оппозицию на съезде, то она, конечно, говорила: ну да, мы строим и построим и т. д. Но вот когда начнешь как следует разговаривать, то и получается, что мы идем на подъем, идем к социализму, строим и будем строить, а выйдет ли из этого что-нибудь или нет — об этом помолчим. Тут я не знаю даже, что и сказать, но я думаю, что это самый скверный аргумент, что это самая злобная философия, какую только можно представить. Ведь в самом деле, возьмите любое дело, которым вы занимаетесь; например, если ты делаешь червонцы и если у тебя, когда ты приступаешь к работе, нет убеждения, червонец ли у тебя выйдет или блин со сметаной (с м е х), то ведь так работать нельзя. Это неоспоримо в самых простых и пустых вещах. Это каждый человек понимает, что, прежде чем приступить к работе, надо знать, что выйдет. А тут вопрос ставится так: мы строим, конечно, идем в гору, а что выйдет — помолчим. Мы идем в количестве 150 миллионов человек, мы правим огромнейшим государством, считаемся основным звеном во всем мировом революционном движении, ведь это же не болтовня, ведь это настоящее дело, ведь наша великая ВКП(б) — это основной стер-

жень в Коминтерне, ведь каждый шаг наш расценивают и взвешивают в любом уголке, где идет революционная борьба, — и вот оказывается, что мы восемь лет тому назад, в октябре, заварили кашу, которую теперь мы не можем расхлебать, а когда нас всерьез спрашивают, то мы отвечаем: можем расхлебать, а можем и не расхлебать. (С м е х.) Но, товарищи, ведь нет даже слов, чтобы как следует квалифицировать такое положение. Вот если мы сегодня, сколько нас есть здесь человек, вынесем такую резолюцию, что в Октябрьскую революцию мы пошли в гору, идем в гору, строим социализм, а вот построим или нет — об этом помолчим, — ведь как это называется? Ведь по-настоящему, по-нашему, это выходит сдача позиции, это выходит бить отбой: дескать, заварили в октябре, думали что-то выйдет, понатужились, вели праждаанскую войну, отбились от всех врагов, теперь строим социализм — и теперь, когда его строить нам всерьез никто мешать не может, мы заявляем: «не знаем, что выйдет, черт его знает!». Вот с такой психологией, с такой философией приходят наши товарищи из оппозиции. Ведь и этого товарища никто за язык не тянул. Что же получается? В то время как оппозиция нас обвиняет в уклонах, в том, что в ЦК всяческая ересь имеется, — вот он, ленинист на все сто процентов, твердокаменный большевик, в этом вопросе — построим или не построим социализм — говорит: помолчим. Мы насели на него за эту штуку, как только можно, и он нигде нам не сказал, что он, мол, оговорился. Ведь бывает так, что слова вырываются, хотя такие штуки никогда у большевика не могут вырваться. И ведь это же, товарищи, не просто рядовой член партии. Это как раз представитель той делегации, с которой мы на съезде вели эту самую драчку. Ведь этот человек не с сегодняшнего дня в партии. Это человек, который имеет ходы куда угодно, это человек, который почти что за одним столом с вождями сидит. Ведь он кое-чему научился. Если он пришел к такому выводу, значит у него какая-то трещина есть. И большинство съезда поступило совершенно правильно, когда мы это дело припечатали в известном месте нашей резолюции, указав на то, что у нас в партии имеется течение, которое не верит в эту плодотворную работу, в дело строительства социализма.

Затруднений мы будем иметь еще миллионы, в переплетках разных будем ходить, но в этом основном вопросе мы стоим на правильной дороге. Социалистические элементы у нас накапливаются быстро, и пускай нам не развивают философии на тему о том, что Ленин якобы всегда говорил, — я не знаю где, — что социализм мы построим тогда, когда из других стран подмога будет. Вы меня извините, товарищи, но почитайте меньшевистскую литературу. В этом вопросе разница между ними и большевиками в чем заключается? Грубо говоря, вот в чем: ведь меньшевики, Каутский и компания, как будто бы также верят в социализм, — так по крайней мере они говорят, — но они говорят, что, во-первых, это будет не сразу, во-вторых, это будет нескоро, и, в-третьих, это будет не в одной стране, так как самые развитые капиталистические страны будут развиваться и так здорово разовьются, что вся эта машина трахнет сразу — и во Франции, и в Англии, и т. д. Но чем отличается такая философия наших товарищей из оппозиции от философии меньшевиков? Они также говорят, что если капиталистические страны лопнут, тогда дело пойдет. Тогда, конечно, дело пойдет, если все сразу лопнет, но ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у кого на свете не сказано, кто будет первым, как вообще это дело пойдет. А дело пойдет так, как оно началось. Тут не надо ворожить на гуще, кому начинать. Мы сами взяли этот жребий в Октябрьские дни, этот жребий несем, и как будто бы ничего плохого из этого дела не выходит. А некоторые люди не могут понять, что то, что мы с вами делаем, — это дело международное. Каждая фабрика, которую мы открываем и расширяем, это есть шаг к мировой революции. Это каждый из большевиков должен понять. Каждый день нашего с вами существования значительно сокращает часы существования наших противников, каждая неделя, которую мы живем, каждая наша конференция, которая проходит без бузы и без драки, не только поддерживает нарождающиеся вновь социалистические формы у нас, но она подтачивает мировой капитализм в целом. Вот в чем штука.

Нам говорят представители из оппозиции, что мы в одиночестве, или, как в свое время говорил нам Троцкий, что мы одни, что крестьянство ничего не стоит в револю-

ции, а в Европе пока темно и пр. и пр. Эти песни мы слышали, они идут из одного источника. Все эти люди не понимают главного, что наше дело не только национальное, но, несомненно, международное: чем дальше, чем больше лет мы существуем, тем крепче становится революционное дело в мировом масштабе. Вот это надо понять. Надо понять, что, работая здесь на самой простой работе, подтачиваешь капиталистическую систему в целом. Это — азбука. Принимая это во внимание, съезд еще и еще раз записал, что мы социализм строили, будем строить и построим. Вот основное, что составляет существо наших разногласий, и от того или иного разрешения этого вопроса зависит все остальное, о чем я скажу в самых кратких чертах.

ОШИБКИ ОППОЗИЦИИ В ВОПРОСЕ О НАПЕ И О КРЕСТЬЯНСТВЕ

У нас очень много сейчас занимаются вопросом о новой экономической политике, по этому поводу поступает много вопросов и записок. Казалось бы, хорошо или плохо, но четыре года уже мы практикуем новую экономическую политику, и вдруг теперь спохватились и начали снова заниматься этим вопросом. В чем дело? Дело в том, что спор о новой экономической политике возник не случайно, а на законном основании. Ведь дело в том, что если я стану на точку зрения Глебова-Авилова и по основному вопросу о строительстве социализма помолчу, вместо того чтобы сказать твердо «да», — а оба эти вопроса нужно рассматривать непременно в их связи, — то новая экономическая политика мне представится с бездной отрицательных сторон. Отсюда появилась и новая «философия», что новая экономическая политика есть не что иное, как политика отступления и только. Но я знаю, что вы это дело прекрасно понимаете, вы понимаете, что это не только отступление, что если бы это было только отступление, то, отступая все четыре года, мы отступили бы черт знает куда и говорили бы не о строительстве социализма, а — спасайся кто может!

Все понимают, что на основе напa мы, несомненно, развили наши производительные силы, мы повернули

нэп так, что он становится опорой тех социалистических достижений, которые мы имеем. Правда, на почве нэпа вырастают разного рода отрицательные явления — растет нэпман, растет спекулянт, увеличивается частный оборот, растет частный капитализм — все это есть, но мы спрашиваем: чего здесь больше — плюсов или минусов?

Вот когда мы этот вопрос задаем, то оказывается, что для нас нэп дает больше плюсов, чем минусов. Поэтому мы совершенно спокойно рассматриваем дальнейшее развитие нэпа. Но, конечно, надо быть все время начеку, и против каждого отрицательного явления надо уметь найти противоядие.

Дальнейший вопрос — о крестьянстве. Этот вопрос опять тесным образом связан с основным вопросом о построении социализма. Если бы завтра, скажем, с вами случился тот родимчик, тот недуг, что с Глебовым-Авиловым, то после этого вы, приехав в деревню, ничего бы там не увидели, кроме кулака, потому что, раз с социализмом дело табак, раз тут, вообще говоря, все расстраивается, то тогда, конечно, кулак в деревне и туда и сюда, середняк ни то, ни се, а бедняк совсем погибает, и вся революция гибнет. На этой почве у нас развилась дальше дискуссия по крестьянскому вопросу, с которой вы достаточно хорошо знакомы. Мы утверждаем, что мы успешно строим социализм, строим его в союзе с крестьянством. Наш сравнительно немногочисленный рабочий класс во главе с партией ведет громадную, многомиллионную крестьянскую массу. Что такое наша смычка с середняком как с основной, решающей в деревне группой?

Мы знаем, конечно, что в деревне есть бедняк, что этому бедняку живется плохо, знаем, что в деревне еще есть и даже временно развивается кулак, — это мы тоже прекрасно знаем. Но мы «страшилища» из этого кулака не делаем. Мы знаем, что когда мы вводим аренду, то, конечно, на этой аренде наживается и кулак, но не только кулак. Эта аренда дает плюс и всей деревне в целом, способствует развитию производительных сил деревни. Когда мы допускаем наемный труд в деревне, мы знаем, что на этом зарабатывает и кулак, но мы знаем, что

не в это только укладываются данные мероприятия, что они поднимают деревню в целом, — а нам нужно поднимать деревню, нам нужно во что бы то ни стало стараться все делать для того, чтобы всяческими способами все больше и быстрее накапливать наше общее национальное достояние. Без этого усиленного накопления мы не можем разрешить ни бедняцкого, ни всяких других вопросов — ни вопроса о зарплате, ни вопроса о помощи деревенской бедноте, ни о чем другом. Это каждый из нас понимает. Мы знаем, что с неба такое накопление не падает, извне нам его никто не дает, пока еще ни одной копейки мы не получили займы. Значит все надо делать собственными руками, все накапливать внутри страны. Поэтому все мероприятия, которые мы проводим сейчас, допуская, скажем, развитие кулака, в то же время в основе своей главным образом содействуют развитию производительных сил, развитию производственной мощи деревни. Вот как стоит вопрос. Между тем те, кто у нас руководил оппозицией на XIV съезде нашей партии, например Каменев, — тот прямо задал нам вопрос: «Аренда и наемный труд в деревне — это что? разве это не уступка кулаку?» Так вопрос ставить нельзя, это значит вводить людей в заблуждение. Тогда мы спрашиваем Каменева — почему он четыре года тому назад не задал вопроса Ильичу, когда он проводил новую экономическую политику? почему он тогда не сказал, что эта новая экономическая политика есть уступка эппманам? Если поверить Каменеву, если мы действительно идем сознательно на уступки кулаку, допускаем аренду, чтобы кулак у нас процветал, тогда мы, конечно, катимся куда-то в преисподнюю. Но дело обстоит совсем не так, а дело в том, что и аренда и наемный труд дают выход прежде всего той же самой крестьянской бедноте, дают ей возможность хоть немножко зацепиться за что-то, ибо пока что ничего конкретного, реального мы деревне дать не можем. Поэтому мы и говорим представителям оппозиции: просто-напросто вы чуточку этого кулачка испугались и, испугавшись его, потеряли всякую перспективу в крестьянском вопросе. Вы, всячески склоняя слово бедняк, начинаете забывать основную, решающую группу в крестьянстве — середняка. У вас из-за боязни кулака к деревне подозрение

к крестьянину такое же, какое шитал к нему Троцкий. Ильич учил нас иному отношению к крестьянину: он сказал, что если мы сумеем на 10—20 лет сохранить правильную политику в отношении к крестьянству, революция будет выиграна в мировом масштабе; и это будет не в какой-нибудь английской стране, а у нас. Что, товарищи, у оппозиции есть мужикобоязнь, в этом нет никакого сомнения.

Ярким примером, подчеркивающим действительную точку зрения оппозиции в крестьянском вопросе, является следующий факт. Нам говорили, что лозунг «лицом к деревне» родился здесь, в Ленинграде. Зиновьев на съезде в Москве говорил: «Кто больше меня писал о мужике? Все я». Одно время он нам предложил, как говорил товарищ Сталин, поклониться, преклониться и черт знает что еще перед мужиком, но одно дело разговор, другое дело практика. И вот вам практика. С 1 января по 1 сентября прошлого года в стотысячную Ленинградскую организацию было принято крестьян от сохи 9 человек, а за последние пять месяцев из этих 9 человек было переведено в партию 3 крестьянина от сохи. Мы думаем, что это явление не случайное. В самом деле, если лицом к деревне стать, если в самом деле смычка города с деревней, если там культшефство и прочее, так нельзя забывать крестьянина от сохи. Этот факт, товарищи, и свидетельствует о том, что в отношении к крестьянину есть у оппозиции что-то болезненное; в этом нет никакого сомнения. Конечно, нельзя открыть двери и сказать: ты пашешь, так и вали в партию. Никто этого и не говорит.

Все прошлые наши оппозиции тоже тем или иным боком подходили к тому же самому коренному и решающему вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Я не говорю уже о всяких атаках, которые ведутся извне на СССР и на нашу партию. Наши недруги из желтого Интернационала и самые заскорузлые черносотенцы на всех перекрестках поносят нас за то, что мы якобы занимаемся «очковтирательством», что никакого социализма у нас нет, что им даже у нас и не пахнет, что мы, мол, морочим 150-миллионный народ и думаем, что из этого дела у нас что-нибудь выйдет.

АНТИПАРТИЙНЫЕ МАНЕВРЫ ОППОЗИЦИИ

Какую же идеологию, какую философию начинают исповедовать ваши «дорогие и высокопочтенные» товарищи?

Если действительно дело обстоит так, что мы попали в тупик в нашей работе, то нам хотелось бы получить от этих товарищей конкретные предложения. Мы оппозицию прижали к стене, сказали ей: ну вот, хорошо, мы заслушали вашу точку зрения по всем основным вопросам, определяющим политику нашей партии; ну, а каковы будут ваши практические предложения по данным вопросам? Тогда товарищам стало ясно, что они заплелись, и они нам стали говорить, что по вопросу о социализме нет разногласий, по госкапитализму они с нами тоже согласны, нэп они понимают так же, как и мы, а в области партийной работы они отвергают предложение иметь к XV съезду 5 миллионов членов партии.

Значит ли это, что мы действительно договорились? Отнюдь нет. Увидев, что подавляющее большинство партии против нее, оппозиция решила, что на этом съезде она достаточно развернула свою платформу, открыла свои карты, а теперь надо временно отступить, закрепивши свои организационные позиции. Тоже тонко было сделано, тоже не случайно. Тут надо очень внимательно изучать эту «работу» оппозиции. Все последующие выступления сводились к тому, что теперь никого не надо трогать, Сафарова и прочих надо посадить под стеклышко, чтобы никакая пылинка от ЦКК на них не упала, чтобы никакого ущемления и неприятности они не переживали. Вот мы, мол, изложили перед вами все как есть, а теперь никаких организационных мероприятий в отношении всех, ударившихся в оппозицию, чтобы не было, а, наоборот, Зиновьев даже заявил: дайте нам газету для дискуссии, где бы мы, отдыхая от трудов праведных, подписывали бы о социализме, госкапитализме, уклонах и т. д. Кроме того, сейчас, мол, такая полоса работы, когда нужно, чтобы все бывшие группировки, все партийные течения привлекались к работе, чтобы все было по-хорошему.

Это означало не что иное, как попытку организационного закрепления для того, чтобы обеспечить свою работу, скажем, на XV съезде нашей партии. Вышло это или нет, вам виднее в Ленинграде.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СНОВА СО ВСЕЙ ПАРТИЕЙ

Во всяком случае, я думаю, что вы не осудите ЦК нашей партии, — которому вся эта «философия», как внешняя, так и внутренняя, была совершенно ясна, — за то, что он послал сюда восемь или десять членов ЦК для того, чтобы они рассказали Ленинградской организации, каким образом у вас сколачивалась оппозиция. Я думаю, что ЦК поступил совершенно правильно, приняв все эти мероприятия по части выявления ошибок нашей оппозиции. Правда, когда мы разобрали весь багаж оппозиции, когда встряхнули все ее идейное содержание, то оказалось там очень много старого, очень много такого, что давно уже покрылось плесенью, много такого, что нам несколько раз на длинном пути нашей работы уже преподносили и что мы уже отбросили. Все это теперь нам подсовывать как какой-то новый модный товар нет решительно никакой необходимости. Из этой дискуссии, которая внесла очень много отрицательного, особенно в Ленинградской организации, мы несомненно извлечем громадную пользу на будущее. Нам эти уроки еще пригодятся в будущем, ибо мы, наверно, проведем еще не одну дискуссию, когда, кроме перечисленных вопросов, жизнь выдвинет много новых. Но, выходя из этой дискуссии, Ленинградская организация встала именно на настоящие, на подлинные, в полном смысле слова стальные ленинские рельсы. Она, несомненно, выправилась, и те самые заблуждения, которые были, рассеялись, если не на все сто процентов, то во всяком случае у подавляющего большинства ее членов. Большинство съезда и ЦК нашей партии нашли в себе силы, сумели отыскать такие средства, которые снова и снова приводят нашу партию к тому единству, которое является основным и главнейшим залогом того, что мы действительно стоящую перед нами величайшую работу, несомненно, выполним. Достаточно

было каких-нибудь четырех-пяти недель для того, чтобы здесь, в Ленинграде, произошел полный перелом. Это, товарищи, говорит о том, что партия как жила, так и живет здоровой жизнью. И те, которые думали взвалить на большинство нашей партии всяческие уклоны, которые думали изболочить Центральный Комитет нашей партии в перерождении, — они не туда попали, они не в то окошечко заглянули. Может быть, где-нибудь в отдельных частях у нас и есть элементы разного рода перерождения, но меньше всего в этом повинна наша партия в целом, наш Центральный Комитет. (А п л о д и с м е н т ы.)

Здесь, в Ленинграде, нам осталось завершить только одно — нам нужно произвести ту организационную перестановку, в результате которой мы сумеем, действительно, развернуть работу, начатую на съезде нашей партии.

Пройдет, товарищи, еще несколько дней, и вся наша партия, — которая с напряженным вниманием следит за тем, что делается у нас сегодня на районной, а завтра будет на губернской конференции, — узнает, что Ленинградская организация нашла в себе мужество преодолеть тяжелые колебания, нашла в себе твердость снова и снова сказать всей партии, что она с нею, что она на все сто процентов в общих рядах миллионной Коммунистической партии и извлекает уроки из той школы, которую она прошла за последние недели. (А п л о д и с м е н т ы.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я вам долго надоедать не буду, а сделаю только несколько замечаний, главным образом в связи с теми записками, которые были мне поданы.

Больше всего интересуются вопросом о возможности построения социализма в одной стране, хотя по этому поводу, мне кажется, мы больше всего говорили. В целом ряде записок на эту тему говорится: как же так — у нас вроде как выходит, что в государственных отраслях промышленности социализм, но вот заработная плата мала, взаимоотношения между администрацией и рабочими такие, что они похожи на эксплуатацию. И вот задают вопрос — создаем ли мы сейчас прибавочную стоимость и т. д.

Я думаю, что все эти вопросы должны уложиться в один вопрос. Ведь нигде, ни в какой книжке, сколько бы вы книг ни читали, не написано, что если, скажем, в Америке произойдет социалистическая революция, то через неделю всем рабочим будет жить в пять раз лучше, чем теперь. Мы за время гражданской войны произвели такие разрушения, — правда, не по нашей воле, — что требуются целые годы для того, чтобы это залечить. Таким образом, когда мы вступили в полосу социалистической революции, количество национальных богатств стало меньше, а раз стало меньше, то, следовательно, и каждому отдельному рабочему на долю приходится меньше. Не будем говорить о теперешнем времени, но вспомним хотя бы то время, когда мы питались сухой корочкой. Все это происходит потому, что страна у нас нищая, отсталая во всех смыслах, мы вырабатываем еще слишком мало для того, чтобы рабочему жилось хорошо.

Если сказать так: не через силу ли работает наш рабочий? — то, конечно, придется ответить, что рабочий работает иной раз через силу, но он работает не на другой класс, который его эксплуатирует, а сам на себя. Вот почему мы говорим, что наши государственные предприятия — предприятия социалистического типа.

Я имел случай наблюдать на многих собраниях товарищей, которые, несомненно, до сих пор очень крепко стоят еще на оппозиционной платформе. Правда, они уже не с особенным остервенением защищают свою точку зрения, выступают более или менее деликатно, но все-таки они говорят, что они как были правы, так и остаются правыми до сих пор. Ни на йоту мы их не убедили. Есть и другие представители оппозиции, которые говорят: ну, что же, мол, против рожна не попрешь; раз вас такое большинство, мы, дескать, присоединяемся, потому что решения съезда, вообще говоря, для каждого обязательны, не выполнять их нельзя, но внутренне мы-де все-таки убеждены в своей правоте, и мы просто-напросто подождем, посмотрим — жизнь покажет, кто из нас прав.

Я думаю, товарищи, что вам на заводах и фабриках придется с такой философией очень часто встречаться. Сейчас, товарищи, вас оппозиция будет ловить на таких вещах. Вот если завтра — не к ночи будь сказано, пусть

этого не будет, — где-нибудь какая-нибудь фабрика остановится по случаю невыдачи заработной платы или какого-нибудь конфликта и т. д., там сейчас же вылезет оппозиционер и скажет: вот видите, мы еще на XIV съезде говорили, что мы правы, — видите, что получается; мы говорили, что затруднений будет миллион, мы предостерегали, нас не послушали, — видите, что получилось.

Мы заранее говорим, — и это надо всюду повторять, — что как бы мы с вами рьяно, по-большевистски, ни проводили решения, принятые на съезде, несомненно, мы запинаться будем еще много раз, несомненно, затруднений будет еще очень много, но отсюда еще ни в какой степени не следует, что и в кулацком, и в нэпманском, и в других вопросах оппозиция права, а большинство неправо.

Есть одна болезнь в оппозиции, от которой ее надо лечить самыми сильно действующими средствами, если не помогут деликатные средства, это — ее антипартийное поведение. Оппозиция говорит так: ну ладно, мы вроде как в меньшинстве, вы власть захватили, вы теперь и делайте дело, а мы посмотрим. Это совсем не большевистская точка зрения. Вы знаете, что «наблюдателей» за нашим делом очень много, за нами со всех сторон наблюдают. Вы знаете, что американцы тоже большие любители этого дела; они в Лигу наций не входят, а только наблюдают; если какой-нибудь скандал случится, как, скажем, в Китае, они дают деньги на удушение китайской революции, а сами как будто тут не при чем, только наблюдают. Вообще же эта наблюдательская роль и в буржуазном обиходе, а тем паче в нашем революционном обиходе, никуда не годится. В таких зрителях, в таких наблюдателях мы абсолютно не нуждаемся. Их и так у нас слишком много, чтобы еще выделять определенный кадр из партии и ставить в уголок, пусть оттуда в щелочку наблюдают. Нет, мы говорим: вот, дорогие друзья, запутались вы немного, мы вас разоблачили, высекли как надо, а теперь, будьте любезны, запрягайтесь в общую колесницу, и не в качестве наблюдателей или, тем хуже, кучеров, а вместе с нами, в качестве пристяжной, с левого или с правого бока, где вам лучше понравится... (А плоды с мента.) А у них как выходит? Или дай путевку, отпуск на три месяца в теплые края, или, в лучшем

случае, посади на такую работу, которая ни к чему не обязывала бы. При этом они жалуются, что ответственной партийной работы многим из них не даем. Но вы знаете, товарищи, что никто в мире козла в огород не пускает... (Смех, аплодисменты.)

Последний вопрос, о котором тоже многие товарищи спрашивают, такой: как это так случилось, что наша оппозиция свила себе гнездышко в таком месте, как Ленинград, когда еще недавно каждый товарищ считал особой честью состоять членом Ленинградской организации? И вдруг накануне 1926 г. создалось такое положение, когда не где-нибудь, не в каком-нибудь Царевококшайске, а здесь, в Ленинграде, не где-нибудь на далекой окраине, где устав партии бог весть как понимают, а там, где находится цвет партии, вдруг это случилось? Получилось это оттого, что руководители Ленинградской организации повели себя несколько скверно. У нас создалась в результате этого заметная отчужденность между верхушкой Ленинградской организации и ЦК нашей партии. Это не нужно скрывать, лучше об этом прямо, открыто сказать. Из недели в неделю, из месяца в месяц стал углубляться и расширяться отрыв верхушки Ленинградской организации от ЦК партии; этот отрыв нашел свое полное отражение на нашем последнем партийном съезде. Я считаю это самым главным и основным. Казалось бы, что между Москвой и Ленинградом расстояние небольшое — всего одна ночь, вечером сел, а утром уж можешь быть в ЦК, а вышло наоборот — расстояние получилось дальнее, и настолько дальнее, что я должен сказать, что ЦК вообще недостаточно осведомляли относительно того, что здесь совершалось. Например, история с Залуцким; она может показаться как будто маленькой, но во всяком случае это довольно показательная история. Я был на октябрьском пленуме, когда Залуцкий говорил, что мы перерождаемся и все прочее. На это некоторые из нас говорили: если вы имеете такого секретаря, который говорит, что ЦК перерождается, что он ведет нас к термидору, лучше вы снимите такого секретаря. Они как будто с нами соглашались. Тогда ни Зиновьев, ни Евдокимов, вообще никто из них ни капельки нам на это не возражал. Казалось, что так было уже решено, и ЦК был убе-

ждан, что так это и будет. Потом, через несколько времени, открывается конференция, и я сам читал вопрос товарищей из рядовых членов партии такого содержания: «На каком основании ЦК снимает Залуцкого? Почему этот вопрос не обсудят здесь?» А они все сидят, как воды в рот набрали. Это может быть мелочь, но она очень характерна. Если такую политику в отношении ЦК нашей партии с завтрашнего дня поведут снова, то мы очень плохо будем друг друга понимать. Именно поэтому, товарищи, и получилось, что наша оппозиция на этом съезде в одном отношении была исключительной оппозицией. Именно она была построена по территориальному признаку: ленинградская делегация и больше никого, за исключением еще двоих-троих товарищей. Это произошло потому, что вся наша партийная география за последние месяцы сложилась так, что между ЦК и верхушкой Ленинградской организации благодаря ошибочному руководству наших ленинградских товарищей не стало взаимного понимания.

Ведь если бы оппозиция действительно внедрилась в поджилки всех ста тысяч членов нашей партии, то через месяц нельзя было бы ее всю вычистить. Если бы действительно все члены нашей партии в Ленинграде были убеждены в своей правоте так, как Сафаров, Шелавин и другие, то ведь эту стотысячную стену пришлось бы с большим трудом пробивать. А сейчас что мы видим? Совершенно обратную картину. Когда членам партии Ленинградской организации рассказали все, как на самом деле обстояло, разъяснили все вопросы, все товарищи признали, что они шли не туда, куда следует.

Еще одно обстоятельство я хотел бы отметить в заключение по поводу нашей злосчастной бедности.

Один товарищ в частном разговоре указал мне, что мы неправы в отношении основного вопроса, касающегося более быстрого накопления в настоящее время социалистических элементов, чем всяких других. Конечно верно, что мы холодны, что и голодуха-то у нас, и безпризорных много, и безработных сколько угодно.

Мне понятны такие упреки, когда мы их слышим от сытых буржуа Западной Европы, высасывающих последнюю кровь из своего рабочего класса.

Когда эти бандиты честят нас таким образом, это я понимаю, но когда в среде наших же собственных товарищей возникает такое отношение к нашей социалистической работе, — это никуда не годится. Вы помните, когда мы вели гражданскую войну, когда отвоевывали свои позиции, у нас была Красная гвардия. Что же представляла собой эта Красная гвардия? С точки зрения лощеного европейца она имела вид каких-то оборванцев: вместо штанов наши товарищи носили черт знает что, неудобно даже сказать, ужас брал смотреть на этих людей.

Посмотрите на вооруженные силы капиталистических стран. Например, возьмем английского солдата. Конечно, у него и галифе, и сливочное масло, и жалованье такое, что хоть куда. Сравнивать его с нашим красногвардейцем, конечно, не приходится; западноевропейский солдат превосходит нашего красногвардейца во много раз. А что из этого следует? Да ничего не следует. Все-таки наша полуодетая Красная гвардия была армией социалистической и никакой другой. (А п л о д и с м е н т ы.) И ни один идиот не станет этого опровергать.

Товарищи, как бы современная английская буржуазия ни одевала свою армию, какой бы выхоленной, сытой ни была английская армия, все-таки эта армия — империалистическая, она душит всякое освободительное движение.

То же самое относится и к нашему рабочему классу и к рабочему классу Соединенных Штатов Америки. Может быть, мы живем во много раз хуже их, но все-таки наш рабочий класс — социалистическая армия от начала до конца. (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Мы строим социализм, и то, что у нас есть, всегда останется в руках рабочего класса. Меня недавно один рабочий на фабрике имени Желябова спросил: «Скажите пожалуйста, а через сколько лет будет социализм?». Другой спрашивает: «Возможен ли полный, окончательный социализм без поддержки иностранных рабочих государств?».

Мы утверждаем вслед за Лениным, что все объективные условия, которые необходимы для того, чтобы успешно строить социалистическое государство в одной стране, у нас есть, несмотря на нашу техническую отсталость. Мы социализм строим и имеем все необходимое

для того, чтобы его построить. А можно ли поручиться за то, что мы его построим? Дело тут не в ручательстве, а в том, что весь мир разделился на две половины: в одной половине мы строим социализм, а в другой господствуют капиталисты. Тяжба между нами и ими не прекращается, кто-то из нас должен похоронить другого. В этом никто не сомневается. Вопрос только в том, кто победит. Причем рано или поздно, но они начнут делать все попытки, чтобы нас погубить. В этом нет сомнения. Но для того, чтобы не погибнуть, нам нужно строить социалистическое государство, нам нужно создавать свое независимое по возможности от западноевропейского капитала социалистическое государство, работать над его укреплением на всех фронтах. И вот если мы, миллион членов партии, с таким же энтузиазмом, настойчивостью и самоотвержением будем продолжать строить наше государство, то не подлежит никакому сомнению, что, когда пробьет решительный час, когда в последний раз капитал столкнется с нами в решительном бою, мы действительно выйдем победителями. (Долгие аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Кирова. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 88—111.*

ЛЕНИНГРАДСКИЕ КОММУНАРЫ БЫЛИ И ОСТАНУТСЯ ПОДЛИННЫМИ СЫНАМИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

*Вступительная речь на открытии
XXIII Чрезвычайной Ленинградской
губернской партконференции
10 февраля 1926 г.*

Товарищи! Несколько дней назад в нескольких верстах от столицы Латвии — Риги — от руки злодеев черной реакции пал один из лучших членов нашей партии, который до последней минуты своей жизни охранял наши рабоче-крестьянские дипломатические тайны, — от руки злодеев, скрывающих свою физиономию, погиб наш дипломатический курьер т. Нетте. Я предлагаю почтить память этого героя вставанием. (Все встают.)

Товарищи, со дня нашей последней губернской партийной конференции прошло ровно два месяца. Промежуток времени небольшой, но вы знаете, каким исключительным содержанием были наполнены эти два месяца и какое значение они имели как для нашей партии, так и для нашей страны. Вы знаете, что к концу восьмого года существования Советской власти наша страна подошла почти к окончанию своей восстановительной хозяйственной работы. Вступая в 1926 год, мы с вами, товарищи, оказались на рубеже новой хозяйственной эпохи. Мы оказались накануне того момента, когда нашей партии нужно было проверить всю огромную работу, которую мы совершили на протяжении долгих, тяжелых восьми лет. Наша страна оставила за собой тот период времени, когда миллионы нашего населения пребывали в нищете, а хозяйство находилось в состоянии разрухи. Теперь наше государство вступило в совершенно новую полосу своего существования как в смысле складывающихся внутрихозяйственных сил, так и в отношении международного по-

ложения. И как раз в этот период перед нашей партией встали основные, кардинальные вопросы нашей дальнейшей работы.

Вы все знаете, что от того или иного разрешения этих вопросов зависит дальнейшая судьба пролетарской революции в нашей стране. Вы знаете, что далеко не случайно именно в начале девятого года революции встал перед нами в новой практической форме вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране. Вы знаете, что по истечении пяти лет практики новой экономической политики мы сейчас снова поставили этот вопрос с точки зрения теории и практики ленинизма. Вы также знаете, что перед нами снова и снова в совершенно особой форме встает кардинальнейший вопрос нашей революции, вопрос о крестьянстве.

Все эти вопросы, конечно, не случайные, а вопросы, продиктованные всем последним ходом развития Советского Союза и нашей Коммунистической партии. Немудрено поэтому, что с такой исключительной горячностью, с таким исключительным вниманием съезд нашей, теперь уже миллионной, партии обсуждал эти вопросы. Наш последний съезд нашел правильное, твердое и отчетливое разрешение всех этих вопросов. Вы знаете также, какой исключительный отклик нашли себе все эти вопросы в рядах Ленинградской организации. Вы также знаете, что последние два месяца наша организация непрерывно пребывала в совершенно определенном — я бы сказал, лихорадочном — состоянии, стараясь найти правильный путь для разрешения этих основных животрепещущих вопросов.

Наша партия и Центральный Комитет ни одной минуты не сомневались в том, что и здесь, в Ленинграде, при всем своеобразии сложившейся обстановки, мы сумеем найти подлинно ленинское разрешение этих вопросов. И вы знаете, что в этом отношении Центральный Комитет не ошибся: огромная, исключительная работа проведена здесь, в Ленинграде. Вся партия не только на съезде, но и после съезда с напряженнейшим вниманием следила и следит за ходом дискуссии здесь, в Ленинграде.

И вот теперь, открывая Чрезвычайную XXIII губернскую партконференцию, мы можем сказать, что эта

работа в основных, в главных чертах у нас закончена вполне успешно. Мы знаем голос подавляющего большинства коллективов нашей стотысячной организации. На днях мы слышали голоса районных и уездных конференций. По всем этим вопросам нам предстоит сейчас, на Чрезвычайной губпартконференции, окончательно подытожить эту огромную двухмесячную, тяжелую, лихорадочную работу. Я думаю, что ни у одного из присутствующих здесь нет и тени сомнения в том, что мы эту работу подытожим так, как умеют подытоживать ленинские организации. (Аплодисменты.)

Я думаю, что, невзирая на всю тяжесть положения, которая выпала на долю нашей организации, мы сумеем на нашей Чрезвычайной XXIII конференции остаться по-прежнему подлинными и настоящими сынами той партии, той организации, которая, по своим заслугам, по праву занимала определенное историческое место в нашей революции. (Аплодисменты.)

Я думаю, что мы и теперь, невзирая на все то, что имело место за последние два месяца, сумеем остаться подлинными сынами города Ленина. (Аплодисменты.)

У нас, товарищи, в порядке дня стоит основной вопрос — об итогах XIV съезда нашей партии. Одновременно мы должны будем заняться и тем, не менее важным, вопросом, от того или иного разрешения которого зависит дальнейшее укрепление основной командной высоты в нашей стране, в нашем государстве, — вопросом о состоянии нашей советской государственной промышленности. Я думаю, что эти два вопроса помогут нам еще раз ответить на те животрепещущие вопросы, которые сейчас перед нами ставит не только наша отечественная, но, можно с полным правом сказать, и международная революционная история.

Товарищи, позвольте XXIII Чрезвычайную губернскую конференцию объявить открытой. (Аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936, ;
стр. 112—114.*

РАБОТАТЬ НЕ ПОКЛАДАЯ РУК НАД УКРЕПЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОГО ЕДИНСТВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

*Заключительная речь на XXIII Чрезвычайной
Ленинградской губернской партконференции
12 февраля 1926 г.*

Товарищи, работы нашей XXIII конференции подошли к концу. Вы все знаете, какие условия, какие обстоятельства привели нас на XXIII конференцию. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что все мы с полнейшим вниманием, хладнокровием и выдержкой отнеслись ко всем тем вопросам, которые стояли перед нами. Я думаю, что ни один из нас ни на одну минуту не сомневается в том, что мы нашли безусловно правильное, безусловно ленинское решение вопросов, стоящих перед нами. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы, товарищи, заслушали также обширный доклад по вопросу о том положении, в котором находятся сейчас у нас основные командные высоты — социалистическая промышленность. Мы из доклада видели, что в общем и целом можно сказать: наша партия, наше пролетарское государство преуспевают; но мы также должны сказать, что наряду с этим перед нами, товарищи, открывается полоса достаточно серьезных, достаточно крутых затруднений. Мы знаем, что, наряду с успехами за последнее время перед нами выдвигаются новые, очень сложные, очень серьезные задачи в деле дальнейшего поднятия нашей социалистической промышленности. Но мы твердо, с надеждой смотрим на будущее и полагаем, что эти новые затруднения и эти новые осложнения наша партия, а с ней вместе рабочий класс сумеют преодолеть успешно при одном условии, что мы сумеем сделать то, что мы

обещали выполнить на нашей Чрезвычайной XXIII губернской конференции — во что бы то ни стало, всем и каждому в отдельности, *работать не покладая рук над укреплением единства, железного единства нашей ленинской партии.* (А п л о д и с м е н т ы.)

В наших резолюциях, товарищи, мы приняли на себя целый ряд обязательств. Я думаю, что ни у кого из вас нет и тени сомнения в том, что мы эти обязательства выполним. Я думаю, что вся наша стотысячная организация, начиная с сегодняшнего дня, немедленно приступит к реализации всего того, что мы здесь с вами решили. Это будет лучшим доказательством и лучшим свидетельством выполнения нашего основного обязательства поработать над дальнейшим восстановлением нашего хозяйства, укреплением нашего государства и сохранением единства нашей партии во что бы то ни стало. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи, вся внутренняя и внешняя объективная обстановка, несмотря на целый ряд серьезных затруднений, стоящих перед нами, говорит все-таки о том, что мы и дальше можем с тем же успехом продолжать дело нашего великого социалистического строительства. Самое главное, самое близкое для нас, товарищи, это — единство нашей партии. Если может разразиться какое-нибудь несчастье над нашими головами, то это несчастье будет заключаться в том, если действительно дрогнут ряды нашей могущественной, монолитной ленинской партии. Мы уверены в том, что этого не будет, как этого не было до сих пор: малейшую трещину, малейший надлом в нашей партии мы умели преодолевать решительно и твердо. Это мы сделали и на нашей XXIII губернской партийной конференции; это мы сделаем всегда, если заметим, что в огромных рядах нашей партии на том или ином фланге ее дрогнут те или иные колонны.

Товарищи, восемь с лишним лет тому назад из этого самого зала наша партия, ведя за собою рабочий класс, вышла на первые баррикады пролетарской социалистической революции. Восемь с лишним лет идем мы по этой твердой ленинской дороге, преодолевая препятствия, сметая затруднения, вырастающие на нашем пути. Я думаю, что я не ошибусь, если выражу волю конференции и скажу, что и сегодня, спустя восемь с лишним лет, после

тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей Ленинградской организации, мы выйдем из этого зала полные той же беззаветной веры в нашу глубочайшую историческую правоту, будем продолжать ту величайшую миссию, которая возложена на нас человечеством, продолжим великую работу, начатую восемь с лишним лет тому назад, для того чтобы добиться конечной цели — торжества пролетариев всех стран и угнетенных всего мира.

Для этого, товарищи, нам нужно прежде всего и главным образом единство, твердость и решительность нашей великой ВКП(б). Если мы это сумеем соблюсти, если мы сумеем это сохранить, то все остальное будет обеспечено. Какие бы препятствия ни стояли на нашем пути, какие бы тучи ни нависали над нашей коммунистической головой — мы их сумеем рассеять.

Да здравствует же великая ВКП(б)! (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, объявляю XXIII Чрезвычайную Ленинградскую губернскую конференцию ВКП(б) закрытой.

(Все поют «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 120—122.*

МЫ ВЫШЛИ НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

*Доклад на торжественном заседании
VIII губернского съезда металлистов
19 апреля 1926 года, Ленинград*

СССР — САМОЕ ТВЕРДОЕ И УСТОЙЧИВОЕ ГОСУДАРСТВО В МИРЕ

Товарищи, мне поручено сделать доклад о международном и внутреннем положении нашего Союза.

Я думаю, будет вполне достаточно, если я остановлю ваше внимание только на самом основном, на самом существенном, что мы не можем не заметить сейчас как внутри нашей страны, так и вне ее. Вы знаете, товарищи, с каким багажом мы приступили к делу социалистического строительства в нашей стране. У вас у всех сохранился в памяти тот тяжелый восьмилетний путь, который мы прошли. Вы знаете также, товарищи, что было время, когда многим из вас те великие задачи, которые мы перед собой поставили, казались почти неразрешимыми. Многие из нас полагали, что та задача, которую поставил перед собой рабочий класс нашей страны, едва ли окажется ему по плечу. Но эти годы и эти сомнения ушли далеко. Мы сейчас уже с полным сознанием и с гордостью можем сказать, что мы вышли на достаточно просторную и достаточно прочную дорогу подлинного, реального социалистического строительства.

Вы знаете, товарищи, что самым сложным в нашей работе, в области воссоздания нашего хозяйства является тот период, который называется новой экономической политикой. Это был тот период нашей работы, когда на наши головы как раз больше всего сыпались предсказания о том, что вот, мол, наконец и сами большевики, сама Советская власть становится на путь постепенного раство-

рения в буржуазном окружении. Но вот прошли годы, и мы видим нечто иное, чем то, что нам предсказывали. Если в начале новой экономической политики мы имели в области нашей промышленности 18, максимум 20% довоенного уровня, то сейчас, в общем и целом, мы стоим на уровне 95% от довоенного времени. Если и наше сельское хозяйство в начале новой экономической политики едва добралось до 40—45% довоенного уровня, то сейчас оно перешагнуло уже за 90%. Одних этих цифр достаточно для того, чтобы сказать, что мы не только не стоим на одном месте, что наше дело действительно развивается с достаточно определенной, с достаточно заметной стремительностью.

Я уже не говорю, товарищи, о нашем росте за последние годы, о чем вы, конечно, все знаете. Вы все знаете, что в прошлом году в области промышленности мы сделали надбавку на целых 64%, в этом году мы думаем шагнуть вперед на 35%, и надеемся, что не обманемся.

Если в прошлом году наш государственный бюджет имел 2 миллиарда 900 миллионов червонных рублей, то в текущем году мы упираемся уже в 4 миллиарда рублей.

Все эти цифры говорят о том, что дело советского строительства и укрепления нашего государства развивается настолько заметным темпом, что нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Теперь уже прошла та пора, когда хорошие отзывы о нашей работе можно было слышать почти исключительно из наших собственных уст. Было время, когда мы находились на положении тех куликов, которые хвалят свое болото. Теперь мы уже выбрались из этого периода нашего существования, сейчас мы имеем свидетельства о наших успехах не только со стороны наших друзей, но и со стороны наших недругов.

Вы, товарищи, вероятно, внимательно следили за газетами, и, надеюсь, вы читали переписку между нашим коммунистическим советским дипломатом т. Чичериным и секретарем Лиги наций по поводу приглашения Советского правительства принять участие в работах предварительной комиссии, которая должна подготовить конференцию по разоружению, созываемую в ближайшее время. Я вам очень рекомендую как-нибудь на сон грядущий по-внимательнее почитать эту переписку — она чрезвычайно

любопытна. Вдумайтесь в каждую фразу и каждое слово советской ноты, и вы поймете, товарищи, что тот язык, которым наш дипломат разговаривает с этой самой почтенной Лигой наций, каждым своим словом, каждой буквой этой ноты свидетельствует о росте того значения, которое мы сейчас в этом самом международном концерте приобрели.

Три-четыре года назад мы такие ноты обычно писали в пространство, это называлось: всем, всем, всем... Для того, чтобы все услышали, для того, чтобы никто в отдельности придаться к нам не мог.

Сейчас мы уже начинаем разговаривать с нашими недругами, адресуя наши разговоры самым непосредственным образом. Конечно, это упало не с неба, это свидетельствует о том, что мы внутри своей страны сумели укрепиться таким образом, что сейчас можем уже выйти на любую политическую международную арену.

На это мы приобрели теперь не только моральное, как это было раньше, но и чисто реальное право. Мы сейчас можем в отношении твердости и устойчивости своего государства поспорить с любым государством в мире. Но, товарищи, было бы, конечно, ошибкой полагать, что у нас все на целых 125% так уже выросло и укрепилось, что дальше идти и торопиться некуда. Это, конечно, неверно. Именно потому, что мы с вами все время торопимся и не покладая рук день и ночь трудимся над укреплением нашего государства, — именно потому явились те положительные результаты, о которых я вам вкратце сообщал. Не подлежит, конечно, никакому сомнению для каждого честного рабочего, что нам и дальше необходимо двигать дело тем же самым темпом, каким мы разворачивали работу до сих пор, а в известном смысле, может быть, и с большим упорством.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ — ОСНОВНОЙ ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

Каждый рабочий великолепно понимает, что, очевидно, доведя свое хозяйство до довоенного уровня, ни одной минуты нельзя останавливаться на этих достижениях, а, наоборот, надо, не теряя ни одной исторической

минуты, двигаться во что бы то ни стало дальше. Каждый из нас повседневно чувствует недостаток в промышленных товарах, с чем мы встречаемся на каждом шагу, каждый из нас видит те высокие цены на наши изделия, которые существуют в рознице, с чем мы сталкиваемся и все вместе и каждый в отдельности. Ни один из нас не может спокойно смотреть на состояние производительности труда, где за последнее время у нас также появляются некоторые тревожные моменты.

Все эти вопросы, а также вопрос о заработной плате неизменно стучатся в двери нашего с вами государства.

Затруднения, товарищи, налицо, они очень заметны вследствие непрерывного роста платежеспособности населения нашей страны как в городе, так и в деревне. Несмотря на все напряжение наших фабрик и заводов, сколько бы они ни выбрасывали продукции, эта продукция с громадной стремительностью поглощается, и на рынках все снова и снова ощущается в ней недостаток.

Для того чтобы изжить это явление, нам необходимо принять все меры к дальнейшему развитию нашей промышленности. Одновременно нам нужно принять все меры к тому, чтобы наше хозяйство и впредь разворачивать таким образом, чтобы оно становилось все более и более самостоятельным. Если мы хотим построить социалистическое государство в нашей стране, нам нужно прежде всего обеспечить рабоче-крестьянские советские границы не только с точки зрения военной, но нужно позаботиться и о других фронтах, нужно сделать все, чтобы основательно подковать наше государство и со стороны хозяйственной.

Совершает ошибку тот, кто думает, что мы с нашим врагом — империализмом Западной Европы — ведем войну только вооруженной рукой, только вооруженной силой. Нет, это не так, во всех областях нашей жизни мы находимся на военном положении.

Таким образом, на одном из основных и главных фронтов нашей борьбы — в области экономики — нам необходимо обеспечить наше государство таким образом, чтобы оно было возможно меньше ущемляемо со стороны наших врагов. Для этого нам нужно усеять нашу рабоче-крестьянскую советскую землю теми заводами, при помощи

которых мы могли бы собственными руками и собственными средствами создавать все нам необходимое не только в смысле предметов личного потребления, но и в смысле средств производства для нашего хозяйства.

Вот для того, чтобы нам обеспечить подлинную возможность социалистического строительства, — для этого нам необходимо индустриализировать нашу страну во что бы то ни стало. Эта задача, товарищи, нелегкая, это не то, что восстановить старый завод, оставшийся нам от капиталистов, это не то, что перебрать старые, заржавелые станки и пустить их в ход, это не то, что заставить дышать, заставить гореть стоявшую потухшей несколько лет ту или иную печь, — это значит *создавать на нашей земле новые заводы по последнему слову современной техники.*

Таким образом, вы видите, что дальнейшая наша работа сопряжена еще со множеством и множеством огромных испытаний. Параллельно с преобразованием нашего промышленного хозяйства и индустриализацией нашей страны нам необходимо будет подтягивать и наше сельское хозяйство, нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времен святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким вещам, которые пока еще фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо это действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом.

Нам необходимо будет не забывать и о той области нашей государственной работы, которая называется культурной. Если наша страна, как и теперь, будет наполовину еще безграмотна, то, конечно, ни о какой индустриализации страны разговаривать нам с вами не придется.

Нельзя дать крестьянину трактор и прочие усовершенствованные орудия производства, если он все еще на Николая чудотворца надеется гораздо больше, чем скажем, на бензиновый двигатель. Надо повернуть и эту область работы таким образом, чтобы она шла параллельно с основной нашей хозяйственной работой. Работа, как вы видите, огромнейшая, которая требует от нашего государ-

ства и от рабочего класса прежде всего громаднейших жертв и громаднейших усилий.

Но надо помнить, товарищи, что все-таки основная линия нами, очевидно, взята совершенно правильно, и если мы сумели в течение такого короткого времени, что мы сами не ожидали, восстановить свое хозяйство почти до довоенного уровня, то, я думаю, и на новых путях, по которым нам дальше придется поднимать наше огромное хозяйство, мы эту задачу также осуществим.

ПОЧЕТНАЯ РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДЕЛЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о тех уже более узких задачах, которые стоят непосредственно перед нами, живущими здесь, в Ленинграде.

Вы все, товарищи, понимаете ту роль, которую играла, играет и должна играть ленинградская промышленность. Но вот сейчас, когда мы переводим рельсы нашей работы в сторону индустриализации нашей страны, здесь, товарищи, ленинградская промышленность по всем своим историческим, фактическим и каким угодно правам должна будет занять исключительное место.

Дело сложилось таким образом, что если есть действительно самый квалифицированный, самый надежный уголок в нашем Союзе, где можно было бы с достаточным успехом создавать орудия и средства производства, то это, несомненно, Ленинград. И поэтому наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны будут в последующий период нашей работы *сосредоточить исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках.*

Это кратчайший путь в постановке дела машиностроения и всех прочих предметов оборудования, необходимых для нашей промышленности.

Отсюда, товарищи, вы понимаете, какая непосредственная задача стоит перед вами. Ясное дело, что в этой работе ленинградскому металлисту предстоит взять в руки в полном и буквальном смысле слова первую скрипку, ибо ему нужно будет взять на свои плечи главную тяжесть той работы, которая предстоит нам здесь.

Я думаю, что все объективные условия говорят за то, что эта работа будет выполнена. Во всяком случае здесь, в Ленинграде, нет ни одного учреждения, которое бы не имело того или иного соприкосновения с хозяйством и которое не заботилось бы об этих задачах завтрашнего дня. Начиная с партийных, советских, хозяйственных и всех прочих организаций, мы видим, как здесь, в Ленинграде, все учреждения ставят эти вопросы. Каждая организация со своей точки зрения взвешивает ту программу, которую она должна осуществить в этом деле. Это, конечно, должно служить лучшим залогом, лучшей гарантией того, что мы эту задачу так или иначе разрешим безусловно с успехом.

Но не надо, товарищи, отрицать того, что и здесь нам, возможно, придется выдержать не меньшие, а в некоторых отраслях даже большие трудности, чем те, которые стоят перед рабочими всего Союза.

Мы знаем, в каком состоянии сейчас находится наш уже почти полуторамиллионный город, мы знаем, что за период гражданской войны и разрухи он вынес на себе большую тяжесть. Всякий вопрос, который мы ставим перед собою, напоминает нам об этом. Нет сейчас ни одного собрания, ни одного разговора с рабочими, где бы не поднимался вопрос, скажем, о той огромной жилищной нужде, которая все острее и больше чувствуется здесь, в Ленинграде.

Необходимо, конечно, будет сделать все для того, чтобы так или иначе это дело поднять. Вы знаете, что для того, чтобы поднять его так, как этого бы вам всем хотелось, мы, конечно, не имеем пока еще никакой объективной возможности: мы очень сильно стеснены в средствах.

Но я думаю, что той программы, которая намечена в этом отношении, будет вполне достаточно для того, чтобы хоть немного сгладить остроту положения.

Встают, встанут и, конечно, всегда будут стоять в нашей работе вопросы о положении рабочего класса и прежде всего — о его заработной плате. Как вам уже указывали, и в той полосе затруднений, которую мы переживаем сейчас, нам нужно проявить совершенно твердо и совершенно определенно чрезвычайную экономию.

ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЖЕСТКОЕ ПРОВЕДЕНИЕ РЕЖИМА ЭКОНОМИИ

Мы сейчас делаем все для того, чтобы сохранить тот уровень заработной платы, который у нас имеется, и, конечно, каждый сознательный рабочий согласится с нами в том, что сейчас нельзя говорить, что мы выйдем из положения, если завтра поднимем заработную плату на тот или иной процент, а все остальное — рост цен в розничной торговле и прочее — не изменится.

Нет, каждый рабочий прекрасно понимает, что надо начинать с другого конца — с повышения производительности труда в широком смысле этого слова, с борьбы за повышение производительности труда всем фронтом, как со стороны хозяйственников, так и со стороны самих рабочих.

Упорная борьба за снижение розничных цен на наши продукты потребления является более надежным, более верным, наилучшим способом действительного удержания заработной платы на том уровне, на каком она находится сейчас.

Я не буду говорить, товарищи, об остальных задачах, которые стоят сейчас перед нами, но я не могу не обратить вашего внимания на то обстоятельство, о котором здесь уже говорилось, а именно на то, что если мы хотим действительно по-настоящему осуществлять свои задачи в области индустриализации, то нам необходимо с завтрашнего же дня — вернее, с сегодняшнего дня — действительно развернуть всем фронтом, как только можем сделать мы, большевики, а с нами вместе и весь рабочий класс, *борьбу за режим экономии*.

Я на этом вопросе останавливаюсь только потому, что мне думается, что многим из нас этот лозунг — «борьба за режим экономии» — не совсем ясно представляется. Многие товарищи ставят эту задачу в достаточной степени ограничено, а на самом же деле этот вопрос имеет сейчас колоссальнейшее значение.

Мне приходилось слышать вопросы со стороны рабочих, которые говорили: «Неужели вы серьезно думаете, что путем этой грошовой, мещанской экономии можно что-то сделать, что-то получить?»

Этот вопрос объясняется тем, что товарищи, задававшие его, недостаточно широко представляют себе это дело.

Надо вести сейчас борьбу не только в узком смысле слова за сбережение копейки, а надо сделать все к тому, чтобы действительно создать из нашего государства такой аппарат, который работал бы по возможности с точностью часового механизма.

Только таким порядком можно будет действительно по-настоящему перелицевать наше хозяйство и действительно твердой поступью идти вперед.

Что же, товарищи, мы видим? К сведению тех, которые полагают, что этот режим экономии не сможет нам дать особенно заметных, особенно реальных результатов, я много примеров приводить не буду, а приведу один.

Есть у нас такое учреждение, которое называется Чаеуправлением. В этом самом Чаеуправлении начали по-маленьку проводить режим экономии, проводить, конечно, не бог знает каким военным порядком, проводить с прохладцей, как мы всегда в большинстве случаев такие вещи проводим.

И что же оказалось? Достаточно было совершенно ничтожного нажима на это самое Чаеуправление для того, чтобы у них оказалась экономия в 1 миллион 200 тысяч целковых. Вы, товарищи, подумайте, сколько у нас в Советском Союзе разного рода чаеуправлений! Вы все знаете, что учреждений у нас разных, всяких «хозов» и прочих столько, что если бы написать словарь, получилась бы огромнейшая книга.

Но если даже на круг с каждого такого «хоза» получить не миллион, а полмиллиона целковых экономии за год, то ясно, к чему это, товарищи, приведет даже при самом прохладном отношении к этой самой экономии! Представьте себе, что если мы этот самый режим экономии начнем проводить по нашей большевистской привычке с некоторым нажимом, что если мы заставим каждого «хоза» и «зава» и всех прочих, вниз от них идущих, маленько крикнуть под нажимом в борьбе за режим экономии, то нет сомнений, что процент сбережений все больше и больше будет возрастать.

Второй пример — относительно наших штатов. Вы все знаете о том учреждении, которое называется Югосталью,

Это — учреждение почтенное во всех отношениях. В этом учреждении полтора года назад служащих было 250, а сейчас там имеется 900 человек. Конечно, работа расширилась — это мы все понимаем, но вы смотрите, в какой прогрессии растет штат этого учреждения.

Вы знаете также, товарищи, какую большую роль в жизни нашего государства играет наша кооперация. Каждый из вас является членом того или иного кооператива, каждый из нас, как правоверный христианин великим постом, время от времени отдает должное кооперации — ведет соответствующую кампанию по вовлечению, привлечению, по взносам и пр. Недавно был съезд уполномоченных Центросоюза и там подсчитали, что благодаря так называемому «умелому» ведению дел самые непосредственные растраты — короче говоря, самое ничем не прикрытое прямое воровство — приводят в кооперации к тому, что там разворовали в течение года 1 миллион 800 тысяч целковых.

Это, товарищи, то, что удалось записать. А вы знаете, что растрата и воровство — это такая штука, которую не всегда можно поймать, а тем более записать.

Вот, товарищи, те болячки, которые зияют на нашем теле и которые нам надо срезать, выжечь каленым железом во что бы то ни стало не только потому, что они безобразны, но и потому, что это может дать нашему государству действительно громаднейшее обновление во всех отношениях.

Мы сумеем наряду с той экономией, которая естественным образом отсюда произтечет, сделать организм более здоровым, более подвижным, более работоспособным.

Безобразия, товарищи, доходят до того, что я не могу вам не напомнить одного случая — этот случай был описан в газетах.

Дело было в центре нашего Советского Союза, в городе Москве, в Московском отделении Иваново-Вознесенского текстильного треста.

Сидел там какой-то заведующий торговой частью, наверное, к стыду нашему, член нашей Коммунистической партии, как это чаще всего в таких случаях бывает. И вот на днях он сделал заказ в типографии штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии на 100 тысяч этикеток для

наклейки на мануфактурные кипы. Заказ был выполнен в 20 тысячах экземпляров и принят. На этикетках была изображена крестьянка. Приняли заказ, он понравился, заказали еще 600 тысяч этикеток. Когда весь заказ был выполнен и его преподнесли этому самому «заву» торговой части, он посмотрел, и что с ним случилось — трудно сказать, но почему-то ему крестьянка на этикетках не приглянулась, и этикетки были забракованы. Дело было брошено, но на нем потеряли несколько тысяч целковых, а в результате эти этикетки пришлось продать частному человеку за 27 целковых.

Вот, товарищи, как будто мелочь, пустой эпизод, но разве можно равнодушно об этих эпизодах говорить в тот момент, когда каждая советская копейка должна взвешиваться на вес золота, когда мы сейчас сплошь и рядом буквально задыхаемся от недостатка самых пустых вещей, когда зачастую почти на полном ходу останавливаются целые цеха на фабриках и заводах только потому, что мы не можем найти 50—100 тысяч целковых, чтобы получить из-за границы небольшие приспособления, делать которые сами, к сожалению, мы пока что еще не в состоянии.

В тот момент, когда мы просматриваем свой государственный рабоче-крестьянский бюджет и с факелами днем и ночью смотрим на каждую лишнюю копейку, положенную не на место, внимательным образом взвешиваем каждый расход и стараемся сделать все, чтобы ни одной копейки не израсходовать бесполезно, а тем более вредно для государства, — в этот самый момент мы в нашей советской, коммунистической печати читаем те анекдоты, о которых я вам только что рассказал.

И когда мы посмотрели, что за человек этот почтенный «зав», которому не понравилась крестьянка на этикетках, то оказалось, что это действительно субъект во всех отношениях любопытный.

Он работает в качестве «зава» не больше не меньше как 17 месяцев, из этих 17 месяцев он 11 месяцев сплошь находился в разъездах. Вы видите, вместо того чтобы действительно заниматься непосредственно тем делом, к которому он приставлен, этот человек гарцует из города в город, из села в село, собирает командировочные и все,

что вообще сопряжено с такими поездками, а в результате перед вами получаются подобные образцы работы такого солидного учреждения, как Московское отделение Иваново-Вознесенского треста.

Это, товарищи, взятые на выдержку примеры тех зняющих ран, которые у нас имеются и которые вытравить нам во что бы то ни стало необходимо. Если мы к этой работе подойдем вплотную, мы это сумеем, несомненно. Я не говорю, что можно убить сразу нескольких зайцев одним нашим выстрелом, но для того чтобы это дело провести действительным образом, нам необходимо вокруг лозунга экономии сейчас мобилизовать все внимание не только нашей партии, но всего рабочего класса и, конечно, профсоюзов в целом в первую очередь. Нам надо каждому зарубить себе на носу необходимость этой борьбы. Надо обдумать всяческие способы и методы, чтобы как можно плотнее и надежнее охватить эту самую работу, и вы, товарищи, увидите, что не пройдет много времени, как мы сумеем, во-первых, выжать эти застрявшие в разных расщелинах громадные миллионы рублей, а во-вторых, сумеем наш государственный механизм очистить от той ржавчины, которая к нему пристала на протяжении этих восьми лет. В этой борьбе за режим экономии рабочему классу надо поставить дело таким образом, чтобы поднять наше хозяйство как можно выше, потрясти его как можно покрепче, чтобы та сволочь, которая к нему присосалась, отпала раз и навсегда. (Аплодисменты.)

Тут нечего бояться того, что дело пойдет слишком далеко, что мы кое-кого больно зацепим, смущаться нам ничем не приходится, если мы только хотим этот режим экономии действительно осуществить полностью на всех фронтах. Вот, товарищи, какие основные вопросы стоят перед нами сейчас внутри нашего государства.

МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО НАЗРЕВАЕТ РЕВОЛЮЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ

В заключение скажу несколько слов о том, какая внешняя обстановка сейчас нас окружает. Вы все понимаете, что сейчас как будто бы мы переживаем такое время, что извне особой, непосредственной угрозы

предвидеть ниоткуда нельзя, как будто бы мы обеспечили себя достаточно полно для того, чтобы продолжать начатую работу.

Конечно, никто не может быть пророком и сказать, что мы имеем полную гарантию в этом отношении. Это не так, но рост сочувствия со стороны рабочего класса к нам на Западе, громадное сочувствие к нам со стороны угнетенных народов Востока и третий фактор — наше внутреннее состояние — все эти три силы достаточно гарантируют нашу дальнейшую более или менее спокойную работу.

Однако, если мы не видим сейчас определенного стремления устроить очередной нажим по адресу рабоче-крестьянского государства, то, с другой стороны, нет и такого отношения, чтобы нам кто-нибудь где-нибудь хотел бы за хороший или, во всяком случае, приличный процент оказать какое-нибудь содействие. Очевидно, и с этой стороны мы должны будем больше надеяться на себя. С другой стороны, надо знать и то, что если перспективы западноевропейской революции, на которую мы все в свое время весьма и весьма определенно рассчитывали, как будто теперь становятся неопределенными, то все-таки в общем, если посмотреть на все окружающее нас, нельзя сказать, чтобы там была действительно тишь, гладь да божья благодать и чтобы какому-нибудь Болдуину или еще кому-нибудь там не снились тревожные сны.

Состояние легких контузий западноевропейский капитал переживает непрерывно. Правда, он делает все к тому, чтобы заглушить волны революции.

Свидетельством этому служат китайские события, которые вы также знаете. Китайский народ сейчас оказался в таких жестоких японо-английских клещах, вырваться из которых ему будет очень нелегко.

Это верно, но так же верно и то, что прошла уже та пора, когда можно было 400-миллионный народ трепать как вздумается совершенно безнаказанно. И даже, несмотря на то, что там наблюдается отлив революционной волны и что там пущены в ход такие жестокие империалистические клещи, не надо быть пророком, чтобы сказать, что не пройдет много времени, как этот измученный, истрадававшийся многомиллионный китайский народ

сумеет эти империалистические клещи разжать и снова выйти на дорогу борьбы за свое элементарное человеческое освобождение. (Аплодисменты.)

Если нельзя на Западе предвидеть таких жарких вспышек в грядущие дни, то, товарищи, все-таки каждый из вас, следя за рабочей хроникой в Западной Европе, видит то здесь, то там то забастовку, то локаут, то какие-нибудь иные неприятности для господ капиталистов, что говорит об усиливающейся там жестокой классовой борьбе.

Вот, товарищи, те общие черты, которыми характеризуется сейчас внешнее положение. В общем и целом, товарищи, выходит, что как бы медленно ни развивались революционные события, какими бы осторожными шагами, на первый взгляд, история сейчас ни шагала, но все-таки, если мы взвесим все за и против, дело исторически складывается таким образом, что время как работало, так и продолжает работать все-таки на нас. Все-таки наша революционная коммунистическая мельница работает быстрее, надежнее, веселее, чем мельница капитализма.

Очевидно, все-таки тот исторический приговор, который рабочий класс России восемь лет назад произнес над капиталистическим строем, — этот приговор историей оправдывается все больше и больше.

Нам, как непосредственным деятелям революции, непосредственным строителям социализма в нашей стране, хотелось бы, конечно, видеть большее, хотелось бы, чтобы революционные волны вздымались выше и возможно скорее поглотили проклятый капиталистический строй.

Но что история идет в эту сторону — в этом нет ни малейшего сомнения. Все остальное, товарищи, будет зависеть от нас с вами и прежде всего, товарищи, от вас, рабочих-металлистов. Вы в великие Октябрьские дни вышли в первой шеренге к той исторической баррикаде, которая была взята здесь, в Ленинграде.

Вы заняли первые, самые ответственные позиции в этой, тогда, казалось, еще неравной борьбе. Вы, товарищи, победите, я думаю, и впредь, если вас не покинет та металлическая твердость, которая вам принадлежит по праву, и если и впредь вы сумеете сохранить ту же

железную выдержку и спокойствие, если вы сумеете сохранить хладнокровие даже в самые жестокие моменты, которые все еще возможны впереди. Не подлежит никакому сомнению, что победит то великое дело, ради которого мы здесь, в городе Ленина, восемь с лишним лет назад вышли на борьбу и провозгласили величайший лозунг освобождения всех обиженных, угнетенных и поработанных. Не подлежит никакому сомнению, что ваш призыв к борьбе будет, наконец, услышан и теми, которые гнут свою спину под тяжестью империализма на Западе, и теми, которые проливают сейчас свою кровь под натиском того же империализма на Востоке. (Аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 139—152.*

КОМСОМОЛ — АКТИВНЕЙШИЙ УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

*Доклад об итогах апрельского пленума ЦК ВКП(б)¹
на расширенном пленуме
Ленинградского губкома ВЛКСМ
12 мая 1926 г.*

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ

Товарищи, я думаю, что многое из того, что происходило на последнем пленуме ЦК нашей партии, вам в достаточной степени известно, поэтому я думаю, что нам придется останавливаться только на самых основных, характернейших вопросах, которые сейчас занимают всю нашу партию, весь рабочий класс и, я полагаю, всех тех, кто действительно серьезно работает над созданием социалистического строя в нашей стране.

Вы знаете, товарищи, что последний наш пленум носил в смысле своего содержания чрезвычайный характер. Можно без преувеличения сказать, что он будет иметь в работе нашей партии не меньшее значение, чем, пожалуй, любая очередная партийная конференция.

По существу оно так и было: основной вопрос — о положении нашего хозяйства, стоявший на последнем пленуме, предполагался к обсуждению на очередной партийной конференции, но так как вопросы нашего хозяйственного строительства буквально выпирают из всех щелей нашей повседневной работы, этот вопрос пришлось поставить во всей его полноте на последнем пленуме.

Вы, товарищи, вероятно, согласитесь со мной в том отношении, что наше государство сейчас переживает такую историческую стадию, в которой решение хозяйственных вопросов должно считаться самым основным и

¹ Речь идет о пленуме ЦК ВКП(б) 6—9 апреля 1926 г. *Ред.*

самым главным, и, конечно, с полной серьезностью товарищи осознают ту мысль, что все наше дальнейшее социалистическое строительство будет зависеть от той степени, в какой будет развиваться наше народное хозяйство.

Я не скрою, что в нашей партии, а особенно вне нашей партии, за последние месяцы очень внимательно дебатруется вопрос о том, что наше хозяйство вступило сейчас в полосу чрезвычайно тяжелых затруднений. В общем и целом это мнение, товарищи, правильно. Весь вопрос заключается только в том, какую глубину, какое содержание представляют собою эти затруднения: являются ли они настолько глубокими и серьезными, что возникает угроза — преодолее ли партия эти затруднения, или эти затруднения такого порядка, как все бывшие затруднения, которые мы усилиями партии совместно с вами разрешали более или менее успешно.

Для того чтобы подойти к этому вопросу, необходимо сделать некоторое отклонение, некоторое отступление в небольшую историю этого вопроса.

Вы знаете, товарищи, что к строительству нашего хозяйства мы приступили вплотную сравнительно недавно. Только за последние годы мы получили возможность максимум, почти на все сто процентов, направить наши силы на эту сторону нашей работы. Можно сказать, что более или менее успешно и заметно наше движение пошло вперед с момента перехода к так называемой новой экономической политике. Память у вас моложе моей, и вы должны хорошо помнить, с каким недоверием, я бы сказал, скептицизмом, некоторая часть нашей партии подходила к вопросу о новой экономической политике. Тогда многим из нас казалось, что, несмотря на то, что новая экономическая политика была провозглашена вождем нашей партии товарищем Лениным, все-таки с применением этой новой экономической политики мы идем назад, а не вперед в деле социалистического строительства. Теперь мы уже имеем ряд лет практики новой экономической политики, которые дали нам возможность подытожить достаточно точно, с цифрами в руках, успехи в этой области.

Я не буду загромождать свое сообщение длинным рядом цифр, приведу самые основные, самые общие цифры.

Их, по-моему, необходимо запомнить. Эти цифры следующие. Накануне проведения новой экономической политики наша промышленность достигала примерно 18—20% довоенного уровня. Как вы видите, наша промышленность достигала едва одной пятой того уровня, на котором она пребывала до войны.

Наше сельское хозяйство к тому времени достигало 48%, в лучшем случае 50% довоенного уровня. Вот это обстоятельство, товарищи, необходимо особенно запомнить. Что мы сделали на основе новой экономической политики? В данное время наша промышленность, как вы знаете, достигает почти что довоенного уровня. Мы достигли сейчас 95% того уровня, на котором промышленность находилась в 1913 г.; наше сельское хозяйство достигает 91% довоенного уровня. Еще любопытнее то, что чем дальше мы отходили от первых лет новой экономической политики, тем быстрее развивалось наше хозяйство. Так, например, в прошлом году наша промышленность по сравнению с предыдущим годом продвинулась вперед на целых 64%.

Мы видим прирост рабочих в индустрии за один только последний год почти на полмиллиона человек. Эти цифры говорят о том, что мы действительно проделали громаднейшую работу. В промышленности не хватает 5%, в сельском хозяйстве 9% для того, чтобы сравняться с довоенным временем, т. е. с 1913 годом.

Вы видите, что нет никаких оснований приходить в уныние. Если бы мы и впредь могли двигаться такими шагами, какими двигались до сих пор, — а вы видите, что эти шаги иногда достигали по сравнению с предыдущим годом 65% прироста продукции, — то можно было бы опасаться, что у нас в известный период может начаться даже головокружение от тех успехов, которые мы имели.

Для того чтобы резче оттенить вам то, чего мы сейчас достигли, я сошлюсь на практику западноевропейских стран. Мы все, товарищи, свыклись с тем, что мы страна отсталая, что нам, конечно, далеко равняться с такими высокоразвитыми в техническом отношении странами, как, скажем, Англия, Франция, даже Италия. О Германии говорить не буду, ибо эта страна находится сейчас

в очень серьезном международном ущемлении. Но посмотрите на так называемые великие державы-победительницы (которые вышли из войны победителями) — чего они достигли за время, прошедшее после окончания империалистической войны. Оказывается, что ни одна из этих стран — ни Англия, ни Франция, ни Италия, ни тем более Германия — после разорения, причиненного им во время империалистической войны, до настоящего дня не может восполнить тех потерь, которые они понесли, т. е. они не могут до сих пор подравняться к довоенному уровню. Это звучит парадоксом, это кажется чем-то невероятным. В самом деле — гражданской войны они не переживали, затруднений внешних и внутренних в той степени, в какой испытывали мы, они не знали, и тем не менее, работая в установившихся буржуазных условиях, эти страны, казалось бы, имевшие все объективные условия для скорейшего излечения ран, которые им были нанесены во время войны, не находятся до сих пор в том хозяйственном состоянии, с которым они вступили в войну. Единственная страна, которая перешагнула довоенный уровень на десятки процентов, — Соединенные Штаты Америки. Вы знаете, что эта страна за время войны не столько потеряла, сколько заработала. Для чего я вам это привожу? Для того, чтобы вы действительно убедились, каких колоссальнейших успехов при всех затруднениях, внешних и внутренних, которые мы переживали, сумели мы достигнуть за восемь лет нашей с вами послеоктябрьской работы.

ОЧЕРЕДНАЯ И РЕШАЮЩАЯ ЗАДАЧА — СОЗДАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ

Как развивалось, товарищи, наше хозяйство? С момента введения новой экономической политики нужно считать, что мы пережили две полосы хозяйственного развития.

В первый момент мы под натиском голодовки, под натиском недостатка в продовольственных продуктах большую часть нашего внимания сосредоточили на нашем сельском хозяйстве. Правильна ли была такого рода политика? В то время она была правильна. Каждый

товарищ понимает, что если мы хотим построить социалистическое государство, то, переводя это на другой язык, нужно сказать, что в первую очередь нужно создать высокоразвитую промышленность. Если у нас не будет высокоразвитой промышленности, то ни о каком социализме в нашей стране говорить не придется. Оказывается, однако, что мы начали это дело с восстановления сельского хозяйства. Несмотря на те сомнения, которые были в некоторых частях нашей партии, опыт показал, что мы поступали совершенно правильно: приступая к восстановлению нашей промышленности, нужно было подвести базу под эту промышленность, обеспечить рабочий класс в достаточной степени продовольствием. Для промышленности, развитие которой мы должны были поставить на очередь, необходимо было создать рынок, потому что внешнего рынка перед нами не было. Ввиду этого мы главное внимание сосредоточили на деле восстановления нашего сельского хозяйства. Мы поступили, как видите, совершенно правильно.

Построив базу для промышленности, восстановив сельское хозяйство, мы перешли к другой части работы — ко второму пункту нашей хозяйственной программы — к восстановлению легкой индустрии, т. е. такой, которая изготавливает средства потребления.

Наша легкая индустрия, в частности в Ленинграде, во многих частях перешагнула довоенный уровень. Таким образом, следующая наша задача — это переход к восстановлению и дальнейшему расширению нашей тяжелой индустрии. Это как раз, товарищи, та программа нашей хозяйственной работы, которую нам начертал в свое время вождь нашей партии товарищ Ленин. В самом начале нашей восстановительной работы он говорил:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы»¹.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 33, стр. 388—389. Ред.

Вот та программа, которая была написана в двух словах товарищем Лениным и которая в общем и целом охватывает весь ход той хозяйственной работы, которую мы с вами проделали. И когда мы сейчас прикидываем эту программу к тому положению, которое мы имеем в настоящее время, то выходит, что первые два пункта этой программы мы уже выполнили в достаточной степени и подошли к осуществлению третьего пункта этой программы, т. е. к созданию тяжелой индустрии, той отрасли нашей промышленности, которая должна будет дать нашей стране не предметы потребления, а, как принято выражаться в учебниках политической экономии, «орудия и средства производства».

И когда вы, товарищи, посмотрите постановления XIV съезда нашей партии, вы увидите, что самым основным и самым ударным в этих постановлениях и решениях съезда является как раз тот вопрос, который характеризуется двумя словами: «индустриализация страны», как раз тот самый вопрос, вокруг которого скрестились все разногласия в нашей партии, как раз тот самый вопрос, от того или иного разрешения которого будет зависеть наше дальнейшее социалистическое строительство.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

В чем наша основная задача? Эта задача выражается в организации социалистического общества. Что это значит? Это значит, что нам надо организовать наше промышленное хозяйство так, чтобы оно во всех отношениях превосходило современное капиталистическое хозяйство. Эта задача, если мы соизмерим ее с тем, что мы имеем сейчас в западноевропейских развитых капиталистических странах, представляется как будто бы буквально неосуществимой. Но, товарищи, надо смотреть на вещи совершенно прямо и трезво и надо сказать, что если мы не сумеем этого осуществить, если мы не сумеем поставить свое промышленное хозяйство на такой уровень, чтобы американское хозяйство осталось позади нас, то никакого социализма у нас, конечно, не будет. Это вся-

кий должен понять. Только на основе высокоразвитой техники в нашей промышленности и в нашем хозяйстве можно будет говорить о преобразовании всех сторон нашей государственной, общественной и всякой другой жизни. Это бесспорная истина.

На словах это очень просто, а на деле это такая трудная, такая громадная задача, преодолеть которую несколько не легче, а гораздо труднее, чем преодолеть те затруднения, которые мы имели на наших вооруженных фронтах. И поэтому, когда мы успокаиваем себя мыслью о том, что мы пребываем в мирном состоянии, что над нами не каплет, что мы ведь работаем в мирной обстановке, — это и верно и не верно. Верно это в том отношении, что мы не ведем открытой гражданской войны, но не верно потому, что мы ведем изо дня в день, из ночи в ночь, из часа в час войну на экономическом, на хозяйственном фронте и из этой войны мы должны выйти победителями в полном смысле этого слова, т. е. мы не только должны выволить свою страну из разрухи, должны не только обеспечить страну в смысле восстановления нашего хозяйства, но должны построить такое хозяйство, такую промышленность, которые были бы буквально во всех отношениях выше любого хозяйства, выше любой промышленности современных капиталистических держав. Вот такая задача, товарищи, стоит перед нами. Если это верно, — а я думаю, что этого оспаривать нельзя, — то должно быть верно и другое, а именно, что нам сейчас необходимо перейти к осуществлению того лозунга, который продиктован последним съездом нашей партии — к индустриализации нашей страны. Здесь надо под всю нашу промышленность, под все наше хозяйство мало-помалу подвести новую техническую базу — вот как стоит вопрос, товарищи.

Степень завоевания социалистических начал будет зависеть прямым и непосредственным образом от осуществления этой основной задачи — индустриализации нашей страны. Я думаю, что эта мысль бесспорна. Во всех беседах, указаниях и печатных трудах Ленина она проходит красной нитью. Я думаю, что каждому члену партии и каждому комсомольцу эта истина в достаточной степени ясна и понятна.

Вопрос этот, казалось бы, бесспорный, а если посмотреть на последнюю дискуссию, если разобрать детально, вокруг чего вращалась эта дискуссия, то окажется, что она вращалась вокруг этого вопроса. Когда мы начинаем рассуждать вообще о новой технике, об индустрии, то все кажется бесспорным — ни один член партии не может возразить против этого, ибо это очевидно, бесспорно, ибо это аксиома, но когда подходим к вопросу, как нам дело делать, то тут начинаются разговорчики. Вот вокруг этого вопроса и началась тревога — не теперь, а еще до съезда нашей партии. Вы помните, что раздались разговорчик, что хозяйственное дело зашаталось, что мы переживаем громадный кризис в смысле недостатка товаров, что ощущается недостаток в товарах в деревне, и т. д. Это заставило ЦК нашей партии не отодвигать вопрос о нашем хозяйстве до очередной партконференции, а поставить его на апрельском пленуме нашей партии. Вопрос этот не терпел никакого отлагательства, ибо вокруг хозяйственных затруднений, которые мы, несомненно, переживали и которые мы переживаем до сих пор, стали насаиваться небольшевистские взгляды, были такие колебания и разговоры, что кое-кому казалось, будто мы скатываемся на другие рельсы. Нужно было под этот вопрос, который рассматривался на съезде, подвести практическую программу, чтобы уяснить, как поступать сегодня, завтра и т. д.

РЕОРГАНИЗОВАТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ОСНОВЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ

В чем выражались и выражаются наши затруднения? Основное затруднение, которое мы переживаем, которое имеет место еще и сейчас, лежит в области нашей промышленности: соотношение между промышленностью и сельским хозяйством у нас таково, что мы сейчас не можем удовлетворить в достаточной степени всего того спроса, который предъявляет нам крестьянское хозяйство. Есть, конечно, много причин так называемого субъективного порядка, т. е. такого порядка, который целиком зависит от нас с вами. Здесь целый ряд недочетов, здесь неумение работать, неумение торговать, неумение изготов-

лять хорошую продукцию, вообще миллионы всяких других причин. Все это есть, и все это правильно, но все-таки самое основное — это, как у нас принято выражаться высоким стилем, — диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. Эта диспропорция практически, в обыденной жизни, выражается в том, что у нас продуктов промышленности меньше, чем спрос на эти продукты. Спрос превышает имеющееся количество промышленных продуктов. Отсюда получаются все те основные неувязки, которые мы сейчас имеем. Вот это — самое главное, это — самое отрицательное в нашем хозяйственном положении.

Для того чтобы мы могли полностью осуществить нужное соотношение промышленности и сельского хозяйства, нам необходимо реорганизовать всю нашу промышленную технику таким образом, чтобы она давала максимум продукции. А спрос на продукцию промышленности растет. Крестьянское хозяйство поднимается, рабочий класс также крепнет, потребности у него растут, растет и спрос на всякую продукцию. Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к этому вопросу, нам надо начать создавать внутри нашей страны такие очаги, которые позволили бы нам реорганизовать нашу промышленность на новых началах. Что для этого необходимо? Для этого необходимо построить такие заводы, которые дали бы нам возможность своими собственными руками, своими собственными силами и средствами изготовлять машины, станки и все прочее, что необходимо для легкой индустрии, для крестьянского хозяйства и т. д.

Вот, товарищи, так стоит вопрос и только так могут быть разрешены все те основные затруднения в области нашей промышленности, которые имеют у нас место в данный момент. Вот отсюда, когда вы поймете, как много нам нужно сделать для того, чтобы перевести все наше дело на новые рельсы, вы увидите, почему у нас в свое время в партии получилось такое недоверие к возможности выкарабкаться из того положения, в каком мы сейчас находимся, почему получилось недоверие к тому, что мы сами без всякой посторонней помощи сумеем справиться с этим делом.

Следом за этим у нас встает вопрос о том, каким образом мы можем это сделать. А сделать, товарищи, надо очень много, еще раз повторяю, как в общесоюзном масштабе, так, быть может, чуть ли не в первую очередь у нас здесь, в Ленинграде. Если мы берем курс, — а мы его берем, — на индустриализацию нашей страны, нам надо на всех тех центрах, где сосредоточена тяжелая индустрия, — а Ленинград занимает первое место в нашем Союзе в этом отношении, — нам надо сосредоточивать максимум работы.

Мы здесь уже подошли к такому состоянию, что, например, в легкой индустрии у нас использован основной капитал, который имелся в нашем распоряжении, примерно на 95%; имеется запасец всего в 5%. Мы его используем, но наше дело должно застопориться, если пойдем дальше так, как шли раньше. В тяжелой индустрии мы использовали 75% возможностей, которые имеются; остается небольшое звено, которое нам надо еще так или иначе использовать, а дальше пужно ставить дело на новые рельсы.

Это значит, товарищи, что если мы, например, подойдем к Путиловскому заводу, то нужно будет делать то, что частично и делается: нужно реорганизовать мастерские, нужно устанавливать новые станки и машины — короче говоря, нужно ставить дело на совершенно иные рельсы; а то в некоторых мастерских, куда вы заходите, днем — ночь и ночью — почь, там еще такая темень, которая пахнет десятилетиями прошлого времени. На основе старой техники поднимать индустрию не представляется никакой возможности, нужно дело реорганизовать.

МЫ ИМЕЕМ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ УСПЕШНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Как это сделать, откуда почерпнуть необходимые средства и все остальное, что для этого нужно? Тут, конечно, ждать, что откуда-то на нас что-то свалится, что кто-то нам что-то подарит, не приходится — вы ведь прекрасно все в этом разбираетесь. Единственный источник, на который можно рассчитывать, — это источники нашей собственной страны. Есть ли у нас какие-нибудь

источники? Несомненно, есть. Уже один тот факт, что мы хозяева всех тех благ, которые имеются в нашей громадной, 150-миллионной стране, раскинутой на одной шестой части земного шара, хозяева колоссальнейших природных богатств, которых не имеет, безусловно, ни одна современная держава, уже одно то, что все это находится сейчас в наших рабоче-крестьянских руках, показывает, что это может и должно быть повернуто только в сторону производительного использования. Уже одно это дает материальную базу для того, чтобы мы на этой основе могли совершить эту новую промышленную революцию. Далее, в наших руках имеются не только материальные блага, но в наших руках имеются и государственные рычаги, а государственные рычаги измеряются не только количеством милиционеров, имеющих в данной стране, — они измеряются и целым рядом других аппаратов, которые для государства и для государственного строительства имеют колоссальное значение. Возьмем такие организации, как банки. Банки, товарищи, — вещь почтенная и полезная, нужно только их повернуть должным образом. Если банки находятся в руках государства, в руках рабочих, то при помощи этих банков при настоящей организации дела можно повернуть хозяйство так, что все средства, которые имеются не только у нас с вами, но которые имеются и в руках частного капитала, можно в значительной степени оборачивать на дело социалистического строительства. Путем банков можно громадные миллионы, которые имеются в нашем крестьянском хозяйстве, также поворачивать на дело нашего социалистического строительства. Словом, в наших руках имеется ряд могущественнейших возможностей, при помощи которых можно все имеющееся в стране направлять по совершенно определенному руслу, централизовать и целесообразно затем направлять это по расходящимся ручейкам, которые дадут возможность оживлять и реорганизовывать наше промышленное хозяйство.

Буржуазия, в частности английская, действует иначе, у нее дело обстоит проще. Если у них происходят какие-нибудь материальные затруднения в том или другом звене государственной машины, то они измысливают какую-нибудь авантюру: зажмут Индию, зажмут Китай. Ведь

независимо от того, белый ли это народ, желтый ли он, из него можно выжимать при известной настойчивости достаточно серьезные ресурсы. Мы к такого рода нажиму прибегать не можем. Можно было бы похлопотать относительно займов. Всякая страна, кроме нас с вами, живет и работает в значительной степени за счет всяких займов. Даже Ротшильд, богатейший человек в мире, без кредита не обходится. Ни одно самое богатое государство без кредита не обходится. Только мы, единственная страна, лишены возможности работать с займами. В газетах часто мелькают сообщения о том, что там-то ведутся разговоры о займах. Разговоры-то мы ведем — народ мы вообще разговорчивый и за словом в карман не лезем, благо за 8 с лишком лет революции нам уже приходилось разговаривать на всех языках, со всеми народами и со всеми расами, но все-таки до сих пор мы выговорили всего-навсего полтораста миллионов взаймы, и то у кого? — у немцев, которые сами, с позволения сказать, чуть ли не на ладан дышат в хозяйственном отношении, но от своей скудости они дали нам (и то о процентах до сих пор не договорились) 150 миллионов. Что же касается всех остальных держав, всех остальных народов, то тут дело обстоит из рук вон плохо.

Но допустим, товарищи, невозможное; допустим, что с завтрашнего дня все капиталисты под влиянием наших благих намерений в деле устройства социалистического государства прониклись бы такими добродетелями, что открыли бы перед нами свои кошельки: занимай сколько хочешь, а мы разослали бы своих гонцов во все концы света — с участием комсомола даже — и назанимали бы направо и налево. Конечно, на занятые деньги мы бы сумели сделать очень много, но вы понимаете, что деньги даром не даются. Деньги даются под известный процент, и чем больше ты занял, тем больше, конечно, ты платишь процентов, тем больше ты закабаляешься. Если хорошо нахватал, то приходится платить такой процент, от которого ты задохнешься. Тогда перед нами встает дилемма: не то проценты платить, не то индустрию строить. Так что мы не прочь брать в меру, но рассчитывать на рационализацию нашей промышленности, на развертывание у нас индустрии за счет внешних займов — это дело вред-

ное и безнадежное, это кабала, а не индустриализация страны.

Значит, единственный выход, самый верный, самый надежный — собственный коммунистический карман. Когда мы говорим об этом вслух, — а мы говорим об этом вслух, печатаем в газетах, — то зубоскалы, которые, к великому сожалению, в природе еще остались, которые имеются среди русских эмигрантов, болтающихся за границей, вроде Милюкова, эсеров, меньшевиков, читая это, надрыдают животики и говорят: «Какие молодцы! Ходят без штанов, а говорят, что за свои собственные средства поставят такую индустрию, на которую Форд американский будет смотреть с завистью». Действительно, выходит, что это как будто бы немного смешновато. Они говорят, что это — очередное большевистское очковительство, что люди зашли в тупик, дальше ехать некуда. Враги говорят, что это — очередное пускание пыли, на что большевики большие мастера, что рабочие-де им поверили, что, кстати, это дает возможность не повышать заработную плату, потому что, мол, поднимают индустрию, что это дает возможность увеличить и налоги, налагаемые на крестьян, потому что раз завтра мы дадим американскую технику, то почему сегодня не заплатить лишних 50 тысяч рублей. Есть и среди нас такие «товарищи», которые звонят: паровоз подошел к последней станции — стоп, дальше ехать некуда!

Конечно, можно посмеяться над всякой мыслью, но я думаю, что достаточно посмотреть серьезно, чем мы на самом деле располагаем, чтобы каждому грамотному человеку стало ясно, что можно увеличить собственные средства и осилить это дело собственными силами. Я приведу в пример такую страну, как Соединенные Штаты Америки. Этой страной стоит поинтересоваться: она интересна нам не только потому, что там есть сногшибательные миллиардеры, а потому, что это единственная страна, которая главным образом и преимущественно живет своим собственным рынком, своими собственными внутренними ресурсами. Английские лорды страдают теперь главным образом потому, что все хозяйство у них построено на вывозе, в частности на вывозе угля, на тех угольках, которые так горячо разгорелись и которые

потихоньку поджаривают лордов. В Америке такого положения нет и не может быть, потому что в смысле самостоятельности Америка — единственная в своем роде страна: громадная территория, громадные внутренние богатства, которые дают возможность поворачивать дело как угодно.

Если поковырять на нашей грешной советской земле как следует, вооружившись наукой, конечно, не эксплуататорской, не капиталистической, а трудовой наукой, то можно найти величайшие богатства. Если принять во внимание, что эти богатства находятся в наших с вами руках, в руках трудящегося народа, то можно совершить колоссальные дела. Это можно не только мыслить теоретически, но все это можно осуществить на практике при известной выдержке, напористости, нажмем.

Вот на этом, товарищи, и построены те решения, которые вынесены нашим последним пленумом в развитие решений XIV съезда нашей партии. Я думаю, что эти решения целиком и полностью должны будут оправдаться нашей жизнью. Если мы, действительно, сумеем воспринять эти решения так, как их надо воспринять, разжевать их так, чтобы в каждую, даже пионерскую, печеньку эти решения залезли соответствующим образом, мы сумеем продвинуть это дело. Но надо помнить одно, надо помнить, что это — дело трудное, что это — дело тяжелое, что мы на этом деле набьем шишек сколько угодно.

Что значит построить индустрию? Это значит использовать основной капитал, доставшийся нам от капиталистов, и создавать новый основной капитал на новых началах. Возьму, к примеру, Путиловский завод. Я на днях справлялся, во что оценивается Путиловский завод. Я получил справку, что Путиловский завод оценивается в 45—46 миллионов золотых рублей. Вот и подумайте, почесав в комсомольском затылке, сколько десятков миллионов рублей надо для того, чтобы построить такие новые заводы. Возьмем текстильную фабрику; казалось бы, не такое уж сложное дело, а чтобы построить даже скромненькую фабрику, с небольшим числом рабочих, но которая отвечала бы последнему слову техники, надо миллиончиков 7—8—10. Это в достаточной степени говорит о том, как много надо поработать в этом смысле.

Мы все-таки думаем, что мы не напрасно поставили эту задачу. Она не упала нам как снег на голову, мы подошли к ней в процессе нашей хозяйственной работы.

И вот теперь, ставя перед собой эту задачу, мы говорим: первое, что нам надо сделать, — это поставить по-настоящему накопление средств внутри нашей страны. Это не значит, что, разойдясь с сегодняшнего собрания, вы должны откладывать в кубышку по копейке. Не об этом речь идет, а речь идет о государственном накоплении, речь идет о том, что надо стараться организовать наше хозяйство таким образом, чтобы по возможности все сто процентов ресурсов, стекаясь по разным каналам, сосредоточивались в нашем государственном кошельке. Тут должны быть не только одни «казенные» деньги, выражаясь по-старому: они всегда у нас, а надо привлекать и напманские капиталы, и крестьянские капиталы, и страховые капиталы, привлекать через банки, всякими другими путями и все это накапливать в общей государственной кружке. Для чего нам нужно это накопление? Во-первых, для того, чтобы производить обновление старого основного капитала, заменить его новым основным капиталом, более стойким в техническом отношении, и во-вторых, необходимо наряду с этим создать некоторые резервы, некоторые страховые суммы во всех областях нашей жизни, нашей государственной, хозяйственной и всякой другой работы.

СДЕЛАТЬ НАШ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АППАРАТ ПРОЩЕ, ДЕШЕВЛЕ, ДОСТУПНЕЕ

Вот отсюда, товарищи, и возникает тот модный вопрос, который сейчас фигурирует везде и всюду, а именно режим экономии. Ну, о нем, я думаю, вам говорилось достаточно много, достаточно подробно, каждый это понимает, и я о нем говорить не буду, я только хотел бы сказать одно. У нас режим экономии понимается недостаточно хорошо. Часто товарищи понимают режим экономии как работу, которая дает непосредственно копеечку. Скажем, на заводе нужно произвести какой-нибудь расход. И вот смотрят, нельзя ли тут сэкономить. Конечно, это правильно, но, товарищи, режим экономии надо

понимать гораздо шире. Вы меня уж извините за те горячие слова, которые я скажу дальше. Под режим экономии, безусловно, надо подвести, — а по-моему, об этом мало говорят и пишут, — борьбу со всем этим проклятым бюрократизмом. Мы это дело приняли как будто бы к исполнению, но что мы его не исполнили — в этом нет сомнения; что мы эти заветы не выполнили — об этом никто спорить не имеет права. Чему учил Ленин? Прочитайте его огненные слова, они должны обжигать совесть каждого коммуниста. Он говорил, что наше пролетарское государство надо организовать так, чтобы весь аппарат был как можно более дешев, как можно более прост, как можно более доступен для всякого трудящегося. Вот три основные требования, которые он предъявляет к нашему государству.

Разберем по совести, что представляем мы собой, что представляет собой вся наша государственная машина: правительственный аппарат, хозяйственный и пр., которые у нас имеются. Если говорить по совести, — а тут мы люди свои и втирать очки друг другу нет необходимости, — то пужно сказать прямо: наше несчастье, наше коммунистическое несчастье, особенно ответственных людей, заключается в том, что мы перестали чувствовать ту государственную сложную бюрократическую машину, которую мы вырастили за 8 лет. И действительно, когда попадаешь в среду не совсем подходящую, то в первый день чувствуешь себя несколько пеловко, но проходит неделя, месяц, смотришь — попривык и думаешь, что так и должно быть. Вот и теперь мы думаем, что так и должно быть, а давайте сделаем для опыта такую махинацию: возьмем любого из нас, скажем, меня, почтенного человека, обратим в беспартийное состояние, сделаем просто гражданином, дадим в руки какую-нибудь бумагу, ходатайство по какому-нибудь законному делу, по самому простому вопросу, и скажем ему: «Иди и ходатайствуй». И вот, товарищи, я ручаюсь своей головой, что Амундсен, вылетевший вчера на Северный полюс, скорее откроет полюс, который он обещал найти, найдет и благополучно вернется, чем мы добьемся толку с этой бумагой. (Смех.) Это факт, подлинный факт, и над этим следует подумать — и вот почему: у нас членов партии — мил-

лион, комсомольцев — 2 миллиона, в общем семья в 3 миллиона, а всего у нас народу живет 150 миллионов. Построить социалистическое государство мы, 3 миллиона, не сможем, нам нужно включить в эту государственную работу всю эту громаду, без этого никакого социализма и коммунизма нам не увидеть, это вы знаете из того, что писал Ильич. Это верно, а раз это верно, то верно и другое. Когда кто-нибудь из вас, комсомольцев, носящих значок ВЛКСМ, приходит в учреждение, к совбарышне, то она, увидев, что это — комсомолец или комсомолка, иначе к вам относится, разговор другой, маленько вас боится: «Это такой народ, с которым только свяжись — греха не обобратиться». Если приходит партийный человек, скажем, я — почтенная особа, секретарь губкома, то дело идет еще лучше на лад — все стоят, руки по швам, в два счета можно добиться чего угодно, а когда приходит гражданин, советский работник, служащий, но беспартийный, то он будет ходить из лабиринта в лабиринт, не поймет, куда и идти. Мы расплодили столько этажей, столько учреждений, что очень сложно разобраться, куда надо по какому делу ходить, и получается бесконечное хождение. Я даже рассказываю вам еще не все. Мы испытали это на своей собственной шкуре: если у нас дело не вышло, мы сейчас же в райком, поставим дело так, что только держись, по совести говоря, так бывает. А куда пойдет гражданин? В лучшем случае он вернется, выйдет из учреждения, подойдет к дежурному милиционеру и спросит: «Не знаешь ли, дескать, куда пойти в такой-то трест, в такой-то главк?» и пр. Походит, походит, плюнет и скажет: да ну вас ко всем чертям. О чем это говорит? Это говорит о том, что наша машина, наш аппарат слишком тяжел, слишком сложен, слишком малодоступен.

Какое отношение это имеет к режиму экономии? Самое непосредственное и нисколько не меньшее, а может быть и большее, чем простое сбережение копеечки. Потому что аппарат очень сложный, работает очень медленно, колеса вертятся страшно тяжело, скрипят — и смазал бы, да не найдешь, где скрипят, где надо смазать, потому что столько деталей, подшипник на подшипнике, и какого механика ни посади, все равно ничего не выйдет до тех

пор, пока мы не упростим эту машину. Чтобы вы отчетливо поняли, я приведу вам пример из области промышленной практики и на этом примере покажу, к чему приводит эта бюрократическая система.

Я был на пленуме Московско-Нарвского райкома и слышал там, что на «Треугольнике» отчетность измеряется 28 пудами бумаги. Вот теперь и дайте самому бойкому из вас, даже целой комиссии, эти 28 пудов. Попробуйте поднять их — тяжело, а как разобраться, что написано в этих 28 пудах? Ведь это все надо прочитать. Очень ошибаются те, кто говорят, будто все равно эти отчеты никто не читает. Если бы не читали, я бы сказал: ну, пропали 28 пудов бумаги. Но в том-то и дело, что читают, в этом-то весь вопрос. Там все размежевано: здесь калоши, здесь шины, здесь то-то, здесь это. И все это будет сосчитано. Будут эти чудаки сидеть над сче-тами, будут все высчитывать, выкладывать. И пусть бы они считали, и на это можно согласиться, но ведь они считают и наш хлеб кушают и наши советские ставочки глотают, да еще и по приличному разряду, да еще и всякие другие требования предъявляют. И пока они все это высчитывают, пока они эти ставочки используют, да пока эти 28 пудов придут с выводами обратно на «Треугольник», оказывается, что все это сделано впустую. Вот это и есть бюрократизм, самый безобразный, самый беспабашный, самый отчаянный бюрократизм. Спросите любого хозяйственника, как он ходит с разными своими проектами, с разными своими планами по плановым органам и как они там проводятся. Действительно, иной раз легче достать снежок будущей зимы, чем получить вовремя утверждение планов и ходатайств.

Когда мы говорим о режиме экономии, надо расширять это понятие и надо сюда включать и борьбу с этим проклятым бюрократизмом. Ведь здесь и время даром теряем, и людей лишних держим, и хлеб они наш зря едят, а в результате все делается так, чтобы так или иначе затормозить, осложнить работу нашего хозяйственного восстановления. Разбух наш аппарат, слишком много всяческих надстроек. Он еще насчитывает только 9-й год своего существования, еще пионером должен был бы быть

(если перевести на наш язык), а на самом деле это уже старик. Сейчас полезно сосредоточить все внимание на практической и научной мысли, на том, чтобы омолодить наш государственный аппарат, — вот задача, которая стоит перед нами самым неотложным образом. (Аплодменты.)

Не буду приводить примеры тому, что могла бы дать борьба за экономию в другом отношении, в смысле бережливого обращения с копейкой, правильного направления и употребления этой копейки и т. д. и т. п. Этих примеров вы заслушали, они ходят как анекдоты. Не везет, например, «Треугольнику»: во вчерашней или сегодняшней «Правде» появилось сообщение о накладных и других непроизводительных затратах. Там есть механик или мастер — приведена его фамилия. Механик этот служит на «Треугольнике», а 470 дней числился в командировке — вот какие штуки у нас бывают. Когда стали разбирать это дело, то оказалось, что он был в командировке в Москве, что-то там собирал, но во всяком случае это стоило государству 5 тысяч рублей. О таких случаях вы можете прочесть в любой газете.

Теперь подходим к тому, чтобы это дело борьбы за режим экономии оформлять и обобщать. Например, в Ленинграде, когда мы подводим итог возможного сокращения всяких расходов в наших трестах, трестовских управлениях, не касаясь заводов (я беру эти данные из сведений Промбюро), то оказывается, что они могут дать в год около 2—2½ миллионов рублей чистеньких, а когда мы всерьез захотим провести режим экономии, то, как утверждают, мы можем сэкономить, как одну копейку, 10 миллионов рублей. Что значит экономия в 10 миллионов рублей в нашей ленинградской практике? Это значит разрешить в этом году основной вопрос в области ленинградской промышленности, который мы не можем разрешить до сих пор из-за отсутствия средств. У нас была составлена программа по новому строительству, по восстановлению и изысканию новых средств. На это дело не хватает 20 миллионов рублей с лишним. Вот если мы сможем сэкономить 10 миллионов в год, то, принимая во внимание, что наш капитал в промышленности оборачивается два раза с лишним, у нас получается

20 миллионов рублей с лишним. Что это значит? Это значит, что нам нужно пошевелиться, порастрасти кое-кого в Ленинграде, чтобы сэкономить 20 миллионов рублей для промышленности. Мы можем найти их в Ленинграде, и мы можем их найти, коснувшись только наших правлений трестов, не касаясь даже ниже стоящих аппаратов и организаций. А если мы просмотрим все организации в области промышленного хозяйства и все советские аппараты и пр., то вы должны согласиться, что мы сумеем тут сберечь громадные средства.

Я думаю, товарищи, что вы согласитесь со мной, что если в этой области нужно проводить большую работу, то нужно большую работу проводить и в области борьбы с излишествами. Не будем каяться, но грехов здесь хоть отбавляй. Дайте какого угодно исповедника, а этих прехов он отпустить не сумеет. Нужно подходить к этому делу вплотную и выжигать безобразия самым решительным образом. У нас наблюдаются позорные явления — казпокрадство, хищения, воровство, растраты, расточительность. Это дело приобрело такие права гражданства, что куда ни кишь — везде на эти дела натыкаешься. Вы знаете, как это дело поставлено у хозяйственников, но мы уж на чужих не будем пенять. В комсомоле у нас это тоже есть, в профсоюзах у нас это имеется, в партии у нас это тоже налицо. И что еще, товарищи, опасно, так это то, что мы так привыкли к расточительству, к растратам и воровству, что начинаем смотреть на это дело спустя рукава. Мне пришлось делать доклад недалеко отсюда, в Пскове. Я говорил о том, что нам необходимо бороться с растратами самым беспощадным образом. Люди, конечно, соглашались, как всегда. В этом вопросе у нас, как будто, разногласий нет. Но после меня выступил губернский прокурор, конечно, член нашей партии, и говорит: «Киров, конечно, прав, что с растратами надо бороться, но только он забывает одно, что в нашем советском законодательстве растрата — это есть такое понятие, что надо доказать, что человек растратил государственные деньги со злым умыслом. Если это будет доказано, то его за эту штуку можно расстрелять, а уж изолацию можно прилепить какую угодно. Но ежели злость умысла не доказана, то это выходит как упущение,

и тогда, принимая во внимание пролетарское происхождение, комсомольский стаж и все такое прочее, полагается ему выговор, перевод на менее ответственную работу и т. д.». Я на это ответил на том же самом собрании, что если перевести это не на юридический язык, а на наш простой человеческий язык, то получится такая вещь: если я завтра пропью губкомовские деньги, то вы должны будете доказать, что я это сделал со злым умыслом, обозлился на 40-градусную — дай-ка я тебе покажу с губкомовскими-то деньгами. И если вы не докажете злого умысла, я скажу: шел я с губкомовскими деньгами, комсомольцы встретились, ребята хорошие, пошли и выпили, — то, «принимая во внимание мое губкомовское происхождение и все прочее...» (Смех.) Это не так смешно, товарищи, как грустно. Это говорит о том, что даже наши советские законодатели не могут иначе мыслить. Если гибнут кровные советские, рабоче-крестьянские миллионы, то надо доказать, что тут злой умысел, что тут контрреволюция, а если не доказал, — то и взятки гладки.

Если вспомните то, что я говорил с самого начала, то вы должны будете со мной согласиться, что, кончивши гражданскую войну на вооруженном фронте, мы не кончили еще войны за завоевание социализма в нашей стране. Мы эту войну ведем на хозяйственном фронте. Как поступают с красноармейцем, если он в боевой обстановке покидает фронт? Его за это расстреливают, не спрашивая, почему он покидает боевой фронт. Когда этот же красноармеец расхищает в период гражданской войны военное достояние, что ему за это бывает? Если, скажем, исчезли патроны, которыми уничтожаются враги Советской власти, что ему за это делают? Его предают за это военно-полевому суду. Когда мы ведем сейчас войну на фронте восстановления нашего хозяйства и когда здесь глотают, расхищают миллионы, что это такое? Иначе как изменой социализму это назвать нельзя. Если говорить по-настоящему, говорить по-большевистски, по-коммунистически, иначе это квалифицировать нельзя. Вслед за пленумом и Центральный Комитет всячески нажимает на эту сторону дела и заставляет нас мобилизовать все свое внимание и сосредоточить все силы вокруг этого вопроса.

Я думаю, что изложенного мною для вас достаточно, чтобы понять, что мы поставили перед собой задачу, безусловно, разрешимую. Объективные условия, чтобы разрешить эту задачу, перед нами налицо, и все будет зависеть лишь от того, насколько мы с вами сумеем эту задачу воспринять так, как это подобает воспринять ленинцу, большевику, комсомольцу, а все остальные условия есть, несмотря на все трудности, которые стоят перед нами. Если мы сумеем мобилизовать все общественное мнение — и партийных и советских учреждений и т. д. — вокруг всех тех вопросов, которые я поставил, то, несомненно, мы эту задачу сумеем разрешить.

РОЛЬ КОМСОМОЛА НА ФРОНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Я не хочу говорить вам комплименты, но должен сказать (это мой личный взгляд), что комсомол может сыграть тут гораздо большую роль, чем кто-либо другой, и вот почему: у вас есть большое желание, у вас есть большие возможности, у вас есть большая восприимчивость, большая чуткость, большая энергия, большой пыл; а здесь нужно все приложить: здесь нужен и холодный рассудок, здесь нужна и выдержка, здесь нужен и темперамент, здесь нужен революционный пыл, иначе эту задачу не выполнить, иначе вопрос, который стоит перед нами, не разрешить.

Может ли комсомол проявить себя так, как он хотел бы? Я думаю, что может. Сейчас у нас в Ленинграде не только комсомольцев, но молодежи вашего возраста (это шире, чем брать только комсомольцев) имеется от 20 до 25% всего населения, а это — большое количество, это — величайшая сила. Это самый подвижный, самый бойкий, самый восприимчивый элемент; это такая сила, которая может совершить величайшее дело. И вот здесь, по моему мнению, вам необходимо развернуть отнюдь не меньшую, а большую работу, чем та, которую развертывает наша партия. Прежде всего, вы знаете, что в деле строительства социализма, помимо всего, что я говорил (что является нашей общей задачей), нам необходимо выращивать, воспитывать командиров социалистического хозяй-

ства, социалистической работы. Где мы главным образом и преимущественно будем их черпать? От вас. Эта работа рассчитана, конечно, не на сегодняшний день, не на ближайшие месяцы, а, как это видно из того, что я вам цитировал из Ленина, понадобятся годы, пока мы создадим тяжелую индустрию. Через эти годы вы, все ваше поколение, будете взрослыми людьми. Вы должны будете выполнять основную задачу, которая начертана перед нами. То поколение, которое подходит к разрешению этого вопроса, наметит программу, приступит к черновой работе, а самая главная работа, самое большое содержание работы падают на вашу голову. Тут необходимо от взаимных комплиментов перейти к тому, чтобы дать вам самый главный, боевой лозунг — лозунг усиления вашей учебы, учебы не в общем смысле, а производственной учебы: фабрично-заводского ученичества, бригадного ученичества, всех других видов ученичества. Вы должны проявить здесь максимум напористости и настойчивости, ибо нет другой возможности стать вам действительно красными командирами нашей промышленности, а ведь отсюда, из ваших рядов мы будем брать этих командиров.

Следующее учреждение, мимо которого вам проходить пельзя, в которое вы должны вдохнуть новую душу, — это, товарищи, производственные совещания. Мы знаем все отрицательные стороны этой работы, знаем неправильный взгляд хозяйственников на эту работу. Все это надо перевернуть. Речь идет о том, чтобы вовлечь в это дело комсомольцев, вовлечь самым настоящим образом.

Дальше, товарищи, вы знаете, что мы должны вести город рука об руку с деревней. Только на основе индустриализации мы сумеем действительно, не только на словах, а и на деле хозяйственно, экономически укрепить союз рабочих и крестьян. Я ведь вам много говорил о том, что мы сможем удовлетворить потребности крестьянства только в том случае, если мы поднимем индустрию. И вы, как проводники индустрии, должны быть самой настоящей, самой прочной связью с деревней, вы должны быть основным цементом, скрепляющим этот союз.

И, наконец, товарищи, нам необходимо иметь в виду всю ту обстановку, в которой мы сейчас находимся, когда мы должны десять раз взвесить, прежде чем

израсходовать каждую копейку. Это должно отозваться и на вашей комсомольской работе. Вы также должны проявить величайшую бережливость, не в личном отношении, конечно, а в той организации в целом, которая именуется Коммунистическим союзом молодежи. Все отрасли вашей работы, так же как и нашей, партийной, надо рассматривать с точки зрения бережливости, экономии, чтобы каждая копейка давала новую советскую копейку.

И, наконец, в заключение, товарищи, я хотел бы вам сказать еще о том, что вам надо добиться во что бы то ни стало того, чтобы сделаться образцом строителей новых фабрик и новых заводов. Молодой рабочий должен явиться застрельщиком в этом деле. Вот если бы нам удалось осуществить эту задачу, — а нечего греха таить, мы еще от этого далеко, — то мы гораздо легче и гораздо скорее разрешили бы и все другие стоящие перед нами задачи.

Я пробовал собрать цифры относительно отрицательных сторон работы взрослых рабочих и молодого поколения. Тут трудно сказать, кто кого обгоняет. Возьмем прогулы, которые очень больно отзываются на наших фабриках и заводах, и тут надо прямо сказать, что трудно разобраться, кто кого обгоняет — старики ли молодняк или молодняк стариков. В одном случае одни обгоняют других, в другом случае наоборот, но в общем друг от друга недалеко уходят. Надо воспитывать комсомольцев так, чтобы там черпать кадры новых красных командиров в области нашего хозяйства. Надо сделать комсомольца действительно передовым рабочим на фабрике и заводе. Если мы этого не сделаем, я скажу прямо, мы поставим под большую угрозу всю нашу дальнейшую работу. Если мы не найдем средств и возможности поставить воспитание комсомола таким образом, чтобы на фабриках и заводах они служили образцом, то дело социализма окажется под большой угрозой. Это надо понять, и поэтому все те вопросы, которые вытекают из решений апрельского пленума, должны быть восприняты каждым членом партии, каждым комсомольцем, каждым рабочим как вопросы жизни и смерти нашего социалистического государства в буквальном смысле этого слова. В этом нет ни малейшего сомнения, ибо неуспех в области индустрии

стриализации означает неуспех в области строительства социализма.

Второе, что отсюда вытекает. Если наше молодое поколение, которое выросло в период, последовавший за революцией, в период, который сейчас ознаменовывается решающим поворотом в организации социалистического хозяйства, если эти молодые кадры всеми ста процентами своих способностей и возможностей не воспримут стоящих перед нами задач, если они не воспримут всей важности максимального разрешения этих задач, то мы с вами товарищи, социализма не построим.

Наконец, товарищи, последнее, самое главное, самое верховное, самое основное — единство наших собственных рядов. Я сказал вам, что социализм не построишь только руками коммунистов и комсомольцев, — социализм можно построить только руками всех трудящихся; это вы прекрасно знаете, но это можно сделать только при одном непременном условии — при единстве наших рядов. Если ряды коммунистов и комсомольцев, авангарда всех трудящихся, под влиянием того или другого дрогнут, если пошатнутся наши собственные ряды, тогда и среди десятков миллионов трудящихся, строящих социализм, начнется разброд. Для того чтобы успешно строить социализм, чтобы действительно осуществлять индустриализацию нашей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, нам в нашей коммунистической, комсомольской семье необходимо приложить все усилия, как мы это делали до сих пор и как завещал Ленин, приложить все силы к тому, чтобы ряды нашей партии были действительно железными, чтобы наше сознание было стальным в твердом проведении ленинских заветов. Если мы это выполним, мы индустрию построим, социализм организуем. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 153—175.*

СТРОИТЬ ЗДАНИЕ СОЦИАЛИЗМА, НЕУСТАННО КРЕПИТЬ ОБОРОНУ СТРАНЫ

*Речь на торжественном заседании пленума
Ленинградского губисполкома, посвященном проходам
красноармейцев и краснофлотцев отпускников
13 сентября 1926 г.*

КРАСНАЯ АРМИЯ ЗНАЕТ, ЗА ЧТО ОНА БОРЕТСЯ

Товарищи! Вы закончили двухгодичную учебу. Два года — сам по себе период времени небольшой, но в жизни нашей революционной страны это такой промежуток времени, который оставляет и не может не оставлять глубокий след в истории рабочих и крестьян нашего Союза. За эти два года каждый из вас проделал огромную работу. За эти два года Советская власть и наша партия поставили перед собой задачу сделать из вас, собравшихся из сел, деревень, с фабрик и заводов, прежде всего, граждан-воинов в полном смысле этого слова.

Я думаю, что за эти два года не осталось ни одного из вас, кто бы не отдавал себе теперь совершенно ясного и точного отчета о том государстве, сыновьями которого вы являетесь. За эти два года вы приобрели те необходимые политические знания, которые сделали из вас совершенно сознательных граждан нашей страны. За эти два года вы прошли сложное военное обучение, которое сделало из вас стойких, выдержанных, твердых и подготовленных бойцов за рабоче-крестьянское дело.

Давно, товарищи, одним королем было сказано, что, если бы каждый солдат понимал, за что он воюет, на свете не было бы войн. Ни одно из правительств, говорил он, не могло бы тогда толкать свои армии на пролитие широких рек человеческой крови. Но есть одно правительство, есть одна страна, которая не спилась этому королю, — здесь и страна и армия построены на совершенно иных началах:

каждый воин здесь только тогда становится воином, когда он полностью узнает, за что он дерется, за что он должен отдать все, чем он располагает. Эта страна, товарищи, наш Советский Союз, это наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Можно без преувеличения сказать, что сильна наша Красная Армия прежде всего своим политическим сознанием, прежде всего тем, что каждый красноармеец, каждый воин нашей страны знает, должен знать, обязан знать, чему он служит и во имя чего он служит. И именно поэтому, невзирая на относительную малочисленность нашей армии, невзирая на то, что мы со всех сторон окружены врагами, невзирая на то, что все еще продолжаются попытки наших врагов всячески затормозить мирную жизнь нашей страны, несмотря на нашу общую культурную и техническую отсталость по сравнению с западноевропейскими державами, мы все-таки продолжаем оставаться настолько крепкими, настолько сильными, что на протяжении вот почти уже десятилетнего периода оказываемся в состоянии защищать свое государство, свою рабоче-крестьянскую независимость.

Мы, товарищи, переживаем сейчас так называемый период мирного строительства. Мы сейчас работаем в такой обстановке, которая позволяет нам широко вести созидательную работу в деле восстановления нашей страны. Но мы все еще пребываем в таком положении, что можем рассчитывать и надеяться только на свои собственные силы и средства. Мы, товарищи, вот почти уже десять лет одни, но мы не одиноки: каждый новый год нашего существования приносит нам все новых и новых союзников, каждый год все крепче приковывает к нашей стране и к нашей армии внимание все новых и новых кадров трудящихся и угнетенных как Запада, так и Востока.

Невзирая на все это, мы не можем скрывать те опростынные трудности, которые стоят на пути нашей работы. Вы знаете, какое наследство получили мы от прошлого. Вы знаете, каких, буквально нечеловеческих усилий стоило нам отстоять свободу и независимость нашего огромного, 150-миллионного государства. Было бы глубокой ошибкой нашему воину, находящемуся сейчас под винтовкой, хотя бы одну минуту сомневаться в том, что дело рабоче-крестьянского строительства спорится достаточно хорошо.

У меня нет ни времени, ни возможности, да это и не соответствует сегодняшнему случаю, останавливаться подробно на тех огромных успехах — я сказал бы это смело, — которые делает наша страна. Вокруг нас не прекращается шипение на тему о том, что рано или поздно мы запутаемся в нашей отсталости, бедности, некультурности и неумении управлять государством. Я приведу вам, товарищи, очень короткую справку для того, чтобы осветить в вашей памяти то, что уже сделано, и показать, что та работа, которую мы с вами проводим, в действительности гораздо больше, значительнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Последние три года, в которые мы с вами все усилия направляли на восстановление нашей страны, увенчались таким успехом, который характеризуется примерно такими цифрами: за три года наше правительство и наша партия под защитой нашей вооруженной Красной Армии сумели умножить наше народное богатство на 65%. Для того чтобы эта цифра была вам более ясна, я приведу вам справку из того прошлого, когда наша страна управлялась царем, помещиками и капиталистами. В лучшие годы старой, царской России народное богатство в течение года увеличивалось максимум на 3%. Мне кажется, что достаточно этих цифр, чтобы у вас не осталось сомнения в том, что мы с вами совершаем огромную работу.

Я должен вам, товарищи, напомнить, что сейчас в мире нет ни одного государства, кроме Соединенных Штатов Америки, которое сумело бы по окончании империалистической войны восстановить свое хозяйство до довоенного уровня. Это может показаться странным, но это, товарищи, так. Только Соединенные Штаты Америки превзошли тот уровень, на котором они находились в 1913 г., и только еще одно другое государство — государство рабоче-крестьянское — сумело за эти годы восстановить, вывести из военной и гражданской разрухи огромную страну, бывшую старую Россию, ныне СССР. Эта вторая справка должна убедить вас в том, что тот путь, по которому ведет нашу страну наша партия, путь, указанный основоположником нашего государства товарищем Лениным, очевидно, является правильным, целиком и полностью оправдывается. И сейчас перед нами стоит за-

дача — с той же настойчивостью, с тем же упорством продолжать то великое революционное дело, совершить которое мы призваны совместно с вами самой историей.

ЧЕТЫРЕ ЗАДАЧИ ОТПУСКНИКА

Завтра, когда вы оставите ваши винтовки, когда вы свернете ваши военные учебники, когда вы вернетесь к вашему мирному труду, вам необходимо будет с той же энергией, с таким же вниманием, с каким вы служили в Красной Армии, продолжать работу, но уже на другом фронте — в деле укрепления прежде всего хозяйственной мощи нашей страны. В этом отношении, товарищи, вы должны ни на одну минуту не забывать наши основные заповеди, исповедуя которые только и можно с успехом продолжать наше великое дело.

Вам, пробывшим два года в городах, в центре нашей страны, повидавшим огромные фабрики и заводы, выдавшим, какую громадную работу проделывает наша советская администрация, нужно, вернувшись в села и деревни, там, за плугом, бороной, молотилкой, в избе-читальне, на сельском Совете, громадным миллионам трудящихся крестьян снова и снова рассказать о значении того великого, сокрушающего все препятствия союза, который мы заключили в великие Октябрьские дни между рабочими и крестьянами. Я думаю, что двухлетнее пребывание ваше на военной учебе в пролетарском центре должно было вас целиком и полностью убедить во всей жизненной необходимости этого союза. Я думаю, что ни один из вас не имеет ни тени сомнения в том, что малейшее колебание этого братского объединения громадных десятков миллионов крестьян и миллионов рабочих поставит под угрозу нашу революцию, поставит под смертельную угрозу нашу страну: рабочих может лишить тех фабрик и заводов, ради которых они проливали свою кровь; крестьяне могут утратить ту землю, которую они с таким громадным трудом отвоевали у помещиков.

Необходимо, товарищи, будет вам, вернувшись в деревни, помнить и то, что наша деревня как была, так и продолжает оставаться далеко не однородной: в нашей деревне есть несколько крестьянских слоев, разное

относящихся к судьбе нашего государства, к тем задачам, которые стоят перед нашей партией и Советской властью. В нашей деревне есть слои, которые разное смотрят и по-разному заинтересованы в существующем порядке вещей. Я думаю, что вы достаточно между военными делами научились тому, что самым близким, самым преданным, единоутробным братом рабочего в деревне является все еще многочисленный, к величайшему сожалению, слой деревенских бедняков. Вы также должны знать и то, что рядом с этими бедняками в деревне работает основная, главная колонна крестьянской массы, которая называется крестьянином-середняком. То, что идет выше (по состоятельности) этих двух основных деревенских групп, то, в лучшем случае, стоит в полуоборот к Советской власти и к нашей партии, а чаще всего поворачивается к ней даже спиной. Это наиболее зажиточная, изворотливая часть нашей деревни, которая сплошь и рядом, когда советское и партийное око недостаточно внимательно следит за тем, что происходит в деревне, увлекает за собой не только середняка, но и бедняка и тем самым ставит под угрозу то первое основание, о котором я вам говорил, — союз рабочих и крестьян. Вам, особенно тем из вас, которые пришли на военную учебу из деревни, которые пробыли здесь у нас в течение двух лет, я думаю, все эти положения, все эти основы нашей деревенской жизни достаточно хорошо известны.

Следующее, за чем вы должны будете внимательно следить и смотреть на местах, — это, товарищи, наша советская работа в целом. Мы сегодня собрались сюда в праздничном настроении. Но, какие бы мы праздничные минуты ни переживали, нам ни на одно мгновение нельзя забывать о тех недостатках, которые еще существуют, к великому нашему прискорбию, в нашей стране, особенно в отдаленных уголках, в наших селах и деревнях. Я не сомневаюсь, что вы за время своей военной службы вели достаточно широкое общение с местами, которые вы оставили, и я думаю, что наряду с хорошими вестями вы часто получали из своих сел и деревень и чрезвычайно прискорбные весточки о том, что то там, то сям наш советский аппарат позволяет себе такого рода эксперименты, которые ни в коем случае не могут содействовать

укреплению союза рабочих и крестьян, не могут содействовать поднятию авторитета нашей партии и нашей политики в деревне.

Мы с вами прожили почти девять лет существования Советской власти, но, к сожалению, мы еще многому и многому не научились. У нас еще слишком много прорех, отчасти объясняемых нашим прошлым, отчасти вытекающих и из нашего настоящего. Вы знаете, товарищи, какие лозунги написаны на наших священных красных знаменах. Мы с вами призываем не только разрушить старый мир и создать новый мир, мы с вами призываем обновить все человечество. Но, к великому сожалению, мы сами все же являемся продуктом старого, сплошь и рядом мерзкого прошлого. Вот эти прошлые болячки мы все еще носим на себе, они остаются на нас тяжелым проклятием, и всякие безобразия, всякие извращения, которыми болело прошлое, сплошь и рядом имеются налицо и у нас. Отделаемся от них мы, видимо, еще не скоро, но борьбу в этом отношении надо вести самую суровую.

Первое и самое действительное средство против всех отрицательных сторон огромного советского аппарата — это, товарищи, внимательная организация всего активного, всего родственного нам в деревне, развитие там самой широкой, здоровой советской демократии, о которой, мне думается, вам очень часто говорили во время ваших политических занятий в армии. Эту задачу нам нужно разрешить, товарищи, во что бы то ни стало, и вам, достаточно хорошо воспитанным за эти два года, должна будет в деревне, на селе принадлежать в этом деле очень крупная роль. Я думаю, что вы должны будете вернуться туда теми будителями живой активной деревенской инициативы, которая так нужна нашей стране и нашей партии.

Следующее, товарищи, на что я хотел бы обратить ваше внимание, — это тот вопрос, которым мы занимаемся очень много, о котором говорим вполне достаточно, но делаем по которому еще очень недостаточно: это — кооперативное строительство в нашей деревне. Я вам об этом много говорить не буду, напомним только одно, чему нас так настойчиво учил Владимир Ильич Ленин. Единственная дорога к социализму для деревенской массы —

это кооперация. Чем шире, чем здоровее будет кооперация, тем просторнее будет дорога, по которой мы с вами пойдем к окончательной победе. Мы сплошь и рядом с издевкой говорим о нашей деревенской кооперации. Это напрасно. С ее недостатками надо бороться. Кооперативные безобразия надо безжалостно выкорчевывать, но в то же время кооперацию надо беречь, беречь как зеницу ока, беречь кооперацию в деревне и на селе, как только можно. Сейчас мы переживаем такой этап нашего хозяйственного строительства, когда эта часть нашей работы выступает особенно рельефно и особенно отчетливо.

И, наконец, товарищи, на что я хотел указать вам в вашей будущей работе (я думаю, что это будет вам, прошедшим строгую военную школу, более приемлемо, чем разрешение какой-либо другой задачи), — это борьба с нашей заскорузлостью, с медлительностью, бюрократизмом в нашей работе. Я думаю, что в этом отношении ваше пребывание в нашей красной казарме должно было дать очень много. Само по себе военное дело воспитывает в человеке новые привычки, воспитывает в человеке быстроту, настойчивость в работе, аккуратность в деле — как раз то, чего нам с вами (это мы, русские люди, слышали исстари) не хватает. Несмотря на то, что мы живем в величайшую революционную эпоху, когда, кажется, вся наша земля, вся наша многомиллионная страна содрогается, мы все еще частенько работаем, как принято выражаться, «через пень колоду». К нам применимы такие пословицы: «над нами не каплет», «под лежащий камень вода не бежит», — все эти пословицы имеют значение и для сегодняшнего дня. Эта медлительность и наряду с этим излишняя сложность построения нашей работы в громадной степени тормозят нашу работу. Нужно развивать наше государство, в первую очередь наше хозяйство. Вы возвращаетесь в громадном количестве во все уголки нашей страны: не будет ни одного села, ни одной деревни, в которую не вернулся бы завтра молодой, сильный, обученный красный боец. Я думаю, что у вас есть достаточно энергии и настойчивости, чтобы, вернувшись туда, взять немножко «за грудки» (конечно, не в буквальном смысле этого слова) нашу отсталую сермяжную многомиллионную страну и чуточку, бережно ее потрясти,

чтобы она стала более подвижной, работала более быстро, без того скрипа, который слышен не только здесь, но и за пределами нашей страны. Эта задача как будто бы не так велика, но чрезвычайно важна.

Последнее, товарищи, что вы должны принести в пашу деревню, в наше село, — это то, что называется нашей революционной законностью. Наша партия и наше правительство прекрасно знают о тех темных сторонах, которые имеются особенно в нашей деревне: не совсем устойчивое, не совсем твердое революционное правосудие, можно прямо сказать, нередко произвол, безобразие некоторых наших административных чиновников, особенно в деревне, в селах, где над ними нет никакой видимой управы, где такой чиновник сплошь и рядом чувствует себя царем и богом. Нам очень трудно подвергать контролю такого чиновника, если над ним нет достаточного контроля со стороны самого населения. Вот я и думаю, — я надеюсь, что вы в этом отношении вполне со мною согласитесь, — что лучшим проводником этой революционной законности, революционной справедливости должны будут явиться наши революционные воины. Они достаточно политически сознательны, достаточно грамотны, они взяли на себя слишком ответственные обязанности с той минуты, когда они принесли торжественную присягу миллионам трудящихся нашей страны — служить всем, чем они только могут, делу рабочих и крестьян.

Я думаю, что для того, чтобы обеспечить вам выполнение вашего долга перед нашей страной, вам необходимо к этой части работы — к делу укрепления нашей революционной законности, особенно, повторяю, в деревне — приложить все свои силы. Вот это, по моему мнению, товарищи, в общих чертах основные задачи в вашей работе завтрашнего дня, когда вы оставите винтовки и снова возьметесь за свои плуги, молоты и бороны.

Все говорит за то, что и впредь, когда вы перейдете к новому фронту нашей работы, наши задачи должны будут разрешаться не менее успешно, чем они разрешались до сих пор. Внешняя обстановка, в которой мы с вами находимся, как будто не дает нам оснований беспокоиться за завтрашний день. Но, оставляя свои красные казармы, вы должны ни на одну минуту не забывать того, чему вы

отдали два года вашей жизни, — не забывать военного дела. Где бы вы ни были, какой бы работой вы заняты ни были, вам нужно будет частенько, систематически интересоваться теми вопросами, которые называются вопросами обороны нашей страны. Мы уже ряд лет пребываем в мирной обстановке, но вы знаете, что перед лицом капиталистических стран мы все еще одни. Повторяю, мы не одиноки, но мы одни.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ РАЗГОРАЕТСЯ

Мы, как и девять лет назад, все еще окружены железным кольцом наших врагов, которые ни на одну минуту не забывают о нашем с вами существовании. Каждый лишний красноармеец, каждая лишняя страничка в учебе нашей вооруженной силы — все точнейшим образом учитывается нашими врагами. Они днем и ночью только и ищут возможности так или иначе врезаться вооруженным клином в мирную работу нашего государства. И если до сих пор им этого сделать не удастся, то только потому, что наша многомиллионная страна трудящихся, по горло занятая работой мирного укрепления нашей страны, тем не менее ни на одну минуту не забывает и не должна забывать о значении военной обороны нашего государства. Поэтому и вы, вернувшись к своему мирному хозяйству, сменивши свой военный костюм на штатское деревенское или рабочее платье, должны будете тем не менее всегда твердо помнить о тех основных задачах, которым вас учили в течение двух лет вашего пребывания в красной казарме.

Как бы сложна, товарищи, ни была окружающая нас обстановка, мы все-таки должны с полной откровенностью сказать, что если нам с вами трудно, подчас невыносимо тяжело бывает преодолевать те затруднения, которые стоят у нас на пути, то и у наших, правда, очень многочисленных и внешне чрезвычайно богатых врагов препятствий также очень и очень немало. Я не имею возможности долго и много останавливать ваше внимание на этом вопросе. Я приведу вам очень небольшую иллюстрацию для характеристики того положения, в котором пребывают

сейчас даже самые могущественные империалистические державы.

Есть такая сказочная страна, которая называется Соединенные Штаты Америки. Вы знаете, что эта страна располагает избытком всяческой техники, вы знаете, что в этой стране имеются большие миллиарды лишних денег, золота, как раз того самого, чего мы с вами, к великому сожалению, не имеем, — страна, на которую вся Европа, в полном смысле этого слова, смотрит с завистью. Но вот посмотрите, какие методы и какие способы приходится этой самой богатой, самой мощной стране сейчас применять, чтобы поддерживать порядок от возможного революционного натиска. Я напому вам происходивший на днях в Нью-Йорке конгресс начальников полиции Соединенных Штатов Америки. В числе вопросов, стоявших в порядке дня съезда этих полицейских чиновников, были вопросы о том, как вести борьбу с пробуждающимся американским рабочим, как организовать дело таким образом, чтобы успешно разгонять демонстрации, успешно предупреждать забастовки и пр. и пр. И вот там — это вам, как людям военным, особенно интересно — на этом конгрессе демонстрировались предложения ряда фабрик и заводов Америки, которые работают сейчас очень успешно над обороной своего буржуазного могущества от возможного нападения... своих собственных рабочих.

Одна из химических фабрик Соединенных Штатов отмечает, что основным потребителем продукции должны явиться промышленные предприятия, и предлагает им особую смесь, раздражающую глаза, предлагает также другую смесь, которая, взорвавшись, дает такой дым, против которого толпа бастующих рабочих оказывается совершенно бессильной. Другая фирма предлагает особого рода гранаты, которые начинены удушливыми газами. Такую гранату полицейский может взять в карман и явиться на квартиру рабочего. Если он боится подвергнуться нападению со стороны этого рабочего, он может взорвать эту гранату, граната временно отравит всю семью без изъятия, от детей до стариков, но особенного вреда отравленным, как пишется в рекламе, от этой смеси не будет. Полицейский может безнаказанно взять нужного ему рабочего, оставив на произвол судьбы находящуюся

в бессознательном состоянии семью, отравленную этими газами, а потом семья петихонечку-полегонечку придет в чувство. На этом съезде демонстрировался целый ряд таких рецептов.

Я не сомневаюсь, что вы, как люди военные, привыкли ко всяким чудесам, вас обучали разного рода способам, при помощи которых вы должны защищать независимость нашего рабоче-крестьянского государства. Вы еще, товарищи, достаточно молоды, я не знаю, хорошо ли вы знаете старый, царский режим, который мы так успешно девять лет назад свергли, но даже в те тяжелые годы царского самодержавия, несмотря на все зверства царского режима, несмотря на всю извортливость департамента полиции, — приходило ли кому-нибудь в голову даже в то время, что можно додуматься до таких вещей, до каких ныне додумалась «просвещенная» Америка. Все это красноречиво говорит само за себя. Если дело дошло до таких приемов и методов борьбы с забастовщиками, с демонстрантами, то такому правительству вряд ли есть основания позавидовать.

Посмотрите же, на какие рельсы становится классовая борьба в Западной Европе. Я уже не говорю вам, товарищи, о том, что мы сейчас имеем в Англии, о той знаменитой забастовке углекопов, которая продолжается и по настоящий день и которая продолжится, видимо, еще достаточно порядочное время, если эти углекопы получают то, что они получают до сих пор в смысле поддержки со стороны своих братьев. Я уже не говорю вам о том, как плохо чувствует себя такая империалистическая держава, как Япония, где к тому же периодически то тут, то там тряхнет землетрясение. Словом, в какую бы вы страну, товарищи, сейчас ни взглянули, — везде и всюду вы увидите кипение всего и вся. Даже такая могущественная страна-победительница, как Франция, переживает сейчас, товарищи, бешеную лихорадку, вызванную общим расстройством своего буржуазного порядка. Все это я веду к тому, что если нам с громадным трудом в окружающей нас обстановке приходится воссоздавать нашу рабоче-крестьянскую страну, то мы знаем, что и у наших врагов далеко не праздник. Наши враги принуждены рыскать из одного конца вселенной в другой, чтобы там или сям

найти какой-нибудь громоотвод против тех вздымающихся революционных бурь, в наличии которых сейчас никто сомневаться не может. Дело дошло до того, что даже сами непорочные святые отцы, до папы римского включительно, и те должны были уже порядочно времени назад оставить свою духовную невинность и заняться грешными земными политическими делами для того, чтобы так или иначе способствовать господствующему классу удерживать власть в своих руках.

Вспомните, товарищи, эту исключительную историю с забастовкой английских углекопов. Вокруг этой забастовки с той и другой стороны было мобилизовано все, до английского короля и английских принцев включительно, но все это оказалось бессильным, чтобы прекратить развитие грозных событий. В конце концов пришлось ударить благовест во все колокола английских церквей и призвать на помощь английское духовенство. И это, товарищи, происходит в XX веке, когда мы с вами являемся свидетелями бешеного развития всех отраслей человеческого знания, науки и искусства и всего прочего. Сейчас классовая борьба подчас принимает такие формы, когда владыки современного буржуазного мира не находят другого прибежища, иной защиты, как у святых отцов.

Теперь нет никаких оснований сомневаться в том, что когда мы с вами в великие Октябрьские дни встали на баррикады и свергли строй капиталистов и помещиков, то, очевидно, это был единственно правильный, единственно надежный путь. Мало-помалу, потихоньку (нам казалось бы, что это должно идти быстрее) и в западноевропейских странах рабочие и угнетенные приходят к этому выводу. Я думаю, что современные империалисты сделают все, чтобы ускорить этот процесс. Я думаю, что если действительно существует какой-нибудь классовый разум, то этот свой классовый разум буржуазия помаленьку начинает терять, ибо за последние дни последние мероприятия империалистов на Востоке и на Западе говорят, что они как будто хотят всячески ускорить приближение своего конца.

Вы, товарищи, знаете, что сейчас делается на Западе. Вы знаете, что там идет настоящая классовая война. Вы знаете, что сейчас в Женеве заседает Лига наций, где на

всех языках и наречиях произносятся самые миролюбивые речи, говорится о том, каким образом произвести хотя бы частичное разоружение современных держав, говорится о том, каким путем можно прийти к установлению мира во всем мире, а одновременно с этим там, на далеком Востоке, в стране многомиллионного Китая, сейчас льется широкой волной живая человеческая кровь. И в пролитии этой крови принимают участие прежде всего самые «цивилизованные», в кавычках, самые «образованные» современные державы, начиная от англичан и кончая японцами. Вы знаете, что сейчас за одним столом, за синим сукном, сидят и пишут проекты мирных трактатов, а на другом, кровавом китайском столе, идет соревнование двух империалистических держав, с одной стороны Японии, с другой — Англии. И вы не удивляйтесь, товарищи, если с нашей Восточно-Китайской железной дорогой в ближайшее время произойдут осложнения. Эти осложнения уже наметились. Слишком большие куски наметили себе находящиеся в соревновании на Востоке империалисты, чтобы им не пойти на уступки Японии; при этом они могут сделать попытку отыграться за наш счет, принеся в жертву Японии нашу Восточно-Китайскую железную дорогу. Вы понимаете, что в процессе этого соревнования и мы с вами попадаем в такое положение, когда нам нужно быть очень и очень начеку; мы снова оказываемся лицом к лицу перед некоторыми опасностями у нас на Востоке.

То же самое происходит и на западной границе нашего Союза. В Женеве, как я говорил, собрались самые популярные сейчас буржуазные политические деятели, там происходят заседания Лиги наций. Но это парадная часть дела. Там же, в соседних комнатах, одновременно с торжественными заседаниями Лиги наций, на которых произносятся миролюбивые речи, происходит конференция прибалтийских государств под непосредственным руководством великих держав. Я не думаю, чтобы нужно было распространяться о том, ради чего конференция этих прибалтийских государств собралась. Там заседают представители Румынии, Польши, Литвы, Эстонии; чаще всего на этой конференции произносится имя Советского Союза. Вы помните, совсем на днях был подписан союз между

Румынией и Польшей. Вы, я думаю, достаточно осведомлены о том, что этот союз имеет совершенно определенное отношение к нашему с вами существованию. Вы знаете также, что на днях заключен договор между Румынией и Францией. Я думаю, вы также знаете, кого имели в виду эти два государства, подписывая договор. Вы все помните, — а забывать этого вы, как воины, не должны ни на минуту, — что в углу, прилегающем к румынской границе, есть огромный кусок нашей земли, который называется Бессарабией и который самым вероломным образом захвачен Румынией, по поводу чего мы несколько раз делали попытки вступить в соответствующие переговоры с румынским правительством. К великому сожалению, все это оказывалось тщетным.

НЕ СТАВИТЬ ВИНТОВКИ В КОЗЛЫ

Таким образом, товарищи, если мы посмотрим вокруг нас, то у нас нет решительно никаких оснований поставить винтовки в козлы и спокойно заснуть. Это было бы величайшей, преступной ошибкой с нашей стороны. Наоборот, нам нужно, как и прежде, очень внимательно, очень зорко следить за всем тем, что происходит вокруг нас. А вокруг нас происходили и происходят непрерывные попытки организации близких к нашим границам сил для того, чтобы в тот или другой момент наброситься на молодое, развивающееся рабоче-крестьянское государство. Отсюда снова и снова выступает значение нашей вооруженной революционной силы. Отсюда снова и снова выступает вопрос о том, что, несмотря на всю нашу бедность, несмотря на то, что нам не хватает средств для самых жизненных, самых необходимых потребностей, мы должны крепко поддерживать нашу Красную Армию. Нам не хватает средств для постройки ряда фабрик и заводов, для того, чтобы подкрепить наш водный и железнодорожный транспорт, для того, чтобы бросить лишнюю толику нашему бедняку-крестьянину, помочь ему кредитом и оказать поддержку по торговым и общественным каналам. Несмотря на все это, нам приходится собирать рубли и копейки на укрепление нашей военной мощи.

Товарищи, мы знаем, что нам и впредь придется испытывать еще очень и очень много трудностей и, быть может, разочарований. Мы с вами проделали только первоначальную работу для выполнения той исторической задачи, которая нам поручена, но все же главное нами сделано. Теперь перед нами стоит задача поднимать все выше и выше эту огромную землю, занимающую гигантскую часть земного шара, строить то здание, которое будет называться *социализмом*. И чем выше мы будем возводить стены этого нового дворца, который человечество еще никогда не видало, тем больше он будет резать глаза нашим врагам и нашим противникам. И не подлежит ни малейшему сомнению, что не за горами тот исторический момент, когда эти две силы, ведущие спор на земле — сила революции, освобождения человечества, и сила эксплуатации, унижения и гнета — столкнутся в последнем, решительном бою.

Нам нужно сделать все для того, чтобы мы этот бой встретили во всеоружии. Нам нужно сделать все для того, чтобы на всех фронтах и на все сто процентов мы были подготовлены к этой последней и решительной схватке. Поэтому еще и еще раз призываю вас, товарищи, завтра, когда вы выйдете из красных казарм и разольетесь широкой волной по нашей стране, еще раз взвесить и крепко запомнить те основные задачи, которые стоят перед нашей страной, перед нашим государством.

И еще я призываю вас к тому, чтобы, меняя вашу военную службу на мирную работу с той же готовностью, с какой вы два года назад перед лицом миллионов рабочих и крестьян нашей страны произносили слова священной красноармейской присяги, вы с той же готовностью и с тем же торжественным обещанием вышли на поле мирной нашей работы, чтобы вы так же твердо, так же преданно и дисциплинированно продолжали работу и там, чтобы вы, находясь на этом мирном фронте, ни одной минуты не забывали тех военных задач, для изучения которых вы отдали два года лучшей поры вашей жизни. Если, товарищи, мы сумеем сохранить этот завет, если каждый из нас сумеет сделать все, что необходимо для мощи страны и нашего многомиллионного рабоче-крестьянского народа, отдавая все за великое дело в борьбе под этими

кровью окрашенными красными знаменами; если та клятва, которую мы даем, сжимая нашу красную винтовку, — не пустые слова, а голос самой истории, призывающей нас обновить мир; если мы действительно готовы отдать все за дело миллионов людей нашей страны, за дело безопасности угнетенных и обиженных на всем земном шаре, — то мы, товарищи, несмотря на все угрозы, на все сложности и трудности, стоящие перед нами, победим, как побеждали до сих пор, победим потому, что нами руководит истинная освободительница человечества — основанная великим гением угнетенных, товарищем Лениным — наша великая Коммунистическая партия! (Продолжительные аплодисменты. Оркестр исполняет «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
Документы, том III, 1936,
стр. 176—190.*

О ПОЛОЖЕНИИ В ПАРТИИ И ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ ГОРОДА ЛЕНИНА

*Доклад на собрании звеновых парторганизаторов
Московско-Нарвского района
17 сентября 1926 г.*

НАШИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УСПЕХИ

Товарищи! Прежде чем начать разговор непосредственно по вопросу о положении в нашей партии, я думаю, что необходимо дать возможность настоящему собранию ознакомиться с состоянием нашей страны в данное время, потому что от этого в большой степени зависит и все остальное.

Ни для кого не тайна, что если внутри нашей страны, главным образом в отношении нашего хозяйства, дело идет благополучно, то и наша партия переживает обычно, так сказать, мирный период своего существования. И наоборот — параллельно с разного рода затруднениями, которые совершенно естественны в той работе, которую мы с вами ведем, в партии немедленно получается отголосок этих затруднений.

Вы знаете также, товарищи, что мы сейчас переживаем такую полосу нашего развития, когда решающим моментом в нашем строительстве являются хозяйственные вопросы в широком смысле этого слова.

Для каждого, не только сторонника нашей партии, но и вообще для каждого здорового человека, совершенно ясно, что дальнейшие судьбы нашей страны будут главным образом и в первую очередь определяться успехами нашей хозяйственной работы, нашего хозяйственного строительства.

Товарищи, что значат наши хозяйственные успехи? Наши хозяйственные успехи — это, говоря другими сло-

вами, строительство социализма в нашей стране, ибо всякий успех или неуспех в области нашего хозяйства мы должны обязательно рассматривать с точки зрения того, насколько он содействует развитию социалистических элементов в нашей стране, так как хозяйственное строительство может развиваться, хозяйство может обогащаться, но вместе с тем оно может идти не по тем путям, по которым оно должно было бы идти. Поэтому всем нам нужно учитывать не только общие суммарные арифметические успехи нашей работы, но необходимо также иметь в виду и направление этих успехов, т. е. в какую сторону развивается наше хозяйство.

Самым общим мерилom состояния народного хозяйства каждой страны, в том числе и нашей, конечно, является степень развития народного богатства. Под словами «народное богатство» надо понимать не только то, что находится непосредственно в руках государства, но и то, что есть во всей стране, взятой в целом. Вот по этому поводу нашему Госплану удалось собрать подробные и довольно основательные цифры за последние 3—4 года нашей хозяйственной работы. Прежде всего эти цифры свидетельствуют о том, что сумма народного дохода нашей страны за период с 1923/24 г. по 1925/26 г. увеличилась на 65 %.

Посмотрите, товарищи, как растёт наемная рабочая сила в нашем государстве. В 1923/24 г. (для ясности я буду говорить в круглых цифрах) у нас было семь с небольшим миллионов человек, занятых наемным трудом; в 1925/26 г. — 9 800 000 человек и в 1926/27 г., согласно тем планам, которые мы сейчас имеем, у нас должно быть рабочих, занятых наемным трудом, 10 300 000 человек. Вы видите, товарищи, что эти цифры говорят сами за себя.

Но, товарищи, мало знать, как растёт рабочая сила в данном государстве, необходимо также учитывать, какова доля рабочих в народном доходе. Тут я абсолютных цифр вам приводить не буду, а скажу только, что в 1913 г., т. е. накануне войны, доля всего рабочего класса в общей сумме доходов выражалась в сумме 22 %, а в наше время, в тот год, который мы сейчас с вами переживаем, она выражается в сумме 29,8 %; происходит увеличение доли

рабочего класса почти на 30 %, т. е. в нашей с вами стране на долю рабочего в общей сумме, если взять в процентном отношении, приходится гораздо больше, чем это было в довоенное время.

Когда речь идет о доле рабочего в общем народном достоянии, то тут нужно учитывать все, что приходится на долю рабочего, т. е. не только непосредственную заработную плату, которую государственные предприятия ему выплачивают, но нужно учесть и все прочее, что приходится на долю данного класса в данной стране.

Я должен сделать оговорку, что все эти цифры имеют относительное значение: можно в абсолютном смысле иметь меньше, но относительно твоя доля будет больше. К чему я это веду? А веду я это вот к чему: в абсолютном отношении сейчас на душу всего нашего населения — городского и сельского — приходится все-таки в среднем в этом году меньше, чем это было до войны. Цифры говорят здесь следующее: если в 1913 г. на долю каждого отдельного гражданина приходилось 108 единиц, то сейчас приходится 81 единица, т. е. по отношению к довоенному состоянию наше народное богатство, считая на каждого гражданина, достигает примерно 75 %. Сейчас нам необходимо еще принять много мер, чтобы действительно стать во всех отношениях богаче того, что представляла собой царская Россия.

Вы знаете, товарищи, что мы с вами на XIV съезде партии особенно резко подчеркнули вопрос не только о восстановлении хозяйства нашей страны, но и о том, чтобы придать этой работе совершенно определенный уклон; мы с вами взяли курс на индустриализацию нашей страны.

Если не ошибаюсь, в Нарвском районе один из товарищей выступал на активе и говорил, что крестьянское хозяйство вообще развивается гораздо быстрее, чем наша промышленность, и поэтому трудно определить тот момент в будущем, когда мы сумеем восполнить пробел и создать мощную городскую промышленность. Так ли действительно обстоит дело? Здесь интересны следующие цифры. Если мы возьмем наше сельское хозяйство и нашу промышленность в 1923/24 г. и условимся принять уровень и сельского хозяйства и промышленности за сто,

то в 1925/26 г. он составляет 139,8% и в 1926/27 г. должен составить 150,9%. Значит по отношению к 1923 г. — рост на 50,9%. Что же произошло с нашей промышленностью за это время? Если принять, что в 1923 г. наша промышленность имела уровень в 100%, то в 1925/26 г. ее уровень составляет 236% и в 1926/27 г. он будет равняться уже 270%. Происходит увеличение на 170%. Вот, товарищи, что говорят цифры. Мы делаем все для того, чтобы дело и дальше развивалось именно таким образом, чтобы промышленность, в общем и целом, росла быстрее, чем растет наше сельское хозяйство, ибо только на этом основании можно мечтать об индустриализации нашей страны. Таким образом, мы видим, что в общем политика нашей партии в этом отношении за последние три года целиком и полностью оправдывается теми результатами, какие мы имеем. Это совершенно объективные данные, свидетельствующие о нашей работе в этом направлении.

Не могу, товарищи, не привести вам и другие цифры, которые также характеризуют соотношение между сельским хозяйством и промышленностью, цифры, которые подтвердят то же самое, что я вам только что говорил, но только с другого конца. Есть интересные цифры Госплана, показывающие, каков удельный вес, как теперь принято выражаться, продукции сельского хозяйства и промышленности в общем балансе народного хозяйства. Продукция сельского хозяйства в 1923/24 г. в общей товарной массе нашей страны составляла 54,7%, в 1925/26 г. — 41,7%, в 1926/27 г. должно быть 40,3%, т. е. мы имеем здесь относительное уменьшение. Это, конечно, совершенно правильно, потому что сельское хозяйство развивается медленнее, чем наша промышленность, следовательно доля массовой продукции сельского хозяйства в общей товарной массе должна уменьшаться.

А что получается в промышленности? Удельный вес товарной массы продукции промышленности в общей товарной массе страны должен повышаться. Цифры это и говорят: в 1923/24 г. продукция промышленности составляла 45,3% общей товарной массы и в 1926/27 г. составит 59,7%. Вы видите, что наша промышленность идет гораздо более быстрым темпом в своем развитии, несмотря на то, что в то время, когда мы с вами начали

осуществлять новую экономическую политику, у нас промышленность равнялась 44% довоенного состояния, а сельское хозяйство — 63% довоенного уровня, следовательно сельское хозяйство имело преимущество во всех отношениях. Мы считаем, и я думаю, что вы со мною согласитесь, что это положение совершенно естественно: индустриализация должна неизбежно переменить весь характер нашей страны. Наша страна, преимущественно аграрная, должна будет постепенно из года в год переходить на рельсы страны все более и более промышленной.

Об этом свидетельствует и прирост населения, занятого в сельском хозяйстве и занятого в нашей промышленности. Тут я много цифр приводить не буду, а только скажу, что в этом году по сравнению с 1923/24 г. число лиц, непосредственно занятых в сельском хозяйстве, увеличилось на 8%, а в нашей промышленности оно увеличилось на 22% с лишним.

Товарищи, важно знать не только общее развитие нашей промышленности, а важно знать, какие звенья главным образом наиболее успешно развиваются в промышленности. Вы знаете, что основное в индустриализации — это те отрасли промышленности, которые изготовляют, как принято выражаться в политической экономии, орудия и средства производства. Это один из решающих моментов. В этом отношении мы также имеем довольно показательные цифры. В 1923/24 г. промышленность, изготовляющая средства и орудия производства, составляла 51,7% ко всей продукции промышленности, а в 1926/27 г. она должна составить уже 56,1%. Сообразно этому относительно уменьшается развитие тех отраслей промышленности, которые изготовляют предметы потребления (не в обиду калошникам «Треугольника» будь сказано). Фабрики и заводы, изготовляющие предметы потребления, составляли в 1923/24 г. в общей продукции промышленности 48,3%, а в 1926/27 г. они уже будут составлять только 43,9%. Мы видим здесь разницу почти на 5%. Конечно, всякий из нас понимает, что в такую погоду, как теперь, лучше ходить в калошах, чем без калош. Это совершенно ясно, но ясно также и то, товарищи, что если бы мы с вами еще десять лет походили без калош, а за эти десять лет создали бы фабрики и заводы, которые

дали бы нам станки, машины, орудия и т. д., то это было бы для нас гораздо выгоднее. Это совершенно ясно и неоспоримо.

Что же делает наша партия для того, чтобы всемерно, всеми способами двигать развитие нашей промышленности? Что у нас не все обстоит блестяще, что нам предстоит еще громадная работа — в этом нет никакого сомнения. Но вот вам парочка цифр, которые говорят, с каким напряжением наша партия следит за развитием нашей промышленности и за индустриализацией. В 1923/24 г. наша промышленность была дополнительно снабжена оборудованием на 180 миллионов довоенных рублей, а в 1925/26 г. — на 641 миллион рублей. Это, товарищи, только то, что проходит через все наши госпланы и прочие учреждения и организации. Помимо всего этого происходит целый ряд не предусмотренных планами всякого рода прямых и косвенных затрат, которые не дали о себе знать в Центральное статистическое управление, и пройдет еще, может быть, много времени, пока все это так или иначе выявится. Таким образом, и с этой стороны многое делается. Я знаю, например, что в будущем году мы, наверно, несколько раз пересмотрим наши бюджетные ассигнования со всех точек зрения, чтобы выделить максимум денежных средств на организацию и дальнейшее укрепление нашей промышленности. Я не буду больше утруждать вас арифметикой, полагая, что приведено достаточно цифр для того, чтобы показать вам, что наше народное хозяйство развивается, что можно уже не для красного словца, а совершенно объективно сказать, что оно развивается быстрее, чем развивается народное хозяйство любой западноевропейской державы, даже такой богатой державы, как Англия. А отсюда — вся разруха, все те колебания, весь тот развал, который политически выражается в разного рода кризисах в капиталистических странах.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗВЕНЬЯ КРЕПНУТ

Следующий вопрос — вопрос о том, как же все-таки движется вперед наше хозяйство, действительно ли укрепляются наши социалистические дороги или развитие

идет по большей части за счет роста частного капитала и т. д.? В этом отношении имеются очень интересные данные, которые говорят о том, по каким каналам идет развитие нашего народного хозяйства в промышленности, которые показывают соотношение между ролью государственной промышленности, кооперативной и частной.

Если принять всю нашу промышленность за 100%, то в 1923/24 г. на стороне госпромышленности было 90,7%, на стороне кооперации — 4,1% и на стороне частного капитала и концессий — 5,2%. Дальше я не буду перечислять по годам, чтобы вам не надоедать, и приведу только следующие цифры: в 1926/27 г. государственная промышленность составляет 91,8%, кооперация, как и раньше, составляет 4,1% и частный капитал — также 4,1%. Частный капитал с концессиями составлял 5,2%, а теперь — 4,1%. Мне могут сказать, что произошло лишь незначительное снижение роли частного капитала, всего на 1,1%; вы можете сказать, что это не так много, но это не так мало, потому что 1% падает на 5%. Если взять 1% из 5%, то к 5% он составит уже 20%, т. е. произошло понижение роли частной промышленности в общем котле нашего хозяйства на одну пятую часть. Можно сказать, что если так дело пойдет и дальше, то говорить о каком-нибудь угрожающем значении частного капитала в деле развития нашей промышленности нет решительно никаких оснований. Наоборот, все цифры и все положение свидетельствуют о том, что крепнут как раз социалистические звенья и меньше всего крепнут звенья частного капитала.

Цифры, которые я вам привел, говорят за то, что все эти опасения и запугивания нас по этой части пока что — это я могу совершенно твердо сказать — ни на чем не основаны, нет объективных данных для этого. Наоборот, все эти 4 года, которые мы работаем в так называемых мирных условиях, говорят о падающей роли частного капитала в нашей промышленности, а не о возрастающей роли этого капитала. В общем и целом, еще раз повторяю, политику нашей партии в этой области пересматривать нет решительно никаких оснований. Отсюда, товарищи, отнюдь не следует, что в деле развития нашего народного хозяйства нет ничего такого, над чем не надо было бы

думать день и ночь. Этого из моих слов ни в коем случае не следует.

Я вам привел общие данные, которые характеризуют основные этапы, основные линии нашего развития, но каждый из вас прекрасно понимает, что эти линии идут по очень сложным путям, где каждую пядь, каждый лишний процент приходится брать с бою, приходится выдерживать колоссальное напряжение рабочему классу прежде всего и нашему государству в целом для того, чтобы разрешить эти задачи. Если бы все шло так гладко, то, конечно, не о чем было бы разговаривать, но мы знаем, что в деле удовлетворения наших хозяйственных нужд нам приходится быть очень изворотливыми не только внутри страны, но нам приходится сейчас в целом ряде случаев выбрасывать громадные ценности за границу и привозить оттуда очень многое. Это характеризует нашу бедность, нашу отсталость, из-за которой нам приходится втридорога ввозить недостающее нам оборудование из-за границы, из высокоразвитых капиталистических стран. Здесь есть целый ряд всяческих препятствий, всяческих затруднений в том, чтобы выдержать нашу линию на индустриализацию страны. Но невзирая на все эти недочеты, на все трудности и подчас большие неудачи, ошибки и все, что хотите, основная линия все-таки остается та же самая, о которой я говорил. А отсюда следует, что нельзя опровергать правильность основной линии развития нашего народного хозяйства ссылкой на те или иные изъяны в той или иной отрасли нашего народного хозяйства, надо только мобилизовать внимание около этих изъянов и эти самые изъяны возможно скорее выправить.

То бешеное развитие (иначе его назвать нельзя), те 65% увеличения народного дохода в нашей стране, о которых я вам говорил, являются каплей в море по сравнению с той нуждой, с той нищетой и бестоварием нашей страны, которые у нас еще имеются, по сравнению с тем, что нам необходимо для нашего громадного 150-миллионного населения.

Данные, взятые за последние 3—4 года, говорят совершенно непреложно, что, несмотря на голод, холод, нищету и некультурность, основная линия развития нашего народного хозяйства ведет нас все более и более по

социалистическому руслу, и постепенно, из года в год, роль частнокапиталистических элементов становится все меньше, а это решает дело. Данные, которые я приво-
дил, свидетельствуют о том, что мы основные пози-
ции, социалистические высоты держим в руках госу-
дарства, в руках рабочего класса, а высоты, которые
находятся в руках частного капитала, все больше и
больше подвергаются осаде со стороны социалистических
элементов.

Значит ли это, что все основное сделано, что мы имеем
такие высоты, с которых никаким дьяволом нас не выпи-
бешь? Нет, это не так. Несмотря на то, что роль частного
капитала в нашей промышленности сейчас укладывается
всего-навсего в 4,1 %, все-таки здесь нужно смотреть очень
и очень в оба. Ибо вы, товарищи, прекрасно понимаете,
что пускать частный капитал в той сложной обстановке,
которую мы сейчас переживаем, когда мы находимся це-
ликом в капиталистическом окружении, пускать этого
частнокапиталистического козла в наш социалистический
огород можно лишь с очень большой оговоркой; несмотря
на то, что он является еще только четырехпроцентным
козленком, его все-таки нужно держать в наморднике,
нужно сделать так, чтобы на самые хорошие наши по-
лоски и грядки он не забирался, потому что природа его
все-таки такова, что у него много симпатизирующих его
развитию элементов как вне нас, так и внутри нашей
страны. На основе практики новой экономической полити-
ки он может находить для себя много источников пита-
ния. Поэтому нам надо каждый квартал нашей работы
рассматривать с точки зрения того, а как же все-таки на-
ряду с нашей социалистической работой работает капита-
лист, работает частный капитал? И там, где он начинает
хоть чуть-чуть перешагивать через край, необходимо
немедленно противопоставлять ему надежные социали-
стические укрепления, которые тормозили бы и оста-
навливали его дальнейший рост. Думаю, с этой стороны
мне не надо вас уговаривать, что нам надо, как и до сих
пор, отнюдь не успокаиваться на наших успехах, не успо-
каиваться на том, что мы сразу на 65% скачем вперед, а
нам надо помнить природу капиталистических отноше-
ний, изворотливость частного капитала в той обстановке,

которая дает еще много оснований для его питания, надо стараться сохранить и укрепить наши социалистические позиции.

ОППОЗИЦИЯ ВЕДЕТ АНТИПАРТИЙНУЮ, РАЗЛАГАЮЩУЮ РАБОТУ

В отношении нашей международной обстановки, товарищи, вы достаточно находитесь в курсе тех событий, которые сейчас происходят. Я вам скажу только одно: те события, которые сейчас имеют место в нашей партии, дают очень большие отголоски и в западноевропейских партиях. Мы знаем сейчас, какая усиленная работа ведется в Германской коммунистической партии вокруг тех же самых вопросов, которыми мы занимались на последнем партийном съезде и на последнем пленуме Центрального Комитета нашей партии. Если нам уже надоело говорить о том, что такое наша социалистическая промышленность, что такое государственный капитализм, — мы уже считаем, что эти вопросы у нас в достаточной степени проработаны, — то в Германской коммунистической партии это далеко не так. Для Урбанса, например, еще до сих пор, до самых последних дней наша государственная промышленность ничем не отличается от государственного капитализма, и он сейчас с трудолюбием, достойным совершенно другой участи, пишет очень пространную брошюру, стараясь доказать, что, мол, смешно даже говорить о том, что та промышленность, которая находится в руках Советского государства, является социалистической. Ну, а по мнению Урбанса, там социалистического очень немного. Словом, те самые споры, которые мы с вами вели в свое время, помаленьку переходят в правое, левое и другие крылья, какие существуют в отдельных партиях на Западе, переходят туда и снова там пережевываются. Я думаю, что плохого от этого едва ли что будет, если немцы, французы, итальянцы, англичане и вообще кто угодно разберутся досконально в том, что такое наша государственная, социалистическая промышленность и что такое государственный капитализм. Во всяком случае уже сейчас подавляющее большинство в наших братских партиях одобрило линию большинства нашей партии. Если и получились отдельные фракционные

изъяны, то я не думаю, чтобы это могло поколебать общий тон, общую линию всего Коминтерна.

Перейду к внутрипартийным делам.

Первое и основное, на что нужно обратить внимание, это то, что внутри нашей партии в целом и в Ленинградской организации в частности не все благополучно, вы все это прекрасно понимаете. Та дискуссия, которая развернулась накануне XIV съезда и продолжалась позже и особенно острую форму приняла на последнем пленуме¹, дает о себе знать и сейчас.

Правда, мы можем сейчас не хвастаясь сказать, что наша организация приняла все меры к тому, чтобы максимально подробно, максимально глубоко проработать все решения, которые вынесены последним пленумом нашей партии. Я не сомневаюсь, что и в вашем районе этот вопрос проработан достаточно внимательно. Нет сомнения в том, что часть оппозиционеров, которые вчера разделяли точку зрения оппозиции, что эта часть, углубившись в пересмотр разногласий, которые существуют в партии, по-маленьку, понемножку начинает понимать свои заблуждения и отказывается от тех позиций, которые она занимала. Но наряду с этим проработка этих решений показала нам, что есть товарищи, которые стоят очень крепко на своих оппозиционных позициях. Сплошь и рядом эти немногочисленные группы оппозиционно настроенных товарищей, не чувствуя, очевидно, в достаточной степени ответственности за всю ту общую политику, которую ведет наша партия, не останавливаются перед очень грубыми — я не могу назвать это иначе — демагогическими выпадами против нашей партии и нашей политики.

Возьмем такой вопрос, как вопрос о заработной плате. В распоряжении Губернского комитета партии есть целый ряд материалов, распространяемых оппозиционерами, которые сейчас этот вопрос о заработной плате муссируют на всех углах и перекрестках. Конечно, вопрос о заработной плате — это такой вопрос, которым не грех заниматься всегда. Но весь вопрос в том, как этим вопросом заниматься. И вот я вам скажу, что существует

¹ Речь идет об Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 14—23 июля 1926 г. *Ред.*

документ, который распространяют наши оппозиционеры здесь, в Ленинграде. В этом документе дается характеристика положения рабочего класса внутри нашей страны. Там говорится, конечно, о том, что положение рабочего класса невеселое, что для рабочего класса многое надо сделать и пр. И затем там говорится так: «Рабочий имеет теперь такой расход, какого он не имел в довоенное время. Например, взносы в профсоюз, на культурные учреждения, в различные общества: Авиахим, Мопр и пр. Если принять это во внимание, то реальная заработная плата составляет не выше 80—85% довоенной». Товарищи, вдумайтесь в ту характеристику заработной платы, которая дана в этом документе: рабочий несет теперь такие расходы, которых он не нес в довоенное время. Например, он не нес тогда расхода на взносы в кассу профессионального союза, в Мопр и т. д. Ну, оставалось только добавить — это очень близко стоит — взносы в пользу английских рабочих во время забастовки. Наконец, если уж говорится о профессиональных членских взносах, то почему же не сказать и о партийных членских взносах? Как это можно назвать? Разве это серьезный разговор о заработной плате? Ведь это же пахнет чем угодно, но только не тем, что должно выходить из-под пера коммуниста. Если мы уже до этого договорились, то дальше спорить трудно.

Я еще раз повторяю, что должно и нужно всячески обсуждать и делать понятным для каждого рабочего вопрос о заработной плате. Но все, что мы пишем и делаем в нашей партии, мы делаем для того, чтобы помогать друг другу организовывать вокруг нашей партии беспартийную массу, и все то, что мы высказывали по любому вопросу, должно помогать каждому коммунисту в его работе, прежде всего в работе среди громадных беспартийных кадров. И вот, представьте себе, оппозиционеры советуют, когда мы будем обсуждать вопрос о заработной плате с товарищами рабочими, разговаривать так: «Прибавить бы не мешало, заработок не бог весть какой, а тем более, что и в профсоюз надо отчислять, и в Мопр, и т. п.». Я, грешный человек, скажу, что это не партийная постановка вопроса, это — антипартийная философия, какая угодно, но не наша, не коммунистическая.

Я по своей должности читаю всякую прессу, выходящую в Европе и касающуюся этого вопроса. Там вам расскажут что угодно, скажут, что заработная плата у нас ничтожна, что у нас за все вычитают, что мы за все должны платить и т. д. Там говорят: «Раньше этого не было». Да, не было, подумаешь, какое преимущество: раньше, при капитализме, этого не было! Раньше и в партию не брали членских взносов, потому что у капиталистов за принадлежность к партии на каторгу посылали. Делать такие сравнения нельзя. Говорят, что идут вычеты на Мопр. Какая роскошь! Говорят, что раньше этого тоже не было. Да, раньше этого не было: мы сами сидели в казематах, а теперь мы — правящий класс. Мы единственная страна в мире, которая может позволить себе такую роскошь, как легальное существование Мопра, где принимает участие почти поголовно весь рабочий класс.

Есть и другие явления, о которых я могу сообщить, явления такого порядка: мы знаем, и это знает наша Контрольная Комиссия, это знают и наши районные организации, что у нас ведется нелегальная работка со стороны оппозиции. Они и организационно далеко заходят. Мы знаем, что существуют ячейки, которые занимаются подпольной оппозиционной работой: распространяют всякую литературу, например ту, короткую цитату из которой я вам прочитал. Мы знаем, что на отдельных предприятиях существуют «тройки», «двойки» или «пятерки», организованные ячейки, через которые проходит оппозиционная работа. Я не скрою того, что мы знаем персонально товарищей, которые занимаются этой работой. Когда эта работа принимает слишком явный характер и когда эти товарищи по установленным нашим партийным законам оказываются перед лицом Контрольной Комиссии, то они здесь демонстративно набирают воды в рот или говорят: «Я — не я и лошадь не моя, ничего не знаю, никакой литературы не видел, не распространял, не читал — хоть зарежь». Все это свидетельствует о том, что дело ведется организованно, по соответствующим инструкциям и пр. Даются указания по поводу такой работы. Например: «Вести разъяснительную кампанию, освещающую истинную позицию меньшинства, но делать это довольно осторожно, стараться перевести на свою сто-

рону узкий круг своих лучших друзей, помня, что дело не в количестве, а в качестве». Далее дается указание насчет того, чтобы на фабриках и заводах были в достаточной степени наблюдательны, собирали различные факты, как-то: выходы из партии, из комсомола, волнения на заводах и прочие факты о проведении режима экономии и так далее, «учитывая малейшие изменения в настроении рабочих масс и в нужную минуту сообщая все это нам».

Как видите, дается указание интересоваться всеми сторонами нашей партийной жизни и сообщать это не партии, не в организацию, не в коллектив, не звеновику, не в районный комитет, а сообщить это «нам», сидящим где-то там, где — не указано. А мы знаем, для чего это пишется. Все это надо собрать, привести в известную систему, составить такую шпаргалочку, указав на целый ряд изъянов, недочетов, чтобы таким образом показать, какова-де в действительности социалистическая наша страна, насколько, мол, тут пахнет социализмом.

Таким образом, вы видите, товарищи, что ряд фактов, которыми мы в губкоме располагаем, говорит о том, что оппозиционная группа количественно уменьшилась, но в смысле интенсивности оппозиционная работа не уменьшилась, она продолжается местами совершенно открыто. Я думаю, что каждый из вас на заводах, на фабриках наблюдал это, да и не мог не наблюдать. Это говорит о том, что в нашей партийной работе и в жизни нашей организации здесь мы имеем еще одну помеху, которая тормозит планомерное, нормальное и правильное разрешение вопросов, стоящих перед нами. Скрывать этого ни в коем случае нельзя. Это факт. Он имеется налицо точно так же, как и те успехи в области нашего хозяйства, о которых я вам говорил.

ВСЕРЬЕЗ ПОСТАВИТЬ НАШУ ПАРТИЙНУЮ УЧЕБУ

Отсюда вытекают наши с вами, товарищи, задачи. Задача заключается, по-моему, прежде всего в углублении и усилении нашей партийной учебы. Это прежде всего и главным образом. В отношении организации учебы мы сейчас делаем очень большое дело. Мы в этом

году развернем сеть школ всякого типа, которые будут помогать усвоению партийной теории. Мы вовлечем в это дело тысяч 60—70 народа. В прошлом году было охвачено больше, кажется, 130 тысяч, но вся беда в том, что из этих 130 тысяч к концу года мы имели только 60—70 тысяч, остальные 50% «отсеялись», как у нас выражаются. Мы заботимся о том, чтобы в этом году учеба была построена так, чтобы меньше народа отсеивалось, так как для того, чтобы «отсеивать», нет необходимости организовывать партучебу; нужно подобрать слушателей так, чтобы сохранить всех товарищей. Это единственный путь, который поможет серьезнейшей проработке всех разногласий, которые существуют в нашей партии. Я должен вам сказать, что мы проработку всех решений пленума и партии проводим достаточно успешно. Однако думаю, что ни один из вас не возьмется утверждать, что во всей организации существует полная ясность во всех наших разногласиях. И вот потому, что мы этой ясности не имеем, нам надо углублять и систематизировать нашу учебу так, чтобы мы действительно могли разобраться во всем том, что имеется в нашей партии. Нужно иметь в виду, что у нас громадная масса молодых товарищей, которые всех старых дискуссий не знают, которым трудно разобраться во всем переплете внутрипартийной борьбы. Я еще и еще раз повторяю, что нам нужно углублять партийную учебу.

Дальше, товарищи, наши внутрипартийные вопросы далеко не безразличны и беспартийным товарищам. Вы, соприкасаясь с ними, чувствуете это на каждом шагу. В числе беспартийных товарищей в ленинградскую массу рабочих пришли люди, которые только что вчера ушли из деревни, для которых диктатура рабочих — загадка, которую они разгадать не могут. У такого рабочего большая путаница в этом вопросе. Хотя он и ходит на Путиловский завод, но он наполовину еще в деревне. Когда говорят «диктатура пролетариата, рабочего класса», то он думает: «А как бы мне в деревне не попало, как бы не ущемили наших деревенских интересов». Тут сложный, серьезный вопрос. Разъяснить это вновь пришедшему на фабрику в город рабочему, который только что вчера пришел из деревни, от сохи, очень трудно. Рабочего, кото-

рый вырос на заводе, не нужно убеждать, что рабочие — соль земли, что необходима власть Советов. Он это давно знает, когда не был еще в партии, знал это при царе. Но рабочему, который вчера пришел из деревни, разъяснить это трудно. Он и смычку рабочего класса с крестьянством понимает не так, как мы. Он вообще все вопросы ставит несколько иначе, чем ставим мы. Всю эту работу мы сможем усилить только в том случае, когда по-настоящему, всерьез сумеем поставить нашу партийную учебу. Еще раз повторяю, я имею в виду не только формально установленную партийную учебу в кружках, школах и т. д., но и то, что каждый сознательный член партии должен заниматься учебой, работать над собой не только в школе, ибо эта работа является вообще абсолютно необходимой. Это необходимо для каждого члена партии, ему необходимо знать все основное, что касается нашей жизни и работы. Он должен это знать для того, чтобы в том случае, если ему преподнесут рассуждение о том, что положение рабочего класса хуже, чем до войны, в частности потому, что рабочие отчисляются в кассу профсоюзов, чтобы такой коммунист мог оценить, чем это пахнет, и мог бы беспартийному разъяснить значение такого хитрого построения.

ПОДНЯТЬ ПАРТИЙНУЮ ДИСЦИПЛИНУ НА ДОЛЖНЫЙ УРОВЕНЬ

Следующий вопрос, навязший у всех в зубах, — это вопрос о партийной дисциплине. Я о нем, может быть, не говорил бы, если бы из вашего района мне не передали небольшого письма на эту тему. Здесь есть замечательно интересные вещи. Вот, например, тут рассказывают о посещаемости партийных собраний в Московско-Нарвском районе. На «Красном путиловце» посещаемость колеблется от 35 до 65%, на фабрике «Советская звезда» — 50%, на заводе имени Егорова — 65%, на 1-й Электростанции — 60%, на заводе «Стенька Разин» — 60%. Больше 65% нет, а 35% есть. Тут еще, в вопросе о посещаемости, можно сослаться на перегруженность работой и т. д. Но вот перелистываем дальше 2—3 страницы этого же документа, где говорится о членских взносах. Вот что

здесь сказано: регулярно вносят членские взносы лишь 60% членов районной организации Нарвского района, 25% вносят с опозданием на 3 месяца и 10—15% вносят с опозданием больше чем на 3 месяца. Вы посмотрите, какая закономерность. Если взять посещаемость собраний — аккуратно посещают от 50 до 65%, регулярно вносят членские взносы тоже примерно 50—60%. Ну, а остальные товарищи? Вы меня извините, я вовсе не в порядке нравоучения это говорю. Что такое член партии? Давайте начнем с азов. Самое первое и самое элементарное — это обязанность вносить членские взносы. Дальше что следует? Самая, если по-старому сказать, божеская нагрузка на члена партии — посещай партийное собрание раз в неделю. Меньше этого уже нельзя требовать. Меньше этого — уже не член партии. А вот теперь говорят — партийные собрания посещаются даже раз в месяц. Загляни хоть раз на партийное собрание, посиди, послушай, что там говорят. Если это некоторыми не делается, то можно ли говорить о них всерьез, как о членах партии? Давайте так, по-дружески, поговорим. Если членский взнос вносится через полгода, если на партийное собрание человек идет только тогда, когда его чуть не за руку приведут, когда уже нельзя не прийти, разве это дело? Можно говорить, что работа на заводе помещала и пр. Но уж больно закономерно выходит: по всем линиям 60% и 60%. По-моему, это одни и те же лица. Если бы можно было провести более тонкую статистику этого дела, то, наверное, оказалось бы, что через полгода платят членские взносы те, которые не знают дороги на партийное собрание. Это одни и те же. Это члены партии, которых надо всемерно приблизить к себе. В этом документе, о котором я вам говорю, сделан целый ряд указаний и звеновикам и цехячейкам, как это сделать. Надо пересмотреть систему партийных собраний, ставить вопросы полегче, не затягивать собраний — одним словом, делать все к тому, чтобы облегчить и эту нагрузку членов партии. Но все-таки она абсолютно необходима.

В связи с вопросом о дисциплине серьезное внимание надо обратить на пьянку. Действительно, неприятно об этом говорить, но у нас по этому поводу собрано очень много материала. Мы знаем сплошь и рядом, когда наши

товарищи коммунисты не только на завод, но и на партийное собрание являются в слишком веселом настроении. Тут у нас увлечение сорокаградусной несомненное. Мы все время собираем данные о прогулах, и я могу сказать смело, что у нас имеется материал с ряда фабрик и заводов, свидетельствующий, что коммунисты стоят по прогулам на первом месте, а беспартийные идут за ними в хвосте. Так что тут обратное соотношение. Это факт. На одном заводе от 17 до 18% прогулов падают на голову наших товарищей коммунистов. Не мне читать лекции на темы общества трезвости, но дело в том, что это сопряжено с целым рядом других отрицательных явлений, которые тянутся одно за другим; тут прогул, там расхлябанность.

Мы знаем, что когда на заводе начинаются какие-нибудь недоразумения, которые мы называем бузой, то, разбирая эти недоразумения, мы сплошь и рядом сталкиваемся с таким явлением, что этим делом заворачивает не только рядовой член партии, но член партии, занимающий довольно видное место. Вы понимаете, что дальше ехать некуда.

РАЗВЕРНУТЬ ПОДЛИННУЮ, БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ВНУТРИПАРТИЙНУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Следующая задача — усиление внутрипартийной демократии. Я знаю, что, может быть, здесь есть кое-кто, кто в связи с партийными разногласиями смотрит на нашу внутрипартийную демократию своеобразно: раз внутрипартийная демократия, то, пожалуйста, разрешите мне то и се — чуть ли не до фракционных организаций включительно. Вы знаете, что значит по-нашему, по-ленински, по-большевистски внутрипартийная демократия, какое она имеет значение. Никогда у нас в партии за время ее легального существования не было такой демократии в смысле осведомления членов партии, какая существует сейчас, — я говорю это смело. Я мог бы вас спросить: давно ли существует такое положение, что сегодня состоялся пленум ЦК партии, а завтра уже проходит кампания по поводу этих решений по всем коллективам и т. д.? Я вас спрашиваю: было это три года тому назад?

Нет, не было. Вы понимаете, что тот порядок решения вопросов, который мы практикуем, он не из пальца высосан, но он продиктован ходом вещей. По должности секретаря Губкома я должен сказать, что я натыкался на такие случаи: человек из оппозиции занимает почтенное место, и параллельно с этой работой он в любом коллективе, при любом случае старается проводить решения в духе оппозиции. Я вас спрашиваю, товарищи, если каждый ответственный человек будет опрокидывать общепартийные решения, будет всячески тормозить их выполнение, то какой же толк будет? Это будет кавардак и дезорганизация партии. Внутрипартийная демократия — это есть максимальное привлечение рядовых членов партии к решению и проведению вопросов нашей партийной работы, но на основе соблюдения тех элементарных положений, которые есть у нас в партии. Если есть решение высшего партийного органа, нужно этим решением поинтересоваться, можно его обсудить на таком собрании, как вот наше, но когда завтра придешь на фабрику, завод или в учреждение, проводи это решение на все сто процентов и не разговаривай, иначе из нашей работы ничего не выйдет. Нам надо усилить внутрипартийную демократию в том отношении, чтобы всемерно подтягивать рядовых членов партии через всякие приводные ремни ко всякого рода работе, во всякого рода организации, чтобы они именно на работе, на деле становились все более зрелыми, все более сознательными, более энергичными, словом, такими, которых можно было бы выдвигать на серьезную работу.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ ГОРОДА ЛЕНИНА

Следующий вопрос — режим экономии. О нем я говорить не буду. Вы читали об этом директивы и Центрального Комитета и Губернского комитета. Скажу только одно, что, несмотря на то, что мы до сих пор очень кропотливо занимались этим вопросом, правильного проведения режима экономии не наблюдается. Когда берешь телефонную трубку, хочешь позвонить в завком и тебе отвечают, что «на основании режима экономии сегодня

сняли телефон в завкоме», или когда на основании режима экономии прекратили отпуск несчастного клочка бумаги нашему партийному коллективу, или когда дело доходит до таких курьезов, как было в Петроградском районе, где на каком-то заводе демонстративно сократили кота на складе на основании режима экономии (с м е х), — то, может быть, это и весело, но в итоге это все-таки очень грустно, потому что вы все прекрасно знаете, какое громадное значение мы придаем данному вопросу. Это вопрос колоссальной важности, и тут надо добиться во что бы то ни стало, чтобы все члены партии, начиная от занимающих высокие посты хозяйственников и кончая рядовым членом партии, понимали значение и смысл этого лозунга «режим экономии». Наряду с этим надо усилить борьбу с бюрократизмом. Тут тоже, товарищи, надо все те директивы, которые преподаны в этом отношении, проводить без всякого послабления.

В связи с борьбой за режим экономии и борьбой с бюрократизмом мы занимаемся также вопросом о производственных совещаниях. В этом отношении, товарищи, мне кажется, вы тоже достаточно осведомлены. Надо сказать, что эта работа идет недостаточно гладко. Конечно, есть отдельные предприятия, где она идет хорошо, но в общем и целом по всему городу это дело оставляет желать лучшего. Мы поставили этот вопрос в порядок дня на последнем пленуме Губкома партии.

Вот те основные вопросы, товарищи, которые стоят перед нашей партией, в частности перед нашей Ленинградской организацией.

Не подлежит ни малейшему сомнению, бесспорной является необходимость всемерного оживления работы нашей профессиональной организации, которая, как громадная губка, впитывает весь рабочий класс.

Необходимо напрячь, далее, все внимание партии к тому, чтобы, наконец, как можно ближе и непосредственнее подойти к тем кадрам, которые должны завтра сменить нас, к нашему комсомолу, где тоже очень много больных сторон. Нужно помочь им оздоровиться, помочь всячески стать достойными заместителями того поколения, которое сейчас понемногу, постепенно отходит и на смену которого приходят комсомольцы. Эта задача у нас

всегда, в каждый период нашего существования была, есть и остается одной из важнейших.

В заключение разрешите напомнить еще и еще раз, что я отнюдь не склонен считать положение внутри нашей партии таким, что вы сегодня можете разойтись и спокойно ложиться спать. Нет, у нас внутри нашей партии, в нашей стране, вокруг нас обстановка не такова — то там, то здесь беспокойно: то на Китайской дороге, то на польской границе, то в Германии, то в Англии. Международная обстановка такова, что она осложняет наши задачи внутри нашей страны.

Я говорил о громадном хозяйственном успехе нашей работы в деле восстановления нашего хозяйства, но это не значит, что мы завтра не сможем оказаться накануне новых и новых затруднений. Это вполне возможно. Это будет неизбежно до тех пор, пока мы не выйдем окончательно победителями. Это все нужно учитывать. И поскольку это так, поскольку обстановка затруднительная, постольку каждый шаг вперед встречает сопротивление. А отсюда, товарищи, помимо всего прочего, помимо дисциплины, помимо заботы о максимальном оживлении нашей работы по всем линиям, всем нам и, я бы сказал, особенно вам, являющимся основным звеном в нашей организации, никоим образом не следует пренебрегать тем, что называется нашей марксистско-ленинской учебой. Давайте сознаемся в том, что этим делом, делом своего партийного самообразования, мы занимаемся очень туго. Это дело дается нам трудно, отчасти потому, что мы находимся в известном возрасте, а подчас и потому, что, в сущности говоря, мы считаем, что социалистический строй мы с грехом пополам, как-нибудь построим и без учебы. Но не так стоит вопрос. Каждый день нашей практики будет ставить перед каждым сознательным членом партии все новые вопросы, и разрешить их мы сможем только в том случае, когда сознательным кадрам, руководящим кадрам нашей партии то, что называется основами ленинизма, будет действительно ясно, ясно настолько, что никакие отклонения, никакие соблазны в правую или левую сторону не смогут поколебать наших отдельных товарищей. Если мы этого добьемся, то каждый член партии будет иметь в своем коммунистическом мозгу настоящий

ленинский компас, и тогда сбить с дороги нашу партию или даже отдельные ее звенья, отдельные кусочки нашей организации ни в коем случае никогда не удастся. Это будет самая крепкая основа, самое главное условие для того, чтобы наша партия сохранила единство, чтобы наша партия сумела при каких бы то ни было испытаниях выйти из всяких затруднений и остаться той действительно ленинской, действительно железной, действительно единой партией, которая приведет нашу страну к победе. (А п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров, Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 191—210.*

ПАРТИЯ НАЙДЕТ СРЕДСТВА ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ ТРОЦКИЗМА. СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИМ И ПОСТРОИМ

*Доклад об итогах XV партконференции
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
9 ноября 1926 г.*

Товарищи, прежде чем приступить к изложению вопросов, которыми занималась последняя Всесоюзная партийная конференция, я должен в двух словах остановиться на работах Объединенного пленума ЦК и ЦКК, который предшествовал нашей конференции. Объединенный пленум кратко занимался теми же вопросами, которые стояли на общесоюзной конференции; но на одном вопросе организационного порядка пленум остановился довольно подробно.

РЕШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ОБ ОППОЗИЦИИ

Вы знаете, что нашей конференции предшествовали события исключительной важности в жизни нашей партии. Вы знаете, что накануне самой конференции наша партия оказалась лицом к лицу с выступлением оппозиции, которая повела энергичную рассчитанную атаку на ЦК партии и, тем самым, на партию в целом. Я не буду подробно останавливаться на этом. Вы все это прекрасно знаете. Мы, присутствующие здесь, были также свидетелями одной чрезвычайно знаменательной экскурсии, которую совершил сюда, под предлогом навестить своего больного дядюшку или папашу, Зиновьев. Для каждого из вас понятно значение этого выступления.

Пленум не мог пройти мимо последних событий, несмотря на то, что к тому времени уже было опубликовано известное письмо за подписью представителей оппозиции, где они отказывались от дальнейшего ведения фракционной работы, отмежевывались от тех ультралевых групп, которые вели атаку против Коминтерна, отмежевывались от Оссовского, обещали не подавать больше «политической руки» Медведеву и Шляпникову. Несмотря на это, пленум не мог пройти мимо этих событий.

Как раз по инициативе членов ЦК и ЦКК; работающих в Ленинграде, на Объединенный пленум было внесено предложение, заключавшееся в том, чтобы, принимая во внимание совершенно исключительное нарушение партийной дисциплины со стороны оппозиции, независимо от того, как пойдет работа общесоюзной конференции, уже на пленуме сделать соответствующие организационные выводы, чтобы обеспечить в дальнейшем спокойную работу нашей партии.

Предложение, которое мы внесли, которое было принято подавляющим большинством на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК и опубликовано затем в газетах, вам известно. Я думаю, что Ленинградская организация в целом — я тут уж поступлюсь своей скромностью, ибо я являюсь также членом ЦК партии — должна одобрить тот шаг, который члены ЦК, ленинградцы, сделали на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК (а п л о д с м е н т ы), внося предложение о выводе Троцкого из состава членов Политбюро, о выводе Каменева из состава кандидатов в члены Политбюро и, наконец, решение о необходимости освободить Зиновьева от работы в Коммунистическом Интернационале.

К этому же времени, товарищи, мы имели на руках постановление почти всех, если не ошибаюсь, то решительно всех, — центральных комитетов крупных коммунистических партий Запада и Востока, которые также не считали возможным дальнейшее пребывание Зиновьева во главе Коммунистического Интернационала.

Вот к этому, в общем, сводились все организационные решения, которые были приняты на последнем нашем пленуме. Необходимо также оговориться, что оппозиция, вернее вожди оппозиции, выступили на этом пленуме для

нас — по крайней мере для меня — совершенно неожиданно. Они изобразили дело так, что как будто бы ничего и не произошло. Ну, заходили на «Авиаприбор», посетили Путиловский завод, развернули неслыханную агитацию против Центрального Комитета партии, признали, что они ведут систематический фракционный подкоп под ЦК партии; все это было... «...Но ведь потом, — говорили они, — мы признали все эти ошибки, мы почувствовали ту громадную тревогу, которая охватила партию, мы почувствовали все те последствия, которые могут проистекать из дальнейшей фракционной борьбы, и поэтому вовремя отказались от всех фракционных методов работы».

Они пришли на пленум и сидели, как турецкие святыне, как будто бы в партии ничего не случилось. Они заявили, что и в дальнейшем готовы идти на всяческие миролюбивые шаги.

«Мы имеем, — говорили они, — кое-что добавить, два-три-четыре пункта к тем тезисам, которые представил т. Рыков по хозяйственному вопросу, но, принимая во внимание наше миролюбие, мы и от этого можем совершенно спокойно отказаться. Мы даже можем не выступать на настоящей конференции по вопросам хозяйства, по вопросам профессиональных союзов».

Троцкий, с несвойственной ему скромностью, попросил разрешения Объединенного пленума изложить свою точку зрения по тем вопросам, которые были затронуты в тезисах товарища Сталина. Главное, он хотел объясниться по поводу того пункта, где указывается на то, что оппозиция заражена социал-демократическим уклоном.

Я думаю, что Объединенный пленум поступил совершенно правильно, вынеся известное вам решение.

Вы, конечно, понимаете все значение и всю глубину вопросов, стоявших на XV партконференции. Мы не имеем никакой возможности в деталях и подробно знакомиться на сегодняшнем собрании со всеми работами и решениями конференции. Я думаю, что нам придется волей-неволей ограничить свою задачу и ограничить ее чрезвычайно существенно, изменив и порядок изложения вопросов, которыми мы занимались, и не вдаваясь в детали этих вопросов. Я думаю, и нужды в подробном осве-

щении всех вопросов особенной нет, потому что все это, за исключением только некоторой части, уже опубликовано в печати и, конечно, обязанность и долг каждого члена партии самым тщательным, самым детальным образом изучить весь тот печатный материал, который опубликован в связи с работой XV конференции.

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ

Существенное, весьма важное значение, товарищи, имеет международное положение. Совершенно неизбежно вновь пришлось остановиться на вопросе, которым всем вам уже в достаточной степени пришлось заниматься, — на характеристике периода, переживаемого теперь капитализмом.

Еще на съезде и после съезда очень много и долго мы спорили по вопросу о характеристике того состояния, в котором находится сейчас капиталистический мир. Вы знаете, что подавляющее большинство нашей партии оценивает это положение как относительную, частичную стабилизацию капитализма. Оппозиция выступила с другой точкой зрения на международную обстановку. Спор по этому вопросу заключался не только в теоретической дискуссии, но неизбежно повлек за собою и постановку ряда практических вопросов (об Англо-русском комитете, об едином фронте, вопросы польский, китайский), которые, в конечном счете, упирались в эту основную характеристику современного капиталистического периода. Если бы хотя на одну минуту согласиться с Зиновьевым и другими, которые в самый разгар, в начале английской забастовки, провозгласили, что капиталистическая стабилизация крахнула, то отсюда, конечно, нужно было бы сделать соответствующие практические выводы, к которым наша оппозиция нас и призывала.

Теперь мы имеем целое полугодие английской забастовки, имеем громадный опыт, на котором можем проверить правильность нашей оценки положения капиталистического мира.

Мы с вами очень долго и часто останавливались на знаменитой английской забастовке, детально разбирали соотношение классовых сил, которое сложилось в Англии.

Прошло уже полгода, в течение которого мы неустанно «четвертовали» современных вождей английских тред-юнионов. И что же? Несмотря на то, что налицо все объективные данные, которые должны были бы повести к огромному подрыву авторитета вождей английских профсоюзов, оказывается, что на перевыборах, на съездах профсоюзов эти самые вожди оказались избранными уже не только на срок, но даже и пожизненно.

Все это я говорю к тому, что, очевидно, тысячу раз прав был наш Центральный Комитет, говоривший, основываясь на завете Владимира Ильича, что компартии не должны игнорировать профсоюзную работу, они должны завоевывать организованные в профсоюзы массы. Тактика, которую наша партия и Коминтерн наметили в отношении английского рабочего движения, — единственно верная тактика. Если бы мы хотя на одну минуту послушались совета, который особенно настойчиво рекомендовал Троцкий, — о немедленном взрыве Англо-русского комитета и принятии ряда мер, вытекающих отсюда, — ничего, кроме международного конфуза и кроме торжества Амстердамского и II Интернационалов, мы бы не имели. Опыт и события последнего времени это наше предположение оправдали.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФСОЮЗЫ

Я говорил, что на всех деталях работы конференции остановиться нет возможности. Однако нельзя обойти крупнейшие вопросы — о хозяйственной политике и о профсоюзах.

Резолюция партконференции является документом, намечающим новые задачи, которые вытекают теперь из хозяйственной обстановки. Мы закончили восстановительный период нашего хозяйства, закончили его в более быстрый срок, чем сами рассчитывали, закончили, опираясь исключительно на внутренние ресурсы и, что самое главное, с положительным балансом для социалистических элементов. Теперь мы вступаем в новую полосу, и перед нами стоят новые задачи. Обстановка становится более сложной, и усложняется борьба с капиталистической стихией.

Нам теперь предстоит строить новые предприятия, развертывать усиленно электрификацию, вводить новую технику: без этого невозможно дальнейшее движение к социализму. А это требует большого напряжения наших сил и средств. А это еще и еще раз подчеркивает необходимость более тщательного, умелого использования образующихся внутри страны накоплений, для того чтобы направить их на индустриализацию.

Необходимость проведения режима экономии, удешевления и упрощения наших аппаратов, необходимость развития кредитного дела, займов и особенно сберегательных касс для вовлечения средств населения на поддержку промышленности, все это выдвигается теперь с особенной настойчивостью. К этим задачам должно быть приковано сейчас внимание партии.

Новый период выдвигает вместе с тем и необходимость перестройки наших аппаратов. Эти аппараты зародились при военном коммунизме или в начале новой экономической политики, в начале восстановительного периода. К новым задачам и условиям нового периода они мало приспособлены. Этим безусловно придется заняться теперь партии. Действовать сгоряча, сразмаху тут, конечно, нельзя. А надо сначала присмотреться, что как, в какой части не прилаживается, что и чем надо заменить.

О ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ

Следующий вопрос — основной и решающий все дело нашей революции — вопрос о строительстве социализма в нашем Советском Союзе.

Прежде чем перейти к этому вопросу, я должен сделать некоторое отступление. Когда вы будете внимательно читать материалы XV конференции, вы там заметите, если не ошибаюсь, что, кажется, в речи Каменева проскользнула такая мысль: «Почему, в сущности говоря, этот вопрос сейчас возник?»

Ведь это и в самом деле с первого взгляда может показаться странным. Мы отпраздновали уже девятую годовщину Октября, девять лет мы строим социализм и вот теперь, в начале уже десятого года, занимаемся вопросом о том, можно ли в самом деле строить в нашем

Советском государстве социализм или нужно об этом деле еще подумать.

Что вопрос этот ставился и раньше, я думаю, все вы знаете.

Всякий, кто внимательно читал сочинения Ленина, знает, что Владимир Ильич этот вопрос не раз ставил и неоднократно к нему возвращался. Но никогда этот вопрос не приобретал еще такой актуальности, какую он приобретает сейчас, и это, конечно, не случайно.

До сих пор в области нашей экономики мы занимались восстановлением нашего хозяйства. Мы старались максимально использовать оставшийся от капиталистов и помещиков основной капитал. Это значит, что после гражданской войны, когда нам в наследство осталась до последней нитки разрушенная советская экономика и когда на всех фронтах действовали могучие разрушающие нашу экономику силы, наша работа напоминала работу оборонительную. Мы старались удержать от дальнейшего разрушения всю нашу экономическую систему.

И вот мало-помалу, поднимаясь из года в год, мы пришли к такому положению, когда хозяйство восстановлено почти целиком, на 100%. Применяя военную терминологию, надо сказать, что на нашем хозяйственном фронте мы сейчас от обороны переходим, в полном смысле слова, к наступлению. Вот в этом, по-моему, и заключается главная причина того, что именно теперь, как раз в девятый год нашего существования, вопрос о целях дальнейшего развития встал во всей своей полноте. Вопрос этот стоял и обсуждался достаточно хорошо на последнем партсъезде, но, по-моему, он никогда так полно и всесторонне не обсуждался, как на XV конференции. Самое существенное в этом вопросе, что обычно опускает оппозиция, сводится к тому, что весь символ веры так называемого «европейского социализма», то есть меньшевизма, говорит о невозможности построения социализма в нашей стране.

На конференции воскрес старый спор, который мы вели в свое время с Троцким. Вы прекрасно проработали вопрос о троцкизме, вы прекрасно знаете сущность и значение того теоретического положения, которое выдвигал Троцкий, — теории «перманентной революции». Обсуж-

дение этого вопроса приводит к основному вопросу о движущих силах революции. От характера этих движущих сил, от направления и развития этих сил зависит все содержание нашей революции. Я не имею никакого желания и думаю, что и от вас не услышу требования о том, чтобы воспроизводить перед вами все те цитаты, которые фигурировали и, наверное, еще долго будут фигурировать в наших суждениях по этому поводу. Я приведу вам только одну цитату для того, чтобы подчеркнуть, как Ленин в начале нашего хозяйственного строительства смотрел на строительство социализма в нашей стране.

Ко второй годовщине Октябрьской революции Ленин собирался написать брошюру под названием «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», но, как он сам говорит, не имел времени и возможности эту брошюру написать. Поэтому он ограничивается небольшой журнальной статьей по этому вопросу. Содержание этой статьи сводится к нескольким конспективным теоретическим положениям, а потом приводятся иллюстрации в подкрепление высказанных положений. Иллюстрации эти касались заготовок хлеба для снабжения рабочих в крупных промышленных центрах.

Товарищ Ленин, приводя итоговые цифры тогдашних хлебозаготовок, пишет:

«Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и иностранные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства.

если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся»¹.

На чем основывает товарищ Ленин эту уверенность в том, что мы действительно медленно, но неуклонно и верно идем к делу социалистического переустройства нашей страны? Он приводит справку о том, каким образом протекают у нас государственные хлебозаготовки, которые тогда вел Наркомпрод. Товарищ Ленин приводит справку о производстве и потреблении хлеба в 26 губерниях, из которой видно, что государством в 1918/19 г. заготовлено для городов 40,9 млн. пудов хлеба, а мешочники поставили в города тоже 40 млн. пудов хлеба (40,6 млн. пудов). Таким образом, половина хлеба, который имелся тогда, доставлялась в наши крупные рабочие центры мешочниками, но половину поднимало на своих плечах государство. Это было после двух лет нашей социалистической работы.

На этом основании товарищ Ленин делает совершенно определенный вывод, указывая на те действительно крупнейшие достижения, которые мы в этом случае имели. Он считает, что этот момент, взятый даже сам по себе, является уже иллюстрацией несомненной успешности нашей работы в деле социалистического переустройства нашей страны.

Если бы Владимир Ильич свою статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал в нынешнем году, накануне XV партконференции, когда из всех хлебозаготовок, которые ведет сейчас наше государство, этот мешочник, теперь называемый у нас частником, сумел заготовить всего только 6,5%, я думаю, что те строки, которые я процитировал, были бы Владимиром Ильичем написаны гораздо более энергично, гораздо более внушительно, так, что можно было бы и должно было бы понять их и тем товарищам, которые до сих пор все еще отрицательно смотрят на успешность строительства социализма в нашей стране.

Основное и главное, вокруг чего идут сейчас споры в нашей партии, заключается вот в чем. Если взять нашу действительно отсталую, действительно недостаточно

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 30, стр. 90. Ред.

культурную страну, которая называется Советским Социалистическим Союзом, со всем ее многомиллионным населением, со всем тем, что есть в этой стране, — то можем или не можем мы не только строить, но и построить социалистическое общество у нас без государственной помощи со стороны западноевропейского пролетариата? Этот вопрос стоял у нас на съезде, стоял он и раньше, но особенно острую форму, как я говорил, он принимает сейчас.

Наш Центральный Комитет, а теперь и Всесоюзная партконференция и вся наша партия полагают, что, несомненно, не исключено такое положение, — мы к этому должны быть готовы каждую минуту, — что, при известном сочетании международных сил, возможна организованная вооруженная интервенция в нашу страну, и тогда все наше социалистическое строительство может быть опрокинуто вверх дном.

Но кроме этого препятствия мы не усматриваем никакого другого препятствия, которое было бы непреодолимо при разворачивании социалистического строительства в нашей стране. Мы полагаем: с Великой Октябрьской революцией весь мир вступил в период величайшего исторического переворота, который называется эпохой социалистической революции; эта социалистическая революция положила себе начало в нашей стране. В нашей стране мы имеем все необходимое, чтобы вести эту социалистическую работу, продолжать ее и закончить. (Аплодисменты.)

Единственное препятствие, которое мы усматриваем, — это всегда возможное вооруженное вмешательство в наши дела, не что другое. Ни наша культурная отсталость, ни отсутствие у нас достаточного количества технических средств — все это не является решающим в этом деле. Конечно, было бы смешно говорить, что мы можем абсолютно с этим не считаться. Это, конечно, вздор; конечно, мы с этим должны считаться; конечно, на этом пути будут встречаться всякие затруднения и осложнения, но эти затруднения и эти осложнения не могут играть решающей роли. Мы социалистическую революцию начали, продолжаем, и мы ее победоносно закончим на основании тех сил и средств, которыми располагает наша страна.

В ответ на это Троцкий в своей речи заявил: «А вот, други хорошие, бойкие строители социализма, что, если завтра, например, вспыхнет социалистическая революция в Болгарии, то как вы думаете: Болгария сможет без государственной помощи со стороны западноевропейского пролетариата с успехом закончить социалистическое строительство в своей стране?» Вы понимаете, что это сплошная казуистика, но если разобраться в этой казуистике, то мы увидим, что он хочет сказать, что в данном случае между Болгарией и нашим Советским Союзом нет существенной разницы, что они находятся в совершенно одинаковых условиях. Как Болгария без внешней помощи не сможет построить социализм, так и наш Союз не сможет его построить, ибо независимо от того, где данная страна находится, независимо от того, какое положение она занимает, она все-таки самостоятельно построить социализм не может.

ОППОЗИЦИЯ НАСТАИВАЕТ НА СВОИХ МЕНЬШЕВИСТСКИХ ОШИБКАХ

Троцкий выдвигал также другой очень любопытный момент. Я рекомендую обратить на него внимание. Он сомневался даже не только в том, что можно нашими внутренними силами построить социализм в нашей стране, но он сомневается даже в том, что мы его действительно успешно строим. Так, он заявлял: «Вы говорите, что у вас успешно развивается социалистическое строительство, а знаете ли вы, что такое успешное развитие социалистического строительства? Это значит — должно быть всеобщее довольство, отсутствие безработицы и все прочее».

Троцкий ставит под сомнение социалистический характер всей нашей работы.

Ведь прежде всего, товарищи, разве же в настоящей стадии это решает дело: сколько довольства, больше или меньше? Дело решает *направление* развития самого хозяйства. Недаром же мы почти целый год собираем статистические данные о том, как развивается социалистический сектор и как развивается капиталистический сектор хозяйства. *Это же* решает дело, а вовсе не то,

что оппозиционеры в шпаргалках писали: «Подумаешь, строят социализм, а у них безработица; подумаешь, строят социализм, а зарплату прибавить по-человечески не могут!»

Дело заключается в том, *какой* сектор, *какое* крыло нашего хозяйства развивается.

Каменев также приходит к выводу о невозможности построения социализма в нашей стране. Он говорит примерно так: «Сколько вы ни пыжьтесь, сколько ни добивайтесь известного минимума скорости индустриализации, а в конечном счете наше промышленное хозяйство необходимых темпов достигнуть не сумеет, потому что капиталистический Запад тоже дремать не будет, и, таким образом, соревнование будет продолжаться и впредь, и это соотношение мы изменить не сможем».

По Каменеву выходит, что при всех наших естественных богатствах мы, очевидно, не только обогнать, но даже догнать капиталистический мир не сумеем, а отсюда вывод: «Успешно построить социалистическое общество мы не сможем, если не будем иметь реальной государственной помощи со стороны западноевропейского пролетариата».

Оппозиция еще раз на XV конференции заявила, что никакого настоящего строительства социализма в нашей стране до возникновения мировой революции ожидать не приходится. Здесь и обнаруживается вся сущность спора, который мы ведем с оппозиционным блоком.

Что говорят меньшевики по поводу нашего Октября? Они говорят буквально то же самое, что и оппозиция, только более откровенно, более настойчиво. Возьмите любого из них, почитайте любую социал-демократическую газету, выходящую в Европе. Везде вы найдете, что, мол, ни о каком успешном строительстве социализма в нашей стране не может быть и речи, ибо то, что мы называем Великой социалистической Октябрьской революцией, с точки зрения меньшевиков, есть историческая авантюра, ибо предпосылок для победы социализма в нашей стране, по их мнению, нет.

Вы понимаете, что если бы в этом вопросе, который является основным звеном нашей программы, партия хотя на один момент скатилась на точку зрения оппозицион-

ного блока, то завтра же от строительства социализма и всей нашей революции решительно ничего бы не осталось.

Как же можно, после того как мы совершили колоссальную работу, когда выяснилось, что социалистический сектор у нас действительно развивается, что мы капиталистические остатки из года в год оттесняем все больше и больше, — как же можно говорить: видите ли, темпа не хватит, ресурсов не хватит, еще чего-то не хватит... (Смех.)

Говорят и о том, что страна наша по преимуществу аграрная, крестьянство — в громадном большинстве, рабочие — в ничтожном меньшинстве, беднота, некультурность, а тут еще оппозиция оказалась в жалком меньшинстве (смех); какой же социализм построишь, если не поможет западноевропейский пролетариат? Вот если он поможет, то социализм будет, а если не поможет, то, как Зиновьев здесь часто выражался, «сматывай удочку»... (Смех.)

Ленин, если не ошибаюсь, на IV конгрессе Коммунистического Интернационала указывал в докладе на то, что, несмотря на всяческие затруднения, мы все-таки успешным образом строим наше социалистическое общество, и в качестве материального доказательства нашей успешной работы указывал, что мы сумели отложить на дело нашей промышленности двадцать миллионов рублей. Товарищ Ленин считал это величайшим в то время завоеванием и говорил: видите ли, какие фундаменты мы закладываем; маловато, говорит, это, но все-таки это кое-что уже значит.

А теперь мы можем делать гораздо большие вложения. Один миллиард советских целковых, отложенных на восстановление нашего хозяйства, четыре года назад казался делом совершенно невозможным. Миллиард! Нам бы на это тогда сказали: вздор, фантазия! А как это выходило? В одном году — 184 миллиона, в следующем — 481 миллион, дальше *1 миллиард*. Надо быть положительно слепым, чтобы всего этого не видеть!

По Каменеву выходит, что единственное, на чем мы можем базироваться при нашей бедности, — это на развитии всякого рода частного предпринимательства. От-

сюда мы можем брать средства для индустриализации путем налогов.

Оппозиция утверждает, что в области торговли, и особенно в деревне, мы капитулируем перед этим частным капиталом самым стремительным образом. Так вот оказалось, что по густоте сеть частной торговли в нашей деревне во всем Союзе имеет ничтожный процент. По части оборота оказывается, что частный капитал имеет сейчас 33%, а государственно-кооперативный 67%; а в 1922/23 г. оборот частного капитала был 64%, а оборот государственной торговли и кооперации был всего 36%. Весь торговый оборот у нас увеличился, но если разложить по отдельным отраслям нашей торговли это увеличение, то мы имеем следующее: у кооперации оборот возрос в 7 раз, у госторговли — в $7\frac{1}{2}$ раз, у частника — в 2,4 раза.

Не буду говорить о темпе; я указывал, что есть также сомнения, будто в области темпов дело у нас обстоит слабовато. В этом отношении особых цифр приводить не надо. Мы условились на одном: если мы в будущем году совершим умеренный шаг вперед в деле развития нашего промышленного хозяйства примерно на 18%, то и это, по сравнению со странами высоко развитого капитализма, превзойдет обычные нормы даже довоенного периода.

О ПУТЯХ И МЕТОДАХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Спор идет о том, каким образом проводить индустриализацию нашей страны.

По этому вопросу конференция, в сущности подтвердила то, что неоднократно обсуждалось на пленумах ЦК нашей партии. Те цифры, которые я вам вскользь приводил, в достаточной степени, я думаю, говорят, что мы не скупимся на дело индустриализации, но мы должны помнить, что индустриализация должна осуществляться в соответствии с развитием нашего сельского хозяйства. Мы знаем, что громадный крестьянский рынок представляет, несомненно, колоссальнейшую базу для развития этой индустрии, но эта база сохраняет свое значение только до тех пор, пока будет известная пропорциональность, соразмерность между темпом развития крестьянского хозяйства и темпом развития нашей индустрии.

Мы думаем, что крестьянство не может оказаться материально безучастным в деле индустриализации нашей страны, но основывать индустриализацию на эксплуатации крестьянства было бы губительной политической ошибкой для нашей партии.

При подсчете ресурсов, которые можно извлечь из разных каналов, все-таки возникает некоторое сомнение: хватит ли этого? Как же мы можем идти таким быстрым темпом дальше? Насколько все это возможно? У нас подсчитано, что в дооктябрьское время в нашей бывшей капиталистической России капиталисты и помещики поглощали для своей собственной утробы ровно 50% всей прибавочной стоимости, которая создавалась в стране. Какое положение сейчас? Все 100% прибавочного продукта, производимого в нашей стране, возвращаются обратно на дело расширения нашего государственного хозяйства. В этом секрет действительно успешного и действительно быстрого движения вперед, которым мы и отличаемся. У нас есть еще очень много источников, на которых наша конференция останавливалась и на которые нужно нажать.

Мы привыкли думать, что наша страна в достаточной степени выправилась, что население уже не находится в таком сугубо безвыходном положении, в котором оно находилось 4—5 лет тому назад, но по части использования сбережений у нас дело обстоит плохо. В настоящем году все сбережения достигают суммы примерно 90 миллионов рублей. Если перевести это на довоенное время, то это составит всего-навсего 6% того количества сбережений, которые в старое царское время находились во всяких банках, в ссудо-сберегательных кассах и пр. Ну, мы, конечно, и не собираемся достигать всей довоенной нормы сбережений в данный период, но все данные говорят о том, что сбережения могут явиться одним из серьезных источников индустриализации нашей страны.

Здесь наша оппозиция выдвигает другое. «Вы, — говорит она, — товарищи, слишком мало нажимаете на более надежный источник, а именно на налоги». Здесь даже Зиновьев, который в свое время не так чтобы вплотную занимался этими вопросами, перещеголял всех. Он у нас, в Ленинграде, был гораздо скромнее, чем в партийках

в Москве, где он в пять минут подсчитал, что можно в любое время взять миллиард целковых. Когда он занялся более детально этим вопросом, то на Путиловском заводе он сказал, что можно собрать и больше миллиарда, а на XV конференции он сказал, что если не миллиард, то во всяком случае миллионов семьсот можно собрать, если поднажать на нэпманов, на сельхозналог и так далее.

Можно так повернуть дело, что вся экономическая основа смычки между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством может рассыпаться в пух и прах, если мы хотя на одну минуту последуем советам Преображенского и Зиновьева. Само собой разумеется, такая сверхиндустриализация решительно нам не пристала. Кроме тех источников, которые наша партия уже предопределила, других не пайти; идти же вслед за оппозицией, делающей невероятную ошибку в курсе на сверхиндустриализацию, не приходится.

XV ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ О ТРОЦКИСТСКОМ БЛОКЕ

Наконец, товарищи, последний вопрос, который сейчас и, по-видимому, порядочный промежуток времени в будущем будет занимать нашу партию, — это вопрос о нашем внутрипартийном положении. Я думаю, что вы найдете время и возможность детальнейшим образом изучить доклад товарища Сталина на XV конференции об оппозиционном блоке. Было бы крупной ошибкой сказать, что то, что случилось на XIV съезде, что то, что произошло на XV конференции, — все это случайно.

Основной пружиной, которая породила все эти внутрипартийные осложнения, явился исторический поворот, который мы в деле строительства социализма в нашей стране сейчас переживаем. Пройдет еще некоторое время, и мы сможем более полно охватить взглядом эту эпоху, которая сейчас проходит перед нами. И я думаю, что эта эпоха несколько не менее значительна по своей грандиозности, чем пройденные ранее этапы нашей революции. Сейчас мы должны будем закладывать совершенно новые, исключительные по своему значению основы нового хозяйственного быта, нового строя.

Товарищи, вы помните выступление Оссовского, который написал свою знаменитую философию о двух партиях, о том, что наша партия в силу своего объективного положения сейчас вынуждена защищать капиталистов. Ведь все это, товарищи, не случайно. Оссовский совершенно правильно заявляет, что единство партии имеет решающее значение, но по Оссовскому выходит, как это ни странно, что сохранение партийного единства возможно лишь, по сути дела, при системе буржуазной демократии. Вот до чего доходят наиболее смелые и откровенные сторонники оппозиционного блока.

Тут дело не только в том, что у Троцкого нет большевистских традиций. Вы, товарищи, подумайте, что совсем еще недавно Каменев писал, что «Троцкий вошел в нашу партию как индивидуалист, который думал и думает, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм», далее Каменев говорил, что «Троцкий — не большевик». Сокольников вам в свое время говорил, что, в сущности, Троцкий — это меньшевик. Тот же Каменев нам рассказывал, что «всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина, — а у нас нет и не будет более глубокого и более богатого по содержанию и выводам учебника по истории партии и революции, — тот неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и революцию, против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого только и исключительно как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма» и т. д.

Зиновьев в свое время красноречивейшим образом доказывал несомненную и бесспорную гибель дела революции, если бы мы на момент перешли в каком-либо решающем вопросе на сторону троцкизма.

Теперь оказалось, что все эти товарищи объединились в блоке, принципиальные основы которого должны быть вам хорошо понятны, если вы вспомните взаимную драку между троцкистами и нами в свое время, когда очень горячую и активную роль в этой драке играл Зиновьев. Троцкий, с которым мы вели перманентную и непрерывную драку, на этой конференции с чрезвычайной последовательностью изложил весь свой троцкистский символ

веры. Отсюда всем нам стало ясно, что все остальные, примыкающие к этому блоку и образующие на первый взгляд что-то разноплеменное, оказывается, составляют блок очень одноплеменный, выдержанный и ясный. Всем стало ясно, что Зиновьев, так много потрудившийся в борьбе с троцкизмом, сдал свои позиции и перекочевал в лагерь троцкизма. Правда, Каменев на поставленный ему нами в упор вопрос, как он думает насчет Троцкого, заявил, что по части того специфического, что носит в партии название троцкизма, он не согласен с Троцким. Но вы не забывайте, — говорил Каменев, — что мы, оппозиционный блок, заставили Троцкого написать документ, в котором он признал правоту Ильича в спорах с ним, т. е. с Троцким.

Но мы-то прекрасно понимаем цену всяческим заявлениям и признаниям. Все дело заключалось в том, что троцкизм Троцкий старался подмаслить ленинизмом и так изобразить все дело, что никакой тут разницы нет: мол, иногда я ошибался, иногда Ильич ошибался, иногда он признавался, что тут выходило не так, иногда я в этом признавался, иногда он меня поправлял, иногда я его поправлял.

У Троцкого вышло так: я, дескать, человек прожженный, я годами могу сидеть и молчать, затаив свое троцкистское дыхание; куда угодно отправьте — на горячие, на холодные, на какие угодно воды, — стану перед партией во фронт, если надо будет, и... обругаю партию, если представится случай. Все что угодно делайте — у меня выдержка есть. А это (Каменев, Зиновьев) народ, видите, хлябает, несколько месяцев прошло, попали в перешлет, а теперь в кусты. Посмотрим, как дело пойдет дальше. (Аплодисменты.)

Все ведет к тому, о чем мы в свое время говорили: как только этот блок стал более или менее намечаться, мы сказали, что имеем перед собой совершенно выявленный рецидив троцкизма.

На XV партконференции мы получили выкованный, ярко выраженный блок, который идет целиком и полностью на поводу у Троцкого. Дернет Троцкий за ниточку — заговорит Зиновьев, потянет за другую — что-то пролепечет Каменев. Но ничего нового мы здесь не имеем.

Что здесь нам двадцать тысяч раз повторял Зиновьев? Он говорил, что 1926 год — это не 1923 год. Что это за Америка? Как будто мы наоборот хотим сказать. Что следует из этого заявления Зиновьева? Отсюда следует то, что условия настолько изменились, что в 1923 году Троцкого можно было пазывать меньшевиком, а в 1926 году надо заключить с ним блок.

Вы знаете заявление, которое написали товарищи из оппозиции. В этом заявлении есть много трогательного о том, что они отмежевались от Шляпникова, от Медведева, от Урбанса, от Рут Фишер; относительно фракций они заявили, что это недопустимо, что это бьет через край, что это ведет к гибели. Но, товарищи, нужно помнить, как все это вышло, под каким давлением написано это заявление. Вы знаете, что ему предшествовал исключительный провал всех вождей оппозиции в Москве и в Ленинграде.

Такое одиночество, такой идейный крах, который обнаружился у них в результате палета на партию, должен был заставить их, несмотря на всю изворотливость и подвохи, которые они придумали, частично капитулировать.

Но мы не должны забывать заявления оппозиции о том, что во всех принципиальных вопросах она остается на старых позициях и будет за них вести борьбу в рамках партийного устава.

Партии предстоит борьба с тем уклоном, который выступил в нашей партии и который в свое время был охарактеризован как уклон мелкобуржуазный. Теперь мы уточнили название этого уклона и назвали его социал-демократическим. Это, конечно, в высшей степени разобидело наших «уважаемых вождей» оппозиции, но тем не менее это сущая правда. Если они в споре с Троцким по тому же вопросу, по которому мы спорим сейчас, вместе с нами говорили, что Троцкий одержим мелкобуржуазным уклоном, если мы признали, что Троцкий является настоящим вдохновителем теперешнего блока, так надо же назвать этот уклон более точно, сделать его для партии более понятным.

Я, товарищи, не хочу быть пророком, но думаю, что если оппозиционеры останутся при своих принципиаль-

ных взглядах, то независимо от их воли они докатятся далеко.

Оппозиционеры заявили, что блок потерпел неудачу потому, во-первых, что хозяйственные затруднения не дошли еще до необходимых размеров, потому, во-вторых, что наши рабочие оказались очень консервативными для того, чтобы воспринять лозунги оппозиции. Если завтра рабочие будут более революционны, — а революционны они станут, очевидно, тогда, когда усилятся наши затруднения, — тогда оппозиция будет иметь шансы на успех. Вот тогда оппозиция развернет «революционную» платформу и со строительством социализма, и с крестьянским вопросом, и с налогами, и с зарплатой, тогда она нам покажет, кто «действительно является ленинцем», а кто «скатывается на рельсы мелкобуржуазного, антипролетарского уклона».

Мы знаем постановление ЦК Германской компартии об исключении Урбанса, и вы знаете, что этому предшествовало. Я вам прочту чрезвычайно интересную бумагу, за которую нашим оппозиционерам когда-нибудь придется держать ответ. После того, что произошло на «Авиаприборе» и на Путиловском заводе, после того, как в наших газетах было опубликовано заявление наших оппозиционеров, Урбанс предложил в Берлине следующую резолюцию:

«Во главу угла известного заявления Зиновьева, Троцкого, Каменева, Евдокимова и других положено подчеркивание того момента, что русская оппозиция от своих политических взглядов отнюдь не отказывается. Германская оппозиция тем более не имеет ни малейшего повода для отказа хотя бы от одного из взглядов, которые она отстаивала и отстаивает по русскому вопросу...» И далее:

«Мы заимствуем, — обратите внимание, товарищи, на это место, — из поступившего к нам от русской оппозиции несколько дней тому назад обстоятельного изложения разногласий и ее точки зрения, где приведен дословный перечень отдельных пунктов упомянутого уклона от пролетарской линии...»

Таким образом, в последние дни, когда уже было подписано заявление нашей оппозиции, одновременно по

линии Коминтерна передавались «основные пункты», по которым существуют разногласия в нашей партии.

Далее в резолюции Урбанса говорится об уклонах в сторону от пролетарской линии, которые, по мнению оппозиции, существуют у нашего ЦК.

Урбанс считает, что тактика оппозиции единственно правильная, что единственное спасение революции — последовать примеру нашей оппозиции.

ОПРОКИНУВ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ, СОЦИАЛИЗМ БУДЕМ СТРОИТЬ И ПОСТРОИМ

Я все это привел для того, чтобы показать, что если наша оппозиция хочет быть действительно последовательной до конца, то перед ней имеются два выхода. Первый выход заключается в том, — и это единственно большевистский и единственно полезный для партии выход, — чтобы оппозиция нашла мужество признать ошибочными антиленинские взгляды, которые она исповедует до сих пор. Другой выход состоит в том пути, по которому пошел Урбанс, который, как видите, находился в самом непосредственном общении с представителями нашей оппозиции и который действовал по директивам нашей оппозиции.

Оппозиция выбрала третью дорогу и заявила, что она остается на своих идейных позициях, но прекращает фракционную борьбу, — дескать, в дальнейшем ходе событий «будем смотреть, кто из нас прав и кто виноват». Но на этой выжидательной позиции блок долго оставаться не сможет.

Хотят они этого или не хотят, но сама логика вещей заставит их снова повторить свой опыт, встать на тот губительный путь, на который они вышли в последние месяцы. Ведь не подлежит никакому сомнению, что и Зиновьев и Каменев бросились в объятия Троцкого потому, что логика борьбы толкнула их на этот незаконный брак.

Теперь наша партия, как показала последняя дискуссия, вся наша партия в целом, до низового рядового работника включительно, оказалась обладающей всеми прививками против мелкобуржуазных уклонов и шатаний.

Во время проработки всех решений, которые вынесла наша партийная конференция, нам надо будет научиться распознавать хорошенько сущность происходящих сдвигов. Нам нужно начать проработку решений, вынесенных партийной конференцией, на основе того, что оставлено нам величайшим основоположником нашей партии и нашей революции товарищем Лениным. (Аплодисменты.) С помощью этих первоисточников мы сумеем разобраться во всей обстановке, которая в настоящий момент окружает нас, как бы сложна она ни была.

Несмотря на былую популярность руководителей оппозиции, несмотря на их заслуженное прошлое в нашей партии, если только они еще раз тем же путем, каким они делали это до сих пор, попробуют нарушить свои собственные обязательства, о которых они написали, обращаясь к ЦК и к партии, то мы сумеем найти средства и возможности для того, чтобы действительно обеспечить не единство (единство нашей партии и без того обеспечено так, как не было обеспечено еще никогда), а условия для приложения всей без исключения нашей энергии к трудной, ответственной и важной работе по хозяйственному социалистическому строительству.

Сколько бы ни каркали, сколько бы ни сомневались оппозиционеры, но ту великую задачу, которая называется победоносным строительством социализма в нашей стране, мы уже начали осуществлять.

Девять лет мы уже бьемся над разрешением этой задачи, и эти девять лет служат лучшим залогом и доказательством того, что задача, поставленная перед нами, будет нами разрешена правильно и социализм мы построим. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 221—243.*

ПРОИДЯ ЧЕРЕЗ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ЗА МИНУВШИЙ ГОД, ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ СНОВА ВЫХОДЯТ НА ПОЧЕТНЫЕ ПЕРЕДОВЫЕ ПОЗИЦИИ

*Речь на X партконференции
Выборгского района
8 января 1927 г.*

Товарищи! Я не думаю, что вы потребуете от меня, чтобы я подвел подробный итог проделанной вами работы. Я думаю, что такое требование было бы прежде всего несправедливо, потому что я не имел возможности все время присутствовать на вашей конференции, и кроме того я думаю, что вы в достаточной степени устали, для того чтобы подробно проходить еще раз по всем тем вопросам, которыми мы здесь занимались. Я думаю, что будет достаточно, если мы остановим свое внимание на самом главном, самом основном, самом характерном, что сопутствовало работе вашей конференции.

Я думаю, что как здесь, так и на других районных конференциях нашей организации нельзя не отметить прежде всего, что наши конференции проходят чрезвычайно организованно и активно. Как будто и то и другое обстоятельство не являются особой заслугой, как будто мы за долгие годы нашей работы уже привыкли проводить наши партийные конференции в достаточной степени организованно и в достаточной мере активно, но тем не менее все товарищи единодушно свидетельствуют о том, что проходящие сейчас конференции отличаются от всех прошлых особой активностью и организованностью. Нет ни тени той официальщины, я бы сказал, казенщины, которой, к великому сожалению, многие из наших конференций были не чужды. Дело протекает действительно так, как оно должно протекать при соблюдении настоя-

ших принципов нашей внутрипартийной демократии. За все время работы наших конференций, насколько мне приходилось слышать, я не слыхал ни одного выступления, где бы по адресу нашей организации бросили бы упрек в том, что мы неправильно или недостаточно проводили внутрипартийную демократию. Очевидно, мы действительно вступили в такую полосу проведения этого лозунга, которая целиком и полностью отвечает основным требованиям нашей большевистской практики и нашей большевистской тактики. Невольно вспоминаются те пророчества, которые раздавались по адресу нашей организации год тому назад, после того огромного, совершенно исключительного обновления, которое произошло в нашей организации. Когда мы на руководящую роль выдвинули огромную массу новых партийцев, когда мы в еще большей степени обновили наши вышестоящие партийные органы, — вы помните, со всех сторон, из всех углов от нашей оппозиции раздавались предостережения о том, что мы не сумеем в этой огромной организации свести концы с концами, что та встряска, которую пережила Ленинградская организация, и все то, что произошло потом, гарантируют-де неизбежный провал работы в этом огромном городе, который составляет по числу членов партии одну десятую часть всей великой Всесоюзной Коммунистической партии.

Я думаю, прошлый год служит достаточным объективным свидетельством, позволяющим решительным образом отбросить все эти пророчества. Опыт показал как раз обратное. Опыт показал, что обновление и вовлечение новых и новых, хотя и молодых, кадров в дело партийного строительства не только не помешало, не только не затормозило нашей советской, партийной, хозяйственной и всякой другой работы, а, наоборот, влило новую струю в деятельность нашей организации. И это потому, что мы правильно сумели осуществить основные директивы нашей партии, мы сумели действительно сплотить по-настоящему, не за страх, а за совесть, нашу организацию. Та дружная работа, которую мы наблюдаем на всех конференциях, явилась результатом именно этого сплочения. Результатом этого же явилось и то, что многие десятки товарищей записываются в прениях по всем докладам,

поставленным на наших районных конференциях. Товарищи совершенно открыто, прямо и смело выступают, принимают участие в обсуждении всех основных вопросов и указывают на ошибки, допущенные нашими руководящими органами. Делается все это с полным, открытым желанием со стороны каждого члена партии помочь своим опытом, своими наблюдениями, выправить те изъяны и ошибки, которые, несомненно, за год работы нашей организации имели место.

Я думаю, что, подводя итоги нашей годовой работе, нам отнюдь не следует успокаиваться на тех достижениях, которые мы сейчас имеем. Наоборот, проделав эту первоначальную работу и организовав членов нашей партии действительно настоящим образом, нам необходимо сейчас повести еще более упорную, еще более углубленную работу.

Характерной чертой в критике деятельности губернского комитета партии и районных комитетов являлись требования со стороны многих товарищей, выступавших здесь и на других конференциях, о том, чтобы нам сейчас наиболее отчетливо, полно и организованно поставить и развить нашу массовую работу. Все указания, которые мы слышали, в подавляющем большинстве носят совершенно практический и целесообразный характер.

Необходимо отметить также и то, что, учтя опыт прошлого, нам надо будет и партийную учебу, о которой мы очень и очень много говорим и очень много хлопочем, поставить, наконец, действительно на настоящие рельсы. Это работа очень трудная, мы прекрасно себе отдаем в этом отчет, и тем не менее поднять эту работу нам нужно во что бы то ни стало. Всю нашу формальную и неформальную партийную учебу, очевидно, надо будет еще и еще раз пересмотреть в смысле ее форм и программ, и поставить дело так, чтобы всю нашу стотысячную организацию вывести на настоящий, сознательный коммунистический путь. Надо добиться во что бы то ни стало того, чтобы все члены нашей партии и все кандидаты в члены были бы действительно вполне сознательным передовым отрядом того огромного костяка пролетариев нашего Союза, который работает здесь, в Ленинграде. Еще раз повторяю, что это задача тяжелая, трудная, но необходи-

мость разрешения этой задачи видна хотя бы из того опыта, который мы с вами пережили. Можно без преувеличения сказать, товарищи, что трудности нашей внутрипартийной борьбы в огромной степени зависели именно от того, что недостаточно подготовлены были широкие кадры членов нашей партии. Именно поэтому мы очень часто с таким трудом усваивали и внедряли в отдельные звенья нашей партии положение, выдвинутое теперь особенно выпукло, — о строительстве социализма в нашей стране.

Все эти вопросы, которые стоят сейчас на нашем пути, — это вопросы не случайные, это вопросы не второстепенного характера, а это вопросы нашей коммунистической, большевистской программы. Каждый дальнейший шаг нашей работы в области укрепления советского строительства, в области организации хозяйственной работы — все эти вопросы упираются сейчас в основной краеугольный камень — в нашу партийную, большевистскую, ленинскую программу. Для того чтобы нам легче было преодолевать трудности, нам нужно было действительно по-настоящему поставить дело воспитания прежде всего членов нашей партии и вслед за этим дело воспитания рабочих, как партийных, так и беспартийных.

Надо все-таки, товарищи, помнить, что мы строим такое общество, которое можно будет построить только при том условии, если наша партия сумеет целиком и полностью использовать весь опыт современной человеческой науки. Об этом нам очень часто говорят, и Владимир Ильич постоянно напоминал об этом, но, к великому сожалению, мы также часто об этом забываем. Между тем это имеет бесспорное значение в особенности для того периода работы, в который мы с вами сейчас вступили. Ведь именно теперь, в этом году, мы переходим на настоящие, практические рельсы построения социалистического общества в нашей стране. Если мы не будем вооружены до зубов марксистско-ленинской наукой, если мы будем стоять в стороне от общих знаний человечества, конечно, товарищи, мы будем очень долго путаться и преодолевать малейшие затруднения с громадными осложнениями. Для того чтобы этого не было, нужно прежде всего дело учебы и воспитания наших партийных кадров поставить во

главу угла. Если мы эту задачу успешно разрешим, в таком случае мы то единение, ту организованность, которой мы достигли сейчас, подкрепим еще и будем еще более крепкими, более объединенными.

Хочется мне также сказать несколько слов по поводу пророчеств и предупреждений, которые нам в свое время делали представители нашей почтенной оппозиции и которые они, к великому сожалению, продолжают делать и до сих пор. Вы, товарищи, помните, в чем нас обвиняли, вы помните, что нам предсказывали перерождение основных кадров нашей партии, вы помните, что нам грозили термидором, вы помните, что нам указывали на то, что мы сбились с классовых пролетарских рельсов и маленько-помаленьку, этаж за этажом, начинаем уступать мелкобуржуазной стихии, что мы стремительно идем навстречу запросам возрождающейся якобы у нас с громадной быстротой буржуазии.

Посмотрите, товарищи, что происходит на практике. В той работе, которую вы проделали здесь на конференции, оценивая деятельность нашей Ленинградской организации, вы видели, что в составе нашей организации насчитывается 75% рабочих. Организация эта сумела выдвинуть за этот год огромную глыбу нового партийного актива в составе свыше 13 тысяч человек, в громадном, подавляющем большинстве пролетариев. Отсюда оппозиция делает вывод о неизбежности термидора!

Вы имели возможность увидеть огромную работу, проделанную Ленинградской организацией среди беспартийных рабочих. Охват этой широкой массы хотя бы нашими профсоюзами к настоящему моменту достиг того, что мы имели организованные активные кадры в наших профсоюзах, насчитывающие 75—80 тысяч человек и на 99% состоящие также из пролетариев. После этого нам говорят, что наша партийная политика складывается таким образом, что мы все больше и больше теряем классовую линию и катимся под откос мелкобуржуазной стихии! Нужно быть сумасшедшими или слепыми, чтобы не видеть того, что сейчас совершается у нас. Лучшие головы, все, что имеется лучшего в рядах нашего рабочего класса, в огромной степени привлечено сейчас если не к нашему партийному строительству, то к широкой профессиональ-

ной работе или вовлечено в громадную строительную работу в наших Советах. В подавляющем большинстве эти работники входят в тот передовой отряд, который создает и поднимает на своих плечах наш пролетариат, — и после этого нам говорят, что мы идем к термидору, что нам грозит мелкобуржуазное перерождение, что мы сошли с ленинских рельсов и скатились куда-то в мелкобуржуазное, нэпмановское болото!

Остается только пожалеть, что наши оппозиционные генералы, пребывающие сейчас на положении генералов в отставке, в силу разных соображений не имеют возможности наблюдать действительную жизнь нашей партии. Нужно сказать, что и прежде они отличались тем недугом, что, занимая очень высокие и ответственные посты, имея в своих руках громадный аппарат, для того чтобы чувствовать биение пролетарского революционного пульса, они этого пульса не чувствовали, они жизни, деятельности и чаяний нашей партии не знали.

Именно поэтому они зашли в тот тупик, в котором пребывают и сейчас.

Я думаю, товарищи, что надо будет в заключение сказать: тяжелую пору пережили мы с вами за этот истекший год и особенно за первую половину его. Много энергии и сил мы потратили для того, чтобы действительно обеспечить себя от тех покушений, которые были совершены на основные положения нашей ленинской пролетарской тактики.

Мы эти испытания, эту борьбу выдержали с честью, и здесь я не в комплимент, а по большевистской совести должен вам сказать, что вам, коммунарам Выборгского района, в этом отношении принадлежала — и будем надеяться, что и впредь будет принадлежать — первая и исключительная роль. Вы, товарищи, были теми, которые, несмотря на специальное окружение, в котором оказался в свое время Ленинград, несмотря на то, что здесь развилась в свое время зараза оппозиции, начиная от губкома и кончая самыми маленькими ячейками на предприятиях, — вы были тем ленинским оазисом, который оказался настолько могучим, настолько твердым, настолько выдержанным, что эта широкая оппозиционная волна встретила жестокий и решительный отпор именно

здесь — со стороны коммунаров Выборгского района, имеющего в своем составе квалифицированнейшие и испытаннейшие кадры ленинградского пролетариата.

Я думаю, что мы — вся партия в целом — вправе требовать от города Ленина, чтобы он после испытаний, которые выпали на его голову, занял снова подобающее место в рядах нашей миллионной Коммунистической партии. Я думаю, что уроки этого прошлого для нас не пройдут бесследно. Нет ни малейшего сомнения, — как бы нас в этом ни старались разубедить представители достопочтенной оппозиции, — нет ни малейшего сомнения в том, что мы с вами стоим на правильной, верной, ленинской дороге. На эту дорогу мы вышли девять с лишним лет тому назад. Не раз были случаи, когда нас с этой дороги хотели сбить, когда хотели менять те верстовые столбы, которые поставлены по дороге к социализму. Не помогло. Мы, товарищи, находили всегда правильную дорогу.

Но не подлежит также никакому сомнению, что впереди нам придется пережить еще очень много внутренних и внешних затруднений. Возможно, что нам еще и еще раз, по мере продвижения вперед, придется пересматривать основные положения нашей тактики. Но я думаю, что тот опыт, тот урок, который наша стотысячная организация имеет в прошлом, даром не пройдет. Я думаю, что мы этот опыт сумеем использовать и в будущем для того, чтобы в самые трудные, в самые ответственные минуты жизни нашей партии нам с вами оказаться на достойных позициях, на достойных местах.

Хотелось бы, товарищи, считать, что мы уже оставили позади то страшное внутрипартийное потрясение, которое мы пережили, ту лихорадку, которая, может быть, у некоторых оставила следы и до сих пор; хотелось бы, чтобы это отошло в область истории, чтобы нам не пришлось с завтрашнего дня снова и снова обнажать наши партийные мечи в новой партийной дискуссии.

Но не забывайте, с каким огромным напряженным вниманием смотрела вся партия и весь рабочий класс на то, что делалось в городе Ленина год тому назад. Если мы сейчас, через год, собравшись на нашей партийной конференции, с огромным удовлетворением отмечаем, что мы вышли победителями из испытания, то вместе с нами

эти счастливые минуты переживают и все коммунары нашей страны и все рабочие нашего великого Советского Союза. Я думаю, что каждый честный пролетарий все решения, которые мы вынесли здесь и которые будут опубликованы в печати, прочтет так, как должен прочесть настоящий защитник социалистического общества.

Несмотря на то, что нам предвещали, мы оказались гораздо сильнее, чем думал о нас наш внешний противник и чем думают те из наших товарищей, которые усомнились, которые потеряли веру в то великое дело, которое называется строительством социализма и освобождением, настоящим и полным освобождением трудящихся не только нашего Союза, но и всего мира. Я думаю, что мы еще и еще раз постараемся сделать для оставшихся по ту сторону наших ленинских позиций все, чтобы помочь им вернуться на правильный путь. Но, с другой стороны, товарищи, мы были бы слишком мягкосердечны в области защиты нашей принципиальной революционной позиции, чтобы не сказать этим же товарищам, — если они еще и еще раз попытаются проделать хоть малейшую попытку к тому, чтобы внести новое замешательство в наши ряды, — что мы, коммунары города Ленина, должны будем первыми самым решительным и самым беспощадным образом выступить для того, чтобы, наконец, решительно и твердо призвать этих товарищей к порядку. Мы слишком ответственные минуты переживаем сейчас, чтобы нам снова и снова без нужды заниматься пересмотром наших положений. Все, что нужно нам для нашей ближайшей очередной работы, нашими съездами, конференциями и ЦК нашей партии написано достаточно отчетливо, понятно и популярно для каждого члена нашей партии.

Наша задача сейчас — заняться вот этой повседневной кропотливой, иногда, может быть, незаметной работой в деле социалистического устройства нашего великого Советского Союза. Сейчас как будто вне нас, благодаря тому временному замешательству, которое было в наших рядах, все еще не прекращается организация темных сил против нашего Советского Союза. Но я думаю, что какие бы громы ни метали по адресу нашего Союза, — я думаю, что девять с лишним лет нашей работы для нас даром не прошли. Мы сейчас достаточно твердо и устойчиво

чувствуем себя на революционных социалистических позициях. Я думаю, что в ближайшие годы едва ли какая-нибудь внешняя стихия может нас отбросить от той работы, которой мы сейчас заняты.

Если это так, то остальное зависит от нашей собственной воли и настойчивости. Однако и в этом отношении мы, несмотря на всяческие испытания, добились многого. Нам угрожали распылением нашей партии, угрожали дезорганизацией рядов нашей партии, нам пророчили полное замешательство среди авангарда рабочего класса, — мы все это отменили и сделали все к тому, чтобы наша партия могла сейчас без всякого преувеличения провозгласить, что она действительно является единой, действительно монолитной, если мы оставим в стороне тех «сирот», которые сейчас пребывают вне нашей партийной работы. Вся же остальная масса, те основные кадры, которые составляют нашу партию, они сейчас спаяны, как никогда. Мы добились сейчас подлинного братства и подлинного единодушия, которые нам действительно необходимы и без которых безусловно невозможно построить то общество, которое называется социалистическим обществом. И теперь нам нужно с вами, как зеницу ока, оберегать то единство и те братские взаимоотношения, которые мы создали сейчас в нашей организации.

Если, товарищи, мы будем верны этой работе, если мы и впредь сумеем с таким же самопожертвованием защищать честь наших большевистских принципов и единство нашей партии, то мы сумеем то положение, которое мы завоевали в истории, сохранить навсегда, невзирая на всякие кликушества со стороны оппозиционеров. Мы сумеем социалистическое общество в нашей стране — пусть все еще хозяйственно отсталой и некультурной, но уже самой передовой во всем мире, — мы сумеем это социалистическое общество в нашем Советском Союзе не только строить, но и построить. Тяжелая это работа. Многих мы в этой работе уже потеряли, и, возможно, многих еще потеряем. Не пройдет быть может много времени, как нам придется чтить память кое-кого из присутствующих здесь. Но такое великое дело, как мировая революция, даром не делается. То великое дело, ради которого мы призваны историей, мы будем продолжать до тех пор, пока

не разбудим сердца и сознание миллионов трудящихся пролетариев на Западе и весь многомиллионный Восток. И если не мы, то наши дети или внуки будут свидетелями того нового, что можно бы назвать царством небесным на земле, а на нашем языке — социалистическим обществом.

Мы уже проделали слишком большую работу, чтобы история смогла свое колесо повернуть назад. Нет, назад движения нет! Или вперед к социализму, к освобождению трудящихся, или к гибели всего человечества. Другого выхода сейчас, товарищи, нет. *Мы явились первыми в этой борьбе, сделаем же все, чтобы первыми и остаться на этих почетных позициях.*

Товарищи, прошлый год нашей работы был тяжелый. История великого города говорит о том, что мы свою задачу выполнили. Тяжелая она, но почетная. И думаю, что, заканчивая работу этой нашей конференции, мы должны сказать то же самое, что и на всех других наших конференциях. Закончив этот этап работы, вступая в практический период строительства социализма, мы снова и снова все вместе и каждый в отдельности должны, складывая все, что мы имеем в нашем распоряжении, беречь каждую минуту времени и каждую советскую копейку для того, чтобы при соответствующей настойчивости закончить с успехом то великое дело, которое мы с вами начали девять с лишком лет тому назад. Еще раз, товарищи, повторяю: история нас торопит, история назад не разрешает повернуть, мы родились только для того, чтобы идти вперед или умереть — в этом, товарищи, наша задача. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают и поют «Интернационал».)

Печатается по тексту книги:
С. М. Киров, Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 267—276.

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
ПРЕОДОЛЕВ КОЛЕБАНИЯ,
ВЫХОДИТ К СВОЕЙ XXIV КОНФЕРЕНЦИИ
С СОВЕРШЕННО ТВЕРДЫМИ И ОПРЕДЕЛЕННЫМИ
УСПЕХАМИ**

*Вступительная речь на открытии
XXIV Ленинградской губернской
партийной конференции
25 января 1927 г.*

Товарищи! Исполнилось ровно три года, как мы потеряли нашего вождя и нашего учителя товарища Ленина. Три года наша партия работает без того, кто основал нашу Коммунистическую партию, кто ее воспитал и кто явился основоположником нашего Советского Союза.

За истекший год из наших рядов ушли испытанные старые большевики, члены ЦК нашей партии — тов. Дзержинский и тов. Красин. Я предлагаю почтить их память вставанием. (В с е в с т а ю т.)

Товарищи, истекший год нашей работы протекал на огромном перевале: наша партия и наша страна из периода восстановления нашего народного хозяйства вступили в полосу нового строительства. Эта эпоха сопровождалась тем, что на нашем пути встретились серьезные хозяйственные затруднения.

Внутри нашей страны этот переходный момент вызвал колебания в некоторых ее звеньях. Но, товарищи, наша партия на своем XIV съезде и далее — на XV конференции — нашла правильное решение всех вопросов, которые стояли перед страной и перед партией. Под твердым руководством ЦК нашим организациям удалось успешно преодолевать хозяйственные затруднения и добиваться все новых и новых успехов на хозяйственном фронте. Это же руководство дало нам возможность изжить и преодолеть тот оппортунистический натиск, который был произведен так пазываемой объединенной оппозицией на партию.

И сейчас, товарищи, мы находимся в такой полосе работы, когда можно твердо и смело сказать, что Союз Советских Социалистических Республик крепнет все больше и больше, а тем самым база международной пролетарской революции становится с каждым днем все более и более надежной.

Мы, товарищи, уже можем твердо сказать, что те шатания, те колебания, та неуверенность в отдельных звеньях нашей партии, которые имели место, теперь изжиты. Теперь наша больше чем миллионная партия представляет монолитную, твердо скованную пролетарскую глыбу такой мощи, какой она не обладала никогда. В этой ответственной и сложной работе и наша Ленинградская организация сделала совершенно твердые и совершенно определенные успехи.

Вы помните, товарищи, какой момент переживали мы, собравшись в этом зале на Чрезвычайную губернскую конференцию. С того момента прошел год, и за этот год коммунары города Ленина снова заняли то почетное историческое место в нашей партии и в нашей стране, которое принадлежит им по праву. Я думаю, товарищи, что и на XXIV конференции мы сделаем все необходимое, чтобы вместе со всей нашей партией еще больше, еще основательнее укрепить мощь нашего Советского Союза, сделать его еще более наглядным образцом для пролетариата всего мира и для угнетенных всех стран. Наша XXIV конференция подведет итоги годовой работы и наметит пути нашей дальнейшей деятельности в городе Ленина.

От имени Ленинградского Губкома разрешите XXIV губернскую конференцию объявить открытой. (А п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 277—278.*

**ТВЕРДО ВЫПОЛНЯЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
XIV СЪЕЗДА И XV ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ,
ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ
УВЕРЕННО ИДУТ ВПЕРЕД ПО ПУТИ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ,
ВСЕХ УГНЕТЕННЫХ**

*Доклад о работе Губкома ВКП(б)
27 января 1927 г.*

**В УПОРНОЙ БОРЬБЕ С ОППОЗИЦИЕЙ
МЫ ДОСТИГЛИ ПОЛНОГО ЛЕНИНСКОГО ЕДИНСТВА**

Товарищи! Прежде чем доложить о практической работе Губернского комитета партии за истекший год, я считаю необходимым изложить перед вами общую обстановку, в которой приходилось работать Губернскому комитету. По этому поводу говорилось у нас достаточно много и достаточно часто, но все-таки, товарищи, то время, которое мы пережили, войдет в историю не только нашей организации, но и нашей партии в целом, ибо эта эпоха действительно во всех отношениях является исключительной. Еще до XIV съезда нашей партии мы вступили в новую полосу партийной работы. Вы знаете, что эта полоса первое время сопровождалась целым рядом хозяйственных затруднений, и я думаю, товарищи, что эти затруднения явились основной предпосылкой того перелома, который пережила впоследствии наша партия. Теперь уже полностью мы дали себе ясный и точный отчет в тех новых задачах, которые стояли перед нашей партией. И как раз тогда в отдельных рядах нашей партии стали замечаться совершенно определенные колебания.

Вы помните, с чего все началось. Началось с того, что отдельные товарищи, представлявшие тогда еще не совсем отчетливо организованную оппозицию, стали нам указывать на якобы происходящее совершенно определенное перерождение отдельных членов ЦК; потом мало-помалу оппозиционная фантазия стала разворачиваться, и перерождение приписывалось уже Центральному Комитету в

целом. В дальнейшем на фоне все более и более ярко выступавших хозяйственных затруднений стали раздаваться голоса о том, что не только Центральный Комитет, а и вся партия, дескать, переживает страшную болезнь перерождения. Нам стали говорить не только о том, что наши вожди, руководители Центрального Комитета партии, по-маленьку, потихоньку сползают с ленинских рельсов, по что, дескать, и рабочий класс и наша партия тоже, мол, недостаточно революционны для того, чтобы решать очередные задачи, стоявшие перед нами. У оппозиции получилась картина, совершенно обратная той, которую нам Зиновьев и Каменев рисовали на XIII съезде партии, когда они говорили, что более монолитной, более ленинской, более выдержанной партии, чем наша Коммунистическая партия и наш ЦК, история революции не знала. В 1925 г. все перевернулось и стало наоборот. Оказалось, что во всей нашей миллионной партии только несколько человек ясно представляли себе те задачи, которые стояли перед партией, все же остальные уклонились в сторону заигрывания с кулаком, с нэпманом.

«Зоркий» глаз наших оппозиционеров, вы помните, видел, как постепенно эта волна мелкобуржуазной стихии стала захлестывать сначала нижние, подвальные, этажи нашей социалистической храмы, а потом по-маленьку полезла и в первый этаж. И нам предрекали, что пройдет немного времени, как мы, чудачки, не замечающие процессов нашей жизни, окажемся на чердаке этой социалистической храмы и, высываясь из окон, будем с растерянными жестами кричать: «караул!».

Все это, товарищи, не басни, не сказки, а действительное изображение оппозиционных взглядов. Как ответила наша партия на это? Помимо той работы, которую мы вели внутри нашей партии для защиты основных положений ленинизма, для защиты нашей партии от раскольнической политики, ЦК нашей партии вместе с огромным, подавляющим большинством ее вел кропотливую, упорную работу по преодолению хозяйственных затруднений.

Затруднения были в достаточной мере серьезны. Но ЦК партии и вся наша партия не шарахались из стороны в сторону в обстановке этих затруднений, а постепенно,

идя от одного хозяйственного фронта к другому, составили себе достаточно точную, достаточно отчетливую программу того, как вывести на новые рельсы дальнейшего развития наше народное хозяйство. И, несмотря на то, что оппозиция обстреливала наши основные командные высоты, ЦК нашей партии сумел в достаточной степени отстоять их.

Вы помните, мы выдерживали натиск и на политику внешней торговой монополии, и на нашу внутрихозяйственную линию, и на другие звенья нашей работы. И вот, товарищи, со времени XIV съезда нашей партии, когда эта борьба приняла особенно острые формы, ничем уже не прикрытые, когда представители нашей оппозиции достаточно развернули свой махровый символ веры, — за этот год, который прошел, мы сейчас можем уже твердо и определенно сказать, что мы не только поняли все узлы, сложившиеся вокруг вопросов нашей хозяйственной жизни, но мы, несомненно, наметили совершенно правильное, совершенно отчетливое разрешение этих вопросов. Я не хочу сказать, что сейчас у нас на фронте хозяйственной работы, которую я считаю основной в данную эпоху, над всеми «i» поставлены точки, уже совершенно ясные для всех и каждого. Отнюдь нет. Вопросов еще масса. О них мы слышали и услышим еще не один раз. Каждый новый наш шаг будет выдвигать новые и новые задачи. Но я хочу сказать, что основная линия этой переходной эпохи к социализму намечена нами, несомненно, совершенно правильно, твердо и определенно.

Я думаю, что это обстоятельство явилось решающим в деле окончательной ликвидации того относительного влияния, которое в некоторых частях нашей партии имела оппозиция. Не буду скрывать, товарищи, — это факт совершенно определенный, — что было время, когда представители оппозиции свили себе гнездо здесь у нас, в Ленинграде, на первый взгляд казалось, достаточно прочное гнездо. После того как мы в организации проработали итоги XV конференции нашей партии, мы сумели подвести окончательные итоги оппозиционным влияниям, которые были в нашей партии. Я приведу небольшую справку о том, во что вылились в конечном счете надежды объединенной оппозиции.

Мы провели широчайшую кампанию по разъяснению и популяризации решений XV Всесоюзной партконференции. На всех фабриках и заводах мы самым тщательным образом разъясняли членам нашей партии эти решения. Что же оказалось? Оказалось, что против решений XV конференции голосовало во всей нашей более чем стотысячной организации всего-навсего 27 человек, воздержалось при голосовании этих решений 69 человек. Таким образом, во всей нашей свыше чем стотысячной организации не разделяло точку зрения нашей партии после XV конференции всего-навсего 96 человек.

Но, товарищи, какая бы хорошая семья ни была, нельзя себе представить такую семью, чтобы не было в ней уродов. Мы не будем стыдиться того, что в нашей огромной стотысячной семье после XV конференции оказалось еще 96 маленьких уродов, которые не разделяли общей линии нашей партии, нашей организации.

Я все-таки думаю, что, несмотря на такую «устойчивость» этих 96 товарищей, не все они неизлечимы. Я думаю, что мы все-таки сумеем еще принять кое-какие меры и порядочное количество из этих 96 человек постараемся вылечить.

Я не думаю, что они окончательно искалечены, тем более, что опыт нашей работы показал, что иные как будто безнадежные в этом отношении люди потихоньку, помаленьку при свете той работы, которую мы здесь проделали, все-таки усвоили настоящую ленинскую линию нашей партии. Тут, товарищи, дело не в нашей ловкости, не в нашем искусстве обращать на путь истинный этих заблудившихся товарищей, возвращать их в наше ленинское лоно. Дело заключается, в конечном итоге, в самой реальной объективной обстановке.

Можно сказать одно. Вся наша девятилетняя работа совершенно отчетливо показывает, что других путей работы и деятельности, чем те, которые практиковались партией и ЦК, пайти нельзя. И все те рецепты, которые присылала нам старая, новая, новейшая и всякая прочая оппозиция, все-таки, в конечном итоге, оказались фальшивыми, поддельными рецептами, и как наша партия, так и рабочий класс в целом достаточно быстро в этом деле разобрались. Но было бы, конечно, товарищи, совер-

шенно неправильно, не по-большевистски, не по-ленински, успокоиться на том, что объективное соотношение сил, дескать, говорит за нас, наше дело обеспечено и мы можем сидеть совершенно спокойно. Это, конечно, было бы неправильно, и мы — Губернский комитет партии — отнюдь не поступали так.

После XIV съезда нам в Ленинграде прочили развал и распад, всякое партийное столпотворение. Нам говорили, что пройдет энное количество времени, пока мы сумеем создать нечто похожее на организованное партийное целое здесь, в Ленинграде. Невзирая на все эти предостережения, невзирая на то, что многие из испытанных старых специалистов организационной партийной работы от нас отвернулись, — правда, часть из них нам пришлось самим «отвернуть» от нашей партийной работы, — мы все-таки терпеливо занялись восстановлением рядов нашей Ленинградской организации. И здесь, товарищи, необходимо отметить, что, несмотря на всю сложность обстановки, мы все-таки находили время для того, чтобы не забывать и другие отрасли нашей работы. Но упор мы взяли главным образом на эту внутреннюю партийную работу.

И вот, подводя сейчас итоги этой работы, мы видим ее результаты. Я бы хотел обратить ваше внимание на прошедшие недавно районные конференции нашей организации. Старожилы, которые хорошо знают Ленинградскую организацию, говорят, что происходившие районные конференции действительно чрезвычайно отличались от прошлых конференций. Первое и главное, что бросается в глаза, это громадная активность, самодеятельность и действительно настоящая ленинская организованность, которую мы наблюдали на этих конференциях. Чем Губернский комитет достиг этого? Прежде всего тем, что мы после той встряски, которая происходила в Ленинграде, взяли настоящий ленинский курс на проведение внутрипартийной демократии.

Мы сделали все для того, чтобы дать возможность всей организации понять настоящую сущность этой самой внутрипартийной демократии. Мы начали с того, что стали держать в курсе дела всей нашей партийной жизни не только верхушку, не только организационных коман-

диров, но мы старались жизнь и деятельность Центрального Комитета сделать достоянием всей нашей организации. И вы помните, — мне это неоднократно приходилось говорить, скажу и здесь, — что, когда оппозиционеры упрекали нас из-за угла, что мы учиняли всякие нажимы, прижимы, зажимы, что мы держим постановления ЦК в кармане, что мы по особому отбору знакомим членов партии с его постановлениями, — мы отвечали, что эти обвинения вздорны. Мы старались поставить дело так, чтобы каждый член партии по возможности и, само собой понятно, каждый активный член партии обязательно был бы знаком не только с решениями, вынесенными ЦК и Политбюро нашей партии, но чтобы каждый знал, чем продиктованы эти решения, чем они вызваны.

Вот эта работа наряду с тем, что мы действительно развернули выборную систему в нашей организации, позволила нам в сравнительно короткий срок сделать так, чтобы все, что проделано нашей партией, было сознательно воспринято всеми членами нашей организации.

И вот, когда мы на районных и уездных конференциях подводили итоги нашей работы, то видели, что ни один из членов партии не пожаловался на то, что он недостаточно осведомлен или что недостаточно осведомлена та организация, которую он представлял, о жизни и деятельности нашей партии, — таких заявлений мы на наших конференциях не слышали. Из многочисленных выступлений, которые были по докладам о работе Губкома и райкомов, — а выступавших было 11% по отношению ко всем присутствующим, — мне помнится, только один товарищ на одной из райконференций пожаловался на недостаточную внутрипартийную демократию у нас в организации, но этот товарищ решительно никем не был поддержан. Каждый видел, что тут что-то не так, что это заявление не соответствует действительности.

Сейчас мы имеем в Ленинграде хорошо организованный партактив. Вы помните, что по адресу нашего партактива тоже раздавались чрезвычайно нелестные характеристики. Говорили, что мы опираемся на каких-то молокососов, что мы ничего не понимаем во внутрипартийной «механике». Второй упрек был совершенно правилен.

Действительно, у бывших руководителей Ленинградской организации слишком большое внимание уделялось этой внутрипартийной «механике». За этой «механикой» товарищи проглядели самое ценное. Когда мы эту механику немного ковырнули, то оказалось, что на ней далеко не уедешь. Поэтому мы, воспитывая наш актив, не делали опору на внутрипартийную механику, хотя ее не забываем и забывать ее нельзя, но мы всю работу направляли вглубь. Сейчас мы имеем достаточно твердые кадры людей, которые являются проводниками наших партийных заданий в наших коллективах, в наших цехах и в наших звеньях.

ОППОЗИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ АНТИПАРТИЙНУЮ БОРЬБУ

Но все-таки было бы ошибкой думать, что как в отношении разрешения хозяйственных, так и внутрипартийных задач все было сделано на все сто процентов. Я думаю, что этого нет. Верно, что представители так называемой объединенной оппозиции пребывают в исключительном одиночестве, это верно, но сказать, что они, сидя в этом одиночестве, совершенно разочаровались и что они не смогут лишний раз воспользоваться какими-нибудь новыми затруднениями, нельзя.

Я знаю, что мы имеем целый ряд разного рода документов, в которых товарищи говорят, что они впредь будут партийными паиньками и что если они не будут стоять перед партией во фронт, то будут достаточно вежливы по отношению к большинству и к ЦК партии. Но время от времени появляются признаки, которые показывают, что работа в подполье совершается.

На днях, накануне нашей губпартконференции, мы от одного из наших товарищей получили заявление, где он рассказывает, что приехал один товарищ (в Ленинграде действуют главным образом приезжающие), — приехал один товарищ из Ульяновска, испытанный, старый троцкист, который теперь является твердокаменным «объединенным» оппозиционером, и рассказывал здесь следующее (у меня есть официальное заявление): «Мы вовсе еще не смотрели удочки, как любил выражаться тов. Зиновьев; нет, мы, видя, что погода неблагоприятна, решили, что

нужно выждать и отдышаться». И вот этот товарищ рассказывает о плане оппозиции примерно в таких выражениях: «Мы получили директиву, — говорит товарищ, — никогда открыто не выступать, а вести подготовку к XV съезду партии и притом так, чтобы это не было ни для кого заметным. Мы имеем директиву выдавать себя за стопроцентных сторонников большинства ЦК, с тем чтобы получить доверие, добиться мандатов на партсъезд, а там голосование покажет».

Какое будет голосование, что оно покажет на XV съезде, я думаю, мы гадать не будем. Мы знаем, что показало голосование на XIV съезде, на XV партконференции. Не в этом, конечно, дело. Дело в том, что, как видите, надежда еще теплится помаленьку. Вы, конечно, как достаточно испытанные большевики-ленинцы, понимаете, что такого рода тактика: мы сейчас себя выдадим за стопроцентных большевиков-ленинцев, нас выберут на партсъезд, а там мы покажем, — недопустима. Мы тоже достаточно стреляные зайцы во всех отношениях, и только потому, что ты сейчас заорешь на всех углах и перекрестках о том, что ты стопроцентный большевик, мы тебя прямо на съезд, а потом в ЦК, потом, быть может, в Политбюро не выберем. Таких чудачков у нас в партии нет. По-моему, это продиктовано больше отчаянием, чем твердой надеждой добиться успеха. Но так или иначе сказать сейчас, что теперь все гладко и спокойно, это сказать нельзя. Конечно, надо как на хозяйственном фронте, так и на внутрипартийном в достаточной степени быть начеку, продолжать работу, которую мы вели. Надо вести последовательную работу в деле все более глубокого внедрения основ ленинизма в сознание широких слоев нашей партии. Эту работу мы должны продолжать по-прежнему.

РАБОТА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Несмотря на всю сложность обстановки Губком нашей партии делал все для того, чтобы не забывать и других сторон нашей работы. Я уже говорил, что основной, решающей является сейчас хозяйственная работа, в широком смысле этого слова, и в первую очередь наша

промышленность. Я не буду повторять, как и почему был провозглашен лозунг индустриализации страны. Вы это знаете прекрасно. Знал, конечно, это и Губком. Поэтому большое и достаточно серьезное внимание Губком нашей партии уделял и уделяет ленинградской промышленности. Мы все прекрасно понимаем, какое значение в нашем Союзе в данную эпоху играет наша ленинградская промышленность. Конечно, будущий Губком, по примеру прошлого, должен делать упор в хозяйственной политике на дальнейшее совершенствование ленинградской промышленности. Я не буду утруждать ваше внимание приведением больших цифр, но все-таки я не могу не привести общих данных, характеризующих состояние нашей ленинградской промышленности, причем я имею в виду ту промышленность, которая подчинена ВСНХ.

В 1925/26 г. наша ленинградская промышленность дала продукции на 650 миллионов рублей в довоенных рублях, в 1926/27 г. намечено на 780 миллионов рублей. Судя по первому кварталу, который мы пережили, наша программа, очевидно, нами будет выполнена; во всяком случае надо сделать все к тому, чтобы эта программа была выполнена целиком и полностью. Рядом с этим росла, конечно, и рабочая сила в Ленинграде. Если в 1924/25 г. насчитывалось в ленинградской промышленности и транспорте 393 тысячи рабочих и обслуживающего персонала, то в 1925/26 г. — 443 тысячи. Возрастание, как видите, произошло на 50 тысяч.

Достаточно серьезные затраты сделаны и на усиление и подкрепление основного капитала нашей ленинградской промышленности.

От 58 миллионов рублей вложений в 1925/26 г. мы в этом году перешагиваем на 115 миллионов. Но я должен сказать, что будущему Губернскому комитету партии нужно будет принять все меры к тому, чтобы эти цифры не подверглись таким изменениям, каким подверглись цифры прошлого года. Если мне память не изменяет, в прошлом году было намечено вложить 70 с чем-то миллионов в ленинградскую промышленность, но постепенно, помаленьку, в силу различных причин эта сумма была снижена до 58 миллионов. Я думаю, что надо сделать так, чтобы эти 115 миллионов, несмотря на ту оттепель, ко-

торая наступает, отнюдь не подтаяли бы, а вся эта сумма была бы вложена, копеечка в копеечку, в нашу ленинградскую промышленность, конечно, если не помешает что-нибудь серьезное. По-моему, это абсолютно необходимо.

Губернский комитет партии достаточно внимания уделил также и тому, чтобы наша рабочая сила была использована целиком и полностью в целях дальнейшего усиления промышленности. Вы знаете, что мы имели директивы о необходимости поднятия производительности труда, подтягивания трудовой дисциплины во всех ее видах и формах.

Здесь мы подходим к самому спорному месту нашей работы. В вопросе о поднятии производительности труда и зарплаты мы никак, несмотря на всю серьезность хозяйственных задач, не можем найти один общий объективный язык. Если вы пожелаете получить справку о том, как дело обстоит в области поднятия производительности труда, то здесь все будет зависеть от того источника, откуда вы будете получать эту справку. Если вы получите сведения из одного органа статистики, у вас будут одни данные, если из другого, то вы получите уже другие данные. Кроме того, все будет зависеть и от того, в каких целях вы запрашиваете эти данные. Одним словом, цифры по этим вопросам у нас спорные. Губернский комитет партии, как самая объективная сторона, старался получить наиболее объективные данные. И вот выходит, что как будто бы мы директиву центра выполнили. Если мы октябрь — декабрь 1925 г. возьмем за 100% в смысле выпуска продукции, то в январе мы имеем 110%. Заранее оговариваюсь, что эти цифры нуждаются в очень серьезной проверке.

Что же касается зарплаты, то в червонном исчислении она шла параллельно поднятию производительности труда; в товарном же исчислении, если сравнить настоящую среднюю зарплату с той, какая была в октябре — декабре прошлого года, то в первом квартале хозяйственного года получится некоторое падение, причем процент падения колеблется. Одни утверждают, что снижение имеется на 3,6%, другие — на 5%, а третьи говорят, что еще больше. Тут также надо условиться относительно того,

какую среднюю зарплату необходимо брать для сравнения. Можно взять среднюю зарплату за позапрошлый год и сравнить ее со средней зарплатой прошлого года; можно взять зарплату октября позапрошлого года и сравнить ее с зарплатой на 1 октября прошлого года. Цифры, как вы понимаете, получатся иные.

Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что примерно в середине прошлого года мы в промышленности имели громадную расхлябанность трудовой дисциплины по всем линиям, мы отмечали колоссальное количество прогулов по неуважительным причинам. Мы сделали соответствующий нажим, и как будто дело пошло так, что к концу прошлого хозяйственного года мы стали замечать некоторое выправление по этой линии. Об этом, товарищи, вам будут говорить достаточно подробно.

БЕЗРАБОТИЦА

Чтобы покопчить с этим, я укажу только на одно: громадной болячкой на нашем хозяйственном организме является безработица. Цифр напоминать я не буду, скажу только, что цифра безработных дошла у нас сейчас до 175 тысяч человек. Я, правда, не думаю, что на самом деле у нас 175 тысяч безработных в Ленинграде. Но, во всяком случае, размеры безработицы достаточно велики. Беда заключается в том, что, несмотря на все те частичные меры, которые мы принимали (за прошлый год, например, мы израсходовали в Ленинграде на помощь безработным по разным каналам ни больше ни меньше как 10 миллионов рублей), — все это не давало отдушины. Основное, товарищи, в том, что эта самая безработица прет в Ленинград со всех сторон и, в первую очередь, из деревни.

По подсчету Губпрофсовета в общем количестве безработных 40% таких, которые впервые в жизни предлагают свою рабочую силу. Все это надо тщательнейшим образом проверить, проверить весь состав безработных. Насколько я знаю, ЦК принимает уже на этот счет меры во всесоюзном масштабе, и нам надо принять меры для урегулирования трудностей, связанных с безработицей.

НАШИ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Какие же задачи в дальнейшем стоят перед нами? Вы помните, что в деле индустриализации нашей страны, в основной задаче, которая стоит сейчас перед нашей партией, Ленинград и ленинградская промышленность должны будут сыграть совершенно определенную роль. По данным Промбюро, удельный вес ленинградской промышленности в истекшем хозяйственном году составлял 13% всесоюзной промышленности, а в будущем году он обещает выразиться в 14%. Как видите, рост совершенно определенный, и, конечно, нам нужно сделать все, чтобы эту скалу, которую мы имеем в Ленинграде, в отношении индустриализации страны, укреплять всемерно. Вы знаете, что мы здесь оборудуем сейчас совершенно новые отрасли производства по машиностроению и пр. На все это нужно сделать основной упор.

Мне дали справку из Промбюро, что в области машиностроения продукция ленинградской промышленности составляет 22% общесоюзной продукции, наша электротехническая промышленность составляет 65% по отношению к союзной. Нужно будет сделать все для того, чтобы здесь создавались материальные резервы индустриализации всей нашей страны.

Я думаю, товарищи, что одна из громадных задач, которые перед нами стоят, — это *электрификация нашей промышленности*. Это нужно совершенно твердо и отчетливо, товарищи, указать. Вы знаете, в каком состоянии находится наше электрохозяйство. Я приведу только одну справку. Вы знаете, что мы здесь, в Ленинграде, за год сжигаем всего топлива (нефть, уголь и т. д.) в переводе на уголь ни больше ни меньше как 100 миллионов пудов. Это, товарищи, роскошь при нашем положении. Помимо того, что необходимо, конечно, всячески экономить топливо, — это само собою понятно, — нужно иметь в виду и переброски такого громадного количества грузов, а в дальнейшем, с развитием промышленности, может быть и в большем размере. Очевидно, нам нужно это дело ставить на другие рельсы. Очевидно, надо будет переходить на более дешевые виды энергии, потому что только таким образом мы сумеем разрешить основную проблему,

стоящую перед нами, — удешевление себестоимости продукции.

Необходимо принять, очевидно, меры и для того, чтобы догрузить, использовать оставшийся неиспользованным основной капитал. Здесь цифры также требуют основательной проверки, но минимальные из них укладываются в 30 % недогрузки нашего оборудования.

Следующее, на что нужно будет обратить внимание, это — улучшение технических условий труда. Я упомяну для примера лишь о том вопиющем безобразии, которое произошло на заводе «Салолин». Такие случаи не только в Ленинграде, но и вообще в нашем Союзе ни в какой степени недопустимы. Мы не будем рассматривать более мелких случаев в нашей повседневной работе, но во всяком случае, на это надо обратить громадное внимание. Наконец, мне хотелось бы указать на достаточно характерную для Ленинграда особенность. Я думаю, что при разрешении задачи подведения новой технической базы под нашу промышленность нам необходимо будет в максимальной степени использовать те многочисленные научные учреждения, которые имеются у нас в Ленинграде. По-моему, они используются недостаточно.

Вы знаете, что у нас на каждом достаточно хорошо оборудованном заводе есть та или иная лаборатория, где люди с достаточным вниманием работают. Но вот что бросается в глаза. У нас каждый сидящий в этих бюро, в этих лабораториях старается изобретать, скрываясь и потихоньку, чтобы никто другой не видел и не слышал, каждый копошится по-своему, друг с другом опытом не делится. Я думаю, товарищи, что с этим положением надо кончить, надо эту работу вывести на общественную арену, где можно будет привлекать к ней большие технические силы.

Нужно ли говорить о том, что надо всемерно улучшать наш хозяйственный аппарат? Об этом говорилось достаточно много, и я скажу только одно. Из собственной практики, собственных наблюдений скажу, что очень часто жалуются, что у нас волокита, что у нас сложная, трехэтажная отчетность, которая измеряется десятками и сотнями пудов. Это все верно. Но, по-моему, неправильно, что мы сидим и ждем, когда сверху преподнесут новую

систему учета, новую систему отчетности, новую систему построения технического аппарата и пр. и пр. Конечно, нужна помощь центра, но, по-моему, в таком громадном хозяйственно-промышленном городе, как Ленинград, нужно самим использовать наш колоссальный повседневный опыт и проявить здесь инициативу.

Я не буду говорить (об этом говорилось достаточно много), что необходимо принять самые решительные меры к тому, чтобы добиться снижения себестоимости. Тут я не буду портить ваше настроение, но, если хотите, сделаю несколько указаний, которые покажут, что не все у нас обстоит благополучно. Мне дали справку по текстильной промышленности: если взять стоимость фуляра в 1923/24 г. за 100, то в 1925/26 г. она будет 75%, а в 1926/27 г. намечается 77,6%. Правда, эти данные, полученные мною от Промбюро, оспариваются Ленинград-текстилем. Как видите, с 75% поднимается до 77%; несмотря на рост продукции, ряд усовершенствований, в результате оказывается повышение себестоимости продукции. Вот Чернышева говорит, что это потому, что фабрики не загружены. Я не знаю, были ли они загружены больше в прошлом году. По-моему, они были загружены меньше. (Чернышева: «Да, меньше».) Вот и Чернышева говорит, что меньше. А продукция стоила дешевле. Что-то тут не выходит. Спросите Чернышеву, она скажет, что и заработная плата была не меньше в прошлом году. Одним словом, как ни раскидывай, все говорит за то, что чем дальше — из года в год — себестоимость должна быть дешевле, а выходит наоборот. Надо все просмотреть, надо навалиться всей нашей большевистской тяжестью на этот участок, чтобы добиться снижения себестоимости.

В ДЕРЕВНЕ УКРЕПЛЯТЬ КОЛХОЗЫ И СОВХОЗЫ

О сельском хозяйстве я говорить много не буду. Губерния наша не сельскохозяйственная. Но было бы, конечно, странно, если бы мы совершенно забыли о том, что делается вокруг нас. Наше сельское хозяйство — об этом вам будут говорить подробнее — на месте не стоит. Приведу последние данные, которые у меня имеются. В 1924/25 г. валовая продукция сельского хозяйства

в довоенных рублях исчислялась в 70 миллионов 300 тысяч рублей, а в истекшем 1925/26 г. она достигла 76 миллионов рублей. Как видите, рост все-таки довольно заметный. Но вот я только хотел обратить внимание на следующее. Когда вы разложите продукцию нашего сельского хозяйства, то оказывается, что как раз половина приходится на земледелие и половина на животноводство. Этим самым характеризуется вся структура нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что мы живем в краях неплодородных, и, очевидно, нам надо будет брать упор на дальнейшее усиление отраслей животноводства.

Укажу, товарищи, на одну основную задачу, которая стоит перед сельским хозяйством нашей губернии и всего Советского Союза. Мы проделали громадную работу в отношении развития социалистического сектора нашей промышленности. Но мы не забываем и о роли частного капитала. Я приведу вам некоторые цифры о его развитии. В прошлом году частный капитал у нас в промышленности занимал 1,6%, а сейчас он занимает 2,2%. Как видите, частный капитал вырос. Кажется, можно было бы кричать «караул», но это такой ничтожный рост, что его можно и не бояться. А вот что касается сельского хозяйства, то на социалистический сектор надо обратить самое серьезное внимание. До сих пор мы этой работой занимались очень мало. Так называемые колхозы, совхозы и пр. были в некотором загоне. Ну, «раз советское хозяйство, значит дело идет через пень колоду, значит ничего хорошего не выйдет». Если колхоз — значит убыток, значит дело никуда не годится. Надо во что бы то ни стало проводить директиву ЦК, которая имеется па этот счет: надо позаботиться и о командном составе для сельского хозяйства.

У нас на фабриках, заводах, в трестах есть такие молодцы, которые могут поспорить с заправилами больших капиталистических трестов в смысле постановки дела. А в сельском хозяйстве — дело табак. До сих пор руководители сельского хозяйства зачастую не умели отличить рожь от ячменя, не знали, как она растет. А мы поручаем им целый совхоз, мы говорим: «Поставьте дело безубыточно». А как же такой управитель может поставить дело безубыточно, если он не умеет к этому делу рук приложить? Тут нам надо этим делом вплотную заняться. Ведь

для этих-то вот 20 миллионов мелких крестьянских хозяйств нашей страны мало одних красных уголков, мало популярных книжек о том, как строить социализм, а надо помогать им на деле строить социализм.

Столбовая дорога к социализму — кооперация — проложена. Но помимо этого нужны и оазисы — совхозы и колхозы. Тут нельзя требовать, чтобы сразу было и равенство и братство. Надо начать с отдельных звеньев, с коллективных форм ведения хозяйства. И тогда дело пойдет дальше.

УКРЕПЛЯТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СЕКТОР В ТОРГОВЛЕ

Следующий вопрос, товарищи, вопрос о торговле.

Здесь, как вы знаете, оппозиция обрушивалась на ЦК партии и большинство партии и направляла по этой линии такие упреки: вот, дескать, самый наглядный пример новой зарождающейся буржуазии, которая получила 400 миллионов рублей прибыли только за один год.

Посмотрим, как обстояло дело у нас, в Ленинграде. Возьмем общее увеличение торгового оборота: в 1924/25 г. мы имели в городе и деревне оборот в сумме 1232 миллиона рублей, а в 1925/26 г. — 1770 миллионов рублей, т. е. определенный рост. Как же расчлениются звенья торговли? У меня имеются такие сравнительные данные: в городе в 1924/25 г. государственная торговля составляла 58%, кооперативная — 21% и частная — 21%. Мы видим, что в прошлом году кооперация и частник занимали равные позиции в торговле; в 1925/26 г. положение уже изменилось: государственная торговля уже составляет 54%, кооперативная — 27% и частная — 19%. Таким образом, вы видите, что кооперативная торговля увеличилась на 6%, а частная упала на 2%. В деревне в 1924/25 г. государственная торговля занимала 8%, кооперативная — 67% и частная — 25%. В 1925/26 г. госторговля составляет 13%, кооперативная — 64% и частная — 23%. Таким образом, государственная торговля увеличилась на 5%, а частная уменьшилась на 2%. Идет определенный отжим частного капитала из торговли. В торговле громадным рычагом в смысле отжимания частного капитала является кооперация. Но в этой области особенно похвастаться

перед вами не могу. В оправдание работы Губкома партии скажу, что мы большое внимание уделяли нашей кооперации. Беда заключалась только в том, что первое полугодие мы занимались похоронами отдельных кооперативных организаций, а не взращиванием новых. Так, например, мы похоронили «Трудсоюз», похоронили с таким треском, что до сих пор еще рассчитаться с этим делом как следует не можем. На похоронах присутствовали центральные органы Москвы, СТО, кто угодно; всякие неприятности были с этим делом. Это сильно поколебало всю систему сельскохозяйственной кооперации.

В отношении потребительской кооперации развитие дела налицо, хотя имеется много изъянов. Если взять оборот и рост паевого капитала по ЛСПО в Ленинграде, то увидим, что на 1 октября 1925 г. паевой капитал составлял 965 тысяч рублей, а сейчас 1769 тысяч рублей. Обороты первичной кооперации составляли в I квартале 1925/26 г. 30 миллионов рублей, в IV квартале — 36 миллионов рублей.

В деревне дело обстоит слабее. Там потребительская кооперация объединяет 68 тысяч человек, кредитная — 58 тысяч, а сельскохозяйственная — всего 17 тысяч человек.

Будущему Губкому партии нужно сделать все, чтобы эту кооперацию так или иначе поставить на правильные рельсы.

Губком партии отсеивал все нежизненные объединения и слишком универсальные объединения, которые хотели объединить все виды хозяйственной деятельности, и перешел на специальные виды кооперации. У нас есть союз по молоку, союз по маслу, союз по льну, но это дело еще находится в стадии укрепления; во всяком случае, постановка специальных видов кооперации выходит на дорогу.

БОРЬБА ЗА РЕЖИМ ЭКОНОМИИ И СНИЖЕНИЕ ЦЕН

Перехожу к вопросам режима экономии и сжижения цен.

Я думаю, что вы не заставите меня много говорить относительно режима экономии. Мы с вами проводили

достаточно широкую кампанию, много занимались этим делом. Я пробовал на районных конференциях приводить цифры, но, по совести сказать, ничего из этого не выходит. Сэкономили мы маловато.

Вы знаете, что объяснялось это многими причинами. Не совсем правильно был воспринят лозунг режима экономии. Пока сумели растолковать, время-то ведь шло, а «режимились» мы очень скромно. Конечно, кое-что сделано, было бы совсем нелепо сказать, что ничего не сделано. Во всяком случае, я думаю, есть одно громадное завоевание — это то, что мы, благодаря осуществлению лозунга режима экономии, сумели близко подойти к тому, чтобы действительно вплотную посмотреть, из чего складываются наши дебет, кредит, баланс и т. д., как это происходит. Это стало более доступным. Поэтому мы сумели обнаружить те — теперь уже ставшие ходячим анекдотом — безобразия, как с разведением соболей в Севзапторге, где каждая штука обошлась нам в 50 тысяч рублей, и т. д. Я не буду здесь, на конференции, никого выдавать. Я думаю, что все эти виновники достаточно выданы. Это опубликовано во всеуслышание. Я думал, что на губернской конференции мы встретим опровержение на этот счет. Растили соболя, растили, съел он 50 тысяч, может быть немножко меньше, может быть и больше, по крайней мере он не сдох.

Это говорит о том, что слишком спокойно у нас до сих пор смотрят на все эти безобразия. Очевидно, нам надо на эту сторону нажать со всей нашей большевистской жесткостью. Повторяю, будущему Губкому надо будет, видимо, как-то пошире поставить этот вопрос. В этом деле, я думаю, к нам придут на помощь все наши организации, ибо борьба за режим экономии должна быть поставлена действительно по-настоящему. Надо, наконец, понять, что это есть один из главных источников для индустриализации страны. Если мы ставим такую задачу, то надо действительно по-настоящему подтянуться, поискать, покопать. Неверно, что нельзя ничего найти. Это чепуха. Совершенно правильно указал, кажется, т. Бухарин, какие изменения произошли со дня введения нэпа. Дело все-таки сдвинулось. Я думаю, что и по части режима экономии мы можем кое-где перестроиться.

Затем, я думаю, к режиму экономии надо отнести еще такой вопрос: здесь вам т. Рудзутак докладывал, что мы в этом году во всесоюзном масштабе вкладываем в нашу промышленность и транспорт свыше 1 миллиарда рублей. Легко ли подумать — миллиард рублей. Надо это сделать таким образом, чтобы каждая копейка рабоче-крестьянского достатка лежала на совершенно определенном месте, чтобы она не шла какому-нибудь дурацкому соболю на воспитание и еще черт его знает кому, а надо, чтобы она давала другую копейку. Если тебе отпустили на капитальные затраты 500 тысяч, то ты ночей не спи и думай, как это вложить таким образом, чтобы это принесло действительную пользу, а не так что — раз-два, размахнулся — и готово. Этот вопрос тоже надо отнести к режиму экономии. Повторяю, необходимо, чтобы каждая копейка твердо знала свое место.

Что касается снижения цен, то мы добились того, что придержали рост цен. Одно время добились даже того, что как будто бы цены пошли вниз. Если, например, взять бюджетный набор, то здесь дело обстояло следующим образом. На 1 сентября 1926 г. он составлял 18 рублей 51 копейку (я беру цифры по кооперативным ценам), на 1 октября — 17 рублей 83 копейки, на 1 ноября — 17 рублей 76 копеек, а дальше мы имеем изменения, все пошло вверх тормашками, в декабре он равен уже 18 рублям 45 копейкам. Тов. Комаров мне подсказывает, что, мол, масло. Правильно, повышение цен на масло привело прямо к безобразным явлениям. Но дело-то в том, что помимо масла, у нас так бывает, что вот, если поднялись цены на масло, то надо поднять цены и на то, что рядом с маслом лежит. И мы тут действительно промаслили на этом же деле. Но сказать, что мы впустую около лозунга снижения цен ходили, — это неверно. Придержка громадная получилась. Вам здесь уже достаточно подробно развивали, что лозунг снижения цен — это не просто продать или купить, это громадная политическая задача для нашего Союза, связанная и со смычкой города с деревней, и с союзом рабочего класса с крестьянством, и с положением рабочего класса и т. д. Это совершенно ясно.

Таким образом, в области нашей хозяйственной работы мы все-таки можем сказать, что Губернский комитет пар-

тии, несмотря на всю сложность обстановки, имел большие достижения. Я думаю, что, за исключением отдельных шероховатостей, мы все-таки в основном директивы партсъезда и Центрального Комитета партии выполнили удовлетворительно.

В дальнейшем, товарищи, я должен просто, по-советски, сказать, что надо будет обратить на все стороны этой работы самое серьезное внимание. Ведь прошлый период мы провели в исключительной обстановке, были смягчающие обстоятельства — каждый поймет, что мы естественно отвлекались от некоторых задач. Теперь этого нет, теперь пройдет XXIV губернская конференция, мы изберем новый Губернский комитет партии. Здесь, на конференции, мы не слышали ни одного оппозиционного, мешающего работе возгласа или голоса; после конференции нам придется подойти к работе засучивши рукава, дабы без всяких мелких помех поставить все эти вопросы на практические рельсы и с достаточным напором их разрешить.

ВОПРОСЫ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ

Что касается нашей внутрипартийной работы, то она характеризуется розданными вам печатными материалами, а поэтому я постараюсь только оттенить самое основное в этой области.

Мы взяли в нашей партийной работе прежде всего упор на воспитание актива, затем на работу в цеху и, наконец, на работу в наших звеньях. Я думаю, что мы поступили совершенно правильно. По поводу воспитания нашего актива скажу, что в отношении 16¹/₂ тысяч наших активистов, которые на добрых 50% являются новыми, только подходят к этой работе, в общем и целом мы добились того, что они достаточно политически воспитаны.

Что касается работы в цеху, то я приведу одну справку. Эта работа крайне важна. По Ленинграду в цеховых ячейках находится 43 тысячи партийцев, т. е. 52% нашей организации, считая без коммунистов военных, или 72% партийцев, если взять число членов партии по фабрично-заводским предприятиям. Совершенно ясно, какое громадное внимание мы должны уделить этой работе.

Именно отсюда надо начать. Мы правильно поставили этот вопрос и получили те результаты, о которых я вам говорил в начале моего отчетного доклада. Сказать, что у нас эта работа прошла совершенно гладко, нельзя. Перебоев тут было очень много. Не везде проводились регулярные собрания цехячеек, не везде проявлялось достаточное руководство со стороны бюро коллектива цехячейками. Но указаний давалось достаточно много, коллектив занимался работой ячеек, связь получалась полная, непосредственная, и мы сумели это дело в достаточной степени направить на правильный путь.

Однако все-таки надо внести, как говорят теперь, больше четкости в эту работу. Если цеховые ячейки будут собираться раз в полтора месяца, тогда из этого ничего не выйдет; если цехячейки у нас недостаточно внимательно будут относиться к тем директивам, которые даются Губкомом и райкомом, тоже ничего не выйдет. Все это надо просмотреть самым внимательнейшим образом, тогда мы сумеем в звеньях и цехах создать твердый слой наших партийцев.

Что касается, товарищи, наших звеньев, то в октябре 1925 г. было 3483 звеноорганизатора, сейчас 5 тысяч человек — 5 тысяч звеновиков, руководителей этих самых низовых наших звеньев. Это армия, от которой будет зависеть состояние всего того, на чем зиждется наша организация.

В звеньях есть порядочное количество организационных недочетов: сплошь и рядом слишком большие количества объединяются около одного звеновика. Тут нужно, конечно, внести поправки и не объединять около одного звеновика чрезмерно большого количества. Затем звеновик является иногда только администратором, занимается иногда только собиранием членских взносов и организацией партийных собраний, на этом вся его работа кончалась. Конечно, нужно от этого отойти как можно скорее. Конечно, надо сделать, чтобы звеновик не был только казначеем, собирающим членские взносы, а был постоянным проводником наших партийных решений.

Но тут есть еще один недочет, который мы также должны изжить. Об этом недочете один из товарищей-звеновиков очень хорошо говорил на одной конференции.

Он говорил, что мы, звеновики, чувствуем себя членами партии, когда находимся на партийном собрании, а на производстве это как-то не выходит; потому ли, что там членов партии меньшинство, или почему-либо другому, но как-то так получается, что не чувствуешь себя там партийцем, а вот на партийном собрании мы все активны и настроены по-партийному.

Это не годится: если ты партиец, так будь везде партийцем, иначе не выйдет дело. На партийном собрании всякий чудак будет партийным: принять резолюцию, махнуть рукой после хорошего доклада — одно удовольствие; а ты, милый человек, придя на беспартийное собрание, где с расценочками неудача, где буза затевается, где с директором что-то не выходит — много всяких осложнений бывает на предприятии, — будь любезен, прояви все свое коммунистическое существо, укажи правильное решение дела и прочее.

На эту сторону нам надо обратить, товарищи, большое внимание. Я думаю, что вы все это наблюдали. У нас происходит отсюда то болезненное явление, которое понемногу теперь изживается, тот пресловутый хвостизм, который мы все часто наблюдаем: соберется народ, ту или другую декларацию подпишет, потом подходит к партийному товарищу, хотя бы к звеновику: «Так-то и так, вся артель требует, и ты подпиши». — «Что же, — говорит он, — неловко, все мужики, что же я хуже их?» Хуже не хуже, а так не годится. Объясняется это тем, что недостаточно твердую почву под ногами имеет этот самый товарищ. Для этого нужно что делать? Районы уже к этому перешли — нужно время от времени собирать звеновиков, воспитывать их должным образом, давать соответствующие указания, но главное — руководить ими со стороны бюро коллектива.

ПАРТИЙНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Следующая работа, товарищи, на которую мы также обратили, по-моему, соответствующее внимание, — это наше партийное просвещение.

Не подлежит, товарищи, никакому сомнению, что в известной доле наша внутрипартийная лихорадка должна

была быть отнесена на счет недостаточного партийного воспитания в прошлом. Когда мы пересмотрели всю систему партийного воспитания, оказалось, что увлекшиеся всей этой организационной механикой люди забыли партийную учебу и поучали сплошь и рядом чему угодно, но только не злободневным вопросам. Я приведу грубый пример. Чего-чего только не проходили в этой учебе — и то, и другое, и третье, и пятое, и десятое, — а вот пришел на очередь вопрос о строительстве социализма в нашей стране, тут зачесали затылки — как и где это написано? На десятом году революции оказалось, что это все прошло мимо нашей учебы.

Первое, что мы сделали в Губкоме, это пересмотр программ нашей учебы. Мы постарались приноровить их таким образом, чтобы они отвечали повседневной жизни нашей партии, повседневным основным вопросам, которые выдвигаются в нашей партийной практике. Это дело дало известный результат. Затем мы произвели сокращение сети партпросвещения, которая была слишком широка. Потом мы стали подбирать руководителей нашей сети; здесь работа у нас не закончена, тут надо и дальше подбирать и подбирать.

Но, проделав эту работу, мы столкнулись с очень болезненным, вопиющим явлением — это слабое посещение наших школ. Мы об этом кричали на всех углах и перекрестках. У нас есть такие школы, в которых посещаемость не превышала 30%; но если бы эти 30% были одни и те же ребята, тогда полбеда — все-таки одна треть закончит; но у нас посещают так: один день бывает Сидор, другой день — Степан, третий день — Фома. Все это, конечно, отражается на партийном воспитании. Так у нас ничего не выйдет.

Мы внимательно занимались этим вопросом. Одни говорят, что тут нагрузка большая, другие говорят, что сейчас на добровольную учебу перевели, и вот какие результаты этой добровольности, учебу-де надо сделать обязательной лишь для кандидатов и членов партии, посещающих высшие ступени партийного просвещения. Я не знаю, можно ли это явление обосновать добровольностью, но правильно говорили на одной райконференции, что ведь и партия у нас не принудительная, но раз ты, мил

человек, взял партийную книжечку в карман и взял не за страх, а за совесть, то знай, для чего ты ее держишь, открой глаза на нашу коммунистическую программу. Надо будет, очевидно, в следующей стадии нашей работы тщательно просмотреть это дело и поставить партийное воспитание самым серьезным образом.

Я не буду говорить о всяких школах по подготовке наших руководителей — в этом отношении мы тоже проделали большую работу. Но основное — это воспитание кандидатов партии и членов партии, которые недостаточно разбираются во всех наших положениях. Это дело надо поставить как следует.

Вот здесь я скажу относительно нагрузок. На всех наших районных конференциях и до этого товарищи жаловались, что у нас слишком большие партийные и всякие другие нагрузки, которые тормозят эту работу. Я вам приведу справку. У нас примерно 32% членов партии, у которых одна-единственная нагрузка — что они носят партийный билет в кармане; никакого другого груза на них не лежит. (С м е х.) Есть нагрузки, от которых ноги протянешь, но есть не особенно тяжелые нагрузки, нормальные. Надо пересмотреть нагрузки, чтобы член партии, как это говорят, не был и жнец и швец и на дуде игрец. Конечно, надо научить его играть на чем-нибудь, но уж на чем-нибудь одном, чтобы он играл на ять.

Наконец, затрону вопрос об организации наших собраний. Возьмите, например, наши собрания партийные и всякие другие. Товарищи жалуются, что их очень много. Действительно их много, надо будет поуменьшить. Это правильно, но, по-моему, не меньшим злом является и неправильная организация этих собраний. Приходим на собрание и сплошь и рядом не знаем, о чем будем говорить. Знаем, что четверг — партийный день, надо устроить собрание. Пришли. Ну, раз пришли, надо о чем-то поговорить, надо что-то обсуждать. Не подготовлено, не сделано как следует. Сидят, позевывают, переливают из пустого в порожнее, и только через полтора часа расчухали, что вот, мол, какая программа дня — тут появляются и азарт и прения. И люди засиделись попусту.

Надо сделать что-то для того, чтобы более организованно проводить всю эту нашу работу. Если собирать собрание — большое или маленькое, безразлично, — надо, чтобы был порядок дня, чтобы было все продумано, проработано, чтобы были докладчики подобраны и т. д.

Возьмем такой простой вопрос, как докладчики. Несчастные мы, докладчики. Утром говорят тебе: после шабаша, в 4^{1/2} часа, прочитай доклад. Ну, если о международном положении, то мы всегда к вашим услугам. Тут можно всегда то, другое, пятое, десятое склеить. А если дадут тебе другой вопрос, к которому ты не подготовлен? Плетет-плетет докладчик, выслушает его собрание, примет постановление: просим этого докладчика в следующий раз не присылать. (Смех.) И ведь докладчик-то вовсе не плохой, а просто не подготовился. Пора нам кончать вести работу таким образом.

Нужно это дело проводить организованно. На эту сторону дела, на максимальное использование наших партийных сил, надо обратить самое серьезное внимание. Количество собраний велико, я не спорю. Есть даже постановление Василеостровской конференции о том, чтобы неделю в месяц сделать свободной. Ну, неделя, может быть, и многовато для первого раза, как бы не разгуляться, может быть можно меньше, но нам все-таки наряду с количеством надо поднажать и на качество. И тогда мы сделаем большое дело.

Еще, товарищи, мне хотелось бы в нашей партийной работе обратить внимание вот на какую сторону. Тов. Бухарин говорил, что сейчас перед хозяйственниками стоят трудные задачи. Это верно. В той полосе работы, в которой мы сейчас находимся, на долю хозяйственников выпадает сложная и чрезвычайно ответственная работа. Я имею в виду не только узко хозяйственную работу на фабриках и заводах, но и работу руководителей кредитных и кооперативных учреждений. Это категория, требующая большой специализации работы. Мы стараемся направлять людей по какой-нибудь одной линии. Если он пошел по хозяйственной или по административной линии, то мы стараемся дать ему возможность специализироваться на этой работе. Тут есть одна опасность, признаки которой кое-где уже налицо. Занявшиеся специализа-

цией и усовершенствованием товарищи постепенно, помаленьку, начинают — вот тут один хозяйственник сидит и смеется — начинают, я боюсь сказать грубо, отрываться от партийной организации. У них тысячи всяких вопросов: беготня за заработной платой, поездки в Москву, туда, сюда; мечется человек, и действительно ему некогда заняться партийным делом. Надо создать такую обстановку, чтобы не получалось подобного положения. Тов. Бухарин говорил, что их судьба такая, что им приходится находиться на теплой сковородке. Конечно, находиться на сковородке — удовольствие среднее, да еще и на теплой. Хорошо, если умеренно теплая, ну, а если подогреют? Надо командный, административный и хозяйственный состав в нашей стране обеспечить должным образом, надо поставить работу таким образом, чтобы он действительно имел минимум времени, который мог бы уделить партийной работе. С другой стороны, и наша партийная организация не должна смотреть на хозяйственников как на «хозяев». У нас сейчас как игрушечное бросается слово: «Здорово, хозяин! Как дела?» Он хозяин, ну, а мы? Это никуда не годится. Мы все хозяева, только у нас значки несколько разные.

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

Товарищи, работа в деревне — это тоже злободневный вопрос для партии. Нам говорили оппозиционеры, что мы забыли бедняков, что нужно повернуться лицом к деревне и т. д. Нужно сказать, что деревенская работа пока находится в первоначальной стадии развития, это нужно сказать прямо. Мы только теперь начинаем организовывать бедноту, группы бедноты, помощь бедняку, материальную помощь по разным отраслям, разные кооперативы и пр. Здесь работы непочатый угол. В партии у нас до сих пор мужичок присутствует только для очень отдаленного «запаха», а сейчас мы сделали так, что, регулируя рост нашей партии, мы помаленьку увеличили прием крестьян в нашу партию, но пока недостаточно. Работа большая, но я думаю, что мы с этой работой справимся. Могу сказать одно: из среды бывшей оппозиции в Ленинграде мы слышали, что она здесь первая стала лицом

к деревне, обещала крестьянину лошадку. Теперь же, после проверки, оказывается, что здесь не только не стали лицом к деревне, но не стали даже и боком; нужно сказать, что стали к деревне совсем другим местом. Я говорю это совершенно определенно, говорю не в порядке полемики. Теперь нужно эту работу поставить как следует. Казалось, было время показать, как мы будем благотворить бедняку по всем правилам, но нужно сказать, что особого благотворения пока мы не добились; хотя кое-что организуется, материальная помощь бедняку налаживается, порядочная сумма средств туда идет, но пока не совсем правильно и целесообразно.

ЗАДАЧИ ПРОФСОЮЗОВ

В широкой массовой работе, товарищи, первая роль, первая скрипка должна принадлежать нашим профсоюзам.

Нам говорили, что мы напрасно на губконференции партии не поставили этого вопроса; но мы этим вопросом занимались лишь недавно, поэтому на губернской конференции можно обойтись без специальной постановки вопроса о работе профсоюзов. Я думаю, что мы поступили правильно.

Надо сказать, что нашим профсоюзам, как и нашей партии, пришлось в этом году работать в очень тяжелых условиях — затруднения на хозяйственном фронте ставили рабочих в тяжелое положение. Был определенный перебой с заработной платой и т. д. Все это создавало для профсоюзов очень сложную обстановку. Нужно сказать относительно профсоюзного актива: все, что совершается у нас по партийной линии, все это рикошетом ударяло и по нему. Но в общем и целом профсоюзы добились того, что выделили кадры людей, профессиональный актив, насчитывающий 80—85 тысяч человек; может быть немного меньше, может быть тут приведена цифра «с гаком», но так или иначе актив есть. Думаю, что нашим профорганизациям нужно сделать максимум усилий, чтобы поставить этот актив на настоящие ноги. Я думаю, что он еще недостаточно воспитан, что его нужно тянуть

и тянуть в деле понимания задач, которые стоят перед ним.

Далее, я думаю, что в отношении наших профсоюзов нужно применить ту же линию, по которой мы следовали в партийной работе: им нужно взять упор на цех ввиду больших размеров предприятий, которые у нас имеются. Завкомы объединяют слишком много рабочих, на них возлагают слишком много сложных задач. Когда на заводе тысячи рабочих, то охватить всю эту массу завком не может. Нужно углубить работу, поставить ее резче и взять упор на цех, — тогда дело пойдет правильно и лучше.

Затем необходимо в нашей профработе ближе пододвинуть к низовым органам руководящие губернские профессиональные органы. Я не говорю, что здесь дело идет очень слабо, но во всяком случае по этой линии нужно усилить работу.

Нужно ли говорить о производственных совещаниях? Это одна из самых боевых задач; это место, где мы вплотную непосредственно можем вовлечь широчайшие массы рабочих в социалистическое строительство; это громадная школа будущей коммунистической нашей промышленности, нашего хозяйства.

Тут говорят, — не знаю, верно или нет, что эта работа в Ленинграде поставлена примерно, что она является образцом для других мест. Если так, то хорошо, но нужно сделать все, чтобы эту работу поднимать и впредь.

Был момент в середине прошлого года, когда был перебой в работе производственных совещаний. К концу года эта работа подтянулась, оживилась. Оживление сказалось на том, что процент предложений, которые остаются без ответа, стал меньше; процент невыполненных предложений стал меньше. Здесь мы стоим на правильной дороге. Надо будет нам только вспомнить решения XV конференции, для того чтобы теперь же попробовать на практике испытать новую форму организации рабочих на предприятиях и влияния их на производство. Я говорю о контрольных комиссиях. Надо будет это на некоторых заводах сделать, ничего в этом страшного не будет.

Далее, воспитательная работа по линии профсоюзов, которая также была у нас недостаточной. Все то, что мы говорим в отношении партии, все это целиком, на сто процентов, применимо к профсоюзам.

РАБОТА СРЕДИ ЖЕНЩИН

К сожалению, время затягивается, и я вынужден сократить свой доклад. Я надеюсь, что не обидятся на меня товарищи-женщины, если я не особенно много буду на этой работе останавливаться, и вот почему. Прежде всего не потому, что эта работа не заслуживает внимания, а потому, что по этой линии у нас сделано порядочно. Во-первых, была перестроена форма работы. Раньше было больше парадов и т. д., а теперь это приняло более будничней, но более положительный характер. Надо все же указать, что мы недостаточно уделяли внимания этой работе по некоторым существенным звеньям. Мы в Ленинграде имеем промадные кадры работниц на фабриках и заводах. Необходимо обратить серьезное внимание на квалификацию женщин на производстве. Мне говорили о том, что это трудно сделать. Говорят, что здесь упираешься в Кодекс законов о труде, где сказано, что больше стольких-то фунтов женщина не может поднимать. Я думаю, что, может быть, можно попробовать ее нагрузить, если это не будет противоречить Кодексу законов о труде. Словом, надо принять какие-то меры к тому, чтобы поднять квалификацию женщин в производстве.

Что касается выдвижения женщин, то здесь сделано порядочно, и особенно в деревне. Вероятно, т. Шиткина выступит и расскажет об этом. Действительно, в этой области есть серьезные достижения. Но необходимо все же отметить недостаточное внимание партии к этой работе. У нас как-то считается, что это особый отдел — работа среди работниц и крестьянок. Как будто это партии не совсем касается, как будто бы в теории это всех касается, но в повседневной работе — нет. Такую точку зрения надо изжить.

ПЕЧАТЬ, ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА. РАБОТА ЛЕНСОВЕТА

Следующий вопрос о печати и рабочих корреспонденциях. Это громадный рычаг проведения наших партийных решений. Здесь нужно обратить внимание на следующее. Живем мы в очень культурном городе, в грамотном городе, тем не менее вот что получилось. В октябре 1924 г. тираж газет — всех, какие имеются в Ленинграде, — составлял 607 тысяч. В октябре прошлого года — 425 тысяч, т. е. понижение примерно на 26 %. Упал тираж и «Ленинградской Правды» и «Красной Газеты». К вашему сведению сообщаю, что в Ленинграде выписывается: журнала «Большевик» 8 тысяч экземпляров, центральной «Правды» — 16½ тысяч. Я думаю, товарищи, что на 100 тысяч с лишним членов партии в Ленинграде такая цифра недостаточна.

Говорят, что падение тиража объясняется и тем, что сократилась искусственная подписка. Это отчасти правильно, теперь надо денежки на стол, тогда получишь газету. Это все верно, но все-таки не надо на этом успокаиваться, а надо сделать так, чтобы наши руководящие партийные органы имели достаточное распространение.

Не особенно можем мы похвастаться и работой наших добровольных обществ. Когда-то такие добровольные общества, как «Смычка города с деревней», из Ленинграда премели на весь Союз, простирались чуть ли не до Туркестана, а уж Волгу-то всю охватывали, я не говорю уже о близлежащих местностях — почти каждая волость имела значок. Потом нам пришлось ограничиться, слишком уж широкий размах был взят. После того как мы перешли к упорядочению наших ресурсов, когда наши хозяйственники и профессионалисты очень сжались, — и источники питания добровольных обществ, естественно, изменились.

Примерно число ячеек добровольных обществ составляет 7½ тысяч, а членами состоят около 1300 тысяч товарищей. Но самый большой недостаток всех этих добровольных обществ — это почти полное отсутствие воспитательной работы: имеется значок, берут членский взнос — и до свидания. Иногда еще раз в год собираются, устраивают парад, выбирают правление. И это все. А между

тем главная цель этих добровольных обществ заключается в использовании инициативы широких слоев беспартийных товарищей.

Наконец, работа нашего Ленинградского Совета. По поводу этого дела развернулась широкая кампания, вся отчетность перед вами, так что разрешите мне сказать только одно, что, как только кончится конференция, мы сейчас же приступаем к перевыборам нашего Совета. Тут надо развернуть весь партийный, профсоюзный и советский аппарат, для того чтобы все тысячи трудящихся нашего города были поставлены на ноги, чтобы они были организованы вокруг Совета. Кампания оживления Советов, которой мы уделили громадное внимание, кампания, которая была под жестоким обстрелом нашей оппозиции, говорившей, что у нас Советы в деревне отданы кулакам и что в городские Советы пролезают напманы, — кампания эта дала большие результаты. Мы проделали громадную работу для того, чтобы проверить, лишний раз посмотреть, лишний раз снова и снова самым критическим образом отнестись к этому делу, ибо мы знаем, что Советы, как говорил Ленин, есть организационная форма диктатуры пролетариата. Я думаю, что на этот счет мы имеем достаточно исчерпывающие указания как от Центрального Комитета, так и по советской линии. И нашей задачей теперь в нашем действительно пролетарском городе, индустриальном городе, является сделать все для того, чтобы если не все сто процентов, то близко к этому проценту все, имеющие право выбирать, были бы объединены вокруг Ленинградского Совета.

Здесь вам указывали на ту международную обстановку, в которой мы находимся. Это требует с нашей стороны самого сугубого внимания к Красному Флоту и Красной Армии. Я не буду характеризовать состояние этих организаций по партийной линии. Они находятся в состоянии, по-моему, благополучном, как флот, так и армия. Вся наша дискуссионная борьба показала, что там находятся самые здоровые звенья, в смысле связи этих организаций с нашей партией. Я думаю, что ни армия, ни флот не смогут пожаловаться на это, и в дальнейшем нам нужно будет укрепить эту самую связь, памятуя те возможности, о которых нам здесь говорили.

Товарищи, я очень извиняюсь, что забыл остановиться еще на Комсомоле, но это по той простой причине, что вопрос о Комсомоле у нас поставлен отдельным пунктом в повестке дня конференции. Тем не менее разрешите сказать несколько слов по этому поводу.

О ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ КОМСОМОЛОМ

К вопросу о Комсомоле нам надо отнестись с таким вниманием, с каким мы никогда не относились раньше. Организация эта растет чрезвычайно быстро, растет изо дня в день. Партийная часть Комсомола тоже как будто в количественном отношении не особенно отстает, хотя было бы неплохо, если бы она несколько увеличилась. Но вот, товарищи, мы на каждом съезде и конференции говорим, что необходимо усилить партийное руководство, необходимо воспитывать комсомольцев и пр., но все-таки практически это дело как-то не складывается. Мы сейчас переходим в производстве на так называемую новую полосу работы. На производстве у нас большое количество комсомольцев, которые выросли в наших советских условиях: в великие Октябрьские дни они имели от горшка два вершка — им было 8—9 лет, они не знают прошлого, того прошлого, которое называется капиталистической эксплуатацией, старых фабрик и заводов они не нюхали, они пришли к нам в чисто советскую обстановку. Это нужно, товарищи, понять. И надо также понять то, что это народ молодой, который жадно впитывает в себя все окружающее и который в производстве может быть использован у нас как застрельщик, но только при том условии, если будет сохранено настоящее твердое руководство Комсомолом.

Мне, например, рассказывали, что сейчас по производственной линии комсомольцы проявляют промадное оживление, стараются заниматься изобретательством, соревнования всякие у них происходят между параллельными отраслями производства и все что хотите. Говорили мне, например, что на «Треугольнике» при переходе на фордизацию калошного дела комсомольцы были будто бы в первых рядах и будто бы старые рабочие не то чтобы протестовали против этого, а относились к этому

с прохладцей. На Гвоздильном заводе, рассказывали, комсомолы тоже большие дела делают, шебурят по всем линиям; правда, шебурят они и по другой линии... но об этом не будем сейчас говорить. Вот эту энергию, эту жажду понять окружающую обстановку нужно усвоить, нужно ею овладеть, иначе — что может получиться? Помудрят они годик-другой, позаймутся всяким изобретательством, а потом увидят, что результатов нет, никто этим не занимается, и могут заняться изобретательством другим, ничего общего с коммунизмом не имеющим. Чтобы этого не было, нужно, товарищи, производственную обстановку и культурно-политическое воспитание Комсомола поставить, наконец, на настоящие рельсы. Ведь нужно действительно знать, что это наш резерв. Мы все с вами понемножку и потихоньку лысеем и седеем, а они идут на смену, они резерв нашей партии, всего нашего строительства. Нужно действительно поставить эту задачу как боевую. А у нас частенько дело чем ограничивается? Выберем вот мы Губернский комитет партии и всякие другие органы, прикрепим одного к Комсомолу и пр., и в результате — везде партприкрепленные есть, а практически ничего не выходит. Нужно какую-то другую форму смычки придумать и действительно по-настоящему руководить Комсомолом: не ставить только во фронт — это народ горячий, надо как следует помогать ему разбираться во всех делах.

ПРОВЕРЯТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ, ЧЕТКО ОРГАНИЗОВАТЬ ВСЮ РАБОТУ.

Теперь, в заключение, об основном правиле всей нашей работы. Все наши задачи мы будем разрешать хорошо при одном непременном условии, о котором нам напомнило недавно оглашенное письмо товарища Ленина — письмо, написанное еще в 1922 г. В письме этом товарищ Ленин говорит о той важнейшей части в нашей работе, которая называется проверкой наших решений жизнью. Я думаю, что не будет ошибкой сказать, что, наверное, и Адаму было известно, что можно на досуге посидеть и вынести то или другое решение по поводу того или другого вопроса. Правда, иногда трудно бывает вы-

нести решение, но не так трудно все-таки, как провести его в жизнь, — тут выходит сложнее. Не знаю, по этим ли причинам или по другим, у нас на практике сплошь и рядом бывает так: сдать в комиссию; комиссия выбирается, собирается, обрабатывает вопрос, выносит решение, мы ставим штамп, и дело готово. А как дальше дело идет — это вопрос и большой вопрос.

Не подлежит никакому сомнению, что из тех многочисленных постановлений, которые вынес Губернский комитет партии по чисто партийным даже делам, наверное процент порядочный лежит втуне: повернули, посмотрели, решили, что больно длинно написано, когда-нибудь в другое время проведем. И так по всем линиям. От проверки решений мы в ближайшее же время перейдем к настоящей постановке работы. Если бы можно было поставить дело таким образом, чтобы по каждому ответственному решению сверху донизу проследить, как идет, где какая история, где надо урезать, где, наоборот, нажать и все такое прочее, то мы прекрасным образом овладели бы громадным механизмом, который у нас имеется, и это было бы лучшей формой борьбы с бюрократизмом. Сидя в кабинете, не все представляешь, как где происходит дело. Выходит: дал задание и до свидания. Записал для статистики, что этим вопросом занимался. Если действительно будем проверять, по крайней мере, главные решения, проверять прохождение исполнения этих решений, то дело пойдет покрепче: если исполнено — хорошо, если не исполнено, то почему, что мешает, где неладно, где жмет?

Тут перед нами встает вопрос о подборе работников и более подходящей расстановке сил. Там произошла неправильная организация, сама по себе она тормозит дело, надо ее пересмотреть. В той работе, в которой все расставлено по своим местам, нечего открывать новых Америк и заниматься сверхпроблемами, а нужно повседневно строить наше социалистическое общество. На фабриках, заводах, мастерских, дорогах, — где угодно эта повседневная работа имеет колоссальное значение. Если мы с вами сумеем эту работу поставить, — а ее надо поставить, — это будет лучшей формой изучения всего нашего советского механизма и борьбы со всеми болячками, которые у нас есть.

С этими болячками бороться надо правильно. На последней, XV партконференции говорили, что, если дело останется в таком же положении, мы можем прямо задохнуться, — слишком большая страна и слишком сложный запутанный механизм создали мы. Надо как-то его привести в более, как теперь принято выражаться, четкое состояние, чтобы в этой огромной машине, которая управляет по всем линиям нашей 150-миллионной страной, каждый механизм и каждая шестеренка были отчетливо видны не только контрольным органам, но и всем трудящимся. Только при этом условии мы сумеем действительно еще и еще больше привлечь к нашей тяжелой и в высокой степени ответственной работе ту громадную многомиллионную массу трудящихся, которая имеется в нашей стране.

Если такую задачу выполним, это будет настоящей похоронной песенкой тем, которые квакали, что все у нас валится, что все рушится, перерождается и термидор на голову сыплется. Избавились, никаких термидоров! Помаленечку из хозяйственных ухабов выходим. Даже в таком вопросе, как с мужиком, который зажал хлеб, вышли. Теперь ничего, — как бы не сглазить. Я думаю, что не сглажу. Дело наладится, потому что стали смотреть в глаза действительности так, как она есть. Еще увидим впереди не такие вещи. Если от каждой штуки будем шараться в сторону, будем кричать, что перерождаемся, что рабочий класс стал консервативным, тогда нужно искать другой рабочий класс. Подожди, мол, когда народится другой, и с ним делай революцию.

Не надо шараться в сторону от каждого бревна на дороге, а нужно приковать внимание всех рабочих к тому участку работы, который под угрозой, сказав им: будьте начеку, помогите партии, помогите власти преодолеть это зло. Если и впредь мы так поведем работу, — а это один из заветов Ленина, — то мы сумеем справиться с затруднениями, с теми кознями, которые стараются создать во круг да около нас.

Вот, например, эта черная цепочка, которая лезет с юга на север по нашей западной границе. Конечно, можно испугаться, еще, пожалуй, родимчик схватишь или какую-нибудь другую болезнь, если будешь нудить около

этого дела. Я думаю, что этого не надо делать, а надо прийти и рассказать рабочим: так-то и так-то. Конечно, не горит, не гудит, набата нет, но будьте готовы.

Девять лет нашей работы — это лучший экзамен и лучший свидетель правоты нашего дела. Если действительно сплошь все ошибка, соглашательство, оппортунизм и пр., то как же это так вышло, что мы сидим десятый год и не только ничего не растеряли, а, наоборот, каждый чувствует себя гораздо более сильным, гораздо более крепким, гораздо более уверенным в своей работе.

Таким образом, товарищи, я думаю, что сейчас, вступая в десятую годовщину нашего существования, нет решительно никаких оснований терзаться о нашем прошлом. Ошибки, конечно, были, ошибки есть и сейчас, но в основном линия, которую мы ведем, безусловно правильна, и, сколько бы ни квакали наши отечественные неверующие, сколько бы ни клеветали на нас враги за границей, дело, в котором мы призваны девять с лишком лет тому назад, мы в общем и целом решаем правильно. И пусть умолкнут, наконец, те, которые говорят, что мы замкнулись в рамках нашей национальной скорлупы. Нет, действительно интернациональное дело, которое делается у нас в Союзе, это творчество, это деятельность нашей Коммунистической партии. Это настоящее международное, настоящее интернациональное дело.

Каждый шаг нашей работы — это победа мировой революции, каждое ущемление нас — это болячка для мировой революции. Ни капли, ни тени сомнения в той работе, которая вся рассчитана на то, чтобы освободить всех трудящихся и всех угнетенных! (Аплодисменты. Зал встает и стоя приветствует товарища Кирова.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! Наша конференция имела в порядке дня своих работ ряд чрезвычайно важных вопросов, от того или иного разрешения которых будет зависеть дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата в нашей стране и усиление социалистического строительства. Мы здесь

заслушали в общих чертах доклад о тех основных линиях, по которым протекает сейчас работа Центрального Комитета нашей партии. Перед конференцией отчитывался Губернский комитет партии. Мы здесь достаточно внимания уделили вопросам хозяйства нашей губернии и, наконец, вопросу о подрастающем нашем молодом коммунистическом поколении. Вся работа нашей конференции показала, что истекший год, который пережила Ленинградская организация, должен быть запечатлен как год во многих отношениях в высокой степени ответственный в нашей жизни. Можно сказать, что с этим годом связан большой круг работы Ленинградской организации. Сейчас, товарищи, наша задача в этом отношении — повести еще более планомерную, еще более кропотливую работу для дальнейшего усиления [партийной] организации и для разрешения всех хозяйственных, советских и политических вопросов, стоящих перед нами.

Товарищи, как будто очередные вопросы нами в достаточной мере проработаны. Вопросы большие. Мне бы хотелось указать на то, что нам в жизни нашей организации необходимо будет теперь, вступая в новый этап, в новую фазу нашей работы, самым тщательным образом стремиться к тому, чтобы устранить те, все еще достаточно многочисленные, но небольшие недостатки, на которые указывалось на наших районных и губернской конференциях.

Товарищи, здесь достаточно подробно говорилось об общей обстановке, которая нас окружает. Я повторять этого не буду, но надо сказать, что обстановка действительно заслуживает самого пристального и самого серьезного внимания.

Мне бы хотелось сказать только одно, что основная причина того, что создается сейчас вокруг нас, заключается в нашем, для всех заметном, для всех понятном росте. Если еще два-три года тому назад можно было спорить о том, куда мы идем, в какой степени мы растем, то теперь для наших противников успехи нашей работы становятся совершенно очевидными, и это является основной пружиной, которая движет все противоборствующие нам силы в окружающих нас капиталистических государствах. Они прекрасно понимают, что мы сейчас находимся

на ответственном переломе, и если мы сумеем преодолеть эту переходную эпоху, то, очевидно, не пройдет много лет, когда наша страна не будет третироваться нашими врагами, а будет представлять такую могущественную силу, с которой будут считаться империалисты всех стран.

Это является главной пружиной того, что против нас сейчас начинают мобилизоваться новые силы.

Товарищи! Вы помните, какую лихорадку мы пережили внутри нашей партии, как благодаря ей контрреволюционеры всех мастей питали надежду на то, что наконец-то в этой твердыне — в Коммунистической партии — образовалась трещина, и они были бы последними чудаками, если бы не попробовали забраться через эту трещину и окончательно расшатать устои нашего Советского государства. Они строили целые планы о том, как они будут бороться против социализма в нашей стране.

Совсем недавно, при встрече нового года, кадетская газета «Руль» посвятила нам, нашему Союзу, передовую статью, которая заканчивалась словами о том, что вот уже в этом-то грядущем году похороны Советского государства обеспечены по первому разряду. Я не буду, товарищи, гадать здесь, тем более на ночь глядя, но я знаю, как и трудящиеся всего нашего Союза, что девять с лишком лет тому назад родились мы вовсе не для того, чтобы через девять с половиной лет умереть. Нет, если не умерли мы в те годы, когда мы голодали и холодали, когда над нашей головой висел меч 14 объединенных держав, то теперь, когда мы уже заложили прочные основы социалистического общества, я думаю, умирать придется не нам. На нашу долю история выдвинула других, но не дала умирать самим. (Аплодисменты.)

Товарищи, необходимо отметить также и то, что если было время, когда говорили, что небывалые в истории человечества эксперименты, которые проделываем мы, не выйдут за пределы европейско-азиатской территории, что то, что мы развернули и написали на наших знаменах в великие дни Октября, что это дело российских снегов и для цивилизованного человечества совершенно чуждо, то теперь для всех представителей контрреволюции совершенно ясно, — но к великому сожалению не совсем ясно для некоторых бывших вождей нашей партии, — что то

дело, которое мы делаем в нашей стране, это не только наше союзное дело. Это дело мировое, это дело международное. И вот это обстоятельство заставляет трепетать контрреволюцию всех стран и мобилизовать с новой силой, с новой поспешностью свои кадры против нашего Союза.

Я думаю, товарищи, что нам нужно все это учесть, за всем этим внимательно следить. Но для того, чтобы обеспечить дальнейшее спокойное существование нашей страны, обеспечить спокойную работу, нам, товарищи, необходимо с величайшим упорством продолжать то, что мы делали на протяжении последнего года — крепить единство нашей партии. Это первое и основное. Если мы обеспечим правильное решение этой задачи, остальное приложится. Если в решении этой задачи допустим малейшую ошибку, эта ошибка отдастся рикошетом по всем остальным областям нашей работы. Вот на эту сторону дела, на дело еще большего укрепления нашей позиции, еще большего усиления работы в деле сплочения всей нашей партии, мы должны обратить и впредь первое и главное наше внимание. Это наша основная задача. Я думаю, что особой помехи, наподобие той, которую мы имели в первые полгода нашей отчетной работы, мы иметь не будем.

Я думаю, что на XXIV конференции мы можем сказать оставшимся в глубоком сиротливом одиночестве представителям нашей так называемой объединенной оппозиции, что *шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно.* (Аплодисменты.)

И, наконец, товарищи, последнее. Нам надо так же чутко, так же внимательно проводить в жизнь все решения нашей партии, как мы делали это до сих пор. Мы сейчас целиком и полностью обеспечили [в Ленинграде] руководство нашей партии и нашего Центрального Комитета. Будем, товарищи, и впредь крепить эту связь как можно энергичнее, как можно плотнее.

И если, товарищи, несмотря на все наши предосторожности, несмотря на все меры, которые мы будем принимать, чтобы обеспечить спокойное развитие нашей страны, Центральному Комитету нужно будет бросить призыв в ряды нашей партии, мы должны [заявить] на XXIV партийной конференции, куда мы явились такими сплочен-

ными, ровными и скованными рядами, что мы потребуем от Центрального Комитета, когда нужно будет на том или ином фронте двинуть новые кадры членов нашей партии, — мы потребуем, чтобы за нами оставили самые ответственные, самые трудные и самые опасные места. (Продолжительные аплодисменты.)

В истории нашего города, в истории нашей революции ленинградские коммунары умели в тяжелые минуты занимать эти посты. Я думаю, что и впредь мы так же честно и так же самоотверженно разрешим любую задачу, которая будет возложена на нас нашей партией и нашим Центральным Комитетом. (Аплодисменты.)

Товарищи, последним нашим вопросом были выборы нового Губернского комитета партии. Пожелаем ему плодотворной работы в дальнейшем строительстве.

Среди нас нет таких, которые сколько-нибудь сомневались бы в том, что великое дело, для завоевания которого мы вышли девять с лишним лет тому назад на баррикады, мы разрешим. Социалистическое общество в нашей стране мы построим вопреки всем сомневающимся, колеблющимся, теряющим ленинскую перспективу. Мы сумеем найти дорогу. Эта дорога была в свое время проложена из этого самого здания и зала, в котором мы сейчас заседаем. По нашей ленинской дороге мы пойдем и впредь. (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 279—315.*

ВООРУЖЕННЫЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИЕЙ УСПЕШНО ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА,

*Доклад на общегородском
собрании пропагандистов
8 октября 1927 года, Ленинград*

ОВЛАДЕТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИЕЙ

Товарищи! Вам уже т. Стецкий сказал в общих чертах о той очень сложной задаче, которая стоит сейчас перед нами в области партийной учебы. Но прежде чем приступить к изложению темы, я думаю, нелишне будет вам сказать следующее. Огромное значение во всей работе нашей партии как до Октября, так и после Октября играло и играет культурное развитие наших рабочих вообще и, в частности, их, так сказать, искушенность в революционной теории.

Без преувеличения можно сказать, что если бы наша страна, о чем очень часто с большой горестью говорил Владимир Ильич, была несколько культурней, то стоящие перед нашей партией задачи разрешались бы гораздо более легко и гораздо более быстро. Это проклятое прошлое тяготеет над нами до сих пор и на тяжелых рубежах революции оно являлось для нас опромыным препятствием. И не случайно, что людям не нашего происхождения кажется странным, каким это образом такая отсталая страна, некультурная во всех отношениях, теперь оказывается на передовых позициях и открывает совершенно новые горизонты трудящимся. Все вы знаете, конечно, из самой первоначальной азбуки коммунизма, почему мы победили. Дело в том, что наш рабочий класс имел задолго до Октября Коммунистическую партию, выкованную действительно из крови и железа, и что особенно характерно и что нас безусловно отличает от всех других пар-

тий, это то, что мы с самого первого дня своего рождения, с пеленок, во главу угла ставили наше партийное просвещение. Условия, конечно, были своеобразные, непохожие на то, что мы имеем сейчас. Каждый из товарищей, находящийся в партии не с Октября, а несколько раньше, который получил партийное образование не в комвузах, а в царских казематах, знает, с каким огромным вниманием мы в свое время подходили к вопросам партийного просвещения.

Устав партии, программа партии — все это разжевывалось несколько иначе, благодаря тем условиям, которые были. Но одно несомненно, товарищи: каждый из тогдашних членов партии, прежде чем получить звание члена партии, находясь еще, так сказать, в кандидатском положении будущего члена партии, он этой стороне дела — партийному просвещению — уделял громадное внимание. Это приводило к тому, что наша партия, в то время немногочисленная, была скована глубоким революционным сознанием и достаточно полным знанием учения Маркса.

Я, товарищи, говорю это не для того, чтобы заняться здесь воспоминанием из прошлого, а хочу сказать несколько неприятную вещь о том, что на данной полосе нашего развития мы очень часто забываем то самое основное и самое главное, что лежит в основе жизни и деятельности нашей партии. Я, конечно, не хочу предъявить современному члену партии требование, чтобы он детально знал все три тома «Капитала», чтобы он был искушенным во всех статьях, — такую задачу перед собой ставить не приходится (многие товарищи здесь улыбаются), — но все-таки не знать такого вопроса, как теория прибавочной стоимости, — это значит ничего не знать.

Если мы сейчас с вами защищаем диктатуру пролетариата, то, я думаю, что вы согласитесь со мной, что если не прощупать до последней буквы теорию классовой борьбы Маркса, то в конце концов никакой диктатуры пролетариата не поймешь. Одно дело, когда в нашей работе в развитии нашей страны не наблюдается никаких заскоков, когда нет никаких острых перегибов, тогда все получается более или менее гладко, и эти вопросы как будто несколько отодвигаются, но как только мы

встречаемся с внутрипартийными препятствиями, эти вопросы немедленно выступают во всей своей остроте.

Если мы внимательно посмотрим на отдельные вопросы, которые дискутировались в нашей партии, то они нам кажутся иногда очень сложными, такими, над которыми нужно много и долго работать. Все это объясняется в значительной мере тем, что широкие слои членов нашей партии до сих пор не знают тех самых основ, на которых покоится программа нашей партии и из которых проистекает все существо нашей теперешней практической работы.

В силу сложной современной обстановки, вследствие сложности тех задач, которые стоят перед нами, каждый из нас завален тысячью всяческих обязанностей, и возвращаться к азам нашей теории очень трудно, но тем не менее это абсолютно необходимо. Когда я привожу эту историческую справку, то я привожу ее не для того, чтобы сказать, что тогда партия была лучше, а сейчас она хуже, — это, конечно, сплошной вздор, но все-таки есть такие черты, которые нас сейчас отличают от тогдашнего положения. Тогда мы все — простите мне за дерзость — могли легко ответить на вопрос: знаешь ли ты «Коммунистический Манифест»? А теперь на очень квалифицированном собрании можно столкнуться с таким положением, что на этот вопрос ответят «знаем», но чтобы разжевать эту маленькую книжечку от первой строки до последней, чтобы понять все громадное значение этой маленькой книжечки — этого сказать нельзя. Я, конечно, не беру особо квалифицированную часть нашей партии, а вот того самого середнячка, который является в некотором роде смычкой между идейными руководителями нашей партии и теми огромными слоями, которые в общем составляют миллион членов нашей партии.

УМЕТЬ СОЧЕТАТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕОРИЮ С ПРАКТИКОЙ

В старое время, несмотря на то, что наша партия тогда насчитывала в своих рядах очень ограниченное количество членов, мы были связаны железной внутрипартийной дисциплиной, которую теперь оппозиция попра

самым безжалостным образом. Но не она, эта железная дисциплина, была «виновницей» того исторического значения, которое имела наша Коммунистическая партия, а «виной» было то, что каждый член партии эти основы рабочего марксистского мировоззрения знал достаточно полно. Этим объясняется особая настойчивость и особая твердость, характерная для жизни и деятельности нашей партии. Тогда каждый член партии и партия в целом особенно остро чувствовали — я не могу подобрать другого выражения — огромную моральную шпарту своего дела, каждый знал, что у него действительно под ногами совершенно твердая, надежная почва, соскользнуть с которой никоим образом нельзя.

И это же, товарищи, послужило главным основанием того, что наша партия, окруженная в то время самыми разнообразными течениями, о чем вы все прекрасно знаете, которые численно и в смысле своего общественного веса, если можно так выразиться, превосходили нашу партию, все-таки сумела отстоять свои позиции и сумела совершить то великое дело, которое мы сейчас продолжаем.

Все это в конечном счете, в значительной степени должно объясняться той опромной, твердой, марксистской подкованностью, без которой, конечно, то прошлое, славное прошлое нашей партии было бы невозможно.

Это, товарищи, азбука. Извините, что я вам ее напомню, но, к великому сожалению, я вынужден это сделать и вот почему. Я забегу немного вперед. Вы знаете, что мы сейчас переживаем очень серьезные внутрипартийные затруднения. Сплошь и рядом мы встречаем в своей среде таких товарищей, которые чувствуют себя плохо на тех позициях, вокруг которых разворачивается борьба.

Объясняется это тем, что мы сплошь и рядом недостаточно подкованы в самых основных вопросах.

Мне приходилось часто, например, встречаться с товарищами, чрезвычайно тщательно занимающимися нашими современными, злободневными вопросами. И вся мучительность для них разрешения этих вопросов объясняется тем, что мы не от той, так сказать, печки тащущем.

Если взять задачи наших пропагандистов в старое время, то мы увидим, что пропагандист тогда изучал основы нашего марксистского мировоззрения для того, чтобы вербовать в нашу партию возможно большее количество рабочих, добиваться того, чтобы приобретать возможно большее влияние на беспартийную массу, чтобы в конце концов возможно успешнее разрешать вставшие перед нами тогда те или другие вопросы.

Теперь задача несколько сложнее. Мало того, что нам нужно подводить теоретический фундамент под нашу практическую работу, но самая наша практическая работа стала чрезвычайно сложна. Каждый шаг, каждый день существования члена нашей партии обязывает его не только изучать и знать, но и выполнять положительную работу. Однако какую бы область работы мы ни взяли, она без знаний будет хромать.

В то время, когда мы не стояли у власти, мы не были ответственны за все то, что нас окружало, но мы были ответственны за чистоту нашей партии, за чистоту ее принципов. Сейчас же марксистско-ленинскую теорию приходится вкладывать в практическую жизнь, на основе этой теории строить нашу практическую жизнь. Был бы смешон тот пропагандист, который занимался бы партийной учебой совершенно отвлеченно. В какой бы области учебы ни работал наш пропагандист, он неизбежно должен помнить, что он из своих слушателей готовит, что он сам в том или другом случае сделает, каким образом он должен приложить на практике свои знания.

В данной стадии, накануне той учебы, к которой вы должны будете приступить, сложность нашей работы становится в десять раз больше по сравнению с предшествующим этапом.

О ЗНАЧЕНИИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Не буду вам рассказывать о том, что вы не хуже меня знаете, а именно, что мы сейчас находимся на чрезвычайно ответственном рубеже. Можно без всяких преувеличений, без всяких натяжек сказать, что вся сложность нашей внутривнутрипартийной жизни объясняется именно той

исторической полосой, в которой сейчас находится наша страна, наше рабоче-крестьянское государство.

Именно то обстоятельство, что мы сейчас закончили восстановительную эпоху нашего существования, что мы за десять лет уже вчерне отделали нашу страну, что мы в достаточной степени с этим справились и теперь уже переваливаем в новое десятилетие, которое открывает нам новые задачи, — вот этим, на мой взгляд, и объясняются главным образом, если не исключительно, те трудности внутрипартийного положения, которые мы с вами имеем.

Можно в известном смысле сказать, что мы сейчас заново переживаем Октябрь. Задачи, которые мы выполняли десять лет, заключались в том, чтобы развернуть наши пролетарские силы, расчистить дорогу для строительства социализма в нашей стране. *Сейчас мы вырабатываем не только теоретическую, но уже и практическую программу строительства социализма в нашей стране.* В основе мы все части этой программы проверили и считаем, что она была составлена совершенно правильно. Теперь нам нужно выполнить тот план, который мы создали за 10 лет.

И вот то, что этот переворот, этот перевал нам нужно совершить, не замедляя особенно своего хода, — это обстоятельство и заставляет отдельные слои, отдельные ряды нашей партии заколебаться. Было бы, конечно, совсем иначе, если бы вся наша страна сплошь была бы представлена одними коммунистами и рабочими, тогда дело было бы очень просто, но всякий исторический перевал в такой сложной стране, где имеются различные классы, где имеются различные интересы отдельных групп, всякий такой исторический перевал переживается не только нами, коммунистами, не только рабочим классом, но и всеми остальными классами и притом переживается по-разному. Поэтому-то в конечном счете такой перевал должен отразиться на отдельных звеньях нашей партии. Отсюда и создается то внутрипартийное положение, которое мы наблюдаем сейчас.

Мы не забываем ни на одну минуту, что мы находимся в капиталистическом окружении, и как бы ни старались нас блокировать и изолировать, препятствуя распространению нашей коммунистической заразы вовне,

тем не менее влияние наше, несомненно, распространяется вокруг. И, несомненно, это влияние не может не преломиться соответствующим образом в окружающих нас странах и в различных классах, живущих в этих странах.

Вы все из газет и из других источников прекрасно знаете, каково теперь наше внешнее положение, но я не в обиду всем нам скажу, что далеко не каждый из нас достаточно отчетливо, достаточно, я бы сказал, непосредственно, руками, ощущает всю сложность нашего теперешнего международного положения.

Нужно сказать, что было время, когда мы все мобилизовали себя до мозга костей для отпора той внешней опасности, которая на нас надвигается. Наша партия во всеуслышание не только нам, но и всем трудящимся нашего Союза сказала о том, что мы сейчас находимся непосредственно под угрозой военной опасности. Встреонулась как будто вся страна. При этом некоторые группы трудящихся стали не по-революционному реагировать на эти сложные международные отношения. Теперь вы замечаете сами, что подобные настроения начинают проходить. Получился разрыв с англичанами. Конечно, вокруг этого дела поднялась агитация, пропаганда, все встрепоулись, поднялись на ноги, а потом посмотрели и стали успокаиваться. И жизнь течет по-прежнему: оппозиция бузит, мы ходим по коллективам, переизбираем бюро, и как будто бы колесо завертелось по-старому. Теперь вот мы с вами вступаем в новый учебный период, и, пожалуй, за всякими текущими делами даже мы сами чувствуем некоторое охлаждение к вопросам международного порядка.

Совершенно не так, конечно, товарищи, обстоит дело, чтобы можно было теперь хотя бы на один градус снизить наше внимание к этой внешней обстановке. Некоторое охлаждение, о котором я говорю, объясняется тем, что мы, живущие в революционную эпоху, привыкли измерять всякое явление короткими расстояниями. Если война завтра, это нас беспокоит, а если через полгода, то об этом нечего особенно думать, можно спать спокойно; через полгода как-нибудь мы вывернемся и т. д. И вот мы начинаем как бы отдаляться от этой опасности, перестаем ее

ощущать. А между тем, товарищи, то, что произошло за последнее время, это несколько не охладило атмосферы и не уменьшило той сложности во внешней обстановке, в которой мы находимся. У нас получилось так, что мы остроту положения в один момент как бы почувствовали, а затем об этом позабыли, и теперь уже не думаем о том, что оттуда, извне, к нам протягивается множество щупальцев из буржуазных, капиталистических стран, много рук стараются организовать антисоветское дело и выступить во всеоружии против нашего Советского Союза.

Я думаю, нам долго ждать не придется того момента, когда нам снова напомнят, что мы окружены горячими угольями, что нам приходится ходить вокруг этих горячих угольков.

СДЕЛАТЬ ПАРТИЙНУЮ ПРОПАГАНДУ ДЕЙСТВЕННОЙ, АКТИВНОЙ

Первое десятилетие Октябрьской революции, которое мы будем скоро праздновать, это колоссальной важности событие у всех трудящихся, у любого из нас в особенности, не может не вызывать восторга. Но вокруг нас правителями капиталистических стран это событие расценивается совершенно иначе. Все это ставит перед нашей партией новые задачи, это снова и снова заставляет нашу партию повернуть свое внимание от практической повседневной работы к подготовке во всех областях защиты нашего с вами существования.

Если мы, вообще говоря, не очень сильны во всяческих культурных достижениях, то надо сказать, что и в партийном отношении, в области нашего чисто партийного воспитания мы тоже не в достаточной степени подкованы для того, чтобы нам легко было все эти вопросы разрешить.

Нужно сказать, что наша отсталость, наследие черного прошлого, постоянно дает себя чувствовать и не только в том, что мы — как это мы сами сознаем — не совсем многогранно просвещенные люди. Вы вот знаете, например, что всякая группа людей имеет свою психологию. Возьмите, например, нашего честного, хорошего

беспартийного рабочего, который во всякое время готов защищать нашу Советскую власть и диктатуру пролетариата: он сплошь и рядом находится во власти такой психологии, таких рассуждений, что есть, мол, партия, которой и книги в руки, пусть она все дела разрешает. Он готов сделать все, что потребуется от него, а дальше — это дело партии, пусть она рассудит. Несомненно, так примерно настроен очень заметный, очень большой слой рабочих. Но, к нашему прискорбию, такое явление есть и у нас в партии. Есть такие товарищи, которые привыкли к тому, что за них кто-то подумает, решит, а их дело в сущности выполнить то, что им предложено. Им предложат, и они выполняют самым добросовестным и самым точным образом, на сто процентов, но чтобы ему самому пошевелиться, — он считает, что это не его специальность. Чем это объясняется? Не тем, что у нас люди своеобразные, а тем, что эта неподвижность, являющаяся наследием черного прошлого, тяготеет над нами самым безжалостным образом.

Это осложняет и нашу государственную работу. Тот рубеж в нашей строительной работе, о котором я вам говорил, распадается на целый ряд деталей, которые каждый из вас прекрасно знает. Мы все очень внимательно относимся к лозунгу, скажем, рационализации производства. Мы должны всю нашу промышленную экономику перевернуть, что называется, и поставить на совершенно новые рельсы. Это каждый из нас, каждый из наших товарищей в кружке, в ячейке знает. Но вот, если спросить по совести — много ли у нас таких товарищей, которые думают и знают, как все это в конечном счете сделать? Мы знаем, что будут у нас новые машины, новая техника, разные конвейеры такие, что даже Форду не снилось. Все это у нас проработано, проштудировано, прошло через газеты и т. д. Когда мы переходили из одной ступени в другую, все это мы к экзамену приготовили, все это мы знаем. Но вот как это должно быть в действительности, с какого конца и как это дело начнется, то здесь, если спросить по совести, многие в нашей миллионной партии этого дела непосредственно не разбирают. Конечно, лозунг рационализации мы все одобряем. Но как это дело начать, как это будет происходить

в действительности — об этом не так-то очень многие думали. Да простят мне товарищи профессиональные пропагандисты, если взять их, то, например, у них, наверное, язык заболел, сколько раз они говорили об этой рационализации, а сами-то они думали об этом, хотя бы не для того, чтобы Америку для партии открыть, но вот так, для себя? В большинстве случаев нет. Его дело «пропагандировать» эту мысль, а там уже кто-то должен обо всем остальном подумать. Такая специализация ни к чему, потому что мы с вами — пропагандисты-агитаторы, марксисты-ленинцы, а не католические или другие попы. Если бы это нужно было для спасения души, тогда «распропагандировал» — и ладно. Но весь смысл и все значение нашей пропаганды заключается в том, что мы должны не только распропагандировать, но, распропагандировав, научить человека делать то-то и то-то. Мы партия действия — вот в чем секрет. Это в значительной мере осложняет дело. Было бы это еще, пожалуй, проще, если бы мы не были партией массовой, партией рабочего класса. Мы часто говорим о том, что Владимир Ильич был великий человек. А в чем его главное величие? Его главное величие заключалось в том, что он умел понять, почувствовать, впитать в себя огромную энергию, которая имеется в нашем рабочем классе. Вот в чем его главное величие. Были в истории человечества гениальные люди, но это были люди, так сказать, не имеющие непосредственной точки опоры, они не имели таких корней в могучей глыбе, которая называется рабочим классом, как Владимир Ильич. Он никогда не был один, никогда за всю свою жизнь, а всегда был с миллионами трудящихся. Это ему и давало ту колоссальную, несокрушимую силу, которая не знала никаких препятствий на своем пути. Быть всегда с массами — это, товарищи, самое ценное и самое святое в нашей партии, а если это так, то нужно всю работу строить таким образом, чтобы не было той кривобокой специализации, о которой я вам говорил. Возьмите любую отрасль работы и те очередные задачи, которые стоят перед нами. Чем ближе мы к ним присмотримся, тем с большим вниманием должны возвратиться к тому, что называется нашим партийным просвещением. Я беру *партийное просвещение* в широком смысле этого слова.

ПОСТАВИТЬ ПАРТИЙНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НА УРОВЕНЬ НОВЫХ ЗАДАЧ

Товарищи! Перед нами стоит целый ряд очередных задач, осуществление которых в конечном счете должно помочь нам проделать этот самый исторический переход из одного десятилетия в другое. Случилось такое хронологическое совпадение — мы заканчиваем десятилетие и вместе с тем заканчиваем первоначальный период нашего строительства. Если мы теперь, товарищи, не сумеем расшевелить, привести в движение весь наш рабочий класс, мы, конечно, этот переход будем совершать еще с большими трудностями, чем те, которые мы имели сейчас. Если в тот момент, когда мы приступили непосредственно к реконструкции всего громадного рабоче-крестьянского хозяйства, нашей советской экономики, мы не сумеем подготовить себя на этом ответственном рубеже целиком и полностью к новой знаменательной эпохе, то внутрипартийный кризис, который мы переживали, будет перманентным и может приобрести еще более острую форму. Не случайно получилось, что десять лет мы с вами строили, десять лет занимались огромнейшей работой, десять лет являли не только друзьям, но и врагам величайшие примеры успешного строительства, а теперь — извольте радоваться — через десять лет *оппозиция спрашивает*, что мы, собственно говоря, строим — социализм или что-нибудь другое, чем это мы с вами все это время занимались? Кажется парадоксальным, как возник этот вопрос. До сих пор все было гладко, хорошо, а вот теперь, когда мы закончили постройку вчерне, когда начинаем заниматься более детальной архитектурной отделкой, то нас спрашивают: «А что вы в сущности делали? Социализм? Ничего подобного, в лучшем случае вы занимались созданием государственного капитализма». Это не случайное явление. Малейшая трещинка внутри нас служит тем огоньком, на который летят «бабочки», которые ничего общего с рабочим классом не имеют. И это опять, если мы внимательно всмотримся в это дело, возвращает нас к необходимости улучшения нашего внутрипартийного просвещения. Каждый новый день, каждый новый этап выдвигает задачи, от которых не отвернешься и которые

возвращают нас к основным вопросам внутрипартийной учебы. Надо сказать, что по мере укрепления нашего социалистического общества, по мере усиления социалистических элементов в нашей стране, по мере того как все более и более мы становимся организованным и твердым государством, сама жизнь не только становится сложнее, но требует от нас гораздо большего внимания, чем было раньше. Если взять наше существование четыре-пять лет тому назад и сравнить с теперешним, мы увидим, что было много областей работы, куда и заглядывать не приходилось, они шли самотеком, мимо нас, мы были заняты другим. Вышедшие из пекла гражданской войны, мы были заняты собиранием после разрухи всех крох, которые были разбросаны по огромным пространствам нашей территории. Теперь, когда все собрано, когда мы все организовали, сложили, появляются новые прани в нашей работе. И сейчас, можно сказать, нет уже ни одной области хозяйственной и культурной жизни, мимо которой коммунист мог бы проходить. Теперь он является правителем в полном смысле слова, запросы выпирают со всех сторон, требуют внимания те области, которые были раньше за семью печатями.

Возьмите такую область, как литература. За какой-нибудь очень небольшой промежуток времени, четыре-пять лет тому назад, краешком уха о ней слышали, кое-когда, между прочим этим занимались, а сейчас нет, сейчас это уже непеременимое и очень заметное звено всей нашей общей жизни, и было бы, конечно, странно, если бы член нашей партии проходил мимо этого дела так, спустя рукава. Литература уже является заметной, солидной частью нашей теперешней жизни, теперь она приобретает совершенно определенное влияние на огромные слои трудящихся нашей страны. Мимо этой области может ли пройти сознательный, отдающий себе отчет в работе коммунист? Конечно, нет. Самым внимательным образом он должен во всем этом разбираться.

Если мы так будем всматриваться дальше, мы увидим целый ряд других областей, которые были, так сказать, нам не то что не нужны, но для нас незаметны, а сейчас выдвигаются вперед. Можно вам перечислить множество явлений, которые совсем еще недавно, если бы их кто и

пропустил, то из этого большого преха не вышло бы, а сейчас они приобретают большое значение. От каждого члена партии, сознательно исполняющего те или другие ответственные обязанности, ответственную работу, эти вопросы требуют самого непосредственного ответа и сплошь и рядом самого непосредственного вмешательства.

Я думаю, что те из вас, которые находятся, скажем, на партийной руководящей работе, скорее всего поймут всю сложность нашей теперешней обстановки.

Пусть каждый продумает характер вопросов, которыми он занимается в течение дня, и он увидит, что здесь, в Ленинграде, он должен заниматься и вопросами зарплаты, и кооперации, и рабочим жилищным строительством, и Академией наук, и вузом каким-нибудь. Во всем он должен разобраться и на все он должен соответствующим образом реагировать. Конечно, организационно — где кого назначить, кого переместить, — это мы без особого труда совершаем, но дело не только в этом. Дело в том, что у нас есть высокие, почтенные культурные учреждения, которые известны всему миру, созданы 200 лет тому назад и проявляют себя таким образом, который совсем не пристал Советскому государству. Я имею в виду Академию наук. Там высокие авторитеты, большие ценности человеческого ума сосредоточены в этих самых палатах, но сплошь и рядом бывает так, что там приходится чувствовать себя как бы совершенно чужим. На все это надо как-то реагировать, и все это требует знаний и умения, чтобы работу высококультурных людей соединить с тем, что называется марксизмом и ленинизмом. Не обижая никого, нужно сказать, что среди этих высоких людей быть может иногда имеются не совсем сознательно уклоняющиеся от нашего общего советского русла, я уже не говорю о коммунистическом русле.

Все это, товарищи, надо как-то направить, не ограничиваясь словами «белогвардейщина» и т. п., все это требует от каждого из нас какого-то минимума знаний, при помощи которых можно было бы все это дело повернуть, причем в основе этого минимума должен лежать вот этот самый марксизм-ленинизм.

Нужно иметь в виду, что чем прочнее мы с вами становимся, — если пройдет пара-другая лет, и мы с вами

будем живы, — вы сами увидите, как за этот короткий промежуток времени вся наша работа еще более усложнится в несколько раз. Усложнится потому, что чем мы больше начинаем поднимать нашу страну, тем быстрее она будет развиваться уже не в простой, а, так сказать, в геометрической прогрессии. И вот тут-то каждому из нас нужно очень и очень за всем поторапливаться.

Отсюда понятна та жажда знаний, которая особенно замечается у наших товарищей помоложе. Должен сказать, что это стремление тоже сплошь и рядом у нас, коммунистов, выражается совершенно своеобразно. Например, когда какого-нибудь товарища приглашают на ту или иную партийную учебу, просят его уделить на это хотя бы часик-другой, чтобы изучить эту самую азбуку марксизма-ленинизма, он к этому делу относится в достаточной степени прохладно и говорит: «Если бы в вуз какой-нибудь технический меня пригласили, я бы с полным удовольствием, потому что надоело так болтаться».

Видите ли, ему надоело «болтаться» около марксизма-ленинизма, около воспитания рабочего класса, ему нужно в вуз! Он говорит: «Я буду инженером, пойду на Свирь-строй, сделаю полезное дело».

Нужно так ставить дело, дорогие товарищи, чтобы когда ты идешь в вуз, так в одну руку возьми механику или технику, а вот сюда положи Ильича — так будет лучше. Конечно, это сложно: стипендия у тебя нищенская, приходится всячески изворачиваться, но все-таки, дорогой товарищ, нужно найти на все время. Когда читаешь о сопротивлении материалов, не забывай о сопротивлении буржуазии. (А п л о д и с м е н т ы, с м е х.)

О ЗНАЧЕНИИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДЕЛЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

Я думаю, товарищи, что если вы наблюдали весь наш внутрипартийный обиход, вы с этим вполне должны согласиться. Конечно, никто не будет говорить, что нашу коммунистическую молодежь нужно растить так, чтобы она знала только одни наши революционные науки. Безусловно, помимо всего этого из нашей молодежи нужно готовить полезных работников различных отраслей. Это

правильно, так это и делается. Но наряду с этим нельзя допускать того, что мы теперь уже иногда замечаем. Как будто кое-кто хочет сказать: о чем собственно нам сейчас хлопотать? Все у нас налажено, все сделано более или менее подходяще. Даже иностранцы говорят, что мы строим «приемлемо» (что мы построим, в этом они все-таки еще сомневаются). Однако чем дальше, тем больше и больше нам нужно похлопотать и еще об очень многом.

Вернемся к этим самым нашим внутрипартийным делам. Каждый из вас, конечно, чувствует то положение, которое внутри нашей партии сейчас создалось. Создалось оно не сегодня, а порядочно уже времени тому назад, сейчас, однако, оно все дальше разворачивается и принимает бесшабашные формы.

Все вы знаете о нелегальной типографии. Вы слышали, конечно, о том, что имеется уже не только кустарная типография, но имеются и квалифицированные типографии.

Я не знаю, видел ли кто-нибудь из вас, но я, по крайней мере, по долгу службы видел один экземпляр оппозиционной программы, исполненной уже в печатном виде на типографских машинах, — так что сейчас и вы можете увидеть печатные экземпляры. Но это все дело больше техники подпольной касается. Но вы знаете, что этот эпизод с типографией сопровождается таким явлением, как было в Москве, а именно, смычкой с беспартийными мелкобуржуазными интеллигентами. Говорят, что это единственный случай, что так, «какой-то интеллигент случайно оказался», но, товарищи, вы понимаете, что случайного вообще в природе ничего не бывает, и у нас в Коммунистической партии, даже в оппозиционной работе, тоже никаких «случаев» не может быть. Видимо, дело зашло чрезвычайно далеко. Это ставит перед нашей партией снова и снова вопрос об укреплении нашего внутрипартийного бытия, о твердом знании основы нашей партии, программы нашей партии в первую очередь.

И вот дальше вы, конечно, будете ближе и лучше разбирать, как будет строиться наша партийная учеба, но, очевидно, с сегодняшнего дня в нашей партийной учебе нам нужно будет, памятуя об основе нашего существа, о марксизме-ленинизме, взять уклон на ближайший до-

съездовский период именно в эту сторону, разъяснить все наши внутрипартийные разногласия. Нужно добиться того, чтобы для каждого члена партии этот вопрос представлял бы полную ясность и полную отчетливость. Я думаю, что никогда мы так далеко не заходили во внутрипартийной борьбе, как теперь наша оппозиция. Конечно, товарищи, дело обстоит в высокой степени печально для оппозиции, если она договаривается до создания второй партии! Правда, раньше, когда мы им говорили, что у них есть стремление организовать новую партию, то каждый из них говорил, что он достаточно хорошо себя чувствует в нашей существующей партии, зачем-де ему создавать новую. Но все это оказалось словами. Совершенно определенно все рамки нашего внутрипартийного житья теперь уже нарушены. Они имели уже подпольные собрания, подпольные типографии, смычку с чуждым элементом. Правда, они говорят, что это «техника», но вы знаете, что за этой «техникой» может и должно последовать что-нибудь другое. Вы знаете, что сейчас вся беспартийная масса насторожила уши и смотрит, что будет происходить. А если вы пройдете по всем нашим высоким государственным учреждениям, наполненным в достаточном числе беспартийными специалистами, и если бы вы смогли поговорить с ними по душам и узнать, как и что они чувствуют, то вы бы увидели, как наша внутрипартийная драка отражается на работе всего государственного аппарата. В этом никакого сомнения нет. Мы действительно хорошо сумели использовать специалистов и вообще все слои квалифицированной интеллигенции, но надо знать, что вся эта публика по природе своей, если даже она на все сто процентов советская, все-таки всегда имеет одно качество — держать нос по ветру. Они хорошо работают, когда все обстоит благополучно, а когда партийный ветер начинает дуть в сторону, тогда все эти спецы меняются: одни сюда, другие туда. Если, скажем так, во главе того или иного учреждения стоял раньше бывший член нашей партии, который теперь из партии исключен за оппозицию, то когда он сидел в этом самом учреждении, Госшвей, он шил так, а когда посадят представителя большинства, то строчка совсем будет другая, уж в этом будьте спокойны. И специалисты прекрасно это

учитывают. Так что если получается изменение курса, то это сейчас же рикошетом отражается на всем нашем аппарате.

Нам просто относиться ко всем этим делам не приходится, и тот остаток времени, который мы имеем до съезда, мы должны будем использовать так, чтобы всю учебу наладить в сторону изучения и разъяснения наших внутрипартийных разногласий.

Конечно, для вас, собравшихся здесь, все эти вопросы совершенно ясны, но у нас, не забывайте, имеется миллионная партия, и надо сказать, что в этой партии, конечно, есть определенный слой (я не знаю, насколько он велик, это трудно сказать), который в значительной мере является безучастным к нашим внутрипартийным спорам, безучастным в том отношении, что он не дает себе отчета во всех тех спорных вопросах, которые у нас имеются, именно, о крестьянстве, о рабочем вопросе, о характере нашей промышленности, о характере нашей революции и т. д.

Когда оппозиция рассматривает тот или другой коллектив, то говорит: двадцать человек там наших, шестьдесят ваших, а все остальное — это болото, и вот за это болото идет сейчас война. Вот как квалифицирует состав нашей партии оппозиция. Насчет болота я не сказал бы так, но что есть известный слой в партии, который держит себя нейтрально в этой нашей внутрипартийной драке, то в этом нет никаких сомнений. И наша задача, задача всей нашей партии, заключается не только в том, чтобы каждый из нас был подкован на все, как говорится, четыре ноги во всех этих вопросах, но и в том, чтобы из этой болезненной полосы, которую мы сейчас переживаем, выйти как можно более сильными.

ЧЕТКО РАЗЪЯСНИТЬ СУЩНОСТЬ УКЛОНОВ ОТ ЛЕНИНИЗМА У ОППОЗИЦИИ

Каждый из вас понимает, что дело сейчас заключается не только в том, чтобы на очередном нашем съезде разоблачить как следует нашу оппозицию. Мы это сделаем, это несомненно, но сделать это нужно при одном желательном для нас условии: чтобы максимальное число

членов партии, недостаточно отчетливо сейчас представляющее себе все эти вопросы, чтобы они в результате этой дискуссии стали бы на линию борьбы, которую мы ведем, вышли более сознательными и убежденными в правильности линии большинства нашей партии. Вот такая задача, товарищи, стоит перед нами.

Нам нужно добиться не только того, чтобы разоблачить, раздеть доната нашу почтенную оппозицию. Это сравнительно легкое дело, и оно будет выполнено нами, несомненно, на все сто процентов. В этом не может быть никакого сомнения. Но вот если на ответственном рубеже нас застали эти спорные вопросы, надо сделать таким образом, чтобы члены нашей партии в максимальном количестве на все эти вопросы дали каждый для себя совершенно точные, ясные, ленинские, марксистские ответы. В истории нашей партии так обычно и бывало. Ведь, товарищи, прочность нашей партии, ее твердая и железная сознательность объясняется тем, что она с первых дней своего существования шла под непосредственным обстрелом и, конечно, под обстрелом не только царского самодержавия и помещиков, но и разных мелкобуржуазных соседей. Никогда наша большевистская партия не была одна, всегда были те или иные попутчики, которые с разных сторон ручьями подходили, стараясь нас захлестнуть. И вот, борясь и с правыми и с «левыми», отбиваясь от их натисков, мы сумели выковать большевистское сознание членов нашей партии.

Далее, товарищи, часто приходится слышать, что вот мы толкуем о том, о сем, но нет никакого материала об оппозиции, нет литературы; выходит так, что как будто бы не на чем воспитываться. Вот если бы все это напечатать да раздать, да прочитать, тогда совсем другое дело. Совсем это не так. В сущности, о чем мы сейчас спорим? Конечно, ходит много всяких нелегальных шпаргалок, платформ и т. д., но, я думаю, каждый из вас, кто видел эти шпаргалки, знает, что там, в конечном счете, все те же вопросы, которые мы с вами уже достаточно хорошо дебатировали, о которых есть целая куча всяческой литературы совершенно легальной, которую можно достать в любом нашем книжном советском магазине. Вопрос идет опять-таки о социализме, о крестьянстве, о рабочем,

о зарплате, о госкапитализме, о темпе индустриализации и т. д., только все это преподносится в несколько иных формах и выражениях.

Правда, единственный вопрос, который сейчас прибавился, — это национальный вопрос, о котором на XIV съезде, как вы, вероятно, знаете, оппозиция не говорила. Этот вопрос тогда не выдвигался. А теперь, когда борьба зашла так далеко, и национальный вопрос пристегнули. Теперь говорят такие замечательные вещи, что надо, например, проверить такое явление, как Закавказская федерация, насколько она оправдала себя. Это теперь интернационализм наизнанку. Оппозиция обвиняет нас в том, что мы с вами самая настоящая кацапня, дальше того, что есть в нашей стране, мы ничего не видим, что мировая революция и все прочее, этому-де мы с вами не верим, мы узкие националисты, ограниченные люди. А вот Троцкий и Зиновьев — это настоящие интернационалисты, у них не только на нашей земле, но и на Марсе и на Луне все обдумано по-настоящему. И оппозиция теперь говорит, что надо проверить целесообразность существования Закавказской федерации. Минимум интернационализма заключается в том, товарищи, чтобы эти закавказские народы жили не каждый в своей политической государственной хате, а старались окошки и двери открыть, ходили друг к другу, не запирая хаты, не обороняясь друг от друга, — вот минимум интернационализма. Оппозиция говорит, что не мешало бы Закавказскую федерацию пересмотреть — насколько она оправдала себя. Я думаю, товарищи, что мы и Закавказскую федерацию создали для того, чтобы в конце концов наш огромный, многомиллионный Советский Союз, населенный всяческими племенами и народами, сделать единой дружной семьей. Так как будто бы выходило. По крайней мере даже пионеры старшего возраста в это дело верят. Оппозиция сейчас говорит: надо проверить, такой ли дорогой надо идти.

Вот, кажется, единственно новое, что сейчас выдвигается оппозицией. Все же остальное уже давно известно — это все те же самые вопросы, по которым шла борьба и раньше, но только преподносится все это в иных формах и предложениях. Например, раньше говорили:

есть партия, а теперь из оппозиции уже говорят нам, что партии нет, а есть фракция большинства. Раньше был Центральный Комитет, было большинство ЦК, а постепенно и это исчезает, и вместо этого говорится, что есть только товарищ Сталин. ЦК партии это так себе, вы видели в шпаргалках, как Центральный Комитет квалифицируется: это — если не кулачье, то ближе всего к кулакам; это — центристы, все что угодно, но партии и ленинцев нет, ленинцы все там, у оппозиции остаются.

Ссылаться на то, что у нас нет достаточного количества литературы, нельзя, это пустяки. Нужно следить не только за той литературой, которая выходит сегодня, не надо только забывать и того, что вышло вчера, что вышло в прошлом и позапрошлом году. По части идеологии Троцкого тут литературы хоть отбавляй. По моему мнению, блестящие страницы для изучения троцкизма и о вреде троцкизма есть у Зиновьева. Есть по этому поводу речи и у Каменева. Если бы каждый их проштудировал по-настоящему, то, конечно, он мог бы понять те перманентные ошибки Троцкого, которые он делает. Или наоборот, у Троцкого можно найти пророческие вещи по части Зиновьева. Вот почему, когда говорят: все бы ничего, да литературы нет, — то это является в значительной степени отговоркой. Мы всегда требуем «горячего», требуем, чтобы все было положено, разжевано и пр. Мы теперь находимся в таком возрасте, когда зубы у нас пробились не молочные, а настоящие, которыми мы можем грызть, как говорил Троцкий, этот самый гранит науки. Впрочем, что касается гранита, то это, правду сказать, слишком жестко, можно бы подобрать что-нибудь помягче. Эта задача — изучение, у нас, товарищи, к великому сожалению, в загоне. Тут я мог бы привести прискорбные примеры. Спрашивают у одного товарища: «Скажи, в чем же сущность теперешних внутренних разногласий?» Он отвечает: «Да я за последнее время работой завален, не читал газет». И это говорит кандидат партии! Это как раз яркий пример того, что называется быть нейтральным, если не хуже, в деле внутрипартийной драки. Конечно, можно все забыть, но не поинтересоваться хотя бы кратко тем, что у нас в партии происходит, — это уже никуда не годится.

И вот исправление этого положения, товарищи, в громадной степени будет зависеть от вас. Это очень тяжелая задача, у многих эти вопросы в зубах навязли, но тем не менее, товарищи, от этого не уйдешь, и нашу ближайшую учебу, очевидно, нужно направить всю, по крайней мере до съезда нашей партии, по этому руслу. Мы никак не можем успокаиваться на той мысли, что вот если подсчитать голоса, то окажется: в таком-то коллективе всего пять-шесть человек сторонников оппозиции, на съезде может быть они найдут еще двух-трех чудаков, их, конечно, положат на обе лопатки. Товарищи, не эта задача стоит перед нами. Эту задачу мы разрешим, и оппозиция прекрасно знает, что мы ее разрешим. Задача в том, чтобы отрезать пути для повторения того, что у нас есть теперь. А отрезать пути можно в том случае, если мы сумеем на тех вопросах, вокруг которых ведет борьбу оппозиция, на этих вопросах, заостренных нашей теперешней практикой, воспитать каждого члена партии хотя бы настолько, чтобы он понимал действительно, что у нас строится социализм, а не что-то другое, что в крестьянстве расслоение происходит совсем не такое, какое имело место в капиталистическом обиходе. Все эти вопросы должны стать непосредственным близким достоянием каждого члена нашей партии.

Вот такая задача на тот короткий промежуток времени, который остается до съезда, стоит сейчас перед нами. Работа эта очень сложная, но ее сделать надо. Лишь в этом случае мы выйдем с очередного съезда партии не только разоблачив оппозицию, но и спаяв на этой основе, на огне нашей внутрипартийной борьбы, огромные миллионные ряды нашей партии.

Это не значит, что мы гарантированы в дальнейшем, что мы получим противополопозиционную прививку и что дальше пойдет тишь и гладь в нашей партии. Нет, не только этот, но впоследствии еще не один изгиб мы переживем в нашей партии в период строительства социализма. При той сложности вопросов, которые перед нами стоят, и при том своеобразном развитии, которое наблюдается в странах Европы и Америки, конечно, у нас будут не раз еще всякие разочарования. Еще многих может изумить какая-нибудь новая стабилизация, конечно,

не раз еще надвинутся на голову нашего Союза тысячи всяких опасностей, все это будет отражаться на нашей партии. Но если мы будем каждый этап нашей борьбы использовать, поднимая сознание миллионов, мы будем выходить более сильными, более стойкими из нашей борьбы, а стойкости требуется от нас много, очень много. (Если проанализировать состояние нашей оппозиции, то можно будет сказать, что, помимо всего прочего, там именно насчет стойкости слабовато получилось.) Все мы сейчас прекрасно понимаем сущность стабилизации, наступившей в капиталистических странах, мы прекрасно понимаем, что нам лишний раз, и может быть еще более преступно, будут изменять патентованные изменники социализма, мы все это прекрасно понимаем и должны все это разъяснить всем без исключения членам партии.

Так или иначе, товарищи, но вот эта теперешняя наша очередная задача ставит нас в необходимость повернуть, а может и несколько сломать программу нашей партийной учебы и начать ее с того места, которое называется нашими теперешними внутрипартийными разногласиями.

Не нужно терять ни одного часа. Чем больше времени мы потратим на этот вопрос до нашего очередного съезда, тем более мы станем крепкими, тем более безболезненно выйдем из этой полосы нашей внутрипартийной борьбы.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ РАБОЧЕМУ ПРОПАГАНДИСТУ!

В заключение я хотел бы сказать следующее. У нас есть еще одно качественно новое обстоятельство, которое нам дает большую уверенность в том, что в ближайшее время мы будем гарантированы в успехе нашего партийного воспитания. Совершенно справедливо Ленинградский Губком партии обратил внимание на выращивание рабочего пропагандиста — это величайшее дело для нашего партийного воспитания.

Мне вспоминаются слова Владимира Ильича, когда он говорил нам впервые о необходимости образования института рабочих корреспондентов. Тогда это дело было новое и мало кто из нас представлял себе, как это выйдет. Казалось, что это трудновато. Ведь для этого нужно быть достаточно грамотным человеком, рабочему нашему будет

трудновато стать корреспондентом и т. д. Теперь вы видите, что институт рабочих корреспондентов помаленьку развился в величайшую силу. Теперь мы к этому привыкли, нам этот институт кажется делом уже установившимся, укоренившимся, потому что нет фабрики, нет завода, нет маленького предприятия, на котором не было бы рабочего корреспондента, не было бы глазка рабочего класса, который освещает жизнь и деятельность данной фабрики или завода.

То же самое и насчет рабочего пропагандиста. Вы все знаете историю нашей пропаганды. Выходило так, что пропагандой занимались почти исключительно интеллигенты. Вы знаете, какую роль в этом деле играло студенчество в прошлое время и т. д. и т. д.

И вот теперь, когда мы разворачиваем особенно широко нашу пропагандистскую работу, мы имеем в Ленинграде громадную когорту рабочих пропагандистов. Наши работники по пропаганде и агитации могли бы вам рассказать замечательные вещи по этому вопросу. Вначале как будто угловато это дело проходило, а теперь, на протяжении небольшого времени, институт рабочих пропагандистов в деле партийного воспитания становится самым главным, самым ценным звеном. Когда инстинкт рабочего подкрепляется теоретическими знаниями марксизма-ленинизма, — ведь лучшего проводника наших идей, лучшего воспитателя широкой рабочей массы вы не найдете.

Поэтому, товарищи, институт этот нам нужно культивировать, развивать его самым внимательным, самым бережливым образом. В этом залог выполнения того, о чем я говорил в первой половине своего сообщения: мало заниматься просто партийным воспитанием, пропагандой и агитацией, нужно, чтобы все это увязывалось с практической работой, с задачами сегодняшнего дня; нужно, чтобы это увязывалось у каждого из нас, который проходит партийную учебу. Лучшего исполнителя подобной задачи, чем рабочий пропагандист, мы, конечно, в таком деле не найдем. Рабочий пропагандист сам ближе может подойти к массе, и к нему подойти гораздо проще. Все им будет передано гораздо доступнее, и пропаганда даст большие успехи.

Я говорю, что те товарищи, которые работают в этой области, могли бы уже дать тысячи примеров успешности работы рабочих пропагандистов.

Их работа является лучшей гарантией того, что когда мы перейдем к нормальным условиям нашей партийной учебы и партийного воспитания, мы сможем достичь еще больших успехов в этом деле.

Наши рабочие пропагандисты играют и впредь должны будут играть величайшую роль в деле нашего партийного воспитания.

Таким образом, несмотря на всю сложность наших задач, я думаю, что мы с ними справимся при одном не-пременном условии: если товарищи, имеющие то или другое отношение к организации нашего партийного воспитания, нашей партийной учебы, если они действительно, по-настоящему отдадут себе полный отчет в том положении, в котором находится сейчас наша партия, если они сумеют поставить в центре партийной учебы те задачи, которые стоят перед нашей партией как внутри, так и вне нашей страны. Если мы действительно проникнемся по-ленински стремлением преодолеть все внешние и внутренние затруднения, преодолеть с полным сознанием своей правоты, то, несмотря на все запугивания, несмотря на то, что нам кричат о возможном развале наших рядов, мы все эти трудности изживем безболезненно.

Товарищи, я не брал на себя задачу излагать во всех деталях построение нашего партийного просвещения. Это в мою задачу не входит, это задача людей, которые на это дело специально поставлены. Моя задача была только в том, чтобы напомнить вам, насколько это в моих силах, о той высокой сознательности, которая от нас требуется особенно теперь, о том, что мы действительно переживаем высокоответственный момент и непосредственно это ощущаем, — о той сознательности, которая нам необходима при переходе к новому периоду нашей работы, когда мы будем строить социализм, строить его таким образом, чтобы не только беспартийные рабочие Западной Европы, но чтобы и товарищи, разделяющие еще взгляды оппозиции, чтобы все члены нашей партии видели ясно, что мы строим десять лет и что мы начинаем строить в новое

десятилетие действительно социалистическое общество и ничто другое.

Мы этого, товарищи, должны добиваться во что бы то ни стало. Не оппозиционеров нам нужно убедить, а нам нужно на этом рубеже, в великую годовщину Октября всем миллионам наших трудящихся лишний раз продемонстрировать правоту своего ленинско-марксистского дела, показать всю ту величайшую работу, которую мы с вами сделали за десять лет, показать и объяснить это таким образом, чтобы каждый трудящийся, с завтрашнего дня вступая в новое десятилетие, был бы готов идти вперед с огромным самопожертвованием и с полным сознанием своей правоты, правоты того великого дела, которое мы с вами начали десять лет тому назад. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 316—333.*

ОППОЗИЦИОНЕРЫ ПРЕДСТАНУТ ПЕРЕД XV СЪЕЗДОМ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ МЕНЬШЕВИСТСКО-ТРОЦКИСТСКОЙ СУЩНОСТИ

*Речь на XII партконференции
Василеостровского района
29 октября 1927 года, Ленинград*

(С. М. Кирова конференция встречает бурными аплодисментами.)

Товарищи! Я думал, что несколько иначе построю свое небольшое сообщение вам, но тут, к сожалению, порядок дня немножко изменился, и мне придется начать с выступления Бакаева.

Я не стану вас задерживать и не думаю, чтобы нужно было доказывать всю вздорность утверждений оппозиции. Укажу на один вопрос о манифесте, документе величайшей исторической важности. Бакаев, бия себя в грудь, говорил: «Ленин требовал документов, пусть покажут документы». Пусть же он меня опровергнет, что я неправильно излагаю дело. Дело было вот как. (Голос Бакаева: «Опубликуйте!». Голоса: «Вывести его!..». Шум.)

Прежде всего оппозиционеры критикуют манифест с формальной точки зрения, говоря, что он упал на партию как снег на голову. Между тем даже насчет 7-часового рабочего дня надо сказать, что Бакаев это давно знал и Зиновьев еще раньше знал. Еще при жизни Дзержинского вопрос о 7-часовом дне ставился, но мы не могли сразу вынести его на такую широкую дискуссию.

Дзержинский поставил вопрос так, что надо провести рационализацию текстильной промышленности (переход на большее число станков) при условии сокращения рабочего дня. Так он вопрос ставил: начнем с текстиля и посмотрим, как дело пойдет, а потом — и в других

отраслях. Дзержинский считал, что к 7-часовому рабочему дню мы, видимо, подходим.

Но не это особенно обескураживало оппозиционеров. Вы знаете величайшую «доброту» Зиновьева. Уж если нужно «отступить», он отступит по-настоящему, он потребует и крестьянскую фракцию и крестьянскую газету, а если двинулись вперед, то как же он помирится с тем, чтобы его обогнали? А вот с 7-часовым рабочим днем обогнали. (У них ведь программа рабочая разработана изрядно: там все предусмотрено, а 7-часовой день выскочил.)

Пришли мы с этим проектом на сессию ЦИК, они выступили против манифеста. Манифест делится на две части: вводную — политическую и практические выводы. Ну, конечно, насчет первой части, не боясь нарушить дисциплину, члены ЦИКа готовы были признать, что, может быть, можно было вдвое длиннее написать, перечислить в манифесте все страны мира и так далее.

Конечно, можно, но не в этом же дело. Основное в манифесте — оценка ближайших перспектив. Основное тут — 7-часовой рабочий день, и Бакаев, несмотря на всю свою фракционность, должен будет сказать, что главным образом около этого вопроса и шли все дебаты и на сессии ЦИКа и в любом коллективе. 7-часовой рабочий день — это громадный поворот в нашей политике, имеющий международное значение. Вот, товарищи, которые здесь в президиуме сидели, они из разных стран приехали и во всех странах стоит вопрос об удлинении рабочего дня. В частности, в Америке, где некуда девать капиталы, речь сейчас идет об удлинении рабочего дня. А у нас как раз наоборот. Мы как будто бы и бедная страна и прочее, а идем к 7-часовому дню.

Вот стенограмма речи Зиновьева на фракции ЦИКа в Ленинграде. Зиновьев говорит: «Я утверждаю, что более демагогического, авантюристического предложения, чем предложение о 7-часовом рабочем дне, в истории нашей партии еще не бывало». (Шум.) И они после этого говорят: на нас лгут, что мы против 7-часового рабочего дня. Насчет того, против они или не против, вот я одно местечко прочитаю, довольно наглядное. В заключение своего выступления Зиновьев говорит: «Я предлагаю во-

прос о 7-часовом рабочем дне в той демагогической форме, безответственной форме игры с рабочими, снять, для того чтобы не компрометировать нашу партию». Так выступает Зиновьев.

Троцкий тоже говорил, что, конечно, нужно обдумать, нужно обсудить и т. д., а к концу решил, что неудобно так ставить вопрос. После этого они внесли добавочное предложение к манифесту, где наряду с небольшими мероприятиями по части рабочего быта предлагали поставить в порядке дня вопрос о 7-часовом рабочем дне. Так стоял вопрос.

Они, видите ли, обижены тем, что вопрос не был поставлен на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, они потребовали нового обсуждения этого вопроса. Но мы люди занятые, у нас работы много. Мы сказали, что вопрос для нас ясен, давайте голосовать, и проголосовали, и они снова голосовали против. Если они возражали против этого манифеста, как сказали Бакаев и Евдокимов, потому что там не говорится о китайской революции «за», то разве нельзя было им сказать, что мы за манифест голосуем, т. е. за увеличение пенсий старикам, за снижение налогов и т. д., но если в нем нет китайской революции, вносим особое мнение?

Но Бакаев говорит, что мы голосуем против потому, что там неправильно изложены взгляды на построение социализма. Какая «глубина» теории! Это действительно одно из основных разногласий оппозиции с нашей партией как раз по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. И здесь Бакаеву не мешает особенно напомнить, что когда мы два года тому назад сразу после XIV съезда партии проводили дискуссию по этому вопросу, то ни один из вас открыто не посмел заявить об этом. Единственным смельчаком оказался Глебов-Авилов, который в тогдашней дискуссии на Путиловском заводе сказал: «Верно, строить-то вы строите, но что из этого выйдет — бабушка надвое сказала». А сейчас они распахнулись всюю. Троцкий по крестьянскому вопросу, по вопросу о перманентной революции расцвел во всей своей троцкистской красоте, целиком выплыл как есть. Я не буду вдаваться в вопрос о построении социализма, думаю, что вы достаточно знаете, что об этом говорил Ленин, но,

мне кажется, каждый понимает: если с завтрашнего дня действительно восторжествуют взгляды оппозиции на построение социализма в нашей стране, то я бы не сказал, чтобы нашей работе в дальнейшем поздоровилось.

Заканчивая, мне хочется отметить то, что оппозиционеры наши любят очень часто прикидываться смиренными иисусиками. Такие выйдут несчастенькие, что прямо дальше ехать некуда. А посмотрите, что они делают! Дело сейчас заходит все дальше. Если бы они были только фракционерами, это еще мы как-нибудь переболели бы — в истории партии это бывало. А что мы имеем в действительности? Мы имеем, несомненно, существующий у них руководящий центр, подпольный оппозиционный ЦК. Они имеют совершенно определенную — уже не фракционную, а свою особую партийную — дисциплину, имеют нелегальную печать, нелегальные типографии, систематические нелегальные собрания, происходящие параллельно нашим легальным собраниям здесь, в Москве, и где угодно. В Москве происходят заседания коллективов, где обсуждаются серьезные вопросы, а нелегально заседает Троцкий, приглашающий к себе своих сторонников. Одним словом, все элементы особой партии в этой троцкистской фракции налицо.

И после этого они орут на всех углах и перекрестках, что их зажимают и т. д. Но мы понимаем, что они не только поколебали партийную легальность, но уже давно перешагнули за пределы партийности, нарушив элементарную советскую дисциплину.

Не дальше как позавчера (думаю, что не ошибаюсь) на квартире у Евдокимова было нелегальное собрание, на котором присутствовал ряд товарищей, и в том числе двое оппозиционеров с Металлического завода. Что, как вы думаете, они обсуждали: вопрос о строительстве социализма или о кулаке? Нет, обсуждался вопрос о том, как им вести себя дальше. Там были люди, докладывавшие о положении их оппозиционных дел, там подсчитывались их силы; обсуждался вопрос о предстоящих октябрьских торжествах и, в частности, о той демонстрации, к которой все честные революционеры сейчас готовятся. И вот там шла речь, как им организовать дело так, чтобы получился

настоящий эффект, чтобы превознести вождей этой оппозиции. Они готовятся *организовать демонстрацию против нашей партии*. Говорили о том, какие плакаты нести, как выставлять портреты Зиновьева и Троцкого, как организовать, чтобы кричали «да здравствуют вожди оппозиции». Это все произвело такое тягостное впечатление на товарищей с Выборгской стороны, что самый отчаянный оппозиционер не выдержал и пришел к секретарю партколлектива Головешко и рассказал, что его буквально охватила жуть от всего того, что там говорилось. Нет, говорит, товарищи, больше я не якшаюсь с ними, — я вижу, куда они идут. (Аплодисменты.)

А Бакаев приходит сюда и драматическим тоном заявляет, что при Ленине этого не было. (Бакаев: «Правильно».) Он говорит: правильно. Я также присоединяюсь к этому и говорю: «Да, при товарище Ленине этого никогда не было!» (Бурные аплодисменты.) При товарище Ленине было иначе. Вы все помните дискуссию о профсоюзах и все помните проступок перед партией Шляпникова. Никто как товарищ Ленин поставил вопрос об исключении Шляпникова из партии. А ведь у него тогда ничего похожего не было на то, что сейчас делается. Мы бы посмотрели на Троцкого и Зиновьева — много бы у них политических ребер осталось, если бы был жив товарищ Ленин! (Бурные аплодисменты.) Вся беда заключается в том, что после смерти Ленина некоторые «вожди», как, например, Троцкий, решили посчитать себя прямыми наследниками Ильича. В этом их основное заблуждение. Они не знают, что после смерти великого учителя у нас остался один-единственный наследник — это наша Коммунистическая партия в целом (бурные аплодисменты), и никто претендовать на эту величайшую честь не может. И если есть воля Ленина, так это, товарищи, воля нашей партии — и никого другого. Вот так надо ставить вопрос. Об этом они забыли, для них пустяки, что такое большинство, что такое ЦК и что такое XV съезд. Они на всех углах и перекрестках дискредитируют XV съезд, требуют, чтобы дискуссия началась раньше, а если это не удастся, то пусть отодвинется съезд. Одним словом, знают люди, что им готовит XV съезд. А между тем на эту трибуну, в частности на

Ленинградскую организацию, у них были очень большие расчеты. (Г о л о с а: «Сто процентов».)

Насчет ста процентов не выйдет. Они забыли одну историю. Ленинградской организации было очень тяжело и горько, когда два года тому назад она была запутана ловкими дельцами, но она вовремя выбралась из этой трясины, она вовремя вышла на тот исторический путь, который всем ходом революции для нее уготован. И как бы ни мобилизовались наши оппозиционеры, какие бы конспиративные квартиры ни готовили в наших районах, какие бы сети ни расставляли для малосознательных партийцев, составляя разного рода платформы и заставляя их подписывать, — они обожгутся. И мы, зная, что происходит в партии, должны не покладая рук работать, чтобы отвоевать таких товарищей, которых запутала оппозиция. Мы должны сделать все, чтобы к XV съезду партии они предстали голенькими, во всей своей меньшевистско-троцкистской сущности. Тогда партия выйдет более безболезненно из того кризиса, который она сейчас переживает. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 386—391.*

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА

*Речь на торжественном заседании Ленсовета,
посвященном десятилетию Октябрьской
социалистической революции,
6 ноября 1927 г.*

(Появление тов. С. М. Кирова встречается продолжительными аплодисментами.)

Товарищи! Всего несколько часов отделяют нас от десятилетия той великой исторической даты, когда ленинградские рабочие, руководимые вождем нашей партии и рабочего класса товарищем Лениным, подняли знамя восстания против капитала.

Товарищи, мы с вами вступили в такую полосу, когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем. Тот праздник, который мы с вами празднуем сейчас, является праздником рабочего класса, праздником трудящихся всего мира. Говорить, товарищи, об истории Октября, это значит говорить об истории революционного движения не только нашей страны, но и об истории революции во всем мире. История Октября — это есть история освобождения всего трудящегося человечества. В этом главное, основное, великое значение нашей Октябрьской революции.

Вы все, товарищи, помните, как развернули мы наше красное знамя десять лет тому назад. Вы все, товарищи, помните, что первый наш выход на баррикады явился, прежде всего, ударом по международному империализму. Огромная страна, находящаяся вместе с другими

великими державами в тисках империалистической войны, оказалась выбывшей из мировой бойни. Наши рабочие, солдаты и крестьяне сломали железный империалистический фронт и этим положили начало наступающим великим мировым потрясениям. Октябрьская революция разнеслась глубокими раскатами по всем странам. Она не только опрокинула власть империалистов внутри нашей страны, она пошла гораздо дальше. Она распатала ту огромную империалистическую цепь, которая своею тяжестью сковывала весь мир. Значение Октябрьской революции во всех ее последствиях в ту пору, быть может, далеко не для всех было понятно. Мы все помним, как тогда наши противники, люди, стоящие по ту сторону баррикады, находившиеся как внутри, так и за пределами нашей страны, приняли то великое дело, ради которого мы вышли на улицу. Многим и многим из них казалось это временным эпизодом, временной волной, которая должна будет скоро схлынуть. Но не прошло много времени, как раскаты революции, раздавшиеся из нашей страны, разливаясь, постепенно, повсюду, стали подтачивать основы империализма в других странах. В целом ряде европейских государств в сравнительно скором времени мы стали свидетелями глубочайших потрясений. В ряде стран мы наблюдали серьезные революционные бури, правда, закончившиеся не так победоносно, как у нас, но во всяком случае решительным образом всколыхнувшие капиталистические устои этих государств. Именно наша революция послужила величайшим толчком к организации рабочих всех стран мира. Особенно потому, что империалистическая война уже создала почву для объединения рабочих вокруг подлинных освободительных революционных знамен. Вы знаете, что с первых же дней империалистической войны, главным образом благодаря настойчивой работе товарища Ленина, во многих странах стали организовываться и усиливаться коммунистические ячейки. Но решающий толчок был дан нашей Октябрьской революцией. Прошло немного времени со дня Октябрьской революции, как организация передовых рабочих всех стран в коммунистические партии и создание Коммунистического Интернационала стали фактом. Это явилось как бы формальным завершением того великого коммунистиче-

ского движения, которое началось как отклик нашей Октябрьской революции.

Но и этим, товарищи, не ограничилось великое значение Октябрьского переворота. Раскаты его вскоре почувствовались в тех далеких странах, которые питали и до сих пор еще питают своими соками современный империализм. Миллионы, сотни миллионов рабов, живущих в колониальных и полуколониальных странах, непосредственно восприняли уроки Великого Октября, и в целом ряде этих стран, главным образом на Востоке, мы стали наблюдать развивающееся глубокое национально-освободительное движение. Это создало еще новую угрозу устоям империализма. Империализм оказался подтачиваемым не только изнутри, в своих собственных странах, но он оказался лицом к лицу с угрозой революционной освободительной борьбы в своих колониях. Победоносная борьба рабочего класса в России разбудила громадную толщу до той поры забитых, отсталых, некультурных народов. Великий Октябрь, между прочим, потому что он совершился в стране, стоящей на грани Европы и Азии, не мог не сыграть исключительной роли в истории восточных стран, восточных колониальных и полуколониальных народов. Угроза современному капиталу, угроза империализму выросла в полном своем объеме.

Тогда даже маловерному, считавшему скоропреходящим эпизодом или случайной вспышкой великие Октябрьские события в нашей стране, стало ясно, что история вступила в какую-то новую полосу, перешла какой-то рубеж, что открываются новые перспективы, которые ставят человечество перед новыми судьбами.

Товарищи, вы знаете, что и до Октября в истории человечества было много революций. Вы знаете, что эти революции потрясали до самого основания организованные, исторически сложившиеся государства, но ни одна революция в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция.

Вы знаете, что человечество за долгие годы своего существования не раз и не два выдвигало величайшие умы, работавшие над вопросом освобождения угнетенных. Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свергали троны, разрушали устои

власти господствующих классов, но все же ни одна революция не сделала того, что сделала Октябрьская революция.

Единственная революция в истории народов — Парижская Коммуна — на короткое время сумела сбросить угнетателей и сделать серьезную попытку к установлению власти трудящихся. Но вы знаете, что эта попытка была слишком кратковременной, вы знаете, что она закончилась поражением. Для народа эти революции в истории прошлого заканчивались тем, что вместо одних господ у власти оказывались другие, вместо одного угнетателя трудящихся приходили другие. Угнетение и рабство оставались. Человечество не переставало делиться на угнетенных и угнетателей. И только после Великого Октября, после революции, совершенной нами десять лет тому назад, мы действительно сумели до основания разрушить все то, на чем покоилась власть угнетателей. Мы сумели действительно разметать все то, что создавалось помещиками и капиталистами веками, и установить подлинное освобождение трудящихся. Мы с вами впервые в мире организовали рабочее государство в форме наших Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. (Аплодисменты.)

Мы действительно сумели осуществить тот великий демократический уклад, который позволил нашему рабочему классу стать хозяином в своей стране.

Вы помните, товарищи, с каким ожесточением наши враги встретили провозглашение диктатуры рабочего класса в нашей стране? Вы помните, какой горячий спор вели с нами представители так называемой «революционной демократии» на тему о том, сумеют ли рабочие удержать государственную власть в своих руках?

Рабочий разметал препятствия, стоявшие на его пути, и доказал всему миру, что он способен к бою и к победе, что он способен, идя под красными знаменами, взять власть в свои руки.

Но это, казалось, не решало дела, и наши враги на всех углах и перекрестках кричали о том, что «отсталому», «некультурному», недостаточно вышколенному в капиталистических условиях рабочему если и удалось взять власть, то ему не удастся этой власти удержать. Прошли месяцы, и наш рабочий показал всему миру, что

он способен не только взять власть, но и удержать ее под руководством Коммунистической партии, под руководством нашего великого учителя Ленина. Рабочие нашей страны, в союзе с солдатами и беднейшими крестьянами взявшие власть и удержавшие ее, сумели найти в себе силы для того, чтобы начать организовывать новое рабочее государство, начать закладывать основы социалистического переустройства нашего государства.

Вы помните первые декреты, которые издала наша Советская власть. Вы помните декрет о мире, который потряс все армии на фронте мировой войны. Вы помните декреты о земле. Вы помните декреты о свободах. Вы помните декреты, которыми мы сумели в короткий срок привлечь к государственной работе широкие слои женщин, наших работниц, трудящихся всей нашей страны. Вы помните декреты об освобождении тех народов, которые претерпевали особое угнетение под сенью царского самодержавия, решение национального вопроса, который как будто старалось, но отнюдь не сумело «разрешить» Временное правительство. Сто пятьдесят народностей, говорящих на разных языках и населяющих нашу страну, действительно, по-настоящему почувствовали полное, решительное освобождение и получили возможность принять непосредственное участие в великой государственной творческой работе.

Это дало нам возможность успешно приняться за осуществление тех гигантских задач, которые стояли тогда перед нами. А задачи, как вы знаете, действительно были необъятны. Владимир Ильич Ленин, руководитель нашей борьбы за социалистическую революцию, в самом начале предостерегал нас, что нам сравнительно легко будет покончить со всем прошлым, раскатать и разбить оковы капиталистов и помещиков, но нам неизмеримо труднее будет строить на этих развалинах рабочее государство, утвердить начала социалистического общества.

Так, товарищи, и произошло. Когда наши враги как внутренние, так и внешние убедились во всей серьезности того великого дела, которое мы с вами начали, когда они поняли, что имеют дело не с кратковременной вспышкой, не с коротким историческим эпизодом, а с началом новой великой эпохи, они не преминули мобилизовать все свои

силы против рабочих, против пролетарского государства. И вы знаете, как со всех сторон на нашу рабоче-крестьянскую страну двинулись многочисленные полчища наших врагов. И вот отсюда начинаются невероятно тяжелые, исключительные по своей трудности, страницы нашей Великой Октябрьской революции.

Черные волны нахлынули на нашу страну. Они захлестывали не только наши окраины — был момент, когда гребни этих черных волн подкатывались к самой столице рабочего государства. Опромные хлебородные пространства нашей страны оказались в руках противника. Железные дороги, фабрики и заводы, водные пути — все было парализовано. Наше молодое рабоче-крестьянское государство, рождавшееся в крови рабочих и крестьян, казалось, доживало свою последнюю историческую минуту. Не было той враждебной нам партии внутри нашей страны и за пределами ее, которая не пела бы отходную первому рабочему государству в мире. Момент был настолько тяжел, что рабочим и крестьянам нашего государства приходилось напрягать свои последние усилия, жертвовать своим последним достоянием для того, чтобы сделать новые и новые попытки отстоять то государство, которое мы с вами организовали.

Когда оказывалось недостаточно внутренних сил контрреволюции для разгрома молодого рабочего государства, на помощь белым бандитам приходили великие и малые капиталистические державы. Не было ни одной из них, которая не принесла бы свою черную лепту на дело удушения рабочих и крестьян нашей страны. Не было ни одного правительства в то время, которое не позаботилось бы отвесть живой, горячей крови русских рабочих и русских крестьян. Не было ни одной капиталистической державы, которая не протянула бы свой отравленный меч для того, чтобы вонзить его в сердце наших рабочих и наших крестьян.

Было мобилизовано все, было все сделано для того, чтобы потопить в крови Великую Октябрьскую революцию. Внутри страны свирепствовал голод, свирепствовали эпидемии. Рабочие и крестьяне погибали не только на фронтах гражданской войны — они умирали от голода, холода и эпидемий. Были такие мрачные минуты в исто-

рии героической борьбы наших рабочих и наших крестьян, когда нашу страну, казалось, должна была погубить тифозная вошь. И тем не менее наши рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии находили в себе все новые и новые силы, чтобы выбираться из этих невероятных теснин. В стране замолкли фабрики, перестали работать заводы, замерзали железные дороги, прекратилось почти всякое общение между отдельными районами нашей страны. Но тем не менее работала великая освободительная коммунистическая мысль, которая находила доступ к самым отдаленным уголкам нашей страны, непрестанно будила, звала на борьбу рабочих, крестьян, трудящихся нашего огромного, занимающего шестую часть земной суши государства.

И несмотря на то, что наша страна была ввергнута в глубокую пропасть, несмотря на то, что уже торжествовали победу все государства капиталистического мира, старавшиеся похоронить нас во что бы то ни стало, мы мало-помалу все же выбирались из этой трясины, из этой глубочайшей пропасти.

Мы знали, что мы вышли на последний и решительный бой, и это, товарищи, решало дело. Каждый рабочий, каждый честный трудящийся крестьянин понимал, что, взявши фабрики и заводы у капиталистов, отняв землю у помещиков, вернуть обратно эти фабрики и заводы, отдать обратно эти помещичьи владения — значит ввергнуть себя снова в такую кабалу, перед которой прошлая кабала покажется раем. Мы знали, что если мы не сумеем противостоять натиску наших врагов, на наших спинах будут совершать победную тризну не только наши отечественные капиталисты и помещики, но что нам отомстят, смертельно отомстят и капиталисты всего мира. Мы знали, когда выходили на первые баррикады Великого Октября, что мы выходим на последний и решительный бой. На наших знаменах кровью лучших из нас было написано «Смерть или победа», и мы смело шли туда, где была смерть, но мы твердо знали, что, умирая, мы обеспечим победу. (А п л о д и с м е н т ы.)

И мало-помалу, товарищи, в этом стали убеждаться и наши враги. На протяжении долгих и долгих месяцев, которые в конечном счете вытянулись в целые годы,

капиталисты всех стран на опыте убедились, что перед ними действительно стоит такая стена сопротивления, преодолеть которую одним вооруженным вмешательством не удастся. Убедившись в этом на опыте, наши противники мало-помалу стали переходить к иным методам борьбы против молодого государства рабочих и крестьян. Они стали пробовать обходные пути, стали искать таких способов, с помощью которых можно было бы незаметно, с тыла, изнутри отравить нас капиталистическим ядом и тем самым вернуть нас в дооктябрьское состояние. Вы помните, что над этой задачей работали как каждая страна в отдельности, так и все они, вместе взятые. Мало-помалу из объекта военного вмешательства в наши внутренние дела мы с вами постепенно стали обращаться в объект более сложных международных построений: к нам пытались применить метод «мирного» душения.

Вы помните международные конференции, которые были, скажем, в Генуе и в Гааге, где в центре внимания империалистических держав стоял наш молодой Советский Союз. Вы помните, как постепенно с нами стали разговаривать несколько иным языком, а не только языком оружия, как стали искать других путей решения той исторической проблемы, которая не могла не являться угрозой для империалистов всех стран. Для них было ясно, что на одной шестой части земной суши действительно строится что-то принципиально новое, совершенно не похожее на все то, что было до сих пор, что та революция, которую пачали мы с вами, имеет не только чисто русское значение, но что эта революция является международной и симпатии к ней со стороны трудящихся всего мира с каждым днем усиливаются все более и более. Чем больше зверств проявляли капиталисты по отношению к нам, тем большие симпатии со стороны трудящихся всего мира возбуждали они к нашему молодому Советскому Союзу.

Я напомним вам, товарищи, ту работу, которую проделали империалисты, скажем, на знаменитом историческом совещании экспертов Антанты, происходившем в Лондоне в 1922 г., когда самые просвещенные, самые образованные экономисты Антанты, умевшие разрешать

самые сложные международные хозяйственные проблемы, взялись разрешать и ту проблему, которая называлась социалистической революцией в нашей стране. На это совещание экспертов были приглашены люди, самые испытанные в деле удушения народов, в деле закабаления так называемых «отсталых» сотен миллионов колониальных и полуколониальных народов. На этом совещании, как вы, вероятно, помните, была выработана большая программа разрешения того вопроса, каким образом можно приобщить нашу молодую рабоче-крестьянскую страну к «счастливному лону» капиталистических держав, вернуть нашу страну из того «нечеловеческого», по их мнению, состояния, в котором мы с вами оказались. И эти испытанные в деле экономического порабощения народов эксперты записали в своей программе основной и главный пункт, с помощью которого они надеялись пресечь разворачивающуюся социалистическую революцию в нашей огромной стране, под заглавием: «Меры, способствующие быстрому восстановлению России». Они не постеснялись написать пункт, в котором, между прочим, говорится: «В жилище или учреждении иностранца, проживающего в России, не может быть сделан обыск, он сам не может быть арестован без участия или согласия консула. Если иностранец привлекается к русскому суду по уголовному делу, приговор над ним приводится в исполнение только с согласия консула».

Я, товарищи, умышленно воспроизвел перед вами эту справку. Я это сделал для того, чтобы сопоставить перед вами все то действительно непроходимое и невероятное идейное убожество, которым страдает современный капитализм, с тем величием революционной, социалистической мысли, которая разворачивалась тогда и которая продолжает разворачиваться сейчас в нашей стране. И это — просвещенные люди, имеющие вековую тренировку в деле управления государством, люди, которые прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы в деле разрешения международных проблем. И вот в то время, как уже целые годы разворачивается в нашей стране революция, расчищая путь для построения нового социалистического общества, революция, которая уже сумела совершенно и окончательно потопить в пропасти

истории класс капиталистов и помещиков, в стране, которая закладывала мало-помалу основы нового человеческого общества, в огромной стране, населенной десятками миллионов людей, в стране, которая, как магнит, притягивает к себе внимание рабочих всех стран и угнетенных всего мира, — к этой стране люди, сидящие в своем империалистическом «раю», предлагают применить столь жалкие рецепты для скорейшего «восстановления» России, восстановления на условиях существующей у них капиталистической системы. Казалось, что у них историческая слепота и они не видят, что нет уже в нашей стране тех элементов, с которыми можно было бы разговаривать на их языке, на языке буржуазных экспертов, и что наша страна забыла даже в своих поминальных записях записать тех, с которыми можно было бы разговаривать на том языке, на каком с нами хотели разговаривать на Генуэзской и Гаагской конференциях, что наша страна давным-давно отбросила в область прошлого весь тот лексикон, который доступен только капиталистическим и империалистическим державам. Они забыли, что нашей стране удалось действительно заново строить жизнь, что хозяйном нашей страны является рабочий, для которого угнетатель, какой бы он национальности ни был, представителем какой бы державы ни являлся, является противником, с которым он готов бороться так же, как со своим собственным, отечественным угнетателем. Они забыли, что наши рабочие, взяв власть, начали строить свою жизнь на совершенно других, на совершенно небывалых началах, и что нам вовсе не нужны те консулы, которые призваны оберегать устои капитализма и империализма. Мы вокруг нашего Коммунистического Интернационала воспитываем новых консулов (бурные аплодисменты), консулов, которых еще никто не знает, консулов, которые будут выполнять не постановления экспертов Антанты, а тех консулов, которые будут проводить в жизнь начала Великой Октябрьской революции. Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается (бурные аплодисменты), она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнет своими крас-

ными волнами страны всего мира (бурные аплодисменты) и несомненно сметет в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света.

Вот этого, товарищи, нового исторического обстоятельства в ту пору империалисты не заметили; они предусмотрели, казалось, все, однако не сумели предусмотреть главного. А здесь-то и была гарантия того, что мы с вами из этой невероятно тяжелой, нечеловечески трудной полосы, в которой мы тогда пребывали, освободимся. И действительно, мы понемногу, постепенно начали освобождаться. В то же время, несмотря на кратковременность пребывания у власти, несмотря на очень ограниченный исторический и государственный наш опыт, все-таки мы поняли, что должен быть такой промежуток времени, когда нам волей-неволей придется жить среди волков и поэтому нам надо будет время от времени прибегать к некоторым «волчьим» приемам по отношению к нашим ближним и дальним соседям. (Аплодисменты.)

Мы точно так же, несмотря на всю нашу политическую незрелость (по мнению политиков буржуазии), несмотря на все наше государственное младенчество, все-таки учли этот опыт и воспользовались соответствующим образом теми маневрами, которые были применены в отношении к нам.

Мы также понимали, что беспредельно вести гражданскую войну мы не можем. Мы знали, что, обороняясь на всех фронтах, мы жертвуем последним своим достоинством. Мы знали, что бесконечно пребывать в тех тисках, в которых мы находились, нельзя. Естественно, что мы решили, со своей стороны, воспользоваться и обходными путями, путями обходной войны с нашими врагами.

Вы помните, что именно с этого периода, после этих конференций, а частью и на них, постепенно, понемножку у нас начинаются так называемые деловые отношения с капиталистическими государствами. Я не буду перечислять вам всей этой длинной истории, тех путей, по которым мы с вами шли, тех средств, при помощи которых мы сумели добиться того, что с некоторыми державами мы

установили более или менее деловые, более или менее человеческие взаимоотношения.

Некоторая передышка в нашей голодной поре в результате относительного урожая 1922/23 года дала нам возможность по окончании гражданской войны приступить к укреплению нашего внутреннего хозяйства. Историю этой работы вы все, товарищи, прекрасно знаете; история нашей работы на наших хозяйственных фронтах известна в полной и достаточной мере каждому рабочему. Все мы помним, как, выбираясь из той глубокой ямы, в которой мы были в 1920 году, вначале постепенно и очень медленно, а затем быстрее, из года в год мы стали поднимать наше народное хозяйство, осваивать огромные поля, перешедшие от помещиков к нашим крестьянам. Постепенно мы стали эти находившиеся в безнадежном состоянии хозяйства приводить в некоторый порядок.

Тяжелая это была пора, товарищи! Многие с большим сомнением смотрели на то, удастся ли нам среди этой разрухи, среди этой нищеты оживить, привести в действие то достояние, которое мы отвоевали у наших классовых врагов. Но здесь снова и снова настойчивость наших рабочих, твердость нашей пролетарской диктатуры и исторический опыт нашей Коммунистической партии дали нам возможность успешно справляться и с этой стороной нашей задачи. Правда, здесь дело шло гораздо труднее, чем в тот первоначальный период нашей революции, когда мы расчищали дорогу для нашего строительства. Здесь положение было иное. Здесь нужно было камень за камнем собирать все то, что уничтожалось во время империалистической и гражданской войн.

Но тем не менее мы все-таки сумели подняться на ноги. В нашей промышленности, по сравнению с тем, что было, скажем, в 1913 году (если считать уровень 1913 года за 100), мы в 1920 году, в период максимальных разрушений в нашей стране, сумели скатиться всего-навсего до 17%, а в последующие годы мы стали из года в год подниматься все выше и выше по хозяйственной лестнице: в 1921/22 году мы поднялись уже на 25%, в 1922/23 году — на 35%, в 1923/24 году — на 46% и, наконец, в 1926/27 году мы с вами сумели отпраздновать

полное хозяйственное восстановление нашей страны.
(А п л о д и с м е н т ы.)

Мы знаем, товарищи, что империалистическая и гражданская войны в страшной степени разорили наше сельское хозяйство. Вы знаете, что лучшие из наших хлебных районов непрерывно переходили в период гражданской войны из рук в руки. Крестьянину не до того было, чтобы бережно смотреть за своей крестьянской полосой. И действительно, мы стояли лицом к лицу с тем, что урожайность наших советских полей к периоду 1920 года упала до чрезвычайно мизерных размеров. Если в так называемое мирное время наш крестьянин имел со своей десятины 62—65 пудов, то в тяжелый период гражданской войны эта урожайность снизилась ровно вдвое; если наш крестьянин получал в мирное время с десятины 80 пудов хлопка, то в период наибольшей тяжести гражданской войны эта десятина давала всего 14 пудов.

Все эти цифровые данные, которые я считал необходимым привести, должны нам еще и еще раз напомнить то состояние, в котором мы так недавно еще находились, для того чтобы лучше понять и уяснить те достижения, которые мы в настоящее время, товарищи, имеем.

Я думаю, что не грех нам, празднующим наш великий Октябрьский праздник, вспомнить не только о том, где у нас давит, что у нас плохо и не устроено. Я думаю, что по законам всех праздников полагается нам вспомнить и о тех достижениях, которые мы, товарищи, имеем. Я бы спросил вот хотя бы тех же экспертов, заседавших в свое время в одной из лучших капиталистических столиц, пусть бы они порылись в своей просвещенной памяти и напомнили нам, отсталым русским рабочим и русским крестьянам, хотя бы один пример в истории человечества, в истории капиталистического периода существования этого человечества, когда бы народ — пусть он будет дважды европейским — сумел бы из такой трясины, из такой глубокой пропасти, в которой мы находились в 1920—1921 годах, выбраться в такой короткий срок на тот уровень достижений, который мы имеем к десятилетию годовщины нашего Великого Октября. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Было бы, товарищи, очень хорошо,

если бы они, эти почтенные буржуазные эксперты, рассеяли наши недоумения и привели бы нам пример того, чтобы народу, разоренному внутренними и внешними врагами, народу, который находился одной ногой буквально в могиле, народу, управляемому рабочими решительно без всякой внешней помощи, а, наоборот, при самом зверском, при самом бешеном противодействии работе со стороны всех других правительств, удалось бы изжить все те болезни и печали, залечить все те раны, которые у нас были в 1920—1921 годах. Наша пролетарская память такого примера в истории человечества не знает. Наша пролетарская наука, перерыв все фолианты самых героических, самых возвышенных периодов существования человечества, таких успехов в построении нового общества не видела. Не было еще в истории человечества такой поры, когда жизнь трудящихся строил бы своими руками новый, молодой, не бывавший еще у кормила правления класс — класс рабочих. (А п л о д и с м е н т ы.)

У наших просвещенных противников существует мнение о диктатуре пролетариата, как о чем-то только уничтожающем, разрушающем, сокрушающем. Пролетарская диктатура, действительно, имеет за собой много сокрушенного, много разрушенного — ровно столько, сколько надо для того, чтобы молодому классу рабочих победить. Молодому классу, классу рабочих, для того чтобы добраться к своей диктатуре, нужно, действительно, очень основательно и решительно разрушить все то, что стоит на его пути. (А п л о д и с м е н т ы.) Но когда пролетарская диктатура переходит к своей творческой, положительной работе, она не знает границ своему молодому, возвышенному творчеству, она не знает таких препятствий и таких трудностей на пути этой творческой работы, которые бы были непреодолимы. Только этим, и ничем иным, объясняются те действительно исторические успехи, которые мы, товарищи, к десятой годовщине нашего Октября имеем.

Мы, товарищи, строим наше общество не только так, чтобы умножать наши национальные богатства. Нет, перед нами стоят гораздо более сложные и серьезные задачи. Мы каждую минуту должны смотреть за тем, чтобы

в этом умножении богатств все большую и большую роль играли те начала, ради которых мы поднимали великое Октябрьское знамя, те начала, которые называются социалистическими началами. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области нашей торговли — во всех отраслях нашей работы мы ни на одну минуту не должны забывать и не забываем того, что мы не просто строим новое общество, но мы строим *социалистическое* общество, мы строим такое общество, где действительно будет настоящее царство свободного труда, где будет действительно полное, настоящее равенство, где уничтожится без остатка все то, что называется неравенством между людьми. Раз это так, то, очевидно, все линии, все грани нашей работы должны определяться под этим углом зрения.

К десятой годовщине нашего Октября мы в этом отношении можем совершенно спокойно, совершенно твердо подвести итоги нашей работы. Мы сумели, товарищи, обобществить во всем нашем народном хозяйстве — не только в промышленном, но и в сельском хозяйстве — к 1927/28 году свыше 40% того валового дохода, который мы из года в год получаем. Конечно, сорок процентов — не сто процентов, но, товарищи, и годы нашей работы исчисляются ведь пока что только единицами. Мы с вами, товарищи, празднуем десятилетие Октябрьской революции, но на протяжении этих десяти лет мы добрую половину времени употребили на то, чтобы отстаивать нашу рабоче-крестьянскую страну от покушений на нас с разных сторон, и только половину десятилетия мы сумели использовать для так называемой положительной творческой работы. И за это время мы сумели обобществить, как я вам говорил, свыше сорока процентов всего нашего общего национального дохода. Вы знаете, что, заканчивая наше десятилетие, партия и правительство намечают новые пути для дальнейшего более быстрого и более энергичного обобществления нашего национального достояния. Вы знаете, мы принимаем ряд мер в деле более решительного развития нашей промышленности на уже совершенно новых основаниях. Мы не просто идем по пути индустриализации нашей страны, но мы в ближайшие годы должны, как вы знаете, совершенно реконструиро-

вать наше промышленное хозяйство. Мы должны также принять и принимаем ряд мер к более энергичному обобществлению нашего сельского хозяйства. Это также стоит в порядке дня работы как нашей партии, так и нашего Советского правительства. И я думаю, что у нас нет решительно никаких оснований сомневаться в том, что мы сумеем должным образом справиться с этой задачей при той огромной поддержке, которую имеют в стране наша партия и наше правительство, при активной поддержке населения, рабочих и крестьян, при твердости рабочего класса, уверенно держащего в своих руках диктатуру. Я думаю, что мы сумеем разрешить эти наши задачи достаточно полно и достаточно успешно.

Товарищи, около нас, как вы знаете, не прекращаются еще разговоры на тему о том, что мы все-таки не сумеем разрешить тех исторических задач, которые мы выдвинули, прежде всего потому, что мы слишком некультурны, слишком отстали. Что мы, товарищи, недостаточно культурны — об этом никто не будет спорить, что мы еще недостаточно опытни в деле строительства нового общества — это также всем известно. Это известно и нам. Но что мы не забываем и ту сторону дела, которая называется поднятием культурного состояния нашего населения, — это тоже вне всякого сомнения. Несмотря на все наши недостатки, несмотря на нашу бедность, несмотря на то, что ни один «американский дядюшка» нам до сих пор не оказывает никакой помощи, мы все-таки умеем находить средства не только для того, чтобы возводить гиганты в нашей промышленности, подводить новые фундаменты под нашу промышленную технику, но мы также находим силы и средства для того, чтобы реконструировать мозги нашего населения. Мы уже делаем все к тому, чтобы не только перестроить наше хозяйство, перестроить наш быт, но мы также немало уделяем средств и внимания тому, чтобы перестроить и умы не только того населения, в руках которого находятся основные знамена нашего государства, но и того, которое еще в отдельных своих звеньях недостаточно притерлось к режиму пролетарской диктатуры в нашей стране.

Мы ни на минуту не забываем того, что до тех пор, пока наша страна не будет поголовно грамотной, нам не

реустроить жизнь будет вдвое тяжелее. Вслепую идти, хотя бы и с каким угодно энтузиазмом, нельзя за нашими великими знаменами. Нужно не только сердцем, но и умом охватить те великие заветы, которые нам оставил Владимир Ильич. Теперь, к десятому году нашего существования, мы достигли того, что сумели выделить из нашего государственного бюджета на дело народного образования ровно вдвое больше на душу населения, чем это делалось тогда, когда у власти стояли капиталисты и помещики. Мы, товарищи, делаем все к тому, чтобы возможно шире и возможно глубже распространить в нашей стране и печатное слово. Если в 1913 году в старой царской империи все газеты имели тираж в 2½ миллиона экземпляров, то наши советские, коммунистические газеты расходятся сейчас по всей стране в три раза большим тиражом. То же самое и с книгой.

Товарищи, почему я останавливаюсь на этой, казалось бы, небольшой детали нашей общей работы? Есть, скажут, более серьезные и более яркие звенья нашей работы. Не подлежит никакому сомнению, что, переходя во второе десятилетие нашего социалистического строительства, мы должны о культурном фронте вспоминать все чаще и больше. Если мы сумели не только наших друзей, но и наших врагов убедить в том, что мы достаточно опытные водные, для того чтобы строить Волховстрой и Днепрострой, то нам надо точно так же подготовить себя и в культурном отношении в самом широком смысле этого слова.

Нам нужно сделать все к тому, чтобы наше огромное 150-миллионное население действительно имело в своих руках ключ ко всем тем достижениям, которые имеются у современного человечества. Подобно тому как на фабрике и заводе мы используем с вами сейчас технические достижения всех и каждого, для того чтобы применить все это у себя, то же самое мы должны сделать и в отношении культурных достижений по всем разветвлениям человеческого ума и науки. Мы должны все ценное брать и пересаживать на нашу плодородную молодую советскую землю, возвращая это в условиях нашей советской жизни. В ближайший период нашей работы мы должны этому уделить максимум внимания. Попутно мы расскажем

окончательно те легенды, которые, правда, мало-помалу уже начинают замирать даже в среде наших врагов, где уже перестают изображать нас первобытными троглодитами.

Дальнейшая наша работа, будем надеяться, покажет нашим врагам, что и в этой области работы, в этой полосе нашего строительства мы также будем не последними. При всей нашей отдаленности от признанных культурных центров, невзирая на все препятствия, мы найдем в себе силы и средства для того, чтобы и здесь открыть новые перспективы и новые горизонты для нашей дальнейшей работы.

Мне необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое, как мне приходилось слышать, особенно сильно и особенно, так сказать, осязательно поражает наших противников.

Вы знаете, что наша страна за последние годы явилась в полном смысле Меккой для всех угнетенных. Вы знаете, что в наших городах и вообще в нашей Советской стране перебывало за последние годы большое количество разного рода делегаций. В составе этих делегаций были не только рабочие, но и люди разных классов, разных партий и разных убеждений. И всех их, помимо всего прочего, поражает цветущее физическое состояние нашего населения. Они все еще живут информацией подчас 1920—1921 годов — информацией, сообщавшей, что у нас в Поволжье люди ели людей, жарили своих собственных братьев и сестер. Они забывают, что с того времени прошли годы и мы не только перестали есть друг друга, но потихоньку-помаленьку начинаем входить в русло самого настоящего человеческого существования. Хотя мы с вами далеко еще не имеем всего того, что мы хотели бы иметь, хотя у нас изъязов, невзгод, недостатков, безработицы и т. д. еще очень много, хотя нужда у нас веет еще из всех щелей, — это мы видим лучше всякого дальнорядного иностранца, — но тем не менее их поражает то, что не только прекратилось вымирание населения нашей страны, а наоборот, не в пример прочим, чрезвычайно крепко как будто бы стоящим капиталистическим державам, где каждый лишний родившийся младенец считается большим достижением, не в пример этим странам, повторяю, у нас не только не замечается убыль нашего совет-

ского населения, нашего рабочего, крестьянского, в том числе беспартийного и коммунистического (с м е х) населения, а наоборот — идет совершенно исключительный рост, идет быстрое умножение населения нашей страны. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы. С м е х.)

Если, товарищи, при царе, несмотря на все тогдашнее «благоденствие» (тогда ведь было все тихо, народ, что называется, «благоденствовал»), если при царе на 1000 человек в год в 1913 г. родилось 45,3 младенца, то у нас, в Советской стране, на 1000 родилось 46,9. (А п л о д и с м е н т ы.) Если в 1913 г., несмотря на все внешнее благополучие тогдашней царской России, на 1000 умирало 29 человек, то у нас в 1925 г. умерло на 1000 только 25 человек. Если в 1913 г. прирост населения составлял 1,6%, то у нас прирост равняется 2,1%. Эту справку, товарищи, я вам даю для того, чтобы привести, так сказать, еще свидетельство того, что действительно выходит даже и по чисто физиологическим законам, что дело, ради которого мы боремся десять лет, даже по этой линии показывает плюсы. (А п л о д и с м е н т ы.)

И мы, товарищи, знаем, что чем дальше мы будем углубляться в дело непосредственного устройства нашей новой жизни, тем все больше и больше будем убеждаться в нашей не только хозяйственной, не только экономической, не только классовой, но и общесторической правоте. Это, товарищи, является бесспорным давно, с тех самых пор, как была написана Марксом его великая книга.

Наша задача заключается в том, чтобы на опыте, на практике все, что там написано, претворить в жизнь и показать трудящимся всего мира, что мы действительно строили не временное, не эфемерное, а настоящее, подлинное новое общество, которое зародилось десять лет тому назад. Мы будем иметь величайшее счастье присутствовать на похоронах того старого общества, на смену которого пришло наше новое общество, и не только в нашей стране, но и во всем современном капиталистическом мире. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

На днях, товарищи, в одной из польских газет, в «Польска-Сбройна» (орган польского военного министерства), была помещена статья, посвященная нашему

десятилетию. Автор этой статьи — пожелаем ему долгоденствия — за десять лет убедился в той истине, которую он сообщил в своей статье «Десятилетие Советов — это не пустой звук». (С м е х.) Слава тебе, создатель, добились мы все-таки, что десятилетие нашего существования оказывается не пустым звуком. Я думаю, что будет время, когда убедятся в том, что десятилетнее наше с вами существование не только не пустой звук, но, что это такой полный и громогласный звук, который разбудит, наконец, все те огромные миллионы трудящихся всего света, которые, организуясь вокруг великих октябрьских знамен, присоединяясь к ним не только платонически, сердцем и умом, выйдут, наконец, активно на ту великую дорогу, которая называется *Октябрем*. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетенный, каждый эксплуатируемый, если он действительно всерьез хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это *дорога Октября* — и никакая другая. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Всем вам известна, товарищи, роль ленинградского пролетариата в Великой Октябрьской революции — я думаю, что об этом нам долго и много говорить не пристало. Я думаю, что не только мы, но и все те, которые знают историю Октября, они знают и историю ленинградского пролетариата. В первой когорте вышел ленинградский пролетариат на октябрьские баррикады, вышел, казалось, один, но не прошло много дней, как следом за ним громадные миллионы трудящихся всей нашей страны пошли на дело великого освобождения. С той поры ленинградский пролетариат, живущий в том городе, который носит имя основоположника нашей партии, великого учителя и воспитателя нашего рабочего класса, ленинградский пролетариат все это десятилетие шел в первой колонне.

Я думаю, что, не вдаваясь в дальнейшие воспоминания о значении и роли лучшей когорты наших рабочих — ленинградских рабочих, мы должны сказать только одно: десять лет ленинградский рабочий шел в первых ря-

дах, в первых рядах он пойдет и впредь. (Аплодисменты.)

И, наконец, товарищи, последнее — то, о чем нам, невзирая на весь наш праздник, необходимо помнить. Те достижения, которые я, как мог, старался напомнить вам, приковывают внимание не только наших друзей, но, как вы знаете, и наших врагов. Я вам указывал на тот период нашей революционной истории, когда внимание всех капиталистических стран было сосредоточено вокруг нашего Советского Союза.

За последнее время, именно как раз на рубеже этого нового десятилетия, против нас, как вы знаете, снова и снова собирают силы разные державы, разные правительства капиталистического мира для того, чтобы еще и еще раз попробовать пресечь победоносное шествие нашей революции. Они основательно заботятся о мобилизации и организации сил против нашего Советского Союза. Вы также знаете, товарищи, что наше правительство чрезвычайно бдительно следит за этой новой расстановкой сил и делает все к тому, чтобы сохранить мир.

Но, товарищи, надо знать, что существование мира зависит не только от нас, но и от наших противников. И поскольку мы видим подготовку там, нам ни одной минуты не нужно почивать на лаврах, хотя бы и в день нашего десятилетия, а наоборот, каждую минуту думать о возможной новой вооруженной интервенции по отношению к нашему Советскому Союзу.

И вот здесь, товарищи, самой конкретной, самой близкой, самой непосредственной для нас должна явиться забота о нашей дорогой Красной Армии. (Аплодисменты.)

Наша Красная Армия, товарищи, родилась в огне и в буре. Эту Красную Армию рабочие и крестьяне вынесли на своей горячей груди. Эта армия сейчас организована в железную, твердую, проникнутую пролетарским сознанием когорту. Около нас нам нужно сейчас сосредоточить самое исключительное, самое большое внимание. Надо сделать все к тому, чтобы наша армия чувствовала себя еще крепче, еще лучше, еще более близкой к тем миллионам наших трудящихся, из сыновей которых состоит наша Красная Армия и наш Красный Флот.

Дальнейшая наша усиленная работа на хозяйственном фронте и на всех остальных фронтах будет являться лучшим ответом на новые угрозы, которые нам сейчас готовят.

И, наконец, товарищи, если мы с вами в великие Октябрьские дни были не одни, то за десять лет нашей тяжелой работы мы приобрели множество сторонников. Вы видите здесь сидящих представителей многих и многих отрядов рабочей армии. (Аплодисменты.) На наш великий революционный Октябрьский праздник съехались представители трудящихся и угнетенных буквально со всего света, жаждущих побывать у нас, отпраздновать с нами десятилетие Великого Октября. Один из наших друзей в Англии говорил, что если бы двинули на праздник Советов всех тех рабочих и трудящихся Англии, которые желают поехать, не хватило бы всего огромного английского флота, для того чтобы их перевезти на Советскую землю. (Аплодисменты.) И это, товарищи, несомненно так. И на Западе, и на Востоке, на самых далеких и забытых островах сегодня, завтра и в ближайшие дни, когда будет раздаваться набат наших октябрьских призывов, трудящиеся всех уголков земного шара, несомненно, будут смотреть только туда, где развевается красное знамя Великого Октября. Это новые наши союзники, товарищи, это новые помощники в том великом деле, которое мы с вами начали десять лет тому назад.

Я начал, товарищи, с того, что сказал: Октябрьская революция это не только наша революция, это революция, открывающая двери к свободе трудящимся и угнетенным всех стран света.

И вот, товарищи, завтра, — вы слышите уже, как история начинает отбивать удары на своих тяжелых часах, — когда она будет бить эти исторические десять лет, не забывайте, что сотни миллионов трудящихся и угнетенных всего света вместе с нами будут петь великий интернациональный гимн, объединяющий трудящихся и угнетенных всего мира против вековых угнетателей и эксплуататоров. Помните, товарищи, что те, кто за этот десятилетний путь оказались лишенными такого великого счастья, которое мы сейчас с вами переживаем, те, жизнь которых порвалась раньше, чем наша, те, которых мы похоронили

преждевременно, так же как преждевременно похоронили нашего великого учителя Ленина, — все наши жертвы, все наши невзгоды, вся кровь, которую мы пролили, послужат великому оплодотворению той земли, которую мы с вами десять лет тому назад вышли освобождать от темноты, невежества, несправедливости, угнетения и издевательства со стороны сильных всего капиталистического мира.

Да здравствует же мировой Октябрь! (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 399—420.*

КРЕПИТЬ ЕДИНУЮ, КОЛЛЕКТИВНУЮ, ТВЕРДУЮ, КАК СКАЛА, ВЕЛИКУЮ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ

*Речь при закрытии
I Ленинградской областной конференции ВКП(б)
19 ноября 1927 г.*

Товарищи, так как время уже приближается к полнотчи, то я долго не намерен задерживать вашего внимания, но тем не менее все же считаю нужным сказать несколько слов. Нет сомнения, что задачи, которые мы поставили на нашей теперь заканчивающейся конференции, мы выполнили. Вопросы, стоявшие в порядке дня, на мой взгляд (я думаю, и вы с этим согласитесь), достаточно подробно, достаточно внимательно рассмотрены нами. О значении и характере этих вопросов я говорить не буду, потому что для каждого присутствующего на конференции значение этих вопросов совершенно бесспорно. Мне кажется, что общая линия, которую мы здесь наметили, говорит за то, что все вопросы практической работы разрешены в общем правильно. Я думаю, грядущий XV партийный съезд, который также займется этими вопросами, даст нам авторитетные и всесторонние директивы к проведению в жизнь тех мероприятий, которые мы здесь наметили.

Второе обстоятельство, которое необходимо отметить, заключается в том, что отныне работа тех членов партии, которые работали в пределах Ленинграда, расширяется в значительной степени. Мы не дальше как именно на этой конференции окончательно оформили ту громадную реформу, о значении которой мы не раз на конференции говорили, — это райони́рование нашей области. Мы тем

самым подвели новую базу, открыли новые перспективы для дальнейшей нашей работы. И, наконец, последнее. Мы очень много и, я думаю, совершенно основательно уделили внимания нашему внутрипартийному положению. Оно у нас не стояло специальным пунктом в порядке дня, но тем не менее этот вопрос пронизывает все стороны нашей работы. Поэтому во всех почти докладах и всех выступлениях в прениях проходил красной нитью вопрос о нашем внутрипартийном положении.

Я не буду снова воспроизводить перед вами то, что протекало за последнее время в нашей партии. Я должен напомнить только одно: вы знаете, что наша Коммунистическая партия родилась в буре, в огне непрерывной борьбы. Вы знаете, что с тех пор, как мы с вами захватили власть и установили диктатуру пролетариата, внутри нашей партии время от времени были вспышки внутрипартийных разногласий. Мы выковывали партийное сознание в борьбе с врагами, в борьбе с трудностями, стоящими на нашем пути, в непрерывной внутрипартийной борьбе с антиленинскими уклонами.

При всяком более или менее крутом повороте нашей политики мы почти всегда встречали колебания и сопротивление в отдельных слоях нашей партии. Это было и при жизни Ленина, это было и после его смерти. Вы знаете, что накануне и вскоре после Октябрьской революции внутри нашей партии возникли очень серьезные и глубокие разногласия, и тем не менее партия вышла победительницей из всех затруднений. Такие же, правда в меньшей степени, разногласия замечались внутри нашей партии и позже, о чем вы прекрасно знаете. Но чем дальше мы уходили от Октября, тем легче, проще мы переживали внутрипартийные разногласия. Партия выковывалась, партия сплавивалась, закрепляя все больше и больше связь с рабочим классом и тем самым легче преодолевая внутрипартийные разногласия. Самые крупные, самые трудные, самые острые разногласия возникли в связи с последней новейшей троцкистско-зиновьевской оппозицией. Эти разногласия, товарищи, создали вокруг нашей партии много слухов, посеяли много разговоров не только внутри нашей страны, но и далеко за пределами ее.

Сейчас и наши друзья и враги Советской власти внутри страны и за ее пределами внимательнейшим образом следят за тем, что происходит в нашей стране. Им, еще недостаточно знающим нас, недостаточно знающим механизм пролетарской диктатуры, недостаточно знающим всю работу нашей Коммунистической партии, кажется, что мы с вами стоим накануне какого-то глубочайшего раскола. Это же мнение всемерно поддерживается и представителями нашей внутрипартийной оппозиции. Они не перестают грозить партии, что если мы не сумеем решить настоящего спора во внутрипартийных рамках, то мы можем оказаться перед расколом нашей партии.

Я хотел бы, товарищи, в заключение сказать и ответить на подобного рода угрозы по отношению к нашей партии. Вспомните, товарищи, что говорил Владимир Ильич незадолго до своей смерти. Он предостерегал партию от возможности действительного раскола. Он нам говорил, что существует единственная объективная причина, могущая вызвать раскол нашей партии. Если наша партия не сумеет упорядочить, не сумеет по-настоящему утвердить союз рабочего класса и крестьянства, то разрыв между рабочим классом и крестьянством неизбежно породит раскол нашей партии. Это единственная объективная причина, которая, по мнению Ленина, могла расколоть нашу партию. Имеем ли мы налицо сейчас эту причину? При самом строгом, самом объективном взгляде на теперешние взаимоотношения между рабочими и крестьянами мы должны сказать, что никогда, как теперь, этот союз не отличался той прочностью, которую мы сейчас с вами имеем; никогда в прошлом мы не имели действительно таких твердых и прочных взаимоотношений между рабочими и крестьянами, которые мы получили к десятой годовщине нашей Великой Октябрьской революции.

Если, товарищи, это так, — а это безусловно так, — то я думаю, что мы можем с полным спокойствием сказать, что на пороге второго десятилетия нашего существования никакой раскол ни в какой степени партии не угрожает. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы имеем — вы знаете — определенное течение внутри нашей партии. Вы знаете, что часть товарищей, возглавлявших это течение, ныне находится уже за преде-

лами нашей партии. Речь идет не о простых рядовых представителях той оппозиции, которая у нас существует, а речь идет о лидерах и вождях этой оппозиции. Я думаю, что как бы мы ни расценивали эти угрозы раскола нашей партии, едва ли у кого-нибудь возникнет вопрос, что оставшиеся оппозиционеры могут в какой-либо степени угрожать нашей партии расколом.

Товарищи, один процент (в лучшем для них случае) партийной организации ни в коей степени не может так тяжело и много весить, чтобы он мог расколоть нашу партию. Я думаю, что если, несмотря на все мероприятия, которые мы принимаем для преодоления оппозиционной борьбы внутри нашей партии, мы и впредь будем наблюдать продолжение того, что было до сего времени, мы сумеем быстро и окончательно парализовать вредную деятельность в партии тех товарищей, которые имеют за собой, в лучшем случае, один процент в нашем общем коммунистическом составе.

Таким образом, вступая в новое десятилетие, мы можем сказать: в последние два года нам пришлось вынести очень тяжелую и упорную борьбу с оппозицией, на которую мы тратили много сил, средств и энергии. Вы знаете, что перед нами на очереди стоят величайшие неотложные задачи. Мы должны работать, буквально не покладая рук. Каждый день ставит перед нами все новые и новые задачи, и мы должны их выполнять все с новой и новой энергией и напряжением. Сейчас каждая минута должна взвешиваться, буквально на вес золота, и, конечно, нельзя тратить время непроизводительно или не совсем производительно.

Конечно, с этой стороны оппозиция нанесла нам определенный реальный урон. Мы вступаем теперь в полосу ликвидации этих внутрипартийных, извините за выражение, безобразий. Ликвидировать их нужно решительно, твердо и окончательно на нашем XV партсъезде, чтобы дать, наконец, партии, дать рабочему классу полное спокойствие и возможность заниматься в дальнейшем упрочением и расширением своего социалистического строительства, чтобы наша партия, наш рабочий класс, наша Красная Армия имели возможность спокойно и бдительно смотреть на окружающие нас границы, смотреть, чтобы

нам снова и снова вооруженной рукой не помешали строить то великое дело, строить которое мы с вами призваны. Я думаю, что XV съезд партии учтет все общие построения и общие желания подавляющего числа членов партии, и, я думаю, что на XV съезде партии выход мы найдем, а это обеспечит нам дальнейшие победы в международном масштабе и на фронте социалистического строительства в том новом десятилетии, в которое мы вступаем.

С XV съезда партии мы пойдем во второй десяток лет нашего социалистического строительства с твердыми директивами высшего органа партии, и если есть еще слепые, которые не прозрели, несмотря на десятилетнюю нашу работу и несмотря на наши достижения, в ближайшие годы прозреют и они. Мы сумеем убедить громадные массы европейских рабочих, которые еще верят предателям и ренегатам марксизма, в правоте нашего дела, того величайшего дела, которое оставил нам в наследие Ленин. А для этого, товарищи, надо крепить единую, коллективную, твердую, как скала, великую Коммунистическую партию. Да здравствует Ленинский Центральный Комитет! Ура! (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 466—470.*

**ВСЕ, ЧТО ПУТАЕТСЯ ПОД НОГАМИ,
ДОЛЖНО БЫТЬ ОСТАВЛЕНО,
А НАМ С ВАМИ ДОРОГА ТОЛЬКО ВПЕРЕД
И ТОЛЬКО К ПОБЕДАМ**

*Речь на XV съезде ВКП(б)
5 декабря 1927 г.*

Товарищи, у нас список ораторов непрерывно претерпевает несколько неожиданные изменения. (М и к о я н: «Аварии!») Как вы сами замечаете, предупреждают одного оратора, а приходится говорить другому. Происходит это главным образом потому, что мы слишком, так сказать, добросовестно хотим выслушать представителей оппозиции. (Г о л о с а: «Правильно!») Предоставили слово Смирнову, но вы знаете, что этот бывший вождь оппозиции давно разучился ходить своими собственными ногами (в о з г л а с: «Его Троцкий носит!»), поэтому он даже на трибуне партийного съезда не желает появиться по первому приглашению. (С м е х.)

Товарищи, прежде всего следовало бы парочку слов сказать об оценке общей политики ЦК. Здесь по этому поводу говорилось довольно много, достаточно много о политике ЦК говорили на губернских и областных партийных конференциях. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, несмотря на все злобные пророчества и предрекания, идущие со стороны оппозиции, два года, прожитые нами, являют собой огромный кусок исторического дела, которое мы с вами делаем десять лет.

Я понимаю нервность представителей оппозиции. По-моему, здесь многие товарищи выражали простую несправедливость по отношению к ним. Ведь вовсе не за три месяца до съезда, тем более не за месяц до съезда, тем более не во время дискуссии, а два года назад

предрекали нашей партии, ее политике неизбежную гибель. Люди спали и во сне видели всякие новые, чрезвычайно сложные и серьезные затруднения, которые дадут им почву, чтобы развернуть свою платформу, свою программу. Представьте себе их положение: прождав с таким огромным напряжением и жадностью этих особо серьезных затруднений и невзгод над головой Советского Союза и нашей партии, теперь, через два года, они приходят на съезд — и что они должны сказать? Я понимаю т. Раковского. Человек он испытанный, в высшей степени воспитанный, достаточно опытный, но он, выйдя на эту трибуну, начал рассказывать о таких вещах, о которых мы до некоторой степени осведомлены. Как он начал речь? «Товарищи, — сказал он, — земля имеет форму шара (с м е х); на этом шаре мы занимаем одну шестую часть, а наши противники — пять шестых частей; подумайте, во сколько раз противник нас превосходит по численности, по капиталу и по прочему». (С м е х. А п л о д и с м е н т ы.)

Я думаю, что это, действительно, немножко нам известно. И в докладе генерального секретаря ЦК об этом говорилось достаточно. Раковский, если не ошибаюсь, знает не только западные, но и восточные языки, и он должен был знать, что эту шестую часть мира ни в какой степени просто, арифметически с пятью шестыми нельзя сопоставлять. (С м е х. В о з г л а с ы: «Правильно!») В том-то и секрет, глубокоуважаемый дипломат, что мы — шестая часть, против нас пять шестых, и пока что мы побеждаем. Я думаю, товарищи, что всем вам известно, почему и как это происходит.

Чем объяснить такую беспомощность оппозиции? Единственным: тем достижениям, той линии партии, которую мы проводили, противопоставить решительно нечего. Полагаю, мы сумеем еще выслушать последних ораторов из оппозиции, но я думаю, что нового они ничего не прибавят. Не прибавил ничего и т. Евдокимов, хотя он, как говорится, человек прожженный в таких делах, но тут у него язык отнялся. Человек он в достаточной мере тренированный, а тут пришлось по бумаге излагать те обвинения, которые они предъявляют нам, и те нужды, которыми, видите ли, болеет рабочий класс. Мы, правда,

должны уступить пальму первенства представителям оппозиции: они о нуждах рабочего класса знают, конечно, неизмеримо больше, чем мы все вместе взятые! Потому что вот вы заседаете в таком блестящем дворце, а Зиновьев пребывает в рабочем квартале, в рабочих квартирках, за постненьким чайком. Он непосредственно ощущает, какой сапог и в каком месте жмет рабочему. И вот рабочий класс устами Евдокимова изложил, что вот — заработная плата, 7-часовой рабочий день, против которого они, как известно, голосовали, что вот жилищная нужда и прочие вещи — все это такая новость, что дальше, как говорится, и ехать некуда. А куда же все-таки делось все то, что было изложено представителями оппозиции в том самом знаменитом евангелии, которое называется платформой оппозиции, ибо в Ленинграде заявляют, что это евангелие имеет особо авторитетный источник? Говорят, что в его составлении участвовало не более, не менее как 200 оппозиционных евангелистов и поэтому, действительно, там сосредоточена вся соль оппозиционной мудрости, хотя количество здесь не находится ни в каком соответствии с идейным качеством! (Голос с места: «Талмуд!») Повторять все изложенное в платформе не приходится. Но я напому вам одно место из этой самой платформы, которое суммирует весь символ веры оппозиции, все те обвинения, которые она предъявляет ЦК партии, нашему партийному руководству. Оппозиция говорит: ЦК партии готов платить долги. Не сказано, какие — иностранные, конечно, но не сказано, военные, довоенные или какие-либо другие (голос с места: «Для них все равно!»); ЦК, мол, ведет такую политику, что готов не сегодня-завтра сдать в архив монополию внешней торговли; ЦК партии будто бы склонен отказаться от той позиции, которую наша партия занимала до сих пор по отношению к национально-революционному движению против империализма; и, наконец, ЦК обвиняется в расширении политики нэпа, в переходе на рельсы неонэпа, а отсюда, конечно, два шага до расширения политических прав нэпмана. И дальше, если признать эти пункты, тогда делается следующий вывод: мы стоим, дескать, накануне ликвидации диктатуры пролетариата, накануне ликвидации Советской власти.

Что нам теперь преподносят, товарищи? Где их разговоры о том, что мы термидорианцы, что мы и то и другое? Выходят и начинают разводить философию насчет заработной платы, 7-часового рабочего дня и насчет таких вещей, которые будто бы сейчас жмут рабочих.

В чем же дело? Дело в том, что банкротство их к XV съезду выявилося полное, абсолютное и решительное. Евдокимов все еще по инерции говорит: «Мы за единство, вот наш «левый сектор», как сегодня говорил Раковский, вот он готов принять все меры к тому, чтобы сохранить единство». Товарищи, ведь это все пустой разговор! Об этом можно было на не совсем квалифицированных собраниях три месяца тому назад разговаривать, но здесь сейчас — о каком единстве можно говорить, о какой угрозе раскола нашей партии? Что, товарищи, здесь, на съезде, имеется? Что это здесь? Разве это не единство среди сотен и сотен наших делегатов? Где же после этого партия? И после этого выходят и болтают, что они с удовольствием готовы стоять за единство, что рабочий класс только и дышит тем, как бы т. Евдокимов не оказался вне партии. Беспокоит это, товарищи, и тех, которые уже за пределами партии. Наряду с тем заявлением, о котором рассказывал т. Рудзутак, в президиуме есть еще другое заявление за подписью лиц, которые теперь не состоят в партии. Они там, присоединяясь ко всему вышеизложенному в заявлении 121, просят съезд о восстановлении их в партии. Конечно, молчаливо, они, вероятно, думают, что ежели это событие не совершится, то рабочий класс будет метаться из стороны в сторону, революция получит новую угрозу и пр. и пр. Здесь не присутствует Троцкий, его следовало бы при этом вспомнить. Он был большим мастером измерять одинаковые расстояния разной величиной. Я думаю, что здесь это точно применимо. Товарищи, за последнее время, за год-полтора, оппозиция сделала для партии, для рабочего класса, для диктатуры столько, что оказаться ей за пределами партии — *дорога очень небольшая, но вернуться обратно — дорога бесконечно длинная.* (Аплодисменты.) И я не знаю, хватит ли жизни даже у такого молодого из оппозиционеров, как, скажем, у Саркиса, чтобы эту долгую дорогу возвращения в партию преодолеть.

Так, товарищи, дело сейчас обстоит. (Г о л о с а: «Правильно!»)

Ведь в самом деле, мы за время внутривластительной борьбы, за время долгой дискуссии, на протяжении двух лет привыкли ко многому! Нас совершенно не трогают такие вещи, как нагорная проповедь Лашевича в лесу; мы не обращаем внимания на то, каким образом, скажем, был вознесен на руках «видных вождей» Смирнов в вагон; мы также не интересуемся и тем, как реагировал ленинградский пролетариат, о котором здесь так горячо взывал Евдокимов и о котором он говорил, что пролетариат только и жаждет, когда же Евдокимов и Смирнов снова будут руководителями; мы не интересуемся тем, как в великую годовщину Октября этот самый пролетариат вознес Зиновьева не больше, не меньше как на 4-й этаж небольшого особняка, вместо того чтобы дать ему непосредственную возможность ощущать все величие нашего большого праздника! Товарищи, дело действительно зашло очень далеко и приучило нас к самым невероятным событиям в нашей партии, к таким, которым Владимир Ильич, конечно, дал бы немедленный решительный отпор. И вот они сейчас здесь, бия себя в оппозиционные перси, взывают: вот, если бы был Ленин, то, конечно, не было бы того-то и того-то. Во-первых, Ленин беспощадно боролся бы за уничтожение оппозиции, и я думаю, что вне партии представители оппозиции оказались бы, несомненно, раньше, чем это произошло без Ленина. (А п л о д и с м е н т ы.) Это вне всякого сомнения. Можно, конечно, товарищи, на многом играть, но есть все-таки у нас в партии такие вещи, по поводу которых злословить недопустимо ни для кого, даже для самых старейших и самых заслуженных из нас. Я говорю об единстве партии. Об этом ведь здесь так же точно горячо взывал и Раковский, он тоже говорил, что весь мир, весь международный пролетариат жаждут единства и прочее. Это, товарищи, лицемерие! А что есть на самом деле? — Вот они выходят сюда и со слезой, лживой, оппозиционной слезой, говорят о том, как им дорога партия, как им трудно закрыть дверь, выходя из партии, и т. д. Есть из них, конечно, и такие, которые хлопнут, но есть и такие, которые осторожно будут закрывать дверь. Но что делают они одновременно сейчас?

Сейчас у них в Ленинграде находится Сафаров, который, в то время как они писали вот эту бумагу, о которой говорил здесь т. Рудзутак, где они «болеют» за единство, — в то время Сафаров в Нарвском районе, в Ленинграде, собирает нелегальное подпольное собрание, нащипаргаливает публику и говорит: у наших вождей хребты разные — есть такие, которые могут и готовы на рожон переть до последней степени, но есть и не особенно смелые: написать могут все, что угодно, но как доходит до дела, то хотя среди них есть и старые заслуженные, которые состояли одно время в учениках Ленина, но насчет гаек у них дело слабовато.

Так вот, чтобы не произошло что-нибудь неожиданное, — а у нас есть сомнения насчет некоторых (я не знаю, кого Сафаров имеет в виду, но злые языки говорят, что будто бы некоторых наших ленинградских земляков), — так вот, чтобы этого не произошло, необходимо организовать демократию и пододвинуть эту демократию отсюда, из Ленинграда, на Москву, чтобы подпереть вождей на эти ультраоппозиционные действия. Вот как складывается единство в делах и в словах почтенной оппозиции! Я думаю, что это — лишняя иллюстрация, чтобы судить о значении тех бумажек и документов, которые нам здесь предлагают. Правда, мы здесь видели большое количество документов, мы слушали их присягу, мы неоднократно приводили их к присяге, и эта присяга была даже со свидетелями, но все это перевертывалось. Перевертывается это, товарищи, и теперь. Нужно быть дважды смелым Троцким, чтобы явиться на такой съезд и сказать: вот как я до сих пор делал, устраивал нелегальные собрания, нелегальные типографии и всякие штуки — так и теперь будет. Я думаю, что такой смелости ни у кого не хватит.

Конечно, об этом приходится помолчать, в кулачок помолчать, и здесь изобразить дело так: да, конечно, был такой грех, немножко накуралесили, немножко нашкодили, теперь мы от этого отказываемся, но свои идейные позиции, потому что они у нас «ленинские», мы не оставляем, будем защищать их и теперь. Они в Питере на нелегальных собраниях изображают свое положение так: в свое время у нас Ленин в июльские дни тоже отсижи-

вался. Они точно так же изображают себя и от своих идейных позиций отказываться не хотят.

Все обвинения нашей партии, все основные пункты наших принципиальных программных разногласий, о которых говорил т. Сталин, — все это они оставляют незбылемым, оставляют для того, чтобы при первом удобном случае снова и снова развернуть свою оппозиционную платформу для того, чтобы снова и снова дать лишнюю горячку, лишнюю встряску партии. Я думаю, что какие бы планы они ни строили, как бы они ни угрожали партии в случае, ежели они останутся вне партии, а мне, прешнему человеку, кажется, что им негде оказаться, кроме как вне партии (а плоды сменты), — то здесь ничего страшного, ничего такого особенного ни для нашей диктатуры, ни для рабочего класса не произойдет, а произойдет то, чего действительно ждет рабочий класс.

Нам иллюзии предаваться незачем. Мы не дошли до такого состояния, чтобы утверждать, что наш рабочий класс в полном своем составе отдает себе полный и ясный отчет во всех тех принципиальных разногласиях, которые у нас есть, но основное он знает. И одно из несчастий оппозиции в том, что она понять этого никак не может. Когда они выходят и спорят с нами о том, строим ли мы с вами социализм или же у нас какая-то суздальская ярмарка получается, то это каждому беспартийному рабочему не только понятно, но это его самым непосредственным образом касается. Поэтому оппозиция так осторожно подходила к этой теме и не сразу так изрекла свою формулировку относительно строительства социализма в нашей стране. И когда они являются на те заводы, на которых их так «жаждут», о чем они кричат на всех углах и на всех перекрестках, то рабочие им говорят: «Уходите, довольно, не мешайте нам работать, спрячьте свою вредную оппозиционную литературу, не путайте нас, дайте нам возможность без ваших помех, — у нас их и так достаточно, — строить социализм в нашей стране». Рабочие это прекрасно понимают, но этого еще не понимает оппозиция. Оппозиция все еще полна инерции. А инерция — большая вещь не только в физике, но и в политике. Она особенно сильна для тех людей, которые привыкли себя

чувствовать почти что с пеленок вождями, — это действительно так, это же верно, — привыкли к тому, что их всякое слово ловится, записывается, в ячейках прорабатывается, в библиотеках раскладывается, в учебниках фиксируется. Ведь это же было, а теперь вышло совсем иначе. Здесь выходил один товарищ и рассказывал о том, что у него голова пошла кругом: два года тому назад в Ленинграде все ячейки формально как будто стояли на одной позиции, а потом довольно скоро перешли на общепартийную точку зрения. Почему это произошло? Потому что старые руководители Ленинградской организации до XIV съезда партии, на словах защищая перед массами ЦК, борясь против троцкизма, на деле подготавливали исподтишка новую оппозицию. Они добились от партийной организации одобрения, проводя резолюции за ЦК, а на XIV съезде использовали свои мандаты, чтобы выступить против ЦК. Но такие времена в нашей организации прошли, и прежде всего потому, что мы воспитываем, организуем нашу партию на основах заветов Ильича, на основах внутрипартийной демократии, — этой простой вещи не понимают бывшие вожди, не могут ее понять. Мы вокруг всех наших органов стараемся объединять возможно большие кадры рабочих, стараемся создавать возможно большие кадры для того, чтобы каждая ячейка, каждое самое маленькое звено нашей партии, нашей огромной, сложной партийной и советской жизни так или иначе передавало бы в наши руководящие органы свежие силы, поднимало бы новые глыбы в составе партии. Мы ведем гигантскую политико-воспитательную работу в массах. Это делает диктатуру не только понятной на словах, это делает ее понятной для рабочего во всей его повседневной деятельности. Поэтому на каждом шагу работы мы чувствуем, как растут эти новые кадры, и думаем, что в этом ей, оппозиции, рассчитывать на инерцию никоим образом не приходится. Люди выросли и знают этапы работы, глубоко продумывают перспективы работы, и жить теперь за счет прошлого нельзя. Рабочие и рядовые партийцы требуют от нас настоящего. Что касается прошлого, то на этот предмет у нас есть специальные учреждения: Истпарт и др., — и все, что было хорошего, там мы это запишем. Не то теперь, когда нужно действовать се-

годня, когда нужно давать сегодняшние, а не какие-то хорошие прошлые вещи. Есть люди, которые до десятой годовщины революции искренне верили, что стоит им махнуть рукой, как все в Москве перед ними расступится, Угланов провалится, все станет оппозиционным, и пойдет катавасия, а в более отдаленных местностях стоит только приехать и шикнуть — и все будет сделано. Вот приехали и шикнули. И ничего не вышло. (Голос: «Им шикнули!») Теперь приходится им уподобляться ленинградским «проповедникам», — там есть такие братья Чуриковы, — принимать в самой скромной обстановке своих последователей и направлять их на «путь истины». Ничего не вышло.

Это лучший свидетель, лучший показатель, лучший судья того спора, который у нас был, который ведется у нас не год, не два, а который мы с Троцким ведем с того самого момента, как он перешагнул порог нашей партии. Вот здесь, кстати сказать, т. Минин удивлялся, как это Ленинградская организация так легко отошла от оппозиции и перешла на путь ленинского руководства партии. Нужно сказать, что один из моментов, который в свое время помог этой работе, заключался в том, что нигде троцкизм не был так разбит, нигде не была до такой степени разобрана по косточкам идеология Троцкого, как в Ленинграде. Там этим делом занимались ряд лет и разбирали его так, как следует разобрать. И тот же Евдокимов писал тогда хорошие книжечки (можно и сейчас ими зачитываться), где он раздевал троцкизм донага, выяснял сущность троцкизма и отдельных его частей, смешивал его с самыми последними вещами. А потом вдруг, неожиданно состоялось знаменитое братание между Зиновьевым и Троцким. Этот шаг показался Ленинградской организации чем-то совершенно волшебным: столько лет ее воспитывали, столько лет разъясняли ей сущность троцкизма, а теперь что-то произошло. И, конечно, тогда рабочим стало совершенно ясно, до какой жизни дошли их бывшие вожди, которые еще только вчера всех собак вешали на Троцкого, а сегодня носят его на руках, привозят в Ленинград как самую тяжелую артиллерию.

Рабочий понял, в чем тут дело, понял и наш партиец. Вот в этом, т. Минин, отчасти заключается секрет того

действительно удивительного переворота, который произошел в Ленинграде.

Я думаю, товарищи, и в отношении нашей международной работы, и в отношении Коммунистического Интернационала вот такие «бракосочетания» нам будут очень много помогать. Можно, конечно, все утверждать, можно какие угодно ошибки найти, можно бичевать Центральный Комитет по поводу того или другого недостатка, но сейчас доказывать то, что нам хотят доказать, что единственным наследником великого учителя — Ленина — является Троцкий, я думаю, что ни один сколько-нибудь честный рабочий, ни один партиец ни на одно мгновение не могут эту действительно невозможную мысль допустить. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

Ведь мы не с сегодняшнего дня, товарищи, в партии. Знаем мы Троцкого и не со вчерашнего дня знаем, насколько не хуже, чем его знает Зиновьев. Еще не высохла типографская краска с того, что печатал Зиновьев — и справедливо печатал и говорил о Троцком, — и теперь короновать его на ленинизм — никак это не получается.

Сейчас, как бы нас ни пугали различными осложнениями, как бы ни говорили о том, что же будет дальше, если оппозиция окажется за пределами партии, мы можем ей только предложить: это вы решайте сами. (Смех.) Мы — народ реальный, зачем мы будем забегать вперед? Мы не так торопимся, как торопился Раковский в вопросе о возможности скорее свести счеты за преждевременный уход свой из Парижа. Подождем, посмотрим и потом решим, как выйдет, когда вы окажетесь вне партии.

Так обстоит сейчас дело. И для того, чтобы нам более плодотворно закончить полосу этой работы, нам необходимо с величайшей энергией продолжать великую работу укрепления внутрипартийной, внутрисоюзной и внутрисоветской демократии. Это самая большая организационная задача на данной стадии работы, когда мы разворачиваем огромные перспективы, когда, как Надежда Константиновна сказала, мы подходим самым непосредственным, самым осязательным образом к строительству социализма в стране. Это мы можем плодотворно осуществить только в том случае, если все большие миллионы трудящихся нашей страны подойдут к этой задаче орга-

низованно, сознательно, чтобы каждый, как говорит т. Сталин, не только плыл, но и знал, куда он плывет. Если мы этого добьемся, — а я думаю, что мы этого добьемся, как и до сих пор добивались, — то, несмотря на все трудности и несомненные тяжести, которые стоят впереди, мы нашу работу, безусловно, осилим.

Каждый рабочий понимает, что когда нам говорят о недостатках, недочетах и пр., то мы, может быть, более во сто раз больше, чем товарищи из оппозиции, по поводу недостатков, недочетов и извращений в нашей работе и практике. Но мы знаем вместе с нашими рабочими: то, что пять лет назад являлось пропастью, разорением, нищетой, нуждой и голодом, теперь сменяется достижениями, которые могут удивлять не только европейских рабочих, являющихся нашими друзьями по самой своей природе, но и кое-кого другого. И как бы оппозиция ни куковала, и как бы ни пророчила насчет того, что все сроки прошли для нашего существования, — а у Раковского почти так и выходит, что та сторона сильна, а у нас внутри рабочий класс сжимается, и крестьянство спиной становится, и не пора ли нам подумать об организованной сдаче наших позиций, — как бы оппозиция ни пророчила, это является доказательством действительного, величайшего и полнейшего неверия этих самых ее представителей в те основные, главные задачи, которые разрешает сейчас наша партия.

И не случайно, товарищи, что именно во время десятой годовщины мы являемся свидетелями того, что нам приходится кое-кого отсекаать от нашей партии.

Это не случайно. В эти десять лет мы совершили новый гигантский поворот к дальнейшему этапу нашего социалистического строительства. На этом огромном повороте мелкобуржуазная слякоть давит на известные звенья нашей партии. Оппозиция говорит, что не сегодня-завтра будет то-то и то-то, — потому-то она приходит в трепет, в панику от новых шагов, от нового движения великой революции. Для того чтобы нам успешно, без помехи продолжать наше дело, для того чтобы нам пожалеть, посочувствовать и по чувству человечества не трепать нервов представителей оппозиции, я думаю, на теперешнем XV съезде надо действительно доделать то, что

не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом. (А п л о д и с м е н т ы.) Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат. Вот эта действительная основоположница Коминтерна, та партия, откуда родилась мировая революция, которая строит практически социализм, она должна остаться действительно единой. Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам! (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Статьи, речи,
документы, том III, 1936,
стр. 471—481.*

ЕДИНСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖНОЙ ОСНОВОЙ ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

*Речь на XVI съезде ВКП(б)
30 июня 1930 г.*

Товарищи, вчера мы слушали пространные речи товарищей, возглавлявших правую оппозицию, излагавших нам временами весело, временами грозно, а временами в тонах, доходящих даже до библейского пафоса, свою точку зрения на положение нашей социалистической работы на данном отрезке времени. Мы очень внимательно слушали товарищей. Я боюсь быть резким, но мне кажется, если коротко сформулировать итоги того, что мы вчера слышали, то выходит как будто бы так, что тт. Томский и Рыков решили, что перед ними сидят «Иваны непомнящие», забывшие истекшую полосу нашей борьбы и работы. (Г о л о с: «Правильно».)

Весело излагал свою точку зрения т. Томский.

Каганович. Весело, действительно, весело.

Киров. Но мне кажется, что все его выступление, хотя он несколько раз и оговаривался о том, что он выступает как политический деятель, что он понимает всю ответственность своего выступления, крепко пропитано духом, чтобы не сказать слишком резко, политической обывательщины.

Ворошилов. Правильно.

Киров. Долго нам рассказывали о разных намерениях, об ошибках, покаянные ноты слышались, но, несмотря на это, все-таки не было сказано самого главного и самого основного, из-за чего загорелся весь сыр-бор в нашей партии.

В чем дело? Перед настоящей аудиторией надо поставить вопрос ясно, просто и по-большевистски отчетливо. Надо было сказать то, что сказано нашей партией и Центральным Комитетом уже порядочное время тому назад, заявить прямо и откровенно, что с известного времени после XV партийного съезда у нас внутри партии наметились две принципиально различные линии — линия партии и линия правого оппортунизма, которая в случае победы правых в партии неизбежно в конечном счете привела бы к восстановлению капитализма. Это основное и это решающее. *Генеральная линия партии заключается в том, что мы осуществляем крепкий курс на индустриализацию нашей страны*, на основе этой индустриализации мы проводим перестройку нашего сельского хозяйства на началах обобществления, коллективизации.

Имея перед собой такие грандиозные задачи, партия поставила вопрос о перестройке работы всех своих рядов, о перестройке работы и приводных ремней от нашей партии к рабочему классу, ко всем трудящимся — профсоюзам, Советам и т. д.

Вместе с тем партия поставила перед собой задачу оказания всесторонней помощи Коммунистическому Интернационалу в деле укрепления, в деле усиления большевизации братских коммунистических партий.

В противоположность партийному курсу правые выдвинули свою программу, принципиально отличную от генеральной линии нашей партии. Правые выступили совершенно открыто и решительно против взятых партией темпов индустриализации страны. Их проповедь «равнения на узкие места», снижения темпов индустриализации в конечном итоге неизбежно привела бы к срыву индустриализации страны и ее социалистического преобразования.

Правые отстаивали «равнение» на индивидуальное крестьянское хозяйство в тот момент, когда без социалистической переделки мелкого товарного производства и преодоления его чрезмерной отсталости нельзя было двигаться вперед по пути социалистического строительства. В связи с этим правые выступили решительно против всех мероприятий, которые проводила партия в деревне. Возьмете ли вы хлебозаготовки, возьмете ли вы индиви-

дуальное обложение, любой вопрос, строительство совхозов и колхозов, и каждому станет совершенно ясно, что правые не разделяли генеральной линии партии в основных вопросах политики партии в деревне.

Правые встали на путь либерального толкования нэпа и склонялись к отказу от пролетарского государственного регулирования наших торговых отношений с крестьянством. Правые выступили против перестройки партийной работы, против перестройки работы всех приводных ремней нашей партии. Далее, позиция правых вела неизбежно к ослаблению большевизации братских коммунистических партий.

В самом деле, товарищи, если правые взяли ставку на развитие индивидуального крестьянского хозяйства как раз в то время, когда партия и рабочий класс вплотную подошли к его социалистическому преобразованию, тем самым, при логическом развитии этой позиции, они неизбежно скатились к защите интересов кулацкого хозяйства, стали идеологами кулачества. Если это расшифровать с точки зрения международной нашей работы, то неизбежно следующее. Всякая буржуазная, вне нашей страны находящаяся контрреволюция имеет непосредственное сцепление с нашей страной через кулака. И если правые оппортунисты выступают с проповедью неизбежного мирного вращивания кулацких гнезд в социалистическую систему нашего хозяйства, то всякий, уверовавший в это, должен понять, что тем самым сцепление между капитализмом вне нашей страны и остатками капитализма в нашей стране не представляет собой, в глазах оппортунистов, той опасности, которую постоянно с опомной силой подчеркивает наша партия и которая обязывает нас всемерно крепить оборону Советской страны.

Отсюда совершенно неизбежными являются и демобилизация коммунистических партий, смазывание опасности военной интервенции и усыпление революционной бдительности коммунистических братских партий.

Наконец последнее: вооруженная этой оппортунистической идеологией, правая оппозиция задалась целью добиться того, чтобы встать во главе руководства нашей Коммунистической партии.

Кто не знает и не помнит, какая травля со стороны правых поднялась против политики ЦК нашей партии, каким ожесточенным нападкам подвергался генеральный секретарь нашей партии т. Сталин? У всех нас в памяти замыслы, которые зрели в головах у правых и которые сводились к овладению руководящими органами партии для крутого поворота политики партии.

И после этого приходят сюда товарищи и так полуправильно, полусердито, полусдержанно рассказывают нам о каких-то сущих пустяках.

С этой трибуны следовало сказать, что было бы, если бы расчеты и надежды правых оправдались, если бы правые сумели захватить руководство нашей партии и ЦК и сумели провести свою оппортунистическую программу. Теперь уже не подлежит никакому сомнению для каждого члена партии, что торжество правых взглядов — проведение оппортунистической теории «непрерывных уступок» крестьянству, выдвинутой Томским, означало бы развязывание капиталистических элементов в нашей стране, укрепление их позиций в городе и деревне, затухание социалистического сектора народного хозяйства.

Партия не пошла по этому пути. Партия взяла еще более решительный курс на осуществление своих левых лозунгов и развернула напряженную борьбу с правыми оппортунистами.

Сейчас правые выглядят довольно скромно. Но что было несколько месяцев тому назад? Что навешивали они тогда на нашу политику, на руководство? Партию и ее ЦК обвиняли в том, что она скатывается на рельсы троцкизма; ЦК обвиняли в том, что он ведет политику военно-феодалной эксплуатации крестьянства; партию упрекали в том, что она насаждает всюду бюрократизм. Наконец, наш ЦК обвиняли в таком огромном грехе, как разложение Коммунистического Интернационала.

Г о л о с. Это их красное словцо.

К и р о в. Говорят, это их «красное словцо». Я не знаю, красное или не красное словцо. Я сомневаюсь, чтобы оно было красное. Но, мне кажется, более тяжелое обвинение, товарищи, против нашей партии трудно придумать.

После этого прошло несколько месяцев — и вот выходит т. Томский и, как «турецкий святой», начинает рас-

сказывать нам анекдоты, рассказывать, как они случайно... незаметно... мало-помалу... встретились — два Ивановича и Михаил Павлович, поговорили между собой, потолковали насчет линии партии. В сущности ничего как будто бы особенного не произошло, кроме того что эта беседа нашла некоторый отзвук за пределами их голов.

Они, оказывается, как заслуженные и испытанные вожди, знали, что надо вести борьбу в легальных партийных рамках. Но что же, дескать, сделаешь, логика борьбы всегда приводит к тому, что кое-кто воспользуется нашими разногласиями, кое-где были переклестывания и т. д., но никакой по существу фракционной работы мы не вели. Об этом же толковал нам т. Угланов. Однако не только мы — вся партия и весь рабочий класс отчетливо знают и прекрасно понимают, к чему и куда вели нас правые уклонисты. Об этом и надо было здесь сказать. Надо было говорить о том, что по существу представляет собой программа правых уклона. (Голоса: «Правильно».) Тов. Рыков сторяча в ответ на реплику заявил: «Конечно, вышло так, что мое имя трепали даже враждебные нашей партии силы». Я бы рекомендовал т. Рыкову и т. Томскому прочитать хотя бы показания академика Платонова. Он гораздо лучше изобразил платформу правых, чем это сделал т. Томский. Он ставит вопрос ребром и правильно. Он сочувствует правым не только потому, что они борются против генеральной линии партии. Конечно, всякая борьба внутри партии неизбежно будет подхвачена враждебными элементами. Но дело обстоит гораздо серьезнее и глубже. Дело в том, что программа правых является родственной по духу, по идеологии, по кругу идей этих Платоновых, Устряловых и иже с ними. Об этом идет речь. И об этом мы хотим слышать на данном съезде партии. Дело не в покаянных речах, не в том, что мы кого-то собираемся посылать в пустыню акриды кушать. На съезде партии надо членораздельно сказать, что собой представляет программа правых, каковы ее классовые корни и классовое содержание. Мало признать свои ошибки. Посмотрел бы я на тебя, Михаил Павлович, как бы ты на этом съезде выступил с защитой своих правых взглядов и что бы из этого вышло. (Голоса: «Правильно».) Ведь наша работа протекает не только в стенах этого

здания. Ты, Михаил Павлович, достаточно дальнзоркий человек. Ты знаешь, что делается за пределами нашей аудитории. Ты и твои друзья не могут не видеть, какой опромной волной активности московский пролетариат и пролетариат всей нашей страны подкрепляет работу нашего съезда, какие нити связывают нашу партию со всем рабочим классом. Хотя ты человек, как говоришь, смелый и рука в борьбе у тебя тяжелая, но все-таки я сомневаюсь, чтобы ты осмелился в данной обстановке прийти и отстаивать свои оппортунистические ошибки. О признании ошибок мы слышали после ноябрьского пленума. Что нам надо сейчас? Чего ждет партия и рабочий класс от вас? Товарищи вожди правой оппозиции, вы должны по-большевистски квалифицировать вашу программу и, не вдаваясь в глубоко теоретические изыскания, сказать прямо, что ваша программа по сути дела — программа кулацкая (г о л о с а: «Правильно»; а п л о д и с м е н т ы), выполнение которой в конечном счете погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма.

Товарищи, программу социалистического строительства ЦК нашей партии и программу правых проверила жизнь. Мне прямо было как-то неудобно за т. Рыкова, когда он здесь говорил относительно пятилетки, темпов и т. д. Он говорил, что никто не предвидел нынешних темпов индустриализации и достигнутых успехов в коллективизации, что он также всегда отстаивал быстрые темпы индустриализации, спорил только о том, на сколько процентов больше или меньше и т. д. Но ведь теперь, задним числом, теперь все за наши темпы. Возьмите последнего бюрократа из любого нашего советского учреждения, — он тоже за наши темпы, он тоже за коллективизацию. Больше того, даже Ллойд-Джордж считает, что наша пятилетка не только смела, но и умна, как он выразился. Даже на старости лет Форд, «просвещенный» капиталист, и тот понимает, что наша пятилетка — штука реальная. Разве такие признания необходимы съезду от бывших вождей правой оппозиции?

Основная, коренная моя ошибка заключается в том, говорил т. Рыков, что я недооценил возможности коллективизации крестьянского хозяйства. В сущности говоря, все дело в недооценке вопроса, будет ли 40—30—50%.

Нельзя квалифицировать это заявление иначе, как уловку, затушевывающую суть дела. Главный недочет вчерашнего выступления тт. Томского и Рыкова состоит как раз в том, что они не дают прямо ответа на вопрос о характере и классовом содержании их оппортунистической платформы. Я не имею оснований подозревать их в неискренности, но мы имеем все основания, все объективные основания быть настороже и то, что нам здесь изложили, взять совершенно определенно под подозрение.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о выступлении Угланова. На ноябрьском пленуме он принес покаяние, раскаялся в своих ошибках, признал генеральную линию партии, но прошло несколько месяцев, в деревне получилась заминка, создались затруднения, и он снова, по его собственному признанию, поколебался. Теперь он опять перестал колебаться и признает линию партии целиком правильной. Вольно или невольно напрашивается вывод: а что если завтра будут затруднения, — и они неизбежны в той сложной обстановке, в какой развивается строительство социализма, — то где же у нас гарантия в том, что т. Угланов не колебнется еще раз. Тов. Угланов — не рядовой член партии, это не вчерашний кандидат партии, это член ЦК, это вчерашний руководитель передовой нашей Московской организации. Все, кто внимательно его слушал, не могли не уловить того настроения, которое так и сквозило во всех его словах. Об этих настроениях говорил в своем докладе т. Сталин, когда он сказал, что оппортунистические настроения создают неуверенность в победе нашего дела. С таким настроением, как у т. Угланова, можно только сдавать позицию за позицией классовому врагу.

Мне думается, товарищи, что мы будем правы, если на XVI съезде нашей партии скажем, что самого основного и главного от представителей оппозиции мы не услышали. (Голос: «Правильно».)

Нам необходимо было услышать из уст Рыкова и Томского не только признание своих ошибок и отказ от платформы, а признание ее, как я уже говорил, кулацкой программой, ведущей в последнем счете к гибели социалистического строительства. Без этого основного и решающего нельзя выполнить и второе требование, которое

предъявляется к ним партией. После ноябрьского пленума они разоружились, после этого они должны были с жесточайшим упорством защищать генеральную линию партии, должны были последовательно вести борьбу с правоуклонистскими элементами, с правыми оппортунистами. Видели кто-нибудь и где-нибудь выполнение ими партийного долга? Ни в малейшей степени, несмотря на то, что сторонники их взглядов выступали в дискуссионном листке «Правды», выступали и на отдельных ячейках. Дал ли кто-нибудь из них решительный отпор защитникам их оппортунистических взглядов? Ни в какой мере. И впредь этого не будет, если товарищи не поймут всей губительности своей оппортунистической платформы, которую они в свое время защищали.

Теперь мне хочется сказать несколько слов о т. Бухарине. Порядочное количество лет тому назад т. Бухарин изобразил чрезвычайно красочно кулацкую теорию врастания кулака в социализм. Он был вместе с тем проповедником прочности стабилизации капитализма и «организованного капитализма» на данной стадии капиталистического развития. Что происходит сейчас? Надо, товарищи, совершенно беспристрастно сказать, что в этих вопросах т. Бухарин оказался на мели. Тов. Бухарин на съезде отсутствует. Говорят, что он болен. Очевидно, это так. Но что отсюда следует? Отсюда следует, что все-таки т. Бухарин, один из руководителей ЦК, вчера еще мог бы хоть как-нибудь, хоть каким-нибудь способом подать свой голос о своей точке зрения по основным вопросам политики партии. (Г о л о с а: «Правильно».)

Ведь, товарищи, получается что-то совершенно уродливое. Вы все, вероятно, помните статью Мамаева в «Правде», где он развернул идеологию правого уклона. Если я не ошибаюсь, Мамаев гораздо меньше искушен в литературных делах, чем т. Бухарин. Так неужели т. Бухарин не мог ответить на поднятые там вопросы, выступив хотя бы со статьей? Но т. Бухарин воды в рот набрал — молчит. А между тем, как я уже говорил, не только партия ждет от него слова, но ждут и все те, кто вчера еще возлагал большие надежды на пресловутый «организованный капитализм». Вот все это невольно внушает подозрение в отношении бывших вождей правых и вызывает насторо-

женность партии к ним. И я думаю, что мы будем совершенно правы, если останемся настороженными.

У всех у нас в памяти предыдущая оппозиция Каменева — Зиновьева, к которой, кстати сказать, т. Бухарин и тоже с ним, как вы помните, перебрасывали совершенно определенные мосты, с которой устраивали совершенно определенную смычку и блок в свое время. Все вы помните, что каменевско-зиновьевская оппозиция махровым цветом расцвела пять лет тому назад. Понадобилось почти пять лет для того, чтобы, наконец, Зиновьев в самые последние дни заговорил более или менее подходящим партийным языком.

Не так это, очевидно, просто удастся. И тут т. Томский прав, когда он говорит, что нелегко вчера быть там, а сегодня вернуться на партийную дорогу и сознаться во всем до конца. Верно, т. Томский, из кулацких лап выбраться на генеральную линию партии — это дело тяжелое, дело это очень тяжелое. У нас принято думать, что троцкизм — это неизбежное скатывание в лагерь контрреволюции. Это верно, но верно также и то, что правооппортунистические дела, если на них настаивать по-серьезному, могут завести весьма и весьма далеко, откуда выбраться будет чрезвычайно трудно. И учитывая твою, т. Томский, откровенность, я и думаю, что надо сказать на XVI съезде партии: того, что хотела услышать партия — основного, решающего и главного, она от тт. Томского и Рыкова не услышала.

У т. Рыкова сквозило, как и раньше: в сущности говоря, жизнь сняла наши разногласия, о чем говорить, зачем возвращаться к нашей старой точке зрения, к нашей платформе и т. д.?

...Индустриализация у нас идет, коллективизация развивается, международное положение Советского Союза крепнет, социалистическая стройка идет, ну о чем же говорить, зачем старое вспоминать? Посмотрим, как будет дальше. Одной из заповедей правого уклона, товарищи, является старая русская пословица «поживем, увидим». Сейчас они как будто бы становятся, как это в свое время собирався сделать Троцкий, перед партией на колени и готовы сказать: вот вам наша оппортунистическая голова, хотите — ее секите, хотите — милуйте. «Дайте

мне возможность поработать», — вызывает Томский. Кто же не давал ему до сих пор работать? Даже в то время, когда Томский был захвачен правыми колебаниями, даже в то время мы его вставляли усиленным образом работать. Не желал. После разоружения, после ноябрьского пленума, мы предоставили ему полную возможность — работай не покладая рук. Кто мешал? После этого он обращается к XVI съезду партии и говорит: «Если хотите убедиться, дайте возможность поработать». Не нужно прикидываться такими безгрешными христианами. Томский борьбу правой оппозиции с партией изобразил самым добродушным образом. Все вышло как бы самотеком. Собрались два Ивановича и один Михаил Павлович, что-то хлопочут между собой, а через их головы развивается совершенно антипартийное дело. Мы, говорит, конечно, держались в рамках внутрипартийного положения. Могли, конечно, дескать, поднять знамя борьбы против партии, могли воспользоваться Московской организацией, но мы были скромны. Верно ли это? Ведь это, товарищи, все-таки насквозь, говоря мягко, проникнуто лицемерием. Ведь что делал Томский на съезде профсоюзов? Это что же — не борьба? Ведь если бы у Томского там не получилось осечки, если бы он из 2 тыс. делегатов на VIII съезде профсоюзов завоевал на свою сторону не 80 или 90 чел., а половину или большинство, — мы знаем, куда он пошел бы со своей правой платформой. А у него не вышло, не хватило ни пороку, ни поддержки внутри партии, и поэтому — только поэтому — он не последовал по тем путям, по которым в свое время последовали Каменев и Зиновьев в более открытой и более резкой борьбе против партии.

Следует сказать еще и об отмежевании, которое тут имело место. Все мы знали: были вместе Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и т. д. Вчера же получилось другое. Рыков даже обиделся, когда его поставили в одну шеренгу с Углановым: «Я должен сказать, что тут Угланов выступал и говорил «мы», но к этому «мы» я никакого отношения не имею», — заявил он. С каких это пор? Что тут случилось? Тут что-то очень любопытное, никак нельзя понять. Очевидно, иначе нельзя понять: Рыков думает, что т. Угланов не сжег и не сжигает своих мостов. Дру-

того вывода из замечания т. Рыкова сделать нельзя. В самом деле, в чем дело? Вчера ели из одной оппозиционной чашки оппортунистическую кашу, были друзьями. Сегодня ничего общего между собой иметь не хотят. Перед нами, по-видимому, разная степень признания ошибок. Одни идут подальше, у других остаются кое-какие резервы, не хотят все сразу сдавать на случай дальнейшей внутрипартийной борьбы. Только, очевидно, в этом дело. Может быть и другое. Может быть, на XVI съезде т. Рыкову становится более ясной перспектива развития оппозиционной работы; может быть и это. Может быть, он более отчетливо сейчас представляет, к чему привела бы дальнейшая борьба. Может быть, наконец, что т. Рыкову теперь становится ясным, что все уже, так сказать, первоначальные средства борьбы против партии исчерпаны, если теперь хочешь продолжать борьбу, нужно переходить к каким-то более основательным, более широким приемам и методам пропаганды и защиты своей платформы. Так или иначе для нас все-таки и тт. Бухарин, и Томский, и Рыков, и Угланов остаются в одном лагере. (Голос: «Правильно».) Мы в свою очередь остаемся при старой точке зрения в отношении квалификации пропаганды правого оппортунизма, мы остаемся при старом решении, что пропаганда взглядов правого уклона несовместима с пребыванием в рядах нашей Коммунистической партии. (Аплодисменты.)

Мы не на словах, не для красного словца, не для агитации и пропаганды записали в своих партийных положениях, что мы *правую опасность на данном этапе социалистического строительства считаем главной и основной*, и поэтому и впредь с правым уклоном мы будем вести не менее, а еще более решительную борьбу, чем вели до сих пор. (Аплодисменты.) Наша партия правоту своей генеральной линии сейчас проверила так, как она не проверяла, может быть, ее прежде. Совершенно конкретны, совершенно реальны и наглядны результаты проверки генеральной линии нашей партии, и поэтому товарищам, которые действительно искренне, по-большевистски, по-настоящему сжигают свои мосты, мы должны сказать: этого мало. Ты не только должен сжечь мосты, ты должен во всеуслышание, перед всем рабочим классом сказать,

какие это мосты, из какого материала сделаны и в какое царство эти твои мосты ведут. Ты не только, т. Томский, должен сжечь эти мосты и мостики, по которым ты гулял до сегодняшнего дня, но ты должен с сегодняшнего дня вооружиться вместе с нами и сделать все к тому, чтобы вести еще более решительную борьбу, чем мы, с теми, которые по твоему опыту стараются пробраться на эти мосты. (Аплодисменты.)

У нас партия революционеров, большевиков, ленинцев. Нам нужна партия действенная, активная. Мы требуем от каждого члена партии, а особенно хотя бы даже от бывших, но все-таки вождей нашей партии, чтобы они были в сто раз активнее на всех участках нашей работы. Я должен вам совершенно откровенно, т. Томский, сказать, что мы к кандидатам при переводе их в члены партии предъявляем гораздо более повышенные требования, чем те, которыми ты пытался удовлетворить вчера съезд партии. Не выйдет это, никак это не выйдет. Ведь кто перед нами, товарищи, стоял? Это Томский, член Политбюро нашей партии, пришел и так это все изобразил, что, собственно, было и не было, хотел, да раздумал, попытался, да потом немножко не вышло (смех), — что это такое, что это за разговор?

Сейчас, конечно, когда мы с вами в основном победили, когда мы с вами достигли огромных успехов и когда мы с вами совершенно твердо убеждены теперь в дальнейших перспективах нашего социалистического строительства, дело представляется теперь и Угланову, и Томскому, и Рыкову, и Бухарину довольно спокойным. Но когда мы укрепляли наши позиции, когда произошла наша первая решающая схватка с остатками капитализма, с отживающими классами, то перед лицом жесточайшего обострения классовой борьбы у некоторых товарищей в наших рядах обнаружился испуг, начались правооппортунистические колебания. Правые оппортунисты пошли наперерез линии партии. Теперь это все в смешных и в веселых тонах изображается. А ведь, товарищи, надо прямо сказать, каждый лишний процент темпа в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз — все это было достигнуто не только в борьбе с кулаком и прочими контрреволюционными элементами в нашей партии, это было достигнуто в борьбе

против тт. Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. (Бурные аплодисменты. Голос из президиума: «Правильно».) Это же надо понять, товарищи. И после всего этого тут люди ведут душеспасительные и добродушные речи.

Весело, конечно, выходит теперь, но мы знаем, чего это стоило, и для того, товарищи, чтобы нам обеспечить успех нашей социалистической стройки в дальнейшем, нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твердо, *решиительно и бесповоротно покончить с правым уклоном* (а п л о д и с м е н т ы); решительно, твердо и бесповоротно. Надо сделать все для того, чтобы теперь уже внутри нашей партии с правоуклонистами, активными правоуклонистами, нам не встречаться, сделать так, как поступили мы в свое время с троцкистами, в сознании того, что правая опасность — это главная и основная опасность на данном отрезке времени.

Впереди, товарищи, стоят гигантские задачи перед нашей партией; многое мы, товарищи, решили, но еще многое нам нужно решить. Все объективное для дальнейшей успешной социалистической стройки мы имеем.

Необходимо заботиться об основном — о том, чтобы наша великая двухмиллионная монолитная ленинская партия была действительно скалой, о которую должны разбиваться головы всех, кто встанет поперек дороги победоносно растущему социализму. (А п л о д и с м е н т ы.)

Этого, товарищи, требует от нас сейчас партия. Этого от нас требует и рабочий класс. Этого он от нас требует. (В о з г л а с ы: «Правильно».) С такими настроениями, которые мы здесь слышали, с таким «боевым» пафосом, с которым нам здесь излагали свою точку зрения товарищи из оппозиции, не выйдет, не выйдет то, что нам нужно. У нас нет никаких сомнений в том, что наша партия, вооруженная опытом многолетней социалистической стройки, сумеет обеспечить необходимые условия для своей дальнейшей победоносной работы.

С XVI съезда нашей партии мы, товарищи, выйдем еще более подготовленными к дальнейшим боям за социализм.

Дальнейший успех будет зависеть только от того, о чем говорил в заключение т. Сталин, когда он сказал: «Да здравствует ленинизм!» Ленинизм, который лежит в основе политики партии, будет гарантией нашей победы не только внутри страны, но и в мировом масштабе. (Продолжительные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги
С. Киров. Ленинградские большевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 3—13.*

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА, ЗА РАЗВЕРНУТОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

*Доклад об итогах XVI съезда ВКП(б)
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
17 июля 1930 г.*

Товарищи! XVI съезд партии, заседавший почти три недели, дал такое обилие материалов, что изложить их в одном докладе не представляется никакой физической возможности. Поэтому сегодня придется ограничиться только самыми существенными, самыми основными вопросами, которыми занимался XVI съезд.

Если XIV съезд партии был съездом, на котором партия приняла курс на индустриализацию нашей страны, если XV съезд по преимуществу занимался вопросами коллективизации сельского хозяйства, то XVI съезд можно назвать съездом широкого развернутого социалистического наступления по всему фронту, съездом проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. На XVI съезде мы не только подвели итог той огромной работы, которую наша партия вместе с рабочим классом проделала за 2½ года, но мы также наметили путь дальнейшего победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Прежде всего возникает вопрос, что происходит в том капиталистическом окружении, в котором мы находимся в нынешней полосе социалистической стройки. Вы знаете, что нас окружает старая, устоявшаяся, располагающая огромным историческим опытом капиталистическая система в виде больших и малых капиталистических государств.

Что представляет собой капиталистическая система в данный отрезок времени? Надо сказать, что в послевоенный период мировой капитализм никогда еще не находился в таком затруднительном состоянии, в каком он находится сейчас. Это обстоятельство имеет огромное, чтобы не сказать больше, значение и для нашей социалистической стройки.

Я не буду приводить обширный цифровой материал, характеризующий состояние капиталистической системы. То обстоятельство, что капиталистическая система в данный отрезок времени вступила в очень тяжелый, очень острый кризис, стало уже общим местом. Между тем, всего несколько месяцев тому назад идеологи буржуазии, ученые экономисты, в высшей степени оптимистически расценивали перспективы развития мирового капитализма. Теперь же перед лицом фактов буржуазные экономисты уже вынуждены признать наличие острого кризиса в мировом капиталистическом хозяйстве. Разумеется, они продолжают сочинять всевозможные «рецепты» выхода из кризиса, преуменьшают его размеры и т. д. Одно совершенно несомненно: на наших глазах разворачивается острейший за все время существования капитализма мировой экономический кризис перепроизводства. Мало того, что капитализм переживает этот кризис, — главная острота положения для него заключается в том, что кризис с каждым днем все больше и больше углубляется. Чрезвычайно существенно то, что этого кризиса не удалось избежать самой организованной, самой совершенной в капиталистическом смысле стране — я говорю о Североамериканских Соединенных Штатах. Больше того, они являются источниками расширения и углубления кризиса. Вы все помните, что за последние годы именно опыт этой страны породил популярную у буржуазных либералов и социал-демократов теорию о том, что в послевоенный период капитализм якобы обрел новые, так сказать, ультракапиталистические формы своего дальнейшего развития, открывающие перед ним новые возможности «процветания». Я имею в виду пресловутую теорию «организованного капитализма».

Даже в нашем Коммунистическом Интернационале некоторые элементы поддали под влияние этой социал-де-

мократической теории. На ее основе вырос в Коминтерне всем вам известный правый уклон, глашатаи и выразители которого поддерживали в той или иной степени эту насквозь враждебную марксизму-ленинизму теорию. Она, как я уже говорил, питалась главным образом состоянием дел в САСШ, которые, несмотря на общую депрессию в ряде европейских стран, за последние годы достигли совершенно определенных и значительных успехов в развитии производительных сил, технической реконструкции хозяйства.

Но вот сейчас мы с вами являемся свидетелями того, что кризис охватил не только капиталистическую Европу, но с каждым днем, чтобы не сказать с каждым часом, все больше и больше углубляется и в САСШ. Я не сомневаюсь, что вы читаете поступающие почти каждодневно сводки на эту тему, особенно из тех же самых САСШ, и знаете, как стремительно кризис захватывает одну отрасль за другой. Сейчас в САСШ нет ни одной отрасли промышленности, которая не была бы в той или иной, прогрессирующей изо дня в день степени затронута кризисом.

Вы, надеюсь, вчера или позавчера читали в газетах хотя бы о том, что такая решающая отрасль производства в САСШ, как сталелитейная промышленность, находится в таком состоянии, что используются лишь на 56% ее производственные возможности. Вы знаете также, что число безработных в САСШ перевалило за 6 млн. человек. Такая могущественная фирма, как автомобильная фирма Форда, располагающая огромными материальными средствами, в ближайшие дни вынуждена совершенно остановить свое производство. Я уже не говорю о других отраслях промышленности САСШ.

То обстоятельство, что САСШ, этот колосс капитализма, оказались в тисках промышленного кризиса, привело к стремительному распространению кризисного состояния на всю Европу. Единственная страна, которая еще более или менее барахтается и сопротивляется этому кризису, — Франция. Но не подлежит никакому сомнению, что в ближайшее время и ей придется испытать горькую чашу мирового кризиса перепроизводства.

Я не говорю уже о других странах, например об Англии или о Германии, которая всего еще только вчера

сравнительно быстро оправилась от того потрясения, почти полного разорения, какое она пережила в результате последней империалистической войны. Эта страна, в значительной степени находящаяся на поводу американского капитала, сделавшая в последнее время крупный шаг вперед, точно так же переживает сейчас жестокий промышленный кризис.

Дело не ограничивается кризисом в промышленности. Это было бы для капиталистов еще с полгоря. Промышленный кризис усугубляется и обостряется тем обстоятельством, что ему сопутствует кризис и в сельском хозяйстве, что он переплетается с аграрным кризисом во всех или почти во всех аграрных странах. Нельзя забывать и то, что нынешний мировой кризис капитализма протекает в рамках высоких монопольных цен картелей и трестов, что делает его особенно затяжным и крайне мучительным для трудящихся масс.

Современный мировой экономический кризис развивается в обстановке общего кризиса капитализма, начавшегося еще во время империалистической войны и обусловленного такими факторами, как образование на одной шестой земного шара Советского государства, ростом промышленности в колониях и полуколониях, обнищанием масс в результате войны и т. д. Вот почему прав т. Сталин, говоря, что «нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов».

Мировой кризис целиком опрокидывает пресловутую теорию «организованного капитализма», которую выдвинули «почтенный» Каутский и господин Гильфердинг, со всем усердием лакеев доказывающие невозможность кризиса капиталистической системы в данный исторический период.

Для этих господ разразившийся сейчас мировой кризис возник неожиданно. На самом же деле ничего неожиданного, сверхъестественного не произошло. Произошло то, что весьма популярно и в высшей степени убедительно изложено в сочинении основоположника научного социализма — Маркса, который неопровержимо доказал, что, до тех пор, пока существует капиталистическая система,

совершенно неизбежны периодически повторяющиеся кризисы. И вот сейчас перед нами развернулось новое подтверждение теории Маркса. Ничего нового, ничего неожиданного, таким образом, не произошло. Конечно, настоящий кризис имеет ряд своих существенных особенностей, которые и были мной выше названы.

На VI конгрессе Коммунистического Интернационала мы характеризовали переживаемый период, как третий период в развитии послевоенного капитализма, как полосу жесточайшего обострения капиталистических противоречий по всей линии, усиленного расшатывания частичной стабилизации капитализма. Как раз это обстоятельство вызвало наибольшую оппозицию со стороны правых элементов почти всех делегаций Коммунистического Интернационала. Оценка положения мирового капитализма, данная VI конгрессом Коммунистического Интернационала, с тех пор получила полнейшее подтверждение. Поблизился небольшой промежуток времени, чтобы еще и еще раз оправдалась справедливость теории Маркса и подтвердилась правильность оценки переживаемого периода, сделанная VI конгрессом Коминтерна. VI конгресс определил третий период и его особенности следующим образом:

«Третий период в своей основе есть период выхода экономики капитализма за довоенный уровень и почти одновременного выхода за этот уровень экономики СССР (начало так называемого «реконструктивного периода», дальнейшего роста социалистических форм хозяйства на базе новой техники). Для капиталистического мира этот период есть период быстрого роста техники, усиленного роста картелей, трестов, тенденций к государственному капитализму и в то же время период мощного развития противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма (суженные рынки, СССР, колониальные движения, рост внутренних противоречий империализма). Этот третий период, особенно резко обостривший противоречие между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенций

империалистов, гигантских классовых битв. Обостряя все *международные* противоречия (противоречия между капиталистическими странами и СССР, военная оккупация Северного Китая как начало раздела Китая и борьбы между империалистами и т. д.), обостряя *внутренние* противоречия в капиталистических странах (процесс полевения масс рабочего класса, обострение классовой борьбы), развязывая *колониальные движения* (Китай, Индия, Египет, Сирия), — этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма»¹.

На неизбежность наступления мирового экономического кризиса в результате частичной стабилизации т. Сталин указывал еще в политическом отчете ЦК XV съезду партии:

«...Из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации.

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»².

Так определял положение капитализма еще в 1927 г. т. Сталин. Это определение получило блестящее подтверждение. Сейчас уже ни один здравомыслящий человек не возьмет на себя смелость утверждать, что стабилизация капитализма отличается прочностью и устойчивостью. Наоборот, сейчас помыслы буржуазных идеологов, более или менее внимательно наблюдавших совершающиеся

¹ Сборник «Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932 гг.», стр. 769. *Ред.*

² И. В. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 274. *Ред.*

вокруг них события, направлены к тому, чтобы как-нибудь, в какой-либо степени ослабить развивающийся кризис, приостановить процесс развала временной, относительной стабилизации.

В настоящий момент капиталистическая система переживает кризис такой глубины и размаха, какого она никогда еще не знала. Этот кризис разрушил, как картонный домик, все надежды на длительное процветание капитализма, обесславил авторов теории «новой эры» в развитии капитализма, певцов его организованности; этот кризис как нельзя лучше показывает, что производительные силы задыхаются в капиталистической оболочке.

До войны капитализм жил и развивался таким образом, что период его расцвета сменялся периодом упадка, после которого наступал новый расцвет. В этом заключался рост производительных сил в рамках капиталистического общества, закономерность его движения.

На данной стадии развития капиталистической системы, по нашему глубокому убеждению, нет оснований полагать, что эти действительные, так сказать, для вчерашнего дня законы повторяются.

Наоборот, все говорит за то, что результатом теперешнего кризиса будет неизбежно дальнейшее обострение общего кризиса капитализма.

МИРОВОЙ КРИЗИС

И ОБОСТРЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Каково же влияние мирового экономического кризиса на взаимоотношения между империалистическими государствами, между ними и колониями, на развитие классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, на международные отношения Советского Союза?

Уже теперь выступает достаточно наглядно небывалое обострение капиталистических противоречий по всем линиям, прежде всего по линии отношений между такими могущественными капиталистическими странами, как Соединенные Штаты и Англия. Происходит несомненное обострение противоречий между отдельными капиталистическими странами внутри старой Европы, между державами-победительницами и побежденными, между

континентальными странами Европы и той же самой Англией. Бесспорно, обостряются противоречия между САСШ и Японией. Все больше и больше углубляются противоречия между империализмом, с одной стороны, колониальными и полуколониальными странами — с другой. Почему? Да по очень простой причине.

Мы сейчас наблюдаем и в Старом и Новом Свете огромный избыток всех продуктов производства. Огромную массу продуктов капиталистические страны и отдельные капиталистические компании вынуждены буквально уничтожать. Всем, например, известно, что в Америке происходит обращение кукурузы на топливо. В то время как мы с вами сейчас денно и нощно работаем над расширением посевных площадей для всех видов сельского хозяйства, в той же самой Америке и в других странах производится искусственное сокращение посевов. Если мы с вами сейчас нажимаем на максимальное производство свеклы, чтобы получить больше сахара, то совсем недавно можно было прочесть в газетах о том, что за пределами нашей Советской страны идет торговля, как бы в производящих сахарную свеклу странах добиться искусственного сокращения производства свеклы, а следовательно и производства сахара.

Все это говорит о том, что в капиталистических странах на одном полюсе создан огромный избыток продуктов, а на другом полюсе усилилась, обострилась нищета, вследствие которой нет никакой возможности реализовать эти продукты — отсюда острая и беспощадная конкуренция между капиталистами; отсюда взаимная драка в капиталистической среде; отсюда стремление снова изменить экономическую географию мира.

Большевики совершенно правильно говорили, что империалистическая война, несмотря на огромные мертвые и живые средства, которые она поглотила, ни в малейшей степени не разрешила основных противоречий капиталистической системы, не устранила основных ее болячек.

Если тотчас же после войны это положение могло еще казаться спорным, то теперь всякие иллюзии на этот счет рухнули без остатка.

Сейчас капиталистам всех стран приходится снова и снова думать о том, куда же сбывать избыточные товары

и помещать капиталы. Отсюда совершенно неизбежно вытекает обострение капиталистических противоречий, как я вам говорил, по всем линиям, во всех частях Старого и Нового Мира.

В поисках выхода из кризиса мировой империализм усиливает нажим на колонии и полуколонии, вызывая дальнейшее обострение взаимоотношений с ними и нарастание революционного движения. Дело отнюдь не ограничивается только взаимными противоречиями между капиталистическими государствами, противоречиями между ними и колониями. В такой обстановке, когда на улицы выбрасываются миллионы и миллионы безработных, в огромной степени обостряются противоречия между трудом и капиталом. Подобно тому как рабочему классу приходится искать новые, более революционные формы организации для успешной борьбы с капитализмом, так же, с другой стороны, капиталистам приходится перестраивать свои ряды, перевооружаться для борьбы с нарастающим революционным движением пролетариата. Это можно наблюдать на том, как стремительно поднимается волна фашизации буржуазного государства во всех странах от мала до велика. Нам с вами далеко ходить за примерами нечего.

Когда мы заседали на XVI партсъезде, всего за два десятка километров от Ленинграда произошел фашистский переворот по соседству, в Финляндии; накануне фашистского переворота Германия, фактически уже подпавшая под фашистскую диктатуру в последнее время; чрезвычайно усилился процесс фашизации международной социал-демократии и реформистских профсоюзов.

О несомненном обострении борьбы между трудом и капиталом красноречиво говорит также огромная волна стачечного движения в той же самой Германии и в других странах. Характерно также и то, что ведущаяся рабочими борьба, которая вчера еще носила по преимуществу экономический характер, сейчас приобретает все больше и больше характер политический. Если вчера мы наблюдали забастовочное движение лишь в тех отраслях промышленности, которые непосредственно охвачены состоянием кризиса, где непосредственно ухудшилось материальное положение рабочих, то сейчас мы видим, как

забастовочное движение разворачивается не только в силу непосредственного экономического давления на тот или иной отряд рабочей армии, но в силу боевой классовой солидарности бастующей группы рабочих со всем рабочим классом данной страны.

Эти два обстоятельства — перерастание стачек из экономических в политические, нарастание боевой солидарности рабочих масс — являются в данный период времени самыми характерными чертами рабочего движения.

Я не буду вам перечислять количество забастовок, которые имели место за последние два с половиной года, укажу только, что в такой стране, как Франция, в промежуток времени с 1928 по 1929 г. число рабочих, охваченных забастовочным движением, удвоилось, а в Англии увеличилось почти в 4 раза. Этого одного достаточно для того, чтобы убедиться, какие широкие формы приобретает забастовочное движение.

МИРОВОЙ КРИЗИС, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

Ясно, что мировой кризис, усиливший до необычайной степени капиталистические противоречия, и новая волна революционного движения рабочих масс ставят перед Коминтерном новые задачи. Отчетный период времени в деятельности Коминтерна может быть characterized как процесс дальнейшей большевизации секций Коминтерна. В этом деле громадную роль, по признанию братских партий, сыграла делегация нашей партии.

В ряде партий (Германии, Швеции, САСШ и т. д.)¹ Исполкому Коминтерна пришлось весьма тщательно позаботиться об очищении этих партий от оппортунистических и прежде всего правооппортунистических элементов. Надо сказать, что эту задачу Исполком Коминтерна выполнил с честью. Секции Коминтерна сейчас очищены от оппортунистических элементов, правда, пожалуй, не так крепко, как наша Всесоюзная коммунистическая партия, но все-таки в достаточной степени удовлетворительно. Как у нас в партии, так и во всем Коминтерне за этот отрезок времени главной помехой, главным тормозом движения вперед и основной опасностью является правая

оппортунистическая опасность. Вы знаете, что правый оппортунизм — это далеко не только наша, так сказать, «национальная» особенность, это общая для всего международного большевистского движения опасность. Против нее и был обращен главный удар Коминтерна. В некоторых секциях пришлось не останавливаться перед самыми решительными организационными выводами, для того чтобы очистить секции Коминтерна от носителей правого оппортунизма. Надо сказать, что сейчас в идеологическом смысле все 53 коммунистических партии, входящие в Коминтерн, достаточно основательно, достаточно прочно подкованы для того, чтобы во всеоружии встретить обстановку, сложившуюся в лагере мирового капитализма, о которой я вам говорил. Но было бы ошибкой думать, что в коммунистических партиях всюду и целиком все обстоит благополучно. Если в идейно-политическом смысле они достаточно очистились, достаточно подкованы, то в отношении организационном почти всем, пожалуй, за самым небольшим исключением, компартиям нужно еще очень и очень многое. Как ни странно, но секции Коминтерна, за небольшим исключением, никак не могут усвоить одну из основных заповедей ленинизма, состоящую в том, что организационные вопросы в жизни, деятельности и революционной борьбе большевистской партии играли всегда и продолжают играть колоссальную роль. А бывают такие исторические переплеты, во время которых организационная форма партийного существования играет прямо-таки решающую роль. Вот, если вы восстановите в памяти нашу длительную борьбу, скажем, с меньшевиками, когда мы с ними находились под одной кровлей, если проследите нашу борьбу с ними, то вы вспомните, что вся эта борьба была пронизана спорами вокруг организационных вопросов и организационных форм. Мало отчеканить ту или иную идею марксизма-ленинизма, это, конечно, большая и очень почтенная, очень ответственная работа, но это далеко еще не все необходимое для успеха нашей работы. Ограничиться выработкой того или иного лозунга, того или иного теоретического положения совершенно недостаточно. Ограничиться только этим — это значит почти ничего не сделать. Хорошо отчеканенное теоретическое положение, лозунг, нужно претворить в практику, внедрить

в сознание и умы широких слоев рабочего класса, сделать миллионы людей активными проводниками этого лозунга, иначе самый хороший лозунг повиснет в воздухе. Надо уметь организовать сотни тысяч, миллионы рабочих и работниц вокруг наших лозунгов. Как раз на этом месте дело у наших братских коммунистических партий, к великому сожалению, и на сегодняшний день оставляет желать еще много и много лучшего.

Вы знаете, что, за небольшим исключением, почти во всех странах наши компартии не особенно многочисленны, тем не менее в ряде стран влияние этих компартий на рабочий класс достаточно велико.

Возьмите другое положение — количество голосов, подаваемых за коммунистов на парламентских выборах, превосходит в громадной степени численность коммунистических партий. Это законно, обычно так и бывает. Одно дело — голосовать за компартию, другое дело — стать членом компартии. Во втором случае требуется больше. Но тем не менее, если существует слишком большой разрыв между тем и другим количеством, это говорит о некотором неблагополучии организационной работы данной компартии. Так именно дело обстоит с большей частью наших братских компартий. Организационную хватку, организационную сноровку, кропотливую организационную работу, нужную повседневно, ежечасно, они все еще поставить на должную высоту не могут. Они хорошо проводят коммунистические конференции, съезды и пр., выковывают отчетливые программы действий, но реализация их программ, популяризация их, внедрение их в широкие слои рабочих, организация масс на их основе очень и очень недостаточны.

Для того чтобы понять, товарищи, в чем тут дело, надо вспомнить наше положение в нелегальную пору, когда мы вели драку не только с царем, не только с капиталистами, но и с меньшевиками. Мы тогда не упускали ни малейшей возможности для того, чтобы наших противников так или иначе опрокинуть. Мы делали буквально все для того, чтобы связаться с массами. Мы умеем находить пути и к квалифицированным и к отсталым слоям рабочих. Если у нас не выходило дело на большом заводе, мы не гнушались тем, чтобы пойти на самый маленький какой-нибудь

кожевенный заводик и там разворачивать шаши большевистские идеи.

Коротко говоря, мы нигде, ничем и никак не пренебрегали для того, чтобы создать ту или иную связь с массами. Мы появлялись везде и всюду, где только это было возможно. Если у нас сегодня проваливалось, мы ни в малейшей мере не уклонялись от того, чтобы выйти на другой день и сделать все-таки свое дело. И этим наши методы коренным образом отличались от методов меньшевистской работы, благодаря этому мы сумели выковать действительную боевую Коммунистическую партию. Вот этого не хватает нашим братским коммунистическим партиям в других странах, а это сейчас является чрезвычайно важным обстоятельством, необходимейшим орудием борьбы в той обстановке, которая сейчас создалась за рубежом.

Задача Коммунистического Интернационала, задача нашей партии, весьма непосредственно оказывающей поддержку и помощь Коминтерну, заключается в том, чтобы помочь братским партиям полностью вооружиться для максимального использования создавшейся обстановки в интересах революционной борьбы.

Подводя итог, мы можем уверенно сказать, что наша оценка мирового капитализма и перспектив его развития оказалась целиком правильной.

ОПАСНОСТЬ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И НОВОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СССР

Если еще вчера пацифисты из лагеря буржуазии и социал-демократы на всех углах и перекрестках, на всех гаагских, женевских и пр. конференциях хлопотали об установлении какого-то прочного мира между капиталистическими странами, то теперь все эти надежды рушатся. Если вожди II социал-фашистского Интернационала вчера еще твердили о том, что война канула в вечность после последней империалистической бойни, то сейчас нужно быть глухим, чтобы не слышать, что новая империалистическая война стучится в двери самым настойчивым образом. Если вчера еще нас упрекали в том, что большевики занимаются измышлениями, когда говорят, что будто бы

капиталистический мир готовит новую интервенцию против Советского Союза, то теперь эта перспектива интервенции против СССР приобретает весьма и весьма реальные очертания.

Чтобы подкрепить это последнее обстоятельство, я сошлюсь на такого свидетеля, как Рябушинский, наш, с позволения сказать, «соотечественник», кое-что понимающий в настроениях капиталистических кругов в данное время. Он выступил всего несколько дней тому назад в газете «Возрождение», выходящей в Париже, со статьей, озаглавленной: «Необходимая война».

В этой статье он очень печалится о том, что создалось положение, когда на улицах миллионы безработных рабочих, и нет никакой надежды, что они завтра получают работу. Надо, пишет он, этот вопрос как-то решать. По его мнению, самым правильным и самым резонным решением вопроса была бы немедленная интервенция, война против Советского Союза, которую история, в угоду Рябушинским, отнесет, как он полагает, «к группе справедливейших и наиболее полезных войн». Война против Советского Союза — «это, — пишет он, — действительно радикальное разрешение проблемы безработицы, а не те жалкие паллиативы, к которым прибегают робкие государственные деятели Западной Европы». Храбрый головорез Рябушинский, который в 1917 г. грозил задушить растущую пролетарскую революцию «костлявой рукой голода», как трезвый буржуа подсчитывает, во что обойдется свержение большевизма и что на этом деле можно заработать. «Как удалить большевистскую болячку?», — спрашивает он и отвечает: «В 1920—1925 гг. специалисты брались осуществить такую операцию в 6 месяцев с армией в 1 млн. чел. Расходы исчислялись в 100 млн. английских фунтов. Сейчас механизм Советской власти сильно расшатан, и мелкобуржуазная стихия, главным образом крестьянство, от нее отошло совсем... Вероятно 500 тыс. чел. и 3—4 месяца достаточно для окончания работы вчерне». Правда, после этого придется наводить порядок в Советской стране, но это тоже особого времени не отнимет — это уже не военная, а полицейская задача. Главное, все это обойдется гораздо дешевле, чем тот урон, который сейчас, благодаря кризису, с одной стороны, и существо-

ванию Советской страны — с другой, капиталисты несут ежегодно.

Рябушинскому, как человеку коммерческому, биржевику, попавшему в полосу кризиса капитализма, подобает рассчитать по-бухгалтерски, насколько дешево это будет стоить.

Чтобы свой биржевой план подкрепить, он говорит: здесь лежит коренной выход из безработицы. Стоит объявить добровольную мобилизацию в полмиллионную армию, как уже на полмиллиона человек безработных в Европе будет меньше, они будут заняты делом. После того, говорит далее Рябушинский, как мы свергнем большевиков, мы получим в свое распоряжение рынок, который расположен на одной шестой части земной суши, а оттуда развернется и капиталистическая торговля, фабрики завертятся как следует, безработица совсем иссякнет. Это радикальный и единственный, по его мнению, путь к тому, чтобы решительно и скоро покончить с кризисом.

Ждать, говорит Рябушинский, не надо, хотя подождать и было бы выгодно с точки зрения экономии в людских жертвах и человеческой крови. Рябушинский думает, что если еще через 5 лет поставить этот вопрос, то тогда еще проще будет свергнуть большевиков, потому что они еще больше разложатся. Хватит на все это дело 2—3 дивизий. Конечно, если так, лучше было бы потерпеть, чем вовлекать в рискованные все-таки расходы капиталистические правительства. Очевидно, однако, он решил не ждать. Поэтому, возвращаясь к своему плану, он говорит, что действовать надо именно теперь. «Затратив 1 млрд. руб., человечество (т. е. господа Рябушинские и К^о), получит доход не менее чем в 5 млрд. руб., т. е. 500% годовых и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200%. Где найти дело лучше?»

В вопросах сроков военного нападения на СССР гадать трудно, но, входя в положение господ Рябушинских всех национальностей, надо понять, что они к этому делу могут прийти даже не от «расчета», а просто с отчаяния. Если дальше кризис будет развиваться с такой же стремительностью, как сейчас, то тогда волей-неволей будешь думать не только о том, чтобы насаждать фашистские правительства, не только о том, чтобы ставить палки в

колеса своим соседям, но, действительно, всерьез подумаешь о завоевании такого огромного рынка, какой представляет из себя наша Советская страна.

Особенно большим толчком, большим стимулом, для того чтобы попробовать интервенировать нас на данном историческом отрезке времени, является как раз та капиталистическая обстановка, о которой я вам говорил. Столкновение между нашей системой и капиталистической может произойти раньше, чем столкновение между отдельными капиталистическими государствами.

Вылазка Рябушинского, которая похожа на какой-то сумасшедший бред, характерна как показатель нервозности буржуазии перед лицом надвигающейся революционной бури. Все его расчеты убийственно смешотворны, но они любопытны в том отношении, что обнажают и раскрывают беспокойство буржуазии за ее судьбу, за ее завтрашний день. На подготовку интервенции мы должны ответить удесятеренными усилиями по организации обороны страны и продолжением политики мира. Мы каждую минуту должны быть готовы к тому, чтобы грудью стать на защиту Советского Союза, на защиту победоносно растущего социализма.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Перехожу, товарищи, к нашим внутренним вопросам. Я должен еще раз оговориться, что не намерен давать обильные цифровые выкладки, ибо я убежден, что вы все достаточно внимательно следили за работой съезда и знакомы как с докладами и прениями, происходившими на нем, так и с принятыми им резолюциями. Это в значительной мере упрощает мою задачу, но, тем не менее, некоторые справки дать необходимо.

Прежде всего, что происходит у нас по линии нашей промышленности? Я вам говорил уже, что XVI съезд партии — это съезд, на котором развернулась программа широкого социалистического наступления по всему фронту внутри нашей страны. И это безусловно так. Основное, решающее, главное наступление велось, ведется и впредь пойдет, конечно, по линии нашей социалистической промышленности.

То, что мы получили за последние 2¹/₂—3 года, говорит само за себя. Цифры роста социалистической индустрии не нуждаются ни в каких особых комментариях. Если капитальные вложения за последние три года в общественный сектор в промышленности увеличились в нашей стране в три раза, т. е. с 1270 млн. руб. они поднялись до 4275 млн. руб.; если валовая продукция общественного сектора за это время увеличилась больше чем вдвое, т. е. с 1926/27 г. до 1929/30 г. с 11 999 млн. руб. поднялась до 24 740 млн. руб. и если наряду с этим частный сектор в нашей промышленности сократился больше чем на 1,5 — это лучшие, красноречивейшие показатели тех успехов, тех огромных завоеваний, которых мы с вами добились в области социалистической индустриализации.

В крупной промышленности удельный вес социалистического сектора за этот промежуток времени поднялся с 97 до 99%, т. е. всего лишь 1% крупной промышленности находится в руках наших классовых противников — концессионеров и пр.

Таким образом, тот огромный вопрос, который в период провозглашения нэпа поставил Владимир Ильич — «кто кого», в промышленности, как видите, разрешен окончательно и бесповоротно в пользу социалистических форм.

Наличие необходимых предпосылок для стремительного развития нашей промышленности сейчас не подлежит никакому сомнению не только для руководства партии, но уже совершенно бесспорно как для партии в целом, так и для широчайших масс рабочего класса. Свидетелем этого является лозунг, выросший из активности масс, — «Пятилетка — в 4 года».

То положение, что мы так глубоко и широко внедрили в сознание рабочих принятые партией темпы нашей социалистической стройки, позволяет нам сейчас в ряде случаев превзойти популярный лозунг — «Пятилетка — в 4 года».

В ряде решающих отраслей (нефть, машиностроение, особенно крупное электростроение) пятилетний план мы можем выполнить в 3 года.

Эти успехи социалистической индустриализации показывают всю несостоятельность капитулянтской установки

правых оппортунистов, испугавшихся темпов индустриализации, намеченных партией, и защищавших равнение на «узкие места».

Мы поставили перед собой задачу добиться того, чтобы нашу, по преимуществу аграрную, страну превратить в страну промышленную. И вот, товарищи, на XVI партсъезде мы впервые получили объективные основания сказать полным голосом, что мы достигли того перевала, когда наша страна из страны аграрной действительно превращается на наших глазах в страну промышленную, в страну индустриальную. Если до войны валовая продукция всей промышленности в общем балансе народного хозяйства достигала 42 %, то теперь она выражается уже в 53 %.

Мы ставили задачу, и теперь от нее не отходим, в кратчайший исторический срок освободиться от иностранной зависимости в деле развертывания нашего народного хозяйства. И тут за последние три года наши успехи огромны. Если средства производства отечественного происхождения в 1927/28 г. составляли 42,7 % общей валовой продукции, то сейчас они достигают 48 %.

Благодаря большевистским темпам индустриализации мы догоняем передовые в технико-экономическом отношении страны, но расстояние, отделяющее нас от них по объему производства, еще очень велико. Как потребности нашего социалистического строительства, так и соревнование наше с капиталистическим миром обязывает нас к тому, чтобы во всей ближайшей работе обеспечить подлинно большевистские темпы индустриализации и дать беспощадный отпор капитулянтской установке правых на снижение темпа индустриального строительства.

Мы с вами и на Областной конференции и на районных конференциях установили, что в отношении развития нашей промышленности мы сидим уже в настоящем социалистическом седле. Нужно быть порядочным фантазером, чтобы думать, что нас можно оттуда выбить, — мы обеспечены тут настолько, что можем относительно спокойно взирать на завтрашний день, тут у нас все пути, перспективы продуманы от начала до конца. Такой грандиозный размах, как наметка работы на 5 лет вперед,

объективно себя оправдал — и даже в более короткий срок, чем тот, который мы себе ставили.

На основе подъема социалистической промышленности мы наблюдаем определенный рост рабочего класса в нашей стране, поднятие материального и культурного уровня рабочего класса, все большее и большее внедрение семичасового рабочего дня в наши предприятия, достаточно быстрый переход на непрерывку, резкое, как никогда, сокращение безработицы и переход в постоянное время к новому географическому распределению нашей промышленности, что позволяет включить в дело социалистической стройки новые, отстававшие до сих пор районы — национальные республики, и тем самым создать гораздо более широкую базу для стремительного развития производительных сил всей нашей страны.

Это, товарищи, такие завоевания, которые ни в какой степени не под силу капиталистическим государствам. Тот лозунг, который мы перед собой поставили, — не только догнать, но и перегнать капиталистические страны, — мы осуществляем достаточно успешно.

НАШИ УСПЕХИ ЗАВОЕВАНЫ В БОРЬБЕ С ОПОРТУНИЗМОМ

Основным залогом всех этих успехов является, конечно, генеральная линия нашей Всесоюзной Коммунистической партии. Теперь только совершенно безнадежный кретин может еще делать попытку пересмотреть генеральную линию нашей партии. Теперь уже едва ли кому-нибудь всерьез может прийти в голову мысль о необходимости умерить, сократить темпы нашей индустрии, нашей социалистической стройки. Тов. Сталин совершенно правильно сказал на XVI партсъезде, что «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами нашего классового врага». Весь опыт практической работы является лучшим доказательством правильности этой формулы.

Теперь, как никогда полно, оправдалась ленинская характеристика всякого оппортунизма внутри нашей партии. Когда мы спорили с так называемыми «левыми», мы

говорили: более левого социалистического и революционного течения, чем ленинизм, придумать нельзя. Это самое левое и самое радикальное течение. Истекший период времени блестяще это подтвердил. Те ультра-левые, которые обвиняли ленинизм в соглашательстве, в центризме и т. д., скатились уже на сторону самой настоящей контрреволюции. Те идеологи правых, которые совсем еще недавно рьяно отстаивали свои позиции внутри нашей партии, должны сейчас признать, что действительно самым подходящим, так сказать, самым верным явился только тот курс, который мы проводили, по которому вел нашу партию ее ЦК. Теперь правые оппортунисты только кое-где, бочком пробуют пошуровать среди наших партийных рядов и наиболее отсталых слоев рабочего класса, пытаюсь подорвать доверие к генеральной линии нашей партии. Вслух ни один не осмеливается высказать осуждение темпов нашей грандиозной социалистической стройки.

Наши дальнейшие задачи вытекают из тех завоеваний, какие мы на сегодняшний день имеем. Это прежде всего всемерное, стремительное, поставленное на высокие темпы развитие нашей металлургии как черной, так и цветной. Работа наших машиностроительных гигантов, которые мы включили и включаем сейчас в нашу социалистическую стройку в ближайшие годы, потребует прежде всего огромного количества металла. Если сейчас мы производим в год 5500 млн. пуд. чугуна, то завтра это производство окажется для нашей страны совершенно нищенской цифрой.

Сейчас нет уже ни одного работающего сколько-нибудь форсированным темпом завода, который не переживал бы нужды в черном или цветном металле, в зависимости от рода производства. В ближайшие годы потребность в металле станет во всей своей остроте. Сейчас это кардинальная, основная и решающая проблема. Она черным по белому записана в решениях XVI съезда нашей партии. Львиную долю капитальных затрат живой и мертвой силы в ближайшие годы мы должны направлять именно в эту отрасль промышленности. Все вы знаете, каким мы темпом идем из года в год вперед. Прирост продукции на 32—40% стал обычным явлением. Это при-

рост, который не снился никакому Форду. Но если взять абсолютное количество всякого добываемого продукта, в том числе и металла, то нужно сказать, что мы находимся в недостойном для диктатуры рабочего класса положении. Это, повторяю, решающий вопрос. Вот почему в решениях последнего съезда не просто записана необходимость развертывания добычи металла черного и цветного, но там особым пунктом указано на необходимость разворачивания Уральско-Кузнецкой угольно-металлургической базы. Съезд поступил правильно, что это конкретное постановление записал в свои решения. Мы подошли к положению, когда старые районы как по металлу, так и по углю становятся недостаточными. Нам тесно в старых металлургических угольных районах, нам нужно форсированным социалистическим темпом разворачивать новые районы, а этими многообещающими новыми районами в отношении угля и металла являются Урал и наша огромная Сибирь. Те металлургические и угольные богатства, которые эти районы в себе таят, нам нужно поднять и освоить на протяжении ближайшего времени.

Само собой понятно, что нужно неустанно развивать все виды машиностроения, чем мы занимались и до сих пор. Но особую проблему на ближайшее время представляет из себя тракторостроение и сельхозмашиностроение вообще. Взяв на себя задачу социалистической перелицовки сельского хозяйства, мы должны сказать, что эту задачу мы будем разрешать успешно по мере того, как будем привлекать к ее разрешению технику трактор- и сельхозмашиностроения.

Мы сейчас, товарищи, достаточно укрепившись на позициях тяжелой индустрии, получаем возможность более быстрым порядком развернуть и легкую индустрию. Общеизвестно, какое огромное значение приобретает для нас продукция легкой промышленности. Нам нужно навалиться на это место основательно. Нужно более форсированно, чем до настоящего времени, поставить вопрос об увеличении экспорта нашей продукции за границу, в капиталистические страны. Когда говоришь об экспорте, то у многих по ассоциации сейчас же мысль набегает о масле, мясе, беконе и т. д. Не об этом идет, однако, речь. Все мы должны знать, что и масло, и яйца, и прочие

всякие съедобные вещи далеко не доминируют в нашем экспорте. Это весьма ограниченная статья в нашем экспорте. Когда мы говорим об экспорте, мы имеем в виду лес, имеем в виду нефть. Они — основные статьи вывоза, и если к ним еще прибавить такую отрасль экспорта, как пушнина, то это и будут три кита, на которых дело экспорта держится. Но так было до сих пор. Сейчас мы с вами поднимаем новые отрасли промышленности, которые, с одной стороны, нас освобождают от импорта, а с другой стороны, являются основанием для образования новых экспортных статей. Об этом, товарищи, и идет речь.

Огромное значение для дальнейшего социалистического развития приобретает транспорт — железнодорожный, водный и гужевой. В ближайшее время мы это почувствуем так, как никогда еще не чувствовали за все время существования нашей социалистической страны.

Если верно, что без транспорта, вообще говоря, невозможно настоящее развитие никакого народного хозяйства, то в отношении социалистического хозяйства это тем более верно. Мы, конечно, с малого возраста знаем, какую пользу приносят железные дороги. Это бесспорное дело. Мы также знаем значение рек и морей в жизни человека. Это во всякой и даже в советской хрестоматии аккуратно записано. Каждому известно также, какое значение имеет порядочная гужевая дорога.

Все эти три формы нашего транспорта (а водный транспорт — это отрасль, находящаяся у нас в абсолютном загоне), все эти отрасли на ближайший отрезок времени потребуют огромного внимания от нашей партии. Мы уже сейчас самым настоящим образом из-за отставания транспорта задыхаемся.

В прошлом году в хлебозаготовительную кампанию мы заготовили примерно 900 млн. пуд. хлеба, а в этом году мы по плану должны заготовить еще большее количество. Вы можете себе представить, что значит перевозка такого громадного количества хлеба, да притом в кратчайший срок, — мы берем курс на то, чтобы если не к новому хозяйственному году, то во всяком случае к календарному году с хлебозаготовками покончить.

Если вы посмотрите на все остальные отрасли, где, как я вам говорил, мы пятилетку выполняем даже не в 4, а в 3 года, если вы вспомните, какое огромное количество металла понадобится нашим гигантам на ближайшие годы, то вы еще отчетливее поймете, что это действительно потребует расширения и усиления транспорта. Вот почему нам надо особенно крепко зарубить это всем, и железнодорожный, водный и, в частности, гужевой транспорт поставить как можно скорее на должную высоту.

Нужно ли вам, товарищи, говорить о том, что надо с гораздо большим рвением, чем до XVI съезда, выполнять промфинплан, программу снижения себестоимости, бороться с потерями, поднимать производительность, дисциплину труда и пр. и пр.

Все это как будто бы прозаические вещи, но на общем фоне гигантской социалистической стройки они приобретают то поэтическое значение, которое должно воодушевить самых почтенных из нашей плеяды пролетарских поэтов и писателей. Из этих повседневных, как будто бы всем понятных лозунгов, если осуществить их, и складываются те огромные масштабы нашей социалистической стройки, о которой я вам говорил.

Только на основе этой работы мы сумеем выполнять дальнейшее наше обязательство в отношении рабочего класса в смысле повышения его реальной заработной платы. И само собой понятно, что эта работа потребует от нас громадного внимания к делу воспитания, возвращения и выдвижения новых кадров по всем линиям нашей социалистической стройки.

ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Другой сектор нашего строительства — сельское хозяйство. В последнее время, после очень упорной и настойчивой борьбы с правыми оппортунистами, опираясь на громадные завоевания социалистической промышленности, укрепление авторитета совхозов и колхозов, укрепление сельскохозяйственной кооперации, мы взялись вплотную за осуществление решений XV съезда по

массовому объединению бедняцко-середняцких хозяйств в колхозы.

Можно сказать, что эти решения мы выполнили достаточно успешно. Программу, которую мы поставили перед собою в деле колхозного строительства, мы выполняем, как и промышленную программу, гораздо быстрее, чем намечали.

В истекающем сельскохозяйственном году в отношении прежде всего количественном, мы добились уже такого успеха, который впервые позволяет нам сказать, что по валовой зерновой продукции мы превосходим довоенный уровень. Но если валовую продукцию мы превосходим и она достигает сейчас 110% довоенного уровня, то зерновая — товарная продукция держится пока еще на уровне 73% довоенного выхода товарного зерна. Таким образом, здесь качественная сторона дела у нас хромает. Мы с полным правом могли на XVI съезде записать, что в основном эту больную, в то же время большую для нашей социалистической практики зерновую проблему мы разрешили. Сейчас мы можем спокойно сказать, что из затруднений в этой области мы с вами вышли, и вышли прежде всего потому, что внимательно и правильно осуществляли решения XV съезда нашей партии в деле строительства колхозов и совхозов.

Небольшая справка о работе нашего Зернотреста. Посевная площадь Зернотреста в 1928/29 г. составляла 150 тыс. га, в 1929/30 г. — 1001 тыс. га, в 1932/33 г. она должна достигнуть уже 14 млн. га.

Эта небольшая справка говорит о том, что к концу пятилетки зерновые посевы одного только Зернотреста примерно будут равны посевной площади под зерновыми культурами в Аргентине.

Как идет дело с валовой продукцией в колхозах? В 1927/28 г. было 9½ млн. ц, в 1929/30 г. — 28,2 млн. ц, в 1930/31 г. должно быть 71,7 млн. ц, из них 61 млн. ц товарного хлеба.

Колхозы наши начинали буквально с пустяков. В 1927 г. площадь под колхозами составляла 0,8 млн. га, в 1929 г. — 4,3 млн., в 1930 г. уже 36 млн. га находятся у нас в ведении колхозов. Таким образом, за 3 года площадь земель, находящихся в колхозах, увеличилась

у нас больше чем в 40 раз. Нужно ли вам говорить, что и дальше мы не намерены ослаблять эти темпы, а, наоборот, вести дело переустройства нашей деревни, подкрепляемой поднимающейся и развертывающейся индустрией, также достаточно внушительными и серьезными темпами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ. ПРОБЛЕМА ЖИВОТНОВОДСТВА

Если мы перейдем к нашим техническим культурам, то здесь увидим, что довоенный уровень оставили позади себя уже достаточно давно. Я вам приведу опять только небольшую справку. По хлопку мы уже имеем в 1930 г. — 217%, по льну — 125, по сахарной свекле — 169, по масличным — 260% посевных площадей по сравнению с довоенным состоянием.

Но вот иначе дело обстоит с животноводством. Все вы знаете, это большая, самая тяжелая, самая острая проблема на ближайший промежуток времени. Что представляет из себя наше животноводство по сравнению с довоенным временем? Крупный рогатый скот по сравнению с довоенным временем сейчас составляет 89,1%, лошади — 88,6, свиньи — 60%. Вот здесь лежит корень всего того положения в области снабжения мясом, которое мы с вами переживаем особенно остро за последнее время.

Надо вам сказать, что перейти к разрешению этого больного вопроса, прежде чем была разрешена зерновая проблема, мы, к великому сожалению, не могли. Тут нужна была совершенно определенная хозяйственная хронология, из которой никак не выскочишь. И лишь после того, когда мы разрешили в основном зерновую проблему, мы сейчас ставим на рельсы ускоренного практического разрешения и проблему животноводства.

Об этом нужно популярно и понятно для каждого рабочего и крестьянина рассказать. Всю нашу программу разворачивания животноводства на ближайшие годы надо сделать доступной каждому крестьянину, как мы уже на хорошем заводе делаем доступным каждому рабочему наш план, производственные задания данного завода.

Это надо сделать в отношении животноводства. Необходимо по всем линиям, по всем звеньям, пользуясь

возможностями, в первую очередь наших совхозов и наших колхозов, этих социалистических оазисов нашего сельского хозяйства, решительно нажать на проблему животноводства.

В связи с этим неразрывно встает несколько проблем — тут и молоко, тут и мясо, тут и масло, тут и кожа, и шерсть, и пр. и пр., что так сказать, по всем линиям ограничивает сейчас не только снабжение населения, но и возможность роста нашей промышленности.

Целая программа работ на этот счет составлена. Мы должны будем (что в основном и XVI съездом намечено) совершенно точно определить сельскохозяйственную географию наших районов — дать каждому району совершенно точное определенное производственное задание и потребовать выполнения промфинпланов в сельском хозяйстве так же, как требовали в отношении промышленности.

Особенно подгоняет вопрос о скорейшем разрешении животноводческой проблемы продовольственное положение наших рабочих. Говорить я об этом много не буду, ибо все вы прекрасно понимаете, какое состояние мы в этом отношении переживаем. Мы должны в ближайшие же годы разрешить проблему животноводства. Отсюда, товарищи, мы на съезде условились — и так мы и до съезда дискуссировали эту проблему, — что если мы хотим скорее и решительнее ее разрешить, — я говорю не о животноводческой проблеме в целом, а только о продовольственной ее части, — то нам все наши надежды и возжеления нужно обратить на тот вид животного, который нужно даже переименовать из ругательного, как это было до сих пор, в самое почтенное животное — я имею в виду свинью.

В одном из докладов я ссылался на то, что, как это ни странно, мы к этому животному подошли не сами, а через иностранную помощь: научил нас этому делу высококвалифицированный в отношении сельского хозяйства германский специалист, который, объехав всю нашу страну, в беседе с нашими ответственными работниками развел руками и сказал: «Я удивляюсь, что для вас продовольственная проблема является еще вопросом. Никакого вопроса она собой не представляет, если только вы свое вни-

мание обратите на свинью — этим вы разрешите весь вопрос, вы получите и мясо, и сало, и жиры, а главное получите все это в кратчайший животно-исторический срок». Если корова позволит разрешить эту проблему — и то корова высококультурная, европейская, а не наша — в 3 года (а наша в 5 лет), то свинья разрешает это гораздо раньше. Имея сегодня пару свиней, через 10 лет вы получите не более, не менее как миллион штук. Это смешно, но когда подсчитать, то окажется, что этого можно добиться гораздо раньше. Доказано, что свинья, которую вы кормите в течение 14 месяцев, дает мяса в 4 раза больше, чем вол, т. е. ее вес составляет не более, не менее как 54 пуда, если подойти к ней по-настоящему, не со смехом, а с полным коммунистическим, государственным вниманием. Я на III Областной конференции говорил, что мы этому животному должны с сегодняшнего дня посвятить свое партийное внимание, об этом сказал и XVI съезд. Если мы хотим это дело решить всерьез, а решить его можно, нужно использовать для этого все возможности. Если эту невзыскательную скотину поставить в сколько-нибудь подходящие советские условия, то в отношении всех возможностей ее размножения, о которых я вам говорил, дело пойдет гораздо дальше, чем это кажется возможным на первый взгляд.

Почему я так долго остановился на этом вопросе? Потому что, когда мы завтра или послезавтра пойдем на широкие беспартийные собрания с нашими отчетами и докладами, то нас рабочие будут допрашивать очень внимательно. Я должен сказать, что на сегодняшний день, на завтрашний день существенного улучшения продовольственного положения рабочих не будет, для этого нет реальных объективных данных. Но, товарищи, это не значит, что нужно сидеть сложа руки, это говорит об обратном, о том, что нужно нажимать на это дело, как только можно. С точки зрения скорейшего, более или менее сносного разрешения продовольственной проблемы, вопрос о свиноводстве приобретает исключительное значение.

Цифры, характеризующие состояние нашего животноводства, которые я привел, не только требуют того, чтобы за довоенный уровень перешагнуть, а они говорят

и о том, что надо очень осторожно относиться к уничтожению имеющегося у нас скота.

Если завтра из имеющихся у нас теперь 89% крупного рогатого скота начать подходящую долю отправлять в желудок, то мы не только не восстановим довоенного уровня, но, наоборот, будет увеличиваться тот урон, который в полосу наших неполадок с колхозным строительством имел место в деревне. Крестьянин, поняв величайшую опасность убоя скота, стал всячески скотину придерживать, сбывая только то, что, вообще говоря, никаких надежд не подает, что действительно нужно поскорее сбросить со своих хозяйственных счетов.

Все это вместе взятое ставит в области сельского хозяйства на первый план проблему животноводства. Решив зерновую проблему, мы имеем возможность сейчас подойти к созданию кормовой базы и к разрешению животноводческой проблемы. Не подлежит никакому сомнению, что если мы решили зерновую проблему (а, объективно говоря, ее решать труднее, чем какую-либо другую проблему сельского хозяйства), то можно быть уверенным, что мы и задачу поднятия животноводства решим.

За этой большой проблемой животноводства ни на минуту нельзя упускать из поля зрения задачу усиления, укрепления наших колхозов и совхозов. Сейчас надо более отчетливо подходить к организации нашей опоры в деревне не только по линии бедноты, на которую мы особенно надежно до сих пор опирались, но надо с полной организационной подготовленностью встречать и использовать новую опору, идущую к нам из деревни, — я говорю о крестьянине-колхознике.

Все наши завоевания достигнуты, конечно, не самоотечком. Проценты в промышленности растут не сами по себе; в сельском хозяйстве мы разрешили зерновую проблему не так, чтобы и сами этого не заметили. Ничего подобного; все это протекало в обстановке жесточайшей классовой борьбы внутри нашей страны. Поперек дороги выступал кулак, ему помогали в этом деле нэпман, вредитель на фабрике и заводе, молился против Советской власти и диктатуры рабочего класса поп. Все, что непролетарского, нетрудового в нашей стране, мобилизовалось для того, чтобы тормозить нашу стройку, над которой, то-

варищи, мы не мало поработали, прежде чем добиться огромных успехов, вопреки умонастроению, стремлениям и деятельности носителей главной правооппортунистической опасности в нашей партии — идеологов правого оппортунизма.

Дело прошлое, а надо сказать, что они тормозили нашу работу основательно, в этом им надо отдать справедливость. Времени на борьбу с ними мы потратили достаточное количество. Успехи в колхозном строительстве завоеваны также благодаря тому, что партия под руководством ЦК своевременно и решительно одернула «левых» загибщиков. И, тем не менее, все эти наши успехи, товарищи, налицо, невзирая на огромное сопротивление наших классовых врагов. Почему мы этого добились? Потому, что мы не только создали широкие программы строительства, от начала до конца продуманные, но мы ни на одну минуту не забывали и об организационной перестройке наших рядов.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ НАШЕЙ РАБОТЫ

За отчетный промежуток времени мы перестроили ряды нашей парторганизации, как вы знаете, сверху до низу, лишний раз проверили их, чтобы сделать наиболее гибкими, наиболее восприимчивыми ко всему новому, наиболее способными к возможно более широкому и живому охвату огромной волны инициативы, самостоятельности, энтузиазма и самопожертвования рабочего класса. На основе самокритики мы сумели не только количественно расширить наши партийные ряды, но укрепить их всемерно и качественно. Надо, товарищи, без преувеличения сказать, что, пожалуй, никогда наша партия, численность которой сейчас доходит до 2 млн. чел., не была настолько единой, настолько крепко спаянной и монолитной, как сейчас. Этого мы тоже добились не случайно, а прежде всего благодаря широкой критике и самокритике. Мы все основные и решающие формулы нашей партработы довели до сознания партийцев, довели до сознания рабочих, на основе развертывания широкой самокритики сумели привлечь каждого рабочего, каждого члена партии к тому, чтобы он не механически воспринимал

большие партийные задания, но осуществлял их с полным сознанием. Не меньшая работа проделана нашей партией и в деле перестройки нашей советской системы. Возьмите хотя бы одну область — чистка советского аппарата, повседневная борьба по линии РКК со всякими чуждыми, заплесневелыми, бюрократическими элементами во всей сложной советской системе. Это превратило наш аппарат в более твердый и надежный проводник диктатуры пролетариата.

Мы стоим сейчас накануне одной реформы, о которой нужно в этой связи сказать, — эта реформа заключается в том, что нам в кратчайший срок нужно советские органы повернуть как можно ближе, как можно непосредственнее к новым задачам нашей работы в деревне — к району и селу, чтобы мы могли основательнее и крепче решать все вопросы подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Основное, что мы сейчас имеем в деревне, — это колхозы и совхозы. Непосредственно руководить ими недоступно ни Совету Народных Комиссаров, ни ЦИКу, ни Областному исполкому, ни даже Окружному исполкому. Местной сельской власти прежде всего надлежит ведать совхозами и колхозами. Мы думаем сейчас таким образом повернуть наш советский аппарат в деревне, чтобы решающее, основное звено было как можно ближе к селу, к колхозу и совхозу. Этим звеном является районный аппарат Советской власти. Между районным аппаратом и областным центром имеются окружные исполкомы. Съезд единодушно пришел к такому решению, что эти окружные исполкомы свою роль, в прошлой работе бесспорно крупную, уже выполнили. Теперь, в интересах лучшей постановки нашей работы в деревне, надо поставить дело так, чтобы областная власть непосредственно сносилась с районной властью, а задача районной власти — именно непосредственно, конкретно, практически работать прежде всего в колхозах и совхозах, не забывая, разумеется, и работы с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, которые нужно готовить ко вступлению в колхозы. Сейчас в деревне нужны такие работники, как на заводе, фабрике: директор, член дирекции, председатель производственного совещания, секретарь заводского коллектива и т. д.

В колхоз и совхоз нужно дать непосредственных руководителей, которые занимались бы этим делом не за несколько десятков верст, а непосредственно, чтобы они видели, что там и как происходит.

Сейчас мы вошли в такую полосу работы, когда в деревне все принципиальные, так сказать, вопросы для нас ясны. Теперь нужна практика, практическое, конкретное, повседневное дело.

Ликвидация округов очень важная реформа, которую XVI съезд нашей партии принял и которую в течение этого хозяйственного года мы должны осуществить. Мы возлагаем на эту реформу огромные надежды, мы знаем, что первое время с ней будет довольно трудно, довольно кропотливо и хлопотливо. Если вы возьмете, скажем, нашего брата, нам придется сейчас, выражаясь по-старинному, управлять 100 районами. Перед нами будет уже не 8 округов, а будет около 100 районов, им надо будет непосредственно указывать, ими надо будет непосредственно руководить и пр. и пр.

Раньше мы находились в более выгодном положении. Мы пошлем директиву в округ, а уж дело округа обмозговать, насколько она подходит к району; если не подходит, то он должен ее поправить. Теперь эти смягчающие наше положение обстоятельства отпадают; теперь надо каждому району отчетливо сказать, как и что он должен делать.

Как видите, положение получается довольно ответственное, но оно зато сильно встряхнет всю нашу партийно-советскую систему в деле продвижения социалистической стройки в деревне и ускорит темпы развития сельского хозяйства. Тут уже не только надо будет думать о том, чтобы лен раньше посеять, а надо будет непосредственно всем этим руководить. Но для того, чтобы руководить, надо знать. Если ты, скажем, ячмень от пшеницы отличить не сможешь, то трудно тебе будет сидеть в Областном исполкоме или в Областном партийном комитете. Не выйдет тогда. Надо будет это дело знать, надо будет знать, как с той же самой свиньей обращаться, чтобы ей более выгодно жилось на советской земле, надо, чтобы всякая прочая живность развивалась более подходяще. За всем этим надо следить и вовремя указывать.

ПРОФСОЮЗЫ ПОВЕРНУТЬ ЛИЦОМ К ПРОИЗВОДСТВУ

Громадное место на XVI съезде занимал вопрос о профсоюзах. Нет времени и возможности подробно останавливаться на этом, но если мы говорим о Советах — главным образом сельских, что они сейчас встают лицом к деревне, то наши профессиональные союзы должны становиться лицом к производству. К величайшему сожалению, у нас с этим вопросом до самого последнего времени дело обстоит весьма и весьма неблагоприятно. То, что мы пережили при так называемом старом руководстве профдвижением, все еще сильно чувствуется. Ведь одним из больных мест, например Томского, возглавлявшего профдвижение, было как раз то, что он, работая главным образом по линии профсоюзов, долго и много ими руководя, это профдвижение знал по-старому, но вот когда мы взяли курс на индустриализацию, на социалистическую перестройку деревни, когда надо было перевести всю профсоюзную работу на новые рельсы, он споткнулся, пытаясь противопоставить профсоюзы руководству партии. ЦК снял старое руководство и, конечно, иначе поступить не мог. Но этого оказалось недостаточно: старые традиции продолжают сказываться до сих пор. Сейчас задача профсоюзов, после решений, вынесенных на XVI съезде, — по-настоящему переключиться именно лицом к производству, опереться в повседневной работе на передовые слои рабочих, ударников, подтянуть их к практической работе.

Что им мешало в этом раньше? Мешала, например, такая философия, которую проповедовал Томский. Он говорил, что, дескать, в нашей советской системе защита материальных интересов рабочего класса находится в некоем противоречии с развертыванием нашей социалистической стройки. Если хотя бы на одну минуту стать на эту точку зрения, тогда, как ни старайся, лицом к производству ни один профсоюз не повернется. Если действительно есть противоречия между интересами рабочих, — хотя бы и некие, — и развертывающейся социалистической промышленностью, то это значит, что между интересами рабочих и промышленностью происходит столкновение. А раз так, как же рабочий и его профсоюзная ор-

ганизация могут встать лицом к производству? Лицом встанешь, чтобы драться с промышленностью, но никак не помогать ей, содействовать и всячески разворачивать нашу промышленность всех видов и на всех ее ступенях.

Теперешние решения, вынесенные с полным единодушием по инициативе наших профессиональных работников, заключаются именно в том, чтобы переключить работу профсоюзов сверху донизу лицом к производству.

Еще одна маленькая иллюстрация, почему этого до сих пор не было. Огромным звеном в деятельности профсоюзов является культурная работа профорганизаций. Так вот, культурный бюджет в 1928 г. всех профсоюзов нашего Советского Союза исчислялся в 135 млн. руб. Сумма, как видите, порядочная. Из этой суммы, из 135 млн. руб., на так называемое производственное просвещение членов союза профсоюзы расходовали 632 тыс. руб., а вот, скажем, на физкультуру (все мы сторонники физкультуры, это дело хорошее) тратилось 16 млн. руб. (Голоса: «Ого!»). Там — 600 тыс., а здесь — 16 миллионов!

В старину говорили, что в «здоровом теле здоровый дух». Это все, конечно, правильно, это надо делать, но когда дальше этого не идет, когда на одну лишь физкультуру 16 млн., а на производственное просвещение 600 тыс. — это никак не выходит. Это значит — спиной к производству и лицом к физкультуре. Так получалось. Между тем нам надо, чтобы и сама физкультура способствовала росту нашего социалистического хозяйства, повышению производительности труда. Дальше, например, — кино, спектакли, концерты. Конечно, всякий за кино, за спектакль, не грех побывать и на хорошем концерте, это правильно. На все это тратилось в 1928 г. 42 млн. руб., а на ликвидацию неграмотности 1½ млн. руб. Видите, как выходило! Если у нас есть неграмотные в профсоюзах, в том числе среди наших квалифицированных профессий, — это никуда не годится. Если мы говорим о том, что переживаем полосу развернутого наступления на всем фронте социалистической стройки и пр. и пр., а я, имя рек, член профсоюза с таким-то стажем,

оказывается, расписаться не умею, что участвую в развернутом социалистическом наступлении, это же ни в какие ворота не лезет.

Вот что следовало, товарищи, в работе прошлого руководства изжить.

Сейчас обслуживание членов профсоюзов должно быть самым серьезным образом увязано не только, так сказать, с правами каждого из нас, находящегося в профсоюзе, но и с обязанностями нашими в отношении социалистической стройки. Надо сказать так, что если мы действительно профсоюз и действительно по-настоящему объединены, так мы должны представлять подлинную, настоящую армию, которая творит, активно действует, организует, ломает всякие препятствия на пути социалистической стройки. Этого надо добиться. Есть ли это до настоящего времени или нет? Я приведу один пример из нашей здешней ленинградской практики. Возьмем работу нашего Ленинградского порта, о котором сейчас каждый день пишут в газетах. Там десятки тысяч народа работают, а если строго так посмотреть, как это лицом к производству эти самые члены профсоюза стоят, то увидим, что не только лицом, но и в полуоборот к производству не находятся. Значительная их часть приезжает, регистрируется, записывается, а потом, как через проходной двор, проходят, рассеиваются, — где, кто, куда, никого не поймашь, не разыщешь. Это называется лицом к производству! Тут надо сделать поворот по-настоящему, и этот поворот может быть прежде всего только в том случае, когда звание члена профсоюза в нашем рабочем государстве будет действительно наполнено соответствующим содержанием. Так надо дело поставить. У нас этого, к сожалению, в настоящее время еще нет. Насчет «прав», это, конечно, каждый из нас понимает, — где, что и как подписать и прочее, а вот с обязанностями выходит несколько иначе. Так что, когда мы говорим о перестройке профсоюзов, надо иметь в виду необходимость изжить остатки старой, гнилой, оппортунистической закваски в наших профсоюзах, оставленной старым оппортунистическим руководством во главе с т. Томским.

Нужно ли говорить о той исключительной роли, которую приобретает наша рабочая кооперация. Перестройка

ее работы также назрела и стучится в двери любой рабочей организации. Мы записываем в каждой резолюции, что надо освободить нашу кооперацию от торгашеских и барышнических устремлений, но никак это разрешить еще не смогли, никак отделаться от этого до сих пор не можем. Кооперация иной раз в погоне за «доходным» товаром забывает, что ее главная задача — лучшая организация рабочего снабжения.

Кооперация должна сделать стержнем всей ее работы систематическую борьбу за повышение реальной заработной платы рабочих. А между тем именно теперь кооперация все более и более приобретает значение непосредственного передатчика продуктов от производителя к потребителю. Торгашеские и барышнические тенденции приносят опрометный вред нашей кооперации.

Само собою понятно, что когда мы находимся с вами на таком большом переломе, то и вопросы культурного строительства звучат гораздо более призывно, чем это было, скажем, на XV или XIV съездах партии. Нечего говорить уже о кадрах. Если мы действительно ведем развернутое социалистическое наступление по всему фронту, то это предполагает широчайшее вовлечение в социалистическую работу трудящихся города и деревни. Скажем просто и элементарно: как можно вовлечь человека в активный развернутый фронт происходящей социалистической стройки, если в культурном отношении этот «имя рек» представляет еще «целину». Ясное дело, что тут будет много конфуза: очевидно, что это дело нам нужно подтянуть в самое ближайшее время.

XVI съезд вынес решение о всеобщем обязательном обучении. Конечно, весь перечень мероприятий так называемой культурной революции мы в своих резолюциях осветить не могли — внимание остановлено на основном, главном, решающем, а остальное вытекает само собой. Но во всяком случае, если говорить о необходимости начать по всему фронту осуществление задач культурной революции в нашей стране, то нужно это делать теперь.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ВОПРОСЫ

Теперь я перехожу к тому, как вела наша партия борьбу за генеральную линию, за большевистское единство наших рядов до XVI съезда и о том, какие решения приняты XVI съездом об оппортунистических уклонах и уклонистах.

Когда мы постфактум подводим итог нашим достижениям, то теперь кажется, что так это и должно быть — «кто же мог в этом сомневаться», «ну и хорошо, что так вышло». Товарищи, это дело прошлое, но теперь можно сказать, что сомневались очень многие и тормозили нашу работу очень настойчиво. Правый уклон, главная опасность в настоящее время, имел весьма значительное распространение. Одни формулировали идеи правого оппортунизма до конца, смело об этом говорили, спорили, дрались с партией, а другие жили с правоуклонистскими взглядами в практике их работы, хотя об этом и не говорили вслух. Таких людей было порядочно во всех звеньях нашей работы и во всех организациях, именно отсюда у нас в один из периодов и явилось новое, так сказать, выражение: правый уклон на практике. Эти люди на словах вели борьбу против правого уклона, они всегда, видите ли, были за генеральную линию, добросовестно голосовали за генеральную линию партии, приветствовали наши резолюции и т. д., а на практике получалось иначе. Почему? Потому что по-настоящему они были правыми уклонистами, которые избрали такой путь — на практике я буду, мол, помаленьку по-правому действовать, а на народе пусть будет как подобает — за генеральную линию партии. И был, товарищи, порядочный слой в нашей партии, который действовал таким образом.

Если взять, например, так называемых «левых», то те определенно говорили, что без государственной помощи западноевропейского пролетариата вы никакого социализма не постройте. Правые вместе с нами утверждали, что это клевета на партию, на ленинизм, на Маркса, на кого хотите, что социализм в нашей стране можно построить. Вы все помните, как тт. Бухарин, Рыков, Томский помогали нам громить троцкистов. А вот, когда мы начали на практике социализм строить и чем дальше, тем

в масштабе все более крупном, тут и пошли всякие оговорки: «Конечно, можно, но, во-первых, не спеша и без особых, так сказать, препятствий, и, во-вторых, тяжелой промышленности не отдавать предпочтения перед легкой, чтобы и металл был и чтобы и ситцу хватало. Если, скажем, нужно электрификацию развернуть, — почему не развернуть, но надо делать так, чтобы и масло рядом было, чтобы особенно не обделять себя. Одним словом, — не торопиться; если нацелили на 5 лет, посмотрим первые два года, что из этого выйдет, а потом наметим дальше. Если пойдет — ладно. Если встанет, к примеру, вопрос о том, что кулака надо поприжать, — зачем это делать, мы все равно социализм построим и рано или поздно кулак сам по себе исчезнет, нечего особенно около него хлопотать, сам сгинет. Если надо хлебозаготовки проводить, если нужно, чтобы кулак излишки дал, — зачем его прижимать, когда можно цену прибавить и он сам отдаст; что жалеть советские червонцы, зачем обострять классовую борьбу и т. д.». Одним словом — правые за социализм, но без особых хлопот, без борьбы, без трудностей. Если не особо искушенному в революционной борьбе человеку сказать, что можно было бы построить социализм без классовой борьбы, всякий дурак за это голоснет: зачем драться, огород городить, когда и так выйдет. Но мы, воспитанные Лениным, знаем, что по-бухарински никакого социализма не выйдет. Недаром Ленин поставил еще в начале нэпа перед партией вопрос ребром: «кто кого» — или мы в борьбе победим капиталистов и построим социализм, или они раздавят диктатуру пролетариата. И эту простую вещь правые оппортунисты понять не могли. А дело социализма трудно строить не только и не столько потому, что надо нажимать на темпы, выдерживать их и т. д. (а мы намеченные темпы в работе превосходим), но трудно потому, что на каждом шагу и не видишь и не подозреваешь, что тормозит и осложняет нашу работу. Это — основная трудность. Дело нашей социалистической стройки явилось лучшим судьей в наших спорах с правыми оппортунистами.

Когда мы пришли на XVI партсъезд, то правым не пришлось встать в позу обвинителей и говорить: если на том-то месте партия повернула бы так, то было бы

лучше; если бы на этом месте сделали так-то, то вышло бы скорее и т. д. В свое время они говорили нам именно так на пленумах ЦК. На съезде они того уже сказать не могли, наоборот, они признали, что партия права и они, правые оппортунисты, ошибались в одном месте, в другом месте и т. д. Союз с середняком крепнет, колхозы и совхозы растут, из посевной кампании вышли, на фабриках и заводах дело кипит; конечно, в такой обстановке язык не повернется сказать, что правые были правы в борьбе против партии. Практика разбила правых оппортунистов с их капитулянтской платформой вдребезги и, тем не менее, по всей справедливости надо сказать, что все-таки правые, — по крайней мере, их бывшие руководители, — всего, что необходимо для партии, на съезде не сказали. Съезд поступил правильно, когда поставил вопрос таким образом: ошибся, признай ошибки и соответствующим образом, по-большевистски; дай партии коммунистическое обещание бороться как только можешь и чем можешь в дальнейшем с идеологией и носителями правого уклона; скажи ясно, что дорога, которую ты предлагал партии, неминуемо ведет к восстановлению капитализма. Полной договоренности здесь у нас не получилось, мы решили посмотреть, как покажут они себя на деле в ближайшую полосу работы. Мы дали им возможность доказать их готовность вести активную большевистскую борьбу за генеральную линию партии против правого оппортунизма. Но для того чтобы партии застраховать себя от всяких оппортунистических помех и т. д., мы в решениях съезда записали одно место, которое, я надеюсь, вы прочли и которое гласит, что не только пропаганда, но и всякие право-оппортунистические взгляды мы считаем несовместимыми с пребыванием в нашей партии. И не потому, что XVI съезд партии отличается особым жестокосердием, а только потому, что весь ход социалистической стройки показал гибельность правого оппортунизма для строительства социализма. В своем логическом завершении борьба правых оппортунистов против партии ведет к самой настоящей подлинной контрреволюции. Тут правые целиком повторяют путь, пройденный троцкистами.

В итоге наша партия вышла со съезда гораздо более объединенной, более сплоченной и, я бы сказал, более

могущественной, чем была до XVI съезда. За этот короткий, меньше чем трехнедельный, срок не могло произойти ничего чудесного, сверхъестественного, что внезапно усилило и укрепило бы нашу партию. Но за этот промежуток времени партия сумела посмотреть на весь пройденный путь совершенно открыто, проверила в суровой большевистской самокритике свою политику и оказалось, что наша партия с невиданным единодушием ведет великую социалистическую стройку.

БОРЬБА МЕЖДУ РАСТУЩИМ СОЦИАЛИЗМОМ И ГИБНУЩИМ КАПИТАЛИЗМОМ

Наша партия сумела еще раз проверить правоту своей генеральной линии не только на социалистической стройке внутри нашей страны, но и путем сравнения с тем, что происходит в окружающих нас капиталистических странах.

Мы еще, товарищи, до XVI съезда ни одной минуты не сомневались в том, что в нашей стране имеются все объективные данные для того, чтобы строить и построить социалистическое общество. Но в данный момент мы уже сможем сопоставить нашу работу с тем, что происходит в странах капитализма.

Когда мы с вами переживали так называемый восстановительный период, нам трудно было полным голосом сказать, что практика нашей работы говорит о преимуществах нашей системы, но как мы с того времени перешли к реконструктивному периоду, мы подошли к такой полосе работы, когда остатки капитализма в промышленности ютятся у нас уже только в узких переулочках, когда мы в огромном секторе нашего народного хозяйства — в сельском хозяйстве — приобрели уже огромную, незыблемую опору и теперь уже полным голосом мы можем сравнить нашу систему с капиталистической системой не просто в порядке теоретической дискуссии, а в порядке конкретных цифровых показателей. Немного, товарищи, нужно их для того, чтобы в общих чертах наметить направление той или другой системы, — с одной стороны, капиталистической и, с другой — социалистической.

Несколько лет тому назад, провозглашая нэп, Ленин задал вопрос: «кто кого» внутри нашей страны — буржуазия опрокинет нас или мы опрокинем нашу отечественную буржуазию. Этот вопрос «кто кого» все больше и больше ставится перед пролетариями всех стран уже во всемирном масштабе — наша ли социалистическая система, крепнущая и растущая из года в год, или старая, дряхлеющая капиталистическая система. Чья возьмет — кто кого? И вот теперь, я говорю, помимо теоретического состязания мы можем продемонстрировать уже кое-что практическое.

Вы знаете, что в жизни каждой хозяйственной системы имеет огромное значение состояние, скажем, горной промышленности. Так вот если горную промышленность 1928 г. взять за 100, то она сейчас составляет у нас 150 %; в САСШ в 1928 г. — 100 %, сейчас — 93 %; в Англии в 1928 г. — 100 %, сейчас — 107 %; в Германии в 1928 г. — 100 %, сейчас — 93 %; в Польше в 1928 г. — 100 %, сейчас — 89 %.

Это цифры, показывающие состояние одной из решающих отраслей — горного дела; туда входят металл, уголь и пр., вообще все, что добывается руками горнорабочих, что имеется в этой области у них и у нас. За короткий промежуток времени мы превзошли уровень 1928 г. в $1\frac{1}{2}$ раза, а у них, в лучшем случае, мы замечаем топтание на одном месте.

Дальше о безработице. Мы сейчас с вами занимаемся вопросом о том, как найти рабочую силу, не только квалифицированную, но даже чернорабочую силу для наших фабрик и заводов. Я не скрою, что когда мы в первый раз обсуждали наш пятилетний план, авторы пятилетнего плана боялись даже заикнуться о том, что мы к концу пятилетки ликвидируем безработицу. Наоборот, говорили они, ликвидировать безработицу к концу пятилетки — безнадежное дело, потому что будет избыточное крестьянское население, потому что каждый год производительные силы развиваются у большевиков так, что прибывает $3\frac{1}{2}$ млн. чел. населения. Все это поглотить не удастся. К концу пятилетия самые смелые из нас не решались сказать, что мы безработицу изживем. Трех лет не прошло, и вопрос о безработице привял у нас обрат-

ную форму. Мы ищем рабочего. И когда говорим о кадрах, мы в этот вопрос включаем и необходимость подготовки и организации новой рабочей силы для наших фабрик и заводов.

А что у них, по ту сторону нашего социалистического рубежа? В Соединенных Штатах 6 млн. безработных, в Германии — 5 млн. безработных, в Англии — 2 млн., в Италии — 1 млн., в Японии — 1 млн., в Южной Америке — 1 млн., в Польше, Австрии, Чехословакии — по 1/2 млн. и т. д. Нет ни одной страны, в двери которой не стучала бы своей костлявой рукой безработица.

Возьмем другой сектор нашей работы — сельское хозяйство. Уже на этом месте мы, конечно, отстаем, наши крестьяне неграмотны, до сих пор еще местами на пень молятся; одним словом, нас изображают, знаете, каким образом. А что происходит в нашем сельском хозяйстве, как мы используем для развития сельского хозяйства новые социалистические формы земледелия?

Я вам рассказывал, на каком уровне находится наше сельское хозяйство. Теперь, в интересах справедливости, расскажу, как оно развивается в Америке. Так вот, американские статистики подсчитали, что за последнее десятилетие после войны в Америке прибавилось тракторов не больше, не меньше как на миллион штук. Переводя на лошадиную силу, получится на круг 20 млн. лош. сил. А насколько увеличилась в Америке посевная площадь, благодаря такой огромной вещи, как миллион тракторов, брошенных в сельское хозяйство? Посевная площадь в Североамериканских Соединенных Штатах почти не увеличилась за эти десять лет.

О чем это говорит? Почему такая мощная вещь, как трактор, не имеет там эффекта! У нас — теперь это каждый понимает — трактором и посевную площадь расширяем, глубже запашку производим, колхозы создаем, пока скорее молчать заставляем; если привозим трактор, ячейка веселее начинает работать и пр., — одним словом, кроме благ трактор нам ничего не дает. Почему в Америке так: миллион тракторов и ни шагу с места в смысле расширения земельных площадей?

Мало тракторов, влили в сельское хозяйство 45 тыс. комбайнов, этих сложных, сказочных машин сельского

хозяйства. 800 тыс. грузовых автомобилей работают в этом сельском хозяйстве. И тем не менее, увеличения посевной площади в Америке почти не происходит. Почему? По очень простой причине, товарищи.

Было время, когда там и трактор, и плуг, и всякая такая штука производили чудеса. Это было тогда, когда капиталистическая система была молодой, когда крупные хозяйства находили значительные возможности для их развития, когда не нужно было кукурузой топить котлы, когда товары находили широкий сбыт. Теперь эта система загнила, можно влить в сельское хозяйство миллионы тракторов, десятки тысяч комбайнов, можно с грехом пополам поддерживать брэнное существование обреченной на слом капиталистической системы, но думать, что она омолодится и заживет какой-то новой жизнью, уже не приходится. Она себя исторически уже исчерпала.

Одно из доказательств величайшей силы растущего коммунизма состоит в том, что лучшие люди из рядов интеллигенции переходят на его сторону. Крупнейшие ученые Советского Союза, виднейшие военные специалисты Красной Армии подают заявления о вступлении в Коммунистическую партию. Среди них академик Марр, С. С. Каменев и другие.

Производительные силы задыхаются в капиталистической оболочке. Учение Карла Маркса и Ленина подтверждается сейчас самым наглядным и самым непосредственным образом.

Сейчас, товарищи, мы находимся в такой полосе, когда производительные силы могут найти широкий простор для своего дальнейшего роста лишь при условии уничтожения капиталистической формы присвоения, при условии уничтожения капитализма.

На наших глазах развивается практическое соревнование двух систем: с одной стороны — капиталистической и, с другой стороны, нашей социалистической. Не пройдет много лет, когда мы не только приведенными выше выкладками, но и другим, еще более доказательным, еще более неопровержимым и вразумительным образом докажем, что не только теоретически, но уже и практически совершенно ясно героическое превосходство социализма над капитализмом.

Для того чтобы ускорить гибель капитализма, нам нужно крепче нажимать на наши темпы, лучше выполнять наши производственные, хозяйственные и культурные задачи. Чем быстрее мы идем по пути осуществления наших планов социалистической стройки, тем вернее приближаем мы час смерти мирового капитализма.

Под ленинским знаменем, по пути развернутого социалистического наступления по всему фронту — навстречу грядущей мировой пролетарской революции!

*Печатается по тексту книги:
С. Киров. Ленинградские большевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 14—17.*

ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

*Доклад об итогах
Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
24 декабря 1930 г.*

- Товарищи, решения последнего Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) опубликованы в печати и это в значительной степени облегчает мою задачу. Я начну изложение своего доклада с небольшой экскурсии на тему о том, что же за истекшие два года произошло в решающем звене нашей работы, как обстоит дело с выполнением пятилетнего плана.

Прежде всего, в какой степени увеличивается и развивается социалистический сектор народного хозяйства? Это решает дело. Если в 1927/28 хозяйственном году основные фонды нашего народного хозяйства делились примерно пополам: половину занимал социалистический сектор и другую половину частнохозяйственный сектор, то в 1928/29 г. мы уже имели в общем балансе народного хозяйства удельный вес социалистического сектора 57,5 %, в 1929/30 г. — 62 %. Наиболее показательными являются данные в отношении сельского хозяйства, они говорят, что в 1928/29 г. социалистический сектор в валовой продукции сельского хозяйства составлял всего 3,7 %, а в 1929/30 г. его доля уже поднялась до 23,5 %.

Вы знаете, что решающей для дела преобразования сельского хозяйства явилась наша колхозная политика в деревне. Вы помните также, что в конце 1930 хозяйственного года мы добились того, что в основных зерновых, решающих районах коллективизировано 49,3 %, т. е. половина всех крестьянских хозяйств. Мы имеем пло-

щадь земли, занятую колхозами, — 43,4 млн. га. Все эти цифры на первый взгляд как будто бы еще недостаточно точно говорят об успехах выполнения нашего пятилетнего плана — я особенно имею в виду последнюю цифру. Но если вспомнить, что по нашему пятилетнему плану к концу пятилетки колхозы должны были занимать 20 млн. га, а мы уже достигли 43 млн. га, то вам станет ясно, насколько успешно мы выполняем и перевыполняем в этой области наш пятилетний план.

Те достижения, которых мы добились в области сельского хозяйства в деле расширения посевных площадей, повышения урожайности и разрешения в основном зерновой проблемы, являются прямым результатом проводимой нами политики коллективизации и совхозного строительства и осуществляемой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса.

Что касается промышленности, то за истекшие 2 года наша промышленность дала валовой продукции на 30,5 млрд. руб. вместо 29,3 млрд. руб., которые были намечены на два года по пятилетнему плану.

Наша тяжелая индустрия за эти два года дала нам 13 764 млн. руб. валовой продукции вместо 12 476 млн. руб., которые мы наметили по плану.

В деле разворачивания выплавки стали за 2 года было запроектировано 9,9 млн. тонн, а мы добыли 10,2 млн. тонн.

Прокат был запроектирован в 7,6 млн. тонн, мы получили 8,4 млн. тонн.

Электропромышленность — вместо 580 млн. руб. валовой продукции по плану дала за два года 780 млн. рублей.

Сельскохозяйственное машиностроение запроектировано было в 472 млн. руб., фактически выпущено на 515 млн. рублей.

Можно было бы этот список продолжать, но и этих решающих областей достаточно для того, чтобы сказать, что мы пятилетний план за истекшие два года не только выполняем, но, как видим, в ряде решающих областей мы его перевыполняем.

Было бы, однако, ошибкой думать, что эти два года протекли у нас деликом только под знаком успехов, —

так думать было бы неверно; к великому сожалению, в ряде отраслей промышленности мы имеем недовыполнение — и, пожалуй, словом «недовыполнение» будет слишком мягко сказано, — мы имеем те самые «прорывы», о которых мы очень часто говорим на собраниях и о чем ежедневно пишут в газетах.

Угля мы запроектировали добыть за эти два года 87,7 млн. т, фактически добыли — 84,2 млн. т; чугуна было запроектировано добыть 9,1 млн. т, добыли — 9 млн. т; хлопчатобумажных тканей за 2 года мы произвели вместо 100% — 84%. Вот эти три отрасли промышленности, особенно первые две из них, которые являются фундаментом не только всей индустрии, но и всего нашего народного хозяйства, имеют недовыполнение и недовыполнение достаточно большое.

Нельзя также, товарищи, не указать и на общую валовую продукцию второго года пятилетки, которая была запроектирована в контрольных цифрах на этот год с приростом против предыдущего на 32%, фактически этот год мы кончили с приростом в 25%. Правда, этот прирост выше того, который на этот же год мы намечали по пятилетнему плану, но все же факт остается фактом, что контрольных цифр, которые намечали еще более быстрый рост и которые были вполне реальными, мы все же не выполнили.

Точно так же большим прорывом является то обстоятельство, что вместо полагавшегося по плану снижения себестоимости за истекший год на 11% мы добились всего-навсего снижения на 7%, а вы знаете, что при объеме нашей промышленной продукции каждый процент снижения себестоимости в истекшем хозяйственном году в переводе на деньги составляет свыше 100 млн. рублей. Я мог бы вам привести также очень много и очень ярких иллюстраций по вопросу о качестве продукции, выпускаемой нашей промышленностью; об этом я буду говорить несколько позже, а сейчас скажу только одно. Если в ряде отраслей промышленности мы не только выполнили, но и перевыполнили план, если мы считаем абсолютно доказанной возможность выполнения пятилетки не только в 4 года, но по ряду отраслей в 3 года, то надо прямо сказать, что в отношении качества нашей работы во многих

случаях дело обстоит значительно хуже. Особенно печально то, что как раз в нашем городе, который является исключительным по характеру своей промышленности, работа в отношении качества продукции оставляет желать еще очень и очень много лучшего.

Надо иметь в виду, что качественные показатели наравне с количественными являются решающими при оценке выполнения нашего плана. *Под словом «качественные показатели» я понимаю не только качество самой продукции, но и качество всей нашей работы.* Достаточно привести хотя бы один пример. Все вы знаете, с каким напором мы вели работу в сентябре месяце прошлого хозяйственного года. За сентябрь месяц некоторые заводы наверстывали свою программу; таким образом, что не удалось сделать на протяжении предыдущих трех месяцев, они сделали за сентябрь. Они гордо заявляли об этом, рапортовали, говорили, что выполнили план на 100 % и даже перевыполнили, но, когда посмотрели эту работу с финансовой точки зрения, то оказалось, что этот сентябрьский напор дал определенный прорыв в финансовом плане. Наша промышленность перерасходовала много миллионов рублей, и это обстоятельство явилось отчасти причиной того, что мы за последние два-три месяца платим заработную плату с известными перебоями. Конечно, эти перебои в выплате заработной платы объясняются не исключительно этим обстоятельством, но все же это сыграло очень существенную роль. Мы выскочили из нашего финансового плана. И раз пошел разговор об этом, то нужно сказать, что мы и сейчас переживаем на многих предприятиях точно такую же картину. У нас сейчас на всех заводах заканчивается квартальный план, и вы в газетах читаете, вероятно, рапорты о выполнении этого плана. Это очень хорошо, что мы рапортуем друг другу относительно того, что делаем, но было бы еще лучше, если бы эти рапорты бывали немножко подробнее, т. е. говорили не только о том, сколько процентов плана выполнили, но одновременно докладывали, в каком положении находится вопрос о снижении себестоимости продукции, а также параллельно указывали, как выполняется наш финансовый план наряду с производственным планом фабрик и заводов.

Таким образом, говоря о качестве, надо иметь в виду не только качество самой продукции, но и качество всей нашей работы. Я думаю, что, вступая в третий год осуществления нашей пятилетки, надо этот контроль над своей работой развернуть еще более широко и смотреть не только на количественные показатели, но одновременно останавливаться и на показателях качественных, ибо если в прошлом году, скажем, снижение себестоимости выражалось примерно в том, что каждый процент равнялся ста миллионам рублей, то сейчас он выражается уже в 200—250 млн. руб. Вот о каких величинах идет дело.

ГРАНДИОЗНЫЕ ЗАДАЧИ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО ГОДА

Вот то, товарищи, что мы имеем за два года нашей работы в отношении выполнения пятилетнего плана. Это дало нам право в контрольных цифрах на третий год пятилетки поставить перед собою еще более грандиозную задачу, чем ставили до сих пор. Мы считаем, что если за два истекших года мы в общем и целом, как видите, в решающих областях нашей работы даже превзошли первоначальные наметки, которые имели, то это дало нам не только моральное, но и материальное право сверстать третий год пятилетки в еще более повышенных темпах.

Не случайно, товарищи, мы называем третий год пятилетнего плана решающим годом для всей пятилетки. До сих пор, когда мы говорили о том, что этот год должен быть решающим, мы еще не имели возможности придать, так сказать, цифровое выражение этому решающему значению третьего года пятилетки. Сейчас этот вопрос нами проработан на пленуме и обсужден достаточно подробно и внимательно. Теперь мы видим, что если мы осуществим те директивы, — а для их осуществления у нас есть все необходимые предпосылки, которые дал в своих решениях последний пленум ЦК нашей партии, — то получится, что народный доход нашего Союза Советских Социалистических Республик будет выражаться в 1931 г. в 49 млрд. руб. Это в то время, когда по нашему пятилетнему плану народный доход к концу пятилетки

должен был достигнуть 49,7 млрд. руб. Таким образом, в отношении народного дохода в третьем году пятилетки мы уже почти достигли — пустяков нам не хватит — того, что мы намечали во всем нашем пятилетнем плане.

Что такое 49 млрд. руб., — я думаю, вы представляете не хуже, чем я. Надо иметь в виду, что в 1929/30 г. народный доход выражался в сумме 35 млрд. руб. Таким образом, за один 1931 г. мы должны будем увеличить общий годовой народный доход на 35%.

Если говорить о головокружительных успехах, темпах и цифрах, более головокружительные показатели трудно найти, потому что когда мы имеем дело с отдельными участками нашего народного хозяйства, мы считаем на миллионы, сотни миллионов, в редких случаях оперируем цифрами около миллиарда, а здесь с 35 млрд. руб. мы с вами должны будем за один год шагнуть до 49 млрд. руб., или на 35%. Это, товарищи, очень трудно укладывается даже в самой квалифицированной бухгалтерской голове. Этот один показатель в достаточной степени характеризует темпы, размах нашей работы на грядущий год. Чтобы несколько подкрепить вам эту иллюстрацию, сошлюсь на такие примеры: народнохозяйственный доход в такой могущественной капиталистической стране, как САСШ, в самой богатой стране в мире, в среднем за последние годы нарастает на 3—4% в год максимум, в Германии народный доход увеличивается за год от 2½ до 3½%, в Англии народный доход увеличивается в среднем в год примерно на 1½%, в лучшем случае на 2%. А мы с вами поставили задачу увеличить наш народный доход в 1931 г. на 35%.

Фонд промышленных товаров широкого потребления для удовлетворения нужд нашего населения мы должны будем довести в 1931 г. до 14,9 млрд. руб. вместо 11,5 млрд. руб., которые у нас были в 1930 г. Если эту продукцию сложите вместе с соответствующей продукцией сельского хозяйства, то мы должны будем производство предметов так называемого широкого потребления увеличить в 1931 г. на 25—30%.

Нельзя также, товарищи, особо не отметить тех задач, которые мы поставили перед собой в отношении сельского

хозяйства. То, что я вам говорил до сих пор, касалось пародного хозяйства в целом. Как бы ни были грандиозны наши наметки в отношении нашей промышленности (я на них подробнее останавлиюсь дальше), все вы знаете, что она почти целиком и уже не первый год является промышленностью государственной, социалистической, обобщественной, и это обстоятельство, конечно, облегчает выполнение наших задач. Гораздо более важным является вопрос о том, в каком темпе мы дальше поведем преобразование нашего сельского хозяйства. В 1930 г. обобщественный сектор сельского хозяйства давал нам 28% всей товарной сельскохозяйственной продукции, в 1931 г. товарная продукция обобщественного сектора сельского хозяйства составит более 50%. Это показатель, который говорит уже о том, что мы с вами не только стали господами положения в отношении фабрично-заводской промышленности и транспорта, но что мы уже на решающую половину становимся хозяевами нашего сельского хозяйства, *т. е. что половина товарной продукции нашего сельского хозяйства в 1931 г. пойдет уже по руслу обобщественного сектора.* Это значит, другими словами, что вопрос о строительстве социализма мы не только решили в отношении города, промышленности, фабрики, завода, но что мы в основном в 1931 г. вопрос о закладке фундамента социализма решим и в деревне.

ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Я хочу вам напомнить, что именно этот вопрос вызывал сомнения и скептицизм в оппортунистических звеньях нашей партии. На этом месте спотыкался и споткнулся безнадежно Троцкий. На этом месте заболели Каменев и Зиновьев, которые не выздоровели окончательно и до сих пор. Это же место оказалось не по плечу Бухарину, Рыкову и Томскому, которые все еще целиком и полностью никак не могут освоить этот вопрос об успешном строительстве социализма в деревне. 1931 г. уже практически разрешает этот вопрос для нас на основе ленинизма. Мы уже и практическую программу своей работы строим та-

ким образом, что дело социализма обеспечивается у нас и в деревне.

Поэтому совершенно не случайно это кардинальное место заняло и в решениях о контрольных цифрах, вынесенных последним пленумом ЦК, в которых говорится, что «наша страна, где социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве, вступила в период развернутого социалистического наступления, в период социализма. Наступающий 1931 г. будет годом новых достижений, новых крупнейших успехов социализма в его борьбе с капитализмом. Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистических элементов над индивидуальным сектором в деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР. Это будет победа всемирно-исторического значения»¹.

Вот эту короткую фразу надо понять, товарищи. В этой короткой фразе сконцентрирована по существу вся программа нашего пятилетнего плана, и совершенно не случайно это говорится именно о третьем годе пятилетки, а не о каком другом.

Это положение говорит о том, что именно третий год явится решающим во всем пятилетнем плане нашего социалистического строительства. В самом деле, если абсолютно большая часть сельского хозяйства оказывается уже в обобществленном секторе, то, очевидно, отсюда само собой логически следует, что мы действительно в 1931 г. завершим построение фундамента социалистической стройки нашего Советского Союза.

Это, товарищи, то самое, о чем нам так часто и так много говорил Владимир Ильич, это целиком и полностью подтверждает мысль Владимира Ильича о том, что в нашей стране имеются все объективные условия для того, чтобы строить и построить социализм, и свидетельствует о полном банкротстве «левых» и правых оппортунистов, которые скатывались одни в теории, другие на деле

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., 1954, ч. III, стр. 81. *Ред.*

фактически к отрицанию самой возможности построения социализма в нашей стране в силу ее экономической и культурной отсталости.

Этот большой спор, который мы вели с оппозиционерами всех оттенков, потому что именно около этого вопроса в конечном счете вращались все споры, этот спор теперь решается не только нашими логическими доводами и теоретическими аргументами, этот спор *решается в пользу партии и ее ленинского ЦК самой практикой, самой жизнью, нашей социалистической работой.*

Для того, чтобы не забегать особенно вперед, надо сказать, что также не случайны те последние события, которые были как внутри нашей страны, так и за пределами ее. Я хочу вам сказать о том, что все контрреволюционные группы, группочки и организации, имеющиеся внутри нашей страны, замыслы против нас, которые зрели и, несомненно, зреют и по настоящий день в умах империалистов всех стран, все эти замыслы, повторяю, не случайно сосредоточиваются именно вокруг 1930—1931 гг.; это не случайно, а происходит потому, что именно эти два года нашей социалистической стройки, особенно 1931 г., решают все дело. Отсюда, товарищи, и та ожесточенная классовая борьба внутри нашей страны, которую мы сейчас переживаем. Когда эти цифры приводить отдельно взятыми, то на первый взгляд кажется, что это просто цифры как цифры, одни поменьше, другие побольше, третьи совсем грандиозные, но все-таки это как будто просто мертвая арифметика, но когда немножко вдуматься в них, когда посмотришь на эти огромные пространства, заселенные 150 млн. людей, на которых осуществляются эти грандиозные цифры, то нельзя будет не заметить, какая огромная ожесточенная классовая борьба происходила в 1930 г. и развернется в 1931 г. Закрепившись на решающих позициях нашей индустрии, развернув широким фронтом наши фабрики, заводы, наше социалистическое хозяйство, мы ринулись в наступление в деле строительства социализма по всему фронту. Мы не только учитывали при этом в своей социалистической бухгалтерии нарастание такого-то количества колхозов, такого-то количества гектаров, занятых под колхозами, и т. д.,

но вместе со всем этим мы вели сложную классовую борьбу внутри той же самой деревни. Каждый новый процент колхозов, каждая лишняя десятина колхозной земли — классовая война не только внутри нашей страны, но это война нашего рабочего класса в союзе с трудящимся крестьянством против окружающих нас империалистов. По-моему, нет необходимости напоминать о том, что когда мы добились передышки, исторической передышки, было бы ошибкой думать, что это есть, так сказать, передышка в буквальном смысле этого слова, т. е. что у нас с вами, ведущих огромную работу на одной шестой части земного шара, — тишь, гладь и божья благодать, никто нас не беспокоит, никто нам не мешает, никто у нас в ногах не путается. Это не верно: *передышка заключается в том, что мы изменили форму борьбы с исторически враждебным нам капиталистическим классом*: вместо вооруженной прямой борьбы при помощи пушек, пулеметов мы вели борьбу по другим линиям, но борьбу не менее ожесточенную и не менее решающую для дела социалистической стройки. Так или иначе, невзирая на величайшее сопротивление, которое оказывает классовый враг внутри страны, и на всевозможные помехи извне, вы видите, что мы к третьему году пятилетки пришли достаточно вооруженными не только, так сказать, в идеологическом отношении, но и в материальном. Мы имеем все реальные основания для того, чтобы эти темпы, иллюстрацию которых я приводил, темпы работы в 1931 г. — выполнить.

РЕШАЮЩИЕ ЗВЕНЬЯ ТРЕТЬЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ

Нельзя не остановиться на некоторых, так сказать, деталях этого грядущего хозяйственного плана — 1931 г.

Я уже вначале вам сказал, что, исходя из опыта первых 2 лет пятилетнего плана, мы получили объективную возможность задать себе на 1931 г. достаточно высокие — в решающих областях работы — очень высокие темпы нашей работы.

Лозунг осуществления пятилетки в 4 года не является, как это мы видим, таким уж трудно выполнимым пределом, каким он иногда кажется. В целом ряде отраслей,

причем решающих отраслей в жизни нашего народного хозяйства, мы имеем осуществление пятилетки не только в 4 года, но, как видите, и в 3 года. Даже в самых тяжелых отраслях нашей работы, скажем, в отношении чугуна, стали, проката — не подлежит никакому сомнению, что в течение 4 лет мы нашу работу по пятилетнему плану не только выполним, но безусловно в этой области и перевыполним наш пятилетний план.

Ничего к нам с неба не упало, никакой американский или какой-нибудь европейский дядюшка ни в чем нам не помог, а случилось то, что мы, усвоив себе решающее значение пятилетнего плана в деле социалистической стройки, сумели достаточно хорошо вооружиться всеми основными принципами нашей ленинской политики и это вместе с творческим подъемом рабочих масс дало нам основание и возможность одержать те успехи, которые мы имеем.

ВЫШЕ КАЧЕСТВО КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Самого пристального внимания заслуживают капитальные вложения, которые мы произведем в 1931 г. Общие капитальные вложения на 1931 г. по промышленности и электрификации намечены в сумме 7440 млн. руб. В промышленность, планируемую ВСНХ, из этой суммы мы вложим 5,5 млрд. руб. В чем особенность капитальных вложений на будущий год? Особенность заключается в том, что из этих 5½ млрд. руб. мы только 445 млн. руб. вложим в совершенно новую стройку, в новые начинания, а остальные 5 млрд. руб. мы употребим на скорейшее завершение тех начинаний, которые сейчас находятся в работе. Я имею в виду в первую очередь всякие наши грандиозные строительства, о которых вы все знаете, а затем и второстепенные стройки. У нас в 1931 г. должны вступить в работу сотни новых заводов, и из этих сотен заводов мы главный упор, основной упор в отношении капитальных вложений делаем на скорейшую достройку и пуск в ход в 1931 и 1932 гг. ряда основных, решающих объектов нашего строительства. Правильно ли мы делаем? Если говорить об ошибках в нашей работе за истекшие два года, то надо сказать в порядке самокрити-

тики, что в отношении капитальных вложений мы допускали иногда некоторую ошибку в том отношении, что все эти миллиарды рублей, которые мы вложили в новые стройки за эти 2 года, мы слишком разбрасывали по всему нашему народному хозяйству, мы слишком много начинали и поэтому медленно заканчивали то, что начинали. Но опыт 2 лет показал, что дальше вести дело так не годится. И поэтому при составлении плана на 1931 г. мы поступили, я думаю, правильно, сосредоточив из 5½ млрд. руб. капитальных затрат 5 млрд. руб. на скорейшее окончание того, что нами начато.

Конечно, это ничего общего не имеет с правооппортунистической установкой на «сужение капитального строительства».

Конечно, вы понимаете, что, ускоряя наши основные грандиозные стройки, *мы главный упор направляем в первую очередь на металлургию, на эти металлургические гиганты, которые должны начать действовать в 1931 г.*, — а мы поставили задачу иметь в этом году черного металла не больше, не меньше, как 2 млн. т, а к концу пятилетки — 117 млн. т. Из этого очевидно, что в отношении капитальных вложений надо сосредоточить усиленнейшее внимание прежде всего по линии металла, во-вторых, по линии топлива, а уже дальше пойдет машиностроение, электростроение, сельхозмашиностроение и прочее. Я не имею возможности подробно заниматься изложением этих цифр, но и в этих отраслях надо всемерно избегать этого разбрасывания вложений, чтобы не стремиться к тому, чтобы дать «всем сестрам по серьгам», как говорится в пословице, а кое-кому никаких «серег» не давать, в 1931 г. пусть походят без «серег», но кое-кого принарядить как следует, иначе опять и к 1932 г. застрянут большие капиталы.

И в значительной мере именно благодаря тому, что мы намечаем в течение года ввести в эксплуатацию на 3,45 млрд. руб. новых фабрик и заводов, промышленность в предстоящем 1931 г. должна будет дать нам увеличение продукции не больше, не меньше, как на 45%. Не нужно быть пророком, чтобы сказать, что если мы с вами доживем, — а умирать ни один из нас, наверное, не соби-

рается, — то в 1932 г. мы будем иметь возможность еще более высоких темпов дальнейшего развития, чем в 1931 г., потому что, введя в течение 1931 г. в производство $3\frac{1}{2}$ —4 млрд. руб., которые будут давать нам продукцию, если мы к тому же основную сумму вложим в решающие отрасли нашего народного хозяйства, в основу основ — в нашу тяжелую индустрию, — этим самым мы получим действительный плацдарм для 1932 г., для разворачивания нашей дальнейшей социалистической стройки. Эти $5\frac{1}{2}$ млрд. руб., которые мы вложим в 1931 г., мы думаем спланировать таким образом: $\frac{1}{2}$ млрд. руб. кладем в резерв, чтобы в процессе 1931 г. можно было на ходу выравнивать, пополнять, заполнять те места, где будут некоторые недостатки, а они, несомненно, будут. Из всей суммы капитальных вложений мы по группе А, по тяжелой промышленности, вкладываем 5 млрд. руб. против 2,5 млрд. руб. в прошлом году; по группе Б — 255 млн. руб.

Но тут надо заранее оговориться, что когда мы концентрируем наши вложения на основных решающих участках, то это значит, что на остальных участках нам придется в отношении строительства порядочно потесниться. Ибо если сказать, что по группе А мы вкладываем 5 млрд. руб., а по группе Б — 255 млн. руб., то кое-какие выводы по таким отраслям промышленности, как по нашему Текстильному тресту, надо будет сделать. Это говорит за то, что и у нас, в Ленинграде, по целому ряду отраслей так называемой легкой промышленности на 1931 г. полагаться на новое строительство не придется, так, как было в прошлом году, — не выйдет. Вот к чему это дело ведет, если на него посмотреть с другой стороны, и этот момент и всю необходимость его надо твердо понять и, когда надо, уметь толково, по-большевистски разъяснить.

Я уже говорил, товарищи, о недочетах в отношении качества нашей работы. Надо указать и на то, что и наши гигантские стройки тоже не гарантированы от очень больших ошибок, небрежности, неграмотности, чтобы не сказать больше.

Я приведу один пример, который на пленуме приводил председатель Совета народного хозяйства т. Орджо-

никидзе. Вы знаете, что мы строим гигант, который должен произвести буквально переворот в области металлургии. Это Магнитогорск — колоссальное сооружение. Около Магнитогорска ничего нет, он строится на голом месте. Там запроектирован городок для жилья. На этот город было запроектировано 250 млн. руб. Эти 250 млн. руб. вначале были спланированы (теперь это поправлено) так: на жилищное строительство запроектировано было 130 млн. руб. А дальше идут такие статьи: Дом Советов — ну, как же без Совета, — нельзя, и Совет должен быть в Магнитогорске, — Дом Советов запроектирован в 2½ млн. руб., телеграф — 5½ млн. руб., Дворец культуры — 7 млн. руб. и т. д. Ну, что же, телеграф нужен, Совет необходим и Дом культуры тоже дело подходящее, в этом никаких споров не может быть — это абсолютно ясно и необходимо. Но все-таки, если говорить по совести, то надо немножко с этим подождать, сначала сделать, во-первых, завод, потому что если завода нет, то вообще ничего не будет, параллельно нужно строить жилье для людей, которые там будут работать. И когда завод пойдет, когда задымит, тогда гораздо легче и проще и законнее и телеграф основательный воздвигнуть, так что можно будет телеграфировать по всему миру, как производственная программа выполняется, и Дом культуры такой построить, чтобы не зазорно было зайти в любое время.

Я приведу второй пример. Мы строим очень большой автомобильный завод в Нижнем-Новгороде, куда будут вложены десятки миллионов рублей. Так вот, когда мы посмотрели, разложили все затраты на составные части и посмотрели детально, что мы там строим в Нижнем-Новгороде, то оказалось, что непосредственно на заводское строение, то, что нужно автозаводу, идет из общей суммы 40%, а на прочие расходы 60%, а прочие расходы — дома-коммуны и прочие коммунистические поселки и т. д. Все это хорошо и нужно, но все-таки как-то нескладно выходит: заводу 40%, а на остальное — 60%. Ну, хоть бы наоборот, так еще можно было бы как-нибудь согласиться. Ведь правильно говорили на пленуме, что, конечно, в итоге мы будем жить в коммунистических городах, у нас будут всякие эти учреждения и т. д., все это

правильно, но все-таки это будет тогда, когда у нас будет социалистическая промышленность двинута полностью, а если ее не будет, тогда ни черта не выйдет. Поэтому львиную долю из этих 5½ млрд. руб., даваемых на капитальные вложения, мы должны повернуть именно в этом направлении.

Если так дело поставим, а я думаю, что мы этого сумеем добиться, то мы сумеем, товарищи, сделать то, что в результате 1931 г. получим объективную возможность к еще более грандиозному размаху, к разрешению грандиозных задач, которые уже вырисовываются в 1932 г.

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Не меньшие задания мы поставили перед собой на 1931 г. в отношении сельского хозяйства. Я приведу очень немного данных. В отношении коллективизации мы думаем, что средний процент в таких районах, как Украина (степь), Средняя Волга (Заволжье), Нижняя Волга, Северный Кавказ, к концу 1931 г. будет выражаться в 80%, в остальных зерновых районах мы будем иметь около 50%, а в потребляющих областях, в частности, в нашей области — 20—25%. В основных зерновых районах сплошная коллективизация и ликвидация на этой базе кулачества как класса будет завершена уже в ближайшем году. *А к концу пятилетки мы надеемся в основном завершить коллективизацию по всему Советскому Союзу.*

В общем мы уже сейчас имеем более 6 млн. крестьянских хозяйств, охваченных коллективизацией, из общего количества хозяйств в 24—25 млн. В 1931 г. на наших полях будут работать не более, не менее, как 1400 машинно-тракторных станций, мы дадим в 1931 г. крестьянину 980 тыс. лош. сил механизированной тяги. Вложения в обобществленный сектор сельского хозяйства запроектированы в 3743 млн. руб. В предстоящем году мы разрешим зерновую проблему. Перед нами сейчас стоит большая задача, основа которой положена в этом году (об этом я скажу еще ниже), — *форсированным порядком разрешить животноводческую проблему и усиленно раз-*

вивать технические культуры. Если мы по-настоящему хотим действительно освободиться от всякой иностранной зависимости и действительно добиться, чтобы в частности в текстиле не было того, чтобы мы выполнили программу в течение 2½ лет на 84% вместо 100%, — то центр тяжести нашей работы должен быть переключен на животноводство и на технические культуры.

Что касается зерновой проблемы, то надо привести только одну справку. По тем подсчетам, которые сейчас имеются, наше сельское хозяйство дало нам в истекшем году свыше 5 млрд. пуд. хлеба, и это дает нам основание вести заготовительную работу в таких размерах, которые полностью решают вопрос снабжения страны хлебом и дают нам полную возможность переключиться на решение животноводческой проблемы и проблемы технических культур.

ТРАНСПОРТ

Тяжелый вопрос, нельзя об этом не сказать — хотя подробно останавливаться на нем нет времени, — это вопрос о нашем транспорте, не только о железнодорожном, но и автомобильном, гужевом и всяком прочем. Вы, вероятно, читали общие цифры в отношении транспорта, они имеются в решениях Центрального Комитета. Сказать можно одно: грузооборот возрастает колоссальными темпами, и если мы выполним программу 1931 г., это возложит на наш транспорт такую нагрузку, что нужна будет величайшая мобилизация сил для того, чтобы подготовить к этому транспорт. Надо прямо сказать, — транспортники, сидящие здесь, знают это лучше меня, — что наши железные дороги переживают сейчас тяжелое положение. Достаточно сказать, что в наших районах, я уже не говорю о Ленинграде, так как мы от Донского бассейна и Бакинской и Грозненской нефти живем далеко, но даже внутри самой Украины дело с перевозками угля доходит до того, что металлургические заводы имеют запасы угля не только на дни, но буквально на часы, и бывали случаи остановок доменных печей потому, что транспорт не мог вовремя подвезти уголь.

Что касается автомобильного транспорта, то каждый город, особенно Ленинград, чувствует недостаток его на каждом шагу своей работы. Не меньшие затруднения мы переживаем и в отношении гужевого транспорта.

ЗАДАЧИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕШАЮЩЕМ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ

Заканчивая эту часть сообщения, я должен сказать, что наша промышленность должна будет дать в течение 1931 г. валовой продукции на 25 млрд. руб., что мы должны будем вложить в нее, как я вам уже говорил, 5¹/₂ млрд. руб. и что нам нужно будет снизить себестоимость продукции фабрик и заводов в течение 1931 г. на 10%, поднять производительность труда на 28%, нам нужно добиться снижения себестоимости строительных работ в течение года на 12%. Вот, товарищи, те задачи, которые стоят перед нашей промышленностью.

Такая же грандиозная задача будет стоять и перед ленинградской промышленностью, играющей особо важную роль в жизни нашего народного хозяйства. Я не могу на этом останавливаться подробно, но должен все же сказать, что наша ленинградская промышленность имеет в предстоящем году также весьма почтенные задания. Эти цифры еще не совсем уточнены, но, очевидно, что нам придется выпустить валовой продукции на 4177 млн. руб., что дает прирост на 46,1% по сравнению с истекшим годом, в том числе валовую продукцию нашей основной отрасли — тяжелой индустрии увеличить на 61%, доведя ее до 2460 млн. руб. Пятилетний план ленинградской промышленности будет почти целиком выполнен уже в предстоящем 1931 г. Выполним мы или не выполним план? Я думаю, что все будет зависеть прежде всего от того, насколько мы будем бдительны в отношении строгого, *незыблемого проведения основных начал нашей партийной политики, нашей генеральной линии.* Затем дело будет зависеть от того, насколько мы сумеем еще больше, еще *прочнее мобилизовать инициативу рабочего класса, развить ударничество, соцсоревнование и прочие новые формы социалистического труда на наших фабриках и за-*

водах; все будет зависеть от того, насколько мы сумеем развернуть нашу партийную работу, работу советских органов и работу такой массовой организации, как профсоюзы, применительно к стоящим перед нами задачам.

Из отдельных отраслей я останавлиюсь только на металле и топливе. Тот план, который мы составили в отношении машиностроения, очень близко касающийся нашего Ленинграда, мало того, что вдвинут в жесткие нормы потребления металла, но примерно на полмиллиона тонн мы имеем, так сказать, условный дефицит, устранение которого потребует не только добычи нового металла, но также и включения всяческих остаточков, всякой экономии, всяких запасов на наших заводах. Без этого условия, без систематического изыскания внутренних средств по линии металла план будет терпеть ущерб.

Не менее тяжелое положение и с топливом, и не столько потому, что недостаточно развертываются темпы топливной промышленности, сколько потому, что темпы взяты с огромным напряжением. Добывать топливо не так просто и легко, история с Донбассом это показывает. Там невыполнение программы в ударном квартале совершенно определенное, им придется наверстывать, чтобы восполнить нужду, которая будет в 1931 г. Работая в Ленинграде, мы ни металла, ни топлива не производим, но не меньшая задача ложится на нас в том отношении, чтобы с максимальной бережливостью относиться к таким двум решающим статьям снабжения, как металл и топливо. Что мы до сих пор были чрезвычайно расточительны и небрежны, — это каждый сколько-нибудь внимательно наблюдающий жизнь фабрики и завода знает.

Само собою понятно, что в контрольных цифрах проектированы также весьма большие планы и по части развития нашей социально-культурной работы. Ряды рабочего класса за этот год должны еще больше укрепиться и вырасти как качественно, так и количественно. Общая численность лиц наемного труда достигнет в 1931 г. 16 млн. чел. против 14 млн. чел. в 1930 г.; фонд заработной платы увеличится с 12,5 до 15,3 млрд. руб., годовой

фонд социального страхования — с 1600 млн. руб. до 2138 млн. руб., что превышает задание для последнего года пятилетки (1950 млн. руб.). Останавливаться на этом более подробно, к сожалению, я не могу, укажу только на одно: в 1930 г. мы израсходовали около 5 млрд. руб. по всем каналам социально-культурного обслуживания нашей Социалистической республики, а в 1931 г. это ассигнование поднимается до 6,5 млрд. рублей. Само собой понятно, что тут не пришлось особенно скупиться хотя бы по одному тому, что для осуществления тех грандиозных планов, о которых я говорил и которые в будущем обещают быть еще более грандиозными, вопрос о кадрах, — о чем мы с вами так много и так справедливо говорим, — приобретает сейчас совершенно исключительное значение.

Прежде чем перейти ко второй группе вопросов, которой занимался пленум, — вопросам рабочего снабжения, я хочу остановиться еще на одном разделе контрольных цифр — на вопросе о *финансовом плане*. Это колоссальная область работы, которая многими не учитывается и недооценивается. Пленум подчеркнул необходимость повести решительную борьбу с недооценкой значения финансовой системы на данном этапе социалистического строительства, с тем небрежным, я бы позволил себе сказать, наплевательским отношением к финансовой стороне дела, которое за последнее время сплошь и рядом наблюдается. Наметки финансового плана, утвержденные пленумом, включают в себя превышение дохода над расходами и образование государственного резерва в 1,5 млрд. руб. Выполнение этого задания требует самой жесткой, самой свирепой финансовой дисциплины на всех участках нашей работы.

РАБОТУ СНАБЖЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОД НЕОСЛАБНЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ КОНТРОЛЬ

Вторая группа вопросов, которой занимался Объединенный пленум ЦК и ЦКК, это — если назвать эти вопросы так, как они были названы в повестке, — вопрос о снабжении мясом нашего населения, в первую очередь рабочего, и вопрос о кооперации. Оба эти вопроса так

близко смыкаются, что они у нас в сущности говоря протекали в порядке общего обсуждения: естественно также, что вопрос о снабжении мясом и вырос в вопрос о снабжении вообще и в первую голову — о снабжении рабочих.

Если в отношении развития нашей промышленности и сельского хозяйства мы имеем совершенно неоспоримые плюсы, которые часто даже заслоняют недочеты нашей работы, то в отношении снабжения наших рабочих у нас дело обстоит, как это вы все знаете, в ряде случаев значительно хуже. И не случайно, не ради какой-нибудь агитации и пропаганды в решениях последнего пленума записано, что наряду с бесспорными имеющимися у нас достижениями в деле повышения общего материального и культурного уровня рабочего класса, работа нашей потребительской кооперации протекает неудовлетворительно, причем не только работа вверху этих организаций, но и на периферии.

Раньше мы, может быть, не имели объективной возможности так близко и внимательно подойти к анализу деятельности этих организаций. Теперь мы эту возможность имеем. В результате тех решений, которые вынес ЦК, если мы их своевременно выполним, — а их надо выполнить, тем более что мы имеем для этого объективные возможности, — вопрос о снабжении в 1931 г. у нас будет решен достаточно полно. Хлебный вопрос мы уже в основном разрешили. Тот план, который у нас намечен на 1931 г., когда мы в отношении скота дали «Скотоводу» задание довести количество голов крупного скота до 2800 тыс., «Свиноводу» — 1900 тыс., «Овцеводу» — 4400 тыс. плюс кооперация всех видов, которая также этим делом частично занимается и которая также должна дать свыше 1300 тыс. голов свиней, открывает возможность успешного решения в течение ближайшего года задачи снабжения мясом.

Проблему животноводства мы решаем путем строительства крупных совхозов и колхозов. Успех ее решения, как и успех решения других задач снабжения, требует изменения самого подхода к этому делу.

В Областном комитете нам часто по долгу нашей партийной работы приходится производить мобилизацию

квалифицированных работников на Магнитогорск или Сталинград — на тракторный завод, и при этих мобилизациях мы находим людей с подходящим стажем, партийной выдержкой и т. д. Человек не считает для себя зазорным, когда его командируют строить Сталинградский завод. А вот когда дело доходит до свиноводства, огородничества, до посева трав, до того, чтобы капусту сажать, огурцы разводить, — тут дело поворачивается уже совсем иначе, тут, когда подходишь к человеку с подходящим стажем, с большевистской выдержкой, с фабрично-заводским опытом и когда ему намекаешь насчет свиноводства, он нос воротит очень далеко: «Это дело не наше». И если приходится подбирать соответствующих людей и посылать их в какое-нибудь объединение, скажем, «Союзмолоко», то тут сплошь и рядом слышишь в ответ, что, мол, извините, все, что угодно, но коров доить — это ниже моего достоинства.

Пленум записал, что работа кооперации и Наркомснаба по линии «Союзмяса» и «Союзплодоовоща» неудовлетворительна. Это верно, можно было и много покрепче записать. Но верно также и то, что, если мы не окружим работы и деятельности этих организаций общественным пролетарским вниманием, то мы и в 1931 г. должны будем записать, что их работа неудовлетворительна, потому что это дело такое, что на нем нужно сосредоточить внимание всей партии, всей пролетарской общественности. Надо сказать, что мы мало внимания уделяли до сих пор этим органам, и потому там так прочно засели вредители — 48 бандитов, которых мы расстреляли. Не случайно, что основные участники работы снабженческих организаций были в руках вредителей. А если (я не могу на этом долго останавливаться) посмотреть на количество коммунистов, работающих в снабженческих органах, то оказывается в ряде мест процент коммунистов выше, чем в любом советском учреждении, и, тем не менее, вредители делали свое гнусное дело. Почему это получилось? Прежде всего потому, что коммунист, сидящий там, сплошь и рядом не желал заниматься по-настоящему тем делом, которое ему поручено. Возьмем, скажем, скотоводство, сидит коммунист, руководитель, он планирует, дает директивы: столько-то свиноводам, столько-то куро-

водам и т. д., распишется и пойдет дальше, а дальше эта директива попадает в руки вредителей, которые делом не гнушаются. Пускается эта директива, как мы говорили, вниз, и вот вместо улучшения снабжения рабочих получается как раз наоборот: вместо того, чтобы увеличивать количество скота — этот скот дохнет; вместо того, чтобы откормить эту скотину — она худеет; вместо того, чтобы она росла и крепла здоровой — там всякие эпизоотии разводятся и т. д. А мы сидим сверху и критикуем, вместо того чтобы досконально и внимательно заняться изучением этого вопроса и овладеть предметом, а если бы мы это сделали, тогда вредителей было бы легко поймать. Под носом этих «горе-руководителей» отдельных снабженческих организаций делались иногда чудовищные вещи и они этого не замечали. Всякое планирование и разворачивание, скажем, огородного дела и др. культур оказалось в руках вредителей. Необходимо укрепить работу этих организаций настоящими, выдержанными, желающими и могущими работать коммунистами. Мы сейчас живем в такую пору, когда каждый коммунист должен понять, что сейчас нельзя работать, не изучив работы, не овладев предметом, который тебе поручен. Это нужно понять и усвоить, и тогда мы, несомненно, сумеем выделить из своей среды подходящее количество кадров для того, чтобы усилить, укрепить наши снабженческие органы, нашу кооперацию.

Если взять *кооперацию*, то кто сможет утверждать, что нельзя сделать больше того, что есть. Многого не хватает — это верно, многого недостает — правильно, но и с тем, что у нас есть, разве мы так уж умело обращаемся? Ни в коей степени. Сверху донизу вся система нуждается в очень большой встряске. На XVI съезде нашей партии было записано очень хорошее решение относительно нашей потребкооперации. К сожалению, сделано кое-что по этому решению лишь за самое последнее время, когда благодаря усилиям ЦК мы сейчас нажали на увеличение товарооборота и т. д. и вплотную подошли к кооперативной работе так, как к этому надо было подойти на другой день после XVI съезда нашей партии, и я думаю, что мы все-таки и сейчас еще не полностью и не по-настоящему подошли. Не только партийной

организации — Областкому, райкомам, коллективам, но и всем заводским организациям и в первую очередь профсоюзам надо поставить в порядок дня своей работы вопрос кооперации и рабочего снабжения. Иначе дело не пойдет.

Мы взяли на себя задачу увеличить под Ленинградом огородную площадь; при общей помощи мы это дело наладим.

В последней директиве ЦК записано, что в районе 25-верстной полосы, особенно вокруг больших городов, вокруг таких, как наш Ленинград, проблема развития огородничества для снабжения населения, в первую очередь рабочих, овощами приобретает исключительное значение. Пройдет еще годик, может быть, нам привезут огурцы из ЦЧО, из Датестана, а потом и скажут: «Пора и честь знать. Никто вас кормить огурцами, хотя вы и почтенные и очень уважаемые строители социализма в Ленинграде, не будет, никто вам за тысячи верст огурцы возить не будет». И будут правы, и чем скорее это прекратится, тем лучше, потому что у нас есть что привезти кроме огурцов, например, нефть и прочее. Я останавливаюсь на этом подробно только потому, что это в глаза бьющая проблема по своей простоте, а мы тем не менее не подходим к ней по-настоящему, по-революционному.

Я не имею возможности подробно говорить о других областях продовольственного снабжения. Пару слов хочу сказать о рыбе, потому что в Ленинграде этот вопрос имеет особое значение. Мы окружены водоемами, есть моря, озера, реки, мы имеем достаточно большие водоемы, чтобы на это дело обратить серьезное внимание. Мы обязаны упорядочить рыбное хозяйство области как можно скорее.

Пленум поставил в качестве важнейшей задачи вытравить торгашеский дух из работы потребкооперации. Кооперация должна понять, и в первую очередь должны это понять коммунисты, работающие в кооперации, что их дело не просто торговать так, как торговали в «доброе старое время», а построить свою работу так, чтобы обеспечить в первую очередь снабжение важнейших участков социалистического строительства. Возьмите та-

кую область нашей работы, как борьба за повышение производительности труда, борьба с прогулами, текучестью. Разве правильная организация рабочего снабжения, снабжения не по принципу голой уравнительности, а под углом поощрения тех предприятий, где лучше выполняется промфинплан, под углом поощрения лучших ударников, лучших производственников, разве эта правильная организация снабжения не может дать в этом деле очень и очень ощутительные результаты?

За последний год мы проделали большую работу в области открытия так называемых закрытых распределителей. Хотя в свое время это вызывало некоторые сомнения и колебания у наших кооператоров, сейчас вряд ли найдется кто-нибудь, кто мог бы отрицать, что закрытые распределители целиком и полностью оправдали себя как одно из важнейших мероприятий в деле улучшения рабочего снабжения. Однако, сплошь и рядом мы видим, что это бесспорно хорошее, бесспорно важнейшее дело иногда до неузнаваемости портится и искажается неумелым головотяпским проведением.

Не меньшее значение работа этих организаций будет иметь и для деревни. За неимением времени я не буду останавливаться на этом. Если мы хотим бороться с очередями, если мы хотим вовремя и лучше доставлять продукты продовольствия нашим рабочим, то у нас нет других путей, как самим взяться за это дело, *укрепить эти организации от мала до велика, поставить их работу под бдительный повседневный непосредственный общественный контроль, чтобы жизнью и деятельностью этих организаций интересовались все наши партийные, советские и профсоюзные органы.*

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ

Теперь я перейду к следующему вопросу, который стоял на пленуме, — к задачам перевыборной кампании Советов.

Я не могу подробно останавливаться на этом, скажу только об одной особенности этой важнейшей политиче-

ской кампании по перевыборам Советов, которую мы должны будем проводить в настоящее время.

Результаты этих перевыборов должны нам обеспечить *подлинную перестройку всей советской работы, укрепление и улучшение работы советских органов*. Для этого необходимо, чтобы в самый состав Советов, а через Советы и во всю систему государственного управления мы ввели передовые слои создавшегося уже сейчас нового массового актива, в первую очередь наших ударников с производства и колхозников в деревне.

Все вы знаете и помните учение Владимира Ильича о том, что представляют собою Советы рабоче-крестьянских депутатов. Это — органы диктатуры рабочего класса. Это надо понять. Если это органы диктатуры рабочего класса, то, товарищи, также неизбежно следует отсюда, что эту высокую обязанность органов диктатуры Советы могут успешно выполнить только в том случае, если они *будут во всей работе твердыми и решительными проводниками генеральной линии нашей партии*. Другим путем осуществить свою историческую миссию органов диктатуры эти Советы не сумеют.

Между тем, если мы вспомним наших правых оппортунистов — у них на этом месте получался совершенно определенный, так сказать, изъян. Если вы разберетесь в их обвинениях партийного руководства, партийного режима, «излишней партийной диктатуры» и пр., то вы увидите, что все это в конечном счете, если расшифровать, ведется к тому, что наши «уважаемые» вожди правых уклонистов, несомненно, вели к размагничиванию наших советских органов, в этом нет ни малейшего сомнения.

Взять, например, положение с вредителями. Вы знаете, что они целые гнезда свили в очень ответственных учреждениях. И несмотря на то, что наши ответственные товарищи-коммунисты сидели в этих органах, «работали», они этого не замечали. Почему? Прежде всего, если говорить по-настоящему, всерьез, потому что партийная генеральная линия в этих органах проводилась с очень большими поправками, проводилась не коммунистическим, не большевистским, а «либеральным» путем, именно потому, что ответственные работники-коммунисты подчас рассу-

ждали так: «Ну, как же, у меня высокий спец, почтенный такой, что вся Европа знает, он «о семи пядях во лбу», ну, как я нажму на него насчет генеральной линии, не выходит это дело». Дело прошлое, но надо сказать, что когда появилась «первая ласточка» вредительского дела и когда мы в Центральном Комитете нажали маленько на отдельных товарищей, руководителей советских органов, что не мешало бы вам немного закрутить, — то мы не встретили с их стороны правильного отношения к этому делу. Они оказались неспособными занять большевистскую позицию в этом деле. Один раз дошло до того, что принесли нам многочисленные выдержки из Ленина о специалистах, о бережном к ним отношении и т. д. Все это мы прекрасно знаем и знали и на это отвечали коротко: «Все это Ленин писал и с ним мы целиком согласны, но ни в одном месте у него не написано, что надо к вредителям бережно относиться». Ленин говорил о специалистах, но о вредителях ничего подобного у него не сказано, наоборот, сказано совсем другое и не то, что вы нам предлагаете. Раз есть основание предполагать, что человек этот вредитель, будь он 20 раз специалистом, его надо беспощадно карать.

Вот этот своеобразный «либерализм» в советских учреждениях довел до того, что проведение генеральной линии партии было целиком перегружено в ряде случаев с наших советских учреждений только на партийные организации. Так получилось, хотя это ниоткуда не вытекает, хотя это нигде не написано, хотя мы знаем, что должно выйти совсем другое. Все наши советские общественные организации должны проводить генеральную линию нашей партии так же твердо, как ее проводят партийные организации. На это место надо будет нажать в предстоящую перевыборную кампанию.

О БОРЬБЕ ПРОТИВ ПРАВОГО И «ЛЕВОГО» ОППОРТУНИЗМА

Когда мы разрабатывали и утверждали планы социалистического строительства на третий год пятилетки, принимали и намечали программу великих работ на 1931 г.,

мы не могли не остановиться на том, что представляют собой наши почтенные товарищи из правых. Несмотря на всякие их заявления на последнем съезде, наша партия не может не вспомнить тех решений, которые мы выносили на XVI съезде партии. А вы помните, на чем мы на съезде условились: вожди правых разоружились и разоружились как будто основательно. Но мы сказали лидерам бывшей правой оппозиции по-товарищески, что нам этого мало, что мы это принимаем к сведению, но что мы требуем, чтобы с завтрашнего, буквально с завтрашнего дня, в календарном, а не историческом значении этого слова, вы должны засучить рукава и драться за генеральную линию партии. И мы тут же добавили, что вы должны драться с правым уклоном больше, чем мы, тогда мы вам поверим, тогда дело пойдет.

Можно подумать, что партия предъявила к ним чрезмерные требования. Не верно. Если бы шла речь о рядовых членах партии, тогда другое дело. Но ведь речь шла о людях, занимавших виднейшее место в советской и партийной работе. Генеральную линию партии прежде всего и больше всего должны защищать вожди партии. Вожди должны драться за генеральную линию — в первую очередь и должны за собой вести в этом отношении партию. Было это или нет со стороны бывших лидеров правой оппозиции? Ничего подобного и даже после того, как пойманные вредители рассказали нам об их ставке на победу правых в партии. Но тем не менее, на протяжении полугода после съезда партия полагала, что товарищи по-настоящему встанут в ряды большевистской партии.

Не вышло этого до сих пор. Иной раз думают, что достаточно сделать партии заявление об отказе от правых взглядов, о формальном согласии с линией партии. Но этого мало. *Надо уметь быть активным проводником ленинской политики, уметь бороться против оппортунизма и прежде всего против правых оппортунистов.*

Мы здесь с вами в этом зале несколько раз говорили о том, что в стране, где классы еще не уничтожены, где сейчас только мы их уничтожаем, эти враждебные нам классовые силы оказывают давление на отдельные звенья на-

шей партии, питают мелкобуржуазные шатания и уклонь и т. д. Все это верно. Дальше мы добавляли, — правизна заключается не только в том, что формально люди стоят на правых позициях; правизна может заключаться еще и в том, что называется словом «самотек», как принято говорить в нашей партийной практике.

Если мы с вами будем думать, что все, что мы наметили на 1931 г., может пойти в нашей стране самотеком, что здесь не потребуется напора, нажима, напряжений, что 5¹/₂ млрд. руб., которые мы нацелили на капитальные вложения, как только мы встретим новый хозяйственный год, сами разбегутся по всем рубрикам, сами встанут куда им полагается, — не выйдет это, и надо быть чудачком, чтобы так думать. Все эти миллиарды необходимо тщательно расставить, должным образом повернуть, проявить величайшую активность, настойчивость, упорство, чтобы все было проделано с максимальной пользой.

Вот что называется выполнением генеральной линии нашей партии. А если понадеяться на самотек — не выйдет это, и эта ставка на самотек имеет непосредственное отношение к правому оппортунизму на практике. У нас часто бывает, когда мы возьмем за грудки того или иного товарища за правый уклон на практике, то он, когда очущается, лихорадка его бьет и говорит: «Когда же я был правым? Никогда. Я с таких-то времен в партии, с Троцким боролся, Зиновьева разбивал, Каменева осуждал, за все резолюции против Рыкова и Бухарина голосовал». Формально он прав, а по существу, на деле не совсем так. С промфинпланом у него из рук вон плохо и не потому, что абсолютно ничего нельзя было сделать, а потому, что на самотек понадеялся, думал, что все это само по себе пойдет. Вместо того, чтобы вовремя нажать, постеснялся, полиберальничал, все пытался сделать потихоньку да помаленьку. Особенно часто приходится нам встречаться с такими фактами в деревне. Нужно сказать, что мы, например, 100-процентная большевистская организация, стоим за генеральную линию партии, организация сплоченная, нас в пример другим ставят, а если мы пройдемся по деревенским районам, то увидим такую картину — вынесут какую угодно резолюцию против пра-

вых, обеими руками будут голосовать за нее, а посмотрите на месте на работу и вы сплошь и рядом увидите самых настоящих правых людей. Такой правый на практике знает, что мы развернутым фронтом идем в наступление на капиталистические элементы, он сам напишет об этом великолепную резолюцию. Но вот как только он у себя на селе или в районе подошел к кулацкой избе, у него ноги немножко маршируют совсем не по генеральной линии, а чуток сваливаются на правый бок. Когда ему нужно подойти к кулаку с хлебозаготовками, с самообложением и т. д., тут у него никак не получается. Вчера проголосовал за резолюцию, а сегодня не выходит. Дать твердое задание кулаку, чтобы он представил 50 пуд. хлеба, — не выходит, не может. И он начинает говорить, что это-де не кулак и т. п.

Есть у нас и такие люди, которые на вопрос: как же это кулака прижать бы, — отвечают: «Я, знаете ли, боялся, как бы меня в «левом» загибе не обвинили». Вот куда гнет!

Вот это, товарищи, такие носители самотека, которые очень аккуратно голосуют за резолюции, а на практике получается несколько иное.

К чему я это веду? Да к тому, что со всем этим бороться надо, бороться так, чтобы все это выправлять; нам нужно сейчас дело поставить так, чтобы не только партия, но и Советы, и профсоюзы, и кооперация по-настоящему, по-большевистски проводили генеральную линию партии. Одно из двух, товарищи, если мы с вами не болтуны, когда говорим, что сейчас находимся на очень ответственном историческом гребне, когда утверждаем, что третий год пятилетки решает дело всей пятилетки, что пятилетка решает дело социалистического строительства в стране; если мы не просто нарочно пугаем кого-нибудь, когда говорим, что интервенты на всех углах и перекрестках готовят военное нападение и что внутри идет ожесточеннейшая классовая борьба; если мы не болтаем, а изображаем настоящую действительность, то нужно делать отсюда соответствующий вывод, а вывод прежде всего тот, что внутри нашей партии должна идти совершенно беспощадная, совершенно непримиримая борьба со всякого рода оппортунистами, правыми и «левыми» —

скрытыми, открытыми, мягкими и жесткими, какими угодно. Генеральную линию партии нужно проводить буквально всюду. Мало того, нужно построить так работу в наших государственных органах, а не только в нашей партии, чтобы мы были руководителями, — а мы руководим, Коммунистическая партия руководит рабочим классом, руководит всей нашей страной, — и если мы действительно хотим руководить так, чтобы успех победы был обеспечен за нами, то нужно создать такое положение, чтобы наша партия и Советы представляли собой в еще большей мере нераздельное целое — тогда дело пойдет.

Пленум ЦК и ЦКК еще раз демонстрировал полнейшее банкротство идеологии правых уклонистов в среде нашей партии. В начале двух лет можно было подводить кое-какую теорию, приводить разные цифры, но теперь мы два года прожили, пятилетку перевыполняем, теперь, конечно, буквально никакого аргумента не приведешь в защиту того, что выдвигали против партии правые оппортунисты. Даже Ллойд-Джордж говорит, что у нас дело идет вперед, что у коммунистов строительство социализма совершается успешно. Ллойд-Джордж написал опромную статью по этому поводу и понятно, что после этого встать члену Коммунистической партии и не просто Коммунистической партии, а той партии, которая занята непосредственным строительством социализма, и начать это отрицать, — это никак не выйдет. В этих условиях одних признаний и заявлений со стороны правых мало.

Прежде всего мы должны потребовать, чтобы вслед за заявлениями были и партийные дела. Нам не нужно клясться в том, в чем клянутся все оппозиционеры, которые говорят: «Неужели вы думаете, что если завтра Советскому Союзу будет грозить опасность, я не буду в первых рядах?». Так это же обывательская болтовня. А сейчас что происходит? Что мы с вами на именинах, что ли, сидим? Ведь мы же каждый день и ночь нажимаем, напираем, отбиваемся от многочисленных врагов и препятствий в деле социалистической стройки, а нам говорят, что если что-нибудь случится, я буду в первых рядах, не изменю социализму, умру за рабочий класс. Это детский

лепет. Что сейчас происходит? Сейчас в ожесточенной борьбе происходит закрепление и расширение решающих позиций социализма в нашей стране; надо по-настоящему, засучив рукава, взять свой коммунистический опыт и весь его выложить партии и рабочему классу и помогать этой стройке, вместе с партией нанося сокрушительный удар ее врагам.

Правый оппортунизм остается главной опасностью внутри партии.

«Лево»-правый блок Ломинадзе — Сырцов в борьбе с партией также сделал своей платформой капитулянтские установки правых оппортунистов, прикрыв их левой фразой.

Лозунг «борьба на два фронта» сохраняет, однако, свою силу и значение, мобилизуя партию на борьбу как против мелкобуржуазного либерализма правых, так и против мелкобуржуазного радикализма «левых». В борьбе с уклонами мы должны преодолевать гнилое примиренчество и беспощадно искоренять двурушничество.

Вот как обстоит дело по поводу тех внутренних моментов партийной жизни, которые прошли на последнем пленуме.

В ЛАГЕРЕ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Я вам говорил до сих пор, что делается у нас в Советском Союзе, теперь я несколько остановлюсь на том, что происходит за нашими границами в капиталистическом мире. Мы намечаем сейчас громадные планы, громадный прирост народного дохода Советской страны, а вы посмотрите, как прошел у них 1930 г. Если взять основные отрасли промышленности и сельского хозяйства в их физическом выражении, то оказывается, что за первые три квартала 1930 г. в Англии произошло сокращение продукции на 8,4%, в Германии — на 13,2%, в Америке — на 17,8% и в Польше — на 18,3%. У капиталистов, как видите, дело идет явно под гору. Вот арифметическое выражение мирового кризиса, о котором мы часто говорим. Кризис, как вы знаете, нашел свое выражение в биржевых крахах, глубоко захватил капиталистическую промышленность и сельское хозяйство. Истекший год говорит

о значительном сокращении посевных площадей и резком сокращении дохода крестьянских масс.

В сельском хозяйстве в капиталистических странах дело приняло такой оборот, которого давно Европа и Америка не знали.

Растущий мировой кризис наносит сокрушительный удар всем адвокатам капиталистической системы, социал-фашистским и правооппортунистическим теоретикам «организованного» капитализма.

Американские фермеры, которых до сих пор хозяйственные невзгоды затрагивали сравнительно мало, сейчас усиленно разоряются. Это очень большое событие в жизни Соединенных Штатов. Нужно ли вам напоминать, что сейчас в Европе и Америке 25 млн. безработных, не считая членов семей, нужно ли вам говорить, что сейчас акции капиталистических предприятий, даже и такой державы, как Англия, акции тех предприятий, которые работают в колониях, обесцениваются с такой стремительностью, которая, пожалуй, своеобразно в обратную сторону «обгоняет» наши темпы социалистического развития? Не буду приводить подробную справку, но скажу, что по сравнению с 1927 г. курс акций ряда фирм понизился в своей ценности, начиная от 34% и кончая 74% на 100.

На днях вы читали в газетах, что за время кризиса в Америке лопнул 891 коммерческий банк, совсем на днях лопнул знаменитый английско-американский банк, один из крупнейших частных банков, почти самый крупный в Соединенных Штатах.

Вот если, товарищи, все это приять во внимание, если учесть, что цены на продукцию сельского хозяйства в среднем упали до 35—50%, тогда станет достаточно ясным, почему на данной стадии развития с особой настойчивостью, с особой напористостью империалисты мобилизуют все силы против нашего Советского Союза. Ясное дело, каждый из них видит как явные признаки гниения всей системы капитализма, так и те колоссальные достижения, которые мы с вами имеем, а отсюда, конечно, они делают для себя вывод — необходимо не терять ни одной минуты для того, чтобы так или иначе затормозить нашу социалистическую стройку.

То, что мы с вами раскрыли перед всем миром, миром трудящихся в первую очередь, в процессе «Промпартии» во главе с проф. Рамзиным¹, — это, товарищи, произвело громадное впечатление на наших друзей в Старом и Новом Свете, на рабочий класс прежде всего. Едва ли найдется хоть один честный рабочий, который не сделал бы соответствующего вывода из этого процесса, который не понял бы, что судили мы не только Рамзина, Ларичева и др., но и судили империалистов всего мира. К великому сожалению, не настало еще такое время, когда можно было бы вынести настоящий приговор по этому поводу, но во всяком случае первоначальная редакция этого приговора каждому рабочему в Европе и Америке совершенно понятна. Она понятна также и нашим врагам. Они, конечно, сейчас во всех газетах, во всех парламентах кричат, что все подтасовано, что все это видимость, что Рамзин показывал так потому, что хотел свою шкуру спасти, боялся быть расстрелянным и т. д. И мы-то, конечно, товарищи, понимаем, для чего это все делается. Людям сказать больше нечего, потому что они пойманы с поличным. Если для них не являются авторитетными или достаточными показания Рамзина и компании, пусть они почитают показание известного чехословацкого генерала Гайды, которое опубликовано сегодня в газете. Гайда — это не Рамзин. Это соратник Колчака. По заявлению Гайды видно, как было это дело, как начинались с 1927 г. интервенционистские замыслы против Советской страны.

Теперь понятно, что когда планы империалистов открыты, как раз на другой день после процесса «Промпартии» начинается новый нажим, новый напор на нашу Советскую республику, где только можно и как только можно снова и снова поднимается вопрос о том, не поставить ли какой-нибудь новой рогатки, чтобы затормозить

¹ Рамзин Л. К. (1887—1948) — советский ученый в области теплотехники, профессор Московского теплотехнического института. В 1930 году был осужден по делу «Промпартии», но впоследствии искупил свою вину перед Советским государством, выполнив ряд важных для народного хозяйства исследований. Награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

наши торговые отношения, местами нормально установленные, и т. д. Одним словом, надо быть готовыми к тому, что на протяжении ближайшего времени нам наши враги постараются создать, если смогут, новые затруднения для нашей социалистической стройки, ибо надо твердо помнить, что в плане работ империалистов, который противостоит нашему плану великих социалистических работ, стоит уничтожение Советских социалистических республик. Это мы разоблачили. Мы предупредили трудящихся всего мира о том, что готовится против нас. Надо же быть, однако, очень легкомысленным, чтобы думать, что наши враги в результате этого процесса разоружатся, извинятся перед нами за беспокойство, причиненное нам, и сложат свое оружие. Ничего подобного, они делают все к тому, чтобы как-нибудь, что-нибудь, где-нибудь, где чем можно помешать нашей социалистической стройке. Наша задача развить еще большую бдительность к окружающим нас капиталистическим странам, чем та, которую мы проявляли за все прошлые годы нашей работы.

Надо, товарищи, делать все для того, чтобы план наших работ, принятый ЦК на 1931 г., был выполнен, а если можно — перевыполнен во всех, по крайней мере, в решающих и основных своих линиях и установках. Повторяю, 1931 г. решает судьбу всего пятилетнего плана. 1931 г. должен дать осуществление в целом ряде отраслей народного хозяйства *всего пятилетнего плана*. 1931 г., если мы в течение его выполним задания, которые перед нами стоят, дает нам полное основание сказать, что *мы дело фундамента социалистической стройки закончили*.

Мы стоим перед нарастающей опасностью военного нападения на СССР. Это обязывает нас ни на одну минуту не забывать интересов обороны.

Вместе с Брианом и Пуанкаре точит нож против русских рабочих и крестьян охвостье русской контрреволюции, все эти Даны, Абрамовичи, весь II Интернационал.

Размежевка классовых сил во всем мире идет полным ходом. Против борющегося пролетариата и грядущей мировой революции выступают единым фронтом все силы

контрреволюции — от оголтелого фашизма до II Интернационала, ставшего организатором и вдохновителем военного нападения на социалистическое отечество всех угнетенных. Но, товарищи, если мы в 1931 г. заканчиваем фундамент социалистической стройки, то не подлежит никакому сомнению, что не нужно ждать много времени, когда миллионы рабочих, миллионы угнетенных Востока и Запада пойдут не только на помощь нам для отстаивания нашей социалистической стройки, они поднимутся для того, чтобы по великому примеру нашей Советской страны утвердить мировую диктатуру пролетариата и начать строить социалистическое общество в мировом масштабе.

Печатается по тексту книги:
С. Киров, Ленинградские большевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934 г., стр. 48—74.

ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

*Доклад в Ленинградском отделении
Комакадемии в январе 1931 г.*

Наше сегодняшнее собрание является, пожалуй (если подобрать громкое слово), историческим в жизни Ленинградской организации.

Комакадемия существует уже порядочно времени, но как-то все получалось так, что мы не находили времени поговорить по вопросам, которыми занимаются работники Комакадемии.

Отсюда, мне кажется, и проистекают трудности нашего первого собеседования по столь важным вопросам. Тем не менее, если учесть итог работы последнего Объединенного пленума ЦК и ЦКК¹, если постараться сразу поставить в поле зрения те задачи, которые записаны в этих решениях, то каждому будет ясно, что осуществить, выполнить и разрешить эти задачи на протяжении ближайшего отрезка времени, скажем, на протяжении настоящего года, мы сможем только в том случае, если действительно сумеем мобилизовать весь наш актив всей нашей партии, всего рабочего класса. Мне кажется, что если говорить об отдельных группах нашей партии, нашей организации, так надо совершенно твердо сказать, что задача, роль и значение квалифицированных кадров нашей партии, разной квалификации, сейчас представляются особенно ответственными.

¹ Речь идет об Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 17—21 декабря 1930 г. *Ред.*

Если посмотреть поверхностно, если можно так выразиться, на те задачи, которые мы сейчас перед собой выдвинули, может даже показаться, что, в сущности говоря, ничего особенного в них нет, что те вопросы, те задачи, которые перед нами стоят, они, так сказать, являются продолжением вчерашнего дня, ничего тут принципиально отличного от вчерашнего нет, и, пожалуй, дело скорей в количестве, чем в качестве. Это далеко не так.

Об этом свидетельствует то центральное место в наших решениях, которое говорит, что мы в наступившем хозяйственном и календарном (которые совпадают) году завершим строительство фундамента социализма в нашей стране. Если это так, а это так, то отсюда, конечно, вытекает то кардинальное, решающее новое, что сейчас выступает в нашей работе на ближайший отрезок времени.

Но прежде чем об этом говорить, я хотел вам напомнить ту сложность обстановки, которая окружает нашу социалистическую стройку.

Я, к великому сожалению, не располагаю ни временем, ни возможностью, чтобы дать вам подробную картину этого положения, я напому вам (боюсь стать очень популярным), напому то обстоятельство, которое сейчас является основным во всей международной жизни и вокруг чего вращаются все вопросы международной политики нашей и международной политики вообще — это кризис, который сейчас переживает капиталистический мир. Я не буду возвращать вас к характеристике этого кризиса.

Надо лишь сказать, что все то, что мы по этому поводу говорили, все это целиком и полностью сейчас подтверждается. Кризис протекает на фоне общего распада мирового капитализма.

Он гораздо болезненнее, гораздо тяжелее переносится капиталистической системой, чем все прошлые кризисы, хотя бы по одному тому, что капитализм находится в монополистической стадии своего развития. Это в огромной степени осложняет дело и создает такое положение, в котором действительно и по сей день не видно просвета. Вы знаете, что теперь уже трудно найти такую капиталисти-

ческую страну, которая так или иначе не была бы охвачена этим самым кризисом. Не нужно приводить общих мест, общих данных для характеристики этого дела, так как это вы все знаете и знаете, что этот кризис является самым серьезным и самым глубоким из всех капиталистических кризисов, бывших до настоящего времени. Когда мы впервые выдвинули это положение, оно казалось для многих и многих, не только наших противников, но и даже некоторых наших сторонников, преувеличением. Теперь это ясно, справедливость этой формулировки абсолютно доказана.

Все вы понимаете, что в основе кризиса лежит перепроизводство. Интересные цифры публикует в этом отношении Варга. Они относятся к сентябрю 1930 г., но они достаточно любопытны и показательны.

Есть один из показателей, на основании которого можно судить безошибочно, что будет с кризисом в данной стране или во всем капиталистическом мире завтра. Хорошим барометром этого дела являются запасы, во-первых, сырьевые запасы, готовые быть двинутыми на фабрику, и, во-вторых, продукция капиталистической промышленности. Количество того и другого определяет, что будет завтра: можно ли надеяться на то, что снова создастся соответствующее равновесие и производительные силы найдут новые звенья, за которые зацепятся, и вся эта капиталистическая машина завертится вновь, вовлекая, возбуждая новые и новые звенья производительных сил.

Так вот что получается.

Если взять запасы предыдущего года за 100, то каков будет коэффициент за 1930 г.?

Каменный уголь в Германии и Бельгии	481
Медь (электролитная) (тут имеется в виду главным образом Америка)	381
Цинк (США)	257
Шелк-сырец (Япония)	364
Каучук (США и Великобритания)	158
Кофе	137
Олово	165
Хлопок	153

О чем это говорит? Это говорит о том, что несмотря на стремительнейшее сокращение производства во всех странах, несмотря на то, что в капиталистических странах десятки миллионов безработных, когда промышленность сплошь и рядом используется только на 50% своей мощности и, таким образом, выпуск товара сокращается в невероятных размерах, — запасы все еще такие, которые превосходят предыдущие годы.

Вы можете задать вопрос: может быть, с готовыми товарами дело обстоит иначе?

Вот данные, относящиеся к 1929/30 г.

Если в 1923—1925 гг. соответствующую продукцию взять за 100, то получается следующее:

По разного рода товарам в 1929 г. общий индекс получается 122, в 1930 г. — 150 (в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем был в 1923 и в 1925 гг.). Промышленные изделия в 1929 г. — 121, в 1930 г. — 127. Железные и стальные изделия в 1929 г. — 132, в 1930 г. — 134.

Вот эта небольшая справка, она должна дать яркую иллюстрацию того, насколько можно надеяться, что кризис в ближайшие месяцы, в ближайшие даже годы может, так сказать, рассосаться. Ведь если взять с обратной стороны, прежде всего вы должны будете получить показатели того, что эти запасы товаров начинают рассасываться, т. е. перепроизводство каким-то образом ликвидируется, и таким образом является новая возможность дальнейшего развертывания производства. До середины прошлого года мы не видели не только сокращения этих запасов, но видели их увеличение.

То, что мы говорили относительно судьбы капиталистической стабилизации, развертывания революционного движения среди рабочих масс, все это на ближайший период времени обеспечено целиком и полностью.

К чему я это веду, товарищи! Я веду это к тому, что все эти вопросы сейчас, в работе нашей большевистской теоретической мысли, должны найти совершенно определенное, совершенно отчетливое отражение. Очевидно, этим вопросом нам нужно, не переставая, заниматься и развертывать эти самые вопросы все глубже и больше изучать их во всех деталях, потому что кризис действительно носит исключительный характер, и если говорить

с точки зрения пророчества на завтрашний день, надо сказать, что очень трудно быть уверенным в том, что, вообще говоря, капиталистическая система из этого тупика, в котором она оказалась, сумеет выбраться, так сказать, безболезненно, но чтобы вообще можно было выйти на те рубежи, на которых эта капиталистическая система находилась накануне мирового кризиса, — скорей можно утверждать как раз обратное. Я говорил вначале, что кризис, который развернулся теперь, это кризис не обычного порядка, это не тот кризис, который, как бывало раньше, затронет капиталистическую систему, а после этого с новой силой, с еще большей жадностью разворачиваются в капиталистических рамках производительные силы капиталистической системы со всеми протекающими последствиями. В отношении этого кризиса мы говорили, как вы помните, о том, что этот кризис, если не везде, то, во всяком случае, в ряде капиталистических стран, неизбежно перерастает в кризис политический. И вот это обстоятельство, имеющее огромное значение для дальнейшего развертывания революционного движения рабочих масс Западной Европы и Америки, играет, как вы знаете, решающее значение. Так вот сейчас подтверждений тому, что этот кризис местами перерастает в кризис политический, подтверждений этому искать не приходится, в этом нет никаких сомнений.

Все вы, конечно, знаете, что самой удобоваримой для капитализма государственной формой является буржуазно-демократическая республика. Она всеми своими гранями прилажена именно к тому, чтобы капитализм чувствовал себя «как у Христа за пазухой». Это высшая форма, высшая государственная оболочка для максимального развертывания всех возможностей в системе капитализма.

Что получается сейчас?

В самой классической, так сказать, стране парламентаризма и буржуазного демократизма — в Англии — не только со стороны консерваторов, но даже и со стороны отдельных представителей английской меньшевистской партии сейчас выдвигается вопрос о необходимости образования такого правительства, которое бы гарантировало английскую промышленность и английскую государствен-

ность от дальнейших неизбежных потрясений. Там уже говорят: довольно иметь дело с отдельными партиями, все это чепуха, а надо просто-напросто доверить руль государственного управления пяти наиболее изысканным, наиболее опытным и прожженным политическим, финансовым, экономическим и прочим деятелям; им передать всю полноту власти, пусть они расправляются с верхней и нижней палатой, «как бог на душу положит», но чтоб была настоящая твердая власть.

Может быть, это звучит некоторым анекдотом в английской обстановке; может быть, это еще недостаточно серьезно. Но, товарищи, если события будут разворачиваться дальше так, как они разворачиваются сегодня, — завтра эти разговоры встанут самым серьезным образом.

Это, я говорю, пока-что звучит анекдотично, но что звучит совершенно не анекдотично, это то, что происходит сейчас в Германии.

Ведь там, в сущности говоря, от всего парламентаризма в самое ближайшее время может ничего не остаться. Кризис этой самой политической системы абсолютно налицо.

Не стоит и говорить о том, что происходит в Польше, которая одна из первых вступила в экономический кризис, на которую особенно тяжело этот кризис давит, и где переход в полосу политического кризиса абсолютно налицо. Там нет сейчас никакого сейма, никаких парламентов, и для того, чтобы поддерживать эту самую распадавшуюся капиталистическую экономику, пану Пилсудскому приходится прямым насилием проводить целый ряд мероприятий.

Короче говоря, самая покладистая для капиталистической системы форма государственного существования — буржуазно-демократический уклад — сходит на нет, и от нее в ряде стран остается все меньше следов.

Почему это происходит? Да потому и происходит, что дело зашло настолько далеко, что сейчас уже нужны какие-то сверхординарные формы для того, чтобы так или иначе еще удержать эту расшатывающуюся капиталистическую систему, расшатывающуюся не по дням, а по часам.

Отсюда совершенно не случайно появление фашистской партии, которую мы сейчас имеем налицо почти во всех странах. На данном отрезке времени это особенно резко выступает в той же самой Германии. Приход фашистов там уже, в ряде каналов теперешней германской политики, становится фактом. Конечно, никакие парламенты там уже не действуют, а действует эта самая гитлеровская банда, которая все больше и больше идет к диктатуре. Нужны уже сверхординарные меры для того, чтобы как-то еще удерживаться в той обстановке, в которую сейчас ввержена сама капиталистическая система.

Таким образом, и то положение, которое многими и многими оспаривалось (считалось необоснованным то, что в ряде стран современный капиталистический кризис неизбежно будет перерастать в кризис политический), мы теперь уже видим совершенно реально, совершенно объективно подтверждающимся. Повторяю, это второе обстоятельство играет тоже очень большую роль не только для общей мировой политики, но и для нашей советской политики на данный отрезок времени. Ведь тут осложнение теперь получилось еще и потому, что просвета нигде не вырисовывается, и потому, что уже нет ни одной страны, которая не была бы охвачена этим самым кризисом, и потому, что для ликвидации этого кризиса отрезаны уже самим историческим ходом развития современной экономики те возможности, которые практиковались обычно раньше. И вам теперь станет ясным то положение, которое там создалось. Ведь если раньше было перепроизводство, можно было искать для него выход где-то на другом материке, где-то в колониях и проч. Теперь положение другое. Сейчас вышло так, что делить уже нечего, все разделено, особенно в последнюю империалистическую войну. Теперь все разделено настолько, что сейчас нет живого места, которое стало бы поглощать с большого капиталистического стола его продукты.

Наконец, если прибавить к этому — чего не было раньше — существование нашего Советского Союза, который также выключается из системы возможного использования для капиталистов, — то станет ясным, как тяжело, безвыходно положение капитализма.

Вся обстановка мирового капитализма и гигантские успехи социализма в СССР усиливают опасность войны против Советского Союза. Когда мы говорим о том, что интервенция никогда не была так близка, как сейчас, между прочим, мы имеем в виду именно положение капитализма, потому что ход капиталистического развития сейчас таков, что вольно или невольно, хочешь или не хочешь, для любого буржуазного правительства создается такая перспектива (мы-то понимаем, что это ложная перспектива возможности плодотворного выхода из положения, но для них это может показаться и не ложным) — попробовать одну из возможностей, найти отдушину из той очень густой атмосферы, которая там создалась, путем похода против СССР.

У нас есть очень много данных, помимо того, что мы обнаружили на процессе той же самой «Промпартии», помимо всего этого, по разным каналам мы уже имеем всякого рода сведения, говорящие о том, что опасность интервенции в СССР, именно в силу положения, в котором оказался сейчас капитализм в Европе и Америке, сейчас гораздо ближе, неизмеримо ближе, чем когда бы то ни было.

Ведь надо прямо сказать, что капиталисты всегда были не прочь предпринять поход против СССР. Вы это прекрасно понимаете. Но ведь надо же сказать и то, что никогда II Интернационал не был так увязан в этих интервенционистских замыслах, как сейчас. Если меньшевики будут отрицать то, что они замышляют интервенцию в 1930 г. и сейчас, в 1931 г., то разрешите усомниться.

Я веду это к тому, что эта самая политика интервенции сейчас находит сторонников не только у самых непосредственных классовых врагов наших, но даже и у таких людей, как предатели II Интернационала, которых некоторая часть рабочих до сих пор рассматривала как друзей. Они никогда нашими друзьями не были, они всегда были нашими врагами, а в последнее время они стали активными сторонниками интервенции.

Вспомните философию того же Вандервельде, который побывал в нашем Советском Союзе. Возвращаясь к себе домой, он распространял против нас всякого рода слухи, но, как только вопрос доходил до того, что СССР угрожает

война, он говорил, что этого допустить нельзя. Он говорил: «Сами сгниют, сгниют на корню».

А сейчас и более пацифистски (если можно так выразиться) настроенные из них другого выхода не видят.

Ставка на наше перерождение окончательно бита.

Нет выхода, хочешь или не хочешь, будь ты двадцать тысяч раз пацифист, если сегодня ты не поставил в порядок дня вооруженную борьбу против Советского Союза, завтра ты это обязательно поставишь и запишешь потому, что надо сказать, что тут действительно столкновение капитализма и коммунизма.

Столкновение между этими мирами неизбежно в ближайший исторический этап. И вот сейчас мы видим совершенно резкий, совершенно твердый и решительный поворот, поворот даже, повторяю, II Интернационала, у которого на знамени сегодня написано: «Интервенция в Советский Союз». Вчера этого не было. Вчера они думали, что все-таки все наши фантастические планы столкнутся со всяческими препятствиями и пр. и пр. Но вот жизнь шла и шла все успешней и успешней, развивалась социалистическая стройка из года в год; сейчас они видят, что на этом месте ожидать реального перерождения нашей революции, ожидать, что практика нас победит, что революция обанкротится — не приходится, и поэтому твердо и прямо ставится вопрос об интервенции в Советскую страну. Это обстоятельство имеет огромное значение, и если мы отдаем себе ясный отчет в том, в какой стадии развала и разложения находится сейчас капиталистическая система, если до конца продумать все те установки, которые мы дали, — ничего неожиданного не будет в том, как себя, скажем, ведет тот же самый Абрамович. Иначе и быть не может.

Если раньше могли быть такие мнения у отдельных лиц, то только потому, что они недооценивали глубины кризиса, который сейчас разъедает капиталистическую систему. А поскольку мы это себе представляем, следует логически, что не только Пуанкаре, не только Бриан и прочие жрецы капитализма хотят интервенции в СССР, но им на помощь идет, конечно, и II Интернационал.

Вот почему, между прочим, изучение современного мирового кризиса приобретает первостепенное мировое

значение для нашей непосредственной социалистической работы внутри нашей страны.

Всяческий кризис интересен, а теперешний, мировой, со всеми его особенностями, представляет сугубый интерес. Можно сидеть на любой полочке Комакадемии и этим вопросом заниматься, но это интересно не просто само по себе, а интересно для того, что мы сегодня делаем внутри нашей страны, для нашей социалистической стройки. Поэтому, когда мы говорим: *надо быть начеку* — это совершенно правильно, но *надо определенно знать, кто и как должен быть начеку*. Для этого надо очень внимательно изучать те процессы, которые сейчас в капиталистической системе происходят.

Это обстоятельство должно лечь в основу теоретической работы для того, чтобы мы действительно по-настоящему вооружились.

Для того, чтобы вооружиться по-настоящему в той обстановке, которая нас сейчас окружает, для этого необходимо внимательнейшее изучение через соответствующие органы нашей партии мирового кризиса. Это крупнейший вопрос сегодняшнего дня. Он не просто сам по себе интересен, а он диктуется необходимостью, это диктуется нашим сегодняшним существованием. В современной обстановке надо следить, каким образом развивается, зреет, организуется то необходимое большинство в среде рабочего класса Европы и Америки, которое в конечном счете решит судьбу капитализма.

Вы знаете, что бросаться в бой за революцию ни одна из стран не сможет, пока необходимое большинство рабочего класса не встанет на новые позиции.

Надо вам сказать, что никогда действительно ожесточение против нас не росло в такой степени, как в настоящий период. В иностранных газетах читаешь, что никакой интервенции не предполагается, что большевики все это придумывают. Но все это — одна видимость. А по существу надо прямо сказать, что более энергичного наступления на нас, чем то, которое ведется в настоящее время, мы давно не видали.

Я не буду повторять тех решений, которые у нас вынесены последним пленумом Центрального Комитета

партии, эти решения иначе, как историческими, назвать нельзя. Но тут нам надо условиться только об одном, — что теперь речь идет не только о том, чтобы еще раз подтвердить правильность тех решений, которые мы приняли, сейчас идет речь о том, чтобы действительно в максимальной степени мобилизоваться вокруг всех этих вопросов. В них выражена программа нашей дальнейшей социалистической стройки и в городе и в деревне. Я хотел только сказать, что с завтрашнего же дня, с сегодняшнего дня, с настоящей минуты еще раз и еще раз требуется огромнейшая мобилизация вокруг всех этих вопросов, причем должен сказать то, что мы на всех собраниях повторяем, по-моему, правильно, что сейчас, на данный 1931 год, речь идет не только о количественных показателях, о количестве нашей работы, вообще о всех количествах, — речь идет о качестве более, чем когда бы то ни было. И не так надо понимать это качество, чтобы всякая пепельница была лучше, чем делалась до сих пор.

Она должна быть лучше.

Но надо сказать, что качество нашей стройки решительно меняется и дальше будет изменяться, как никогда.

Мы с вами живем в таком периоде, когда мы в СССР с капитализмом в основном рассчитались, но коммунизма еще не достигли. Мы вступили в период социализма, хотя до построения социалистического общества еще далеко.

Нет никакого сомнения в том, что и в период социализма наше движение вперед не будет совершаться гладенько из года в год.

Когда мы говорим о качестве, когда записано в наших решениях, что мы в 1931 году завершим фундамент социалистической стройки, надо все громадное значение этого факта понять. Тут речь идет не только о том, что наши доходы будут достигать 49 миллиардов.

Надо поднять качество всей работы вообще и качество нашей теоретической работы. Вот мне сдается, что вся теперешняя наша обстановка и вот этот ответственный перевал, который мы переживаем, требуют и от нашей теоретической мысли гораздо большей остроты, гораздо

большей мобилизованности, чем, например, несколько лет тому назад.

Мне кажется, вы должны со мной согласиться, что если верно, что мы сейчас проходим огромный исторический этап, *то как раз на этом ответственном этапе наша теоретическая мысль и ее развитие приобретают колоссальную важность.*

Поэтому вопрос об этом самом качестве я хочу поставить гораздо шире, чем иной раз привыкли думать. Может быть, тут нужно подобрать другое слово. Требование повышения качества распространить решительно на все области нашей работы и в том числе, далеко не в последнюю очередь, распространить и на нашу теоретическую мысль.

О качестве, скажем, промышленной и сельскохозяйственной продукции очень часто говорилось. Это — уже общее место. Но я напеваю особенно на необходимость повысить качество работы именно тех наших организаций, которые призваны, в первую очередь, воспитывать и двигать вперед нашу теоретическую мысль.

Тут я вам комплиментов говорить не собираюсь, но один из вопросов, обращенных ко мне, гласил: «Какое место Комакадемия должна занимать в нашей Ленинградской организации?»

Если коротенько ответить, то надо сказать, что *Комакадемия должна стать идеологическим и организационным штабом развертывания теоретической работы в нашей организации.*

Это налагает весьма и весьма большие обязанности на Комакадемию и, в частности, на нас, руководителей нашей Ленинградской организации. Если кто-нибудь думает, что Комакадемия может занять какое-нибудь другое, более скромное положение, тогда может стать вопрос: нужно ли вообще такое учреждение?

Так дело обстоит сейчас. Оно так просто и коротко сформулировано, а ставит очень большие задачи перед вами и перед нами и перед всеми нами, вместе взятыми.

Я приведу один-два примера. Мы очень часто говорим о перестройке работы. У нас ведь нет ни одной организации, которая бы не ставила первым пунктом своей резо-

люции: «Недостаточно перестроились, недостаточно на-строились...». Так начинается каждая резолюция.

Так, по-моему, пора перестать с этого дела начинать, а надо действительно перестраиваться буквально по всем звеньям нашей работы.

Я скажу по собственному опыту — огромные затруднения даже в этой перестройке мы претерпеваем потому, что как следует не можем обмозговать, как это перестроить, что перестроить, чтобы дело пошло более форсированным темпом, чем до сих пор.

Колоссальные задачи стоят перед нами. Возьмем для примера перестройку профсоюзов. Как она вырисовывается в данный момент?

Возьмем Союз металлистов. Я не знаю, сколько членов он насчитывает, но это настолько грандиозная армия, управлять которой из одного штаба — ЦК Союза металлистов, при том огромном многообразии отраслей, которые называются металлопромышленностью, — надо быть сверх-Архимедом, чтобы с этим делом справиться.

Возьмем Союз горнорабочих. Все вы знаете роль топлива. Туда входят как две главные ветви наших пролетариев горняки и нефтяные рабочие.

Скажите, что общего между той и другой отраслью промышленности? Я сегодня говорил: общее то, что и тот и другой продукт — черный, но и это не всегда. Тот и другой вынимается из земли, но мало ли что вынимается из земли! Общее найти трудно, а разницу найти легко. Иная техника, иные методы — разное все. Никакой нефтяной рабочий не может быть хорошим углекопом, хорошим забойщиком и т. д. Почему же эти обе отрасли должны быть в одном союзе?

Любое из этих дел возьмите, и вы придете к следующему заключению: если мы действительно хотим стать лицом к производству, то слишком мало будет прийти в фабзавкомы и говорить по поводу зарплаты, соцстраха и проч. Теперь, если ты хочешь помогать и повернуться лицом к этому производству, то, если у тебя тут турбостроение, — ты должен знать, что это такое, как, из чего, иначе — грош цена твоему руководству. А если это так, надо это все дифференцировать, ограничить отдельной отраслью.

Рассмотрим другой вопрос, поставленный ликвидацией безработицы. Когда у нас была порядочная армия безработных, то трудно было найти рабочего, который бы не пожелал быть членом профсоюза, и вы понимаете, почему. Не только потому, что он совершенно сознателен, зрел и проч., не только поэтому. А каждый приезжающий от сохи, из деревни, у которого насчет сознания слабовато, как только приезжает в город, он знает, в какой союз обратиться, как туда можно вклиниться, потому что, не будучи членом профсоюза, найти работу было трудно.

А что сейчас получается? Мы сейчас переживаем огромный недостаток рабочей силы в ряде отраслей. На одном из очень крупных заводов под самой Москвой, в нескольких десятках километров от Москвы, 60% рабочих не состоят членами профсоюзов.

Мы только теперь начинаем в это вглядываться, и не подлежит никакому сомнению, что если мы соответствующим образом не перестроим свою работу, то это и дальше так пойдет, потому что прямая заинтересованность отпала, так как сейчас не рабочий ищет работу, а работа ищет рабочего. Так что в этом отношении надо создавать какие-то новые стимулы для вовлечения в профсоюзы.

С одной стороны, мы сейчас видим на фабриках и заводах совершенно исключительные, новые, социалистические формы труда, мы видим такие явления, как у нас в последние дни хозяйственного года для стопроцентного выполнения промфинплана люди работали сверх урока на заводах, вопреки нашему запрещению сверхурочно работать, и отказывались от какой бы то ни было сверхурочной оплаты. Значит, мы подходим к тому положению, когда труд для организованного звена рабочего класса не становится предметом существования, когда работают не потому, что иначе не проживешь, если не станешь работать, но как раз наоборот — появляются проблески того, чем должен быть труд в коммунистическом обществе.

С другой стороны, на этом же самом этапе 60% рабочего слоя по отдельным предприятиям не состоят членами профсоюза. Тут нечему удивляться, это противоречие,

обусловленное характером той эпохи, которую мы с вами переживаем. С одной стороны — полнейший расчет, все более и более усиливающийся расчет с остатками капиталистической системы, по эти остатки еще сохраняются, и, с другой стороны, — нарастающие элементы нового, коммунистического отношения к работе. Здесь громадный участок теоретической деятельности наших организаций, как, скажем, Комакадемия.

Наши задачи в деревне, в частности в Ленинградской области, огромны. Если мы их не осветим настоящим проектором теории, все уголки нашей деревенской работы, уверяю вас, что наша задача в деревне очень и очень усложнится.

Деревня нашей Ленинградской области очень своеобразна. Она во многом отличается от деревни чисто сельскохозяйственной области.

Тут много разных условий, перечислять которые нет никакой надобности. Но вот кардинальный, решающий вопрос социалистического строительства в деревне — это наше колхозное строительство.

Все мы понимаем, что укрупненные хозяйства, обобществление — это все замечательно. Мы это понимаем и во всех резолюциях пишем. Но как это делать? И тут, оказывается, что гораздо сложнее. Что крупное лучше, чем мелкое, — это ясно, но как это крупное организовать — это не совсем ясно и сплошь и рядом очень и очень неясно.

Организация крупного общественного хозяйства в земледелии требует самого предельного внимания теоретической мысли.

В заключение должен сказать одно, что если мы будем по-настоящему думать о повышении качества всей нашей работы, то нам надо, в отношении нашей Комакадемии, те решения, которые вынесены Областным комитетом партии, возможно сильнее развернуть по линии практического осуществления. Я знаю, что там много трудностей, все это абсолютно верно. Но так же верно и то, что надо извлечь максимум того, что можно извлечь из Комакадемии для успеха работы нашей партии.

Надо сделать так, чтобы работа Комакадемии была увязана теснейшим образом с проведением основных задач, которые стоят как в частности перед Ленинград-

ской организацией, так и перед всей нашей партией в целом.

Я думаю, что до настоящего времени этого у нас не было в необходимой степени, в какой надо. Я просматривал кое-какие материалы до сегодняшнего заседания. Вот, скажем, если взять работу нашего Института истории в 1930 г.: у вас там 43 темы были, там есть много интересного, много любопытного, история прошлого занимает немало места (с м е х), но иногда бывает, что чем дальше в историю заглянешь, тем менее глубоко занимаешься историей (с м е х). Я думаю, что в том смысле, в каком нам нужна история, известная нам — ленинцам, большевикам, непосредственным строителям социализма, — я думаю, для того, чтобы углубить работу исторического Института, надо заняться более близкими историческими темами.

Например, там есть IV век — Греции, это очень далеко, да и с практикой нашей работы мало связано. Где там вспоминать Александра Македонского, не глубже ли будет, если поближе возьмем.

Это не значит, что запретно читать Канта и проч. — это все нужно. Но надо читать то, что действительно сегодня помогло бы нашему социалистическому строительству, чтобы это было прожектором, который освещал бы пути нашего соцстроительства.

Под этим углом зрения и вынесено решение Обкома партии, которое, наверное, известно работникам Комакадемии. Может быть там чего-нибудь не хватает, но одно для нас ясно, что жизнь и деятельность такого высоконедобходимого учреждения, как Комакадемия, должны быть увязаны с практикой нашей работы, должны явиться не просто лабораторией теоретической мысли: где-то, что-то, откуда-то. Отнюдь нет, нужно, чтобы все это было самым непосредственным образом увязано с тем генеральным планом, генеральной линией, которая у нас есть. В этом отношении Комакадемия может нам оказать громадную помощь.

Я вам приведу два примера, совершенно прозаических, которые потерпели некоторый ущерб именно потому, что мы не посмотрели на проведение этих вопросов достаточно основательно теоретически.

Я хочу сказать о нашей финансовой реформе. В основе реформа, безусловно, правильная. Но то, что мы с самого появления не осветили эту финансовую реформу со всех сторон острым теоретическим прожектором, привело к тому, что в ряде сторон эта самая финансовая реформа ударила очень и очень отрицательно по всему нашему народному хозяйству.

Второй пример. Мы совсем недавно провели громадную работу по реорганизации нашего транспорта. Все мы, конечно, знаем, и еще Маркс говорил, что без транспорта... и т. д. социализма не построишь. Мы и решили, что раз так — транспорт необходимо реорганизовать. Эта реорганизация началась без достаточно всестороннего освещения всех перемен, вносимых перестройкой. Теперь мы должны вновь заниматься транспортом.

Тут, может быть, скажут: вот тебе на, Комакадемия, ленинизм, марксизм! Транспорт затормозился — теоретическая мысль вовремя не подспела. Но, товарищи, это именно так. И вот, если мы сумеем это взаимодействие между практикой нашей работы и теорией установить, не подлежит никакому сомнению, что через некоторый промежуток времени, когда мы встретимся с вами снова, мы тогда с несколько иными итогами придем в нашей общей работе и, в частности, в работе Комакадемии. Еще раз и еще раз повторяю, глубокую ошибку сделаем мы, если будем думать, что чем ближе к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории. *Никогда ни в одну эпоху эта теория не играла такого колоссального значения, какое она играет сейчас.*

А к великому сожалению, если говорить в порядке самокритики, когда мы подбираем кадры для наших научных учреждений, у нас до сих пор даже ни сил, ни средств не оказывается, мы даже шутя бросаем такие фразы: «Подумаешь, нашел чем заниматься — доцентурой», если у нас пятилетка в программе дня! Надо здесь произвести перелом, надо добиться этого, это нужно во что бы то ни стало!

Каждое теоретическое положение освещает нашу социалистическую стройку, оно в буквальном смысле слова

становится достоянием миллионов и миллионов трудящихся, и чем ближе будем подвигаться к социализму, тем более почетное, более достойное положение будет занимать и теоретическая мысль, хотя не будет того разрыва между, скажем, трудом интеллигентным и трудом рабочего человека, именно потому, что теория и теоретическая мысль все больше и больше должны становиться уделом не только избранных. (Аплодисменты.)

Печатается по тексту книги
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи, 1939, стр. 434—450.

ТРИ БОЕВЫХ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

*Доклад об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б)
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б),
19 июня 1931 г.*

Товарищи, истекшая весенняя посевная кампания имела для нашего народного хозяйства огромное значение. Она сыграла исключительную роль не только для нашей социалистической экономики, но и для всей политики нашей партии. Я не собираюсь напоминать вам здесь те длительные разногласия внутри нашей партии, которые в конечном счете упирались в вопросы нашей политики в деревне. Я не буду подробно рассказывать вам, так как вы все это знаете, с какой настойчивостью, решимостью и твердостью ЦК партии проводил свою политику в отношении деревни. Истекшая весенняя посевная кампания является еще одним блестящим доказательством правильности генеральной линии нашей партии в вопросах сельского хозяйства.

Несмотря на не совсем благоприятные климатические условия, мы за эту весну сумели проверить не только в основном, но и в деталях правоту генеральной линии партии в отношении социалистического переустройства нашей деревни. В эту весну мы еще раз нанесли сокрушительный удар взглядам правых и «левых» оппортунистов.

Кроме того, надо вам напомнить, что все враги пролетарской революции свои основные расчеты всегда связывали с мелкобуржуазным характером нашей деревни.

Свергнуть господство капиталистов и помещиков было для нас большим делом, но это была только часть задачи

для нашей партии, борющейся за социализм, за уничтожение классов. Другая и более трудная задача лежала в социалистической переделке мелкого товарного производства, без чего постоянно оставалась опасность восстановления капитализма, без чего нельзя было и думать об уничтожении разницы между рабочим и крестьянином.

КОЛХОЗНИК — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Но вот, товарищи, заканчивается весенний сев 1931 г., и мы имеем в результате этого сева полное подтверждение правильности генеральной линии нашей партии. Мы имеем прежде всего решающую победу колхозного строительства в нашей деревне. В основных зерновых районах сельского хозяйства — я имею в виду Украину (степь), Северный Кавказ, Нижнюю Волгу, Заволжье, степи Крыма, — в этих решающих зерновых районах мы имеем коллективизацию законченной; в этих коллективизированы 80 % крестьянских хозяйств и более 90 % посевных площадей охвачены коллективизацией. Центрально-Черноземная область и все остальные зерновые районы достигли коллективизации больше чем на 50 %; 60 % посевных площадей в этих районах находятся в руках колхозов.

Если мы к XVI съезду нашей партии имели шесть миллионов крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, то к последнему пленуму ЦК нашей партии *мы уже имеем 13 268 000 крестьянских хозяйств*, охваченных колхозами, или 53,7 % всех хозяйств. Таким образом, большинство крестьянских хозяйств охвачено социалистическими формами ведения хозяйства. Даже в нашей Ленинградской области, которая коллективизируется более медленными темпами, чем зерновые районы, коллективный сектор охватывает более трети всех крестьянских хозяйств и около 40 % всего посева. Если на 1 октября 1929 г. в колхозах области было всего 1,4 % крестьянских хозяйств, то на сегодняшнее число (т. е. к июню 1931 г. — *Ред.*) мы имеем уже 35 %, т. е. больше одной трети крестьянских хозяйств охвачены колхозным движением.

Установка XVI партсъезда, в которой было сказано, что отныне в важнейших зерновых районах деревня де-

лится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой Советской власти, и на неколхозников из бедняков и середняков, пока еще не вступивших в колхоз, но которых массовый опыт убедит в относительно короткий срок в необходимости вступить на путь коллективизации, — оправдалась целиком и полностью. Лозунг колхозного движения теперь стал доступен и понятен не только нашей партии в целом, не только рабочему классу стало понятно все революционное значение этого лозунга, но и сами крестьянские массы в подавляющем большинстве усвоили и поняли великое значение этого лозунга. Именно поэтому, товарищи, мы имеем такие огромные успехи. Недаром в свое время очень часто говорил Ленин и вслед за ним т. Сталин, что всякое большое начинание, всякий большой лозунг только тогда может претвориться в жизнь, когда он будет понятен, усвоен и подхвачен миллионами трудящихся нашей страны, когда эти миллионы не только из газет или книг, но и практически, на деле, на опыте увидят реальные положительные результаты осуществления нашей политики.

Рабочий класс, благодаря ленинской политике партии сумел на опыте показать крестьянину преимущества общественной, или, как мы теперь называем, колхозной формы ведения хозяйства, сумел создать материальный фундамент для социалистического земледелия.

Вы все знаете, что мы получили решающую материальную базу для колхозного переустройства нашей деревни именно в быстром развитии нашей фабрично-заводской промышленности, развитии в первую очередь тяжелой промышленности, которая явилась материальной основой колхозного строительства. И сейчас мы можем совершенно определенно и твердо, не впадая ни в какие ошибки, сказать, что весна 1932 г. — это самый крайний срок, когда мы во всех сельскохозяйственных районах будем иметь колхозную форму развития сельского хозяйства как форму главенствующую и решающую.

Колхозное крестьянство превратилось в центральную фигуру земледелия. На базе сплошной коллективизации успешно завершается ликвидация кулачества как класса в зерновых сырьевых районах.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВТОРОГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО СЕВА

Наряду с развитием зернового хозяйства мы за это время, за текущую весну, добились огромных результатов в деле подтягивания так называемых технических культур. Общую посевную площадь к началу работ нашего пленума во всем Союзе мы увеличили по сравнению с прошлым годом, говоря кругло, на 10—11 млн. га. К началу работ пленума мы имели 84 млн. га, в прошлом, 1930 г. у нас было засеяно на это же время 73 млн. га земли.

Надо сказать, что сев тогда еще не был закончен, и мы думаем, что эта цифра в значительной степени повысится. По последним данным на 15 июня, у нас засеяно 93 млн. га, в то время как в прошлом году на это же время было засеяно 83 млн. га; пшеницы засеяно 25 млн. га, в прошлом году засеяно было 23 млн. га; льна — 2,7 млн. га против 1550 тыс. га прошлого года и т. д. У нас в области мы еще далеко не выполнили посевного плана, еще остается засеять свыше 350 тыс. га, но уже на 15 июня мы и по общей площади и по льну оставили позади прошлый год. Надо иметь в виду, что условия, как я уже говорил, в начале весеннего сева этой весной значительно отличались от условий сева прошлой весны. Так, на круг мы в эту весну опоздали с севом, примерно, на 3 недели, весна наступила позднее, тем не менее мы сумели развернуть такую работу, которая дала следующие показатели: если в прошлом году каждая пятидневка в среднем по Союзу давала прирост посевных площадей на 6 млн. га, то в этом году мы каждую пятидневку засевали 9 и 10 млн. га.

Что касается технических культур, то здесь, товарищи, наш колхозный сектор также сыграл огромную роль, и, пожалуй, здесь еще более наглядно можно проследить все хозяйственно-экономическое значение и все преимущества обобществленной, колхозной формы ведения хозяйства. Вы, конечно, понимаете, что возделывать лен, хлопок, сахарную свеклу — это гораздо сложнее, чем сеять рожь, овес, ячмень, пшеницу; эти технические культуры отличаются большой трудоемкостью. Совершенно не случайно,

что в нашей Ленинградской области в старое царское время, скажем, лен среднему крестьянству был не особенно сподручен, потому что экономическая мощь крестьянина-средняка была не под силу этим льняным посевам, льняным площадям, и этим делом, как вы помните, занимались главным образом кулаки. То же надо сказать в отношении хлопка, свеклы и других технических культур. То обстоятельство, что мы сумели в тех районах, где эти культуры являются преобладающими, развернуть большое колхозное строительство, дало возможность в большей степени увеличить посевные площади технических культур. И здесь, повторяю, колхозы сыграли исключительную роль. Например свеклы колхозники засеяли 700 тыс. га, т. е. 70% общего посева ее, в то время как единоличники засеяли 30%, или 300 тыс. га. Хлопка мы засеяли 1½ млн. га, из них 75% засеяны колхозниками и 25% засеяны единоличниками. Повторяю — это не случайность. Самый тип этих культур, условия их обработки неизбежно предполагают обобщественную форму ведения сельского хозяйства, потому что другой путь, путь развития кулацких, капиталистических форм, мы, конечно, исключаем.

Вы помните, когда мы приступили к развитию колхозного движения, то нам говорили, что, собственно говоря, колхозы, как бы помягче выразиться, в значительной части имеют опасность превратиться в «богадельни», что если крестьянин-единоличник, поскольку инвентарь живой и мертвый принадлежит ему, является его собственностью, поскольку его участок, хотя он и не принадлежит ему как собственности, но закреплен за ним на продолжительное время, — что если этот крестьянин-единоличник знает, за что болеет, за что работает и пр. и пр., то когда он перейдет на колхозные рельсы, тут всплывут всякие элементы, вроде тех, которых называют лодырями, которые не особенно с большим усердием относятся к своим обязанностям, и что тут есть большая опасность в смысле падения производительных сил сельского хозяйства.

Чтобы судить о том, насколько «оправдались» эти опасения и как в действительности сказалась коллективизация на развитии производительных сил, я приведу немного цифр. В среднем по нашему Союзу на каждое

колхозное хозяйство мы имеем посев в эту весну 4 га, а на единоличника только 2 га. Тут могут сказать, особенно те товарищи, которые еще прихрамывают на правую ногу, что это еще не аргумент, они могут сказать, что отрезали у единоличника землю, отобрали кулацкую землю и все это перешло к колхозникам, потому у них и больше. Возьмем второй показатель — как использовалась лошадь у колхозника и единоличника. Оказывается, что колхозник сумел лошадью в среднем обслужить 5 га, а единоличник только 2 га. Опять могут сказать, что единоличнику больше и обслуживать было нечего, так как земли мало. Это тоже неверно. Это целиком опровергается цифрами и особенно показательна в этом отношении Ленинградская область. Колхозники, как правило, засеяли и подняли целину своей площади, а единоличники в этом деле отстают. Особенно, повторяю, это показательно в нашей Ленинградской области. Мы по колхозному сектору в части весеннего сева засеяли 95,2% всей посевной площади, а к сегодняшнему дню, несомненно, засеяли все 100%. Что же касается единоличника, то он засеял пока всего 72,3% и около четверти всей земли у него осталось незасеянной. Так что и этот аргумент сюда никак не подходит. В чем тут дело? Нужно отметить, что именно в эту весну наши колхозники в подавляющем большинстве работали по-настоящему и реально на деле показали большую производительность труда по сравнению с единоличным хозяйством.

Таким образом, товарищи, повторяю, этот экзамен, которым являлась истекшая весна, наша партия выдержала и тут не ради агитации и пропаганды, а надо прямо сказать, что выдержала экзамен гораздо лучше, чем можно было предполагать.

А если бы мы вовремя и по-настоящему подхватили полностью все директивы ЦК по весеннему севу, данные не этой весной, а еще в прошлом году осенью, мы добились бы еще больших результатов. А это-то у нас не всегда имело место.

Что это так, я приведу только один пример: в прошлом году осенью была директива ЦК, на которую он справедливо и решительно напирал, относительно зяблевой вспашки. К великому сожалению, мы к этой директиве не

только в нашей области, но и в подавляющем количестве районов нашего Советского Союза, отнеслись, так сказать, прохладно. Сейчас же мы видим, что некоторые районы, в частности Средняя Волга, побили все рекорды в смысле весеннего сева и перевыполнили все задания. Возникает вопрос, почему? Помимо всего прочего они добились этого успеха потому, что в прошлом году осенью подняли 54% зяби и поэтому они нынче весной пришли на сев, как именинники. В то время, когда мы затрачивали громадные усилия текущей весной, они подняли эту зябь и, таким образом, сделали огромное дело. К чему я это веду? К тому, что если бы мы более напористо и решительно осуществляли директиву ЦК, скажем, в отношении всех вопросов, связанных с весенней посевной кампанией, мы добились бы еще больших результатов, чем имеем.

ЗАКАНЧИВАЯ СЕВ, ПО-БОЕВОМУ ГОТОВИТЬСЯ К УБОРОЧНОЙ КАМПАНИИ

Теперь мы переходим ко второй задаче. Сев заканчивается, остается немного дней, и скоро мы будем иметь окончательные итоги того, что мы засеяли. Возникает вопрос о том, насколько мы подготовлены к предстоящей уборочной кампании. Надо вам сказать, товарищи, что эта уборочная кампания будет очень ответственной задачей для нашей партии, для наших колхозников, для всех трудящихся вообще.

То, что я вам говорил, — огромное расширение посевных площадей, оно, конечно, помимо всего прочего, было достигнуто и тем, что мы сумели в громадной степени вооружить новой техникой наше сельское хозяйство, но надо сказать, что мы вооружили сельское хозяйство недостаточно, не в такой степени, как нам хотелось бы это сделать. Правда, наша партия тут ничем не поскупилась: помимо того, что мы направили на развитие в нашей стране сельскохозяйственных машиностроительных заводов, мы затратили и затрачиваем на сегодняшний день огромные валютные средства на ввоз сельскохозяйственного инвентаря из-за границы, но оказывается, что этого недостаточно, особенно недостаточно в крупных колхозах и еще более недостаточно в наших совхозах.

Нам нужно еще сделать много, чтобы действительно по-настоящему и до конца реконструировать наше сельское хозяйство. Но даже и тех элементов реконструкции, которые мы уже внедрили в наше сельское хозяйство, оказалось вполне достаточно для того, чтобы опрокинуть существующий взгляд буржуазных экономистов и теоретиков, что это укрупняющееся хозяйство из года в год неизбежно должно будет упереться в невозможность дальнейшего развития, в силу самой природы ведения сельского хозяйства. Об этом говорят все буржуазные экономисты, об этом свидетельствует буржуазная сельскохозяйственная экономика. Но мы с вами имеем опыт и знаем, что мы имеем в нашей стране примерно 200 тыс. колхозов и около 4 тыс. совхозов. И вот эти 200 тыс. единиц сейчас владеют и обрабатывают 70% площадей. На долю единоличников, которых сейчас насчитывается около 12 млн., остается только 30%. Таким образом, возможность социалистического земледелия на коллективных началах доказана нами целиком и полностью. Но это для своего дальнейшего укрепления требует огромного технического вооружения.

В уборочную кампанию мы натолкнемся в самые же первые дни на недостаток технического вооружения. Чтобы вам были понятны все те трудности, которые стоят перед нами, я приведу только один пример: мы сейчас имеем довольно порядочное количество сложных сельскохозяйственных машин, которые называются комбайнами. Трактор «Катерпиллер» может тащить за собой сразу 2 комбайна, каждый комбайн в 35—40 минут дает чистого зерна 100 пуд., за трактором тянутся два комбайна, которые каждые 30—40 минут будут давать 200 пуд. зерна. Вот и спрашивается, как собрать эти 200 пуд. зерна каждые полчаса? Тут мы прежде всего упираемся в машину, в автомобиль. Без него собрать это зерно будет чрезвычайно трудно.

Приведу второй пример, касающийся Ленинградской области. Подсчитано, что каждая десятина или каждый га земли, засеянный льном, требует при работе вручную 110 человеко-дней, считая не только дергание льна, но и всякую последующую его обработку. Я не буду уже говорить о других примерах, например о том, что «Союза-

хар», который занимается возделыванием свеклы, должен будет собрать около 300 млн. пуд. одной только свеклы. Это тоже не все. Надо каким-то образом собрать, каким-то образом сделать так, чтобы не было никаких утерь. Я уже не говорю о таких вещах, как огороды. Мне дали сегодня справку, что у нас в Ленинградской области валовая продукция овощей и корнеплодов увеличивается по сравнению с прошлым годом почти в два раза. Если не произойдет какого-нибудь стихийного бедствия, а будет тот урожай, на который мы рассчитываем, то мы увеличим огородную продукцию и корнеплоды на 176%. Это тоже надо собрать. Мы увеличиваем сбор сена и травы на 40%, картофеля на 66%. Все это вместе взятое ставит перед нами во всей широте вопрос об уборочной кампании, и не случайно по этим занимался последний пленум ЦК нашей партии.

К предстоящей уборочной кампании нам нужно, товарищи, подойти вооруженными с ног до головы. Надо сказать, что к этому вопросу мы недостаточно подготовлены. Это мы установили на пленуме. В различных районах подготовительная работа находится на различной стадии, и нужно сказать в порядке самокритики, что Ленинградская область стоит далеко не на первом месте. Наши районные работники все еще кое-где досевают, а когда некоторых из них спрашиваешь насчет уборки, то они отвечают, что они еще досевают и боятся сорвать посев. Мы еще не научились планоно работать. Вот почему этот вопрос был поставлен в Центральном Комитете нашей партии, чтобы в остающийся промежуток времени сделать все, чтобы уборку подготовить целиком и полностью.

ЗА ЧЕТКИЙ ПЛАН, ЗА СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ ПРОВЕРКУ ИСПОЛНЕНИЯ

Я говорил, что мы недостаточно технически вооружились для уборочной кампании, но это отнюдь не значит, что мы не имеем никаких сдвигов по сравнению с прошлым годом. И тракторов, и молотилок, и уборочных машин мы имеем гораздо больше, чем в прошлом году. Кроме того, мы имеем, правда, недостаточно, но все-таки имеем в наличии новые машины, скажем, по льнотереблению и пр., которых не было совсем в прошлом году.

Мы сейчас от имени ЦК дали жесточайшую директиву по всем заводам, изготавливающим сельскохозяйственный инвентарь, чтобы в остающийся промежуток времени они готовились выбросить максимальное количество уборочных машин.

Что же требуется от работников, непосредственно занимающихся этим делом сегодня? Надо, не теряя ни одного дня, особенно организациям, ведающим нашим колхозным и совхозным строительством, составить совершенно точно продуманный, детально обоснованный оперативный план сельскохозяйственных работ на текущую уборочную кампанию. Надо суметь проявить четкость, которая позволила бы предусмотреть решительно все, чтобы каждый из нас понимал, что дело будет заключаться не только в работах по уборке урожая, но что одновременно мы должны повести как подготовительную работу по осеннему севу, так и подготовку земли к будущему весеннему севу. Это очень сложная и большая задача, но надо увязать эту работу, надо распределить всех людей, поставить их на боевые посты и не только раз поставить, но и в дальнейшем процессе всей работы уметь быстрее маневрировать. Тут придется работать в высокой степени напряженно, оперативно, сегодня сажать людей на одну работу, завтра на другую, послезавтра продвигать третье звено нашей работы. Во всяком случае без обдуманного, хорошо обоснованного календарного плана, плана по дням наших работ нам, товарищи, с этой большой задачей уборки и подготовки к будущему севу не справиться. Надо широчайшим образом развернуть начатую и глубоко проводимую работу в том направлении, чтобы всю работу в колхозах организовать на началах сдельщины. Без этого нельзя добиться высокой производительности труда. Надо сделать так, чтобы каждый работник сельского хозяйства, — особенно, повторяю, дело касается колхозов, — был прикреплен к совершенно определенным обязанностям, к определенным машинам и т. д. По возможности надо переходить к тому, чтобы каждый работник в колхозе специализировался на известных областях работы. Не буду вдаваться в детали, но каждый поймет, что если на фабриках и заводах существует разделение труда, как прогрессивная форма, то то же самое целиком и полностью

относится к сельскому хозяйству, ибо надо сказать, что наше сельское хозяйство, по мере того как оно будет все больше и больше технически перевооружаться, оно все больше и больше будет походить на наши фабрики и заводы. И здесь разделение труда, специализация, прикрепление отдельных работников к отдельным операциям, к отдельным машинам и пр. будет играть опромную роль.

Ввиду того, что механического инвентаря будет недостаточно для этой уборочной кампании, надо умело сочетать работу машины с работой живого инвентаря — лошади. Даже у нас, в Ленинградской области, часто бывают такие случаи: «Давай трактор, — лошадь не годится». Целину поднимать — лошадь не годится, дай трактор. А как аппетиты растут! Если даешь путиловский «Фордзон», то, как говорят, извиняюсь, не подходит, дай обязательно «Катерпиллер», «Интернационал» и т. п. А о том, чтобы воспользоваться пока тем, что имеется, чтобы использовать целиком лошадь, об этом думают мало: лошадь — это, мол, отсталая форма, не годится. Это, товарищи, в корне неверно и, больше того, вредно. Товарищи, которые знают сельское хозяйство, говорят, что в наших условиях, в условиях Ленинградской области, где больших посевных площадей нет, где все разбросано кусочками, в ряде мест комбинация «трактор и лошадь» дает великолепные результаты. Надо сочетать машину с живым инвентарем. И в ряде мест есть такие узлы, где живой инвентарь может сделать на данной стадии даже больше, чем машинный инвентарь. Все это надо с сегодняшнего же дня привести в соответствующий порядок, взять на учет и быть подготовленным к уборочной кампании. Надо провести (эта работа у нас уже развернута, но еще недостаточно) действительное, полное и настоящее внедрение *сдельщины в работу колхозов*. Формально у нас сдельщина, трудодни — все это рассчитано. Есть соответствующие бланки, но все это проведено формально, теоретически, в кабинетах, и это не только у нас, в Ленинградской области, но и в более развитых сельскохозяйственных областях. Настоящей же, подлинной сдельщины, которая заинтересовала бы колхозников на все 100% в результатах работы, пока еще в большинстве колхозов нет. А между тем надо сказать, что просто работа

«миром», как когда-то крестьяне друг другу устраивали так называемую «помочь», когда вся деревня выходила и помогала, такая работа сейчас не выйдет; нашу социалистическую форму земледелия на таких основаниях строить не удастся. Каждый входящий в колхоз, помимо того что весь колхоз в целом должен быть заинтересован в максимальной производительности всех, каждый в отдельности должен быть заинтересован в том, чтобы давать как можно больше.

Большой проблемой является вопрос о распределении дохода продуктов сельского хозяйства внутри колхозов, к чему мы уже перед уборочной кампанией должны быть подготовлены самым настоящим образом. В прошлом году имела место практика душевого распределения дохода, приносящая крупный вред колхозному строительству. В текущем году с самого начала надо избежать повторения ошибок прошлого года и поставить распределение дохода строго по трудовым затратам.

Наконец, товарищи, вопрос *об учете*. Вопрос большой и тяжелый. Недаром же было сказано т. Лениным в ответ на вопрос, что такое социализм: «Социализм — прежде всего учет». Когда же мы переходим на обобщественную форму, учет приобретает исключительное значение. И тут, если у нас на фабриках и заводах постановка учета заставляет желать лучшего, то, конечно, в сельском хозяйстве это особенно тяжелый вопрос.

Наконец, вопрос *о технике*. Теперь у нас боевой лозунг — лицом к технике. Все мы за технику, говорим, что высшую школу нужно на завод, завод в высшую школу и действительно в городе на фабриках и заводах успехи налицо и успехи наглядные. Но где нам особенно надо стать лицом к технике, где мы этого до сих пор не сделали, так это в сельском хозяйстве. Здесь в этой технике совершенная и абсолютная нужда. Все, кто наблюдал работу МТС, этого крупнейшего звена нашей социалистической экономики, тот мог видеть, какие чудеса они делают. Беда тут заключается в том, что насчет техники мы слабоваты. Необходимо решительно повернуться *лицом к сельскохозяйственной технике*. Все, что делалось раньше помещиком, оказалось пустяком по сравнению с теми задачами, которые нужно разрешить. Каждая но-

вая весна и осень, новый сбор сельскохозяйственной продукции, ставит перед нами все новые и новые задачи. Конечно, мы в общем понимаем, что такое пшеница, рожь; конечно, мы картошку от редьки отличаем, все это так, но всего этого для социалистического строительства в нашей деревне маловато. Не надо забывать, лет через пять мы предъявим новые, совершенно колоссальные по своему объему требования к нашей сельскохозяйственной продукции. Одно дело — сейчас, когда мы только завершаем фундамент нашей социалистической экономики, и другое получится через пять лет, когда на этом фундаменте наша социалистическая индустрия в городе и в деревне вырастет до гигантских размеров, когда наш рабочий класс культурно поднимется так, как никогда. И вот необходимо теперь же начать подводить новую техническую базу под наше сельское хозяйство так же, как мы подводили и подводим ее под нашу промышленность. Здесь необходимо, повторяю, больше, чем когда бы то ни было, повернуться лицом к этой нашей машинно-сельскохозяйственной технике.

Между прочим, возьмите к примеру, как работают наши тракторы, комбайны и прочие сложные машины. Если они работают на 50 %, уже говорят «хорошо». Почему? Не потому, что машина не хочет работать, а потому, что мы не умеем около этой машины как следует работать: чуть застопорило, и ходят тракторист или механик около этого комбайна или трактора, как около чего-то совершенно непонятного, и дело поправить не могут. Мало техники, не хватает культуры. Роль наших культурных организаций, в широком смысле этого слова, должна быть переключена самым непосредственным образом на работу в этой области. Посмотрите, что делалось в Ленинградской области в эту весеннюю кампанию. Тракторы местами использовались на 20—30 %, не больше, ряд полемок, пережог горючего и т. д.

Для нашего комсомола здесь очень большая задача, народ они вообще любознательный по своей природе, напористый, азартный и энергия есть, и вот здесь для них непочатый край работы.

Нужно сказать, товарищи, что предстоящая работа по уборочной кампании является не только для нашего

села, — что не подлежит сомнению, — но и для всей нашей партии, для всего городского пролетариата огромнейшей задачей, которую мы должны разрешить, если мы действительно хотим полностью пожать плоды того, что засеяли. Достигнутые нами размеры развития совхозного строительства, площади технических культур, размеры животноводства и т. д. — все это подтверждение правильности тех генеральных наметок, которые наша партия сделала. Мы давно сказали, и правильно, что зерновую проблему мы разрешили. Сейчас мы находимся буквально накануне разрешения проблемы технических культур и особенно важной проблемы животноводства. Мне особенно хотелось подчеркнуть задачу животноводства в нашей Ленинградской области. Вы, наверное, читали в газетах сообщение о том, что мы в этом году начинаем постройку так называемого «мясокомбината». Это огромное начинание, которое мы наметили и подобное которому можно найти разве только в таких странах, как САСШ. Это целые мясные фабрики с огромнейшей производительностью, которые мы строим в первую очередь в Москве и Ленинграде.

Я приведу только одну цифру. На первых порах в ближайшие же месяцы развертывания этого комбината для обеспечения его работы нам нужно будет давать для каждого из них 3 тыс. свиней ежедневно — это такие размеры, которые перед нашими организациями ставят громадную задачу. Вы, быть может, скажете, что это к предстоящей уборочной кампании не имеет отношения. Нет, имеет, и самое прямое и непосредственное, потому что этот комбинат мы должны будем обеспечить продукцией нашего животноводства, а следовательно кормовая проблема встает тут перед нами во всем своем объеме.

Ясно, что разрешить такие проблемы ни отдельно сельская организация, ни отдельно сельсовет, ни исполком, ни Областком — никто в отдельности разрешить их не может, а это можно сделать только в том случае, когда мы все по-настоящему мобилизуемся вокруг этих задач, вокруг этих вопросов.

Второй вопрос в порядке дня пленума ЦК — железнодорожный транспорт и его очередные задачи. Я не буду воспроизводить перед вами те колоссальные достижения, которые мы имеем в области развертывания социалисти-

ческой стройки по линии промышленности (о сельском хозяйстве я вам уже говорил), по линии всего социалистического строительства в нашей стране в целом. Надо сказать, что это — привычная картина для каждого из нас — стройка шовых гигантов, которые начинают постепенно включаться в работу; с осени они будут включаться один за другим, а в будущем, 1932, году в работу войдут такие гиганты, которые явятся примером не только для нас, но и для самых высокоразвитых капиталистических стран.

Вся эта общая наша социалистическая стройка, вся эта общая работа логически предопределяет исключительный рост всех видов транспорта в нашей стране. Если картинно изобразить роль и значение этого транспорта, то транспорт является кровеносной системой всей нашей социалистической экономики. Вы прекрасно знаете, что в свое время об этом красноречиво говорил Маркс, писал Ленин, — все это мы прекрасно понимаем, но тем не менее вопросы нашего транспорта, — если говорить в порядке самокритики, — они со всей отчетливостью в нашем сознании еще не стоят.

Поэтому не случайно, что на данной стадии нашего развития, несмотря на огромные достижения в области всех видов нашего транспорта, несмотря на всякие нововведения, расширения и пр. на данной стадии нашего развития, как это сказано в решении последнего пленума, *транспорт является узким местом в развитии нашего социалистического хозяйства.*

Что представляет собой этот транспорт — я имею в виду главным образом железнодорожный транспорт, — если мы его сравним с транспортом капиталистических стран? Если возьмем *длину железнодорожной сети* нашего Союза, то оказывается, что мы стоим на втором месте; первое место занимают САСШ. Если мы возьмем количество передвигаемых железнодорожных грузов, то среди так называемых великих держав мы тоже находимся на втором месте, мы перевозим 133 млрд. пуд. грузов.

На первом месте стоят Соединенные Штаты, которые перевозят 630 млрд. пуд. Если взять *среднюю длину пробега* наших грузов, то мы здесь стоим на первом месте. Если мы возьмем *грузонапряженность* наших железных дорог, то мы тоже находимся на первом месте. Эти четыре

показателя говорят о том, что нам только в двух отношениях остается догнать и перегнать первоклассную капиталистическую державу — Соединенные Штаты. А вот сейчас, если перейти к другим показателям, — дело окажется несколько иное. Например, по части вагонов. Мы среди великих держав — Соединенные Штаты Америки, Англия, Германия — находимся на пятом месте. У нас товарных вагонов полмиллиона, в то время как в Соединенных Штатах их два миллиона девяносто тысяч. *Но паровозам мы также находимся на последнем месте.* У нас паровозов 17 тыс. штук, в Соединенных Штатах 58 800 штук. Средняя подъемная сила наших вагонов на круг 18 с небольшим тонн, в Соединенных Штатах подъемная сила вагонов 41 тонна. По весу товарного паровоза мы на втором месте и наш товарный паровоз весит 522 тонны, в Соединенных Штатах — 714 тонн.

ПРИЧИНЫ ОТСТАВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Мы, конечно, оставили позади далеко то, что было при царе, паровозы наши теперь более мощные, вагонов у нас больше, железных дорог стало больше и порядка на железных дорогах стало побольше. Но надо считать плохим тоном, когда мы сравниваем себя с тем, что было при царе, теперь надо сравнивать себя с тем, что находится вокруг нас, и здесь остается желать еще очень и очень много, хотя, повторяю, громадная работа наряду с общей социалистической стройкой сделана и в отношении транспорта, особенно, если принять во внимание то, чем транспорт был несколько лет тому назад. Если уж говорить правду, то больше всего пострадал наш транспорт и от империалистической войны и от империалистов во время интервенции; во время гражданской войны больше всего досталось транспорту. Нет же ни одного железнодорожного узла, который за этот период времени не пострадал бы самым основательным образом. Каждый помнит, что во время гражданской войны, когда мы на заводах, хотя и делали порой зажигалки, но все-таки кое-что делали, то транспорт представлял собой что-то совершенно невообразимое. Все это мы поправили, все наладили, движение

сейчас более или менее человеческое и тем не менее транспорт стал узким местом в развитии народного хозяйства. Почему? Во-первых, потому, что мы все сразу в деле нашего социалистического строительства не могли охватить в равной мере. Мы начали с тяжелой индустрии, ее преобразовали, реконструировали, потом перешли на легкую, потом поднавалились на сельское хозяйство, а теперь вплотную подошли к нашему транспорту, правда, подошли недостаточно, но, с другой стороны, не могли же мы действительно все эти ноши поднять одновременно. Нельзя не отметить также опрошной роли, которую сыграла на нашем транспорте работа вредителей. Если, как я говорил, наш транспорт во время империалистической и пражданской войн пострадал больше всего, то без преувеличения надо сказать, что в смысле вредительства мы имели на транспорте более организованные гнезда, чем где бы то ни было. Транспорт — это не фабрика, не завод, а совершенно иная организация, особенно у нас, где все дороги централизованы, находятся в одних руках, где все должно работать, как часы, где должна быть такая организация, которая почти ничем не отличается от работы военной организации. В таком деле, если туда внедряются вредительские элементы, они могут наделать очень много вреда.

Ответственнейшие участки транспорта находились в руках вредителей. Это повело к очень большим последствиям, которые мы до сих пор расхлебываем.

Второе объективное обстоятельство заключается в том, что мы не могли сделать те вложения, те капитальные работы в области транспорта, которые, скажем, мы сделали в отношении промышленности. Если сравнить по годам капитальные вложения в промышленность и транспорт, — я цифры вам приводить не буду, — то можно сказать, что они растут, но в промышленности растут быстрее, чем на транспорте. Поэтому неудивительно, что сейчас мы принуждены констатировать по всем линиям транспорта огромное отставание: паровозы легковаты, вагоны маловаты, рельсы легковаты, пути расшатаны. И наша железнодорожная связь — этот один из основных нервов железнодорожного движения — находится в очень плохом состоянии.

Но сейчас, когда развернулась у нас общая реконструкция всего нашего народного хозяйства, мы вплотную занялись этой реконструкцией и в отношении нашего железнодорожного транспорта. Оказалось некое обстоятельство, которое не только не помогло нам, но за последнее время еще более усугубило наше положение на транспорте. Мы заинтересовались и начали изучать железнодорожный транспорт во всех странах. Ездили на Восток — в Японию, Америку, Европу, куда хотите. Где только есть железные дороги, везде мы побывали. Везде изучали и хотели перенять, чтобы у себя лучше сделать. Мы, конечно, многое заимствовали. Но некоторые вещи мы позаимствовали такие, которые совсем не надо было заимствовать. Я хочу сказать по поводу обезличенной езды на транспорте, которая напутала нам дело в величайшей степени. В целях поднятия эксплуатации паровозного парка, мы решили ввести обезличенную езду, сущность которой для вас всех ясна. Это, отвлеченно, теоретически говоря, более прогрессивная форма, чем прикрепленная, спаренная езда, которая практикуется у нас сейчас. Теоретически обезличка более подходящая форма, более прогрессивная, но при одном условии, если она будет сопровождаться целым рядом технических условий вроде более густой сети депо, мастерских, разного рода контрольных пунктов и пр. и пр. Тогда из этой обезлички выйдут положительные результаты. Но наши особенно «прогрессивные» железнодорожники решили поступить как раз наоборот. Они ввели обезличку и в то же время сократили количество депо и железнодорожных мастерских и вообще не сделали всего того, что нужно для обезлички, а сократили базу, при которой она могла бы приносить пользу.

И в итоге зимой, в самую горячую пору транспорт оказался в таком положении, что поставил под угрозу промышленность. Мы скатились в деле погрузки, в деле перевозки на 32—34 тыс. вагонов, в то время как задание было около 60 тыс. вагонов в день. Мы в Ленинграде это остро почувствовали, когда была заминка с топливом. Тут мы взялись за это дело и начали заново рассматривать транспортную работу. Отменили «обезличку» и вернулись назад, пошли по линии спаренной езды. Результат

налицо. Теперь не только поезда ходят аккуратно по такой дорожке, как Октябрьская, а и по всей сети. И не только «Красная стрела» идет по 90 км в час, но и товарные движутся быстро, а налаживание товарного движения имеет особо важное значение, принимая во внимание, что мы будем перевозить хлебные грузы и пр. С того момента, когда ЦК забил тревогу по поводу обезлички, тут все организации, и партийные, и хозяйственные, и профсоюзные повернули довольно круто лицом к транспорту и сравнительно в короткий срок мы сумели выйти из того положения, в котором находились. Но может ли нас удовлетворить то состояние, которое мы имеем сейчас на нашем транспорте? никоим образом, ни в малейшей степени. Немного пройдет времени, и мы будем в общих чертах обсуждать *следующую пятилетку*, которую теперь первоначально накидываем. Если вы посмотрите последние годы этой пятилетки, то увидите, какой пружинный спроектирован и какую колоссальную работу нужно сделать в отношении транспорта, если мы хотим его поставить на надлежащую высоту.

ЗА ГЕНЕРАЛЬНУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ ТРАНСПОРТА

Какие перед нами стоят задачи? Само собой понятно, то, что намечено нами в порядке текущей работы, должно быть проведено неуклонным образом во всех больших и малых вопросах. На пленуме ЦК встал вопрос более широко, а именно: мы толкуем, что переживаем реконструктивный период, период социалистической реконструкции. Абсолютно правильно. Надо понять, что реконструкция в наших условиях — это такая штука, что если с основного ведущего звена начали, т. е. с нашей индустрии, то неизбежным образом эта реконструкция потребует в дальнейшем реконструкции всех остальных областей народнохозяйственной жизни. Этой же коренной реконструкции требует сейчас и наш транспорт. Тут надо подойти революционно к решению этой задачи. И что еще усложняет дело, так это то, что перед нами нет никаких примеров, потому что мы вообще не обязаны и не можем проделать то, что проделал европейский, американский и японский транспорт. Больше того, если мы в кратчайший

срок должны не только догнать, но и перегнать западноевропейские капиталистические страны, так это мы должны целиком сделать и в отношении транспорта.

Возьмем, к примеру, *паровозы*. Наши паровозы легче, чем американские паровозы. Мы сейчас думаем применяемые в Америке паровозы с нагрузкой на ось в 23 т пустить на наши советские рельсы. Вопрос надо ставить шире и глубже. Я вам говорил, что наши вагоны вмещают до 18 т в среднем, а американские 41 т. А вы думаете, нам сколько нужно? По крайней мере 50—60 т, потому что большевики народ тяжелый и если они за что-нибудь взялись, то будут строить основательным образом. Это не ради агитации говорится, а это самая настоящая хозяйственно-экономическая необходимость и выгода. Мы все же не настолько богаты, чтобы допускать такую штуку, что паровоз дает 6-процентный коэффициент полезного действия, в то время как тепловоз дает 20-процентный. Мы тут считали, что железные дороги сжигают самого ценного, самого лучшего угля около $\frac{1}{3}$ всей нашей добычи. Мы говорим: так дальше дело не пойдет, и поэтому мы поставили себе задачу перехода на электровоз и тепловоз. Это гораздо более подходящая, более экономная вещь. И с 1932 г. надо начать переход на электровозы.

Здесь могут сказать, что не через край ли мы хватили, и так, действительно, на первый взгляд может показаться. Ибо по электрификации железных дорог мы имеем в самых передовых странах всего 2% электрифицированных железных дорог и это в большинстве случаев подъездные дороги. Например, во Франции, где дело электротехники поставлено довольно высоко, там всего электрифицированы 2,8% всей железнодорожной сети; в Америке, где техника выше, чем в других странах, — 0,9%, и тем не менее мы ставим задачу перевода нашего транспорта на электровозы и тепловозы, если мы действительно хотим наш транспорт реконструировать.

Тут нам приходится шагать несколько дальше, чем в капиталистических странах. Если представить себе, что мы перешли на электровозы, то экономия получается совершенно исключительная. Я не говорю о скорости дви-

жения, об обороте и пр. Подсчитали, что на каждый километр мы получаем 100 т экономии металла, получаем в среднем сокращение рабочей силы на 50 % — это задача, которая сейчас стоит перед нами."

Если возьмем наиболее развитые страны, то ни Европа, ни Америка таких задач перед собой не ставят и поставить не могут. Вы, наверное, слышали, что в Англии и САСШ идет конкуренция не электровоза на рельсах, не тепловоза с паровозом, а паровоза с автомобилем. В частности, в Англии строят огромную шоссейную дорогу, по которой будут возить пассажиров в автобусах; говорят, что это будет выгодно. Пусть это будет более выгодно для них, а для нас более выгоден электровоз и тепловоз. На данной стадии нашей работы это, безусловно, прогрессивная вещь. Ничего нет удивительного в том, что для нас более приемлемо то, что неприемлемо ни в Америке, ни в Европе. Это объясняется только тем, что есть такие виды техники, такие способы развертывания производительных сил страны, которые на теперешней дряхлеющей стадии развития капитализма оказываются ему не по плечу. И поэтому капиталисты за выполнение таких задач не берутся.

Однако, повторяю, когда в 1932/33 г. мы уже на ряде дорог будем применять тепловозы и электровозы, наряду с этим мы еще не сможем отказаться от существующего железнодорожного хозяйства, и поэтому в решении ЦК вы читали о том, что ряд дорог реконструируется в смысле замены полотна, рельсов и пр. и пр. Наконец, общее, что касается всего железнодорожного хозяйства, — более решительный подход к *рационализации* железнодорожного транспорта.

В самом деле, если тот промаднейший грузооборот, который в нашей стране из года в год увеличивается, мы будем все еще обслуживать теми вагонами, на которых раньше было написано: 40 чел., 8 лошадей, — это не выйдет. Нужна рационализация железнодорожного хозяйства, — более решительный подход к рационализации железнодорожного транспорта.

Ведь подумайте, товарищи, если новые заводы нам дадут новые миллионы тонн чугуна, какая колоссальная задача встанет по переброске этих огромных грузов, когда

всю эту колоссальную массу надо будет быстро развозить по нашей стране. В свою очередь, ко всем этим фабрикам и заводам нужно быстро подбрасывать необходимую пищу. Все это ставит перед транспортом совершенно исключительные задачи.

БОЕВОЕ ВНИМАНИЕ БЛИЖАЙШИМ ЗАДАЧАМ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Наряду с переходом к генеральной реконструкции транспорта необходимо сейчас с еще большей настойчивостью продолжать нашу работу по приведению в порядок подвижного состава. Количество так называемых больных паровозов и вагонов почти на всех дорогах выше средней нормы. Необходимо решительно снизить этот процент. Необходимо в ряде мест дать другие рельсы.

Повторяю, необходимо срочно привести в порядок наш транспорт. Необходимо более революционным, социалистическим порядком ввести дисциплину во всю систему нашего железнодорожного транспорта. Между прочим, почему вредители свили такое большое гнездо на транспорте? Я говорил уже, что есть некоторые предрассудки у транспортников, особенно среди тех, которые долго оставались на этой работе. Им кажется, что транспортником трудно стать, надо 50 лет просидеть и только тогда поймешь, в чем тут дело, что такое диспетчер и т. д. Все это создает такую обстановку, что вмешаться нашему коммунистическому влиянию подчас бывает трудно. Но это абсолютно неверно. Конечно, дело это специальное, требующее знаний и большой точности. Все это абсолютно верно. Но чтобы это не было доступно большевикам — это нигде не записано. Все-таки для того, чтобы поезда приходили вовремя, чтобы вагоны напружались вовремя, чтобы поменьше паровозов под откос падало, — для всего этого не надо родиться транспортником. Если как следует делом заняться, то можно изучить все это движение. Конечно, здесь много фокусов, сложностей и т. д., но если этим делом коммунисты на транспорте займутся по-настоящему, по-человечески, по-боевому, то они явятся руководителями и хорошими помощниками, наблюдателями,

контролерами. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Нужно сказать, что на транспорте все еще имеется исключительный бюрократизм. Пожалуй, нигде нельзя найти больше бюрократизма, чем на транспорте. Нам нужно заняться транспортом как следует. Возьмем учет. Еще Ленин говорил, что социализм — это учет. Это правильно, но если взять учет, который существует на железных дорогах, то там не пахнет социализмом. Когда возьмете сводку, как работают машинисты и пр., возьмете транспортную статистику, — а статистики у них хоть отбавляй, целые простыни, — то пока мы добьемся результатов, пока узнаем, что на таком-то участке дело обстоит плохо, пройдут 3—4 месяца; учет и вся отчетность поставлены так, что по ним немедленно нельзя увидеть, что делается на дороге, а когда все это придет в лабораторию, то там проявят, просветят и обратно приплюют и скажут, что на таком-то месте, на таком-то узле железная дорога работает плохо. Между тем прошло уже 4 месяца, и как работает этот участок сейчас, мы можем узнать опять только через 4 месяца. Вот иди и поправляй дело при таких условиях. Когда начинаешь спорить, начинаешь говорить, что такой порядок не годится, то говорят: «Иначе нельзя, потому что это не промышленность, а транспорт, это очень серьезная вещь, нужно, чтобы все лежало на месте, иначе все запутается и сам черт не разберет, может приостановиться движение». В деле учета на железных дорогах необходима коренная перемена.

Огромного внимания заслуживают вопросы материального снабжения наших железных дорог. Тут дело оставляет желать много лучшего. Критика критикой, но если оставить транспорт сам по себе, то никакими мерами из этого дела не выберемся и дела не выровняем, так как транспорт непосредственно связан с нашими фабриками и заводами; в этом отношении нужна огромная помощь со стороны последних.

В решениях ЦК партии, как вы читали, дан ряд заданий ВСНХ помочь нашему транспорту.

И последнее. Необходимо, если мы хотим по-настоящему поворачивать работу наших партийных и профессиональных организаций, еще больше переключить их на

подняtie нашего железнодорожного транспорта, особенно на данный отрезок времени, когда перед нами стоит вопрос о реконструкции старых железных дорог, о постройке целого ряда новых железных дорог, о выправлении существующих дорог, вроде Мурманской. Если мы в ближайшие два года не проведем на Мурманской железной дороге второго пути или не электрифицируем ее хотя бы в большей части, мы, несомненно, создадим там величайшую пробку, и лучший из незамерзающих на севере мировых портов — Мурманский порт — повиснет в воздухе благодаря отсталости Мурманской железной дороги.

Если посмотрите на Среднюю Азию, на Сибирь, на Урал, то увидите, что ряд узловых мест требует самых форсированных темпов в прокладке новых и реконструкции старых путей. Все это можно сделать только при том условии, если не только транспорт займется этим делом вплотную, но и все мы, вся наша партия и рабочий класс в целом, возьмутся за него, помня, что, как это записано в решениях последнего пленума, транспорт является узким местом дальнейшего развития нашего народного хозяйства.

Речь идет, товарищи, о транспорте, об очень ответственном и своеобразном участке народного хозяйства. Когда мы говорим, что на таком-то заводе прорыв, это, конечно, очень плохо, потому что завод имеет связь с другими заводами, но если мы говорим, что у нас транспорт является узким местом, то это значит, что все заводы, все фабрики, что все народное хозяйство упирается в совершенно определенные препятствия, преодолеть которые надо во что бы то ни стало. И я убежден, что мы их, конечно, преодолеем.

МЫ ПОДОШЛИ И К РЕКОНСТРУКЦИИ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Следующий и последний вопрос, которым занимался пленум ЦК нашей партии, — это коммунальное хозяйство. Может показаться, не начинается ли наш ЦК размениваться на небольшие вопросы. Дело ли верховного органа нашей партии заниматься мостовыми, всякими на-

саждениями в городах, уборными в городах и пр. Пожалуй, могут подумать — неужели уже все сделали и осталось только это дело? Не все, конечно, сделали, работы еще много, но надо прямо сказать, что на данной стадии развития народного хозяйства коммунальное хозяйство постепенно начинает занимать такое место, которого оно заслуживает по праву.

Если бы мы вопросы реконструкции коммунального хозяйства решили отложить на три года, — нам бы это не удалось, даже если бы мы и захотели этого, именно потому, что нельзя производить реконструкцию народного хозяйства на одном известном участке, не заглядывая в другие. Раз уже это дело началось, раз социалистическая реконструкция вошла во все поры народного хозяйства — она неизбежно привела к реконструкции и таких отраслей, как коммунальное хозяйство. Что такое коммунальное хозяйство? Это, в конечном счете, тот участок нашего советского хозяйства, где наши рабочие проводят если не большую часть своего времени, то во всяком случае половину, 7—8 часов рабочий работает на заводе, а остальное время он проводит в своем жилище, на улице, в саду, в театре, где хотите, т. е. проводит в коммунальном хозяйстве в широком смысле этого слова. Если мы говорим о том, что нам нужно форсировать развитие производительности всяких нашихстроек, новых заводов, подтягивать старые и т. д. и т. п., то это требует того, чтобы наш рабочий, когда он находится вне фабрик и заводов и вне этих новыхстроек, чтобы он получил соответствующий запас сил, имел бы соответствующие накопления сил для того, чтобы больше сделать на этих фабриках и заводах.

С другой стороны, возьмите наше сельское хозяйство. Мы говорим, что мы его реконструируем, но вот пройдет еще лет пять и мы подойдем к тому времени, когда будем заканчивать вторую пятилетку. За это время наша деревня коренным образом изменится. Если сейчас в ряде районов, когда мы пройдем по селу, мы не увидим ничего похожего на старую деревню, то естественно, что через 5 лет деревня преобразуется настолько, что вопрос о том, что мы стоим накануне образования новых видов человеческого общежития — агрогородов, будет уже не

фантазией, а самой настоящей реальной действительностью. Теперь мы ближе чем когда-либо подошли к уничтожению разницы между городом и деревней; что у нас деревня будет расти и преобразовываться в агрогорода — в этом нет никакого сомнения. Я уже не говорю о том, что у нас наряду со старыми городами быстро растут новые города, как Новосибирск, Свердловск. Кроме того, зачастую там, где вчера было совершенно пусто, сегодня возникает новый город. Возьмите хотя бы Магнитогорск, который вы все знаете. Возьмите у нас на севере, за Полярным кругом, эти самые хибинские апатиты, где год с небольшим назад насчитывалось 10 чел. народа, а сейчас в Хибиногорске 24 тыс. чел., осенью будет 35 тыс. чел., а в 1932 г. там, очевидно, будет 50 тыс. чел. Вы видите, как быстро новые города появляются. Первое время, занятые большими работами по части нашей промышленности, мы этого не замечали, но теперь не заметить этого никак нельзя, потому что эти молодые города растут как грибы. Тут необходимо организованное вмешательство, чтобы мы могли действительно поставить это дело на настоящих началах. Мы не должны повторять то, что проделали капиталисты, устраивая города с 7-миллионным или даже с 8-миллионным населением. Нам такие города не нужны. Строить небоскребы в 68 этажей, а потом в них задыхаться от городского шума у нас нет решительно никакого желания, и мы этого желать не должны. Значит, все это надо предвидеть заранее. Возьмите, как растет у нас Москва. Ведь население этой бывшей купеческой Москвы приближается к 3 млн. чел., а в ближайшие годы оно, очевидно, возрастет до 4 млн. чел. Это до крайности обостряет проблему внутригородского транспорта, водопровода и целый ряд других. Но все это вместе взятое ставит перед нами вопрос о повороте, так сказать, лицом к этому нашему коммунальному хозяйству.

ТРИ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

Нельзя сказать, что мы до сих пор совсем никакого внимания не обращали на коммунальное хозяйство. Миллиарды, товарищи, вложены в наше коммунальное хозяй-

ство за время революции, за это время выросли новые города, в старых городах выросли новые пригороды и т. д. В социалистическое строительство вложены миллиарды, и жизнь городского нашего рабочего ни в какое сравнение идти не может в отношении коммунального обслуживания с тем, что было при капитализме.

Из домов, оставшихся нам в наследство, мы выселили буржуазно-зажиточные элементы, дома заняли рабочими, новые дома строим на окраинах. Может быть недостаточно, но в общем и целом — революция и поворот самый настоящий. И теперь речь идет не только, чтобы усилить размер вложений в отдельные коммунальные отрасли, а речь идет о гораздо большем, *о реконструкции нашего коммунального строительства*. Потому что, на самом деле, товарищи, вы посмотрите, что получается? Из наших городов, — конечно, старые уездные города не берутся в счет, — только 40% имеют водопровод. Канализация имеется в 28 городах. Более или менее лучше дело обстоит с электрическим освещением. Теперь как-то без электричества в районных центрах люди неудобно себя чувствуют. Такие вещи, как трамвай, имеются только в немногих городах, хотя надо отметить, что в целом ряде городов: Баку, Грозном, Сталинграде, Новосибирске, Нижнем-Новгороде и других за время революции построены новые трамвайные линии.

Газовый вопрос в жизни коммунального хозяйства имеет огромное значение. Во всех крупных городах Европы газовое дело поставлено, а у нас оно в зачатке, хотя возможности у нас в этом отношении совершенно исключительные. Возьмите Волгу — любой город может быть переведен на газовое отопление и на газовое освещение вплоть до Астрахани. Последние разведки показывают, что в отношении газовых богатств мы имеем неисчерпаемые источники. И этот и целый ряд других вопросов городского благоустройства для наших городов является перспективой ближайшего будущего и поэтому не только старые, но главным образом новые города требуют сейчас от нас совершенно определенной программы.

Приведу пример. Все мы слышали об урало-кузбасской проблеме. Так вот подсчеты показывают, что к концу

пятилетки урало-кузбасская проблема выразится, между прочим, в том, что около нее будет занято от 10 до 15 млн. чел., т. е. перейдут на городское положение около 10—15 млн. чел., живущих сейчас в деревне.

Все это вместе взятое ставит перед нами вопрос о поднятии коммунального хозяйства на новых, если можно так выразиться, реконструктивных началах и прежде всего, конечно, надо будет заняться разрешением этого вопроса в больших городах — Москве, Ленинграде, Харькове и др. Второй вопрос — надо будет провести определенный круг мероприятий в городах второстепенного размера. Третье — поднять на более высокую ступень наши новые города, и, пожалуй, четвертый вопрос, не менее важный — определить пункты будущего городского строительства. Нам нужно будет очень серьезно продумать вопрос о новостройках.

Задачи эти все очень большие, потребуют они от государства огромного материального напряжения.

Коммунальное хозяйство этих городов не только должно оправдать себя, но мы из него еще изымаем большие миллионы. Об этом нужно прямо сказать. Необходимы средства на культуру, народное образование, здравоохранение и пр. и пр. И эти средства мы черпаем из коммунального хозяйства. И до поры до времени, какие бы мы рогадки ни ставили в отношении развития городов (принято решение не строить фабрик и заводов внутри Москвы и Ленинграда, так как эти города могут задохнуться, ибо с каждым заводом растет и народ и т. д.), рост Ленинграда идет таким стремительным темпом, как ни одного города.

Теперь мы имеем решение ЦК о том, чтобы, начиная с теперешнего года, народное хозяйство строить таким образом, чтобы вопросы жилищные и коммунальные в целом были в поле зрения нашей партии.

Начинаем мы эту работу с нашей теперешней Москвы. Огромные вложения выделяются на ближайшие три года, чтобы нашу столицу привести в соответствующий порядок, об этом вы могли читать в решении ЦК. Я не буду останавливаться на том, какие должны стать мостовые, жилища и т. д. Но, например, о чем там идет речь? Конечно, тут не мы виноваты, а старые московские купцы,

но факт тот, что в Москве сейчас не хватает воды. А сейчас московский водопровод дает Москве 27 млн. ведер воды в день. Этого недостаточно, особенно летом. Если удовлетворять полностью аппетиты Москвы и аппетиты заводов, то не только надо расширить водопровод, но и в самой-то Москве-реке воды не хватит. А чем это пахнет, если город вырастет до 5 млн. чел.? Тогда что делать? Отсюда встает вопрос о том, чтобы соединить волжскую воду с московской. Это колоссальное сооружение, а другого выхода нет.

Или возьмите московское движение. Скажем, у нас на углу Невского и Литейного или Садовой — движение подходящее, но посмотрите, что делается в Москве на всяких Мясницких, Театральных площадях и т. д. Ведь буквально надо смелость иметь, чтобы дорогу перейти. Как быть? Планировали москвичи так и эдак, — ни трамвай, ни автобус не выводят из положения, и приходится строить метрополитен. Правда, это очень дорого стоит, но другого выхода нет.

Отсюда, товарищи, те решения, которые вы читали. Мы начинаем, повторяю, с Москвы. Громадные средства выделяются на это дело. На этом же пленуме ЦК постановил поручить Ленинградскому Областкому подготовить доклад о состоянии коммунального хозяйства Ленинграда. Пленум ЦК поручает Политбюро в ближайшее время заслушать доклад Ленинградского Областкома о состоянии коммунального хозяйства Ленинграда и о мерах его развития. Мы с вами должны будем провести подготовительную работу в этом отношении.

БОЛЬШЕ ГИБКОСТИ, БОЛЬШЕ ИНИЦИАТИВЫ

Было бы большой ошибкой, если бы, успокоенные последним решением ЦК, мы сказали себе: теперь займется и нами. Занялись Москвой, займется и Ленинградом. Это было бы неправильно — сидеть и ждать, что придет механизация, рационализация всяческих работ и пр. и пр. и что годика через 3 мы с вами будем жить в такой столице, что можно в любую Европу выезжать и хвастать, — не выйдет это, товарищи, не выйдет ни в Москве, ни у нас. Если мы говорим, что во всей нашей работе нам

не удалось еще достаточно вплотную подойти к вопросу местного коммунального хозяйства, то наши местные коммунальные и хозяйственные органы имели для этого подходящие возможности. Если бы у нас была здесь какая-нибудь дискуссия, то мы сказали бы, что нам урезают ассигновки, того-то не дают и т. д. Это верно — режут, сокращают, но можем ли мы сделать более того, что мы сделали для нашего коммунального хозяйства, исходя из разного рода местных ресурсов? Должен сказать прямо: можно. Не сделали только потому, что на коммунальное хозяйство, к великому сожалению, смотрели сквозь пальцы. Тут присутствуют наши хозяйственники — им следовало бы особенно задуматься над этим вопросом. Работают они с большим напряжением на заводах, директора не вылезают из работы, выполняют программу или, во всяком случае, стараются выполнить работу на 100%, а укажите хотя бы одного хозяйственника, одного директора завода или председателя объединения или треста, который с распростертыми руками принял бы маленький заказик на нужды нашего коммунального хозяйства. Не было такого и до сих пор нет. Приведу простой пример: у нас не хватает водопроводных труб. Тут сидят работники Откомхоза и члены Совета — они об этом знают. Получается скандал — труб нет. Мы выцарапали подходящее количество чугуна, но отлить трубы некому, заводы не хотят отливать, отливать приходится хоть самим. Месяц ходили около заводов и не только не отлили труб, но не нашли такого завода, который снизошел бы к нуждам нашего ленинградского хозяйства и отлил бы трубы. Это можно было бы сделать, стоит только поднапрячься, потесниться, но не выходит. Это — иллюстрация, как мы с вами относились и относимся к этому делу.

Возьмите жилищное строительство. Опять мне придется говорить о хозяйственниках, я это делаю потому, что выходит более картинно. Вы знаете, что при известной напористости хозорганов можно было бы, если проявить некоторую гибкость, каждый год выделять из своих средств некоторую сумму на жилищное строительство, а посмотрите, как хозяйственники выделяют. Вы должны сделать все, что угодно для них — и улицу замостить, и

трамваи пустить, и сделать так, чтобы рабочие вовремя попадали на производство, и все, что хотите, и помочь ФЗУ и т. д. Я согласен, что они вправе этого требовать, но вот чтобы они понатужились насчет выделения некоторой суммы на жилищное строительство, то этого нет, — на что хотите, только не на это, а между тем нужно выделить на это известные суммы.

Теперь оставим это в покое и скажем только одно, что помимо всего того, что намечается ЦК в отношении перестройки нашей работы, в отношении уделения большего внимания коммунальному хозяйству, и от нас, товарищи, прежде всего от Ленинградского Совета, конечно, требуется несколько более решительная, более внимательная работа.

Я вам приведу еще один курьез. Есть постановление Исполкома, — вы его, наверно, читали, — о том, чтобы некоторую часть домов, на некоторых улицах, особенно главных, привести немножко в более приличный вид, подкрасить. Все вы бываете в городе, видите, как «разворачивается» «бешеными темпами» эта работа по окраске. Я интересовался, в чем же тут дело? Оказывается — райсоветы говорят, что они нажимали, но первый вопрос, над которым все задумались, это — как красить? Город исторический, чтобы не выкрасить как-нибудь неладно. Оказывается, — не решили, какой дом в какой цвет красить, потому что каждый дом — история революции, да еще и великой революции. Ну, думаю, подождем. Уж если красить — так по крайней мере по-революционному. Проходит время — замолкли. Не знаю — нашли цвет или не нашли, но дальше дело не идет. Может быть, они и определили как красить, да краски нет? Краску нашли. Почему же не красят? БЕРЕВОК нет, на которых люльку подвесить.

Возьмите такой вопрос как приведение улиц в порядок. Тут тоже мы пионерами не оказались, нас на это дело подвинули. Правда, наш город чище других, это абсолютно правильно, но почему же он с завтрашнего дня должен быть хуже других? Если он был чище, то надо постараться поддержать эту чистоту. А как нам это дело дается? Простая вещь, которая миллиардов не требует, реконструкции для этого особой не нужно, просто —

привести улицы в порядок. Приводим, но как приводим? Если вы проедете по улицам утром, когда начинают дворники подметать, то увидите такую картину: есть проезды в дворы, они закрыты — почему-то никто не ездит, видно нужды нет, — и вот дворник, подметая улицу, замечает под эти ворота мусор, закрывает ворота — и это называется «приводим улицу в порядок», гигиену наводим. Конечно, для глаз это хорошо, но с точки зрения народного здоровья весьма сомневаюсь, как бы наоборот не получилось. Говорят, транспорта нет. Да неужели же здесь нужен какой-то особый транспорт? А нельзя ли лошадку по-настоящему приспособить на это дело? Конечно, можно. Я привожу на выдержку такие примеры для того, чтобы убедить всех присутствующих, и в особенности членов Ленсовета, что есть у нас много внутренних возможностей, за которые нужно взяться, но только действительно по-настоящему, засучив рукава начать работать, поэкономнее, поизобретательнее.

Я должен вас предупредить, что мы имеем большие затруднения в нашем коммунальном хозяйстве в отношении не столько денег, сколько строительных материалов. Здесь у нас дефицит огромный. Вот примерные цифры: нам приходится программу стройматериалов на III квартал за проектировать по отдельным местам на 100% больше, чем мы имели в I и II кварталах, если мы только хотим программу капитального строительства выполнить. К чему я веду? К тому, что находчивость, изворотливость, бережливость, инициатива должны нам помочь при наличии дефицитов в стройматериале.

Еще я хотел сказать несколько слов насчет одного вопроса, именно по части сохранения, улучшения, выправления и расширения нашего жилищного фонда. Тут мы то же самое как и на транспорте натолкнулись на известные трудности. Я имею в виду огромное укрупнение жактов, обезличку домов, в результате чего получилось положение, когда неизвестно кому дома принадлежат, никакого хозяина нет в доме, некому даже требовать квартирную плату. А между тем давно уже ЦК записал о необходимости хозрасчета. В нашей же жилищной политике никакого хозрасчета, никакого настоящего управления не было. В этом деле у нас царствовала сплошная обезличка.

И потому мы сейчас в Ленинграде проводим разукрупнение жактов, как необходимейшую меру для укрепления и оздоровления такого ответственного звена, как жилищный фонд. Надо сказать, что жилищный фонд в наших городах абсолютно хотя и прибавляется, но относительно становится все меньше и меньше, настолько быстро растут эти города. Только самая небольшая часть городов представляет собой в этом отношении исключение. Как правило, жилищная площадь сокращается. Таким образом, для того, чтобы дело выправить, — повторяю, это дело не только коммунального отдела, и, конечно, Совет, в первую очередь наш Совет, надо сейчас повернуть к нуждам коммунального хозяйства, — как никогда нам надо всем заняться проработкой коммунальных вопросов до самых мелочей.

К НОВЫМ БОЯМ, К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Повторяю, товарищи, здесь тоже для нас совершенно новая область, где мы не имеем готовых образцов. Тут никакой Лондон, никакой Берлин не могут нам служить примером, а в отношении подлинной реконструкции городского общежития как в городе, так и в деревне, в новой деревне, в агрогороде тут для нас примеров нет.

Наоборот, здесь, как и в реконструкции транспорта, мы видим блестящий пример того, в какой тупик упирается капиталистическая система. Вы читали сообщение, что чикагское городское управление обанкротилось. Я не знаю, какое вы внимание обратили на это, но я думаю, что это гораздо более сносшибательное сообщение, чем сообщение о том, что лопнул тот или другой коммерческий банк. Что банки лопаются — это привычно в кризисном состоянии капитализма, это неизбежный спутник, но вы подумайте, оказался банкротом второй, если не ошибаюсь, по величине город Соединенных Штатов.

Это говорит лишний раз о том, что капиталистическая система настолько одряхлела на данной стадии своего развития, что даже такие гиганты, как первоклассный город Чикаго, оказываются банкротами. После этого искать

нам там каких-либо образцов, конечно, не приходится ни в какой степени.

Генеральная линия партии побеждает по всему фронту. Партия успешно развивает социалистическое наступление по всей линии, ведя беспощадную борьбу против правого и «левого» оппортунизма, против гнилого примиренчества к мелкобуржуазным колебаниям в своих рядах.

Партия напряженно мобилизует активность колхозных и бедняцко-середняцких масс на преодоление трудностей, ломает со всей беспощадностью сопротивление гибнущего классового врага.

В великом бою за победу социализма партия внутри страны уже одержала решающие победы.

Решения последнего пленума ЦК имеют огромное значение. Реконструкция промышленности, перестройка сельского хозяйства сделали для всех ясным, как правилен путь, избранный нашей партией для строительства социализма. Это хорошо знают и наши враги.

Теперь буржуазные «теоретики» и практики не спорят уже о том, в какой мере может быть выполнена новая, вторая пятилетка. На днях один вашингтонский журнал, обсуждая результаты нашей пятилетки и перспективы второй, вынужден был признать, что мы находим все новые и новые возможности для социалистического строительства. Они видят это и поэтому вновь и вновь повторяют, что для капиталистического мира осталось только одно: вооружение, вооружение и усиленное вооружение. Почему? Да потому, что растет Советский Союз, и если не сегодня, так завтра, говорят они, он намет бока дряхлеющему капиталистическому миру. Если так велики результаты первой пятилетки, так что же будет после второй? — испуганно спрашивают они. Предположим, говорит автор статьи, что они, большевики, сорвутся. Но даже и в этом случае миллиарды, вложенные ими в хозяйство, навалятся на нас, и результаты будут куда хуже нашего скифов. Вот почему вся капиталистическая культура, по их же толкованию, должна быть направлена к тому, чтобы вооружаться и вооружаться. Дни капитализма сочтены. Буржуазии осталось только одно: как можно больше заработать, как можно больше сорвать за

сегодняшний день. Для всех ясно, как разрешается исторический вопрос «кто кого» — капиталистическая или социалистическая система? История вынесла давно свой приговор над капитализмом: виновен, и никакого снисхождения.

Наша задача заключается в том, чтобы помочь трудящимся Европы и Америки привести этот приговор в исполнение как можно скорее и как можно полнее.

*Печатается по тексту книги:
С. Киров. Ленинградские большевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 93—120.*

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

*Речь на совещании секретарей райкомов ВКП(б)
и председателей райисполкомов
29 июня 1931 г.*

На днях закончился пленум ЦК нашей партии¹. На этом пленуме, в связи с вопросами предстоящей уборочной кампании, Центральный Комитет занимался также общей оценкой нашей работы в деревне. Вы знаете, какое огромное значение для социалистического строительства имеет это звено нашей общей политики.

Задача строительства социализма в деревне, конечно, чрезвычайно сложная и чрезвычайно трудная задача, требующая огромного, я бы сказал, исключительного внимания нашей партии и рабочего класса.

Что мы сейчас имеем? Мы имеем безусловно полную победу генеральной линии партии в деревне, несмотря на все трудности, недочеты и изъяны в нашей работе.

Основные вопросы и задачи строительства социализма в деревне несомненно на данном этапе можно считать решенными. Повторяю, основные, потому что впереди еще много трудных, больших и сложных вопросов. В основных зерновых решающих сельскохозяйственных районах, как Северный Кавказ, Поволжье, Украинская степь, сейчас коллективизировано свыше 80% всех хозяйств и колхозами засеяно более 90% всего крестьянского посева. Свыше 50% коллективизировано в остальных зерновых районах, как ЦЧО, Западная Сибирь, Урал и др., и в решающих хлопковых и свекловичных районах, где сплош-

¹ Речь идет о пленуме ЦК ВКП(б) 11—15 июня 1931 г. *Ред.*

ная коллективизация будет в основном завершена в настоящем году и во всяком случае не позднее весны 1932 г.

Вы помните, что еще не так давно мы вели большие споры с разного рода уклонистами в нашей партии — и правыми и «левыми». Они выходили со своими теориями, вычисляли, сколько на 25 млн. крестьян — середняков, кулаков и бедняков, как происходит дифференциация, и пытались, исходя из этого, доказать неправомерность линии нашей партии. Сейчас этот вопрос решен и решен бесспорно. Мы имеем на круг из 25 млн. крестьянских хозяйств свыше 13 млн., уже охваченных нашим колхозным строительством. Это — большинство, причем не просто арифметическое большинство, которое еще не всегда решает дело, а большинство, живущее в самых товарных районах, в районах, где была наибольшая возможность произрастания капиталистических элементов деревни, в таких районах, как Северный Кавказ, Украина и др.

Именно в этих районах колхозы охватили подавляющее большинство крестьянских хозяйств и именно благодаря этому колхозное крестьянство уже превратилось в *центральную фигуру земледелия*, колхозы стали *основным производителем* не только в области зерна, но и важнейшего сельскохозяйственного сырья (хлопок, свекла, подсолнух и т. д.).

Если мы сравнительно недавно записали в партийных и советских решениях, что зерновая проблема решена, сейчас мы можем не только лишний раз это доказать, но мы можем уже сказать, что стоим на пути разрешения проблемы технических культур и животноводства. Мы решаем сейчас успешно огромную задачу социалистической реконструкции нашего сельского хозяйства в целом, действительного подведения новой технической базы под все сельское хозяйство. Я повторяю, что мы еще не все вопросы социалистической перестройки сельского хозяйства окончательно решили, но мы уже выработали четкий и понятный для каждого партийца, для каждого рабочего, понятный сейчас для огромной части крестьянства путь их разрешения.

Отсюда, товарищи, вытекает целый ряд выводов и прежде всего тот, что мы не только не ослабляем намеченных темпов общей социалистической стройки как в деревне,

так и в городе, но и повышаем их. Почему? Потому, что материальная база нашей социалистической стройки все больше и больше расширяется. Дело не только в том, что крестьянин пошел в колхоз, дело не только в том, что мы такое-то количество колхозов создали, здесь не простая арифметика, а тут решается вопрос о создании нового типа хозяйства, о создании возможности на новой основе развивать производительные силы страны.

ГИГАНТСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ СОЦИАЛИЗМА УКРЕПЛЯЮТ НАШЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Это обеспечивает выявление новых ресурсов для нашей социалистической стройки, ресурсов, которых еще не было вчера и которые не могут не сыграть крупнейшей роли и в области нашего международного положения. Совсем недавно международное положение по сравнению с теперешним положением было иным. Совсем недавно наши враги лелеяли надежду насчет крестьянских восстаний, которых они ждали на почве перегибов, извращений политики партии в деревне, имевших место в отдельных районах, и т. д. Создавались штабы, организовывались армии, которые готовы были двинуться против Советского Союза. Теперь дело обстоит несколько иначе. Конечно, большое влияние на это оказывало общее состояние хозяйственной и политической обстановки мирового капитализма, кризиса его и развития мировой пролетарской революции, но несомненно, что огромную роль в деле укрепления нашего международного положения сыграли гигантские завоевания социализма в нашей стране, повторяю, не только в городе, но, пожалуй, главным образом в деревне.

Я хочу остановиться на одном моменте, в котором ярче всего проявилась связь между нашим внутренним и международным положением, — на ликвидации кулачества как класса и на борьбе с вредительством. Когда мы развернули эту работу, когда на основе сплошной коллективизации мы занялись окончательным искоренением в нашей стране кулака, когда мы выкорчевывали вредительство и пр. и пр., мы не только расчищали этим путь для дальнейшей колхозной работы в деревне, но и обры-

вали тот стык, который был между капиталистическими и империалистическими элементами вне и внутри нашей страны; мы разрушали последнюю надежду империализма опереться на известную базу контрреволюции внутри нашей страны. И именно поэтому во всем капиталистическом мире была тревога величайшая и «законная». И не только контрреволюционная свора внутри страны, но и сам римский папа поднял глас в защиту ликвидируемого кулака.

Прошли не годы, а только месяцы, и капиталисты с тревогой и огорчением увидели, что *их ставка на кулака оказалась бита*. С болью в сердце, со скрежетом зубным им приходится убеждаться в успешном выполнении первой пятилетки.

Во вторую пятилетку они еще не верят, сомневаются. Но жизнь убеждает самых упорных, самых сомневающих. К тому времени, когда мы эту вторую пятилетку приготовим, продумаем, — а сейчас она находится только в процессе предварительной подработки, — доведем до сознания нашего рабочего и крестьянина, наши враги, как это будет ни горько для них, вынуждены будут признать нашу новую большевистскую победу.

Сейчас не только те страны, которые с нами находились в добрососедских отношениях, но даже и такие империалистические страны, как Франция, и те ищут подходящий язык для разговоров с нами. Происходит это не только потому, что т. Литвинов ведет правильную политику и т. д., а в основном потому, что мы окрепли и крепнем буквально с каждым месяцем, и те, которые во Франции продолжали политику Пуанкаре, видят уже теперь, что голыми руками к нам не подступишься, и даже если папу римского приглашать, то и то Советский Союз не возьмешь — дело опасное. Многие даже делают такой вывод, что если бы и удалось в результате мобилизации всех сил, всей мощи военной техники, нанести решительный удар Советскому Союзу, то эта победа будет для капиталистов пирровой победой, а не какой другой. Отсюда деловые делегации, которые едут к нам, отсюда капиталистические, финансовые делегации, которые все больше жалуют к нам, присматриваются, начинают помаленьку говорить нам комплименты.

Это, конечно, отнюдь не значит, что опасность попытки вооруженным ударом, интервенцией, сорвать наше дальнейшее строительство стала слабее. Это не значит, что мы можем с завтрашнего дня разъехаться по районам и спать спокойно. Это не значит, что мы можем забыть, что мы каждую минуту должны быть начеку, что мы можем забыть, что внутри капиталистических стран дерутся за власть разные буржуазные клики, что то, что невыгодно для одной, выгодно для другой, что есть определенные круги, которым выгодна война, что есть генеральные штабы, которые мечтают о войне, и не только мечтают, но и лихорадочно готовятся к войне.

Но одно совершенно ясно, что наш Союз, укрепляя социалистическую стройку, становится теперь уже настолько могучим, что даже самые заклятые враги сегодня определенно начинают с нами считаться.

Другого выхода у них нет. У нас положение складывается таким образом, что правильно, последовательно, твердо проводимая генеральная линия партии дает огромные успехи не только непосредственно внутри нашей страны, но она ставит нас и на международной арене на гораздо более надежные, прочные рельсы.

СОЗДАДИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ КРУПНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Мы на этом совещании обсудили ряд вопросов и приняли ряд резолюций по принципиальным вопросам нашей работы в деревне, сейчас их надо проводить и одновременно подумать о том, какими путями, как дальше развивать в нашей области колхозное строительство. Нужно сказать, не преувеличивая, что мы в Ленинградской области в этом деле имеем определенные успехи. Мы полагали по плану к концу 1931 г. добиться 25 % коллективизации; прожили полгода — имеем 35 % — успех большой, особенно принимая во внимание наши условия, своеобразие нашего сельского хозяйства, в котором большую роль играют отхожие промыслы. Принимая это во внимание, мы должны сказать, что успехи у нас несомненно большие, но если говорить в порядке самокритики, то нужно ска-

зять, что к колхозному строительству по-настоящему мы только еще начинаем подходить.

Трудно сказать, товарищи, что сложнее — то ли, что мы сделали до сегодняшнего дня, или же то, что нужно сделать с завтрашнего дня. Дело колхозного строительства не заканчивается, а только начинается с того, что мы имеем сейчас, т. е. с объединения нескольких десятков или нескольких сотен единоличных хозяйств в одно крупное хозяйство. Это только начало дела, хотя, конечно, для того чтобы его проделать, понадобилась громадная работа, громадные политические сдвиги. Но это еще не решение всего дела. Объединение десятков и сотен сельских хозяйств в одно крупное хозяйство, хотя это само по себе уже дает значительный рост производительности, является для нас еще не окончательной целью, а необходимым условием для того, чтобы наше сельское хозяйство вести на совершенно новой, реконструированной на социалистических началах базе.

Мне кажется, что мы к этой последней задаче в нашей области настоящим образом вплотную еще не подошли. Наша основная задача в дальнейшем должна заключаться в том, чтобы на основе ряда мероприятий продолжать наше колхозное строительство и одновременно всей тяжестью навалиться на то, чтобы из этих новых укрупненных сельских хозяйств сделать действительные, настоящие, подлинные колхозы, составную часть нашего народного социалистического хозяйства.

Сейчас, когда мы перевалили за одну треть крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, дальнейшая коллективизация, конечно, пойдет легче, хотя из этого нельзя делать выводы, что мы можем здесь работу ослабить и положиться на «самотек». Все вы здесь люди грамотные и понимаете, что кулацкое противодействие мы сломили сейчас очень решительно, хотя далеко еще классовой борьбы в деревне не устранили. Середняк-единоличник, который, кстати сказать, значительно не выполнил посевного плана, решил в основном, что в колхоз ему надо пойти, но у него не исчезли еще собственнические настроения, ему хочется подождать до осени: ну, говорит, немножко еще поживу единоличником, а потом пойду в колхоз. При таких условиях он сеет плохо. Я все это веду к тому, что

подавляющее большинство бедняков и середняков и в нашей области поняло, что другого выхода нет, но не потому, что вы административно нажали, а потому, что теперь ясно, что развивать хозяйство можно только в форме колхозного строительства.

И вот сейчас, когда колхоз уже организован, встает задача превращения его в действительно социалистическое крупное хозяйство. Это дело очень и очень сложное и для многих еще очень неясное. Мы по Марксу и Ленину знаем о преимуществах крупного социалистического хозяйства, о машине, механизации, мы все это понимаем, но теперь дело заключается в том, чтобы все это приложить к жизни миллионов единоличных товаропроизводителей.

Здесь встают десятки, сотни новых практических вопросов и, в первую очередь, основной вопрос, *вопрос об организации труда в колхозах* — о сдельщине, нормах выработки и трудоднях. Эти вопросы далеко не простые, как они кажутся кое-кому с первого взгляда.

ПРАВИЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА РЕШАЕТ УСПЕХ ДАЛЬНЕЙШЕГО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сдельщина — это дело для крестьянина, пожалуй, понятнее, норма — это сложнее, но, вот, если вы по душам с крестьянином-колхозником поговорите насчет трудодней, то здесь давайте говорить по совести, точно ли мы сами-то представляем, что это за система? Это очень сложное мероприятие, которое мы впервые применяем. Ведь раньше крестьянин (единоличник, собственник) работал по своему усмотрению, а теперь ему в руки мы даем учет, план и трудодень. Колхознику не так-то легко в этом деле разобраться. И поэтому не случайно, что так как этого дела мы еще не растолковали как следует крестьянину-колхознику и отчасти сами не усвоили его еще со всей полнотой, то на этом самом месте нас очень ловко хватает тот же самый кулак и подкулачник. Он говорит колхозникам: «Теперь вы поймете, что такое колхоз, теперь вас зажмут в такой план, что вы никуда не денетесь».

Вокруг этого вопроса сейчас тянется сложная паутина кулацкой агитации. Это надо учесть и в этом направле-

нии надо много поработать, чтобы крестьянин-колхозник как можно скорее освоил всю эту новую систему.

Даже в тех районах, которые идут впереди нас, раньше нас вступили на путь коллективизации, вопрос о сдельщине полностью не решен.

Решение этого вопроса связано с целым рядом таких вопросов, которые на первый взгляд кажутся мелочами.

Я хочу привести один пример. Вы все видели трудкнижку колхозника и, наверно, обратили внимание на ее маленький формат, который немного больше партбилета. И вот я уверяю вас, что в этой трудкнижке ничего не запишешь. По крайней мере, будь я бригадиром, который работает на земле, я ничего не смог бы в этой книжке сделать. Это, конечно, «мелочь», но в дальнейшем вся наша работа будет складываться из таких мелочей.

Нужно добиться, чтобы каждый колхозник по истечении дня знал, сколько он выработал и что ему причитается. Как это записать в книжке? Надо будет писать на листочках, листочки как-то собирать и подбирать, и в результате может выйти путаница.

Нам предстоит еще очень большая работа в деле переделки психологии колхозника.

Вы должны понять, что в головах этих людей происходит целая революция, и эта революция еще не закончилась, старое борется с новым на каждом шагу. До вступления в колхоз у середняка было свое хозяйство, все было на счету. Он знал, где лежит каждая веревочка, все было расписано у него в памяти, и он знал, что к чему. У него был во всем свой расчет. Из года в год, из десятилетия в десятилетие он так работал, берег, копил, сам шедоедал и на базар выносил. Вы знаете, как это велось.

Теперь все становится иначе. Мы двинули в деревню машины, строим колхозы, совхозы, МТС. Ведь нельзя забывать, что он был собственником и что расстаться с привычками, взглядами, навыками мелкого собственника, расстаться сразу ему не так-то легко. Это в отношении середняка. А другая часть — беднота, которая жила впроголодь, которая, попав в колхоз, начинает сейчас жить по-человечески, она тоже порой склонна кой-какие

интересы индивидуального, узкопотребительского характера выпятить на первый план. Я это говорю для того, чтобы вы поняли, что если все дело внутренней организации колхоза предоставить «самотеку», то процесс организации действительного нового коллективного хозяйства затянется недопустимо долго.

Вот для того, чтобы этого не было, чтобы закрепить колхозы и установить надлежащее соотношение между огромной помощью, которую государство дает колхознику (тракторы, сельскохозяйственные машины, агропомощь, культурные мероприятия), и участием колхозников в общем деле строительства социализма, их обязанностями по отношению к пролетарскому государству, надо работу колхоза поставить на совершенно новых началах. Тут выступают на первый план в качестве решающих условий *сдельщина, норма, трудодни*. Надо это все организовать, практически показав каждому колхознику, каждому бригадиру, чтобы он не путался в расчетах, дробях, не должен он всем этим заниматься часами, а чтобы он имел в наглядной, простой и убедительной форме все необходимые пособия для перевода на трудодни и для расчетов в трудоднях различного рода работ.

Надо придерживаться строго того, что у нас записано, — чем ты будешь лучше работать, тем больше будешь получать, и не только так надо ставить вопрос, а и так, чтобы учитывались особенности работы. Если, к примеру, возьмем молотилку, то при нормальной работе надо машинисту записать, например, 2 или 1,5 трудодня, вместо одного, ибо от машиниста все будет зависеть — он ведущий человек: насколько он будет аккуратно управлять машиной, настолько хорошо пойдет молотьба. И так надо ко всем вопросам подходить, ко всем деталям, мелочам. Надо практически сделать так, чтобы взять сначала один колхоз или группу колхозов, наиболее сложившихся, там где есть партячейка, комсомольцы, более подобраны кадры, там поставить это дело образцово от начала до конца, проверить, просмотреть.

В эти колхозы можно вызвать людей из соседних колхозов и показать, как надо записывать, учитывать и т. д., и затем дальше таким же образом внедрять эти методы во все колхозы. А если мы будем насаждать их таким

методом, что сегодня пришел, продиктовал, рассказал, потом перелетел в другой колхоз, там тоже ничего не провел и т. д., — так дело не пойдет. Тут надо проводить систематическую работу. Мелочной кажется на первый взгляд эта работа, но это социалистическая работа, самая настоящая стройка социализма.

Если сделыщину, если нормы и трудодни по-настоящему организовать и провести, это значит сделать очень большую часть работы по организации действительно крупных коллективных хозяйств, но еще не всю работу. Мало организовать работу живых людей с максимальной эффективностью. Надо подумать и о нашем мертвом богатстве, о наших машинах, их использовании в колхозах. В этом вопросе, как и с людской силой, дело обстоит неблагоприятно.

Если организацию колхозной работы поставить по-настоящему, тогда вопросы, которыми сейчас очень много занимаются наши районы и Отдел труда и о чем много говорилось на этом совещании — есть ли у них рабочая сила, в каком количестве, или нет, — эти вопросы разрешаются сами собой.

О недостатке рабочей силы у нас в области и речи быть не может. Недостаток может получиться у нас только там, где люди берут равнение на старые рабские темпы, или там, где в угоду кулаку оппортунистически идут навстречу потребительским, уравнилельным настроениям части колхозников. Надо как можно производительнее использовать имеющуюся рабочую силу, и тогда у нас несомненно найдутся в достаточном количестве кадры не только для сельского хозяйства, но и для других видов работы.

Наряду с этим надо сказать, что хотя у нас в области сейчас колхозы охватывают более одной трети всех крестьянских хозяйств, у нас подавляющая часть — единоличники.

Цифры приводить нечего, вы их знаете лучше меня, знаете, что единоличник не выполнил посевого плана, а кулак и зажиточник не выполнили твердого задания. На уборочную кампанию в единоличном секторе нам надо обратить исключительное внимание, помня хотя бы то, что на единоличных полях посеяно почти две трети всего областного льна.

ЗА БОЕВУЮ ПОДГОТОВКУ К УБОРОЧНОЙ КАМПАНИИ

Работу среди единоличников во время подготовки и проведения уборки урожая надо развернуть как следует. Насколько ответственные задачи выдвигает уборочная кампания, видно хотя бы из следующего. Ведь если возьмем, например, *лен*, то в 1929 г. мы имели круглым счетом 173 тыс. *га*, в прошлом, 1930 г. — 181 тыс. *га*, в 1931 г. — 254 тыс. *га*, по сравнению с прошлым 1930 г. имеем увеличение на 40%, а по сравнению с позапрошлым годом почти на 50%. Очень серьезную ответственную работу нужно будет провести по уборке льна.

В порядке дня стоял вопрос о подготовке к уборочной кампании — доклад *т. Смирнова*, но мы в прениях не слышали более или менее ясного, вразумительного плана, который должны иметь наши районы. Почему? Потому, что районы еще мало думали над этим. Я, конечно, понимаю причину — была горячка, были заняты севом и пр., но тем не менее нужно заблаговременно подумать над этим вопросом.

Реконструкция сельского хозяйства выражается в значительной степени в том, чтобы максимально механизировать работу. Научно-техническая мысль очень упорно работает сейчас над тем, чтобы в корне изменить самую обработку льна, т. е. не снимать его с поля, затем просушивать, расстилать и т. д., а обработать его ускоренным способом тут же на поле и дать волокно при помощи сложной машины — декортикатора и пр. Я думаю, что это даст если не в будущем году, то в следующие годы свои результаты.

Это, я повторяю, вопрос ближайших лет. Что же касается текущего года, то надо исходить из того, что мы имеем. Тут ничего нового не скажешь, а придется прямо сказать, что подавляющую часть льна, картофеля и других культур приходится убирать в этом году ручным способом и при помощи тех орудий, которые мы имеем. Многим это, может быть, не понравится, но другого, к сожалению, ничего не придумаешь, нужно говорить о том, что мы имеем.

МЫ НЕ МОЖЕМ МИРИТЬСЯ С ПРОРЫВОМ НИ НА ОДНОМ ИЗ УЧАСТКОВ РАБОТЫ

Я говорил относительно организации труда. Это очень большой и важный вопрос, который в данном случае решает все дело, вопрос — как расставить силы, кто на какой работе должен быть. Помимо этого, каждый должен иметь перед собой точный, конечно, не математически точный до сотой процента, а хозяйственно-точный план всей работы, о чем мы не первый раз нашим районам говорим и чего, к великому сожалению, отнюдь еще нет. Мы все еще продолжаем работать кампанейски, от случая к случаю, и эта «кампанейщина» часто становится основным методом работы.

Безусловно, что уборочная кампания требует от нас большого напряжения сил, как указывали некоторые товарищи. Это верно, ибо без напряжения социализма не построишь, но что при этом напряжении легче работать по хорошо составленному плану — вряд ли кто станет оспаривать. Нам предстоит не только уборка урожая и осенний сев (в частности, большие задачи по яблечной вспашке и подъему целины, от выполнения которых зависит успех весенней кампании будущего года), но нам надо полностью выполнить и торфозаготовки, и лесосплав, и лесозаготовки, и др., и когда все сразу сложишь, кажется некоторым, что выполнить это будет очень трудно. Однако, если все продумать и заблаговременно организовать как следует и, главное, времени не терять, то весь этот план, несмотря на всю напряженность, мы в состоянии выполнить, а в некоторых частях и перевыполнить.

Когда мы смотрим на отдельные задания, то надо понять, что они не являются разрозненными участками работы, а частью общего хозяйственного плана, чего многие до сих пор никак, к великому сожалению, понять не могут. Мы до сих пор еще толкуем и целую дискуссию разводим по вопросу об отходничестве. И я каждый раз на каждом совещании говорю, что у нас почти половина бюджета крестьянина, в том числе и колхозника — это так называемые неземледельческие заработки. Это надо понять. Поэтому нельзя смотреть на такие работы, как лес

и торф (особенно эти работы), как на что-то чуждое сельскому хозяйству. Это основная часть плановой работы в нашем сельском хозяйстве, план именно таким образом и надо составлять. Совершенно правильно в нашей резолюции записано, что пока сенокос не наступил и хлеб убирать нужно будет нескоро, надо сейчас же переключиться и выполнять задания по лесозаготовкам, сплаву и пр.

Возьмем такой вопрос, как дрова. Мы живем в области, богатой лесом, никто нам извне леса не завезет, и мы сами должны программу дровозаготовок выполнить во что бы то ни стало. Некоторые районы говорят, что у них не хватает рабочей силы для лесозаготовок. Когда говорят о недостатке рабочей силы и пр., я могу только ответить, что в условиях, когда все предоставляется самотеку, можно привести такие цифры, что рабочей силы не хватит. Если заготавливать на человека по кубометру в день, то наверняка не хватит, но люди, знающие лесное дело, говорят, что 2 человека в районе заготовок могут дать в летнее время от 10 до 18 складочных кубометров древесины в день, и чтобы нельзя было найти в области для тех же дровозаготовок 30 тыс. людей на сравнительно короткий промежуток времени, чтобы этих людей нельзя было как следует организовать и поставить дело по-настоящему — это совершенно несостоятельное утверждение.

Вопрос о торфе — не менее острый вопрос. Ведь только подумайте, товарищи, если мы, благодаря своему неумению, неорганизованности, безрукости, не сумеем эти 30 тыс. рабочих бросить на дровозаготовки, не сумеем выделить нужную рабочую силу на торф, — что получится? А после этого будем говорить: «Мы, конечно, за генеральную линию партии, мы — твердокаменные большевики, «левым» и правым уклонистам даем сокрушительный отпор» и т. д. А на деле что получится? Более худшее проявление правого уклона, чем лишение рабочих и промышленности топлива в результате оппортунистического самотека, вряд ли найдешь. Надо, товарищи, при составлении нами районных планов, которыми мы все должны заниматься, все эти задания учесть.

Производственные планы колхозов должны охватывать задачи, связанные с отходом колхозников на лесоторфопереработку.

Важнейшим участком является наша финансовая работа. Финансовый план выполняется районами области из рук вон неудовлетворительно. Когда Облфо приводил цифры денежных заданий, некоторые районные работники говорили: тут и сельхозналог, и заем, и самообложение, и пр. А как вы думаете, все это проходит в городе? Благодаря напряженной работе наших организаций нам удастся в кратчайший срок разместить новый заем.

На основе глубокой работы в цехах, на фабриках и заводах мы добились крупных побед.

В городе нам это удастся, в деревне мы пока еще так работать не научились, но обязаны это сделать как можно скорее.

Несколько слов скажу о заготовках.

Мы поставили этот вопрос сейчас раньше, чем в прошлом году. Мы готовимся к нему лучше и, я думаю, добьемся лучших результатов. Но нужно помнить, что и тут самотеком дело не пойдет. Тут нужна организованность, правильная расстановка сил, энергичнейшая мобилизация общественности и, в первую очередь, колхозной общест-венности, для того чтобы заготовительный план вы-полнить.

УДАРИТЬ ПО САМОТЕКУ — ВЕСТИ ДЕЛО ПО-НАСТОЯЩЕМУ, ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ

В заключение несколько слов относительно методов работы. Я говорил относительно плановости — вы понимаете, что нужно было бы сказать по адресу планирующих органов несколько слов. С кампанейскими методами работы нужно покончить; нужно в 1931 г., почти накануне второй пятилетки, научиться работать по-настоящему, по плану. Это в значительной степени облегчит нашу работу. Имейте в виду, что план — не отвлеченная штука, выдуманная экономистами, а необходимейший элемент соци-строительства.

Без плана социализма не построить.

К сожалению, надо сказать, что у нас вместо плана в ряде мест шаблюдается самый настоящий самотек —

нужно это прямо сказать. Идет этот самотек до тех пор, пока не хватятся, не ударят в колокола, а после этого начинаются такие явления, о которых вы лучше меня знаете, особенно в районах, отдаленных от железных дорог, лишенных хорошей связи, — начинается спешка, горячка, пока, наконец, после большой затраты силы дело не идет на выправление.

По самотеку нужно ударить как следует, нужно вести дело по-настоящему, по-большевистски. Тут церемониться решительно не приходится, потому что иначе кроме вреда и разложения ничего не получается.

С другой стороны, нужно предостеречь в нашей работе от увлечения голым администрированием.

Путем голого администрирования, без организации масс, без проверки своих решений дело не пойдет, при таких условиях наша социалистическая стройка не двинется ни в городе, ни в деревне.

О «МЕЛОЧАХ», НА КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ ВОСПИТЫВАТЬСЯ РАБОТНИКИ

Затем, товарищи, — об этом мы тоже, кажется, не раз говорили, — я бы хотел обратить внимание на вопрос о так называемых «мелочах». Я тут хочу указать вот на что: мы говорим об организации труда в колхозе, но до тех пор ни один из вас не может это дело поставить по-настоящему и понять все трудности, пока вы сами не окунетесь в это дело непосредственно, иначе у вас ничего не выйдет. Вот просто возьмите и приезжайте в один из колхозов (председатель рика или секретарь райкома), попробуйте организовать это дело и тут, уверяю вас, первое, что потребуется, — это объяснить, что такое трудовень, учет и т. д. И вы сами тогда должны будете понять значение этих «мелочей», так как колхозник вас об этом спросит, бригадир спросит, как записать, и пр. и пр. И вы все это увидите на деле, в жизни, вы поговорите с практиком, вас потянет к литературе, вы читаете соответствующую книжку и т. д. И вот на этих мелочах и воспитывается работник. Низовой практик в этом сможет вам во многом помочь (беру практика, конечно, честного, хорошего работника), он укажет вам на то новое, что есть сейчас в

деревне, потому что хотя вы и работаете в деревне, но не думайте, что вы все знаете, там есть много нового, и то, что вчера считалось последним словом агротехники, сегодня уступает место другому, там, где, казалось, вчера нельзя было сеять, — сегодня можно, и результаты еще лучше, чем раньше. Практик все это нам даст при условии, если мы выйдем на место и поглядим, что и как на месте происходит.

Мелкие детали в работе, о которых даже может быть иной раз кажется смешно говорить, они решают дело, и вот кто за это конкретное звеношко большой или малой цепи или цепочки возьмется, тот увидит, как сразу потянется ряд вопросов один к другому. Так происходит выращивание кадров, помноженное на наш опыт и достижения. Таким образом, мы сможем избежать тех крупных ошибок, которые часто делаем.

ВЫШЕ КАЧЕСТВО РУКОВОДСТВА

Товарищи, я просмотрел перечень районов, которые у нас идут впереди, и тех, которые отстают, и оказалось, как правило, что в тех районах, в которых на партийную работу и на работу сельсоветов обращено соответствующее внимание и подобраны люди, дело идет лучше, а в тех районах, где районные организации на сельсоветы и партячейки обращают мало внимания, дело не движется. Это факт, и в этом нет ничего неожиданного.

В отношении партийности имеется такая справка: у нас в области 9200 колхозов, а колхозных ячеек всего-навсего 500 с чем-то, комсомольских ячеек также немного.

Укрепление сельсоветов и развитие массовой партийной работы по преимуществу являются нашей основной задачей, если мы хотим двигать дело не только на сегодняшний день, а и на более продолжительное время.

Здесь сетовали на работу областных организаций, и жалобы эти в значительной мере основательны.

Я думаю, что если говорить всерьез и по-настоящему, то наши областные организации далеко еще не достаточно гибко и конкретно руководят. Правда, мы могли бы привести кучу «объективных обстоятельств» — дальность

расстояния и пр., но все это не исчерпало бы изъянов и недостатков, которые есть.

Трудности есть, но есть и большие возможности реально улучшить руководство. Возьмем живое руководство и живую помощь районам. Цифры я приводить не буду, но если сложить областные аппараты, партийные, советские, кооперативные и пр., везде есть инструкторы, их очень большое количество, в среднем выйдет по несколько человек на район. Мы посылаем их, они ездят, вы их видите. Правда, говорят, что они бывают больше в районах, близких к железной дороге, это верно, но когда далеко посылаете, он поедет, побудет некоторое время (вот как говорили насчет кооперативных гастролей), потом уедет и пишет докладную записку своему шефу: тут безобразия, там неполадки и пр. А спросите, как он помог на месте исправить — на этот счет идет как-то туго. Надо поставить дело так, чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет или рик, поменьше командуй, поменьше изображай ревизора, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь. Вот когда доведешь дело до конца, — тогда выезжай.

Живое руководство и инструктаж, изучение областными организациями районов — это необходимейшая вещь. Правда, известный сдвиг в этом направлении есть, некоторая дифференциация руководства устанавливается, но это еще недостаточно.

Если отчетливо себе представим этап, на котором мы находимся, и те задачи, которые перед нами стоят; если мы будем помнить, что мы большевики и что мы способны и не такие горы преодолевать, в более трудной, более опасной и более сложной обстановке, если мы так подойдем к решению наших задач, то я убежден, что в кратчайший срок мы добьемся перелома на всех отстающих участках и добьемся такого выполнения плана, какого достойна Ленинградская область, возглавляемая таким городом, как город Ленина.

Товарищи, надо понять каждому, что сейчас надо работать засучив рукава. Надо помнить, товарищи, одно, что когда мы начинали великую социалистическую стройку, мы сказали себе и совершенно справедливо, что

в нашей стране имеются все объективные условия для того, чтобы строить и построить социализм. Это было, товарищи, еще несколько лет тому назад. Теперь уже никто не ставит вопроса: можем или не можем строить? Каждый видит, чувствует и понимает, что *мы не только можем, но строим успешно и действительно победоносно.* Но для того чтобы еще успешнее, еще победоноснее строить, для того чтобы скорее можно было выйти еще на более широкую просторную дорогу социалистической работы, — надо навалиться со всей силой на проведение в жизнь намеченных партией решений. Не забывайте того, что *наша большевистская партия всегда отличалась от всех других партий тем, что она слово не отделяет от дела, тем, что свои решения она твердо проводила, невзирая ни на что, потому что эти решения правильные, единственно возможные и действительно победные.*

Печатается по тексту книги:
С. Киров. Ленинградские большевики,
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 121—125.

ОВЛАДЕТЬ НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ, ПЕРЕСТРОИТЬ ВСЮ РАБОТУ В СООТВЕТСТВИИ С НОВОЙ ОБСТАНОВКОЙ

*Доклад об итогах октябрьского пленума ЦК ВКП(б)
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
4 ноября 1931 г.*

Мы подходим к XIV годовщине Великой Октябрьской революции. На днях мы будем подводить итоги той огромной работы, которую мы проделали за этот исторический отрезок времени. Мне хотелось бы привести несколько справок, показывающих, каких огромных успехов достигли мы в деле социалистического строительства. Еще не так давно мы смотрели с «вождедением» на уровень развития промышленности России в 1913 г. и ставили перед собой задачу достигнуть этого уровня. Теперь же, если взять уровень развития промышленности России в 1913 г. за 100, то по углю мы превысили этот уровень в $2\frac{1}{2}$ раза, по чугуну в 4 раза, по прокату в $2\frac{1}{2}$ раза, по производству электроэнергии в 7 раз, по машиностроению в 8 раз и т. д. Мы организовали совершенно новые производства, которых не знала царская Россия, — тракторы, турбины, комбайны и др. Достаточно этих небольших справок, чтобы понять, что дело социалистического строительства одерживает одну победу за другой.

Наши победы особенно показательны на фоне мирового экономического кризиса, в судорогах которого бьются все капиталистические государства. Закончив кровавую империалистическую бойню, капиталистические пророки рисовали беспредельную перспективу дальнейшего существования и развития капиталистической системы. В какой степени оправдались эти предсказания? Если взять уровень развития промышленности капитали-

стических стран в 1929 г. за 100, то Англия снизила этот уровень по углю на 25%, по чугуну на 50%, по всей промышленности на 30%; Германия — по углю на 30%, по чугуну — на 50%, по всей промышленности — на 40%; Соединенные Штаты — по углю на 35%, по чугуну почти на 50% и по всей промышленности больше чем на одну треть, и даже наименее пока пострадавшая от кризиса Франция снизила по углю — на 15%, по чугуну — на 20%, по всей промышленности — на 15%.

Ярким показателем состояния капиталистического хозяйства в настоящее время служит огромная и непрерывно растущая безработица. Десятки миллионов трудящихся в странах капитализма обречены на голод, нужду, величайшие бедствия.

И только Советский Союз неуклонно подымает мощь своего социалистического хозяйства. Лозунг, брошенный большевиками, — превратить СССР из аграрно-индустриальной страны в страну индустриально-аграрную, победоносно воплощается в жизнь. Удельный вес промышленности теперь во всем народном хозяйстве нашей страны составляет 76% вместо 68% в 1926/27 г. Мы успешно разрешаем задачу выполнения пятилетки в 4 года и по целому ряду отраслей мы ее выполняем в 3—3½ года. Завершение фундамента социалистической экономики — эта задача, которая оппортунистам казалась утопичной, теперь становится реальным фактом. Все оппортунистические предсказания опрокинуты ходом исторического развития. Теперь каждому это очевидно. Теперь каждому очевидно, что только напряженными темпами, только огромными жертвами можно было достигнуть гигантских результатов, с которыми мы приходим к XIV годовщине Октября. В этом азбука ортодоксального большевизма. Высокие темпы диктуются нашей внутренней обстановкой, нашей отсталостью, диктуются капиталистическим окружением, в котором мы находимся.

Мы можем совершенно твердо и решительно сказать, вступая в XV год пролетарской революции, что дело Ленина находится в надежных, крепких руках Коммунистической партии, ведущей трудящиеся массы Социалистического государства от победы к победе.

МОБИЛИЗОВАТЬ СИЛЫ, ДОБИТЬСЯ ПОБЕДЫ НА ТРАНСПОРТЕ

Но это не значит, что на нашем пути нет серьезных трудностей, от успешного преодоления которых зависит дальнейшее повышение темпов социалистического наступления. *Уголь, металл, транспорт* — вот участки, требующие от нас бдительного революционного внимания.

В результате большевистской настойчивости мы в последнее время в борьбе за уголь имеем значительные достижения. Кривая добычи угля изо дня в день повышается и приближается к программным заданиям. Здесь сдвиг достигнут.

Сложнее обстоит дело с металлом. Каждый из нас знает, каким узким местом является сейчас металл. Сосредоточить все силы на борьбе за повышение темпов работы металлургической промышленности — важнейшая задача, которую ставит перед нами нынешний этап социалистического строительства.

Наконец, весьма крупной проблемой народного хозяйства является наш *транспорт*. Чтобы понять, какую большую роль играет этот участок работы, надо вспомнить, как ударил нас транспорт в первом квартале нынешнего года. Центральный Комитет поставил перед нами задачу — на протяжении самого короткого времени разрешить транспортную проблему, чтобы осенне-зимние перевозки провести с успехом. В порядке большевистского признания надо сказать, что транспорт, несмотря на неоднократные директивы ЦК, еще недостаточно привлек к себе наше внимание, что вопросам транспорта должного, настоящего большевистского внимания партийные организации не уделяют. В этом главная причина тех болезненных явлений, которые мы наблюдаем на транспорте.

ЦК неоднократно занимался вопросами оздоровления транспорта, вынес ряд конкретных решений, но, проводя эти решения, мы не смогли добиться того, чтобы обеспечить успех осенне-зимних перевозок. Конечно, и транспорт идет вперед, но не такими темпами, какие необходимы, какие диктуются требованиями бурно растущей социалистической промышленности. Поэтому октябрьский

пленум ЦК со всей решительностью указал на то, что вокруг транспорта надо в самое ближайшее время мобилизоваться так, как умеют мобилизовываться большевики, чтобы добиться его полного и окончательного выздоровления.

Настоятельная необходимость в кратчайший срок добиться перелома на транспорте еще больше подчеркивается тем, что развернувшиеся в деревне огромные хозяйственные кампании предъявят транспорту новые требования. И если он их не сумеет удовлетворить, пробка неизбежна. Надо добиться настоящего большевистского революционного сдвига в работе железнодорожного транспорта. Этого требует от нас октябрьский пленум ЦК ВКП(б).

Мы провели почти полное обновление руководства железнодорожного транспорта.

Чтобы понять, какую опромную работу нам надо проделать на транспорте, достаточно познакомиться с состоянием спаренной езды. По официальным данным, все обстоит более или менее благополучно. А когда новое руководство НКПС решило эти данные проверить, то оказалось, что спаренная езда срывается на Екатерининской дороге на 40%, на Южных дорогах до 33%. Партия потребовала от транспорта довести до минимума процент больных паровозов. А местами количество больных паровозов все еще достигает 20—25%. Борьба за здоровый паровоз, за здоровый вагон, за быстрое обращение паровоза и вагона приобретает сейчас совершенно исключительное значение. Народному хозяйству очень дорого обходится каждый час, каждая лишняя минута простоя паровоза и вагонов.

Огромнейшее значение в борьбе за оздоровление транспорта имеет задача, выдвинутая партией, — увеличить суточную работу паровоза и вагонов на один час. Разрешив эту задачу, мы получим новый огромный резерв для улучшения работы транспорта.

В ближайшее время полностью уничтожить обезличку, во что бы то ни стало добиться 100-процентной спаренной езды, добиться, чтобы каждый транспортник имел строгий определенный участок работы и отвечал за него, — вот главные условия, от которых зависит успешная

работа транспорта. Не подлежит никакому сомнению, что если приложить усилия и упорядочить движение, поскорее разгружать вагон, поменьше трепать его, то можно получить новые огромные резервы для улучшения работы транспорта. Лучшей иллюстрацией тому, как плохо обстоит на транспорте дело с мобилизацией внутренних возможностей, служит хотя бы тот факт, что паровозная бригада в сутки затрачивает производительно только 42% своего рабочего времени.

Можно ли поставить дело так, чтобы наши депо лучше, побыстрее, покрепче ремонтировали? Безусловно можно. Безусловно можно и нужно положить конец таким безобразным фактам, когда 4% паровозов и вагонов, выпускаемых депо из ремонта, не будучи в работе, идут обратно в ремонт. Некоторым эта цифра может показаться незначительной, но при ограниченных ресурсах нашего транспорта она имеет огромное значение. Надо, чтобы на транспорте больше экономили средства, силы, рабочее время. Надо коренным образом улучшить планирование железнодорожных перевозок. Некоторые чиновники, заседающие в путевском аппарате, склонны доказывать, что эта задача большевикам недоступна. Но это никто, никогда и нигде доказать не сумеет. Не такие планы стояли перед нами, как железнодорожные перевозки, не такие трудности мы преодолевали и не такие одерживали победы. Надо только, чтобы большевики посмелее взялись за оздоровление транспорта. Железнодорожный транспорт — сложная вещь, там есть свои особенности, ими нужно овладеть, но разговоры о том, что железнодорожного транспорта нам не поднять — явная чепуха. Такие оппортунистические разговоры льют воду на мельницу вредителей, которые до недавнего времени хозяйничали на транспорте и создали большинство затруднений.

Перестройка, окоммунизивание аппарата транспорта идут очень медленно. Надо ускорить эту работу. Надо покончить во что бы то ни стало с бюрократизмом, заскорузлостью в транспортном аппарате. Чего стоит такой факт, когда в одном только Центральном управлении НКПС работают 6 тыс. чел.?! Иметь такое количество народа — значит наверняка запутаться. И правильно ре-

шает новое руководство НКПС — изрядную долю специалистов, застрявших в аппарате, *послать на дороги, на участки, в депо, на станции*, в решающие звенья и цеха железнодорожного транспорта. Хозрасчет на транспорте прививается очень туго. Надо устранить все препяды на пути хозрасчета, надо внедрить самым решительным образом рычаг хозрасчета на транспорте.

Для успешного оздоровления транспорта надо улучшить обслуживание материально-бытовых нужд рабочих и служащих транспорта, покончить в снабженческой системе с чрезмерной централизацией, которая только вредит делу.

Неправильно думать, что транспорт можно поднять руками одних только товарищей, работающих на транспорте. *Нужно, чтобы работой транспорта повседневно занимались партийные и профессиональные организации*, чтобы вопросы транспорта ежедневно находились в порядке их работы. Поэтому ЦК решил выделить в каждом Крайкоме и Областкоме специального секретаря по транспорту.

Мобилизоваться на 100% вокруг транспорта, мобилизоваться так, как умеют большевики, и добиться победы на этом важнейшем участке народного хозяйства — вот задача, которую мы должны разрешить. Этого требует от нас партия, требуют от нас гигантские темпы роста социалистического хозяйства.

РАБОТУ СНАБЖЕНЧЕСКИХ ОРГАНОВ — НА ПОДЛИННО БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РЕЛЬСЫ

Следующий вопрос, которым занимался пленум, это вопрос о *рабочем снабжении*. Нынешние условия социалистического строительства ставят проблему рабочего снабжения наряду с вопросами индустриализации. ЦК вынес ряд решений о реорганизации работы снабженческих и кооперативных органов. Мы все шире разворачиваем сеть госторговли, торговли отраслевых промышленных объединений.

Новое состоит в том, — говорил т. Сталин на XVI съезде, — что мы можем развивать ускоренным темпом и легкую и тяжелую индустрию. Легкая индустрия дает несомненный прирост. За 9 месяцев решающего года

продукция, выпускаемая легкой промышленностью системы ВСНХ, выросла на 10%, а по системе Наркомснаба на 35%. Этот рост легкой промышленности дает нам новые возможности для улучшения снабжения рабочих. Надо только эти возможности умело использовать.

Известные успехи нами достигнуты. Увеличилась быстрота товарооборота, сократились товарные излишки. Но по-настоящему снабженческие и кооперативные организации лицом к нуждам рабочего потребителя еще не повернулись. Это можно доказать многочисленными примерами.

Для того чтобы покончить с чрезмерной многогранностью кооперации, партия решила выделить из нее такое важнейшее звено, как общественное питание, и передать его в ведение Наркомснаба. Эта простая задача встретила все же на своем пути значительное сопротивление. Как только дело доходило до разделения имущества, ведомственная грызня принимала самые безобразные формы и некоторые работники кооперации забывали о том, что речь идет об улучшении общественного питания, об улучшении материально-бытовых условий рабочего класса.

Заводские, партийные, хозяйственные, профессиональные организации также недостаточное внимание уделяют вопросам общественного питания. Наоборот, когда общественное питание перешло в систему Наркомснаба, они решили, что теперь им этим вопросом заниматься не нужно, что это дело особой организации.

Неповоротливость, отсутствие гибкости, отсутствие чуткости к нуждам рабочего потребителя приводят к тому, что самые бесспорные решения ЦК о рабочем снабжении проводятся в жизнь далеко неудовлетворительно.

Задача снабженческих и кооперативных организаций не только снабжать рабочего готовыми продуктами и товарами, но и находить новые товары, непрерывно увеличивать возможности для улучшения рабочего снабжения.

Мы все очень сильно ругаем кооперацию — и ругаем по заслугам, но ругать мало. Надо кооперации и снабженческим организациям помочь по-настоящему, помочь им удовлетворить растущие запросы рабочего класса.

Многие коммунисты считают, что работа в кооперации, магазине, за прилавком ниже их достоинства. В торговой сети Ленинграда только 9% коммунистов, а в Москве 6%. При таких условиях поднять дело рабочего снабжения очень трудно. Не удивительно, что хищения и растраты в кооперации все еще не изжиты. Надо выращивать кадры коммунистов, работников кооперации и снабжения. Надо поднять ведущую роль коммунистов в деле улучшения снабжения рабочих.

Носители напманского духа, которые хозяйничают в отдельных звеньях нашей кооперации, конечно, немало содействуют извращению политики партии в вопросах рабочего снабжения. Возьмем хотя бы такой безобразный факт, когда в отдельных случаях дело доходит до того, что план торговли по нормальным ценам выполняется кооперацией меньше чем наполовину, а план торговли по коммерческим ценам выполняется на 220%.

Партия требует пролетарского отношения к покупателям, к рабочему потребителю, а есть еще у нас кооперативные работники, предпочитающие действовать по старой поговорке «не обманешь, не продашь». Культурно торговать — это не значит барыши зарабатывать, это значит улучшать обслуживание рабочего потребителя.

Товаров безусловно у нас все еще недостаточно, но и то, что мы имеем, то, что мы будем иметь завтра, при форсированном развитии легкой индустрии в 1932 г., мы должны научиться использовать, взяться по-настоящему за снабженческие органы, поставить их на подлинно большевистские рельсы.

У нас недостаток в мясе и жирах. Это самый тяжелый участок рабочего снабжения. А между тем, темпы разрешения этой проблемы недостаточны. Мясозаготовки идут в этом году на уровне 95—98%. Но если в 1928 г. свинья занимала в мясозаготовках 11½%, то в 1931 г. она занимает значительно меньше. Это, конечно, неправильно. Не надо вам доказывать, какое огромное значение играет свинья в деле улучшения рабочего снабжения. Здесь надо налечь со всей энергией. Строительство огромного мясного комбината с пропускной способностью до 5000 голов свиней в день, к которому мы приступили уже в Ленинграде, надо взять под настоящий большевистский контроль.

Надо решительно улучшить работу по снабжению рыбой. До сих пор организовать лов рыбы по-настоящему мы еще не научились.

Улучшить рабочее снабжение — эта задача стоит не только перед снабженческими и кооперативными органами, она стоит перед всеми парторганизациями.

У нас расширяется рабочая армия. Растут новые строительства, новые промышленные центры. В Магнитогорске, где вчера было пустое место, сегодня живут 240 тыс. чел. Такие гигантские невиданные темпы роста требуют решительной перестройки и решительного улучшения работы снабженческих и кооперативных организаций.

Необходимо продолжать расширение торговой сети, сети фабрик-кухонь, переключиться на создание запасных продовольственных фондов, развернуть работу по усилению мясозаготовок и рыбозаготовок. Парторганизации должны мобилизовать местные продовольственные ресурсы для улучшения рабочего снабжения. Нужно покончить с нездоровым увлечением коммерческими ценами, выжечь нэпманские элементы из кооперации, по-партийному взяться за выращивание коммунистических кадров кооперативных, снабженческих, торговых работников. Только мобилизация всех организаций сверху донизу даст возможность добиться успеха в борьбе за улучшение материально-бытовых условий рабочего класса.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Мы должны приложить все усилия, чтобы полностью реализовать принятые пленумом решения. В этой связи я хотел обратить ваше внимание на тот участок, от которого во многом зависит успех нашей работы по улучшению рабочего снабжения. Вопросы продовольственного снабжения упираются в наше сельское хозяйство. Партия и рабочий класс проделали в деревне колоссальную работу. Мы все больше и полнее переводим сельское хозяйство на социалистические рельсы. 60% коллективизированных крестьянских хозяйств — это великая историческая победа партии и рабочего класса.

Эти победы в колхозном строительстве значительно усилили базу снабжения наших пролетарских центров и создали несравненно более благоприятную обстановку для сельскохозяйственных заготовок. Между тем, начавшаяся полоса заготовок показывает, что эти возможности используются нами совершенно недостаточно. Есть у нас такие организации, которые все еще полагаются на самотек, такие товарищи, которые думают, что если в ряде районов не стало кулака, значит не стало и кулацких влияний.

Заготовительная кампания показывает, что мы еще очень недостаточно сделали для организационно-хозяйственного укрепления колхоза, для борьбы с кулацкими влияниями. Поэтому отдельные колхозы и отсталые слои колхозников в первую очередь ведут всю работу на себя, а что касается государства, то о нем они заботятся во вторую, а то и в третью очередь.

Такие настроения захватывают даже наши отдельные совхозные объединения.

Все вы знаете решения партии о руководстве «Союзсахара». В прошлом году он дал стране 22 млн. пуд. хлеба. В этом году площади посева под совхозами «Союзсахара» увеличились. А когда надо было сдать государству хлеб — около 26—28 млн. пуд., оказалось, что он может предъявить к сдаче только 11 млн. пуд., — в Сахаротресте хлеба «оказалось» меньше половины задания. Тут дали себя знать буржуазные рваческие тенденции, от которых несвободны даже некоторые наши ответственные работники.

Ленинградская область насчитывает 44—45% колхозов. Мы должны заготовить 7 млн. пуд. хлеба. Между тем, ряд наших колхозов еще не идет в авангарде заготовок. Почему это происходит?

Потому, что в ряде колхозов сильны кулацкие потребительские настроения, причем эти настроения подчас культивируются и вышестоящими организациями, которые дают директивы такого сорта: в первую очередь вы должны обеспечить себя, скотину, учесть прирост, во-вторых, вы должны обеспечить свои посевы и только потом можете заботиться о сдаче хлеба государству.

Потребительские настроения в отдельных колхозах привели к тому, что иной раз забывают о «человеческих» нормах при распределении хлеба, увеличивают обычную норму в 2—3 раза.

Все эти факты лишний раз подчеркивают, что *одного* количества в борьбе за коллективизацию *мало*. Надо колхоз организовать так, чтобы он действительно был колхозом, чтобы изо дня в день он перевоспитывал мелкого собственника — крестьянина.

Особенно плохо, что иногда потребительские настроения возглавляются коммунистами, сидящими в райколхозсоюзах, сельсоветах и т. д.

Кое-кто на этом основании может попытаться опорочить, взять под сомнение нашу великую колхозную стройку. Но тщетны надежды оппортунистов, маловеров, всей кулацкой агентуры. Партия сумеет быстро устранить все извращения, дать по рукам тем, кто их допускает, сумеет поднять колхозное строительство на новую, еще более высокую ступень.

По-большевистски взяться за проведение заготовок, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов — важнейшая задача партийных организаций.

Решения пленума должны стать достоянием каждого рабочего, каждого колхозника.

Социалистическое строительство в СССР представляет собой сейчас грозную, несокрушимую силу. Никогда СССР не был так страшен врагам, как сейчас. Идет жестокая мобилизация всех сил старого мира против нас, идет упорное противодействие нашей стройке.

Победа консерваторов на выборах в английский парламент говорит сама за себя. Для защиты капитализма стягиваются самые крепкие его кадры, все его резервы. Никогда не было еще такого трогательного единения между матерыми, вышколенными представителями буржуазии и II Интернационалом. Никто сейчас не может сказать, где кончается Болдуин и начинается Макдональд. Всей своей ватагой вышел II Интернационал защищать капиталистическую систему. Приближаются решающие схватки. Надо быть каждую минуту и секунду готовыми к грядущим боям.

Надо действительно по-новому вести повседневную работу по социалистическому строительству, действительно перестроиться, осуществить указания т. Сталина. Это огромная практическая партийно-политическая задача. Надо вникать в каждую мелочь, ибо эти мелочи являют сейчас собой величайшие дела социалистической стройки. Тот, кто этого не понимает, тот не может быть участником социалистического строительства. Сейчас мы побеждаем капитализм не тем, что пишем новые программы, а тем, что овладеваем самыми сокровенными мелочами социалистического строительства. И как бы вторые и двухсполовинные интернационалы ни старались подпереть капиталистических вождей, дело капитализма обречено на гибель. Рабочий класс ведет трудящихся всего мира к победе, он хочет жить и будет жить. А класс капиталистов умрет, он должен умереть.

*Печатается по тексту книги:
С. Киров, Ленинградские болшевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 145—154.*

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ, ПРОВЕРЕННАЯ ОПЫТОМ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА, — ОСНОВА И ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ ПОБЕД

*Доклад об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП(б)
на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
8 октября 1932 г.*

Товарищи, сентябрьский пленум ЦК нашей партии рассмотрел ряд вопросов, имеющих огромное значение для нашей дальнейшей социалистической стройки.

Мы вступили в такую полосу нашей работы, когда большевистская борьба за генеральную линию партии требует от всех организаций, от каждого из нас самого внимательного и конкретного подхода к любому вопросу, каким бы незначительным он на первый взгляд ни казался, требует доведения его до конца и тщательной организации проверки исполнения партийных директив.

Наше Советское государство, наше социалистическое хозяйство представляют сейчас такой огромный и сложный механизм, что для его правильного функционирования необходимо, чтобы каждая часть его работала совершенно четко и стройно и чтобы между всеми частями была крепко слажена связь.

Именно поэтому сейчас наша партия во всех своих решениях особенно подчеркивает необходимость конкретного, действительного оперативного руководства всеми отраслями обширной социалистической стройки.

Мы совершенно правильно поступаем, когда все наши недоделки, изъяны и недочеты вскрываем со всей большевистской прямоотой перед нашей партией и рабочим классом, мобилизуя себя на скорейшее устранение этих недочетов.

Недочетов в нашей работе много, мы должны неустанно работать над тем, чтобы их преодолевать.

Но они ни в коем случае не могут заслонить от нас достижений партии и рабочего класса в строительстве социализма.

Эти достижения поистине опомны, их вынуждены признать даже окружающие нас враги, ибо они великолепно понимают, что никогда еще Советский Союз не представлял такой могучей силы, как в данный момент.

Успехи нашей социалистической стройки привели к тому, что сейчас, накануне XV годовщины Октября, наша страна является незыблемой крепостью международной пролетарской революции.

ДЛЯ КАЖДОГО БОЛЬШЕВИКА УЛУЧШЕНИЕ СНАБЖЕНИЯ РАБОЧИХ — ОТВЕТСТВЕННЕЙШАЯ И ПОЧЕТНАЯ ЗАДАЧА

Пленум ЦК ВКП(б) обсудил крупнейшие вопросы очередной работы, более энергичное разрешение которых обеспечит нам расширение и укрепление всей нашей социалистической стройки и дальнейшее укрепление нашего международного положения.

Вы все помните, что в решениях последней XVII партийной конференции одним из центральных вопросов был вопрос о расширении советской торговли как в городе, так и в деревне. В этих решениях было записано:

«Для обеспечения большевистских темпов подъема всего народного хозяйства и лучшего удовлетворения запросов широких масс города и деревни в отношении товаров широкого потребления первостепенное значение имеет *развертывание товарооборота*. Развертывание товарооборота — прежде всего розницы — и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе являются важнейшим стимулом для выявления имеющихся в нашем хозяйстве опомных и далеко еще не использованных внутренних резервов, способствующих ускорению роста социалистического накопления, и тем самым укрепляют материальную базу всего социалистического строительства. Вместе с тем, только на основе развертывания товарооборота возможно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни.

промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего, в свою очередь, необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети, с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе возможно подготовить отмену нормирования отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей»¹.

Вы видите, что в этой краткой выдержке содержатся принципиальное обоснование и практическая программа большой работы по развитию советской торговли в городе и деревне.

ВСЮ СИСТЕМУ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ — НА ОБСЛУЖИВАНИЕ РАБОЧИХ И КОЛХОЗНЫХ МАСС

Со времени XVII партийной конференции Центральный Комитет и соответствующие правительственные органы много сделали для практического проведения в жизнь решений конференции.

За этот промежуток времени мы просмотрели всю систему и весь порядок организации нашей советской торговли. Мы прежде всего постарались повернуть дело таким образом, чтобы, во-первых, поставить более строгий учет всего того, что мы производим в сельском хозяйстве и промышленности, и во-вторых, направить всю массу этих товаров по таким каналам, которые позволяют в максимальной степени удовлетворять нужды рабочего, колхозника и трудящегося единоличного крестьянина.

В 1931 хозяйственном году мы добились прироста товарной продукции по предметам широкого потребления на 11,5 %.

Однако когда мы посмотрели, каким образом происходит распределение продукции, то оказалось, что вне рыночное потребление увеличилось за этот год на 27 %, а рыночное потребление, т. е. непосредственное удовлетворение потребностей широких масс рабочих, колхозников и единоличников, дало прирост всего на 5,5 %.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., 1954, ч. III, стр. 154. *Ред.*

Уже одно только сопоставление этих двух цифр говорило о неправильном распределении того, что мы производим. Нам пришлось направить внимание прежде всего в эту сторону, и в течение 1932 г. мы сделали резкий крен на максимальное ограничение так называемого вне рыночного, т. е. ведомственного потребления.

В 1932 г. мы сумели долю вне рыночного потребления свести в III квартале до 17% общего количества продукции.

Таким образом, 83% всей нашей продукции широкого потребления мы направили в русло советской торговли и тем самым повернули в сторону непосредственного удовлетворения потребностей рабочих и крестьянских масс.

Большое место в расходовании нашей продукции занимало так называемое «бронированное» потребление. Для целого ряда отраслей нашей хозяйственной работы, скажем, для таких, как льнозаготовки, лесозаготовки, сплав, торфоразработки и пр., мы заранее бронировали определенную массу товаров. В некоторых случаях это бронирование было необходимо, но, к сожалению, оно распространилось настолько широко, что большая масса товаров застревала в «бронированных» каналах и этим тормозилось развитие товарооборота.

Центральный Комитет вынес ряд решений, направленных против замораживания товарооборота, против злоупотреблений системой нормирования, против сведения роли кооперации к простому и механическому распределению продуктов. Эти решения способствовали широкому развертыванию подлинно советской торговли.

За истекшее время мы добились несомненных успехов и в расширении торговой сети.

Если к 15 октября 1931 г. во всем Советском Союзе было около 200 тыс. торговых единиц, то к 1 июня 1932 г. мы уже имеем 286 тыс. торговых единиц. Если у нас в Ленинграде на 1 июля 1931 г. было 2726 торговых единиц, то на 1 июля текущего года мы расширили торговую сеть до 4922 единиц.

Проведена значительная передвижка в распределении товаров между городом и деревней.

В целях успешного развития колхозной торговли и привлечения на городской рынок сельскохозяйственных

продуктов понадобилось выделить крупные товарные фонды для села.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что товаров, как промышленных, так и сельскохозяйственных, для полного удовлетворения нужд рабочих и крестьян на данном этапе нашей работы все еще недостаточно.

Но из этого факта вовсе не следует, что мы можем спокойно ограничиться теперешним уровнем производства предметов широкого потребления, что мы не можем и не должны нажать на все пружины нашего хозяйства, для того чтобы значительно увеличить производство и выпуск товаров широкого потребления.

Необходимо категорически подчеркнуть, что некоторые товарищи недооценивают те огромные возможности, которые мы имеем сейчас для дальнейшего развертывания производства предметов широкого потребления, в связи с опромными успехами, достигнутыми нами в деле индустриализации нашей страны и социалистического преобразования сельского хозяйства. Приступая к практическому осуществлению величайшей исторической задачи — индустриализации нашей страны, мы сосредоточиваем все силы и средства на развитии в первую очередь тяжелой промышленности, и это безусловно было правильно. Другая постановка вопроса означала бы отказ от строительства социализма.

Однако, когда мы добились решающих успехов в деле развертывания тяжелой индустрии, партия сразу же поставила вопрос о более энергичном подъеме и легкой промышленности.

Вы все помните, что на XVI съезде нашей партии т. Сталин совершенно отчетливо и твердо сформулировал то положение, что наша промышленность достигла такого состояния, когда «мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую индустрию».

Теперь, когда мы ведем большую работу по расширению производства предметов широкого потребления, иногда раздаются такие разговоры: «Вот наконец-то, на пятнадцатом году революции додумались до того, что для дела социалистического строительства необходимо делать не только паровые турбины, не только строить Магнито-

горски, но также заниматься производством сковородок, утюгов и всяких предметов домашнего потребления».

Эти разговоры исходят из лагеря классового врага. Эти речи ведут люди, которые совсем недавно пытались тащить страну на путь буржуазно-капиталистической реставрации, которые не останавливаются теперь ни перед чем в борьбе против партии и ее руководства.

Как фактически обстояло дело? Дело обстояло таким образом, что мы должны были бросить все свои силы и максимальную долю средств для развития тяжелой индустрии, для того чтобы подвести действительно твердый, действительно непоколебимый фундамент для всего нашего народного хозяйства. Вопрос стоял тогда таким образом: «или сковородки — или машины, автомобили, тракторы; или форсированное производство предметов широкого потребления — или подведение прочного фундамента для успешной индустриализации СССР, экономической независимости от заграницы и укрепления обороноспособности страны». Вот как перед нами стоял вопрос и потому одновременно двигать быстрыми темпами все отрасли промышленности мы не могли.

К тому же легкая промышленность не могла тогда развиваться ускоренными темпами еще и потому, что она не имела в то время под собой твердой сырьевой базы. Нам приходилось опромное количество сырья для нашей легкой промышленности ввозить из-за границы, так как сельское хозяйство еще не могло нам дать необходимое количество сырья, и надо было сначала подвести под наше сельское хозяйство твердую индустриальную машинную базу.

В данный момент положение коренным образом изменилось.

Мы создали крепкую индустриальную базу, нашу советскую тяжелую индустрию, обеспечивающую техническую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства. В сельском хозяйстве нашей страны произошел за последние годы решающий перелом, выразившийся в том, что из страны раздробленного, отсталого земледелия мы превратились в страну самого крупного в мире социалистического земледелия, основанного на широком применении трактора, комбайна, машинной техники. Сейчас,

когда более 60 % крестьянских хозяйств объединены в колхозах, когда 80 % посевных площадей находятся в руках колхозного сектора, когда мы развернули тысячи МТС, когда мы создали крупнейшие в мире советские хозяйства, фабрики зерна и мяса — возможностей для производства предметов сельского хозяйства у нас несравненно больше, чем несколько лет тому назад.

Вот все это вместе взятое позволило нам, особенно после XVII партийной конференции, крепко повернуть в сторону еще большего развития производства предметов широкого потребления нашими фабриками и заводами, еще большего поднятия продуктивности и товарности нашего сельского хозяйства.

ЯСНО ВИДЕТЬ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА, БЕСПОЩАДНО БИТЬ ПО ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ

Последний пленум ЦК нашей партии на основе суровой большевистской самокритики произвел тщательную проверку всех звеньев нашей советской торговли и наметил пути ее дальнейшего развития. Надо прямо сказать, товарищи, что, несмотря на то, что мы имеем несомненные достижения, несомненный крупный сдвиг в деле развертывания советской торговли, все же это дело оставляет желать еще много лучшего. У многих наших работников все еще нет полного и ясного представления о том, чего мы можем достигнуть, если по-настоящему, по-большевистски будем развертывать советскую торговлю.

Наша потребкооперация, которая проводит большую работу по рабочему снабжению, имеет некоторые достижения в деле советской торговли. Несомненные плюсы и достижения есть и в нашей государственной торговле.

Однако всего этого совершенно недостаточно для большевистского выполнения директив партии.

Большинство работников нашей кооперации, госторговли и наших ЗРК все еще продолжают жить по старинке, все еще ждут, что те товары, которых недостаточно на полках наших кооперативных и государственных магазинов, сами собой придут из Наркомснаба и Комитета фондов или каких-нибудь других учреждений,

которые будут доставлять им эти товары автоматически из месяца в месяц, из квартала в квартал, а все их дело заключается лишь в том, чтобы в получении этих товаров расписаться и как-нибудь их распределить.

Если мы сумели расширить нашу торговую сеть и если мы понемногу овладеваем практикой советской торговли, то у нас еще очень мало сделано и делается по сравнению с тем, что мы можем сделать, для того чтобы вызвать к жизни все новые и новые массы товаров.

Возьмите хотя бы такой важнейший источник пополнения наших ресурсов в отношении продовольственных товаров и укрепления рабочего снабжения, как колхозная торговля, которой партия уделяла и уделяет исключительное внимание.

Когда мы произвели подсчет (правда, не по всей стране, а только по 7 областям), то оказалось, что из 27 с лишним тысяч обследованных колхозов с мая по август на рынок вышли 5400 колхозов, или 19%, причем эти колхозы вывезли на рынок примерно от 2 до 20% своей товарной продукции. Если взять нашу Ленинградскую область, то на 1 июня торговали всего 15% колхозов. В Ленинграде колхозами были открыты 80 колхозных советских точек.

Эта цифра и сама по себе невелика для такого города, как Ленинград, но она окажется еще меньше, если принять во внимание, что эти торговые точки иной раз день работают, два дня стоят без дела. Наши снабженческие органы подсчитали, что весь оборот колхозной торговли в Ленинграде за истекшие месяцы, включая колхозную ярмарку и колхозные базары, составил всего 5 с небольшим миллионов рублей. Это буквально ничтожная сумма для такого опрормного города, как Ленинград, с его более чем 200-миллионным ежемесячным товарооборотом.

Наши возможности для дальнейшего расширения товарооборота по линии развертывания колхозной торговли далеко еще не использованы. Опыт показал, что все дело успешного роста колхозной торговли зависит от нашего умения, от наших способностей, от нашей энергии и нашей большевистской инициативы. Мы все приветствовали постановление партии и правительства о колхозной торговле, мы считали это дело принципиально выдержанным

и абсолютно своевременным. Но вместо того, чтобы из этого сделать соответствующие практические выводы, как следует организовать колхозную торговлю и не допустить самотека, многие наши организации и работники спокойно ждут, пока кто-нибудь для них добудет товары. Вместо того чтобы подумать, как можно больше и лучше вызвать на рынок новые массы товаров, наши торговые и кооперативные организации во многих случаях ограничились тем, чтобы как можно быстрее закупить тот товар, который еще находился на рынке.

Вместо того чтобы поглубже и побольше внедряться в наши громадные отдаленные сельскохозяйственные районы, мы, как «экопомные» покупатели, старались покупать товары поближе к железной дороге, поближе к транспорту, чем значительно повысили спрос в этих местностях, что и повлекло к непомерному росту цен. Ряд торговых организаций впадал в буквальный ажиотаж, забывая все установки партии и прямо способствуя вздуванию цен. Дело доходило до того, что в одном районе, в ЦЧО, куда съехались после декрета о колхозной торговле представители ЛСПО и МСПО, они в объединенном конвенционном бюро (учреждение, которое устанавливает и регулирует для государственных и кооперативных организаций закупочные цены сельскохозяйственных продуктов) установили такие цены, которые превышали цены колхозного базара.

Все это, конечно, парует нормальное развертывание нашей колхозной торговли. Конечно, колхозника надо поощрять, надо колхозную торговлю развивать, но ее необходимо организовывать и регулировать, а не предоставлять самотеку. Только при этом условии мы добьемся снижения цен на колхозном рынке, значительного дополнительного увеличения массы продовольственных товаров в городах и полностью реализуем те громадные плюсы, которые может дать колхозная торговля.

Колхозная торговля должна будет дать большие положительные результаты не только для дальнейшего улучшения рабочего снабжения, но и для дальнейшего укрепления всей нашей колхозной системы. Это абсолютно правильно, но этого нельзя достигнуть без твердого проведения директив партии о колхозной торговле.

А для этого надо прежде всего обеспечить четкое понимание этих директив, четкое понимание всех особенностей нашей современной обстановки.

Там, где этого четкого понимания нет, там неизбежны грубые промахи, ошибки и прямые искажения линии нашей партии и в частности те извращения, о которых я вам говорил и которые явились одной из причин непомерного роста цен на наших колхозных ба-
зарах.

Некоторая часть наших кооперативных и торговых работников допускает грубейшие извращения советской торговли, сбиваясь на путь буржуазной торговли с ее стихийными рыночными законами.

Они не понимают, что назначение советской торговли — дальнейшее укрепление социализма, что советская торговля не допускает перекупщика, что спекуляция является ее злейшим врагом, *они не видят громадной разницы между начальной и нынешней стадией нэпа.*

Если в 1921 г. продукция всего нашего народного хозяйства исчислялась в 2 млрд. руб., то сейчас, в 1932 г., ее объем достигает 32 млрд. руб. Если в 1921 г. основную массу товаров на рынке продвигал частник, торговец-посредник, то сейчас вся торговля, за самым ничтожным исключением, находится в руках кооперации, государственных организаций, наших колхозников и единоличников трудящихся крестьян.

В 1921 г. мы имели более 23 млн. разрозненных индивидуальных крестьянских хозяйств; в данный момент 60% крестьянских хозяйств охвачены колхозами, у которых сосредоточены 80% общей посевной площади нашего Советского Союза.

Если в 1921 г. в сельском хозяйстве трактор нужно было искать днем с огнем, то сейчас мы имеем на наших полях 100 тыс. тракторов. Я уже не говорю о других сельскохозяйственных машинах, вроде комбайна и др., о которых и намека не было в 1921 г.

В 1921 г. автомобиль являлся исключительной принадлежностью города, сейчас в деревне тысячи автомобилей, и число их непрерывно растет. Мы сейчас достигли совершенно исключительных высот в деле развертывания нашей индустрии.

В 1921 г. у нас была разрушенная промышленность, теперь мы имеем свою советскую тяжелую промышленность, мы пустили Магнитострой, Кузнецкстрой, новые тракторные и автомобильные заводы, величайшую в мире электрическую гидростанцию — Днепрострой.

В 1921 г., как я уже говорил, у нас основным торговцем был частник. В 1932 г. мы, всемерно развертывая советскую торговлю, одновременно искореняем частника, перекупщика и спекулянта.

В текущем 1932 г. мы все ближе и плотнее подходим к завершению ликвидации кулачества как класса.

Вопрос «кто кого» в нашей стране решен твердо в пользу социализма.

СССР окончательно утвердился на социалистическом пути.

Этой справки достаточно для того, чтобы понять особенность современного этапа и природу нашей советской торговли.

Необходимо дать самый сокрушительный отпор либерально-буржуазному толкованию задач развертывания советской торговли, ведя в то же время решительную борьбу против «левацкой» недооценки советской торговли и против попыток подмены советской торговли механическим распределением.

Надо помнить, что укрепление торговой смычки между городом и деревней на данном этапе имеет громадное значение. Победы партии в организации производственной смычки создали новую основу для усиления смычки по линии торговли.

Пленум ЦК записал:

«Одержанная партией в борьбе с правым оппортунизмом победа в деле организации социалистической производственной смычки между городом и деревней не только не снимает, но выдвигает с особой силой задачу укрепления на этой базе торговой смычки города с деревней»¹.

Без этого мы не сможем обеспечить дальнейшее успешное развертывание товарооборота.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., 1954, ч. III, стр. 163. *Ред.*

Крупная практическая задача в организации советской торговли — сокращение накладных расходов. Надо добиться решительного сокращения накидок, решительного удешевления работы нашего торгового и кооперативного аппарата.

Обследование наших торговых органов показало, что прибавки и наценки на себестоимость товаров доходят до 50 %, а где люди посмелее, там и до 275 %.

РКИ Союза обследовала 16 тыс. торговых магазинов, из которых значительная часть нарушает советскую политику цен, причем 35 % из них продают товары по повышенным ценам совершенно незаконно, другие же занимаются всяческим отступлением от наших советских правил и законоположений под тем или другим формальным предлогом. Беда заключается и в том, что в целом ряде случаев это произвольное повышение цен работники вышестоящих кооперативных органов считают «в порядке вещей».

Эти незаконные накладки и надбавки в значительной степени объясняются промоздкостью нашего торгового и кооперативного аппарата, наличием в нем далеко еще не изжитых элементов бюрократизма и волокиты.

Ведь в самом деле, если товар в своем пути до потребителя должен пройти через 20 этажей и в каждом этаже на его цену делается какая-то прибавка, то в результате этого странствования он придет к потребителю сильно вздувшимся в цене.

Поэтому мы ставим сейчас вопрос об ускорении продвижения товаров к потребителю, о том, чтобы вместо 20 звеньев его можно было бы пропустить через 10 (на первый раз), а потом через пять, а затем и непосредственно к потребителю.

Все это поведет к удешевлению товара.

Для наиболее быстрого продвижения товаров, для улучшения ассортимента мы, по решению ЦК нашей партии, организовали специальные товарные базы. Вообще говоря, базы — вещь хорошая, там товары собираются, сортируются, направляются по периферии и пр.

Все это правильно, и эти базы нужны, но если мы живем в Ленинграде и тут же в Ленинграде имеется завод, производящий нужный для нас товар, то вряд ли нужно и целесообразно, чтобы ЛСПО получал этот товар для

продажи нашим ленинградским рабочим не непосредственно с завода, а из базы и этим самым обязательно увеличивал накладной расход.

Базу-то нужно иметь, но нигде не написано, что каждый товар обязательно должен проходить через эту базу и нигде не написано, что каждый товар должен проходить минимум такое-то количество звеньев, такое-то количество этажей.

СУРОВО ПРЕСЛЕДОВАТЬ ПРЕСТУПНО-БЛАГОДУШНОЕ ОТНОШЕНИЕ К РАСТРАТАМ И ВОРОВСТВУ

Мы должны всячески снизить накладные расходы в работе нашего торгового аппарата. Для того чтобы всем было понятно, какими цифрами выражаются эти накладные расходы, я приведу один пример. Подсчитано, что 1% лишних накладных расходов к обороту по всей системе Центросоюза равен сумме не более и не менее как 250 млн. рублей.

Если бы я вам не привел этой цифры, то, я уверен, многие из вас сказали бы: «Ну, что такое 1%, пустяки, пускай кооперация его возьмет, ничего от этого не изменится». Нет, товарищи, оказывается, очень крепко изменится, изменится в сторону 250 млн. советских рублей. Таким образом все эти на первый взгляд «мелочи», «пустяки», все эти маленькие проценты в действительности, принимая во внимание колоссальное хозяйство нашей страны, составляют громадные суммы.

Советское правительство издало недавно декрет об охране нашей священной социалистической собственности. Этот декрет имеет громадное значение в первую голову для наших торговых организаций. Злоупотребления и хищения в торгово-кооперативном аппарате за последнее время приняли крупные размеры. Мы имеем ряд хищений не только из наших складов и магазинов общей сети, но и в наших заводских ЗРК, где, казалось бы, должен быть лучше налажен контроль, где рабочая общественность должна была бы сделать невозможными какие бы то ни было хищения или злоупотребления.

Между тем, на практике вместо самой решительной, самой беспощадной борьбы с расхитителями народного

достояния мы зачастую имеем недопустимо благодушное, я сказал бы — преступно-благодушное отношение к растратам и воровству.

У нас до сих пор, оказывается, существует такое положение, что если человек украл 15—20 руб., то его не судят, как будто бы 15—20 руб. это не деньги, как будто бы на воровство «по-маленькому» (хотя бы и систематическое) мы можем смотреть сквозь пальцы.

У нас иногда прямое хищение и воровство маскируются за таким «культурным» термином, как «недостача». Например, на Балтийском заводе имеется «недостача» в 70 тыс. руб. То ли испортилось, то ли украли — никто не знает, куда товары делись. Но вместо того, чтобы вывести виновников на чистую воду, руководители ЗРК Балтийского завода из 70 тыс. руб. недостачи 30 тыс. руб. списали. Получилось по поговорке «что с возу упало, то пропало». Такое положение дальше терпеть нельзя.

СОЗДАДИМ ЦЕЛЮЮ СЕТЬ ЗАВОДСКИХ ПОДСОБНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Пленум ЦК указал, каким громадным источником дополнительных ресурсов для улучшения рабочего снабжения должно явиться развертывание сети *подсобных сельскохозяйственных предприятий* при фабриках и заводах: организация свиноводов, коровников, крольчатников, огородов, птичьих хозяйств, рыбных артелей и пр. Мы сейчас усиленно нажимаем на эту задачу; но все же дело создания собственной продовольственной базы на предприятиях развивается все еще крайне медленно.

Между тем, у каждого завода и на каждой фабрике имеются большие возможности.

В Москве имеется завод «Серп и молот», который действительно может служить образцом создания собственной продовольственной базы на предприятиях.

Этот завод создал вокруг себя целую сеть подсобных сельскохозяйственных предприятий и в том числе свиновод на 600 голов свиней. Само собой понятно, что питание на этом заводе поставлено значительно лучше, чем на других московских заводах.

За последнее время это дело начинает продвигаться вперед и на наших ленинградских заводах. Конференции по созданию продовольственных баз на предприятиях, которые прошли недавно на заводах, дали в этом отношении большой толчок. На ряде заводов это дело ставится широко, например, на Ижорском заводе и на «Красной заре» намечен большой план; нужно пожелать, чтобы они этот план выполнили, как обещают, в 1933 г. «Красная заря» намечает в 1933 г. завести свинарник на 600 свиней. Это будет замечательное дело, если это будет выполнено. Я повторяю, планы намечены большие, решения вынесены. Возьмите любую из проведенных конференций, в ее постановлениях вы найдете указания на необходимость разведения сотен свиней, тысяч кроликов, развертывания хозяйства на сотни гектаров земли и т. д.

Но мало записать это на бумаге, за это дело надо драться, надо навалиться на него со всей большевистской напористостью, нужно просмотреть и наметить конкретную программу по каждому пункту и твердо установить лиц, отвечающих за их выполнение. Без этого вся работа и решения наших конференций по созданию продовольственных баз на предприятиях, — а в них принимало участие по Ленинграду несколько десятков тысяч рабочих, — не дадут должных полезных результатов.

Не менее важной задачей является *широкое развертывание самозаготовок*. Мы имеем в Ленинграде ряд заводов, которые своим примером показывают полную возможность организации этого дела. Так, например, на заводе им. Карла Маркса за август закупили в порядке самозаготовок продовольствия на 160 тыс. руб., на заводе им. Марти на 230 тыс. руб., то же самое на Путиловском заводе, на заводе им. Кулакова, на Галошном заводе, на «Электросиле» и др.

Развернул большие заготовки на миллионы рублей и ЛСПО. Однако, товарищи, надо по совести сказать, что все это пока что является лишь началом работы в этом направлении. Мы еще совершенно недостаточно использовали имеющиеся у нас возможности, и если бы дело самозаготовок было везде и всюду тщательно организовано, мы могли бы иметь гораздо лучшие результаты.

Наконец (это является настолько важным моментом, что я хочу его еще раз подчеркнуть) наши организации, занимаясь самозаготовками, часто забывают о качественной стороне работы, они готовы зачастую купить все и по каким угодно ценам, что неизбежно ведет к ажиотажу, нездоровой конкуренции и росту цен.

Недостаточное внимание к качеству нашей работы, увлечение только количественной стороной можно проиллюстрировать и на примере наших пригородных хозяйств. Все вы знаете, что у нас имеется под Ленинградом большое количество пригородных огородных хозяйств как в системе ЛСПО и Нарпита, так и огородов, прикрепленных к нашим фабрикам и заводам. Однако вряд ли многие из вас интересовались качественными показателями их работы. Между тем, эти показатели говорят об очень любопытных вещах. Имеется совхоз им. Выборгского райсовета, который собирает в этом году овощей на круг $15\frac{1}{2}$ т с десятины, а фабрика «Пятилетка», тоже в Выборгском районе, не так далеко от них, собирает только 7 т с десятины. Оказывается, что там, где внимания уделяют этому делу больше, там и результаты получаются соответственно лучше. Это у нас, в Ленинграде. А если взять область, то там имеются такие образцы, как например, Алюминиевый комбинат на Званке, который за последнее время добился такого положения, что к тому количеству продуктов, которое он получает в порядке общего снабжения, он добавляет 50% продукции от своих огородов и прочих подсобных предприятий.

Я думаю, что нам нужно дело поставить так, чтобы каждый директор завода и фабрики, каждый секретарь партийного коллектива, председатель завкома, отчитываясь о работе, отчитываясь о выполнении производственной программы, мог наравне с производственными показателями выполнения промфинплана четко рассказать, как у них поставлено дело развертывания всех вспомогательных источников снабжения наших рабочих. Надо этого добиться во что бы то ни стало. Надо сделать так, чтобы и сам директор и специально выделенное на заводе ответственное лицо повседневно заботились о развертывании самозаготовок, свиноводов, крольчатников и т. д., так как развертывание этой работы является одним из

важнейших условий, обеспечивающих выполнение промфинплана. Этого же надо требовать от наших партийных секретарей.

Об этом должны позаботиться и председатели заводских комитетов.

Между тем, до сих пор этому делу, делу создания собственной продовольственной базы на предприятиях, делу широкого развертывания самозаготовок уделяется со стороны подавляющей части наших организаций совершенно недостаточное внимание.

Возьмите, например, такой завод, как завод им. Сталина на Выборгской стороне. Прекрасный завод, неплохо оборудованный, имеет программу исключительно ответственной важности, хотя, к сожалению, не выполняет ее.

Как там обстоит дело с разведением свиней?

До последнего времени свиней вовсе не было. Теперь, оказывается, получили обратно 250 штук от системы общественного питания.

Быть может и правильно, что свиней отдали обратно заводу? Но что прибавилось от этой передачи в Ленинграде?

Ничего не прибавилось, 250 свиней было в общественном питании, а теперь эти же 250 на заводе им. Сталина. Ни одной свиньи в Ленинграде от этой перемены владельцев пока не прибавилось. А между тем важнейшая и хозяйственная и политическая задача заключается в том, чтобы всемерно увеличить наши ресурсы и сделать это в кратчайший срок.

ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРОЛЕТАРСКИЙ КОНТРОЛЬ В КАЖДОЙ КООПЕРАТИВНОЙ ЛАВКЕ

В выполнении решений пленума о развертывании советской торговли важнейшая роль принадлежит мобилизации вокруг этого дела всей нашей партийной, советской и профессиональной общественности. Между тем, надо прямо сказать, что участие партийной, профсоюзной и советской общественности в деле улучшения работы кооперации и государственной торговли, в деле создания наших крольчатников, свинарников и пр. оставляет желать очень много лучшего.

Мы сурово и справедливо наказываем всех расхитителей общественного достояния, нашей социалистической собственности.

Но мы обычно мало или вовсе не интересуемся вопросом о том, что сделали местные партийные и общественные организации для предотвращения возможности хищения, как был налажен рабочий контроль, кто должен был систематически проверять и сигнализировать о всех случаях хищений и выполнил ли он свою задачу.

Мы имеем контрольные бригады, которые по положению должны бывать во всех кооперативных лавках, во всей торговой сети и там осуществлять пролетарский общественный контроль, по-революционному его осуществлять. Наша РКИ произвела проверку, обследовала около сотни магазинов и только в одном нашла бригаду, этот общественный глаз, а в остальных хоть шаром покати.

Если так дело будет поставлено, то никакого контроля не будет. Между тем, там, где кооперативная общественность работает, там дело неплохо поставлено.

Развитие советской торговли на данном этапе является вопросом большой политической важности.

Советская торговля имеет громадное значение в нашей социалистической стройке. Партия наметила безусловно правильный, единственно правильный путь, идя по которому мы несомненно сможем гораздо полнее удовлетворить потребность рабочих и трудящихся крестьян.

По-большевистски осуществляя директивы партии, мы сумеем добиться прочного улучшения снабжения рабочих и успешно бороться с недостатками и неполадками в нашем торговом аппарате. Для этого необходимо, чтобы не только наши кооперативные организации, не только наша государственная торговля, но и все наши партийные, хозяйственные и профсоюзные организации непосредственно включались в эту работу. Без этого условия мы, товарищи, этой задачи не поднимем, этого вопроса не разрешим.

Решения, которые пленум ЦК ВКП(б) вынес, должны быть выполнены нами во что бы то ни стало. На выполнение их должны быть мобилизованы все силы партийной, советской и профсоюзной общественности. Надо

продолжать систематически улучшать всю систему торговли — и кооперативной, и государственной. Надо использовать все возможности к дальнейшему расширению колхозной торговли. Надо усилить всемерно борьбу с расточительством, спекуляцией, борьбу с частником. Надо решительным революционным образом сократить длинный и сложный путь прохождения наших товаров к потребителю. Надо у нас, в Ленинграде, в ближайшее же время добиться того, чтобы при каждой фабрике, при каждом заводе была обязательно организована целая сеть своих подсобных сельскохозяйственных предприятий.

Громадное значение в деле укрепления кооперативной торговли не только в городе, но особенно в деревне имеет постановка дела в той первичной маленькой единице, которая называется сельским потребительским обществом. Это первичное низовое звено, которое непосредственно соприкасается с каждым колхозником и единоличником.

ВЫДЕРЖАННЫЕ ПАРТИЙНЫЕ КАДРЫ — ВО ВСЕ ЗВЕНЬЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛИ

Нужно добиться решительного укрепления этого участка нашей работы, с которым сейчас и по всему Союзу, а я бы сказал — в нашей Ленинградской области в особенности, дело обстоит неудовлетворительно. Надо обратить также самое пристальное внимание на укрепление финансовой стороны нашей кооперативной системы.

Наконец, товарищи, последний и один из важнейших выводов, который мы должны сделать, таков: нам необходимо решительно укрепить всю систему государственной и кооперативной торговли выдержанными партийными кадрами. У многих наших товарищей до сих пор существует совершенно недопустимое пренебрежительное отношение к работе в торгово-кооперативных организациях. Некоторые товарищи до сих пор рассматривают работников склада, прилавка, работников подсобных сельскохозяйственных предприятий как каких-то трудящихся «второго сорта». У нас до сих пор бывает подчас своеобразное мнение, что раз в торгово-кооперативном аппарате имеют место хищения, значит, каждого работающего там надо взять под подозрение. Рассуждающие так забы-

вают, что и на наших фабриках и заводах подчас семья не без уroda, особенно сейчас, когда туда влилось большое количество новых кадров из деревни. И там мы встречаем факты рвачества, хищений, факты, когда отдельные рабочие проявляют больше заботы о собственном благополучии, нежели о выполнении производственной программы.

Но отсюда мы никаких обобщающих выводов не делаем. И точно так же мы не можем, не имеем права делать никаких обобщающих огульных выводов в отношении товарищей, работающих за прилавком, подавляющее большинство которых честно выполняет возложенное на них партией и советской властью дело.

Мы должны усилить партийно-массовую воспитательную работу среди работников прилавка и подобрать на работу в этом аппарате (не только на собственно торговую работу, но и на партийную и профессиональную работу среди работников прилавка) настоящих революционеров-большевиков, людей с инициативой, с энергией, лучших, выдержанных партийцев. Это дело уже не раз записано в наших решениях, и сейчас надо от записи перейти к реализации, так как без этого мы настоящей советской торговли не поставим.

Вызвать к жизни новые массы товаров, это не так легко. Для этого надо быть хорошим организатором, надо овладеть техникой этого дела, удовлетворить спрос, суметь по-настоящему подобрать соответствующий ассортимент товаров, забраковать плохой товар, вовремя потребовать со склада и т. п. и т. д. Для этого нужны умелые, инициативные, преданные, честные люди. И вот этих преданных и честных людей-коммунистов мы обязаны дать на торгово-кооперативную работу во что бы то ни стало. Возьмем и такую вещь, как самозаготовки. Это дело требует большого понимания и ответственности. Сейчас нам приходится посылать людей в разные районы и области нашего Союза для заготовки картошки, и вот иной раз оказывается, что гораздо легче послать человека, скажем, на Северный полюс, чем заставить его заготавливать картошку. Какой-нибудь крупный советский или другой работник иногда даже «обижается», когда надо ехать на заготовку картошки. «Помилуйте, ведь на мне лежат

большие задачи, а я вот должен ехать картошку готовить, пустяки какие».

Эти люди, поросшие бюрократической коростой, не понимают того, что для каждого большевика улучшение снабжения рабочих — ответственнейшая и почетная задача.

Надо самым решительным и резким образом изменить отношение к основной массе торгово-кооперативных работников, взять их под непосредственное партийное воспитание, под непосредственную партийную заботу, потому что от них зависит очень и очень многое в улучшении рабочего снабжения.

ПОКОНЧИТЬ С «ИНДУСТРИАЛЬНЫМ ЧВАНСТВОМ», ДОБИТЬСЯ ПЕРЕЛОМА В ПРОИЗВОДСТВЕ ШИРПОТРЕБА

Для развертывания нашей советской торговли громадное значение имеет производство предметов ширпотреба. Решения нашей партии по этому вопросу вам известны. Надо сказать, что нынешнее состояние наших фабрик и заводов дает все возможности к тому, чтобы развернуть работу по производству предметов ширпотреба в неизмеримо более крупных размерах, чем мы это делали до сих пор.

Между тем до сих пор план производства предметов ширпотреба выполняется неудовлетворительно.

Легкая промышленность, которая является основным поставщиком предметов ширпотреба, выполнила 8-месячное задание по выпуску ширпотреба по всему Союзу на 88,4 %. Промкооперация в первом полугодии выполнила свой план выпуска на 93,3 %. Ленинградская легкая промышленность 8-месячное задание выполнила на 85 %.

По всем отраслям ленинградской промышленности 8-месячная программа ширпотреба выполнена на 85,1 %. Государственная промышленность выполнила программу на 85,2 %, промкооперация — на 84,6 %. Августовская программа выпуска ширпотреба выполнена ленинградской легкой промышленностью на 71,5 %, по тяжелой промышленности — на 62,7 % и по промкооперации — на 75,5 %. Сентябрьское задание по выпуску ширпотреба тяжелой промышленностью выполнено всего лишь на 68,8 %.

Нужно ли вам еще раз доказывать всю важность, всю необходимость развертывания производства предметов широкого потребления?

Ленинградская промышленность, приступившая к выполнению директив ЦК по ширпотребу, достигла некоторых успехов, однако эти успехи крайне незначительны.

Я должен сказать, товарищи, что на некоторых заводах в части производства предметов ширпотреба буквально стоит нам поперек дороги наше «высокоиндустриальное» чванство. Есть товарищи, которые считают несовместимым со своим «достоинством» руководителя крупного предприятия, оборудованного по последнему слову техники, делать какие-то там сковородки или кастрюли.

Нам понадобилось большое количество времени, пока мы на этих предприятиях несколько раскачали и директоров заводов, и наши партийные коллективы, и наши заводские комитеты. И если вы зададите мне вопрос: а сейчас — раскачали или не раскачали, то я лично думаю, что качнули, но еще как следует не раскачали. На бумаге как будто бы есть, в резолюциях тоже записано, в планах намечено подходяще, ассортимент как будто бы более или менее проработан, но фактически дело идет туго, в ряде мест даже больше чем туго. Так, показать кое-что — это выходит, выставку организуют, даже в газетах напишут, а с действительно массовым развертыванием производства предметов ширпотреба дело обстоит на ряде заводов из рук воп плохо.

Возможности, которые имеют наши предприятия в деле производства предметов ширпотреба, исключительно велики. Если мы используем их так, как надо, как подобает большевикам, мы сумеем дать гораздо больше, чем даем сейчас, как по линии нашей промышленности, так и по линии промкооперации.

Я должен предупредить, что на IV квартал нами намечена очень напряженная программа, особенно по легкой промышленности, и для выполнения этой программы — а ее надо выполнить во что бы то ни стало — нам надо по-большевистски мобилизовать все свои силы.

Были ли у нас возможности выполнить программу по ширпотребу или нет? Безусловно были. Я не имею

времени подробно останавливаться на отдельных заводах, но я хочу обратить ваше внимание на такие факты, когда рабочие, видя бездеятельность в деле постановки производства предметов широкого потребления со стороны руководителей заводов, сами, в порядке инициативы, брались за это дело и старались его сдвинуть с мертвой точки тем или иным способом. Мы еще до сих пор часто больше занимаемся дискуссиями по этому вопросу, все еще думаем, подойдет ли ассортимент наших изделий, вместо того чтобы действительно широко развернуть массовое производство и поднять качество изделий.

Начинаем делать утюги и думаем: «Там делают утюги, я делаю утюги, как бы не сделать слишком много». Проверяют друг друга, а в конце концов не удается сделать ни одного утюга только потому, что боятся сделать слишком много.

В этом отношении нужно проявить большую смелость и делать больше. Когда нужно будет переключиться на другой ассортимент, то мы сумеем это сделать, а самое основное сейчас — взяться как следует за немедленное массовое производство предметов широкого потребления. Я уже вам приводил слова т. Сталина на XVI съезде, что новое в развитии нашей промышленности состоит сейчас в том, что мы имеем теперь возможность двигать вперед ускоренными темпами и тяжелую и легкую индустрию.

Поэтому развертывание легкой промышленности представляет теперь чрезвычайно ответственную хозяйственно-политическую задачу.

Я знаю, товарищи, что мне могут сказать, что на ряде заводов сделано по вопросу ширпотреба порядочно. Это верно. Но в порядке самокритики скажу, что ни один человек в Ленинграде не знает точно, как и сколько сделано.

Организованного, точного, правильного учета производства предметов широкого потребления мы не имеем, на это дело сплошь и рядом смотрим сквозь пальцы: «подумаешь, одним утюгом больше, одним меньше — не о чем хлопотать». Это неверно, потому что сейчас каждый предмет широкого потребления важен и нужен для нашей стройки.

Необходимо добиться настоящего и решающего перелома в деле развертывания производства предметов широкого потребления; это — дело каждой хозяйственной, партийной и профсоюзной организации в любом тресте, объединении, на любой фабрике и заводе.

Надо, как это записано в решении ЦК, установить персональную ответственность за программу; на каждом заводе должен быть человек, может быть, помощник директора, может быть, сам директор, который должен непосредственно персонально отвечать за выполнение программы в области производства предметов широкого потребления. Надо обеспечить эту программу необходимым сырьем, широко использовать отходы, остатки, более смело внедрять замену одного сырья другим видом, суррогатом и т. д.

Нам необходимо решительно поднять и качество предметов широкого потребления. У нас очень много говорят относительно цены, о количестве, ведут дискуссию по этому вопросу, а относительно качества часто забывают, дело доходит в отдельных случаях буквально до безобразия, за которое нужно сурово наказывать, не допуская выпуска подобных предметов на рынок в качестве ширпотреба.

Особо ответственная роль лежит на нашей легкой промышленности, в частности на нашей текстильной промышленности.

Мы по текстилю на IV квартал получаем очень серьезную программу, и для выполнения ее надо всячески помочь работникам текстильных предприятий.

В решениях пленума ЦК записан ряд конкретных пунктов об усилении оборудования наших текстильных фабрик, об улучшении культурно-бытового обслуживания наших текстильщиков. Есть специальное решение о повышении заработной платы текстилей. Отпущены средства, которые необходимо подбросить текстилям для организации свиначников, крольчатников и прочих предприятий, улучшающих снабжение рабочих и работниц.

ЦК нашей партии, повторяю, делает все к тому, чтобы в этом отношении помочь текстилям. Обязанность их — выполнить во что бы то ни стало задание, которое поставлено перед ними на IV квартал.

Если мы сумеем вокруг ширпотреба по-настоящему мобилизовать общественность и если вокруг этого дела мы мобилизуем нашу печать, которая заведет повседневные сводки, изо дня в день будет показывать опыт передовых заводов и подтягивать отстающие, — мы справимся с теми заданиями, которые ставит перед нами ЦК нашей партии.

ДЕЛО ПОДНЯТИЯ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ — ДЕЛО ВСЕЙ ПАРТИИ, ВСЕГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Я говорил и хочу еще раз напомнить, что разрешение вопросов успешного развертывания советской торговли и всемерного усиления производства предметов ширпотреба непосредственно зависит от состояния и от дальнейших успехов нашей тяжелой промышленности. В деле развертывания тяжелой индустрии и технической реконструкции всего народного хозяйства центральное место занимает черная металлургия. Наша партия добилась огромных успехов в борьбе за чугун. За 8 месяцев 1932 г. продукция черной металлургии по сравнению с соответствующим периодом 1931 г. выросла на 22 %, а по чугуну — на 28 %. Вы знаете, что мы за этот год пустили в ход ряд новых заводов — Кузнецкстрой, Магнитострой, равных которым не знает Европа. Кроме того мы капитально реставрировали 8 старых доменных печей.

Колоссальные достижения мы имеем в деле обновления воздухоплавного хозяйства, имеющего исключительное значение в черной металлургии. Это надо особенно подчеркнуть, потому что в деле обновления воздухоплавного хозяйства ленинградские заводы имеют особое значение. На более совершенные в техническом отношении рельсы поставлено коксовое дело. В процессе стройки находится несколько десятков мартеновских печей. Мы сумели в этом году поставить производство качественных сталей, которые до самого последнего времени ввозили из-за границы, затрачивая на это дело огромное количество валюты. Все это, товарищи, наши достижения. Но наряду с этим надо сказать, что программа, которую мы наметили на 1932 г. по черной металлургии, недовыполняется. Было запроектировано выплавить в 1932 г. 9 млн. т чу-

гуна, мы же идем на уровне приблизительно 6 млн. т. Не выполняется также план и по выпуску проката и стали.

Это значит, что при всех успехах черная металлургия все еще не стоит на высоте требований, предъявляемых к ней ростом народного хозяйства.

Оказалось, что мы с громадным напором, с большим энтузиазмом занялись стройкой наших новых металлургических гигантов. И не зря удивляются иностранцы, видя, как мы в такие короткие сроки пустили (частично) Магнитогорск и Кузнецкстрой. Однако, товарищи, построить металлургический гигант, несмотря на все трудности, все же легче, чем наладить правильно его эксплуатацию.

Если взять, предположим, доменное производство, то печь, которая должна давать колоссальное количество металла в сутки, требует к себе исключительного внимания, которого может быть не потребует никакой другой агрегат.

Можно сказать, что доменное производство — это в буквальном смысле слова живой организм, и весь механизм обслуживания домны должен работать четко, как часы, — день и ночь. Каждая минута должна быть на учете и в каждую минуту надо знать, как работает этот самый организм. Все доменное производство упирается в такую точность работы, к которой мы еще не привыкли. Мы сумели добиться небывалой точности работы в наших инструментальных цехах, на это у нас есть кадры и выдержка, но наладить должным образом работу на таких агрегатах, как домна, мы еще не сумели.

Если вы следите за сводками по добыче чугуна и стали, вы видите, что цифры в этих сводках колеблются. Если вы возьмете отдельную домну, то, как правило, домна все время переживает лихорадочный период. Добыча никогда не идет по прямой линии, а всегда зигзагами. А это значит, что дело эксплуатации домны, руководство этой работой не удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляет такой сложный агрегат.

Надо далее сказать и то, что, бросив все свои силы, сосредоточив все свое внимание на вновь строящихся

домнах, мы несколько ослабили внимание к эксплуатации старых доменных печей, и эти старые домны в ряде мест стали отставать.

Центральный Комитет партии признал руководство органов, отвечающих за черную металлургию, не вполне удовлетворительным, а иногда совершенно неудовлетворительным.

Центральный Комитет указал, что дело поднятия черной металлургии — это дело не только тех рабочих, которые заняты непосредственно в этой отрасли промышленности, а дело всей нашей партии, всего рабочего класса. Это указание ЦК, товарищи, имеет особое значение для Ленинграда, и не случайно в решениях Центрального Комитета конкретно записано, что в деле стройки новых домен и переустройства старых целый ряд ответственных задач ложится на ленинградскую промышленность и в первую очередь на «Котлотурбину». Едва ли у нас в Ленинграде есть хоть один большой машиностроительный завод, который не имел бы заказов черной металлургии. Надо понять, что своевременное, точное выполнение этих заказов имеет огромное значение для нашей черной металлургии.

Мы должны в ближайшее время во что бы то ни стало добиться перелома в работе черной металлургии, и мы добьемся перелома потому, что, несмотря на недовыполнение программы, о котором я говорил, основной капитал черной металлургии огромен. Мы почти из месяца в месяц включаем и будем включать все новые домны, мы из месяца в месяц будем включать все новые мартены, мы из месяца в месяц будем иметь все больший и больший подъем выпуска чугуна, стали и проката.

Задачу ускорения подъема черной металлургии, повторяю, надо разрешить во что бы то ни стало, потому что потребность в металле, особенно в связи с пуском новых гигантов, возрастает не по дням, а по часам.

Такие вновь поставленные нами производства, как автотракторное, авиационное и др., предъявляют огромный спрос не только просто на металл, но особенно на качественный металл. В выработке такого металла, как я уже указывал, мы добились больших успехов.

В 1932 г. Наркомат тяжелой промышленности уже сделал 530 тыс. т высокосортной стали, чего никогда не было и что мы всегда получали из-за границы.

Большие и ответственные задачи в этой отрасли стоят перед промышленностью и научно-исследовательскими институтами Ленинграда, так как, располагая громадными техническими кадрами, огромным опытом, квалифицированными рабочими, они в этом отношении могут сделать многое.

Решения пленума дают основу для скорейшей ликвидации прорыва в черной металлургии, для успешной борьбы за дальнейшее ее укрепление и развитие.

ВЫТРАВИМ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ, ОБЕСПЕЧИМ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ТЕМПЫ НА ВСЕХ УЧАСТКАХ РАБОТЫ

В заключение — несколько итогов. Те вопросы, которые мы рассматривали на последнем пленуме ЦК нашей партии, еще раз подтвердили, что наш народнохозяйственный план четвертого, завершающего года пятилетки и в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области советской торговли является планом безусловно реальным, безусловно выполнимым. Доказательством служит целый ряд отраслей, которые пятилетку уже закончили и которые к XV годовщине Октября придут с громадными достижениями, с выполнением пятилетки на протяжении меньше четырех лет. В ряде отраслей мы имеем известное отставание от принятых планов, но это отставание объясняется нашим неумением правильно организовать работу и руководство, нашей недостаточной мобилизованностью вокруг разрешения поставленных задач. Объективно мы имеем все условия для того, чтобы и эти отрасли целиком и полностью выполнили стоящие перед ними задания.

Мы заканчиваем четвертый год пятилетки и вступаем во вторую пятилетку. Мы переживаем чрезвычайно важный и чрезвычайно ответственный период. Последний квартал четвертого, завершающего года пятилетки нам надо использовать всемерно, для того чтобы как можно лучше организовать для решения задач второй

пятилетки. Я знаю, да и вы все знаете, что планы, которые мы берем, напряженные, но ведь иначе и быть не может, потому что мы решаем величайшие всемирно-исторического значения задачи, и без напряжения, без большевистской мобилизации всех сил нам этих задач не решить. Нам история дала очень небольшой промежуток времени, и за этот короткий промежуток мы должны догнать и перегнать страны, которые достигли их современного технического уровня на протяжении столетий.

Это мы можем сделать только при величайшем напряжении.

Поэтому и первый год пятилетки запроектирован нами так, что он от каждого из нас потребует максимального напряжения сил, воли и энергии.

Мне, товарищи, кажется, что никогда в нашей стране не было таких благоприятных объективных возможностей для нашей социалистической стройки, как сейчас. Мы создали базу нашего дальнейшего развития в виде социалистической тяжелой индустрии, мы с каждым годом все больше и больше освобождаемся от иностранной зависимости, мы подвели прочную машинную базу под наше сельское хозяйство, прочную сырьевую базу под нашу легкую промышленность. Достаточно сказать, что мы за 15 лет в три раза расширили по сравнению с дореволюционным временем площади посевов технических культур.

Генеральная линия партии, проверенная опытом победоносной борьбы и строительства, служит основой и залогом новых побед в строительстве социализма.

При наличии указанных благоприятных объективных возможностей основным, главным и решающим вопросом во всех отраслях нашей работы в настоящий момент стал вопрос *правильной организации работы и руководства*. Мы так и записали, в частности, по части черной металлургии.

Основное, в силу чего там программа не выполнена, лежит в неудовлетворительной постановке повседневного практического руководства. И это относится не только к промышленности, но и к сельскому хозяйству, решительно ко всем отраслям нашей работы.

Мы должны целиком и полностью вытравить из нашей практики методы формального, бюрократического руководства, мы должны объявить самую решительную борьбу бюрократизму во всех его проявлениях. В этой борьбе мы должны учесть, что бюрократизм принимает у нас подчас сложные и самые разнообразные формы. Возьмем ли мы рабочее снабжение, возьмем ли мы выполнение программы промышленности, возьмем ли мы какую-либо другую область нашей работы — мы везде можем встретить отдельные проявления самого черствого, самого бездушного бюрократизма, который надо вырвать с корнем. Одной из самых злостных и вредных форм бюрократизма является попытка прикрыть свою бездеятельность, свое неумение работать, свой отрыв от жизни, от гущи рабочих масс напускным «олимпийским» спокойствием.

Если на том или ином заводе, в том или ином месте или районе, предположим, хлеба рабочим вовремя не выдали, такой бюрократ не проявляет никакого беспокойства. Он говорит: «Что вы беспокоитесь, что тут особенного, ничего страшного не произошло, просто маленький недочет работы аппарата». Когда программа не выполняется или когда она выполнена на 60 %, бюрократ отвечает: «Что вы ударяетесь в панику?» Он спокоен, 60 % так 60 %. Вот такая психология непоколебимого «олимпийского», на деле бездушного спокойствия имеет место в отдельных звеньях нашей работы, тормозит нашу социалистическую стройку и препятствует налаживанию конкретного руководства.

Партия выдвинула в качестве важнейшей задачи — добиться конкретного, непосредственного руководства на всех участках нашей работы. Я думаю, что мы не один раз голосовали за это конкретное руководство, а спросите-ка самих себя «с пристрастием», как мы, актив, на практике изо дня в день осуществляем руководство? Приведу характерный пример: приехал на фабрику один товарищ, специалист по текстильной промышленности, повел его директор по фабрике, ходили, ходили, и потом вдруг этот хозяйственник не может найти дорогу, — не выйти с территории фабрики. Казалось бы, у этого хозяйственника 20 «родимчиков» должны были случиться

из-за того, что он не мог найти двери своей фабрики, а он, наверно, пошел домой, выпил чайку и забыл об этом случае, а завтра он опять пойдет на фабрику и примется «конкретно» руководить. Вот это бюрократическое спокойствие надо нам вытравить, если мы действительно хотим обеспечить большевистские темпы во всей нашей работе.

Мы должны прежде всего вытравить всякие элементы бюрократизма из тех звеньев нашего аппарата, которые занимаются решением такого важнейшего вопроса, как вопрос продовольственного снабжения рабочих. Это громадной важности вопрос, и к сожалению мы на местах не всегда занимаемся им так, как нужно. Возьмите, например, снабжение мясом. ЦК по почину т. Сталина принял целый ряд конкретных мероприятий по улучшению снабжения мясом рабочих важнейших индустриальных центров — Ленинграда, Москвы, Донбасса. Полностью обеспечить их потребности мы сейчас не можем, так как вам известны трудности разрешения животноводческой проблемы.

Однако работа, которую мы провели по улучшению организации снабжения мясом, говорит о том, что мы можем внести существенное улучшение в мясное снабжение рабочих Ленинграда, Москвы, Донбасса, можем поставить это дело лучше, чем было до сих пор, если по-настоящему и вплотную займемся его разрешением. Что выясняется в отношении мяса? Оказывается, что если то количество мяса, которым располагает наша страна, распределить более рационально, то мы можем получить значительно больший эффект, чем имели до сих пор. Мы все знаем, что мяса не хватает, понимаем, что мы не можем снабдить поровну всех, что мы должны выделить основные наиболее ударные, наиболее решающие звенья, и тогда дело пойдет иначе. Все мы это знаем и понимаем, но делали на практике зачастую как раз обратное, и только теперь, после указаний ЦК, начинаем перестраивать эту работу. Уверяю вас, что если бы каждый из нас занимался этим мясным вопросом так, как мы сейчас им занимаемся, мы могли бы сделать больше и гораздо раньше.

Теперьшняя полоса является наиболее ответственной в вопросах рабочего снабжения. Мы переживаем осень,

когда надо обеспечить большие города и картошкой, и овощами, и всем необходимым на зиму. Тут надо очень крепко поднавалиться, очень крепко нажать на эти вопросы, прозаические, повседневные вопросы, из которых, однако, складывается успех всей нашей работы на данном этапе социалистической стройки. Тут надо заставить по-большевистски работать все органы и учреждения, надо втянуть в эту работу всю партийную и советскую общественность. С этой работой не может справиться одна кооперация своими собственными силами. Нужно, чтобы каждый из нас, чтобы вся наша большевистская организация взяла в орбиту своего внимания все вопросы снабжения ленинградских рабочих, и тогда успехи в этом деле будут обеспечены.

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ — НЕСОКРУШИМАЯ СИЛА, ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Товарищи, к XV годовщине Великой Октябрьской революции наша пролетарская страна приходит с громадными победами в деле социалистического строительства. Сейчас, когда победа социализма в нашей стране обеспечена, когда вопрос «кто кого» окончательно решен в пользу социализма не только в городе, но и в деревне, когда Советский Союз является несокрушимой силой, грозной для своих врагов, только явный белогвардеец, враг рабочего класса и враг пролетарской диктатуры, может выступить против генеральной линии партии, против ее ленинского руководства. Было время, когда мы дрались с различными внутрипартийными группировками по вопросам, которые были принципиально ясны и бесспорны для громадного большинства членов нашей партии, но которые казались спорными для той или другой оппозиционной группы. Мы дрались с ними тогда внутри нашей партии, но мы в то же время предупреждали их, что борьба имеет свою логику, что всякая группа, которая будет упорствовать в своей оппозиционной борьбе против генеральной линии партии и ее ЦК, совершенно неизбежно логически скатится в лагерь контрреволюции. Сейчас все вопросы, по которым мы когда-то спорили с «левыми» и правыми оппозиционерами, решены победоносным

строительством социализма в пользу ленинской линии партии.

Рассыпались в прах пророчества контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма: остатки правой и «левой» оппозиции, пытавшиеся сохранить свои политические взгляды, потеряли всякую связь с рабочим классом и за последнее время безудержно скатились в лагерь контрреволюции.

Индустриализация страны сделала колоссальный и решающий шаг вперед.

Мы создали мощную тяжелую индустрию. Решен вопрос о путях развития сельского хозяйства, так как 60% всех крестьянских хозяйств объединены в колхозы. Основные вопросы строительства социализма решены практически волей миллионов трудящихся города и деревни, спорить по ним больше нельзя, победа социализма обеспечена. Поэтому сейчас может быть только такой водораздел — или с партией, с пролетарской диктатурой — или с контрреволюцией; или с рабочим классом в борьбе за мировую коммунистическую революцию — или в рядах буржуазно-помещичьей реакции. Так стоит вопрос на данной стадии и иначе стоять он не может.

15 лет тому назад Великая Октябрьская революция повернула старую буржуазно-помещичью Россию на новый, социалистический путь. К XV годовщине Октября Советский Союз окончательно утвердился на социалистическом пути. И если сейчас, на рубеже второй пятилетки, находятся отдельные кучки бывших оппозиционеров, иной раз даже сохранивших партийные билеты, которые осмеливаются предлагать партии вступить на путь буржуазно-капиталистической реставрации, для чего предлагают свернуть промышленность, отказаться от ликвидации кулачества, как класса, и которые болтают о нерентабельности наших совхозов, — с этими людьми нам спорить больше не о чем. Это враги социализма, это люди, перешедшие в лагерь контрреволюции, это прямые пособники мировой буржуазии. С врагами социализма, с людьми, которые выступают против завоеваний Октября, мы не спорим и спорить не собираемся.

Мы с ними ведем борьбу, как с врагами, окончательно ушедшими на сторону белогвардейцев, в лагерь явных врагов пролетарской диктатуры.

Мы предупреждали в свое время вождей правой и «левой» оппозиции — Зиновьева, Каменева и др., что если они вовремя не остановятся, то придут в лагерь контрреволюции. Мы их предупреждали, что, упорствуя в своих ошибках, они неизбежно скатятся на путь Троцкого — человека, который оказался по ту сторону баррикады, в стане злейших врагов рабочего класса. И теперь каждый может видеть, что мы были совершенно правы, что *чем дальше мы продвигаемся по пути строительства социализма, тем ярче выступает контрреволюционный характер всяких оппозиционных течений.*

В последнее время обанкротившиеся осколки разбитых партий оппозиций, правые и «левые» оппортунисты сомкнулись в объединенную контрреволюционную группу, поставившую себе задачей восстановление буржуазно-капиталистического строя. В этой группе мы находим немало знакомых людей, частью выброшенных из партии, частью посредством двурушничества оставшихся в ее рядах. Эти жалкие банкроты пытались поколебать железную мощь пролетарской диктатуры.

Они встретят сокрушительный отпор партии и рабочего класса, они подписали себе окончательный приговор, они стали политическими мертвецами.

От пленума к пленуму, от съезда к съезду, от конференции к конференции вся наша партия и весь рабочий класс снова и снова на практической работе убеждаются, что единственно правильным, единственно возможным путем строительства социализма в нашей стране был и останется тот путь, который нам завещал Ленин и по которому ведет нас ленинский ЦК во главе с т. Сталиным.

Посмотрите, какая бешеная свистопляска разворачивается во всем капиталистическом мире на основе глубочайшего мирового кризиса, конца которому не видно, который охватил одну за другой капиталистические страны. Этот кризис все больше и больше тянет вниз державшуюся дольше других Францию, которая сейчас стремительнее других погружается в пучину кризиса. В этой обстановке, когда наступил конец гнилой капиталистической

стабилизации, когда противоречия обнажились с небывалой остротой, когда каждая капиталистическая держава выпускает когти против другой, когда буржуазные правительства, партии и политические деятели мечутся в поисках выхода из этого кризиса, на этом фоне еще рельефнее выступает социалистический Советский Союз, единственная страна, которой обеспечен непрерывный мощный хозяйственный подъем.

Трудности у нас есть, трудности у нас еще несомненно будут. Но мы с каждым днем убеждаемся, как успешно на основе указаний партии преодолевает наш рабочий класс эти трудности. Решающим условием, обеспечивающим наши победы и разгром классового врага, являются железная сплоченность, монолитное единство рядов нашей партии.

Наша партия является передовым отрядом мировой революции. Отсюда наше исключительное внимание к дальнейшему укреплению партийных рядов, дальнейшему усилению партийно-массовой работы, к охвату большевистским влиянием партии каждого трудящегося.

Рабочий класс и угнетенные всего мира собирают свои силы для новых и решающих битв под руководством Коминтерна.

Сейчас больше чем когда бы то ни было мы должны помнить слова т. Сталина: «Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он — мой передовой отряд, вот она — моя ударная бригада; вот она — моя рабочая власть, вот оно — мое отечество».

Не сегодня, так завтра все рабочие Европы, Америки, Ближнего и Дальнего Востока окончательно поймут, что наш великий Советский Союз — единственное отечество трудящихся, что это не красивая социальная утопия, подобная тем, о которых когда-то мечтало человечество, а страна, которая на практике, в реальной жизни строит социализм. И вся эта громадная социалистическая стройка, весь этот гигантский организм, поднимающийся на одной шестой части земной суши, именно потому так велик, так крепок, потому представляет собой такую несокрушимую силу для всех наших врат, что вся наша работа, вся наша стройка находится в прочной и совершенно

незыблемой стальной оправе, которая называется нашей великой ленинской Коммунистической партией.

Под знаменем этой партии, под руководством нашего Центрального Комитета мы успешно решали великие исторические вопросы на протяжении 15 лет. Под ленинским знаменем, под испытанным, исторически проверенным руководством ЦК во главе с т. Сталиным и теперь на современном этапе, когда весь старый мир дрожит и разлагается, наша социалистическая стройка еще более быстро, еще более форсированно пойдет вперед к окончательной победе трудящихся во всем мире.

*Печатается по тексту книги:
С. Киров, Ленинградские большевики
между XVI и XVII съездами ВКП(б),
1934, стр. 276—304.*

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫМ НУЖДАМ РАБОЧЕГО, ЕГО СЕМЬИ, ДЕТЕЙ

*Речь на пленуме
Ленинградского городского комитета ВКП(б)
11 июля 1934 г.*

Все три вопроса, обсуждавшиеся на нашем пленуме, между собою тесно связаны. Все они направлены на обслуживание повседневных нужд рабочих, трудящихся, их семей. Мы сейчас успешно справляемся с нашими народнохозяйственными заданиями, справляемся и в области промышленности и в области сельского хозяйства. Наша ленинградская промышленность перевыполнила план полугодия. Но вот когда речь заходит об обслуживании непосредственных нужд рабочего, его семьи и детей, картина получается несколько другая.

Вам здесь уже говорили о том, что мы в последние годы систематически не выполняем плана жилищного строительства, недодаем рабочему жилплощади, недостаточно ремонтируем ту площадь, которую он занимает. И в то же время мы почти систематически выполняем план по промышленности и сельскому хозяйству. Если мы возьмем наши предприятия, постановку ухода за машинами, питание наших фабрик и заводов, то с этим делом мы, несмотря на все трудности, справляемся гораздо лучше, чем со снабжением и питанием рабочих. Конечно, тут многое можно сказать в наше оправдание. До последнего времени мы были заняты подведением основного фундамента социалистической стройки. Было бы неправильно, если бы мы подошли к строительству социализма с потребительской точки зрения. Мы бы проели скудные запасы, оставленные капиталистами, и ничего

не создали бы. Но сейчас, когда мы достигли огромных успехов, это оправдание теряет силу. Сейчас мы можем и должны переключиться со всей силой на борьбу за полное удовлетворение нужд рабочего, его семьи и детей.

Имеем ли мы материальные возможности, чтобы понастоящему подойти к разрешению этой задачи? Да, эти возможности мы имеем. Возьмем, к примеру, жилищное строительство. Не надо быть особым знатоком, чтобы с уверенностью сказать: программу по жилищному строительству выполнить можно. Можем ли мы поднять общественное питание? Несомненно, можем. Имеются у нас, конечно, и все возможности для того, чтобы привести в порядок, отремонтировать наши школы. *Вся беда в том, что мы считаем: есть более ответственные задачи, а эти участки потерпят.*

Посмотрите на наши промышленные гиганты, созданные в последние годы. Они отличаются своей прочностью, фундаментальностью. Видно, что мы строили их, исходя не только из интересов сегодняшнего дня, но и учитывая перспективу, строили не на годы, а на десятилетия. А если вы войдете в рабочий дом, у вас может создаться впечатление, что он построен временно, — сегодня в него въедут, а послезавтра выедут.

Нам все еще кажется, что нет у нас достаточных условий для того, чтобы вопросами жилья, питания, культуры заниматься так же, как мы занимаемся вопросами промышленности и сельского хозяйства. Кончается, например, полугодие. Любой район вам сразу подсчитает, что программа выполнена предприятиями на 101%, что Металлический завод отстал, а Балтийский обогнал и т. д. и т. п. А вот мне ни разу не приходилось слышать, чтобы к концу полугодия какой-нибудь район сообщил о том, что у него школы так-то закончили учебу, у столько-то учащихся хорошие отметки, столько-то учащихся училось неудовлетворительно.

Или возьмем фабрику-кухню, хлебозавод. Пока они строятся, мы их еще держим в поле зрения. Рапортуем о том, что хлебозавод системы Марсакова, например, построен до срока. А слышал ли кто-нибудь, чтобы район отрапортовал о том, что у него на такой-то фабрике-кухне работа поставлена хорошо, стало меньше воровства,

увеличилась калорийность обедов? У нас еще нет вкуса к этим вопросам. Нам все еще кажется, что эти участки нам не по плечу. Вспомните, как выступали на нашем пленуме некоторые работники общественного питания. Ведь если их слушать, может создаться впечатление, что ничего для улучшения общественного питания сделать нельзя, что Советская власть не доросла еще, чтобы всерьез улучшить постановку общественного питания. *Это, конечно, глубочайшее и вредное заблуждение.* Мы имеем полную возможность осуществить все, что намечено партией в области улучшения обслуживания рабочих и трудящихся масс.

Если вы просмотрите стенограмму выступлений по вопросам общественного питания, то увидите, что три четверти из них посвящены ценам на обеды. Конечно, здесь много еще безобразий, — с произвольным повышением цен нужно бороться самым жестоким образом. Но в то же время спросите любого рабочего, и он вам скажет, что центральным вопросом является сейчас вопрос *о качестве* обедов, *о качестве* общественного питания. Нам надо как следует оценить наши возможности, с одной стороны, рост потребностей трудящихся масс — с другой стороны, и мы тогда будем в области удовлетворения запросов трудящихся двигаться вперед гораздо быстрее.

Возьмем ремонт школ. Кто может поверить, что в огромном Ленинграде нельзя отремонтировать какую-нибудь сотню школьных зданий! Многие еще не хотят понять, что сейчас мы далеко не так бедны, как 7—8 лет назад. Нужно посмелее, крепче подходить к удовлетворению бытовых и культурных нужд трудящихся.

Состояние жилищной стройки — это наш позор. Но я все же думаю, что мы располагаем достаточными ресурсами, чтобы выправить создавшееся положение. Программа у нас сравнительно небольшая, и, если навалиться как следует, можно ее одолеть.

Как одну из главных причин невыполнения плана приводят недостаток фондов. А вот наша промышленность выполнила полностью свою полугодовую программу. И нет у нас ни одного предприятия, которое бы снабжалось всем необходимым на 100%. Некоторые предприятия получали лишь 30—40% потребности, а план все-

таки выполнили. Объясняется это тем, что их руководители прошли известную школу, что они умеют преодолевать объективные трудности. А вот те же люди, когда дело идет о жилищном строительстве, работают совсем по-иному, работают не так, как нужно. Если директор завода или фабрики строит цех, он преодолевает и плохое снабжение и недостаток арматуры, железа, кирпича. Но когда дело идет о строительстве жилья или фабрики-кухни, тут у нас быстрее чем в пять лет не выходит. Возьмем фабрику-кухню на «Большевики». При таких темпах, как сейчас, чтобы она была полностью закончена, требуется еще, должно быть, вторая пятилетка. Мне уже приходилось говорить на бюро обкома ВКП(б), и я повторяю сейчас: я не поверю, чтобы у директора какого-либо ленинградского предприятия не было материальных возможностей осилить нынешнюю ограниченную программу жилищного, бытового строительства. Дело все в том, что рабочий где-то живет, где-то ночует, что когда директор приходит отчитываться в хозяйственный орган, у него не спрашивают, как с жилищами для рабочих, а спрашивают, как выполнен тот или иной заказ. Вот и отодвигаются эти вопросы на задний план.

Кое-кто пытался здесь объяснить низкое качество общественного питания тем, что мы кормим больше людей, чем позволяют нам наши фонды. Это разговоры для бедных! Мы используем безобразно то, что мы имеем. Питание рабочих все еще на некоторых предприятиях считается третьестепенным делом. Давно ли уж прошло время, когда директор предприятия не знал дороги к столовой? Спросите сейчас у директора, что представляет собой на его предприятии заведующий столовой. Не всякий ответит. А начальника производственного цеха он знает досконально.

Нам следует и в деле общественного питания руководствоваться указаниями т. Сталина: заняться здесь делом, а не болтовней, не подсчитыванием средних цифр. Есть у нас районные тресты общественного питания. У каждого из них в среднем около 200 столовых. Может ли трест руководить двумястами столовых? Несомненно, может. Надо только, чтобы дело у него было поставлено так, как поставлено на хорошем заводе, где организована

диспетчерская связь, где директор знает, как у него идет работа в каждом цехе, на каждой линии, на каждом конвейере. А сейчас дело в органах общественного питания запущено до того, что там даже нельзя отпустить продуктов на два дня вперед, — хранение не обеспечено. Если так будет продолжаться, никакого улучшения, конечно, не добьешься.

Как у нас поставлен контроль над работой общественного питания? Приходит работник, спрашивает, сколько отпускает столовая мясных блюд в месяц, сколько рыбных, сколько мучных, записывает, уходит и думает, что он изучил дело. А на самом деле он ничего не изучил и ничего не понял. Надо больше говорить с людьми, которые обедают в этой столовой, расспрашивать их о качестве обедов, о ценах, внимательнее прислушиваться к их запросам.

Нужно по-хозяйски распоряжаться фондами, дифференцированно подходить к потребителю. Если ты сидишь в канцелярии, тебе требуется один обед, а если ты состоишь в молотобойцах, — требуется другой. Мы много говорим о калориях. Подсчитали, что в среднем приходится 1100 калорий на обед. Надо вам сказать, товарищи, что калории — дело темное. В лаборатории выходит 1100 калорий, а на деле проверишь, — они куда-то упорхнули. Давайте говорить не столько о калориях, но прежде всего проверять, сколько крупы, сколько мяса положено в обед, тщательнее контролировать — тогда дело пойдет вернее.

Надо покончить и с таким позором, как воровство в столовых. Надо окружить честных работников общественного питания вниманием, перестать считать поваров, официантов и т. д. работниками второго сорта. Ведь любопытная история получается: кто ухаживает, например, за паровой машиной, тот считается ударником, механиком, одной ногой в ИТР стоит. А кто ухаживает за рабочим, кто кормит его, тот считается работником двадцатого ряда.

Нужно по-настоящему поставить дело подготовки кадров общественного питания, создать школу ученичества. И если мы по-хозяйски будем относиться к фондам, если мы будем пополнять эти фонды дополнительными заго-

товками, положим конец воровству, — мы добьемся несомненных успехов.

Наши партийные, хозяйственные и профсоюзные организации еще не переключились как следует на борьбу за общественное питание. Бывает у нас сплошь и рядом так: проливается из термоса пища, и мы не можем никак поправить термос. Печь «миге» можем сделать, а вот термос починить — это у нас не выходит.

Мы растем, у нас в цехах, у станков становится чище, цветники разбиваем, а зайдешь в столовую — порою грязь непролазная. Неужели нельзя поставить дело почище, покультурнее? Если на заводе, к примеру, 12 столовых, то директор навалится на одну столовую, украсит ее цветами, линолеумом, а на вторую, на третью не хватает пороку.

Между тем, хозяйственники должны понять, что от хорошей столовой помимо всего прочего прямая выгода производству. Пройдитесь по Путиловскому заводу. Неплохой завод, и неплохие люди работают. А вот, начиная с 11 часов дня, там непрерывно бродят по заводскому двору люди. Оказывается, это все обедающие, это все обеденный перерыв. Столовых не хватает, и вот сейчас обедает один цех, через час другой, а потом третий — и так все время. Спрашивается: можно ли при таких условиях установить настоящую трудовую дисциплину?

Перехожу к вопросу о школе. В чем ее основной недостаток? В том, что она выпускает ребят недостаточно грамотных, не подготовленных для учебы в высшей школе. Здесь много говорили об иностранных языках. Я за французский язык, и за английский, и за диалектику, и за логику, но давайте сначала сделаем так, чтобы наш учащийся был элементарно грамотным, чтобы он знал свой родной язык, знал так, как говорит об этом Горький.

Особенно плохо обстоит у нас дело, как указывает постановление ЦК, с преподаванием истории и географии. Один из товарищей, выступавших на пленуме, говорил, что у него в районе из 40 преподавателей истории 27 — коммунисты. Но беда-то в том, что историки эти в подавляющем большинстве живут с историей в не совсем добрососедских отношениях. У нас по существу упразднили преподавание истории. Упразднили исторические

факультеты, забраковали старые учебники истории, а новых не написали. Вот и получается: кончил человек педагогический вуз, а кто его учил истории — неизвестно. Можем ли мы претендовать на звание грамотных людей, если мы не знаем истории развития человечества?

А у нас в школе заменили историю обществоведением. Ребята в пятом, шестом классах изучают, — впрочем, у нас в школе по отношению к обществоведению даже такого термина нет «изучают», он заменен термином «прорабатывают» — Маркса, Энгельса, Ленина. «Мы, — говорят они, — проработали Маркса — Энгельса до половины и перешли к Ленину». Это не что иное, как издевательство и над Марксом, и над Энгельсом, и над Лениным.

Спросите у школьника, который «прорабатывает» Маркса, где находится Германия и какие реки в Европе, — он не знает.

Центральный Комитет категорически потребовал, чтобы в школе начали по-настоящему учить истории и географии и чтобы были написаны грамотные, высококачественные учебники.

Нынешний год, говорят, мы закончили с известным успехом, наблюдается повышение знаний, но всего этого еще очень мало. Нужно понять, что *вопрос о школе — это вопрос о нашем дальнейшем движении вперед*. Священная обязанность Советской власти и партии — поднимать школу, давать больше знаний учащимся. Вот почему Центральный Комитет вплотную занимается школой, занимается каждым отдельным учебником. Ведь надо понять, что наши школьники не знают эксплуатации, не знают проклятого прошлого. Надо им рассказать о нашем пути, о нашей борьбе. Путем знаний, учебы, путем овладения наукой они должны дойти до того, до чего мы в отличие от них доходили не только через книжку, но и через тюрьмы, через ссылки, голодовку и эксплуатацию.

Я не склонен умалять значение таких вопросов, как обеспечение школы помещениями, материалами, средствами. Но и эти задачи нам будет легче решить, если мы поймем, какую огромную роль призвана сыграть наша школа.

Нужно установить в школах порядок и дисциплину. Двенадцатилетние ребята разбираются в своих поступках

и могут за них отвечать. Нужно только к ним умело подойти. Нужно регулировать поведение учащихся и вне школы, потому что если ребенок вне школы проводит время на трамвайной «кишке», то и в школе дисциплину установить трудно. Тут многое зависит и от родителей. Если мамаша занимается еще кое-как детьми, то папаша не знает даже порой, кто когда родился, кому сколько лет. У нас бывает так, что ребенок неделями не ходит в школу, а родители узнают об этом лишь через полтора-два месяца. Нужно взять ребят в руки, сделать так, чтобы класс был похож на класс. Решение ЦК о школе, о превращении заведующего школой в директора требует установления порядка и дисциплины в школе.

Если мы говорим о том, что мы открываем новые источники культуры, если мы выступаем знаменосцами великой социалистической культуры, находящейся на такой высоте, которая и не снилась капиталистическим странам, — то надо признать, что вся наша дальнейшая работа в этой области прежде всего упирается в школу. Нужно сделать все, чтобы по-большевистски, по-настоящему выполнить директиву партии о школе.

Вопросы, обсуждавшиеся на нашем пленуме, имеют огромное значение. Каждый рабочий, честно работающий для укрепления Советской власти, имеет право потребовать от нас максимум того, что мы можем сделать для удовлетворения его культурных, бытовых запросов. Каждый ребенок рабочего, трудящегося имеет право потребовать от нас, чтобы мы воспитали из него полноценного, творческого гражданина социалистической страны, который мог бы заменить своего отца и повести дело Ленина вперед еще более мощными, еще более грандиозными темпами. (Бурная овация. Пленум стоя приветствует товарища Кирова.)

Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи, 1939, стр. 643—650.

СОДЕРЖАНИЕ

1912 год

ПРОСТОТА ПРАВОВ. Статья в газете «Терек»	3
--	---

1917 год

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ! Доклад во Владикавказском Совете рабочих и солдатских депутатов 17 (4) ноября 1917 г.	6
Заключительное слово	12

1918 год

ОБЪЕДИНИТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ. Доклад на Народном съезде Терской области в Моздоке 11 февраля (29 января) 1918 г.	15
---	----

Заключительное слово	19
--------------------------------	----

ЗА РЕСПУБЛИКУ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ! Доклад на Народном съезде Терской области в Пятигорске 5 марта (20 февраля) 1918 г.	23
--	----

Заключительное слово	31
--------------------------------	----

НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА. (К событиям на Кавказе) Статья в «Правде» 2 июля 1918 г.	37
--	----

1919 год

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ! Речь на митинге, посвященном провозглашению Венгерской Социалистической Советской Республики, 26 марта 1919 года, Астрахань . . .	43
ПЕРВОЕ МАЯ И КОЛЧАК. Статья в газете «Красный Воин» 1 мая 1919 года, Астрахань	49
В ЦАРСТВЕ ДЕНИКИНА И КОЛЧАКА. Доклад на пленуме Астраханского Горсовета 31 мая 1919 г.	51
ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ЗАЩИЩАТЬ АСТРАХАНСКИЙ КРАЙ! Доклад на пленуме Астраханского Горсовета 17 июня 1919 г. . .	54
КАЖДЫЙ ДЕНЬ И КАЖДЫЙ ЧАС НАШЕЙ БОРЬБЫ ПРИБЛИЖАЕТ МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ. Доклад на Астраханской общегородской конференции РКП (б) о текущем моменте 28 июня 1919 г. . . .	57
МОБИЛИЗОВАТЬ ВСЮ СВОЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВОЛЮ И ЭНЕРГИЮ. Сообщение о военном положении Астраханского края 28 июня 1919 г.	60
ПАРИЦЫН ВЗЯТ БЕЛЫМИ, НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОПЯТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ! Доклад на пленуме Астраханского Горсовета 6 июля 1919 г.	62
УНИЧТОЖИТЬ КОЛЧАКА, СДЕЛАТЬ СИБИРЬ ЧЕСТНОЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНОЙ. Доклад на пленуме Астраханского Горсовета 20 июля 1919 г.	67
ДЕНИКИН НА КАВКАЗЕ. Статья в «Правде» 9 сентября 1919 г. . . .	71
ДВА ГОДА БОРЬБЫ И ПОБЕД. Речь в день второй годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1919 года, Астрахань	76
МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД, МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В СВОИХ РУКАХ. Доклад на IV съезде Советов Астраханской губернии 22 ноября 1919 г.	78
МЫ ЗОВЕМ ВАС, ТОВАРИЩИ ЖЕНЩИНЫ, НА БОРЬБУ ЗА СВЕТЛУЮ БУДУЩНОСТЬ. Доклад на I общегородском делегатском собрании женщин-работниц 4 декабря 1919 года, Астрахань	89

1920 год

НА БОРЬБУ С РАЗРУХОЙ. Речь на объединенном собрании военных и гражданских организаций 22 февраля 1920 года, Астрахань	91
ЗНАМЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — ЗНАМЯ БРАТСТВА ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ. Доклад по текущему моменту на I Общебашкинской партконференции Азербайджанской Коммунистической партии 5 мая 1920 г.	93

1921 год

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ, ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ, ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА. Доклад на Учредительном съезде Советов Горской Советской Социалистической Республики 18 апреля 1921 г.	107
--	------------

Рабоче-крестьянская власть установлена твердо	107
Империалистическая и гражданская войны привели к хозяйственной неурядице и тяжелой нужде	110
Советская власть на путях новой экономической политики победит разруху	113
Советская власть сумеет сурово расправиться с теми, кто попытается пойти против нее	115
Наше внешнее положение упрочилось	117
Нет сейчас такого буржуазного правительства, которое могло бы ходить спокойно, по безопасной дорожке . . .	118
Не упуская ни одной минуты, заботиться об укреплении рабоче-крестьянского государства	123
На пути в царство социализма	125

О ШАРИАТЕ. Речь на Учредительном съезде Советов Горской Советской Социалистической Республики 21 апреля 1921 г.	127
--	------------

МОЛОДАЯ ГОРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЫХОДИТ НА ШИРОКУЮ ТВОРЧЕСКУЮ ДОРОГУ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА. Заключительная речь на Учредительном съезде Советов Горской Советской Социалистической Республики 22 апреля 1921 г.	134
--	------------

О X СЪЕЗДЕ РКП (б) И КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЯХ. Доклад на собрании партийных работников и членов профсоюзов 6 апреля 1921 года, Тбилиси	138
---	------------

Съезд еще раз показал сплоченность ленинской партии	138
Новая экономическая политика создает кровную заинтересованность населения в подъеме хозяйства	140
Мы стремимся установить широкие хозяйственные отношения с буржуазными странами	143
Новый хозяйственный курс ликвидирует возможность повторения кронштадтских событий	146
Наша партия на страже интересов трудящихся всего мира	148

1922 год

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК 30 декабря 1922 г.	150
---	------------

1924 год

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС. Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 г.	153
Провидец пролетарской революции	154
Маркс и Ленин	154
Теоретик и практик	154
Ленин и Восток	155
Империалистическая война и революция	155
Ленин — организатор партии	156
Человек и товарищ	157
Сохраним в партии душу Ильича	157

1925 год

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НАДО ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ОППОЗИЦИОННОГО УГОЛКА. Речь на XIV съезде ВКП (б) 22 декабря 1925 г.	158
---	------------

1926 год

ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ, СПЛОТИВ СВОИ РЯДЫ ВОКРУГ ЛЕНИНСКОГО ЦК, ЗАЙМУТ СНОВА ПОЧЕТНОЕ МЕСТО В ПЕРВЫХ РЯДАХ ВЕЛИКОЙ ВКП. Доклад и заключительное слово на объединенном собрании партколлективов заводов «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат» 12 января 1926 г.	165
Разногласия возникли еще до съезда	165
Предложения оппозиции по организационным вопросам	166
О строительстве социализма в одной стране	168
Ошибки оппозиции в оценке НЭПа, паническая боязнь кулака	172
Ленинградская делегация выступила против ЦК и против всей партии	176
Ленинградская организация с помощью ЦК сумеет ликвидировать ошибки и снова займет почетное место в первых рядах великой ВКП	178
Заключительное слово	180

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМСОМОЛ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ БУДЕТ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ОТСТАИВАТЬ ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА. Доклад и заключительное слово на собрании комсомольского актива Выборгского района 15 января 1926 г.	186
Заключительное слово	205

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ — КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ. Доклад на заседании комбракции съезда председателей уездных, волостных и городских исполкомов 19 января 1926 года, Ленинград	209
Хозяйственные задачи	209
Внешнее положение Советского Союза	214
Укрепление связей с международным пролетариатом . .	216
По каким вопросам спорила оппозиция с партией . .	219
Не за страх, а за совесть выполнять решения съезда . .	228
 ЕДИНСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ — ВАЖНЕЙШИЙ ЗАЛОГ УСПЕХА В ДЕЛЕ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА. Доклад и заключительное слово на IX чрезвычайной партконференции Петроградского района 6 февраля 1926 года, Ленинград	234
Как оппозиция готовила нападение на ЦК	234
Особенности нынешнего периода нашего строительства	238
О строительстве социализма в нашей стране	240
Ошибки оппозиции в вопросе о НЭПе и о крестьянстве	247
Антипартийные маневры оппозиции	251
Ленинградская организация снова со всей партией . .	252
Заключительное слово	253
 ЛЕНИНГРАДСКИЕ КОММУНАРЫ БЫЛИ И ОСТАНУТСЯ ПОДЛИНЫМИ СЫНАМИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ. Вступительная речь на открытии XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской партконференции 10 февраля 1926 г.	260
 РАБОТАТЬ НЕ ПОКЛАДАЯ РУК НАД УКРЕПЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОГО ЕДИНСТВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ. Заключительная речь на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской партконференции 12 февраля 1926 г.	263
 МЫ ВЫШЛИ НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Доклад на торжественном заседании VIII губернского съезда металлистов 19 апреля 1926 года, Ленинград	266
СССР — самое твердое и устойчивое государство в мире	266
Индустриализация страны — основной путь преодоления всех трудностей	268
Почетная роль ленинградской промышленности в деле индустриализации страны	271
За повышение производительности труда и жесткое проведение режима экономии	273
Медленно, но верно назревает революция за рубежом	277

КОМСОМОЛ — АКТИВНЕЙШИЙ УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ. Доклад об итогах апрельского пленума ЦК ВКП(б) на расширенном пленуме Ленинградского губкома ВЛКСМ 12 мая 1926 г.	281
О хозяйственном положении страны	281
Очередная и решающая задача — создание тяжелой индустрии	284
Догнать и перегнать капиталистические страны	283
Реорганизовать промышленность на основе новой техники	288
Мы имеем все необходимое для успешного социалистического строительства	290
Сделать наш государственный и хозяйственный аппарат проще, дешевле, доступнее	295
Роль комсомола на фронте социалистического строительства	302
СТРОИТЬ ЗДАНИЕ СОЦИАЛИЗМА, НЕУСТАННО КРЕПИТЬ ОБОРОНУ СТРАНЫ. Речь на торжественном заседании пленума Ленинградского губисполкома, посвященном проходам красноармейцев и краснофлотцев отпускников 13 сентября 1926 г.	306
Красная Армия знает, за что она борется	306
Четыре задачи отпускника	309
Классовая борьба в капиталистическом мире разгорается	314
Не ставить винтовки в козлы	319
О ПОЛОЖЕНИИ В ПАРТИИ И ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ ГОРОДА ЛЕНИНА. Доклад на собрании звеновых парторганизаторов Московско-Нарского района 17 сентября 1926 г.	322
Наши хозяйственные успехи	322
Социалистические звенья крепнут	327
Оппозиция ведет антипартийную, разлагающую работу	331
Всерьез поставить нашу партийную учебу	335
Поднять партийную дисциплину на должный уровень	337
Развернуть подлинную, большевистскую внутрипартийную демократию	339
Очередные задачи большевиков города Ленина	340
ПАРТИЯ НАЙДЕТ СРЕДСТВА ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ ТРОЦКИЗМА. СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИМ И ПОСТРОИМ. Доклад об итогах XV партконференции на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 9 ноября 1926 г.	344
Решение объединенного пленума ЦК и ЦКК об оппозиции	344

Об англо-русском комитете	347
Хозяйственная политика и профсоюзы	348
О построении социализма в нашей стране	349
Оппозиция настаивает на своих меньшевистских ошибках	354
О путях и методах индустриализации страны	357
XV партконференция о троцкистском блоке	359
Опрокинув сопротивление оппозиции, социализм будем строить и построим	364

1927 год

ПРОЙДЯ ЧЕРЕЗ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ЗА МИНУВШИЙ ГОД, ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ С НОВА Выходят на почетные передовые позиции. Речь на X партконференции Выборгского района 8 января 1927 г.	366
--	-----

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРЕОДОЛЕВ КОЛЕБАНИЯ, ВЫХОДИТ К СВОЕЙ XXIV КОНФЕРЕНЦИИ С СОВЕРШЕННО ТВЕРДЫМИ И ОПРЕДЕЛЕННЫМИ УСПЕХАМИ. Вступительная речь на открытии XXIV Ленинградской губернской партийной конференции 25 января 1927 г.	376
---	-----

ТВЕРДО ВЫПОЛНЯЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ XIV СЪЕЗДА И XV ПАРТ-КОНФЕРЕНЦИИ, ЛЕНИНГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ УВЕРЕННО ИДУТ ВПЕРЕД ПО ПУТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ, ВСЕХ УГНЕТЕННЫХ. Доклад о работе Губкома ВКП (б) 27 января 1927 г.	378
--	-----

В упорной борьбе с оппозицией мы достигли полного ленинского единства	378
Оппозиция продолжает антипартийную борьбу	384
Работа ленинградской промышленности	385
Безработица	388
Наши задачи в области промышленности	389
В деревне укреплять колхозы и совхозы	391
Укреплять социалистический сектор в торговле	393
Борьба за режим экономии и снижение цен	394
Вопросы внутрипартийной работы	397
Партийное просвещение	399
Работа в деревне	403
Задачи профсоюзов	404
Работа среди женщин	406
Печать, добровольные общества. Работа Ленсовета	407
О партийном руководстве комсомолом	409

Проверять выполнение решений, четко организовать всю работу	410
Заключительное слово	413

ВООРУЖЕННЫЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИЕЙ УСПЕШНО ЗАВЕРШИЛИ ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА. Доклад на общегородском собрании пропагандистов 8 октября 1927 года, Ленинград	418
---	-----

Овладеть революционной теорией	418
Уметь сочетать революционную теорию с практикой	420
О значении партийного просвещения на современном этапе	422
Сделать партийную пропаганду действенной, активной	425
Поставить партийное просвещение на уровень новых задач	428
О значении партийного просвещения в деле разоблачения оппозиции	431
Четко разъяснить сущность уклонов от ленинизма у оппозиции	434
Больше внимания рабочему пропагандисту!	439

ОППОЗИЦИОНЕРЫ ПРЕДСТАНУТ ПЕРЕД XV СЪЕЗДОМ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ МЕНЬШЕВИСТСКО-ТРОЦКИСТСКОЙ СУЩНОСТИ. Речь на XII партконференции Василеостровского района 29 октября 1927 года, Ленинград	443
---	-----

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА. Речь на торжественном заседании Ленсовета, посвященном десятилетию Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1927 г.	449
--	-----

КРЕПИТЬ ЕДИНУЮ, КОЛЛЕКТИВНУЮ, ТВЕРДУЮ, КАК СКАЛА, ВЕЛИКУЮ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ. Речь при закрытии I Ленинградской областной конференции ВКП(б) 19 ноября 1927 г.	472
---	-----

ВСЕ, ЧТО ПУТАЕТСЯ ПОД НОГАМИ, ДОЛЖНО БЫТЬ ОСТАВЛЕНО, А НАМ С ВАМИ ДОРОГА ТОЛЬКО ВПЕРЕД И ТОЛЬКО К ПОБЕДАМ. Речь на XV съезде ВКП(б) 5 декабря 1927 г.	477
---	-----

1930 год

ЕДИНСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖНОЙ ОСНОВОЙ ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ. Речь на XVI съезде ВКП(б) 30 июня 1930 г.	489
---	-----

ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЕНИНИЗМА, ЗА РАЗВЕРНУТОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ. Доклад об итогах XVI съезда ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 июля 1930 г.	503
Мировой кризис и обострение капиталистических противоречий	509
Мировой кризис, революционный подъем и задачи Коминтерна	512
Опасность империалистической войны и новой интервенции против СССР	515
Строительство социализма в СССР	518
Наши успехи завоеваны в борьбе с оппортунизмом	521
Подъем сельского хозяйства и его социалистическое преобразование	525
Технические культуры. Проблема животноводства	527
О перестройке нашей работы	531
Профсоюзы повернуть лицом к производству	534
Внутрипартийные вопросы	538
Борьба между растущим социализмом и гибнущим капитализмом	541
 ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ. Доклад об итогах Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 24 декабря 1930 г.	 546
Грандиозные задачи третьего, решающего года	550
Завершим построение фундамента социалистической экономики	552
Решающие звенья третьего года пятилетки	555
Выше качество капитального строительства	556
Животноводческая проблема	560
Транспорт	561
Задачи ленинградской промышленности в решающем году пятилетки	562
Работу снабженческих организаций под усиленный пролетарский контроль	564
Перевыборы Советов	569
О борьбе против правого и «левого» оппортунизма	571
В лагере мирового империализма	576

1931 год

ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Доклад в Ленинградском отделении Комкадемии в январе 1931 г.	581
--	------------

ТРИ БОЕВЫХ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ.*Доклад об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 19 июня 1931 г. . . .*

599

Колхозник — центральная фигура земледелия 600

Предварительные итоги второго большевистского сесса 602

Заканчивая сев, по-боевому готовиться к уборочной кампании 605

За четкий план, за систематическую проверку исполнения 607

Причины отставания железнодорожного транспорта . . . 614

За генеральную реконструкцию транспорта 617

Боевое внимание ближайшим задачам железных дорог 620

Мы подошли и к реконструкции коммунального хозяйства 622

Три очередные задачи 624

Больше гибкости, больше инициативы 627

К новым боям, к новым победам 631

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. *Речь на совещании секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов 29 июня 1931 г.*

634

Гигантские завоевания социализма укрепляют наше международное положение 636

Создадим действительно социалистическое крупное хозяйство 638

Правильная организация труда решает успех дальнейшего колхозного строительства 640

За боевую подготовку к уборочной кампании 644

Мы не можем мириться с прорывом ни на одном из участков работы 645

Ударить по самотеку — вести дело по-настоящему, по-большевистски 647

О «мелочах», на которых должны воспитываться работники 648

Выше качество руководства 649

ОВЛАДЕТЬ НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ, ПЕРЕСТРОИТЬ ВСЮ РАБОТУ В СООТВЕТСТВИИ С НОВОЙ ОБСТАНОВКОЙ. *Доклад об итогах октябрьского пленума ЦК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 4 ноября 1931 г.*

652

Мобилизовать силы, добиться победы на транспорте 654

Работу снабженческих органов — на подлинно большевистские рельсы	657
Организационно-хозяйственное укрепление колхозов — центральная задача	660

1932 год

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ, ПРОВЕРЕННАЯ ОПЫТОМ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА, — ОСНОВА И ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ ПОБЕД. Доклад об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП (б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП (б) 8 октября 1932 г.	664
--	-----

Для каждого большевика улучшение снабжения рабочих — ответственнейшая и почетная задача	665
Всю систему советской торговли — на обслуживание рабочих и колхозных масс	666
Ясно видеть особенности современного этапа, беспощадно бить по либерально-буржуазным тенденциям . .	670
Сурово преследовать преступно-благодущное отношение к растратам и воровству	676
Создадим целую сеть заводских подсобных сельскохозяйственных предприятий	677
По-революционному осуществлять пролетарский контроль в каждой кооперативной лавке	680
Выдержанные партийные кадры — во все звенья государственной и кооперативной торговли	682
Покончить с «индустриальным чванством», добиться перелома в производстве и потребности	684
Дело поднятия черной металлургии — дело всей партии, всего рабочего класса	688
Вытравим бюрократическое спокойствие, обеспечим большевистские темпы на всех участках работы	691
Ленинская партия — несокрушимая сила, передовой отряд мировой революции	695

1934 год

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫМ НУЖДАМ РАБОЧЕГО, ЕГО СЕМЬИ, ДЕТЕЙ. Речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП (б) 11 июля 1934 г.	700
--	-----

**С. М. КИРОВ. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
И РЕЧИ**

Редакторы *Л. Г. Барулина и Н. В. Нелидов*

Оформление художника *Н. Н. Симагина.*

Портрет на супер-обложке
гравюра *А. И. Калашникова.*

Ответственные корректоры

А. М. Денисов и Н. М. Сафонова

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*

Сдано в набор 20 октября 1956 г. Подписано
к печати 13 февраля 1957 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Физ. печ. л. $22\frac{1}{2} + 1$ вклейка $\frac{1}{16}$ печ. л.

Условн. печ. л. 37. Уч.-изд. л. 36.

Тираж 100 тыс. Заказ № 1693.

Цена 10 р. 35 к.

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное
управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинский, 26.

1054958.

С. М.
КИРОВ

РОССИЙСКАЯ
4957

